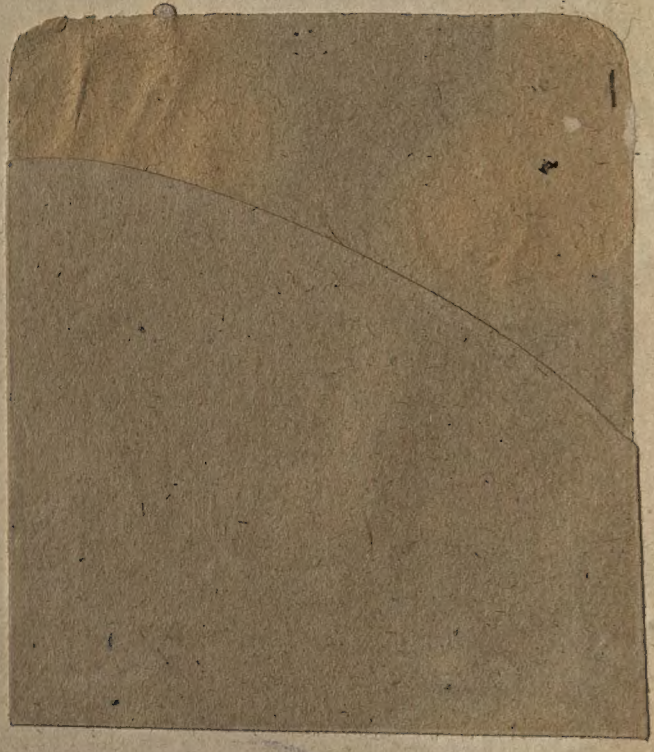

1 экз.
91

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1891.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ИМПЕРАТОРСКАГО

МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

ОТДѢЛЪ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКІЙ.

ВЫПУСКЪ ВОСЕМНАДЦАТЫЙ.

МОСКВА.
Типографія Э. Лисснера и Ю. Романа,
Воздвиженка; Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1891.

ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА

АѲИНСКОЕ ГРАЖДАНСТВО
И
НАРОДНОЕ СОБРАНІЕ.

Валеріана Шеффера.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВА И ДѢЛЕНІЯ ГРАЖДАНЪ ВЪ АѲИНАХЪ.

По постановленію Историко-Филологическаго факультета Императорскаго Московскаго Университета печатать разрѣшается.

Москва, 29-го ноября 1891 года.

Деканъ Историко-Филологическаго факультета *М. Трошкій.*

Πρῶτον μὲν ἤρξω τοῦ λόγου ψευδῶς, ξένε,
Ζητῶν τύραννον ἐνθάδ᾽· οὐ γὰρ ἄρχεται
Ενὸς πρὸς ἀνδρός, ἀλλ᾽ ἐλευθέρα πόλις.
Δῆμος δ᾽ ἀνάσσει διαδοχαῖσιν ἐν μέρει
Ἐνιαυσίαισιν, οὐχὶ τῷ πλούτῳ δίδους
Τὸ πλεῖστον· ἀλλὰ χὠ πένης ἔχων ἴσον.

Eurip. Suppl. 403—8.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Введеніе 1

Глава I. Основы античнаго государства. Понятія *πόλις* и *πολίτης* 27

1. Ограниченность античнаго государства 29
2. Родовой строй античной общины 46
3. Религіозная основа античнаго государства 115
4. Рабство, какъ необходимое условіе античнаго государства 140
5. Отсутствіе свободы въ античномъ государствѣ 166
6. Опредѣленіе понятія гражданина 174

Глава II. Дѣленія аѳинскаго гражданства, родовыя и территоріальныя 189

1. Родовой строй въ Аѳинахъ: роды, фратріи, филы 189
2. Переходъ отъ родоваго принципа къ территоріальному 291
3. Побѣда территоріальнаго принципа надъ родовымъ и реформа Клисѳена. 310
4. Переживанія и остатки родоваго строя 432

ВВЕДЕНІЕ.

Въ 1819 г. вышло сочиненіе Георга Фридриха Шёманна „De comitiis Atheniensium libri III“, въ которомъ этотъ извѣстный знатокъ греческихъ древностей, несмотря на свою юность (это былъ его первый крупный научный трудъ), обнаружилъ вполнѣ тѣ два достоинства, коими отличаются всѣ его произведенія: точное знакомство съ древними текстами, служащими источниками для изученія греческаго права, и тонкое пониманіе не только внѣшнихъ формъ, но и внутренней связи и духа политическихъ учрежденій древней Эллады, коихъ изученію онъ впослѣдствіи посвятилъ всѣ силы своего недюжиннаго таланта. Лучшимъ доказательствомъ цѣнности этого труда ученаго грейфсвальдскаго профессора можетъ служить то обстоятельство, что и до сихъ поръ его книга оставалась незамѣненной никакимъ новѣйшимъ сочиненіемъ: еще послѣдній издатель руководства по греческимъ древностямъ Бузольтъ называетъ его изысканія „grundlegend“[1]).

Дѣйствительно единственныя цѣльныя работы, существующія по данному предмету, именно тѣ главы извѣстныхъ руководствъ Германна и Гильберта, которыя посвящены аѳинскому народному собранію, обогащены, правда, новымъ матеріаломъ, добытымъ изъ надписей преимущественно путемъ изслѣдованія отдѣльныхъ вопросовъ, но никоимъ образомъ помимо своей краткости не могутъ считаться достойнымъ продолженіемъ труда Шёманна. Германну недоставало тонкаго пониманія духа греческихъ учрежденій, коимъ въ такой выдающейся мѣрѣ обладалъ Шёманнъ, и поэтому онъ то вмѣсто системы государственнаго права той или другой эллинской общины давалъ исторію ея внутренней политической жизни, то, приступая къ описанію отдѣльныхъ учрежденій, расплывался въ частностяхъ, не объединенныхъ никакою общею мыслью. Это

[1]) Busolt, Griech. Staatsalterthümer въ Iw. Müller's Handb. d. classisch. Alterthumsw. B. IV, 1, p. 176.

строгое сужденіе оправдывается при первомъ взглядѣ на планъ его руководства, гдѣ общая характеристика греческихъ государственныхъ учрежденій (гл. III) слѣдуетъ за разсмотрѣніемъ строя дорическихъ государствъ, какъ будто послѣднія стоятъ внѣ общеэллинскаго міра, и описаніе политическаго устройства колоній предшествуетъ изученію аѳинской конституціи, какъ будто возможно понять государственный строй этихъ мелкихъ общинъ, о коихъ до насъ дошло двѣ-три случайныя разрозненныя замѣтки, иначе, какъ исходя отъ разсмотрѣнія единственнаго намъ лучше извѣстнаго изъ греческихъ государствъ — Аѳинъ! Планъ этотъ, къ сожалѣнію, удержанъ и въ новѣйшемъ (6-омъ) изданіи этого руководства, выходящемъ подъ редакціей Тумсера[1]), которое такимъ образомъ останется тѣмъ, чѣмъ былъ старый „Германнъ“ — толстой справочной книгой съ массой цѣннаго матеріала, но въ общемъ — rudis indigestaque moles. Что касается Handbuch der griechischen Staatsalterthümer Гильберта, то насчетъ особенно перваго его тома, содержащаго и аѳинскія древности, между учеными не можетъ быть и спора о томъ, что это довольно поверхностная компиляція, коей отдѣльныя части притомъ сшиты бѣлыми нитками: можно вполнѣ согласится въ данномъ случаѣ съ сужденіемъ ученаго гёттингенскаго профессора v. Wilamowitz-Moellendorf'a, называющаго эту книгу со свойственной ему откровенностью „eine unwissenschaftliche Compilation“[2]).

Между тѣмъ нельзя отнюдь сказать, чтобы сочиненіе Шёманна „De comitiis Atheniensium“ и понынѣ оставалось послѣднимъ словомъ науки и не нуждалось бы во многихъ своихъ частяхъ въ исправленіи и обновленіи: это было бы печальнымъ testimonium paupertatis для нашей науки, если бы за три четверти почти столѣтія столь важный вопросъ, вѣрнѣе сказать — отдѣлъ государственнаго права Аѳинъ, остался бы въ неизмѣнномъ положеніи. Прежде всего не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и даже лицамъ, лишь поверхностно знакомымъ съ нашей наукой, должно бросаться въ глаза, что мы сравнительно съ Шёманномъ располагаемъ гораздо болѣе богатымъ матеріаломъ, совершенно новыми можно сказать источниками. Достаточно припомнить, въ

[1]) Hermann's Lehrbuch der griechischen Antiquitäten. I. B. Staatsalterthümer. 6. Aufl. von V. Thumser. 1. Abth. Freiburg 1889.

[2]) Hermes. XXII, p. 212. Cfr. Jul. Schwarcz, Demokratie. B. II, p. LXI.

какой мѣрѣ возросло со времени освобожденія Греціи число извѣстныхъ намъ эпиграфическихъ текстовъ: извѣстный археологъ Charles Newton въ своихъ Essays on art and archaeology оцѣниваетъ ихъ сравнительно съ 9000 (точнѣе 8605), опубликованными въ монументальномъ трудѣ Бёка, теперь въ 30 тысячъ, и смѣло можно сказать, что изъ всѣхъ мѣстностей древней Эллады это обогащеніе наиболѣе коснулось именно Аѳинъ и Аттики.[1]) Притомъ книга Шёманна вышла въ свѣтъ раньше, нежели появился даже первый выпускъ Бёковскаго Корпуса, такъ что онъ могъ воспользоваться лишь старѣйшими изданіями надписей, да и тѣми не всегда въ желательной мѣрѣ, въ виду бѣдности Грейфсвальдской библіотеки, на которую онъ жалуется въ предисловіи — даже такое важное для того времени сочиненіе, какъ Corsini Fasti Attici, только на нѣсколько дней было отдано въ его распоряженіе. Не удивительно поэтому, что ссылки на эпиграфическіе тексты въ его книгѣ встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Но если прежде всего мы указали на колоссально возросшій матеріалъ надписей и обратили особое вниманіе на то, что въ этомъ отношеніи мы находимся въ несравненно лучшемъ положеніи, то этимъ еще не сказано, что во всемъ остальномъ источники, коими мы нынѣ располагаемъ для возсозданія аѳинскаго государственнаго строя, нисколько не обогатились съ начала нынѣшняго столѣтія. Не говоря уже о томъ, что мы теперь читаемъ нашихъ авторовъ въ лучшихъ изданіяхъ, нежели тѣ, коими располагалъ Шёманнъ, что упомянутая уже бѣдность библіотеки мѣшала ему воспользоваться и нѣкоторыми важными текстами (такъ Гарпократіонъ попалъ въ его руки уже послѣ окончанія первой книги его сочиненія), критическое отношеніе къ нашимъ источникамъ, которое составляетъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ филологіи нашего вѣка, представило многія извѣстія, принимаемыя на вѣру безъ всякаго колебанія во время Шёманна, въ совершенно иномъ

---

[1]) Статья Ньютона въ переводѣ составляетъ первую часть книги S. Reinach, Traité d'épigraphie grecque. 1885, стр. 3. Аттическихъ надписей въ Корпусѣ Бёка числилось не больше 1000, въ трехъ томахъ новаго аттическаго корпуса заключается около 8900 номеровъ (I—555; II—4320; III—4031), но такъ какъ многіе номера содержатъ по нѣсколько надписей и ко II-му и III-му тому ожидаются обширныя прибавленія, то мы нисколько не преувеличимъ, опредѣливъ число нынѣ извѣстныхъ аттическихъ надписей въ 10000.

освѣщенін, доказало зависимость другъ отъ друга свидѣтелей, нѣкогда числившихся отдѣльно, и вообще повело къ торжеству принципа, который можно выразить словами Шиллера: man muss die Stimmen wägen und nicht zählen. Не здѣсь, конечно, мѣсто развивать подробнѣе эту мысль: доказательствомъ ея должно будетъ служить все наше дальнѣйшее изложеніе; но не лишнимъ будетъ уже тутъ указать, что въ очень многихъ и важныхъ частяхъ своихъ изысканія Шёманна зиждутся на quasi-оффиціальныхъ документахъ, вложенныхъ въ текстъ Демосѳеновской рѣчи „о вѣнкѣ“, между тѣмъ какъ теперь послѣ критическихъ изслѣдованій Westermann'а и друг. едва ли найдется ученый, который бы рѣшился сомнѣваться въ ихъ подложности. Наконецъ послѣдній годъ обогатилъ запасъ нашихъ источниковъ открытіемъ одного новаго сочиненія, и притомъ столь важнаго, что имъ проливается совсѣмъ неожиданный свѣтъ на многія стороны политическаго строя Аѳинъ и многіе вопросы, дотолѣ составлявшіе спорное поле, на коемъ упражнялось остроуміе какъ филологовъ, такъ и историковъ, разрѣшаются имъ часто въ немногихъ сжатыхъ выраженіяхъ столь же ясно, какъ опредѣленно, и должно сказать, не всегда къ вящшей нашей славѣ: конечно, я разумѣю открытіе въ Британскомъ Музеѣ Аристотелева трактата *„Ἀθηναίων πολιτεία“*, открытіе, которое явится, кажется мнѣ, началомъ новой эры въ исторіи нашей науки „греческихъ древностей“.

Не намѣреваясь давать полнаго обзора и разбора нашихъ источниковъ, мы не можемъ, конечно, и названнаго трактата Аристотеля коснуться иначе, нежели вскользь, какъ бы ни былъ великъ соблазнъ на этомъ новомъ, еще не воздѣланномъ полѣ для изысканій предложить разныя соображенія какъ литературно-критическаго, такъ и „реальнаго“ характера. Ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи, дѣйствительно, существующее изданіе Kenyon'а со своимъ предисловіемъ и комментаріемъ не можетъ считаться удовлетворяющимъ всѣмъ требованіямъ строгой критики; но не будемъ строги къ нему, а благодарны за то, что онъ не хранилъ съ мелкимъ самолюбіемъ найденнаго клада про себя, а съ поспѣшностью, которая могла бы извинить и большіе промахи, подѣлился со всѣмъ ученымъ міромъ своимъ открытіемъ, давая всякому возможность посвятить свои силы изученію столь важнаго памятника: я лично не могу забыть, что 12-го января 1891 года прочиталъ

въ газетахъ первое извѣстіе о семъ неоцѣнимомъ открытіи, къ коему, признаться, отнесся нѣсколько скептически, а ровно двѣ недѣли позже уже держалъ въ рукахъ изданіе Mr Kenyon'a и могъ съ удобствомъ воспользоваться имъ для своихъ изысканій[1]).

Первый вопросъ, который невольно каждому приходитъ на мысль, именно насчетъ подлинности даннаго трактата Аристотеля, несомнѣнно долженъ рѣшаться въ утвердительномъ смыслѣ: въ нашихъ рукахъ дѣйствительно находится изслѣдованіе Аристотеля о государственномъ строѣ Аѳинъ, или выражаясь со всею необходимою въ такихъ вопросахъ осторожностью, то сочиненіе, которое единогласное свидѣтельство древности приписывало своему величайшему мыслителю подъ заглавіемъ: *Ἀθηναίων πολιτεία*. Уже первый издатель трактата Kenyon указалъ (Introduction, p. XV) на то, что изъ 91 фрагмента, отнесенныхъ къ данному сочиненію Аристотеля въ послѣднемъ изданіи его отрывковъ Валентина Розе[2]), 78 или составляютъ извлеченіе изъ нашего текста или же являются дословными цитатами, остальные же 13 частью по своему содержанію должны быть отнесены къ недошедшимъ до насъ началу и концу трактата (на что есть прямыя указанія въ нашемъ текстѣ), частью принадлежали по всей вѣроятности къ другимъ сочиненіямъ Аристотеля (frg. 382, 392, 399, 402, 415, вѣроятно и fr. 386 ed. Rose 1886)[3]), за исключеніемъ двухъ (fr. 396 и 447), довольно существенно отличающихся отъ соотвѣтствующихъ мѣстъ его изданія. Но доказательство Kenyon'a нельзя считать совершенно полнымъ, такъ какъ можетъ явиться по-

---

[1]) Когда я писалъ эти строки, то имѣлъ въ рукахъ лишь изданіе F. G. Kenyon'a *Ἀθηναίων πολιτεία*. Aristotle on the constitution of Athens. 1891. Но затѣмъ я могъ воспользоваться какъ фототипическимъ изданіемъ всего папируса, такъ исправленнымъ текстомъ G. Kaibel et Ud. de Wilamowitz-Moellendorff. Aristotelis *Ἀθηναίων πολιτεία*. Berolini 1891., а также вторымъ просмотрѣннымъ изданіемъ нѣмецкаго перевода Kiessling'a и Kaibel'я. Итальянскаго изданія книги, сдѣланнаго C. Ferrini, также какъ и перевода C. Zuretti я не имѣлъ въ рукахъ.

[2]) Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta coll. Val. Rose (Bibl. Teubner.) 1886, frgg. 381—471.

[3]) Здѣсь я позволилъ себѣ нѣсколько измѣнить текстъ Kenyon'a, который о фрагм. 382 и 386 говоритъ нѣсколько нерѣшительно: it may be doubted, whether it belongs to this work at all, о послѣднемъ притомъ лишь въ «Приложеніи».

дозрѣніе, не имѣемъ ли мы предъ собою результата научнаго подлога, чему мы знаемъ примѣры и въ настоящемъ столѣтіи — достаточно назвать имена Wagenfeld'a (греческій текстъ Санхуніатона), Симонида (палимпсестъ Уранія), быть можетъ Миноида Мины (фрагментъ историка Аристодема, заподозрѣнный Wachsmuth'омъ) и въ области эпиграфики извѣстнаго ученаго Франциска Лепормана. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ данномъ случаѣ сами внѣшнія обстоятельства громко говорятъ противъ такого подозрѣнія: между тѣмъ какъ выше названные фальсификаторы и ихъ предшественники обыкновенно ссылались на авторитетъ исчезнувшей рукописи, папирусъ Аристотеля выставленъ для общаго пользованія въ Британскомъ Музеѣ и опытными знатоками признанъ подлиннымъ; притомъ тѣ арабскіе торговцы въ Египтѣ, отъ которыхъ обыкновенно пріобрѣтаются подобные папирусы (относительно мѣста и времени пріобрѣтенія рукописи самъ издатель намъ, къ сожалѣнію, ничего не сообщаетъ), хотя бы несомнѣнно въ видахъ наживы и были весьма склонны сочинить интересный древній текстъ, едва ли бы имѣли къ своимъ услугамъ человѣка, обладающаго необходимымъ для подобнаго подлога знаніемъ и языка и реалій. Однако въ виду необыкновенной важности даннаго сочиненія нельзя быть достаточно осторожнымъ — сознавая, что оно влечетъ за собою переработку всей области аѳинскихъ древностей на новомъ основаніи, необходимо убѣдиться вполнѣ, что это основаніе стоитъ твердо и незыблемо; поэтому я считаю не лишнимъ сообщить вкратцѣ нѣкоторыя свои соображенія по этому вопросу. Если мы обратимъ вниманіе на тексты Поллукса, Гарпократіона и друг. лексикографовъ, пользовавшихся для своихъ замѣтокъ Аристотелевымъ трактатомъ (этими фрагментами, конечно, фальсификаторъ прежде всего бы воспользовался для возсозданія потерянной книги), то намъ прежде всего бросится въ глаза, что дословныя цитаты встрѣчаются въ нихъ очень рѣдко, а большинство текстовъ являются перефразировками и сокращеніями изъ Аристотеля. Особенно важны для насъ именно послѣдніе тексты и изъ нихъ тѣ фрагменты, которые сохранены различными позднѣйшими свидѣтелями въ разныхъ версіяхъ: мы у всѣхъ, конечно, находимъ сходство съ нашимъ текстомъ, не только по содержанію, но и по способу выраженія — какъ отдѣльныя слова, такъ и цѣлые обороты и предложенія заимство-

ваны безъ измѣненія у Аристотеля, но при этомъ мы видимъ, что каждый занимаетъ у него по своему, опуская по усмотрѣнію тѣ или другія части его текста (Ср. особенно фрагм. 388, 420 и 421, 424 и 425, 426 и 427, 429, 433—39, 440, 442, 453—455). Какое бы требовалось искусство, чтобы собрать эти disiecta membra древняго философа! Можно ли предположить, чтобы такая работа въ стройномъ, цѣльномъ видѣ вышла изъ рукъ фальсификатора, когда относительно многихъ вопросовъ она не удавалась даже относительно одного содержанія столькимъ поколѣніямъ ученыхъ? Еще болѣе доказательнымъ кажется мнѣ сравненіе нѣкоторыхъ главъ восьмой книги „Ономастика“ Поллукса (85—102 и 126) съ соотвѣтствующими мѣстами (§§ 43, 53, 54, 55—59 по изд. Kenyon'a) даннаго трактата: мы видимъ, что относительно общаго хода разсказа и послѣдовательности мыслей, а также въ отдѣльныхъ оборотахъ и выраженіяхъ онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, точно слѣдуетъ Аристотелю (такъ что невольно приходитъ на мысль, что онъ дѣйствительно самъ его и читалъ и дѣлалъ извлеченія), но при этомъ никогда не приводитъ изъ него дословной цитаты; тутъ бы составитель подложнаго Аристотеля ни за что бы не избѣгъ ошибки въ ту или въ другую сторону: онъ или держался бы слишкомъ рабски текста Поллукса или черезчуръ широко бы его развилъ, между тѣмъ какъ теперь разница между обоими главнымъ образомъ состоитъ лишь въ опущеніи Поллуксомъ отдѣльныхъ словъ, служащихъ для развитія разсказа. Тутъ между прочимъ я укажу на одну частность, съ виду очень мелкую, но въ сущности весьма характерную: выраженіе „*τὸ ζευγίσιον* (scil. *τέλος*) *τελοῦντες*“ вмѣсто „*ζευγῖται*“ встрѣчается какъ въ § 7 Аристотеля, такъ у Поллукса (VIII, 130) — и нигдѣ больше во всей античной литературѣ, а между тѣмъ эта именно глава Поллукса съ соотвѣтственнымъ мѣстомъ „Политіи“ никакого формальнаго сходства въ остальномъ не представляетъ. Затѣмъ весьма доказательными въ пользу подлинности нашего трактата должны считаться два отрывка — n° 395 и 444: въ послѣднемъ Etymologicum Magnum (или его источникъ) соединилъ два опредѣленія Аристотеля въ одно и относитъ ихъ къ одному роду *ἱεροποιοί*, между тѣмъ какъ въ текстѣ „Политіи“ строго различаются ихъ два вида — какимъ бы образомъ фальсификатору могло прійти въ голову сдѣлать такое различеніе, подтверждаемое лишь надпи-

сями[1]). Въ другомъ отрывкѣ[2]) передается исторія изгнанія Пизистратидовъ изъ Аѳинъ почти подлинными выраженіями нашего оригинала, но съ такими сокращеніями и пропусками, что разсказъ становится почти непонятнымъ — какъ при неумѣлости эпитоматоръ могъ изъ текста Аристотеля произвесть такой перифразъ, весьма ясно, но не допустимымъ кажется, чтобы изъ этого нескладнаго лепета кто-нибудь могъ возсоздать, удержавъ отдѣльныя выраженія, стройное и законченное повѣствованіе оригинала. Но наилучшимъ доказательствомъ подлинности „Аѳинской Политіи“ является несомнѣнно само его содержаніе: какъ въ исторіи политическихъ учрежденій, такъ и въ систематическомъ ихъ изложеніи сообщаются намъ такіе неожиданные факты, какихъ не могла бы придумать никакая фантазія человѣческая, сколь бы живая она ни была. Еще болѣе вѣскимъ аргументомъ является по моему мнѣнію сравненіе нашего текста съ тѣми двумя листками берлинскаго папируса, въ которыхъ уже давно Бергкъ узналъ отрывки Аристотелевой Политіи аѳинянъ: мы видимъ, что ни одно изъ чтеній этихъ сильно пострадавшихъ отъ времени фрагментовъ, которыя предложили послѣдовательно Blass, Bergk, Landwehr и наконецъ H. Diels, не сходится съ нашимъ текстомъ[3]), разгадку этого на первый взглядъ страннаго явленія даютъ намъ тщательно составленныя литографированныя таблицы, приложенныя послѣднимъ ученымъ къ своему изслѣдованію, такъ какъ мы замѣчаемъ, что всѣ не только слова, но и отдѣльныя буквы, изображенныя на нихъ черными штрихами (т.-е. несомнѣнно прочитанныя), находятъ себѣ соотвѣтствіе въ нашемъ текстѣ, за то въ немъ не встрѣчается почти все то, что въ таблицахъ обозначено пунктированными линіями, т.-е. всѣ чтенія, самимъ издателемъ не считаемыя за вполнѣ достовѣрныя[4]). Само собою разу-

[1]) Срвн. Ditt. S. I. G. 334 not. 13.

[2]) Fragm. 395: Schol. Arist. Lysistr. 1153.

[3]) Blass въ Herm. XV, 366; XVI, 42. Bergk въ Rh. Mus. XXXVI (1881) 87. Landwehr, De papyro Berolinensi N. 163, 1883 и въ Philolog. V, p. 195. H. Diels, Über die Berlin. Fragmente der *Ἀθην. πολ.* des Aristoteles (Abh. d. Berl. Akad. d. Wiss. 1885, p. 1).

[4]) Имѣвши самъ случай во время своихъ занятій берлинскими папирусами не разъ разбирать данные фрагменты, могу засвидѣтельствовать, что несмотря на всѣ старанія, я не могъ изъ указанныхъ буквъ ни одной прочитать несомнѣнно: каждая можетъ быть различно истолкована.

мѣется, что въ случаѣ подлога его авторъ воспользовался бы этими листками, но едва ли можно предположить, чтобы онъ сталъ дѣйствовать столь осторожнымъ эклектическимъ путемъ: онъ нашелъ бы и легче, и скорѣе, и удобнѣе для себя принять за основаніе одно изъ чтеній выше названныхъ ученыхъ.

Эти замѣчанія, кажется мнѣ, доказываютъ вполнѣ уже a priori весьма вѣроятную подлинность нашего текста и служатъ къ подкрѣпленію доводовъ, приведенныхъ уже издателемъ въ пользу того, что мы имѣемъ въ рукахъ дѣйствительно настоящую Аристотелеву „Политію аѳинянъ“, или по крайней мѣрѣ сочиненіе, по общему отзыву древности приписываемое знаменитому философу. Это ограниченіе я считаю необходимымъ сдѣлать въ виду того, что извѣстный издатель Аристотелевыхъ фрагментовъ Валентинъ Розе съ большою увѣренностью оспариваетъ таковое ихъ происхожденіе [1]). Страннымъ нѣсколько должно казаться, что мнѣніе такого знатока Аристотеля, какъ Розе, не обратило на себя вниманія ученыхъ: только Heitz попытался его опровергнуть доводами, которые нельзя назвать особенно вѣскими [2]). Еще страннѣе, что и послѣ открытія полнаго трактата объ аѳинской политіи, ни издатель ея, ни другіе ученые, написавшіе по ея поводу статьи (напр. F. Blass въ Litt. Centralbl. № 9—10 или H. Diels въ Litteraturzeit. № 7), ни однимъ словомъ не коснулись вопроса, принадлежитъ ли она дѣйствительно Аристотелю или нѣтъ. Въ виду этого мы не можемъ уклониться отъ обязанности уяснить себѣ и читателю, какія данныя для его рѣшенія представляетъ тщательный анализъ самаго сочиненія, такъ какъ одни свидѣтельства древнихъ писателей, хотя и восходятъ почти до временъ Аристотеля, конечно, не могутъ служить еще вполнѣ надежнымъ ручательствомъ [3]).

Вопросъ о подлинномъ авторствѣ Аристотеля осложняется тѣмъ обстоятельствомъ, что насчетъ многихъ его сочиненій сами спеціалисты не могутъ прійти къ соглашенію, написаны ли они самимъ учителемъ или однимъ изъ его учениковъ, а относитель-

---

[1]) Val. Rose, Aristoteles pseudepigraphus (1863) p. 393 sq. 418.

[2]) E. Heitz, Die verlorenen Schriften des Aristoteles (Leipzig 1865), p. 230—52.

[3]) Послѣ того какъ были написаны эти строки вышло нѣсколько работъ, касающихся вопроса о подлинности этого трактата и рѣшающихъ его въ отрица-

но другихъ высказываются предположенія о болѣе или менѣе значительныхъ переработкахъ и интерполяціяхъ[1]): такимъ образомъ весьма трудно на основаніи языка, оборотовъ рѣчи, способа выраженія мысли, запаса и значенія словъ составить общепризнанный канонъ, къ которому мы могли примѣрять, такъ сказать, заподозрѣнныя мѣста и сочиненія, потому что спеціалисты не могутъ согласиться относительно тѣхъ книгъ, изъ коихъ долженъ быть извлеченъ этотъ канонъ. Къ тому же Аристотель, какъ извѣстно, стяжалъ себѣ громкую славу какъ стилистъ, славу, которая вовсе непонятна при чтеніи дошедшихъ до насъ сочиненій, отличающихся замѣчательною неотдѣланностью, и которую стараются оправдать изящностью его *ἐξωτερικῶν λόγων*, къ сожалѣнію до насъ не дошедшихъ — аргументація нѣсколько опасная[2]). Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что нѣкоторыя его сочиненія являются или въ видѣ конспектовъ или ученическихъ записей.

Если мы обратимся къ интересующему насъ трактату, то едва ли кто станетъ отрицать, что слогъ его въ значительной мѣрѣ уклоняется отъ склада рѣчи въ наиболѣе несомнѣнныхъ сочиненіяхъ Аристотеля: это ясное, гладкое повѣствованіе не представляетъ ничего общаго съ запутаннымъ способомъ изложенія

тельномъ смыслѣ: Jul. Schwarcz въ Ungarisch. Rev. 1891, за апрѣль (мнѣ недоступно) и въ дополненіи къ первому тому Demokratie, F. Rühl въ Rh. Mus. XLVI (1891) p. 426 и особенно обстоятельно Cauer, Hat Aristoteles die Schrift vom Staate der Athener geschrieben? (Stuttg. 1891). Изслѣдованія эти ни въ чемъ не измѣнили уже сложившагося у меня взгляда; поэтому я и не считалъ нужнымъ ради нихъ передѣлывать своего текста: подробная рецензія о нихъ будетъ издана мною въ Berl. Phil. Wochenschr.

[1]) Спорна напр. подлинность третьей книги реторики, которую L. Spengel и H. Diels приписываютъ Аристотелю, большинство же ученыхъ у него отнимаютъ.

[2]) Объ «экзотерическихъ сочиненіяхъ» Аристотеля срвн. Zeller Philos. d. Griech. II, 2, p. 100 и противъ него Bernays, Die Dialoge des Aristoteles. Объ языкѣ и стилѣ дошедшихъ до насъ сочиненій этическаго содержанія сдѣлалъ прекрасныя замѣчанія W. Oncken, Staatsl. d. Aristot. I, p. 38—63, который сопоставлялъ также всѣ сохранившіяся сужденія древности (Антипатра, Цицерона, Діонисія) о краснорѣчіи философа: не считая нужнымъ переписывать всѣ эти мѣста, я укажу лишь на одно, какъ нельзя лучше, подходящее къ нашему трактату. Dionys. Halicarn. de censura vett. script. 4, p. 430 Reiske: *παραληπτέον δὲ καὶ Ἀριστοτέλη εἰς μίμησιν τῆς τε περὶ τὴν ἑρμηνείαν δεινότητος καὶ τῆς σαφηνείας καὶ τοῦ ἡδέος καὶ πολυμαθοῦς. τοῦτο γὰρ ἔστι μάλιστα παρὰ τοῦ ἀνδρὸς παραλαβεῖν* (срвн. Heitz, Verlor. Schrift. d. Aristotel., p. 162).

въ столь близкой по предмету „Политикѣ“; между тѣмъ какъ въ послѣдней постоянно встрѣчаются предложенія, которыхъ пониманіе не вполнѣ легко и для ученаго, а литературный переводъ почти невозможенъ, въ нашемъ трактатѣ трудно было бы при всемъ стараніи найти, кажется, и одну фразу, которая могла бы затруднить даже ученика (если не считать, конечно, тѣхъ мѣстъ, гдѣ текстъ испорченъ[1]). Можно объяснять это различіе особеннымъ, чисто повѣствовательнымъ характеромъ самаго сочиненія, ссылаясь на то, что другихъ подобныхъ книгъ чисто историческаго содержанія, которыхъ можно было бы привлечь къ сравненію, отъ Аристотеля до насъ не дошло; но именно это болѣе всего насъ поражаетъ, что философскаго въ этомъ трактатѣ нѣтъ ничего, что мы почти не находимъ руководящихъ мыслей, общихъ идей, никакой даже оцѣнки фактовъ и лицъ, какъ мы бы въ правѣ были ожидать отъ автора Политики, отъ величайшаго мыслителя древности[2]): можетъ быть мы вносимъ въ античный міръ понятія современности, будучи пріучены не только отъ первостепеннаго философа, но даже отъ недюжиннаго историка требовать и въ повѣствовательномъ сочиненіи нѣчто больше, нежели голое изложеніе фактовъ и учрежденій, во всякомъ случаѣ, что такое требованіе не противорѣчило законамъ историческаго стиля — доказывается примѣромъ хотя бы древнѣйшаго аѳинскаго историка Ѳукидида.

Къ этому присоединяется еще то обстоятельство, что въ нашемъ трактатѣ замѣчается отсутствіе цѣльности и неравномѣрность частей — онъ неоспоримо распадается на двѣ половины: повѣствованіе о постепенномъ развитіи аѳинской конституціи и изложеніе

---

[1]) Одинъ изъ самыхъ выдающихся знатоковъ древней философіи и тончайшій критикъ въ отношеніи языка, проф. H. Diels пишетъ (Deutsch. Lit. Zeit. № 7): „Dass Aristoteles so schön abgerundet, so wohl disponiert, so vornehm schlicht geschrieben habe, ist eine wohlthuende Überraschung. Aber dass er mit solch archivalischer Genauigkeit gerade dunklere Partien des Stoffes aufgehellt habe, setzt uns in freudiges Erstaunen. Die Fülle des Lichtes, das sich auf einmal über die athenische Gesetzgebung ergiesst, blendet zunächst“.

[2]) Подобнымъ образомъ выражается и Cauer, op. l. p. 9: „Gewiss hätte dem grössten Schüler Platos ein Werk, in dem rein descriptiv Thatsache an Thatsache gereiht war, in dem das Interesse durchaus am Stoffe haftet und nirgends der Versuch gemacht wird, den Stoff philosophisch zu durchdringen, nur als eine recht untergeordnete Arbeit erscheinen können“.

отдѣльныхъ государственныхъ учрежденій. Насколько первое обстоятельно, ясно и послѣдовательно (укажу только какъ на самыя лучшія главы: тираннію Пизистратидовъ, паденіе Ареопага, переворотъ четырехсотъ, борьбу олигархіи и демократіи послѣ конца Пелопоннесской войны), настолько вторая часть страдаетъ отрывочностью, иногда безсвязностью сообщаемыхъ свѣдѣній, отсутствіемъ строго обдуманнаго плана въ ихъ расположеніи, страшной сжатостью изложенія и нанизываніемъ, если можно такъ выразиться, разнородныхъ фактовъ на одну нитку[1]), однимъ словомъ носитъ на себѣ характеръ конспекта, и притомъ въ отдѣльныхъ частяхъ неравномѣрно составленнаго. Я долженъ сознаться, что на меня лично этотъ трактатъ производитъ впечатлѣніе труда, авторомъ не оконченнаго, коего первая часть была еще, можетъ быть, имъ самимъ выработана, а вторая въ неотдѣланномъ, но и неизмѣненномъ видѣ издана какимъ-нибудь наслѣдникомъ его сочиненій[2]).

Для рѣшенія этого вопроса важно прежде всего установить время возникновенія даннаго трактата. Уже первый издатель его Кеньенъ въ предисловіи опредѣляетъ время написанія его между 329 и 307 г.: первую дату даетъ ему упоминаніе архонта Кефисофонта 329/8 г. (гл. 59), а вторую — отсутствіе всякаго указанія на реформу 307 г. (когда было измѣнено количество филъ и соотвѣтственно увеличена численность совѣта и т. д.). Мнѣ кажется, что terminus ante quem можетъ быть опредѣленъ даже точнѣе: въ 62-ой гл. упоминаются *ἀρχαὶ εἰς Σάμον*, которыя конечно посылались лишь, пока этотъ островъ въ качествѣ клерухіи находился въ зависимости отъ Аѳинъ, и извѣстно, что послѣдняя была объявлена уничтоженной на Олимпійскихъ играхъ 324 г. эдиктомъ Александра, даровавшимъ право возвращенія на родину всѣмъ изгнанникамъ, въ томъ числѣ и прежнимъ гражданамъ Самоса: послѣдніе и вернулись въ отечество и выгнали аѳинскихъ клеруховъ

---

[1]) Cap. 49: *Δοκιμάζει δὲ καὶ τοὺς ἵππους ἡ βουλή... δοκιμάζει δὲ καὶ τοὺς προδρόμους... δοκιμάζει δὲ καὶ τοὺς ἀνίππους... δοκιμάζει δὲ καὶ τοὺς ἀδυνάτους ἡ βουλή*. Capp. 50 et 51: *κληροῦνται δὲ καὶ ἱερῶν ἐπισκευασταὶ δέκα... καὶ ἀστυνόμοι δέκα... κληροῦνται δὲ καὶ ἀγορανόμοι... κληροῦνται δὲ καὶ μετρονόμοι*. Подобныхъ мѣстъ не трудно было бы подыскать и гораздо больше.

[2]) Подобное сужденіе высказалъ W. Oncken (Staatsl. d. Aristoteles I, p. 58) и насчетъ политики Аристотеля.

и начальниковъ во время ламійской войны — не позже 322 г.[1]). Если кто скажетъ, что я дѣлаю слишкомъ важные выводы, основываясь на вскользь брошенной замѣткѣ, то въ подтвержденіе своего мнѣнія я могу указать на отсутствіе въ Политіи какого бы то ни было намека на обширную государственную дѣятельность Димитрія изъ Фалеръ, въ продолженіе десяти лѣтъ съ 317 г. стоявшаго въ качествѣ эпимелета во главѣ Аѳинъ и произведшаго коренныя реформы въ разныхъ отрасляхъ государственнаго управленія; мы также не находимъ въ трактатѣ ни малѣйшаго указанія на цензъ въ 2000 драхмъ, которымъ Антипатръ ограничилъ право аѳинскаго гражданства, исключивъ изъ послѣдняго по преданію до 12000 человѣкъ[2]). Такимъ образомъ, какъ крайнюю дату, ниже коей нельзя спуститься, для окончанія даннаго труда мы получаемъ время ламійской войны: при самомъ началѣ ея Аристотель, какъ приверженецъ македонской династіи и другъ Антипатра, долженъ былъ бѣжать изъ Аѳинъ и вскорѣ послѣ этого умеръ въ Халкидѣ (въ началѣ 322 г.)[3]).

Но и terminus post quem, выставленный Кеньеномъ (329 г.) вызываетъ сильныя сомнѣнія. Дѣйствительно, эта дата какъ будто подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ гл. 61-ой пере-

---

[1]) Насчетъ возвращенія изгнанниковъ на родину: Diodor. XVIII, 8 et 18. C. Curtius, Inschrift. u. Stud. z. Gesch. von Samos. Lübeck 1877, p. 22, № 7= Ditt. S. I. G. 119. Срвн. A. Schäfer. Demosthenes, III, p. 315, 389.

[2]) Plut. v. Phoc. 28. Diodor. XVIII, 18. Boeckh. Staath. I, p. 46.

[3]) Val. Rose (Aristot. pseudep. p. 397) отодвигалъ дату ниже, ссылаясь на упоминаніе священной тріеры Аммоніады къ отр. 443 (нынѣ гл. 61), которая замѣнила Саламинію: такъ какъ она не упоминается у Böckh'a въ Seeurkunden, то онъ заключаетъ, что она послѣ смерти Александра была такъ названа въ честь его, такъ какъ онъ считалъ себя сыномъ Аммона. Всѣ эти соображенія не выдерживаютъ критики. Молчаніе надписей насчетъ какого-нибудь корабля ничего не доказываетъ въ виду неполноты списковъ. Что Аммоніада была названа въ честь Александра (какъ полагаетъ Кеньенъ), не только не доказано, но и невѣроятно. Во-первыхъ при его жизни аѳиняне едва согласились воздать ему божескія почести и не стали бы отъ себя прибавлять ничего лишняго, а послѣ смерти его не было для нихъ причины, и Антипатръ менѣе кого бы то ни было сталъ бы требовать, чтобы они воздали такую честь мертвому царю. Во-вторыхъ, если бы аѳиняне захотѣли почтить его память, то они назвали бы тріеру его собственнымъ именемъ: такъ потомъ существовали корабли Антигонида и Деметріада. (Philochor. fr. 130 b. cfr. Plut. v. Dem. 11). Аммонъ уже раньше чтился въ Аѳинахъ, и уже въ 333 г. ему приносили жертвы стратеги, какъ видно изъ счетовъ за т. наз. *δερματικόν* (C. I. A. II, 741).

числяются спеціальныя компетенціи отдѣльныхъ стратеговъ: по общепринятому воззрѣнію это дробленіе единой прежде власти относится къ промежутку между 334—29 гг. (хотя въ послѣднее время Foucart указалъ на нѣкоторыя эпиграфическія данныя, по коимъ можно думать, что это нововведеніе восходитъ до средины IV-го в.). Но крайне страннымъ должно казаться, что во всемъ трактатѣ рядомъ съ *ταμίας τῶν στρατιωτικῶν* и *οἱ ἐπὶ τῶν θεωρικῶν* не упоминяется крупнѣйшая изъ магистратуръ, коей было поручено управленіе финансами — *ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει*[1]). Должность эта (четырехлѣтняя) была учреждена по всей вѣроятности въ 338 и никакъ не позднѣе 334 г., такъ какъ извѣстный Ликургъ сначала подъ своимъ именемъ, затѣмъ подъ именемъ двухъ своихъ родственниковъ въ продолженіе 12 лѣтъ завѣдывалъ ею, а онъ не дожилъ до начала ламійской войны[2]). Въ подтвержденіе этому замѣчанію является еще слѣдующее: „Политія аѳинская“ была лишь одною въ ряду 158, описанныхъ Аристотелемъ и по весьма вѣроятному указанію составляла первую книгу всего труда[3]), — неужели же мы предположимъ, что на склонѣ лѣтъ своихъ философъ еще успѣлъ выработать описаніе 158 государственныхъ конституцій въ продолженіе какихъ-нибудь 6—7 лѣтъ? Наконецъ весьма вѣроятно предположеніе, высказанное Гейтцемъ, что „Политіи“ были сборомъ матеріала, предварительной работой, предпринятой философомъ для того, чтобы имѣть твердую научную основу при созданіи своей „Политики“[4]): Платонъ, выставляя чисто отвлечен-

---

[1]) Иначе объ этомъ судитъ Keil въ своей рецензіи даннаго трактата (Berl. philolog. Wochenschr. 1891, № 20).

[2]) Ps.-Plut. v. X. oratt. p. 841 B.; Diodor. XVI, 88. Cfr. Boeckh, Staatsh. I, 201, 512. Еще раньше ставитъ учрежденіе этой должности v. Wilamowitz въ Herm. XIV, p. 150, not. 1.

[3]) На это указываетъ цитата Гарпократіона (s. v. *Θεσμοθέται* = fr. 417): *ἐν τῇ α' Ἀθηναίων πολιτείᾳ*, сравненная съ цитатой Фотія и Свиды (s. v. *σκυτάλη* = fr. 509): *ἐν τῇ Ἰθακησίων πολιτείᾳ μβ'*. Cfr. V. Rose op. l. p. 394; Heitz, Verlor. Schr. d. Aristot. p. 250.

[4]) Em. Heitz, Verlor. Schr. d. Aristot. p. 231 et 233: Jede Schwierigkeit verschwindet jedoch vollständig, sobald wir uns unter diesem Titel keineswegs ein von Aristoteles selbst zur Veröffentlichung bestimmtes Werk denken, sondern einfach eine von ihm angelegte Sammlung, die erst von Späteren ausgebeutet und benützt wurde. Um eine derartige Annahme hinlänglich gerechtfertigt zu finden, ist es zuerst nothwendig, sich so viel als möglich in die, von den heutigen so vollständig verschiedenen Verhältnisse zu versetzen. Dass im Alterthume von

ный идеалъ лучшаго государственнаго устройства, конечно, не нуждался въ фактическихъ данныхъ, но послѣднія были необходимы для эмпирическаго разсужденія Аристотеля. Что онъ имѣлъ обширныя познанія въ этой области, доказывается чуть не каждой страницей его Политики, и едва ли можно предположить, чтобы даже при громаднѣйшей памяти онъ хранилъ ихъ только въ умѣ своемъ. Притомъ въ своемъ теоретическомъ трудѣ Стагиритъ, приводя историческіе примѣры, не столько излагаетъ ихъ, сколько на нихъ указываетъ намекомъ, который часто приводитъ насъ въ смущеніе и долженъ былъ представляться не менѣе затруднительнымъ и темнымъ и для его слушателей: ошибочно было бы думать, чтобы всякій эллинъ до мелочей былъ знакомъ съ многоразличными конституціями во всѣхъ городахъ и городкахъ Греціи. Если слѣдовательно, учитель не хотѣлъ быть непонятнымъ, то онъ долженъ былъ или въ отдѣльныхъ бесѣдахъ давать своимъ слушателямъ нужныя свѣдѣнія, или же предоставлять въ ихъ распоряженіе собранный имъ матеріалъ.

Въ виду этого я держусь убѣжденія, что главная часть „Политіи“ была набросана Аристотелемъ задолго до 329 г., и что онъ при дальнѣйшихъ своихъ изысканіяхъ (которыя онъ продолжалъ до конца жизни) лишь вносилъ отдѣльныя замѣтки въ болѣе или менѣе обработанный уже текстъ. Этимъ объясняются и нѣкоторыя неровности въ его изложеніи: напр. о назначеніи архонтовъ Ареопагомъ упоминается дважды (гл. 3 и 8), о позднѣйшемъ способѣ ихъ назначенія говорится также въ двухъ мѣстахъ и притомъ не вполнѣ одинаково (гл. 8 и 22), о 20 тысячахъ аѳинянъ, получавшихъ содержаніе отъ государства, даются указанія въ такое время, когда еще плата за участіе въ судахъ не была введена (гл. 24). Въ этомъ способѣ работы философа я нахожу и объясненіе тѣхъ немногихъ противорѣчій, которыя существуютъ между

---

einem Unterschiede, wie er heute zwischen einem bloss handschriftlich vorhandenen und einem zur Herausgabe gelangten Werke besteht, im Grunde keine Rede sein darf, ist eine klare Sache. Bloss von diesem Gesichtspunkte aus betrachtet, kann uns die alles gewöhnliche Maass überschreitende Fruchtbarkeit einzelner Schriftsteller des Alterthums, wie sie uns aus den Verzeichnissen ihrer Werke entgegentritt, erklärlich werden. Auf ähnliche Weise wird uns auch der verhältnissmässig hohe Preis, den Aristoteles für die Werke des Speusippos bezahlt hatte, nicht mehr Wunder nehmen, sobald wir nämlich unter dessen Werken seinen sämmtlichen schriftlichen Nachlass verstehen.

„Политіей“ и „Политикой“. Такъ, въ послѣдней онъ утверждаетъ, что Драконъ не измѣнялъ государственнаго строя Аѳинъ, а только издалъ законы[1]), между тѣмъ какъ въ „Политіи“ онъ обстоятельно излагаетъ содержаніе этой конституціи — роль Дракона въ исторіи развитія аѳинскихъ государственныхъ учрежденій стала ему ясна позднѣе, нежели онъ составилъ данное мѣсто Политики; поэтому-то и повѣствованіе его о Драконѣ (гл. 4) такъ неорганически связано съ предыдущимъ и послѣдующимъ разсказомъ, что можетъ быть вполнѣ незамѣтно выпущено — ясное указаніе на позднѣйшую вставку. Наконецъ, при такомъ взглядѣ понятна и неравномѣрность между двумя частями, выше указанная: для автора Политики были гораздо интереснѣе разные перевороты *(μεταβολαί)* и причины, ихъ вызвавшія, нежели перечисленіе разныхъ крупныхъ и мелкихъ магистратуръ аѳинскихъ.

Во всякомъ случаѣ подлинность даннаго сочиненія, т.-е. принадлежность его Аристотелю и по содержанію и по формѣ для меня несомнѣнна, значеніе его и авторитетность нисколько не пострадаетъ отъ того заключенія, къ которому казалось мнѣ необходимымъ прійти: если сочиненіе это и не вышло въ свѣтъ непосредственно изъ рукъ Аристотеля, оно во всякомъ случаѣ является плодомъ его изысканій и имѣетъ право на такое же довѣріе съ нашей стороны, какъ и будучи издано имъ самимъ, — издавая вслѣдъ за смертью учителя и подъ его именемъ такую важную книгу, никакой ученикъ не могъ рѣшиться ему приписать мысли и выводы, ему не принадлежащіе, или же долженъ былъ встрѣтить протестъ со стороны другихъ его слушателей, протестъ, который непремѣнно оставилъ бы по себѣ отголосокъ и въ литературѣ[2]).

---

[1]) Aristot. Politic. II, 12, p. 1274 b, 15: *Δράκοντος δὲ νόμοι μὲν εἰσί, πολιτεία δ' ὑπαρχούσῃ τοὺς νόμους ἔθηκεν.* Срвн. Cauer, Hat Aristot. die Schrift etc. geschrieben? p. 43, 45. Должно замѣтить, что само мѣсто Политики спорно: не всѣ ученые признаютъ его подлиннымъ.

[2]) Передъ самымъ печатаніемъ мнѣ удалось просмотрѣть двѣ брошюры: P. Cassel, Vom neuen Aristoteles und seiner Tendenz. Th. Gomperz. Die Schrift vom Staatswesen der Athener und ihr neuester Beurtheiler. Оба автора не сомнѣваются въ подлинности даннаго трактата и опровергаютъ, первый — Schvarcz'а и Cauer'а, второй Rühl'я (стр. 9, пр. 3). За подлинное авторство Аристотеля стоитъ и A. Bauer, Literarische und historische Forschungen zu Aristoteles' *Ἀθηναίων πολιτεία* (München 1891), который также, какъ и мы, обратилъ вниманіе на неравномѣрность отдѣльныхъ частей трактата, но объяс-

Изложеніе тѣхъ соображеній, которыя были вызваны во мнѣ изученіемъ вновь открытаго трактата, не можетъ считаться излишнимъ въ данномъ мѣстѣ въ виду того, что онъ является виднымъ обогащеніемъ источниковъ, коими намъ придется пользоваться при изученіи интересующаго насъ вопроса. Конечно, здѣсь невозможно выставить на видъ всѣ частности, относительно которыхъ обогащаются имъ наши свѣдѣнія объ „аѳинскомъ гражданствѣ“ — это будетъ дѣломъ дальнѣйшаго нашего изложенія, но необходимо указать на то, что Аристотель ясно отдѣляетъ исторію конституціи Аѳинъ до Евклида отъ систематическаго изложенія государственныхъ учрежденій, дѣйствовавшихъ въ его время (ср. гл. 61 о назначеніи стратеговъ) въ IV-омъ в., т.-е. что онъ ставитъ рѣзкую грань между конституціей до-Евклидовскою и государственнымъ строемъ послѣ возстановленія демократіи въ 403 г., дѣлая такимъ образомъ различіе, до котораго и въ наше время дошли еще не всѣ ученые, часто переносящіе учрежденія IV-го в. безъ дальнѣйшихъ разсужденій и на V-ый.

Инв. 35181

Разграниченіе это между V-мъ и IV-мъ вѣками, коего самыми видными поборниками могутъ считаться профессора Köhler и v. Wilamowitz, является по нашему мнѣнію однимъ изъ самыхъ крупныхъ результатовъ, добытыхъ новѣйшей наукой, и не могло быть, конечно, извѣстнымъ автору „De comitiis Atheniensium“: наше дѣло будетъ ввести его въ наше изложеніе даннаго вопроса и сообразно съ этимъ сосредоточить наше вниманіе главнымъ образомъ на государственныхъ учрежденіяхъ IV-го в., единственно почти намъ извѣстныхъ въ подробностяхъ съ большей достовѣрностью, между тѣмъ какъ учрежденій и предыдущей и послѣдующей эпохи намъ придется касаться въ большинствѣ случаевъ лишь мимоходомъ и съ крайней осторожностью.

Но не только относительно эпохи, которая главнымъ образомъ будетъ подлежать нашему разсмотрѣнію, наше изслѣдованіе будетъ существенно отличаться отъ труда Шёманна, а также и со стороны порядка изложенія, по скольку онъ является не случайной,

---

няетъ ее политическими тенденціями автора: мы въ этомъ не можемъ съ нимъ согласиться. Болѣе подробный разборъ и этихъ монографій читатель найдетъ въ вышеуказанной моей статьѣ, которую я пишу по порученію редакціи Berl. philolog. Wochenschrift.

внѣшней формой, а выразителемъ извѣстнаго цѣльнаго воззрѣнія на одинъ изъ коренныхъ вопросовъ аѳинской государственной жизни. Стремясь по мѣрѣ силъ нашихъ къ тому, чтобы замѣнить устарѣвшее сочиненіе Шёманна достойнымъ его пріемникомъ, мы вовсе не имѣемъ въ виду дать второе изданіе этой книги, „исправленное и дополненное“: къ чему ведетъ такое „подновленіе“ цѣльно-задуманнаго и пропорціонально во всѣхъ частяхъ возведеннаго зданія путемъ выбрасыванія оказавшихся негодными или обветшавшихъ камней, иногда краеугольныхъ, и замѣны ихъ новымъ, неприсобленнымъ и иногда неподходящимъ матеріаломъ, это лучше всего доказываетъ третье изданіе знаменитой книги А. Бёка Staatshaushaltung der Athener, исполненное Мориценъ Френкелемъ, который даже не позаботился хотя бы внѣшнимъ образомъ соединить этотъ новый матеріалъ со старымъ, а нагромоздилъ его рядомъ съ расшатаннымъ твореніемъ мастера. Повторивъ ту же попытку относительно работы Шёманна, мы пришли бы, естественно, къ подобному же результату, или къ еще болѣе плачевному въ виду того, что и книга эта еще старѣе, и работа научная относительно интересующаго насъ вопроса шла живѣе несравненно, нежели въ области государственнаго хозяйства: не говоря уже о крупныхъ историческихъ трудахъ Грота, Курціуса, Дункера, Бузольта, Duruy и Гольма, входившихъ по необходимости въ болѣе или менѣе подробное и обстоятельное его разсмотрѣніе, работы Гартеля и Миллера о народныхъ декретахъ, Philippi, Szanto, Гуга о гражданствѣ и его дѣленіяхъ, Реуша о дняхъ народныхъ собраній, Курта Ваксмута, Люгебиля, Виламовитца по древнѣйшей исторіи города Аѳинъ, Гаазе, Куторги, Ваксмута, Ильгена, Заупие, Бюрманна, Буркгардта, Карла Курціуса, Рудольфа Шёлля по фратріямъ и филамъ, Лика, Росса, Диттенбергера и Госсулье по демамъ, Диттенбергера и моего друга Іоанна Тёпффера объ аѳинскихъ родахъ, Ульриха Кёлера и Hauvette-Besnault о пританахъ, а также многочисленные ученые комментаріи къ отдѣльнымъ надписямъ уже названныхъ ученыхъ и многихъ другихъ и огромная масса иногда весьма цѣнныхъ диссертацій по спеціальнымъ вопросамъ внесли въ науку столько и общихъ идей и частныхъ фактовъ, что полная и цѣльная переработка книги Шёманна на новыхъ основаніяхъ и съ отчасти измѣнившихся точекъ зрѣнія сдѣлалась настоятельною необходимостью.

Какъ извѣстно, сочиненіе Шёманна раздѣлено авторомъ на три книги: въ первой разсматривается, коротко говоря, ходъ народнаго собранія и формы дѣлопроизводства въ немъ, во второй перечисляются дѣла, подлежавшія вѣдѣнію народа, а третья, самая краткая, имѣетъ предметомъ дѣленія народныя и собранія его по филамъ и демамъ.

Для Шёманна такое дѣленіе было вполнѣ естественнымъ и понятнымъ: противопоставивъ экклезіи всего аѳинскаго народа „агоры“ отдѣльныхъ его частей[1]), онъ совершенно послѣдовательно къ подробному разсмотрѣнію первой присоединилъ для полноты краткій очеркъ тѣхъ свѣдѣній, которыя имѣлись относительно послѣднихъ, т.-е. собраній филъ и демовъ. Но для насъ почти столѣтняя научная работа выяснила общегосударственную роль и значеніе этихъ и другихъ народныхъ дѣленій совсѣмъ въ иной мѣрѣ, нежели они были понятны Шёманну, который не могъ еще въ свое время воспользоваться ни самымъ обильнымъ источникомъ для ихъ изученія — эпиграфическими документами, ни самымъ благодарнымъ методомъ для ихъ познанія — сравнительнымъ, основывающемся на сопоставленіи древнѣйшихъ культуръ всѣхъ арійскихъ народовъ. Мы теперь вполнѣ отчетливо познали, что не только эти мелкія, почти незамѣтныя единицы являлись чрезвычайно важными факторами во внутреннемъ управленіи государства, освобождая общее народное собраніе отъ массы дѣлъ, если и не важныхъ по существу, то подавляющихъ по своей многочисленности, но и должны считаться настоящими основами всего аѳинскаго гражданства: именно въ этомъ отношеніи онѣ пріобрѣтаютъ для насъ необыкновенное значеніе, такъ какъ въ Аѳинахъ вѣдь гражданство, т.-е. совокупность этихъ мелкихъ единицъ, является въ обще-народномъ собраніи представителемъ государственной идеи и носителемъ суверенной власти.

Этимъ опредѣляется и содержаніе и раздѣленіе первой части нашего труда, которая именно будетъ имѣть предметомъ разсмотрѣніе аѳинскаго гражданства: мы должны будемъ прежде всего изслѣдовать тѣ дѣленія народныя, принадлежность къ коимъ составляла condicio sine qua non для всякаго аѳинскаго гражда-

---

[1]) Duplex statui debet genus comitiorum: p. 27.

нина, и характеризовать два принципа, въ нихъ сказывающіеся, родовой и территоріальный, и ихъ взаимную комбинацію; затѣмъ мы разсмотримъ условія пріобрѣтенія права гражданства путемъ какъ естественнымъ — чрезъ рожденіе, такъ и искуственнымъ — чрезъ принятіе иностранцевъ, и подвергнемъ разбору случаи потери или ограниченія гражданскихъ правъ *(ἀτιμία)*; наконецъ постараемся охарактеризовать тотъ комплексъ отдѣльныхъ правъ, который заключало въ себѣ право гражданства аѳинскаго *(ἐπιτιμία)*, и тѣ обязанности, которыя оно влекло за собою *(τέλη)*, при чемъ дадимъ и краткій очеркъ привиллегій, даруемыхъ отдѣльнымъ заслуженнымъ гражданамъ *(ἀτέλεια)*. Въ дополненіе къ этой части нашего труда мы представимъ въ видѣ контраста къ полноправному гражданству очеркъ правоваго положенія низшихъ классовъ народонаселенія — иностранцевъ и вольноотпущенниковъ съ различной градаціей ихъ правъ *(ἰσοτελεῖς, μέτοικοι, ξένοι)* и рабовъ, преимущественно государственныхъ *(δημόσιοι)*. Въ приложеніяхъ мы дадимъ по возможности полныя таблицы народныхъ дѣленій, извѣстныхъ намъ изъ авторовъ или эпиграфическихъ памятниковъ и статистическое изслѣдованіе относительно населенности отдѣльныхъ демовъ и общей численности аѳинскаго гражданства (направленное противъ ошибочныхъ вычисленій проф. Белоха въ его книгѣ: „Bevölkerung der griechisch-römischen Welt“ 1888 г.) Всей этой части будетъ предпослано возможно болѣе сжатое разсужденіе относительно основаній античнаго государства вообще.

Если первая часть нашего труда явится такимъ образомъ не столько переработкой Шёманновской книги, сколько совершенно новымъ изслѣдованіемъ, основаннымъ на иныхъ принципахъ[1]), то

---

[1]) Скорѣе можно сказать, что наша первая часть примыкаетъ къ книгѣ Philippi, Beiträge zur Geschichte des attischen Bürgerrechts (Leipzig 1870); но и отъ послѣдней она существенно различается уже по своему плану: я держусь воззрѣнія, что при предварительномъ изслѣдованіи историческихъ вопросовъ приходится иногда поневолѣ идти отъ конца, какъ болѣе извѣстнаго, къ началу, но при окончательномъ изложеніи полученныхъ результатовъ начинать свое повѣствованіе отъ временъ Демосѳена и кончать царемъ Іономъ значитъ добровольно разрушать нить органическаго развитія государственныхъ учрежденій, и должно быть признаннымъ столь же раціональнымъ, какъ начать постройку дома съ крыши и заканчивать фундаментами.

вторая будетъ гораздо тѣснѣе къ ней примыкать, но не къ первой, а ко второй книгѣ его сочиненія: мнѣ кажется, что раціональнѣе разсмотрѣть сначала, *какими* дѣлами занималось народное собраніе аѳинянъ, т.-е. его компетенціи, а лишь позднѣе, *какъ* оно ихъ рѣшало, т.-е. его дѣлопроизводство, которое составитъ предметъ третьей части моего изслѣдованія. И въ той, и въ другой части существенное различіе нашего труда отъ Шёманновскаго будетъ состоять въ томъ особомъ вниманіи, которое обращено будетъ нами на взаимное отношеніе народнаго собранія и двухъ совѣтовъ, Пятисотъ и Ареопага, какъ въ сферѣ ихъ различныхъ компетенцій, такъ и съ точки зрѣнія внѣшняго дѣлопроизводства. Каждый читатель, хоть нѣсколько знакомый съ даннымъ вопросомъ, пойметъ, что имѣются въ виду важные вопросы, впервые поднятые В. Гартелемъ относительно т.-наз. Probuleumatische Formel и двойнаго чтенія въ народномъ собраніи[1]).

Можетъ только возникнуть сомнѣніе, къ которой части нашего изложенія должно быть отнесено разсмотрѣніе этого кореннаго вопроса аѳинскаго государственнаго права, т.-е. имѣетъ ли онъ болѣе тѣсную связь съ компетенціей или съ дѣлопроизводствомъ народнаго собранія. Самъ Гартель, а также и Swoboda, распространившій его изслѣдованія на всѣ вообще народные декреты греческихъ государствъ[2]), кажется, относятъ этотъ вопросъ болѣе къ области внѣшняго дѣлопроизводства; но мнѣ кажется, что во всякомъ случаѣ та или другая степень участія Совѣта въ составленіи народнаго постановленія не можетъ быть отнесена къ формальностямъ дѣлопроизводства наравнѣ напр. съ вопросомъ, въ какіе дни мѣсяца или пританія собиралось народное собраніе: само по себѣ участіе Совѣта является дѣйствительно лишь однимъ изъ моментовъ, которые должно было пройти народное *ψήφισμα* для полученія легальной силы, но бо́льшая или меньшая степень этого участія обусловливала въ обратной прогрессіи меньшее или большее вліяніе народнаго собранія на дѣла, т.-е. чѣмъ большими

---

[1]) W. Hartel, Demosthenische Studien. II. 1878 (Sitz.-Ber. d. Wien. Akad. LXXXVIII. 1877). Studien über attisches Staatsrecht und Urkundenwesen. Wien 1878 (Sitz.-Ber. d. Wien. Akad. XC, XCI, XCII, 1878).

[2]) H. Swoboda, Die griechischen Volksbeschlüsse. Leipz. 1890. Срвн. мою рецензію въ Berlin. philolog. Wochenschr. XI (1891) №№ 31/32, 33.

компетенціями обладала *βουλή*, тѣмъ ограниченнѣе былъ кругъ дѣятельности и власти экклезіи и наоборотъ. Въ виду этого, по нашимъ воззрѣніямъ, вопросъ напр. о двойномъ чтеніи въ народномъ собраніи долженъ быть отнесенъ къ дѣлопроизводству, такъ какъ въ сущности на его компетенцію особеннаго вліянія такое узаконеніе, если оно существовало, не могло бы имѣть; но разсмотрѣніе т.-наз. *προβούλευμα* Совѣта и его вліянія на окончательную формулировку народнаго постановленія, возможности его измѣненія въ частностяхъ или же полной замѣны новымъ предложеніемъ — все это относится непосредственно къ изслѣдованію круга власти народнаго собранія, такъ какъ послѣдняя представится намъ совершенно иной при такихъ условіяхъ, нежели въ томъ случаѣ, если бы народу было предоставлено, какъ это было въ Римѣ, въ Спартѣ и друг. государствахъ лишь право принять или отвергнуть внесенное высшей инстанціей предложеніе въ неизмѣненномъ видѣ. Точно такъ же изложеніе нашихъ свѣдѣній о ходѣ дебаттъ въ экклезіи принадлежитъ, конечно, къ области формальностей, но вопросъ о томъ, кому принадлежала инициатива въ дѣлѣ внесенія новыхъ предложеній, исключительно ли членамъ Совѣта, составлявшаго *προβούλευμα*, или всякому вообще гражданину, т.-е. вопросъ о т.-наз. *ῥήτορες* [1]), долженъ быть отнесенъ къ сферѣ компетенцій аѳинскаго гражданства.

Изъ сказаннаго самъ собою вытекаетъ порядокъ изложенія, коего мы намѣрены придерживаться во второй и третьей книгѣ своего труда. Вторая будетъ распадаться на двѣ половины: установленіе общихъ принциповъ, опредѣляющихъ и ограничивающихъ кругъ дѣятельности и вліянія аѳинскаго народнаго собранія, и разсмотрѣніе спеціальныхъ компетенцій его въ отдѣльности. Въ первой изъ помѣченныхъ двухъ частей намъ прежде всего придется опре-

---

[1]) Какъ видно изъ сказаннаго нами и какъ подробнѣе будетъ уяснено въ своемъ мѣстѣ, мы терминъ *ῥήτορες* понимаемъ въ нѣсколько иномъ смыслѣ, нежели это обыкновенно водится, т.-е. не въ значеніи любаго гражданина, болѣе или менѣе обученнаго краснорѣчію и выступающаго передъ народомъ съ какою-нибудь рѣчью, а въ смыслѣ государственнаго дѣятеля, ex professo посвящающаго себя политикѣ: въ виду этого мы и разсмотрѣніе ихъ положенія и вліянія относимъ не къ книгѣ, занимающейся внѣшнимъ ходомъ народнаго собранія, какъ это сдѣлалъ Шёманнъ, а къ той части нашего изложенія, которая посвящена разбору компетенцій экклезіи и изслѣдованію разныхъ факторовъ, имѣвшихъ на нее вліяніе.

дѣлить разницу между настоящимъ закономъ и простымъ постановленіемъ, т.-е. говоря греческими терминами, между *νόμος* и *ψήφισμα*, при чемъ намъ придется коснуться и нормъ, существовавшихъ въ Аѳинахъ для т.-наз. *νομοθεσία* — законодательства; далѣе мы должны будемъ установить отношеніе между народнымъ собраніемъ и совѣтомъ Пятисотъ, разграничить ихъ компетенціи и опредѣлить вліяніе, которое имѣло на составленіе народнаго постановленія *προβούλευμα* совѣта, при чемъ мы коснемся и т.-наз. пробулевматической формулы, встрѣчающейся въ аттическихъ документахъ, поправокъ и измѣненій, вносимыхъ въ *προβούλευμα* въ народномъ собраніи и экстраординарныхъ полномочій, предоставляемыхъ Совѣту экклезіей; въ этомъ же отдѣлѣ намъ придется разсмотрѣть роль Ареопага въ болѣе древнія времена и его отношеніе къ народному собранію въ V—IV вв. Затѣмъ мы разберемъ вопросъ, кому принадлежала иниціатива въ дѣлѣ законодательства, и въ связи съ этимъ постараемся опредѣлить роль магистратовъ при обсужденіи и составленіи народныхъ рѣшеній. Наконецъ намъ придется, хотя въ краткихъ словахъ, указать на тѣ группы дѣлъ, которыя были въ большей или меньшей степени изъяты изъ вѣдѣнія общенароднаго собранія и предоставлены съ одной стороны геліеѣ, съ другой — собраніямъ филъ, демовъ и другихъ общественныхъ коллегій[1]), и вообще на отношеніе этихъ послѣднихъ къ аѳинской экклезіи.

Во второй, спеціальной части мы подвергнемъ разсмотрѣнію отдѣльныя группы дѣлъ, входившихъ въ компетенцію народнаго собранія, при чемъ мы расположимъ ихъ по четыремъ главнымъ категоріямъ: а) выборы должностныхъ лицъ; б) судопроизводство; в) законодательство; г) политика внѣшняя и внутренняя. Въ особомъ приложеніи мы постараемся охарактеризовать, насколько позволяетъ скудость нашего матеріала, тѣ измѣненія и ограниченія, коимъ подверглись съ теченіемъ времени компетенціи народнаго собранія въ Аѳинахъ. Можетъ показаться страннымъ, что этотъ quasi-историческій очеркъ мы ставимъ въ концѣ, а не въ началѣ нашей второй книги, но дѣло въ томъ, что о древнѣйшей дѣятельности экклезіи отъ времени Солона даже до Персидскихъ

---

[1]) Относительно круга ихъ дѣятельности намъ придется, конечно, говорить подробнѣе въ первой книгѣ, имъ спеціально посвященной.

войнъ и объ отношеніи къ ней напр. Ареопага мы точныхъ свѣдѣній не имѣемъ: намъ придется касаться лишь тѣхъ перемѣнъ, которыя произошли въ эпоху македонскаго и римскаго владычества, спеціально во времена римской имперіи, т.-е. были внесены въ аѳинскій государственный строй гораздо позднѣе классической поры Аѳинъ, составляющей по вышесказанному главный предметъ нашего изслѣдованія. Къ этой второй части нашего труда также будутъ приложены таблицы съ указаніемъ извѣстныхъ намъ изъ литературы или эпиграфическихъ актовъ народныхъ постановленій, распредѣленныхъ по вышеуказаннымъ четыремъ категоріямъ и ихъ спеціальнымъ подраздѣленіямъ.

Третья книга будетъ, какъ уже выше сказано, посвящена ходу народнаго собранія и дѣлопроизводству въ немъ. — Прежде всего мы постараемся на основаніяхъ, положенныхъ Реушомъ[1]), опредѣлить по мѣрѣ возможности дни народныхъ собраній, затѣмъ перечислимъ тѣ мѣста, гдѣ они засѣдали; далѣе насъ займетъ вопросъ насчетъ лицъ, имѣвшихъ право объявлять, созывать и руководить дебаттами въ экклезіяхъ, т.-е. притановъ и проедровъ съ ихъ эпистатами; потомъ мы постараемся сгруппировать тѣ свѣдѣнія, которыя имѣются относительно хода народнаго собранія, при чемъ намъ придется снова коснуться т.-наз. *προβούλευμα* Совѣта съ точки зрѣнія формальной, главнымъ образомъ въ виду возбужденнаго Гартелемъ вопроса о „двойномъ чтеніи“ въ экклезіи; наконецъ намъ предстоитъ охарактеризовать разные способы подачи голосовъ, намъ извѣстные. Въ тѣсной связи съ дѣлопроизводствомъ въ народномъ собраніи стоитъ вопросъ о храненіи и начертаніи народныхъ постановленій: имъ мы займемся въ заключительной главѣ нашего труда, резюмируя и пополняя результаты, полученные относительно этихъ юридическихъ актовъ въ предыдущемъ изложеніи; тутъ же мы вкратцѣ, насколько это потребуетъ нашъ спеціальный предметъ, подвергнемъ разсмотрѣнію должностныхъ лицъ, на коихъ лежали канцелярскія обязанности, т.-е. разныхъ

---

[1]) A. Reusch, De diebus contionum ordinariarum apud Athenienses. Argentor. MDCCCLXXX. Это изслѣдованіе, помѣщенное въ Dissert. philolog. Argentoratenses, Vol. III, p. 1, было бы мнѣ недоступно, если бы авторъ (нынѣ учитель въ Altkirch въ Эльзасѣ) не оказалъ бы мнѣ любезности прислать по моей просьбѣ единственный оставшійся у него (на концѣ нѣсколько неполный) экземпляръ своего изслѣдованія.

γραμματεῖς аѳинскаго государства, а равно и тѣхъ финансовыхъ магистратовъ, изъ чьихъ кассъ покрывались расходы по начертанію актовъ.

Можетъ быть читателямъ покажется нераціональнымъ, что разсмотрѣніе тѣхъ юридическихъ актовъ, которые должны намъ дать главную массу матеріала для нашей второй и третьей книги, мы отнесли подъ самый конецъ нашего изслѣдованія; но не говоря уже о томъ, что ψήφισμα, начертанное на камнѣ является какъ бы послѣднимъ результатомъ всѣхъ тѣхъ условій и актовъ, которые будутъ нами разсмотрѣны въ предшествующихъ главахъ, и что слѣдовательно по строгой логикѣ оно и должно быть охарактеризовано въ концѣ, мы уже раньше имѣли случай указать на наше воззрѣніе, что вовсе нѣтъ никакой необходимости, чтобы ходъ изложенія слѣдовалъ ходу научнаго изслѣдованія, и что напротивъ такой принципъ ведетъ часто къ большимъ неудобствамъ. Въ данномъ случаѣ мы сами сначала имѣли въ виду предпослать нашей второй и третьей книгѣ особое введеніе, въ которомъ были бы подвергнуты тщательному изслѣдованію всѣ вопросы относительно аѳинскихъ декретовъ, но мы должны были признать такой планъ неудобнымъ: не только такое введеніе само разрослось бы въ цѣлую книгу на подобіе изслѣдованія Гартеля, а главнымъ образомъ — мы предвосхитили бы по частямъ и безъ систематическаго порядка цѣлые отдѣлы указанныхъ двухъ книгъ и такимъ образомъ сами добровольно разрушили бы стройность и послѣдовательность нашего труда.

Стараясь уяснить отношеніе нашего изслѣдованія къ книгѣ Шёманна, мы вмѣстѣ съ тѣмъ предложили подробный его планъ въ общемъ и въ частяхъ: мы не думаемъ, чтобы онъ былъ лишнимъ, такъ какъ при столь сложномъ и въ иныхъ частяхъ запутанномъ научномъ вопросѣ для читателя можетъ быть весьма удобнымъ и полезнымъ, если ему дана возможность съ самаго начала оріентироваться относительно общихъ воззрѣній, руководящихъ авторомъ въ его изслѣдованіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы постарались въ каждомъ случаѣ, гдѣ это требовалось, дать отчетъ или вкратцѣ указать, почему разсмотрѣніе того или другаго, частнаго вопроса мы ставимъ въ такую, а не иную связь: конечно, причины этого часто будутъ явствовать изъ самаго изложенія, но мы не видимъ необходимости принуждать читателя самому себѣ

уяснять то, что можетъ быть съ удобствомъ указано ему во введеніи самимъ авторомъ, тѣмъ болѣе, что трудъ нашъ будетъ оконченъ не въ одинъ годъ, и только изъ предложеннаго плана можетъ быть ясно, почему въ томъ или другомъ мѣстѣ читатель не найдетъ какой-нибудь подробности, которой мы нашли удобнѣе коснуться въ иной части нашей работы.

ГЛАВА I.

Основы античнаго государства. Понятія *πόλις* и *πολίτης*.

Отличія античнаго государства отъ современнаго. — 1. Ограниченность государства. — *πόλις* = государство и городъ. — *πόλις* и *κώμη*. — Воззрѣнія Платона и Аристотеля. — Синойкизмы и синтеліи. — Попытки къ созданію государствъ въ нашемъ смыслѣ слова и ихъ неудача. — 2. Родовой строй античной общины. — Идея государственной власти въ борьбѣ съ родовымъ принципомъ и возникновеніе территоріальныхъ дѣленій. — Примиреніе и объединеніе двухъ принциповъ. — 3. Религіозная основа античнаго государства. — Государство и религія. — Невозможность антагонизма между ними. — 4. Рабство какъ необходимое условіе и неизбѣжная основа античнаго государства. — Воззрѣнія на рабство древнихъ мыслителей, особенно Платона и Аристотеля. — Результаты этого принципа для строя античныхъ государствъ. — Аристократія и демократія и ихъ отношеніе къ труду рабскому и свободному. — 5. Отсутствіе свободы въ античномъ государствѣ. — Полное подчиненіе личности идеѣ общественной. — Отношеніе гражданина къ иностранцамъ. — 6. Опредѣленіе понятія гражданина (*πολίτης*). — Попытка опредѣленія у Аристотеля. — Критика Philippi. — Несостоятельность его собственнаго опредѣленія. — Постановка новаго опредѣленія.

Древне-эллинское государство не только во внѣшностяхъ своего устройства, но и въ общемъ характерѣ своемъ и въ принципахъ, легшихъ въ его основу, самымъ кореннымъ образомъ отличалось отъ того, что мы сами привыкли разумѣть подъ названіемъ государства: ни въ чемъ другомъ, можетъ быть, не сказывается такъ рѣзко глубокая разница между античнымъ и современнымъ міровоззрѣніемъ. Мысль эта не новая, всѣ выдающіеся ученые, какъ бы разнообразны ни были ихъ научные взгляды, въ этомъ одномъ пунктѣ сходятся, принимая существенное различіе между античнымъ и новѣйшимъ государствомъ: тѣмъ не менѣе трудно было

бы указать трактатъ или сочиненіе, гдѣ бы съ требуемой обстоятельностью, систематически были сопоставлены и уяснены всѣ существенныя точки зрѣнія на этотъ коренной вопросъ[1]). Но не только смотря по своимъ личнымъ воззрѣніямъ и случайнымъ

---

[1]) Изъ литературы, сюда относящейся, если оставить въ сторонѣ замѣчанія, разсѣянныя по различнымъ сочиненіямъ, должно прежде всего назвать книгу Fustel de Coulanges'a, La cité antique, пользующуюся огромною популярностью, какъ показываетъ число ея изданій, но страдающую не только массой ошибокъ въ частностяхъ, но и узостью общихъ взглядовъ: онъ ограничивается въ сущности одною лишь религіозною основою античнаго государства и ту почти сводитъ къ культу героизированныхъ предковъ; затѣмъ ему сильно повредило стремленіе къ сопоставленію эллинскихъ и римскихъ учрежденій, доведшее его до невозможнаго параллелизма (напр. въ перенесеніи римской кліентелы на греческую почву). Гораздо болѣе научнымъ характеромъ отличается сочиненіе іенскаго проф. Leist'a, Graeco-italische Rechtsgeschichte. Jena 1884, но сообразно своей цѣли, опредѣлить основныя правовыя понятія, издревле общія обоимъ народамъ и вынесенныя ими изъ первоначальной родины, онъ затрогиваетъ лишь часть вопросовъ, насъ интересующихъ (особенно родовой строй и религіозно-семейную основу античнаго государства), удѣляя много мѣста разсмотрѣнію частно-правовыхъ отношеній и развитія уголовнаго и гражданскаго процесса. Еще болѣе послѣдній элементъ преобладаетъ въ новѣйшей книгѣ того же ученаго: Altarisches Jus gentium (Jena 1889), которая имѣетъ предметомъ правовыя понятія и установленія древнѣйшаго, „патріархальнаго“ періода у аріевъ (отнюдь не международное право!). Обстоятельное разсмотрѣніе вопросовъ, которыхъ намъ придется касаться въ самомъ началѣ нашего разсужденія (о взаимномъ отношеніи *πόλις* и *κώμη*, о синойкизмѣ и симполитіи), можно найти въ богатомъ подробностями трудѣ E. Kuhn'a, Über die Entstehung der Städte der Alten, Komenverfassung und Synoikismos. Leipzig 1878, коего главнымъ недостаткомъ, кромѣ нѣкотораго многословія, часто прикрывающаго отсутствіе положительныхъ данныхъ, должно признать извѣстную неопредѣленность въ формулировкѣ основныхъ понятій и отсутствіе правильной классификаціи разсматриваемыхъ политическихъ формъ (срвн. рецензіи этой книги H. Zurborg'a въ Jen. Lit.-Z. 1878, A. Holm'a въ Burs. J.-B. XXIII (1880), p. 296, проф. А. Шварца въ Критич. Обозр. 1879, № 16). Весьма цѣнныя, хотя разрозненныя замѣчанія по занимающимъ насъ вопросамъ даютъ два ученыхъ при оцѣнкѣ государственныхъ теорій Аристотеля: W. Oncken въ классическомъ своемъ сочиненіи Staatslehre des Aristoteles. 2 Bd. Leipzig 1870, 1875 и A. C. Bradley въ краткомъ изслѣдованіи подъ тѣмъ же заглавіемъ переведенномъ на нѣмецкій языкъ Imelmann'омъ (Berlin 1884), а также Hildenbrand, Geschichte und System der Rechts- und Staatsphilosophie I. B. d. class. Alterthum (Leipzig 1860). Изъ новѣйшихъ учебниковъ греческихъ государственныхъ древностей книги Германна (и въ обработкѣ V. Thumser'a) и Гильберта не даютъ почти ничего, кромѣ матеріала по нѣкоторымъ вопросамъ, Шёманнъ же въ своемъ популярномъ очеркѣ и тутъ дастъ, хотя краткія, но весьма мѣткія указанія.

обстоятельствамъ, ученые выдвигаютъ на первый планъ то ту, то другую характерную черту отличія античнаго государства, часто впадая въ односторонность: подъ вліяніемъ укоренившихся идей нерѣдко даже выдающіеся представители науки, сознавая вполнѣ существенныя отличія эллинскаго государства, при изложеніи отдѣльныхъ вопросовъ игнорируютъ ихъ или какъ бы забываютъ, перенося современныя понятія на учрежденія древняго міра. Не имѣя смѣлости утверждать, что и намъ удастся вполнѣ и всюду отрѣшиться отъ этихъ идей, въ силу привычки оказывающихъ громадное вліяніе на ходъ нашихъ мыслей, мы тѣмъ болѣе считаемъ необходимымъ въ началѣ даннаго изысканія себѣ и читателю привесть на память и систематически сопоставить самыя характерныя черты отличія древне-эллинскаго государства.

Для „государства“ эллины не имѣли въ сущности никакаго другаго термина, кромѣ *πόλις* — слова, обозначавшаго вмѣстѣ съ тѣмъ и понятіе „городъ“. Въ этомъ словѣ кроется цѣлая исторія постепеннаго развитія культуры у древнихъ эллиновъ. По свидѣтельству этимологіи греческая „*πόλις*“ родственна санскритскому слову „pur“ и оба происходятъ отъ корня PLE, указывающаго на „множество“, „полноту“, „наполненіе“ (отъ него же и греческое „*πολύς*“ = санскр. puru),[1]) такъ что Grassmann толкуетъ слово „pur“ = die (von Volk angefüllte) Burg: что санскритское слово именно обозначало первоначально понятіе „кремль“, „оплотъ“ (а не городъ), тому свидѣтельствомъ служитъ, что богъ Агни называется въ Ригъ-Ведѣ „оплотомъ благочестивыхъ“, гдѣ слово „pur“ нельзя переводить городомъ[2]). Что, и греческая *πόλις* первоначально означала также лишь возвышенное, укрѣпленное мѣсто, куда въ случаѣ опасности укрывалось окрестное населеніе, и гдѣ помѣщались и главныя святи-

---

[1]) G. Curtius, Griech. Etymologie (5-е изд. 1879), p. 79 и 281 (№ 374), cfr. p. 277 (№ 366), гдѣ отъ того же корня PLE (греч. *πλα*) производится лат. popul-us, ple-be-s, ср. герм. folc, слав. **пле-мя**. G. Meier, Griech. Gramm. (2-е изд. 1888), § 28 Anm. Срвн. Zimmer, Altind. Leben, p. 142 (особенно на стр. 146 сопоставленіе съ „городищами“). Родство словъ *πόλις* и *πολύς* было признано уже древними, какъ указываетъ Steinthal, Gesch. d. Sprachwiss. bei d. Griech. und Röm. (2-е изд. 1890) I. B., p. 85, ссылаясь на Платона, d. Rep. II, p. 369 c.

[2]) Grassmann, Wörterbuch z. Rig-veda подъ словомъ pur. Lefmann, Gesch. p. alt. Ind. p. 122.

лища и въ болѣе древнее время дворецъ анакта, доказывается несомнѣнно пережившими три тысячелѣтія остатками „золотообильныхъ Микенъ“ и „славнаго стѣнами Тиринѳа“, коихъ открытіе составляетъ незабвенную заслугу покойнаго Шлиманна[1]). И аѳинскій кремль, для котораго нарицательное слово „акрополь“ въ нашемъ употребленіи обратилось, можно сказать, въ собственное имя, до конца V-го вѣка назывался не иначе, какъ *πόλις* въ память прежняго своего значенія[2]): здѣсь стоялъ алтарь *Διὸς Πολιέως*, здѣсь находился древнѣйшій аѳинскій храмъ Аѳины Поліады и въ связи съ нимъ дворецъ старинныхъ базилеевъ (коего фундаменты открыты въ послѣднее время) — *Ἐρεχθῆος πυκινὸς δόμος*[3]).

У подножья этого кремля, который въ видахъ и болѣе легкой обороны и болѣе сильнаго укрѣпленія не могъ быть особенно обширенъ и не годился какъ постоянное обиталище многочисленнаго народонаселенія, выростало съ теченіемъ времени поселеніе главнымъ образомъ изъ людей, стремившихся быть близкими къ политическому, военному и религіозному центру страны, т.-е. тѣхъ лицъ, изъ коихъ впослѣдствіи образовался классъ т.-наз. эвпатридовъ. Такой городокъ по-гречески носилъ названіе *ἄστυ* (*Ϝάστυ*, санск. vastu отъ корня vas = обитать), т.-е. именно (городское) поселеніе[4]). Слѣды такихъ поселковъ найдены у под-

[1]) Кромѣ извѣстныхъ сочиненій самого Schliemann'a (Mykenae 1878, Tiryns 1886), можно теперь еще сравнить книгу Schuchhardt'a: Schliemann's Ausgrabungen im Lichte der heutigen Wissenschaft (Leipzig 1890) съ картами Трои (p. 112), Тиринѳа (p. 161) и Микенъ (p. 333), для коихъ авторъ воспользовался не только книгами Шлиманна, но и Steffen'a Karten von Mykenae (1884) и планомъ Dörpfeld'a въ *Πρακτικά* 1886 г.

[2]) C. I. A. I. 1, 20, 21 et pass. Въ № 32, относящемся по Кирхгофу къ Ol. 86, 2 = 435 г., но начертанномъ на камнѣ не раньше Ol. 90 = 420—416 г. (срвн. Abh. d. Berl. Akad. 1864, p. 8 и противъ возраженій G. Löschcke, (De tituli atticis quaestt. epigraphicae 1876, p. 1—11) Kirchhoff, Zur Gesch. d. athenisch. Staatsschatzes im V. Jahrh. въ Abh. d. Berl. Akad. 1876, p. 21) смѣшиваются выраженія *πόλις* и *ἀκρόπολις*. Въ № 58 изъ года архонта Главкиппа (Ol. 92, 3=410) употребляется *ἀκρόπολις*, въ № 59 изъ второй половины того же года (Ol. 92, 3 = 409) читается *πόλις*.

[3]) Hom. Odyss. VII, 81. Срвн. новѣйшій планъ аѳинскаго акрополя, снятый инжен. Kawerau въ *Ἀρχαιολογικὸν Δελτίον* 1889, къ стран. 50, и въ уменьшенномъ видѣ въ Berl. phil. Wochenschr. 1889, № 35.

[4]) G. Curtius, Griech. Etym., p. 79 и 206 (№ 206), Brugmann, Grundriss d. vergl. Gramm. II, § 108, p. 306.

ножья всѣхъ вышеназванныхъ укрѣпленій, но само имя *ἄστυ* спеціально намъ засвидѣтельствовано лишь для древнихъ Аѳинъ, расположенныхъ къ югу отъ холма Акрополя: здѣсь, какъ справедливо замѣчаетъ Ѳукидидъ[1]), находились древнѣйшія изъ лежавшихъ внѣ кремля святилищъ, здѣсь праздновались Діонисіи ἐν ἄστει[2]), здѣсь лежалъ демъ *Κυδαθήναιον* — „славныя“ или „древнія“ Аѳины, центръ знатныхъ аѳинскихъ родовъ[3]), здѣсь еще въ V—IV вв. было локализовано названіе „ἄστυ“[4]). Слово это въ греческомъ языкѣ всегда сохранило за собою первоначальное значеніе „города“ въ нашемъ смыслѣ (отсюда и ἀστεῖος = лат. urbanus въ противоположность „сельскому“) и никогда ничего другаго обозначать не могло, но въ виду того, что оно вообще было малоупотребительно, по необходимости стали пользоваться для той же цѣли словомъ *πόλις*, уже утратившимъ свое значеніе „кремля“, для котораго было составлено новое названіе „ἀκρόπολις“.

Такой переходъ значенія слова *πόλις* вполнѣ понятенъ, съ тѣхъ поръ какъ „городъ“ смѣнилъ „кремль“ и въ дѣлѣ военной обороны и въ смыслѣ политическаго центра: такъ въ Аѳинахъ почти

---

[1]) Thucyd. II, cap. 15: *τὰ ἔξω (ἱερὰ) πρὸς τοῦτο τὸ μέρος τῆς πόλεως μᾶλλον ἵδρυται κ. τ. λ.*

[2]) Діонисіи, праздновавшіяся въ „городскомъ“ демѣ *Κολλυτός* назывались *Διονύσια τὰ κατ' ἀγρούς* (Aesch. in Timarch. p. 158 Reisk.), потому что въ то время, когда былъ установленъ этотъ праздникъ, городъ (*ἄστυ*) ограничивался лишь южнымъ склономъ акрополя, а названный демъ (занимавшій вѣроятно сѣверъ Аѳинъ: такъ Leake, Topograph., p. 316, Bursian, Geograph. v. Griechenl. I, p. 275, Curtius, Att. Stud. I, p. 13, Lolling, Topogr. Ath. въ Iw. Müll. Handb. d. class. Altertumswiss. III, p. 308, 1) былъ еще селомъ.

[3]) Таково воззрѣніе и Wilamowitz-Moellendorff'a, который и свои изслѣдованія о древнѣйшей исторіи Аѳинъ озаглавилъ: „Aus Kydathen“, U. Köhler'a въ Herm. VI, p. 110 и E. Curtius'a въ нижепоименованной статьѣ, гдѣ онъ говоритъ: „Hier (т.-е. къ Ю. отъ кремля) ist auch nach der unzweifelhaft richtigen Ansicht das Quartier der Kydathenäer, der einzige unter allen attischen Bezirken, welcher den Stadtnamen enthält, und das nichts anderes als das Urathen bezeichnen kann“.

[4]) Это доказываетъ E. Curtius въ своей статьѣ: Das Asty von Athen (Mitth. d. deutsch. arch. Inst. II, s. 53), ссылаясь на Діодора I, 28 и на Epistolographi Graeci ed. Hercher, p. 244. Обыкновенно *ἄστυ* въ устахъ аѳинянъ обозначало „верхній городъ“ въ противоположность Пирею: ср. кромѣ Nepos, Alcib. 6 и Vitruv. VIII, 3, 6 (указ. Курціусомъ) выраженіе „*ἄστυ τῆς πόλεως*“ у Ликурга (in Leocr. § 18).

единовременно Ѳемистоклъ замѣнилъ городской стѣной укрѣпленія кремля[1]), и Эфіалтъ „снесъ законы Солона съ акрополя на агору“[2]); кремль остался лишь религіознымъ центромъ государства, и отъ прежняго его политическаго значенія сохранился лишь обычай — важнѣйшіе государственные акты, гравированные на камнѣ, выставлять на акрополѣ (*στῆσαι ἐμ πόλει*, какъ говорилось еще до Евклида).

Не менѣе понятенъ, хотя насъ и поражаетъ на первый взглядъ, тотъ процессъ мышленія, по которому *πόλις* стала употребляться для выраженія того юридическаго понятія, которое мы передаемъ словомъ „государство“. Для объясненія достаточно указать на то, что въ древнѣйшую пору всѣ „государства“ или употребляя менѣе громкое названіе, политическія общины Эллады состояли изъ одного городскаго центра (гдѣ вообще таковой образовался) и близъ-лежащихъ окрестныхъ полей съ разбросанными жильями и парой мелкихъ деревень. Такое государственное устройство мы находимъ въ историческое время въ большинствѣ мѣстностей собственной Эллады. Вспомнимъ только о Фокидѣ, гдѣ на пространствѣ 1615 кв. кил.[3]) помѣщалось 21, а по другому свидѣтельству 22 самостоятельныя общины, уничтоженныя Филиппомъ Македонскимъ во Вторую Священную войну[4]), о Трифиліи, гдѣ ихъ числилось шесть[5]), объ Ахаѣ съ ея 12 „государствами“[6])

---

[1]) Намъ кажется вполнѣ несомнѣннымъ мнѣніе Wilamowitz'a (Kydath., p. 97), что передъ персидскими войнами городъ Аѳины не былъ вовсе укрѣпленъ, за исключеніемъ кремля; мы расходимся съ нимъ лишь въ убѣжденіи, что въ этомъ должно видѣть не результатъ „Entfestigung“, а исконное состояніе всѣхъ городовъ Эллады въ древнѣйшую пору — этимъ и объясняется протестъ спартанцевъ противъ укрѣпленій Ѳемистокла (Thuc. I, 90).

[2]) Harpocrat. s. v. *ὁ κάτωθεν νόμος· τοὺς ἄξονας καὶ τοὺς κύρβεις ἄνωθεν τῆς ἀκροπόλεως εἰς τὸ βουλευτήριον καὶ τὴν ἀγορὰν μετέστησεν Ἐφιάλτης ὥς φησιν Ἀναξιμένης.*

[3]) Beloch, Bevölkerung d. griech.-römisch. Welt. 1886, p. 161. Lolling, Hellenisch. Landesk. въ Iw. Müller's Handbuch, III, p. 129.

[4]) Demosth. d. fals. leg. (XIX), p. 379 Reisk.: *αἵ τε πόλεις πολλαὶ αἱ τῶν Φωκέων... δύο καὶ εἴκοσίν εἰσιν ἀριθμῷ.* Paus. X, 3, 2 пересчитываетъ 21 городъ по именамъ, при этомъ легко одно имя могло выпасть.

[5]) Herodot. IV, 148 (*Λέπρεον, Μάκιστος, Φριξαί, Πύργος, Ἔπιον, Νούδιον* или *Λούδιον*); срвн. Curtius, Peloponnes. II, 83, 89. Во времена Полибія ихъ было даже девять (Polyb. IV, 77).

[6]) Herodot. I, 145, Paus. VII, 6, 1, Strab. VIII, 7, 3 (p. 385), cfr. Polyb. II, 41.

или о Беотіи, гдѣ Ѳивы тщетно пытались объединить подъ своимъ главенствомъ 6 „автономныхъ“ городовъ, между тѣмъ какъ трое добровольно или по принужденію примкнули къ сосѣднимъ Аѳинамъ[1])! Число этихъ примѣровъ можно было бы въ случаѣ надобности еще умножить, но это представляло бы мало интереса, такъ какъ именно такой порядокъ вещей казался эллинамъ самымъ естественнымъ, напротивъ бо́льшія „государства“ являлись исключеніями изъ общаго правила, аномаліями, которыя объяснялись лишь особенными условіями ихъ исторической жизни[2]): такихъ государствъ мы въ классическую пору Эллады знаемъ почти только два, коихъ антагонизмъ и составляетъ всю греческую исторію — Спарту и Аѳины. Всѣ эти бо́льшія государства создались путемъ подчиненія тѣмъ или инымъ способомъ одному политическому центру болѣе мелкихъ поселеній, лишенныхъ самостоятельности и превращенныхъ въ т.-наз. *κῶμαι* или *δῆμοι*; иногда эти послѣдніе по своей величинѣ и историческому значенію нисколько не уступали многимъ независимымъ *πόλεις*, пользовавшимся полной автономіей — знаменитыя Микены вскорѣ послѣ конца Персидскихъ войнъ обращаются въ *κώμη* Аргоса и, несмотря на свое славное прошлое, лишаются права называться *πόλις*[3]).

---

[1]) Въ битвѣ при Деліи, кромѣ Ѳивъ, отдѣльные контингенты послали города Галіартъ, Коронея, Копы, Ѳеспія, Танагра, Орхоменъ: Thucyd. IV, c. 93. Платея (въ то время разрушенная), Елевѳеры и Оропъ были присоединены къ Аѳинамъ (Платея: Herodot. VI, 108; Thucydid. III, c. 68. Елевѳеры: Paus. I, 38, 8; Strab. IX, 2, 31 (p. 412). Оропъ: Thucydid. II, 23. VIII, 60; Diodor. XIV, 17. XV, 76; Isocr. Plat. 20, 37; Paus. I, 34, 1. Срвн. Köhler, Die Münzen von Oropos въ Mitth. IV, p. 259; Wilamowitz, Oropos und die Graer въ Herm. XX, p. 91.

[2]) Подробное разсмотрѣніе всѣхъ сюда относящихся вопросовъ см. у Kuhn'a, Entst. d. St., особенно въ первой части (Griechische Komenverfassung), которому недостаетъ, однако, отчетливости въ представленіяхъ: сказавши, что въ древности каждое населенное мѣсто у грековъ называлось *πόλις* (стр. 12), онъ дальше утверждаетъ, что первоначально они жили по комамъ (*κωμηδόν*: стр. 17), для коихъ онъ — страннымъ образомъ! — ссылается (стр. 13) на опредѣленіе Стефана Византійскаго s. v. *κώμη*: *ἐν ταῖς μακραῖς ὁδοῖς μέσα χωρία ἔκτισαν πρὸς τὸ κοιμᾶσθαι νυκτὸς ἐπιγιγνομένης· ὅθεν καὶ ἐπικέκληται*, т.-е. три несовмѣстимыхъ опредѣленія на пространствѣ 6 страницъ. Дѣло въ томъ, что Kuhn смѣшиваетъ юридическое понятіе *κώμη* (зависимая, неавтономная община — противоположность: *πόλις*) съ обыденнымъ (деревня, сельское поселеніе въ противоположность городскому — *ἄστυ*, иногда *πόλις* также не въ строго-юридическомъ смыслѣ).

[3]) Микены послѣ персидскихъ войнъ были покорены аргивянами и по общему

Изъ этого примѣра и многихъ подобныхъ, которыхъ излишне было бы приводить, явствуетъ слѣдующій результатъ: хотя слово *πόλις* въ греческомъ языкѣ и можетъ, какъ выше сказано, обозначать городъ, городское поселеніе въ нашемъ смыслѣ, и въ такомъ значеніи употребляется у писателей, но это дѣлается лишь по недостатку другаго подходящаго слова, по злоупотребленію, а въ настоящемъ, строго-юридическомъ смыслѣ *πόλις* можетъ служить лишь для обозначенія самостоятельной, автономной, полноправной политической общины; лучшимъ доказательствомъ этого служитъ, что всѣ производныя отъ *πόλις* заключаютъ въ себѣ именно это послѣднее значеніе — *πολίτης* = гражданинъ, а не горожанинъ, *πολιτικός* = политическій, а не городской.

Однако, по странной для насъ комбинаціи понятій *πόλις* никогда не утрачивала рядомъ съ этимъ и значенія политическаго центра: никогда выраженіе *πόλις τῶν Ἀθηναίων* не могло быть употреблено для обозначенія ни всей области Аттики (то была *ἡ χώρα ἡ Ἀττική* или *Ἀτθίς*), ни тѣмъ болѣе заморскихъ ихъ владѣній (ихъ называли: *οὗπερ Ἀθηναῖοι κρατοῦσι*)[1]); никогда съ другой стороны имя страны, составлявшей извѣстное государство, не могло служить названіемъ политической общины — нельзя было говорить объ Аттикѣ или Лакедемонѣ въ смыслѣ государства, ихъ должно было назвать или по имени городскаго центра — Аѳины, Спарта — или по названію гражданъ *ἡ πόλις τῶν Ἀθηναίων, τῶν Λακεδαιμονίων*. Въ такомъ смыслѣ должно понять и слова Ѳемистокла, когда на упрекъ Адиманта, что у него нѣтъ *πόλις*, онъ отвѣтилъ, указывая на флотъ аѳинскій: „напротивъ самая большая *πόλις* изъ всѣхъ эллинскихъ“[2]) — дѣйствительно, по эллинскимъ понятіямъ не земля, не почва, не зданія и стѣны составляютъ *πόλις*, а совокупность ея гражданъ, гдѣ бы они ни были,

---

преданію (Diodor. XI, 65; Paus. II, 16, 5; V, 23, 3; Strab. VIII, 6, 10, p. 372) разрушены до основанія (*κατεσκάφησαν ὑπ᾽ Ἀργείων, ὥστε νῦν μηδ᾽ ἴχνος εὑρίσκεσθαι τῆς Μυκηναίων πόλεως:* Strab.); мы, однако, нынѣ знаемъ, что онѣ продолжали существовать, какъ зависимая кома Аргоса: это доказываютъ двѣ недавно найденныя надписи изъ временъ тиранна спартанскаго Набиса, принадлежащія *τῇ κώμᾳ τῶν Μυκανέων* (ихъ издалъ *Τσούντας* въ *Ἐφημ. Ἀρχαιολογ.* 1887, p. 156 et 158 = Collitz, GDI. III, № 3315 et 3316).

[1]) Напр. C. I. A. II, 17 lin. 60.

[2]) Herodot. VIII, 61.

хотя бы подъ ногами не имѣли ничего, кромѣ пары бренныхъ досокъ своихъ кораблей.

Современному человѣку весьма трудно вдуматься въ этотъ кругъ идей, представить себѣ общепринятую у грековъ легальную фикцію, по которой подъ названіемъ *πόλις* неразрывно объединялись два понятія „города“ и „государства“, если такъ можно выразиться, политическаго центра и политической периферіи. Для эллина было столь же невозможно признать „государства“, какъ бы оно ни было обширно и сильно, гдѣ бы всѣ части не тяготѣли къ одному центру, вѣрнѣе сказать, не поглощались бы имъ, какъ дать названіе „города“ такому поселенію людей, какъ бы велико и великолѣпно оно ни было, которое бы не пользовалось въ лицѣ и чрезъ посредство своихъ гражданъ всѣми правами полной автономіи и государственнаго суверенитета (Hoheitsrechte): для громадной монархіи персидскаго царя, „великаго“ царя, какъ они сами его звали, „царя царей“, какъ онъ титуловался въ своихъ оффиціальныхъ актахъ, эллины должны были прибѣгать къ разнымъ описательнымъ выраженіямъ *(ἡ δύναμις τῶν Περσῶν, ἡ ἀρχὴ, ἡ χώρα τοῦ βασιλέως)*, такъ какъ названія государства по своимъ понятіямъ они дать ей не могли[1]); колоссальному безпримѣрному въ древности людскому поселенію, прославленному подъ именемъ Вавилона всѣми писателями, хотя оно было обнесено стѣною, вызывавшей всеобщее изумленіе со времени „отца исторіи“, тѣмъ не менѣе даже Аристотель, болѣе чѣмъ кто-либо другой изъ эллиновъ освободившійся отъ узкихъ прародительскихъ взглядовъ, отказывается дать названіе „города“ — *πόλις*, находя болѣе подходящимъ для его обозначенія слово „*ἔθνος*“, т.-е. скопище народа[2]).

Нельзя даже сказать, чтобы эллинское государство состояло изъ одного города съ окрестными деревнями и пригородами, невѣрно было бы утверждать напр., что въ Аттикѣ былъ только одинъ городъ — Аѳины: не только древній религіозный центръ культа хтоническихъ боговъ Элевсинъ или цвѣтущая гавань Пирей были

---

1) Срвн. напр. у Ѳукидида выраженіе въ трехъ договорахъ между царемъ Даріемъ II и спартанцами (Thucydid VIII, 18, 37, 58).

2) Aristotel. Politic. III, 3, p. 1276 a, 25: *πότε δεῖ νομίζειν μίαν εἶναι τὴν πόλιν. οὐ γὰρ δὴ τοῖς τείχεσιν· εἴη γὰρ ἂν Πελοποννήσῳ περιβαλεῖν ἓν τεῖχος. τοιαύτη δ' ἴσως ἐστὶ καὶ Βαβυλὼν καὶ πᾶσα ἥτις ἔχει περιγραφὴν μᾶλλον ἔθνους ἢ πόλεως.*

ничѣмъ больше, какъ простыми демами наравнѣ съ какой-нибудь Ойноей или Пробалинѳомъ, но и сами Аѳины — „глазъ Эллады“ въ юридическомъ смыслѣ городомъ не были; онѣ не имѣли даже того, что было предоставлено самому малому поселку, единства и муниципальнаго управленія — съ точки зрѣнія права Аѳинъ не существовало, а былъ только рядъ демовъ (*Κυδαθήναιον, Μελίτη, Κολλυτός* и др.), причисленныхъ сверхъ того къ различнымъ колѣнамъ (филамъ) народнымъ[1]); между тѣмъ какъ самый мелкій городокъ имѣлъ своего представителя (демарха) и свое собраніе (агору), „столица“ была лишена и того и другаго — только стѣны Ѳемистокла внѣшнимъ образомъ объединяли Аѳины, иначе бы онѣ, на подобіе Спарты, распались на отдѣльныя *κῶμαι* или *δῆμοι*. Если бы напр. Тезей (которому приписывался синойкизмъ Аѳинъ) дѣйствительно переселилъ всѣхъ жителей Аттики въ городъ Аѳины, тогда идея „*ἡ πόλις ἡ Ἀθηναίων*“ была бы вполнѣ реализована, но онъ ограничился тѣмъ, что всѣхъ „аттиковъ“ превратилъ въ „аѳинянъ“, записалъ ихъ въ граждане города Аѳинъ и заставилъ пользоваться его управленіемъ[2]): въ результатѣ получилось отдѣленіе идеальнаго города Аѳинъ, вмѣщавшаго въ себѣ совокупность всѣхъ гражданъ (*κοινωνία τῶν πολιτῶν* по Аристотелю), жили ли они въ Кидаѳенеѣ или въ Мараѳонѣ, на равнинѣ Элевсина или на мысѣ Сунія, отъ реальнаго, у котораго даже была отнята его почва, причисленная къ остальной землѣ аттической (*χώρα*) и наравнѣ съ нею раздробленная на рядъ самостоятельныхъ уѣздовъ (демовъ)[3]).

---

[1]) Только реторическая фраза Исократа можетъ противополагать городъ остальной странѣ: *διελόμενοι τὴν μὲν πόλιν κατὰ κώμας, τὴν δὲ χώραν κατὰ δήμους* (Isocrat, Areopag. (VII), 46, p. 149 Steph.).

[2]) Thucyd. II, 15: *ἐπειδὴ δὲ Θησεὺς ἐβασίλευσε, γενόμενος μετὰ τοῦ ξυνετοῦ καὶ δυνατὸς τά τε ἄλλα διεκόσμησε τὴν χώραν καὶ καταλύσας τῶν ἄλλων πόλεων τά τε βουλευτήρια καὶ τὰς ἀρχάς, ἐς τὴν νῦν πόλιν οὖσαν, ἓν βουλευτήριον ἀποδείξας καὶ πρυτανεῖον, ξυνῴκισε πάντας, καὶ νεμομένους τὰ αὑτῶν ἕκάστους ἅπερ καὶ πρὸ τοῦ ἠνάγκασε μιᾷ πόλει ταύτῃ χρῆσθαι ἥ ἁπάντων ἤδη ξυντελούντων ἐς αὐτὴν μεγάλη γενομένη παρεδόθη ὑπὸ Θησέως τοῖς ἔπειτα· καὶ ξυνοίκια ἐξ ἐκείνου Ἀθηναῖοι ἔτι καὶ νῦν τῇ θεῷ ἑορτὴν δημοτελῆ ποιοῦσι.* Срвн. подробный разборъ этого мѣста у Kuhn'a, Entst. d. St., p. 160—88; также А. Шварцъ въ Кр. Обозр. 1879, № 16, стр. 6.

[3]) Wilamowitz, Kydath., p. 112: „im ganzen öffentlichen Rechte Athens ist der Begriff Stadt unerhört, auch die Verfassung hat nirgends einen municipalen Character, sie findet ihre Analogien vielmehr in den Statuten

Мы именно остановились на примѣрѣ одной изъ крупнѣйшихъ греческихъ общинъ, такъ какъ она лучше можетъ служить къ уясненію эллинскаго понятія о „государствѣ“, нежели тѣ мелкія въ родѣ Платей или трехъ *πόλεις* маленькаго острова Аморга[1]), гдѣ границы городскаго поселенія почти совпадали съ предѣлами области, или по крайней мѣрѣ послѣдняя со своими деревушками могла считаться какъ бы предмѣстьемъ города *(προάστειον)*: тутъ намъ становится вполнѣ несомнѣннымъ, что древне-эллинская *πόλις* въ сущности была, какъ мы уже выше сказали, понятіемъ условнымъ, воображаемымъ, юридическою фикціею, какъ таковыя нерѣдко встрѣчаются въ государственномъ правѣ всѣхъ народовъ, что она не соотвѣтствуетъ ни нашему понятію о *городѣ*, ни еще меньше о *государствѣ*, а является страннымъ для насъ сліяніемъ обоихъ, однимъ словомъ—употребляя нѣмецкое выраженіе, по-русски непереводимое — что *πόλις* эллиновъ была ein Stadtstaat[2]). И это названіе примѣнимо не только къ политическимъ общинамъ грековъ: и италики и ихъ побѣдители, римляне не знали другой формы государства — Римъ, покорившій и подчинившій себѣ „всю вселенную“, до временъ Діоклетіано-Константиновской монархіи оставался такимъ же Stadtstaat, какъ Лепреонъ, ничтожное мѣстечко въ забытомъ уголкѣ Трифиліи.

Можетъ показаться, что мы слишкомъ долго остановились на выясненіи одного юридическаго термина, но мы считали это необходимымъ не только въ виду существеннаго отступленія его отъ

---

der Genossenschaften, als wäre es ein *θίασος* von *Ἀθηναισταί*. So ist denn nicht richtig, was noch vor wenig Jahren Mommsen ausgesprochen hat, dass die antike civilisirte Welt im freien Staate nicht hinausgekommen sei über die Freistadt“. Нѣсколько парадоксальное мнѣніе знаменитаго ученаго, несмотря на кажущееся противорѣчіе, гораздо ближе въ сущности подходитъ къ нашему воззрѣнію, нежели ходячіе взгляды: онъ собственно отрицаетъ лишь существованіе (въ правѣ) Аѳинъ какъ города (какъ и мы), но впадаетъ въ ошибку, не различая между реальнымъ и идеальнымъ понятіемъ города, коего носителемъ *являлся ὁ δῆμος ὁ Ἀθηναίων* въ его совокупности — если онъ находитъ аналогіи между аѳинскими государственными учрежденіями и установленіями тіазовъ, то противъ этого нельзя ничего возразить, но только не первыя подражаютъ послѣднимъ, а наоборотъ.

[1]) Аркезина, Миноя и Эгіала.

[2]) Только прозорливости Jul. Schwarcz'a (Demokratie, B. II, p. XII, LXII) удалось угадать въ конституціи Элиды „einen entschiedenen Bruch mit dem Gedanken des blossen Stadt-Staates“.

всѣхъ современныхъ понятій, но и вслѣдствіе того громаднаго значенія, какое оно имѣло для развитія античныхъ государствъ. Первымъ слѣдствіемъ, само собою вытекавшимъ изъ такаго пониманія государства, была его *ограниченность*. Конечно, мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ не то, что античное государство должно было имѣть свои опредѣленныя границы — это утвержденіе было бы нелѣпо, но что по самой своей идеѣ оно не могло разростаться безпредѣльно подобно монархіямъ Востока, что для его увеличенія и относительно пространства занимаемой территоріи и по отношенію къ числу гражданъ были поставлены извѣстныя границы, за которыя оно не могло перешагнуть, не подвергая опасности собственное свое существованіе. Насчетъ этого согласны всѣ выдающіеся мыслители древности, въ этомъ случаѣ служащіе вѣрными выразителями обще-эллинскихъ мнѣній. Такъ Платонъ въ своемъ „идеальномъ“ государствѣ, столь далекомъ отъ дѣйствительности, тѣмъ не менѣе ясно указываетъ на ограниченное число по крайней мѣрѣ своихъ избранныхъ, полноправныхъ гражданъ, такъ какъ вообще на остальное населеніе онъ обращаетъ мало вниманія; въ „Законахъ“, гдѣ онъ больше считается съ дѣйствительностью, онъ для примѣра опредѣляетъ численность гражданъ (разумѣется взрослыхъ мужчинъ) въ 5000 (точнѣе 5040)[1]; въ обоихъ сочиненіяхъ онъ вообще указываетъ на мѣры, которыя должно принимать государство, чтобы предотвратить чрезмѣрное увеличеніе народонаселенія, хотя Аристотель въ своей критикѣ его ученія о государствѣ и упрекаетъ его въ томъ, что онъ на этотъ жизненный вопросъ обратилъ слишкомъ мало вниманія[2]). Самъ Аристотель, не пытаясь въ точности опредѣлить размѣры государства по пространству и числу жителей, тѣмъ не менѣе относительно принципіальнаго вопроса стоитъ вполнѣ на почвѣ обще-греческихъ воззрѣній. „И для государства“, говоритъ онъ, „существуетъ извѣстная мѣра, какъ и для всего остальнаго, жи-

---

[1]) Plat. d. Republ. IV, p. 423, A. (*χιλίων προπολεμούντων*); d. Legg. V, p. 737, C. (*πεντάκις μὲν χίλιοι ἕστωσαν καὶ τετταράκοντα*). Cfr. Aristot. Politic. II, 6, p. 1265 a, 9.

[2]) Plat. d. Rep. V, c. 9, p. 460, D — 461, C; d. Legg. V, c. 10, p. 740 B—741 A (*ὅσαι εἰσὶ τὰ νῦν ἡμῖν ἑστίαι διανεμηθεῖσαι τὸν ἀριθμὸν, ταύτας δεῖν ἀεὶ τοσαύτας εἶναι καὶ μήτε τι πλείους γίγνεσθαι μήτε τί ποτε ἐλάττους* etc.). Cfr. Aristot. Politic. II, 6, p. 1265 a, 38.

вотныхъ, растеній, орудій. Вѣдь изъ этихъ каждое не можетъ имѣть подобающей ему силы, ни будучи слишкомъ мало, ни чрезмѣрно увеличившись: иногда оно совершенно измѣнитъ свою природу, иногда же будетъ не годно для своихъ функцій; такъ, судно величиною въ ладонь не будетъ вовсе судномъ, такъ же и увеличенное до двухъ стадій; выйдя же изъ-за предѣловъ извѣстной величины, оно то вслѣдствіе своей малости, то благодаря колоссальности сдѣлаетъ плаванье затруднительнымъ. Точно такъ же и государство, если оно слишкомъ мало, не будетъ удовлетворять своимъ нуждамъ (какъ оно должно), если же будетъ состоять изъ чрезмѣрнаго числа гражданъ, оно въ этомъ смыслѣ, правда, окажется достаточнымъ, но какъ племя, а не какъ государство, ибо (правильное) государственное устройство едва ли можетъ въ немъ существовать..... Величина государства по отношенію къ числу гражданъ не безпредѣльна. Каковъ для него долженъ быть предѣлъ роста, легко вывести изъ практики: для разбора судебныхъ процессовъ и для распредѣленія должностей по достоинству необходимо, чтобы граждане другъ друга знали. Итакъ наилучшій предѣлъ для государства — возможно большій ростъ народонаселенія, при которомъ бы оно оставалось, однако, легко обозримымъ *(εὐσύνοπτος)*..... То, что мы сказали о количествѣ гражданъ, относится и къ территоріи государства, а именно, она должна быть легко обозрима“ [1]). Нельзя не согласиться съ Аристотелемъ, что

1) Aristot. Politic. IV (VII), 4, p. 1326 a. 35—1327 a. 2: *ἀλλ' ἔστι τι καὶ πόλεως μεγέθους μέτρον, ὥσπερ καὶ τῶν ἄλλων πάντων, ζῴων φυτῶν ὀργάνων. καὶ γὰρ τούτων ἕκαστον οὔτε λίαν μικρὸν οὔτε κατὰ μέγεθος ὑπερβάλλον ἕξει τὴν αὐτοῦ δύναμιν, ἀλλ' ὁτὲ μὲν ὅλως ἐστερημένον ἔσται τῆς φύσεως ὁτὲ δὲ φαύλως ἔχον, οἷον πλοῖον σπιθαμιαῖον μὲν οὐκ ἔσται πλοῖον ὅλως, οὐδὲ δυοῖν σταδίοιν, εἰς δὲ τὶ μέγεθος ἐλθὸν ὁτὲ μὲν διὰ σμικρότητα φαύλην ποιήσει τὴν ναυτιλίαν, ὁτὲ δὲ διὰ τὴν ὑπερβολήν. ὁμοίως δὲ καὶ πόλις ἡ μὲν ἐξ ὀλίγων λίαν οὐκ αὐτάρκης (ἡ δὲ πόλις αὔταρκες), ἡ δὲ ἐκ πολλῶν ἄγαν ἐν μὲν τοῖς ἀναγκαίοις αὐτάρκης, ὥσπερ ἔθνος, ἀλλ' οὐ πόλις· πολιτείαν γὰρ οὐ ῥᾴδιον ὑπάρχειν. . . τοῦτ' οὐκ ἔστιν, ὥσπερ εἴπομεν, ἀόριστον. τίς δ' ἐστὶν ὁ τῆς ὑπερβολῆς ὅρος, ἐκ τῶν ἔργων ἰδεῖν ῥᾴδιον ... πρὸς δὲ τὸ κρίνειν περὶ τῶν δικαίων καὶ πρὸς τὸ τὰς ἀρχὰς διανέμειν κατ' ἀξίαν ἀναγκαῖον γνωρίζειν ἀλλήλους, ποῖοί τινές εἰσι, τοὺς πολίτας ... δῆλον τοίνυν ὡς οὗτός ἐστι πόλεως ὅρος ἄριστος, ἡ μεγίστη τοῦ πλήθους ὑπερβολὴ πρὸς αὐτάρκειαν ζωῆς εὐσύνοπτος ... ἔτι δ' ὥσπερ τὸ πλῆθος τὸ τῶν ἀνθρώπων ἔφαμεν εὐσύνοπτον εἶναι δεῖν, οὕτω καὶ τὴν χώραν.* Срвн. Bradley, Die Staatslehre d. Aristotel. p. 4. Hildenbrand, Rechts- und Staatsphilosoph. B. I, p. 22.

необходимость извѣстнаго ограниченія государства вытекаетъ логически изъ самаго понятія о немъ, какъ его создали древніе: пренебреженіе этого закона, увеличеніе далѣе указанныхъ предѣловъ было одною изъ главныхъ причинъ гибели римской республики.

Другимъ результатомъ вышеуказаннаго характера античныхъ государствъ былъ своеобразный способъ ихъ расширенія путемъ инкорпораціи другихъ, прежде самостоятельныхъ общинъ: процессъ, извѣстный подъ названіемъ *синойкизма*[1]). Классическое описаніе его мы встрѣчаемъ по отношенію къ Аѳинамъ у Ѳукидида, который ясно указываетъ на то, что не слѣдуетъ всегда понимать

---

[1]) Первое обстоятельное разсмотрѣніе относящихся сюда явленій и формъ въ государственной жизни эллиновъ далъ Vischer, Über die Bildung von Staaten und Bünden oder Centralisation und Föderation im alt. Griechenland (1849)— изслѣдованіе это повторено, какъ говорятъ, съ большими добавленіями въ его Kl. Schriften. I, 308—81, которыя мнѣ были недоступны. Въ этой программѣ авторъ не столько заботился о собраніи всего матеріала, сколько о постановкѣ общихъ точекъ зрѣнія для группировки разнородныхъ явленій, иллюстрируя ихъ лишь отдѣльными наиболѣе характерными примѣрами. Въ этомъ отношеніи вышеназванная книга Kuhn'a (Enst. d. Städte), несмотря на тщательное сведеніе всего матеріала, не подвинула впередъ даннаго вопроса, а скорѣе затемнила результаты Фишера отсутствіемъ всякой классификаціи, кромѣ географической — отдѣльные случаи синойкизма, симполитіи, синтеліи нанизываются другъ за другомъ безъ всякой попытки къ ихъ разграниченію и къ возможно болѣе опредѣленной характеристикѣ (см. рецензію проф. А. Шварца: Крит. Обозр. 1879, № 16, стр. 5). Много затрудненій представляетъ неясность и неточность въ выраженіяхъ древнихъ писателей: поэтому должно для болѣе правильной формулировки правовыхъ категорій явленія, понимаемаго подъ названіемъ синойкизма, исходить не отъ ихъ сбивчивыхъ опредѣленій, а отъ указаній эпиграфическихъ памятниковъ (изъ коихъ важнѣйшіе нами указаны въ текстѣ), какъ это и попытался сдѣлать Фельдманнъ въ нижеприведенной диссертаціи. Но онъ, во-первыхъ, воспользовался не всѣми сюда относящимися документами, во-вторыхъ выставилъ невозможную классификацію: если опредѣленіе синойкизма и его двухъ видовъ (тѣхъ же самыхъ, кои и мы принимаемъ) и можетъ быть принято, то нельзя того же сказать о крайне туманномъ разграниченіи симполитіи, которое самого автора до того сбило, что онъ напр. инкорпорацію Коринѳа въ Аргосъ причислилъ къ ней, между тѣмъ какъ она представляетъ всѣ черты синойкизма. Обстоятельная разработка этого вопроса слишкомъ далеко завела бы насъ отъ прямой нашей задачи, и мы ограничимся, пока, ссылкой на классификацію Фишера, съ коимъ мы согласны и въ той мысли, что и позднѣйшіе союзы, какъ Staatenbünde, такъ и Bundesstaaten, являются лишь попытками примѣнить идею синойкизма въ болѣе широкихъ размѣрахъ.

синойкизмъ въ дословномъ смыслѣ[1]). Дѣйствительно, этотъ терминъ обозначалъ собственно переселеніе жителей нѣсколькихъ независимыхъ другъ отъ друга общинъ въ одинъ городъ, вновь построенный или старый: такъ при соединеніи Лебеда и Теоса по повелѣнію царя Антигона[2]), жители перваго должны были перейти въ послѣдній, а при созданіи новаго государства на о. Родосѣ граждане трехъ городовъ, Іализа, Линда и Камира, выстроили себѣ новый городъ — Родосъ. Но такіе примѣры настоящаго переселенія жителей одной общины въ другую, т.-е. полнаго синойкизма *(συνοικισμός* отъ *συν-οἰκίζω)* весьма рѣдки, если исключить сомнительные случаи, гдѣ древніе писатели или выражаются неопредѣленно или очевидно повѣствуютъ безъ пониманія дѣла. Даже только что приведенный примѣръ Родоса можетъ быть подвергнутъ сомнѣніямъ — мы имѣемъ нѣкоторыя указанія преимущественно надписей, позволяющія намъ предполагать, что слившіеся три города не прекратили своего существованія, а только были низведены до положенія *κῶμαι*[3]). Въ другихъ же случаяхъ (и таковые преобладаютъ) мы положительно знаемъ, что синойкизмъ ограничился лишь политическимъ объединеніемъ безъ всякаго переселенія жителей, централизаціей управленія въ одномъ городѣ, который только фиктивно считался и родиной и мѣстожительствомъ всѣхъ своихъ гражданъ, и старыхъ и вновь приписанныхъ. Такъ Коринѳъ, на короткое весьма время слившись съ Аргосомъ въ одну

---

[1]) Thucyd. II, 15, см. стр. 36, пр. 2. Противъ лжетолкованія этого мѣста, какое встрѣчается напр. уже у Плутарха (v. Thes. 24) и у Цицерона (d. Legg. II, 2, 5), протестуетъ уже Схоліастъ: *ξυνῴκισε, τὸ ξυνῴκισεν οὐκ ἐστιν ἐπὶ τοῦ ξυνῳκισθῆναι ἐποίησεν, ἀλλ' ἐπὶ τοῦ μίαν πόλιν τοῦτ' ἐστι μητρόπολιν ἔχειν αὐτήν.*

[2]) Lebas, As. Min. № 86 = Dittenb. S. I. G. № 126.

[3]) О синойкизмѣ трехъ городовъ: Diodor. XIII, 75; Strab. XIV, 2, 11 (p. 655). Извѣстное самоуправленіе ихъ по крайней мѣрѣ въ религіозномъ отношеніи долженъ признать и Купъ (op. l. p. 212 sq.), хотя онъ видимо колеблется, особенно относительно признанія отдѣльнаго сената *(μάστροι)* для каждаго: теперь не только существованіе послѣдняго надписями засвидѣтельствовано для Іализа (Brit. Mus. 349 = S. I. G. 357,) Камира (Brit. Mus. 351 et 353; Arch.-ep. Mitth. VII, 134), Линда (Brit. Mus. 357; Ross, Hellenica II, p. 114, № 47 съ дополненіями Schumacher'a въ Rh. Mus. XLI, p. 233), но извѣстно, что область каждаго изъ нихъ распадалась на рядъ зависимыхъ комъ или *κτοῖναι* (Brit. Mus. 351 = S. I. G. 305). Срвн. Bottermund, d. rep. Rhodiorum. 1882, p. 23 и особенно Schumacher'a De rep. Rhodiorum. 1886, p. 6—29. Книга Torr'a, Rhodes in ancient times. 1885, вполнѣ безполезна.

„симполитію“, пожертвовалъ для этой цѣли своею независимостью и именемъ, но не своимъ существованіемъ, его жители стали называться „аргивянами“, но и не думали переселяться изъ своего цвѣтущаго приморскаго города въ неблагопріятно расположенный „сухой“ Аргосъ *(πολυδίψιον Ἄργος)*[1]). Конечно, при этомъ важное значеніе имѣла и взаимная величина соединяющихся общинъ и та роль, которую въ иниціативѣ синойкизма играла та или другая изъ нихъ. Если бо́льшая община путемъ мирнаго соглашенія или насильственнаго принужденія притягивала къ себѣ болѣе мелкія, то послѣднія обыкновенно превращались въ комы или демы, но главная масса ихъ жителей оставалась на прежнемъ мѣстѣ, переселялись лишь тѣ, кто имѣлъ особый интересъ быть ближе къ центру управленія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда сливались нѣсколько приблизительно равныхъ по значенію общинъ, большею частью избиралось новое мѣсто для основанія политическаго центра (это обусловливалось взаимнымъ ихъ соперничествомъ) и по крайней мѣрѣ часть жителей изъ объединенныхъ мѣстечекъ переселялась во вновь построенный городъ: знаменитый примѣръ такого синойкизма представляетъ объединеніе различныхъ мелкихъ поселеній юго-западной Аркадіи въ городѣ Мегалополѣ, созданномъ по идеи и подъ руководствомъ Эпаминонда[2]). Всѣ разнообразныя условія, при которыхъ возникали подобныя симполитіи, и всѣ различныя формы, въ коихъ производился синойкизмъ въ частности, мы въ данномъ мѣстѣ обсудить и разсмотрѣть не можемъ: больше, нежели скудныя замѣтки писателей, даютъ намъ свѣдѣній по этому вопросу эпиграфическіе памятники — о синойкизмѣ Теоса и Лебеда[3]), о включеніи Медеона въ Стиріи[4]), о расширеніи Смирны чрезъ присоединеніе магнетовъ[5]), о симполитіи Мелитэи и Перп[6])

---

[1]) Diodor. XIV, 92 (подъ 393 г.: *Ἀργεῖοι τὴν Κορινθίαν χώραν Ἀργείαν ἐποίησαν*). Xenoph. Hell. IV, 4, 6.

[2]) Diodor. XV, 72 и подробнѣе Paus. VIII, cap. 27.

[3]) Lebas, As. M. № 86 = S. I. G. № 126.

[4]) B. d. C. H. V, p. 42 = S. I. G. № 294.

[5]) C. I. G. 3137 = S. I. G. № 171.

[6]) Lebas II, № 1179 = Cauer Del². № 239 = Collitz. G. D. I. II, № 1415. Подробный и обстоятельный разборъ этихъ четырехъ памятниковъ можно найти въ работѣ Feldmann'a: Analecta epigraphica ad historiam Synoecismorum et Sympolitiarum graecorum; къ сожалѣнію, она помѣщена въ трудно доступныхъ Dissertatt. phil. Argentoratenses. T. IX, p. 98 sqq.; я могъ воспользоваться лишь

объ исополитіи, взаимно дарованной жителямъ Мессены и Фигаліи[1]), документы союза магнетовъ (причисленныхъ къ Деметріадѣ)[2]) и беотянъ[3]) — изъ коихъ каждый представляетъ существенныя отличія отъ другаго, указывая тѣмъ на необыкновенное разнообразіе формъ, проявлявшихся и въ этомъ процессѣ, какъ вообще во всей государственной жизни эллиновъ. Для полноты нужно указать еще на т. наз. синтеліи (отъ *συντελεῖν* = нести общія повинности), которыя являются результатомъ извѣстнаго объединенія дотолѣ независимыхъ общинъ, но менѣе тѣснаго, нежели синойкизмъ: насколько позволяютъ судить наши скудные источники, мелкія общины, вступившія въ синтелію *(συντελοῦντες εἰς)* съ одною главною, въ теоріи не лишались своей самостоятельности и продолжали поэтому именоваться *πόλεις*, но въ сущности находились въ худшемъ положеніи, нежели комы и демы, такъ какъ на ихъ жителей налагались равныя обязанности, но они не пользовались равными правами съ гражданами главнаго города (напр. лаконскіе періэки)[4]).

Изъ общей характеристики греческихъ *πόλεις*, какъ уже выше сказано, путемъ чисто логическаго размышленія вытекаетъ результатъ, что и для процесса, понимаемаго эллинами подъ названіемъ синойкизма, были поставлены естественные предѣлы, далѣе кото-

частью, представленной въ видѣ диссертаціи и потому изданной отдѣльнымъ оттискомъ (1885 г.) — здѣсь содержатся только первыя 60 стр. (изъ 140), т.-е. введеніе и первая глава (о синойкизмѣ Теоса и Лебеда).

[1]) Lebas. II, 328 a = Ditt. S. I. G. 181.

[2]) Надписи опубликованы: Mitth. VI, p. 304, Beil. I (2 декрета, дополненные съ помощью Wilamowitz'a Sonne, De arbitris externis etc. Götting. 1888, p. 94); VII, p. 69 (3 декр.) и 335 (3 декр.); XIV, p. 51 (= B. d. C. H. XIII, p. 272) и 195. О союзѣ магнетовъ срвн. статьи Lolling'a (Mitth. VII, 340), Wolters'a (ibid. XIV, p. 56) и Fougères'a (B. d. C. H. XIII, p. 271), а также замѣчанія Swoboda, Griech. Volksbeschl. (1890), p. 143.

[3]) Срвн. Holleaux, La Confédération béotienne въ Bull. de Corr. Hell. XIII, p. 1, 225.

[4]) Въ этомъ разграниченіи мы слѣдуемъ Отфриду Мюллеру, который говоритъ (Orchomen. p. 403): „entweder waren sie vollkommen unterwürfig und Theile des Stadtgebietes oder sie waren nur *συντελεῖς*, Städte mit eigenem Gebiet und eigener Verfassung, aber den mächtigeren zinsbar und ihre nothwendigen Bundesgenossen ohne besondere Vertretung bei allgemeinen Berathschlagungen". Противъ его воззрѣній возстали какъ Фишеръ (Bild. v. Staat. und Bünd. p. 23, Anm. 1), такъ и C. F. Hermann въ спеціальномъ изслѣдованіи De syntelia in jure graecorum publico. Götting. 1853. Оба доказываютъ, что подъ этимъ выраженіемъ должно понимать отношеніе комы или дема къ своей *πόλις*; но всѣ свидѣтельства,

рыхъ его дѣйствіе не могло распространяться — образованіе болѣе обширныхъ государствъ въ нашемъ смыслѣ слова было у нихъ немыслимо. Это положеніе, выведенное логически изъ опредѣленія эллинскаго государства, доказывается фактически ихъ исторіею, которая вся состоитъ, можно сказать, изъ попытокъ прорвать эту заколдованную ограду и найти форму для объединенія большей или меньшей части Эллады въ одно государство. Но никакой другой формы создать для этого эллины не могли, кромѣ весьма шаткихъ и недолговѣчныхъ — гегемоніи преобладающей общины надъ болѣе слабыми и свободнаго союза равноправныхъ членовъ. Обѣ формы собственно различаются другъ отъ друга больше по внѣшности, нежели по внутреннему характеру, обѣ ограничиваютъ объединеніе своихъ членовъ почти только общностью внѣшней политики, при полной ихъ автономіи во внутреннемъ управленіи, и обѣ потому носятъ въ себѣ самихъ естественные задатки неизбѣжнаго разрушенія: общность внѣшней политики, будь она создана необходимостью обороны или нападенія, не можетъ служить сама по себѣ достаточно надежнымъ основаніемъ для объединенія, такъ какъ общіе интересы, ее вызвавшіе, слишкомъ скоропреходящіе; а разнообразіе въ формахъ и условіяхъ внутренней государственной жизни этой массы мелкихъ и мельчайшихъ единицъ вызываетъ столь же великое различіе и въ повседневныхъ интересахъ, которые будучи отодвинуты на задній планъ въ минуту угрожающей извнѣ опасности, затѣмъ возрождаются съ удвоен-

---

собранныя въ большомъ количествѣ послѣднимъ, отличаются неопредѣленностью и заимствованы у позднихъ авторовъ, особенно у Плутарха и Павзанія, коимъ никто теперь не припишетъ глубокаго пониманія государственныхъ учрежденій и точнаго употребленія правовыхъ терминовъ. Неопровергнутымъ осталось свидѣтельство надписей т. наз. tabulae tributorum (срвн. Böckh'a, Staatsh. I, 491, съ цитатой изъ Harpocrat. *Συντελεῖς*, и II, 459), гдѣ въ числѣ союзниковъ аѳинскихъ приводятся напр. *Λύκιοι καὶ συντελεῖς:* очевидно, что нельзя переводить „ликійцы и ихъ отдѣльныя коми“ — комы никогда въ международныхъ отношеніяхъ не играютъ никакой роли. И намъ хорошо извѣстны подобные *συντελεῖς:* въ такомъ положеніи находились города періэковъ спартанскихъ и въ Ѳессаліи племена перребовъ, магнетовъ, фтіотовъ, которыхъ Ксенофонтъ называетъ также *περίοικοι* (Hell. VI, 1, 7), Ѳукидидъ — *ὑπήκοοι* (II, 101; IV, 78; VIII, 3), а оффиціальные документы — *σύμμαχοι* (Mitth. II, p. 201 = S. I. G. № 85, l. 13) — они должны были платить дань (Xenoph. l. l.: *προεῖπε δὲ καὶ τοῖς περιοίκοις πᾶσι τὸν φόρον*).

ной силой и, вызывая центробѣжныя стремленія, вносятъ въ союзъ разладъ, вражду и распаденіе.

Спарта, Аѳины, Ѳивы попеременно старались подчинить своей гегемоніи остальную Элладу и всѣ онѣ потерпѣли неудачу не вслѣдствіе антагонизма могущественныхъ соперниковъ, а благодаря или инерціи или противодѣйствію общинъ второ- и третьестепенныхъ: такъ Спарта побѣдила, почти уничтожила своего опаснѣйшаго противника — Аѳины, но въ самую почти минуту торжества гегемонія уже стала ускользать изъ ея рукъ вслѣдствіе недовѣрія, зависти и враждебнаго къ ней отношенія ея главныхъ „союзниковъ“ — Коринѳа и Ѳивъ; такъ второй аѳинскій союзъ выдержалъ успѣшно борьбу противъ и спартанскихъ и ѳиванскихъ притязаній на гегемонію, но послѣ того какъ на полѣ битвы при Мантинеѣ рушились надежды обоихъ его могущественнѣйшихъ соперниковъ, возстаніе нѣсколькихъ мелкихъ городковъ на островахъ Архипелага въ сущности положило конецъ его существованію. Если союзы ахейскій и этолійскій, возникшіе въ Македонскую эпоху, изъ всѣхъ союзовъ эллинскихъ достигли наибольшаго территоріальнаго распространенія и просуществовали наиболѣе продолжительное время, то они этимъ были обязаны не лучшему сравнительно съ прежними союзами государственному устройству своему, какъ говорятъ иные изъ новѣйшихъ историковъ, а главнымъ образомъ всеобщему упадку и матеріальныхъ силъ и духовной энергіи во всѣхъ эллинскихъ общинахъ[1]), затѣмъ отчасти взаимному своему антагонизму, который ставилъ всѣ мелкіе города въ необходимость присоединяться или къ тому или къ другому, наконецъ постоянному вмѣшательству въ греческія дѣла иностранныхъ державъ, Египта, Македоніи и Рима.

Если подвесть итогъ, то окажется, что одна лишь попытка къ установленію прочной гегемоніи во всей исторіи классическаго міра увѣнчалась успѣхомъ — мы разумѣемъ гегемонію Рима. Но и вѣчный городъ достигъ своей цѣли лишь послѣ вѣковой борьбы съ напряженіемъ всѣхъ своихъ силъ и отчасти истощеніемъ ихъ благодаря дѣйствію мощной военной организаціи легіоновъ и тончайшей дипломатіи сената, и едва цѣль была достигнута, какъ

[1]) Vischer, op. l. 14: „Föderationsprincip — seine vollkommenste Stufe erst in den Zeiten erreichte, wo die Kraft der Nation erschöpft war und vielleicht grade darum, weil die Kraft der Nation erschöpft war“.

въ самыхъ нѣдрахъ государства проявились тѣ опасныя стремленія, которыя въ страшномъ возстаніи союзниковъ, комбинированномъ съ междуусобной гражданской войной, привели Римъ на край гибели. Лишь путемъ дарованія всѣмъ италикамъ правъ гражданства, т.-е. иными словами „синойкизма“ всей Италіи въ одномъ городѣ Римѣ, ему удалось спасти и свое существованіе и свою гегемонію, но спасеніе это было куплено дорогою цѣною — форма осталась, содержаніе изчезло: государство выросло за естественные свои предѣлы, какъ ихъ указываетъ Аристотель, и съ этой же поры началась агонія республики, приведшая къ водворенію принципата.

Мы постарались, насколько это было возможно въ узкихъ рамкахъ, представить тѣ важныя слѣдствія, которыя вытекали необходимо изъ самаго понятія о государствѣ, какъ оно составилось у древнихъ эллиновъ и вообще господствовало въ классическомъ мірѣ; но этимъ вовсе не изчерпываются еще отличія античнаго государства отъ современнаго. Въ тѣсной связи съ указанной ограниченностью древней *πόλις* стоитъ твердость и непоколебимость родоваго строя и та важная роль, которую послѣдній играетъ не только для частной жизни, но и по отношенію къ государству[1]). Родовой строй является первой формой общенія людей до образованія государствъ у всѣхъ аріевъ, также у евреевъ, можно думать у всѣхъ племенъ, къ какой бы расѣ они не принадлежали. Это сознавали отчасти и древніе и на это указываетъ и Аристотель, говоря: „образовавшееся прежде всего для удовлетворенія постоянныхъ нуждъ сообщество по природѣ — семья, соединеніе же нѣсколькихъ семей, первое сообщество, образовавшееся не въ виду повседневныхъ нуждъ, — село, напчаще село является, естественно, колоніей семьи (разросшейся семьей), состоя изъ тѣхъ, которыхъ называютъ „гомогалактами“ — вскормленными однимъ молокомъ; сообщество наконецъ нѣсколькихъ селъ создаетъ уже

[1]) Къ этому параграфу можно сравнить, кромѣ сочиненій, мною вышеуказанныхъ (стр. 28, пр. 1), еще П. Аландскаго, Исторію Греціи (Кіевъ 1885), особенно гл. II и III: далеко не во всемъ сходясь въ воззрѣніяхъ съ моимъ покойнымъ наставникомъ, я тѣмъ не менѣе отдаю полную дань почтенія тонкому критическому таланту Павла Ивановича, какъ вообще свято храню его память. Sit tibi terra levis!

законченное государство, достигшее предѣла, можно сказать, полной самостоятельности и независимости“ [1]).

Слова философа доказываютъ, что онъ имѣлъ нѣсколько смутное представленіе о сущности родоваго строя: не говоря уже о томъ, что онъ пропускаетъ нѣкоторыя важныя звенья въ цѣпи его развитія (напр. колѣна) и вводитъ какъ промежуточное между семьей и *πόλις* село — *κώμη*, понятіе, заимствованное изъ другаго строя, если можно такъ выразиться, государственнаго, онъ не достаточно оттѣняетъ самую характерную, основную черту этого строя, составляющую самую его сущность, — кровныя узы, объединяющія его членовъ, и естественное произрастаніе широковѣтвистаго древа изъ одного корня. Въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи мы увидимъ, какъ это неполное пониманіе родоваго строя отразилось пагубно на воззрѣніяхъ Аристотеля на первоначальную исторію аѳинскаго гражданства, и попытаемся опредѣлить причины этой крупной ошибки, поражающей насъ въ великомъ мыслителѣ.

Нѣсколько правильнѣе судитъ ученикъ его преемника Ѳеофраста, Дикеархъ изъ Мессаны, который въ своемъ знаменитомъ сочиненіи *βίος Ἑλλάδος* признаетъ „три вида сообщества у эллиновъ: патру, фратрію и филу“ [2]); *πάτρα*, замѣняющее у него болѣе

---

[1]) Aristot. Politic. I, p. 1252 b, 12: *ἡ μὲν οὖν εἰς πᾶσαν ἡμέραν συνεστηκυῖα κοινωνία κατὰ φύσιν οἶκός ἐστιν... ἡ δ' ἐκ πλειόνων οἰκιῶν κοινωνία πρώτη χρήσεως ἕνεκεν μὴ ἐφημέρου κώμη. μάλιστα δ' ἔοικε κατὰ φύσιν ἡ κώμη ἀποικία οἰκίας εἶναι, οὓς καλοῦσί τινες ὁμογάλακτας... ἡ δ' ἐκ πλειόνων κωμῶν κοινωνία τέλειος πόλις ἤδη, πάσης ἔχουσα πέρας τῆς αὐταρκείας ὡς ἔπος εἰπεῖν.*

[2]) Dicaearch. fr. 9. у C. Müller'a Fr. Hist. Gr. II, 238 изъ Steph. Byz. s. v. *πάτρα*: *Πάτρα, ἓν τῶν τριῶν τῶν παρ' Ἕλλησι κοινωνίας εἰδῶν, ὡς Δικαίαρχος, ἃ δὴ καλοῦμεν πάτραν, φρατρίαν, φυλήν. Ἐκλήθη δὲ πάτρα μέν εἰς τὴν δευτέραν μετάβασιν ἐλθόντων ἡ κατὰ μόνας(?) ἑκάστῳ πρότερον οὖσα συγγένεια* (Müller переводитъ: ac patra quidem oritur ubi societas, quae antea in solo coniugio singulis quibusque erat, (procreatis liberis) ad secundum gradum pervenit. Намъ кажется, что такаго смысла придать мѣсту нельзя: рожденіе дѣтей не можетъ считаться условіемъ перехода отъ „перваго родства“ (семьи?) ко второму (роду), такъ какъ потенціально дѣти существуютъ уже съ момента заключенія брака *ἐπὶ παίδων γνησίων ἀρότῳ*. Очевидно мѣсто испорчено: *ἡ κατὰ μόνας οὖσα συγγένεια* не только не можетъ означать „супружество“, но вообще никакаго смысла не даетъ, такъ какъ женск. родъ слова *μόνας* ничѣмъ не мотивированъ, почему мы и поставили вопросительный знакъ), *ἀπὸ τοῦ πρεσβυτάτου τε καὶ μάλιστα ἰσχύσαντος ἐν τῷ γένει τὴν ἐπωνυμίαν ἔχουσα, ὃν ἂν τρόπον*

распространенное названіе *γένος* [1]), толкуется имъ какъ родство по прямой линіи отъ отцовъ къ дѣтямъ, при чемъ это сообщество „получаетъ свое прозвище отъ старшаго и наиболѣе сильнаго въ родѣ, какъ напр. говорятъ — Эакиды, Пелопиды"; *φατρία* или *φρατρία* [2]) произошло, по его мнѣнію, „когда иные стали выдавать въ чужой родъ своихъ дочерей: выданная не имѣла уже участія въ отеческомъ культѣ, а присоединялась къ роду взявшаго ее, тогда вслѣдствіе привязанности сестеръ къ брату и возникшихъ отсюда отношеній установлено было новое сообщество религіозное, именно фратрія, — итакъ, родъ произошелъ на основаніи родственныхъ отношеній родителей къ дѣтямъ и дѣтей къ родителямъ,

---

Αἰακίδας ἢ Πελοπίδας εἴποι τις ἄν. Φατρίαν δὲ συνέβη λέγεσθαι καὶ φρατρίαν ἐπειδή τινες εἰς ἑτέραν πάτραν ἐδίδοσαν θυγατέρας ἑαυτῶν. Οὐ γὰρ ἔτι τῶν πατριωτικῶν ἱερῶν εἶχε κοινωνίαν ἡ δοθεῖσα, ἀλλ' εἰς τὴν τοῦ λαβόντος αὐτὴν συνετέλει πάτραν· ὥστε πρότερον πόθῳ τῆς συνόδου γιγνομένης ἀδελφαῖς σὺν ἀδελφῷ, ἑτέρα τις ἱερῶν ἐτέθη κοινωνικὴ σύνοδος, ἣν δὴ φρατρίαν ὠνόμαζον (Müller предлагаетъ читать: *ὥστε πόθῳ τῆς συνόδου τῆς πρότερον γενομένης*, но это не соотвѣтствуетъ смыслу: во-первыхъ совмѣстная жизнь братьевъ и сестеръ въ родительскомъ домѣ не можетъ называться *σύνοδος*; во-вторыхъ, противополагаются, очевидно, случайныя ихъ встрѣчи организованному сообществу, освященному культомъ и переходящему послѣ ихъ смерти къ потомству). *Καὶ πάλιν, ὥστε πάτρα μὲν ὅπερ εἴπομεν ἐκ τῆς συγγενείας τρόπον ἐγένετο μάλιστα τῆς γονέων σὺν τέκνοις καὶ τέκνων σὺν γονεῦσι, φρατρία δὲ ἐκ τῆς τῶν ἀδελφῶν. Φυλὴ δὲ καὶ φυλέται πρῶτον ὠνομάσθησαν ἐκ τῆς εἰς τὰς πόλεις καὶ τὰ καλούμενα ἔθνη συνόδου γενομένης· ἕκαστον γὰρ τῶν συνελθόντων φῦλον ἐλέγετο εἶναι.* Срвн. W. Wachsmuth, Hellen. Alterthumskunde, B. I, Beil. 7.

[1]) *Πάτρα* въ смыслѣ *γένος* встрѣчается, кажется, у дорянъ, такъ на о. Родосѣ (Newton, Brit. Mus. 352: *Ἀλθαιμενίδος* (*φυλῆς*) *Ἀμφινοέων πάτραι* и затѣмъ списокъ именъ), на о. Эгинѣ (Lübbert, Ind. Schol. Bonn 1883, p. 15: цитата изъ Бузольта). Срвн., впрочемъ, объ этихъ *πάτραι* ниже). Сомнительно значеніе слова *πάτρη* на іоническомъ о. Ѳазѣ: *ἰέναι δ' αὐτοὺς καὶ ἐπὶ πάτρην ἣν ἂν πείθωσιν* (C. I. G. 2161), гдѣ вѣрнѣе, по нашему мнѣнію, понимать *πάτρη*= *φρατρία*, такъ какъ нигдѣ вновь принятые граждане не включались въ старые роды, а лишь принимались во фратріи.

[2]) Нѣкоторые новѣйшіе ученые пытались установить разницу между двумя этими словами, приравнивая *φατρία* = *πατρία* = *πάτρα*, т.-е. *γένος* (Hermann, Zeitschr. f. Alterthumsw. 1835, p. 1147 и Staatsalt. § 98, not. 8), но, очевидно, Дикеархъ считалъ термины *πατρία* (какъ читается въ рукописяхъ) или *φατρία* (по несомнѣнно вѣрной конъектурѣ Бутманна, Mythолog. II, p. 304) и *φρατρία* равнозначущими, иначе бы у него явилось противорѣчіе (Philippi, Beitr., p. 177, not. 58).

фратрія — братьевъ и сестеръ. Филы наконецъ и филеты впервые возникли, когда произошло соединеніе людей въ государство и образовались т.-наз. племена: каждая группа изъ соединившихся была названа колѣномъ". Дикеархъ совершенно правильно устанавливаетъ важнѣйшія ступени въ развитіи родоваго строя — родъ, фратрію и филу; семья у него, конечно, предполагается, но не называется въ числѣ „видовъ сообщества" — также вполнѣ вѣрно, такъ какъ она въ общественномъ отношеніи самостоятельной роли не играетъ, а изчезаетъ въ родѣ, изъ котораго ее выдѣлить весьма трудно[1]); ошибается онъ лишь въ томъ, что считаетъ фратрію основанной на родствѣ брата и сестры, быть можетъ, введенный въ заблужденіе ея наименованіемъ (насколько мы можемъ судить, родство по женской линіи въ глубокой древности не признавалось или игнорировалось) и что происхожденіе филъ ставитъ въ связь съ образованіемъ государствъ, между тѣмъ какъ колѣна, несомнѣнно, болѣе древняго происхожденія.

Мы сами насчетъ условій и явленій родоваго строя можемъ судить правильнѣе, нежели древніе писатели, чѣмъ мы вовсе не хотимъ дѣлать упрекъ ихъ уму или проницательности: во-первыхъ, они жили въ такую пору, когда остатки этого порядка вещей сохранились лишь въ формѣ переживаній, которыя они толковали съ точки зрѣнія своего времени и переносили на болѣе древнюю эпоху; во-вторыхъ, мы можемъ пользоваться для возсозданія элементовъ древнѣйшаго культурнаго періода, о коихъ не сохранилось

---

[1]) Если мы себѣ представимъ родъ, въ которомъ каждое поколѣніе состояло бы изъ одного члена, то онъ совпадетъ съ семьей.

Точно также родъ, въ коемъ вымерли вѣтви (что случалось, конечно, не рѣдко), долженъ былъ принять характеръ семьи. Уже ослабленіе власти главы семьи должно было вести къ ея распаденію: въ Римѣ, гдѣ patria potestas господствовала въ полной силѣ, семья держалась нераздѣльной до смерти pater familias, въ Элладѣ, гдѣ всюду взрослый сынъ дѣлался sui iuris, она дѣлилась уже съ наступленіемъ этого момента — такъ какъ государство брало въ разсчетъ лишь мужчинъ, притомъ взрослыхъ, то такая семья для него равнялась единицѣ. Яснымъ доказательствомъ малаго значенія семьи для общества служитъ отсутствіе настоящаго для нея термина: familia охватываетъ и несвободныхъ членовъ и даже имущество, *οἰκία* или *οἶκος* также (Aristot. Politic. I, p. 1253 b, 4: *οἰκία δὲ τέλειος ἐκ δούλων καὶ ἐλευθέρων*). На отсутствіе строгаго различія между терминами *οἶκος* и *γένος* указываютъ и тѣ случаи, когда одинъ употребляется вмѣсто другаго: это весьма вѣроятно для аѳинскаго *οἶκος Δεκελειῶν* (*Ἐφημ. Ἀρχ.* 1888, p. 1).

прямыхъ свидѣтельствъ, методомъ, для самихъ древнихъ авторовъ недоступнымъ и неизвѣстнымъ, именно методомъ сравнительнымъ. Послѣ того какъ знаменитый Боппъ въ началѣ нашего столѣтія впервые воспользовался имъ для изученія языковъ и путемъ этимъ установилъ и доказалъ родство классическихъ языковъ съ санскритскимъ съ одной — и съ языками Средней Европы (кельтическимъ, германскимъ, славянскимъ) съ другой стороны, послѣдователи его стали примѣнять тотъ же методъ къ другимъ явленіямъ жизни арійскихъ народовъ, ихъ быту, религіознымъ вѣрованіямъ, правовымъ учрежденіямъ, пользуясь данными, добытыми сравнительнымъ языкознаніемъ. Честь первыхъ научныхъ изысканій въ этомъ направленіи принадлежитъ, несомнѣнно, Адальберту Куну и Якову Гримму, за которыми послѣдовалъ рядъ видныхъ ученыхъ — Максъ Мюллеръ, Бенфей, Витней (Whitney), О. Шрадеръ[1]).

Наиболѣе важно для нашихъ цѣлей сравнительное изученіе основныхъ правовыхъ понятій и общественныхъ учрежденій, какія въ древнѣйшую пору можно констатировать у различныхъ арійскихъ племенъ, — ихъ близкое родство между собою дозволяетъ намъ до извѣстной степени пополнять и уяснять свѣдѣнія относительно одного изъ нихъ данными, заимствованными у другихъ[2]): важнѣйшимъ трудомъ въ этомъ направленіи является для насъ несомнѣнно сочиненіе іенскаго профессора Leist'a, Graecoitalische Rechtsgeschichte, который впервые попытался въ обстоятельномъ изложеніи представить въ общей системѣ основныя правовыя воззрѣнія двухъ классическихъ народовъ по сравненію съ индусами и (отчасти) другими аріями. Насъ интересуютъ здѣсь лишь части этой книги, относящіяся къ разсматриваемому нами родовому строю античныхъ государствъ: его воззрѣнія, какъ наиболѣе цѣльно, связно и обстоятельно изложенныя, мы предпочтительно передъ отрывочными замѣчаніями другихъ изслѣдователей положимъ въ

[1]) Предполагая сочиненія вышеназванныхъ ученыхъ обще-извѣстными, укажу лишь на книгу іенскаго профессора O. Schrader'a: Sprachvergleichung und Urgeschichte 1883 (она вышла теперь уже вторымъ изданіемъ, которое мнѣ, къ сожалѣнію, не пришлось видѣть).

[2]) Въ этомъ положеніи высказана та точка зрѣнія, которой я твердо держусь: въ виду ея читатель напрасно бы искалъ у меня ссылокъ на Мэна: Исторію учрежденій и друг. и на Лёббока: Origin of civilisation — методъ ихъ мнѣ не кажется достаточно надежнымъ и обезпечивающимъ строго-научные выводы.

основу нашего разсужденія, хотя во многихъ и весьма существенныхъ пунктахъ наши взгляды діаметрально съ ними расходятся.

Основныхъ мотивовъ для возникновенія родоваго строя Лейстъ признаетъ три: необходимость взаимной помощи, связанной съ институтомъ кровавой мести, право наслѣдованія въ кругу родичей и — самый первоначальный и первостепенный — почитаніе родителей (parentes = γονεῖς = pitaras [1]) въ самомъ широкомъ смыслѣ), т.-е. предковъ, при жизни ихъ и послѣ смерти въ формѣ культа, оказываемаго ихъ „манамъ“ [2]). Признавая въ общемъ правильность выставленныхъ Лейстомъ принциповъ, мы должны, однако, въ частностяхъ сдѣлать нѣкоторыя поправки. Во-первыхъ, право наслѣдованія кажется намъ лишь второстепеннымъ мотивомъ, такъ какъ не только во время возникновенія родоваго строя, но и по всей вѣроятности даже еще въ пору отдѣльной жизни италійскихъ и эллинскихъ племенъ никакой почти частной собственности, кромѣ движимой, не существовало — вмѣсто этого слѣдовало поставить общинное владѣніе сначала пастбищами, а послѣ развитія земледѣлія полями для всѣхъ членовъ родоваго союза, которое лишь послѣ установленія частной собственности перешло въ преимущественное право рода на наслѣдство: мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажутся вполнѣ убѣдительны тѣ доводы Т. Моммсена, коими онъ старался доказать, что въ древнюю пору въ Римѣ отдѣльный гражданинъ пользовался лишь надѣломъ (heredium) въ 2 югера, остальная же земля (ager) находилась въ общемъ владѣніи отдѣльныхъ gentes [3]); остатки такаго же порядка можно видѣть и у эллиновъ въ неизмѣнныхъ, недѣлимыхъ и неотчуждаемыхъ надѣлахъ *(κλῆροι)* отдѣльныхъ семей и въ общихъ обѣдахъ *(συσσίτια)*, какъ мы ихъ встрѣчаемъ въ качествѣ древне-дорическаго учрежденія въ Спартѣ и на о. Критѣ; еще громче, быть можетъ, въ пользу такаго порядка вещей говорятъ названія нѣкоторыхъ

[1]) Isaei d. Kir. her. (VIII) 32: *γονεῖς δ' εἰσί μήτηρ καὶ πατήρ, καὶ πάππος καὶ τήθη, καὶ τούτων μήτηρ καὶ πατὴρ, ἐὰν ἔτι ζῶσιν. ἐκεῖνοι γὰρ ἀρχὴ τοῦ γένους εἰσί.* Festus, p. 277: parens vulgo pater aut mater appellatur, sed iuris prudentes avos et proavos, avias et proavias parentum nomine appellari dicunt

[2]) Leist, op. l. p. 18, 40, 80, 298, 323 sqq.

[3]) Mommsen, Röm. Altert. III, p. 23 (также 168 et al.) съ прим. 3, гдѣ приводится и мѣсто изъ Варрона De re rust. I, 10, 2: bina iugera, quot a Romulo primum divisa dicebantur viritim, quae heredem sequerentur, heredium appellarunt и нѣк. друг.

аѳинскихъ демовъ, тождественныя съ именами несомнѣнно существовавшихъ родовъ: Филаиды, Бутады и друг.[1]). Точно такъ же намъ представляется, что морально-религіозная основа родовъ не изчерпывается obsequio erga parentes et vivos et mortuos, что культъ предковъ былъ не единственный, ихъ связывавшій[2]): извѣстно о многихъ родахъ, что они были наслѣдственными хранителями культовъ тѣхъ или другихъ боговъ, до того исключительно имъ принадлежавшихъ, что и государства, принимая тотъ или другой культъ какъ общественный *(δημοτελής)*, не рѣшались лишить родичей преимущественнаго права на исправленіе жреческихъ функцій — чтобы привесть одинъ примѣръ изъ многихъ, тиранъ Гелонъ происходилъ изъ рода, наслѣдственно ставившаго изъ своей среды гіерофанта для *τελεταί* хтоническихъ боговъ, которыя его предокъ Телинъ принесъ съ собою изъ о. Тела въ Гелу[3]).

У всѣхъ аріевъ Лейстъ различаетъ три ступени въ системѣ родоваго строя, которыя онъ называетъ греческими именами: *γένος, φρατρία, φυλή*. Такимъ образомъ онъ, подобно намъ, за первую единицу низшаго разряда принимаетъ родъ, а не семью (см. стр. 49, прим. 1), отождествляя термины *γένος* и *οἶκος*, или вѣрнѣе сказать, различая ихъ (стр. 53 и 103) такимъ образомъ, что пер-

---

[1]) Срвн. Freeman, Comparat. Politics, p. 103. Подобные „Geschlechtsdörfer“ были обычнымъ явленіемъ у ведійскихъ аріевъ, у коихъ термины janman (родъ) и grâma (село) употребляются какъ равносильные (Zimmer, Altind. Leb. p. 160: „die Bewohner des Dorfes waren eben ursprünglich nur eine Verwandschaft“; Lefmann, Gesch. d. alt. Indien, p. 120). То же отношеніе къ землевладѣнію засвидѣтельствовано и для германскаго рода „Sippe“ (Goth. sibya, alth. sibba, angls. sibgebyrd = Blutsverwandschaft) и подтверждается этимологіей слова: sibja отъ sibâ = ved. sabhâ (собраніе односельчанъ) по толкованію Адальб. Куна (Zeitschr. f. vergl. Sprachf. IV, p. 370). На подобное же тождество рода и села у славянъ указываетъ слово „вѣсь“ = санскр. viç (деревня) = лат. vicus = зендск. viç (родъ) = греч. *οἶκος* (домъ, семья); срвн. Brugmann, Grundriss. II, § 160, p. 449. Въ этомъ смыслѣ справедливо и опредѣленіе Аристотеля: „село (*κώμη*) — колонія семьи“.

[2]) Въ этомъ воззрѣніи Лейстъ сходится съ Fustel de Coulanges'омъ (Cité antique, L. II. la famille), котораго онъ, однако, нигдѣ не цитируетъ.

[3]) Herodot. VII, 153: *ὅθεν δὲ αὐτὰ ἔλαβε ἢ αὐτὸς ἐκτήσατο, τοῦτο οὐκ ἔχω εἰπαι.* Но Schol. Pind. Pyth. II, 27 онѣ были наслѣдственны въ его родѣ. Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этихъ *πάτριαι ἱερωσύναι*, какъ ихъ называетъ Платонъ (d. Legg. VI, p. 759 B) см. у Martha, Sacerdoces athéniens (1882) p. 14 и особенно у Töpffer'a, Attische Genealogie (1889). Въ вопросахъ, касающихся

вый обозначаетъ совокупность извѣстныхъ лицъ, а второй ихъ общее мѣстожительство — деревню (*οἶκος* = лат. vicus = санскр. viç = слав. **кѣсь**). Самое названіе *γένος*, и по значенію и по происхожденію соотвѣтствующее латинскому gens, Лейстъ выводитъ отъ общаго большинству индо-европейскихъ языковъ корня „ja“, означающаго „рождать“ (отсюда и греч. *γίγνομαι* = лат. gigno), т.-е. „родъ“. Но насчетъ состава этого древне-арійскаго рода онъ выставляетъ своеобразную теорію, съ которой едва ли возможно согласиться: онъ ограничиваетъ его шестью степенями родства между членами, которые имѣютъ одного общаго изъ трехъ предковъ — отца, дѣда или прадѣда (2-ая степень — братья, 3-ья — дядя и племянникъ, 4-ая — двоюродные братья, 5-ая — двоюродные дядя и племянникъ, 6-ая — троюродные братья; стран. 23—24), но за то распространяетъ и на женскую линію въ тѣхъ же границахъ.

Уже первое утвержденіе является весьма сомнительнымъ, такъ какъ указанныя шесть степеней установлены лишь Солоновскимъ закономъ какъ ближайшія въ правѣ наслѣдства съ тою цѣлью, чтобы за отсутствіемъ мужской линіи въ указанныхъ предѣлахъ вмѣсто еще болѣе дальнихъ родственниковъ вводилась въ права наслѣдства женская линія [1]); если Лейстъ считаетъ возможнымъ

древнѣйшихъ религіозныхъ вѣрованій, нельзя быть слишкомъ осторожнымъ, особенно въ заключеніяхъ отъ исторически засвидѣтельствованныхъ фактовъ на болѣе древнія установленія: тѣмъ не менѣе, мы осмѣлимся утверждать, что и культъ героя-эпонима долженъ быть отдѣленъ отъ поклоненія ближайшимъ предкамъ. Послѣдніе чтились лишь непосредственными своими потомками — въ семьѣ, и отнюдь не во всемъ родѣ (Демосѳенъ выдѣляетъ изъ геннетовъ тѣхъ, *οἷς ἡρία ταὐτά:* in Eubul. § 67, p. 1319) — герой же былъ покровителемъ не только рода, но и племени; настоящимъ мертвымъ совершали жертвы у ихъ гробницъ, героямъ — въ святилищахъ, которыя далеко не всегда содержали ихъ останки. Срвн. Rohde, Psyche (1890) p. 157, 210, 225 not. 4, который различаетъ (можетъ быть слишкомъ строго) Heroencult и Seelencult, какъ по происхожденію, такъ и по содержанію другъ отъ друга. Во всякомъ случаѣ можно утверждать, что въ Аѳинахъ напр. Андокидъ с. Леогора и Каллій с. Гиппоника (оба изъ рода кериковъ) чтили: 1) ближайшихъ своихъ „отцовъ“ (различныхъ для обоихъ), 2) общаго героя-предка Керика, 3) миѳическихъ своихъ родоначальниковъ, бога Гермеса и дочь Кекропса; далѣе они 4) приносили жертвы на принадлежащихъ ихъ роду алтаряхъ *Ἀπόλλωνος πατρῴου καὶ Διὸς Ἑρκείου;* 5) участвовали въ завѣдываніи элевсинскихъ мистерій (напр. *μύησις:* C. I. A. I, 1) и 6) могли занимать наслѣдственныя *ἱερωσύναι* (Каллій былъ дадухомъ).

[1]) Dem. in Macart. (XLIII), 51, p. 1067. Isaei d. Hagn. her. (XI), 2.

сослаться на законъ Драконовскій о преслѣдованіи убійцы[1]), то онъ не взялъ въ разсчетъ, что въ этомъ законѣ первенствующая роль предоставляется еще болѣе ограниченному кругу родичей, а остальные призываются къ преслѣдованію убійцы лишь рядомъ съ „зятьями“ и фраторами; по моему, всѣ подобныя ограниченія „ἐντὸς ἀνεψιαδῶν“ установлены далеко не въ древнѣйшую эпоху культуры законодателями, имѣвшими въ виду удобство судебной практики — дальше этой границы доказать родство было весьма затруднительно, а это подало бы поводъ къ массѣ судебныхъ кляузъ[2]). Самымъ вѣскимъ доказательствомъ противъ мнѣнія Лейста является самое наименованіе родовъ: они называли себя по имени не одного изъ трехъ ближайшихъ предковъ, а гораздо болѣе отдаленнаго героя-эпонима, котораго чтили какъ родоначальника. Еще болѣе подлежитъ возраженіямъ второй пунктъ его теоріи, что женская линія включалась въ родъ, хотя и занимала второе мѣсто послѣ мужскаго потомства. И тутъ его аргументы заимствованы изъ тѣхъ же законовъ аѳинскихъ о наслѣдствѣ: даже римскіе въ данномъ случаѣ, какъ признаетъ самъ авторъ, противорѣчатъ его взглядамъ, сохраняя право наслѣдства за одними агнатами, въ чемъ онъ видитъ отступленіе отъ древне-арійской нормы, находившееся въ связи съ національно-римскимъ институтомъ patriae potestatis[3]). Но противъ такаго воззрѣнія, оче-

---

[1]) Dem. in Macart. (XLIII), 57, p. 1069.

[2]) Лейстъ придаетъ большое значеніе Солоновскому закону о погребеніяхъ, гдѣ входъ въ домъ умершаго разрѣшается женщинамъ лишь ἐντὸς ἀνεψιαδῶν (Dem. in Macart (XLIII), 62); но онъ не обратилъ вниманія на то, что всѣ подобные законы имѣютъ цѣлью ограничить пышность похоронъ и слишкомъ громкія выраженія печали, особенно свойственныя женщинамъ, а также воспретить послѣднимъ вращаться въ кругу постороннихъ мужчинъ; если бы законодатель дѣйствительно, какъ думаетъ Лейстъ, хотѣлъ внушить обязанности по отношенію къ мертвымъ родичамъ, то онъ бы прежде всего обратился къ мужчинамъ, а не къ женщинамъ, между тѣмъ какъ о первыхъ онъ ничего не постановляетъ, не воспрещая посѣщенія похоронъ и постороннимъ женщинамъ, свыше 60 лѣтъ (для ихъ нравственности, конечно, общество мужчинъ было безопасно!). Срвн. законъ о. Кеоса насчетъ погребеній и комментарій къ нему Кёлера (Mitt. I, p. 139).

[3]) Leist, op. l., p. 95—96, срвн. p. 70: „Es ergab sich das Resultat, dessen sich die Römer auch wohlbewusst sind (Gai I, 55: Item in potestate nostra sunt liberi nostri quos iustis nuptiis procreaverimus. quod ius proprium civium Romanorum est. fere enim nulli alii sunt homines qui talem in filios suos ha-

видно, говоритъ несомнѣнно древнее установленіе относительно т.-наз. „эпиклеровъ“ *(ἐπίκληροι)*. Если дочь отца, не имѣющаго мужскаго потомства, должна непремѣнно быть выдана „за ближайшаго въ родѣ“ и даже въ случаѣ, если она раньше была замужемъ за кѣмъ-нибудь другимъ, развестись для этого съ нимъ, если и при такихъ условіяхъ не она считалась настоящимъ наслѣдникомъ, а лишь средствомъ или орудіемъ для рожденія мужскаго потомства, которое весьма часто усыновлялось тотчасъ своимъ дѣдомъ, во всякомъ же случаѣ по достиженіи совершеннолѣтія[1])

---

bent potestatem qualem nos habemus), dass sie in ihrer väterlichen Gewalt ein national-eigenartiges Rechtsinstitut besassen. Съ этимъ положеніемъ едва-ли можно согласиться: въ древнѣйшія времена, судя по разнымъ даннымъ, и у другихъ аріевъ, а также у грековъ существовала вполнѣ развитая patria potestas. У ведійскихъ аріевъ не только отецъ обладалъ полною властью надъ сыномъ, даже надъ его жизнью и смертью, но эта власть переходила отъ него къ его старшему сыну по отношенію къ братьямъ и сестрамъ (Zimmer, Altindisches Leben, p. 316, 320). У грековъ также сохранились слѣды подобныхъ установленій, напр. въ правѣ отца продавать въ рабство своихъ дѣтей, ограниченномъ въ Аѳинахъ лишь Солономъ, въ миѳическихъ примѣрахъ самыхъ жестокихъ наказаній, налагаемыхъ родителями, въ обычаѣ, что отецъ выбиралъ сыну, очевидно совершеннолѣтнему, жену (Isaei d. Menecl. her. II, § 18).

[1]) Harpocrat. s. v. *ἐπίδικος: ἐπίκληρος μέν ἐστιν ἡ ἐπὶ παντὶ τῷ κλήρῳ ὀρφανὴ καταλελειμμένη, μὴ ὄντος αὐτῇ ἀδελφοῦ. ...ἐπίδικος δὲ ἡ ἀμφισβητουμένη ἐπίκληρος ὅτῳ χρὴ αὐτὴν γαμηθῆναι.* О законѣ, присуждавшемъ наслѣдницу ближайшему родственнику: Isaei d. Kir. her. (VIII), 31; d. Aristarch. her. (X), 5, 19; объ усыновленіи внука дѣдомъ (*εἰσποιεῖσθαι ἐκ τῆς θυγατρὸς υἱὸν αὐτῷ*) срвн. Dem. in Macart (XLIII) 12, p. 1053; о правѣ сына *ἐπικλήρου* на наслѣдство при жизни матери срвн. законъ у Ps. Dem. in Steph. (XLVI), 20, p. 1135 (коего подлинность спорна) и свидѣтельство Гиперида: *ἐπειδὴ δὴ ἐνεγράφην ἐγὼ καὶ ὁ νόμος ἀποδέδωκε τὴν κομιδὴν τῶν καταλειφθέντων τῇ μητρὶ ὃς κελεύει κυρίους εἶναι τῆς ἐπικλήρου καὶ τῆς οὐσίας ἁπάσης τοὺς παῖδας ἐπειδὰν ἐπιδιετὲς ἡβῶσιν* (Harpocrat. s. v. *ἐπιδιετὲς ἡβῆσαι*). Срвн. кромѣ Van den Es, De iure familiarum ap. Athen., p. 19 и Caillemer, La succession légitime à Athènes, p. 36—49, спеціальное изслѣдованіе Hafter'a, Die Erbtochter nach attischem Recht (Leipz. 1887). Подобныя же установленія насчетъ дѣвицы-наслѣдницы (называвшейся *πατρῳῶχος*) существовали и въ Критѣ: Гортинскій законъ, табл. VII, 15—IX, 40; XII, 20—33, съ комментаріемъ Zitelmann'a (Rh. Mus. XL, Suppl.) стран. 149—160. Caillemer замѣчаетъ, что тотъ же институтъ существовалъ и въ Индіи (стр. 45, срвн. Hafter op. l., p. 2 et 8 насчетъ т. наз. Tochterbeauftragung): „Que le fils de la putrikâ (= *ἐπίκληρος*), dit Manou, prenne tout le bien de son grand-père maternel, mort sans enfant mâle; et qu'il offre deux gâteaux funèbres, l'un à son propre père, l'autre à son aïeul maternel“.

вступало при жизни матери во всѣ права наслѣдства: какъ не видѣть во всемъ этомъ лишь уступки, дѣлаемыя какъ бы противъ воли болѣе гуманнымъ законодательствомъ естественному чувству родителей, предпочитавшихъ оставить свое имущество дочери, а не какому-нибудь троюродному племяннику? Какъ не признать, что въ болѣе древнюю эпоху даже дочери, не говоря уже о дальнѣйшей женской линіи, были вовсе лишены правъ на наслѣдство? Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что дѣвушки, выходя замужъ въ чужой родъ, теряли всякую связь, даже культовую, съ своею прежнею семьей, которая не могла возобновиться тѣмъ болѣе для ихъ дѣтей[1]), а вѣдь — nulla hereditas sine sacris. Мы здѣсь могли только намѣтить въ самыхъ общихъ чертахъ возраженія, которыя дѣлаютъ весьма сомнительными аргументы Лейста, основанные на наслѣдственномъ правѣ; но рѣшающимъ кажется намъ слѣдующее соображеніе, о которое разбивается вся его теорія:

(Lois de Manou, IX, çlok. 132). Срвн. Leist, Alt-ar. ius gent., p. 107. Такое совпаденіе было бы невозможно, если бы или институтъ издревле не былъ общій всѣмъ аріямъ или по крайней мѣрѣ тотъ кругъ идей, изъ коихъ онъ развился у отдѣльныхъ племенъ.

[1]) Этому нашему положенію противорѣчитъ теорія т. наз. „Mutterrecht“, коего слѣды Bachofen старался указать и у различныхъ арійскихъ народовъ (Antiquarische Briefe I, 1880), но въ этомъ обычаѣ должно видѣть вмѣстѣ съ Лейстомъ (Alt-arisches ius gentium, p. 51, 433, 587) не первоначальное учрежденіе, а слѣдствіе упадка нравовъ у нѣкоторыхъ племенъ аріевъ, вообще издревле высоко ставившихъ святость брака. Мы считали необходимымъ констатировать таковое наше воззрѣніе въ виду того, что недавно открытая въ Halasarna на о. Косѣ надпись (Rayet, въ Annuaire d. l'assoc. d. étud. grecq. 1875, p. 293) снова послужила основаніемъ для подобныхъ же теорій. Она содержитъ списокъ гражданъ съ прибавленіемъ именъ отца и матери и материнскаго дѣда; къ нимъ присоединено загадочное примѣчаніе: *μέτεστι δέ μοι ἀπὸ τᾶς μαίας* (Col. I, lin. 22), которое толкуется: „я имѣю право на участіе (въ извѣстномъ культѣ?) по своей бабкѣ“. Издатель Rayet для объясненія его указалъ на то же свидѣтельство Геродота (I, 173) относительно преимуществъ и почетнаго положенія женщинъ у карянъ, которое послужило Бахофену исходнымъ пунктомъ его теоріи (Mutterrecht, p. 1). Joh. Töpffer, хотя и отвергаетъ рѣшительно послѣднюю, пользуется данной надписью для подтвержденія какой-то гинекократіи, коей слѣды онъ находитъ въ миѳахъ объ Амазонкахъ въ Эфезѣ и въ Троадѣ и о „минійскихъ женщинахъ на Лемносѣ и въ Орхоменѣ“ (Attische Genealogie, p. 187—199) — непонятно намъ, какое различіе онъ усматриваетъ между своей „гинекократіей“ и Бахофенскимъ „Mutterrecht“? Самую надпись мы далѣе постараемся объяснить иначе, здѣсь же замѣтимъ только, что въ пресловутой *μαία* мы видимъ дочь-*ἐπίκληρος*, передавшую своему сыну права его дѣда, также названнаго.

если къ роду причислялись всѣ лица, которыя могли по женской или мужской линіи назвать одного общаго предка изъ трехъ ближайшихъ поколѣній, то каждый человѣкъ принадлежалъ къ двумъ родамъ отцовскаго и материнскаго дѣда (если случайно отецъ и мать его не происходили изъ одного рода), могъ даже причисляться по бабкѣ своей съ материнской стороны еще и къ третьему роду — но никогда ни одинъ Корнелій не причислялъ себя къ gens Aemilia, никогда ни одинъ этеобутадъ не высказывалъ притязаній на званіе гіерофанта, принадлежавшее роду эвмолпидовъ, хотя мы знаемъ изъ Плутарха, что оба эти рода по женской линіи близко породнились[1]). Очевидно, Лейстъ не съумѣлъ различить два значенія слова *γένος*: естественное, такъ сказать, и правовое — „рожденіе“ (или происхожденіе) и „родъ“ — которыя въ латинскомъ языкѣ выражаются и двумя различными терминами, genus и gens (оба происходятъ отъ того же корня, какъ и *γένος*). Для дяди сынъ его сестры можетъ быть genere proximus, но онъ будетъ принадлежать къ другой gens *(γένος)* и носить ея имя: „gentiles mihi sunt, говоритъ Цинцій, qui meo nomine appellantur“[2]).

Ошибка, въ которую впадаетъ Лейстъ, встрѣчается и у другихъ ученыхъ, но поражаетъ въ устахъ юриста, особенно послѣ того, какъ на нее указалъ самымъ энергическимъ образомъ Dittenberger въ своемъ изслѣдованіи, посвященномъ аттическому роду Керіковъ[3]). Вмѣстѣ съ этимъ ученымъ и мы принимаемъ для италійско-греческаго рода два основныхъ положенія: 1) родъ состоялъ изъ членовъ, которые по прямой, мужской линіи выводили свое происхожденіе отъ общаго предка, по имени коего назывался и весь родъ (какъ это высказываетъ уже Дикеархъ); 2) предѣлы рода были не ограничены опредѣленными степенями родства, такъ что онъ обнималъ въ себѣ массу лицъ, которыя назывались „родичами“ *(γεννῆται*, gentiles), не только не будучи въ состояніи выяснить сравнительную близость другъ къ другу, но даже не чувствуя себя „родственниками“ *(συγγενεῖς*, cognati). Мы съ большей увѣренностью высказались за фактическое происхожденіе родичей отъ общаго предка, нежели это дѣлаетъ

[1]) Ps.-Plutarch. vitt. X oratt., p. 843 (II, p. 1027, Didot).

[2]) Festus (Pauli exc.) s. v. gentilis, p. 67 ed. Thewrewk (1890).

[3]) Die Eleusinischen Keryken въ Herm. XX, p. 1—40.

Диттенбергеръ, который прибавляетъ: „дѣйствительнаго или воображаемаго“; но мы считаемъ „воображеніе“ въ данномъ случаѣ непонятнымъ, а вымыселъ (за изчезающими въ массѣ исключеніями) невозможнымъ въ столь древнія времена — сила кровныхъ связей, недовѣріе ко всякому чужому лицу, наконецъ власть надъ умами религіозныхъ вѣрованій были тогда слишкомъ велики, чтобы группѣ людей (и не одной, а безчисленному множеству такихъ группъ) могло прійти въ голову рѣшить между собою: измыслимъ себѣ общаго предка, будемъ считать себя его потомками, назовемъ себя по его имени и воздадимъ ему культъ какъ родоначальнику! Вымысломъ, плодомъ фантазіи, конечно, должно считать вообще преданія, образовавшіяся вокругъ личности такаго предка, и еще болѣе тѣ генеалогіи, которыя выводили его отъ какаго-нибудь національнаго героя или бога; но не эти послѣдніе считались настоящими родоначальниками и давали имя роду (какъ слѣдовало бы ожидать при фикціи), а какія-нибудь довольно „темныя“ личности, ничѣмъ непзвѣстныя: не по Агамемнону назывались лесбійскіе Пенѳилиды, а по Пенѳилу (который былъ произведенъ въ его правнуки), не Геракла называли своимъ родоначальникомъ спартанскіе Агіады, а его мнимаго потомка Агиса, не знаменитому Эанту воздавали культъ аттическіе Филанды, а Филаю, относительно котораго не могли согласиться, былъ ли онъ сыномъ или внукомъ Эанта[1]). Характерна также въ высшей степени патронимическая форма большинства родовыхъ именъ, по крайней мѣрѣ у эллиновъ, и весьма невѣроятны толкованія иныхъ ученыхъ, которые пытаются свести ихъ къ нарицательнымъ наименованіямъ, напр. объясняютъ аттическихъ Эвмолпидовъ какъ цехъ пѣвцовъ (Sängerzunft) отъ *εὖ* и *μέλπειν*[2]) — тогда бы они должны были бы зваться *Εὔμολποι*, а не *Εὐμολπίδαι!* Въ параллель къ именамъ греческихъ родовъ можно вполнѣ справедливо привесть названія гаельскихъ клановъ, изъ коихъ большинство имѣетъ первымъ слогомъ „Макъ“ *(Mc)*, что означаетъ „сынъ“, вѣрнѣе „сыновья“ или потомки извѣстнаго родоначальника.

---

[1]) Ферекидъ (fr. 20 Müller = отр. 6 у меня), Геродотъ (VI, 35) и Плутархъ (vit. Sol. c. 10) называютъ Эанта отцомъ Филая, между тѣмъ какъ Павзаній (I, 35, 2) выводитъ его отъ Эврисака, котораго и Софоклъ (Aias, 570) признаетъ единственнымъ сыномъ Эанта (Töpffer, Att. Gen., p. 275).

[2]) Meyer, De gentil. attic. Срвн. Bossler, De gent. sacerdot, p. 20.

Болѣе гораздо затрудненій представляетъ слѣдующая за родомъ высшая единица родоваго строя: фратрія у эллиновъ, соотвѣтствующая римской куріи[1]). Вопросъ о ней затрудняется недостаточностью нашего матеріала: какъ куріи помимо Рима встрѣчаются лишь въ родственныхъ латинскихъ городахъ (гдѣ возможно во всякомъ случаѣ допустить подражаніе учрежденіямъ властительнаго Рима)[2]), такъ въ Греціи мы внѣ Аѳинъ находимъ фратріи лишь въ Элидѣ, Фокидѣ (Стиріи), на нѣкоторыхъ Кикладахъ, въ Иліонѣ и на о. Хіосѣ и Косѣ, въ Эгахъ и Кимѣ (въ Эолидѣ) и въ Неаполѣ, а также въ одномъ (дорическомъ) городѣ на о. Сициліи, коего имя намъ неизвѣстно, и по свидѣтельству писателей въ Спартѣ, Ѳивахъ, Коринѳѣ, Киренѣ[3]). Какъ ни скудны эти данныя, мы на основаніи ихъ можемъ вывести одно важное заключеніе: такъ какъ существованіе фратрій доказано для разныхъ мѣстностей, занятыхъ эллинами, и для различныхъ ихъ племенъ (іонянъ, дорянъ, и т.-наз. эолянъ), то въ нихъ нельзя видѣть учрежденія позднѣйшей эпохи, а должно начало ихъ возводить къ порѣ племеннаго единства всѣхъ эллиновъ. Не удивительно поэтому, что упоминаніе фратрій мы находимъ уже у Гомера въ двухъ

---

[1]) Leist, Gr.-Ital. Rechtsgesch., p. 105; Zimmer (Altind. Leben, p. 160) дѣлаетъ ошибку, ставя на мѣсто curia — tribus: всѣ греческіе писатели употребляютъ слово „фратрія“ для обозначенія римской „куріи“ (Dionys. Antiq. II, 7; Plutarch, v. Poplic. 7; Dio Cass. XXXIX, 11, 19; XLV, 5).

[2]) Имѣется, впрочемъ, указаніе, какъ мы увидимъ ниже, на существованіе этого института и у сабинянъ (въ этимологіи curia отъ сабинскаго слова curis).

[3]) Элида: Collitz, Gr. D. I. I, 1152 = Cauer, Del.[2] № 253 (хотя встрѣчающіяся въ ней *ΠΑΤΡΙΑΝ* и *ΠΑΤΡΙΑΣ* вѣрнѣе будетъ истолковать какъ собственное имя *Πατρέας*: срвн. Wescher-Foucart, Inscriptt. recueillies à Delphes, № 158, 210; B. d. C. H. V, p. 410, № 16; p. 412, № 19 изъ Дельфъ. Фокида: Dittenb. S. I. G. № 294 = B. d. C. H. V, p. 42. Изъ Кикладъ Андръ: Weil въ Mitth. I, p. 237, № 1. Тенъ: C. I. G. 2330, 2333. Сиръ: C. I. G. 2347 g. Add. (*Ἀθηνᾶς φρατρίας*). Хіосъ: B. d. C. H. III, p. 49. Косъ: Hauvette-Besnault въ B. d. C. H. V, p. 224, № 13 (*Διὸς Φατρίου*). Иліонъ: C. I. G. 3596 = Ditt. S. I. G., № 157. Эги: Lebas. III, 1724 d. Кима въ Эолидѣ: C. I. G. 3524 = Collitz. Gr. D. I. I, 311 (*Μῆνος Φρατρίω*). Неаполь: Strab. V, 4, 7, p. 246: *πλεῖστα δ' ἴχνη τῆς Ἑλληνικῆς ἀγωγῆς ἐνταῦθα σώζεται... καὶ φρατρίαι.* Обстоятельное о нихъ изслѣдованіе далъ Nic. Ignarra, De phratriis 1797, p. 65—207; теперь извѣстны слѣдующія: *Ἀριστᾶιοι* (I. S. It. 759 = C. I. G. 5785), *Ἀρτεμίσιοι* (ibid. 744 = C. I. G. 5798), *Εὐμηλεῖδαι* (ibid. 715 et 748 = C. I. G. 5786 et 5805), *Εὐνοστίδαι* (ibid. 783 = C. I. G. 5818; Willmans, Ex. inscr. 664); *Θεωτάδαι* (ibid. 723 = C. I. G. 5787); *Καπριῆται* (I. S. It. 897 a, Add.); *Κρητόνδαι* (ibid.

мѣстахъ Иліады[1]) Даже можно пойти далѣе и сказать, что близкая аналогія римско-латинской куріи заставляетъ насъ возводить этотъ институтъ къ эпохѣ единства греко-италиковъ; но мы не рѣшимся утверждать, что онъ уже тогда являлся въ вполнѣ законченной формѣ — противъ этого, кажется, говоритъ отсутствіе общаго для него наименованія. Фактъ этотъ долженъ казаться особенно поразительнымъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что эллинское названіе *φρατρία* происходитъ отъ слова, въ греческомъ языкѣ изчезнувшаго, но сохранившагося именно въ латинскомъ — отъ *φράτωρ* = лат. frater: что слово это нѣкогда употреблялось въ такомъ же смыслѣ и у эллиновъ, а можетъ быть удержалось и впослѣдствіи въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ, доказывается не только тѣмъ толкованіемъ, которое даетъ Дикеархъ о фратріи, но и глоссой Гесихія *(φρητήρ· ἀδελφός)*. Между тѣмъ какъ греческое названіе указываетъ на родственную близость, на мирную связь братской любви, соединяющую между собою членовъ фратріи, латинское наименованіе заимствовано изъ совершенно другаго круга идей: curia (и ея покровительница — Iuno curitis) не можетъ быть отдѣлена отъ сабинскаго слова curis = копье, т.-е. обозначаетъ отрядъ копьеносцевъ, военное дѣленіе. Такое значеніе куріи для

---

743 = Beloch, Campanien № 19); *Κυμαῖοι* (ibid. 721 = C. I. G. 5788); *Οἰνωναῖοι* (? C. I. G. 5797; первый издатель прочиталъ: *ἡ φρατρία HONIONAEΩN;* поправку сдѣлалъ Ignarra, p. 173, но Kaibel въ I. S. It. p. 191 предложилъ читать *ΚΡΗΤΟΝΑΕΩΝ*); *Παγκλεῖδαι* (I. S. It. 742 = C. I. G. 5789); сомнительны *Εὐμεῖδαι* (ibid. 730 = C. I. G. 5801), коихъ признать за фратрію отказывался уже Ignarra, p. 205, въ виду того, что они являются въ надписи, посвященной царицѣ Еленѣ, матери Константина; позднѣе была прибавлена еще фратрія *Ἀντινοιτῶν* въ честь любимца Адріана (Willmans, Ex. inscr. Lat. 664 = Ignarra, p. 198 = Beloch, Campanien, № 12, который дѣлаетъ неосновательное предположеніе, что ихъ имя замѣстило эвностидовъ). Неизвѣстному дорическому городу на Сициліи, можетъ быть Сиракузамъ, принадлежатъ пращевые камни (изъ временъ возстанія рабовъ) съ надписями: *πρώτα (δευτ. τριτ.) φυλ. φα(τρία)* и имя послѣдней въ сокращеніи, напр. *Ἐκγ.* (I. S. It. 2407, 10—15, 18, 11 a Praef.). Въ Спартѣ существованіе 27 фратрій засвидѣтельствовано Димитріемъ изъ Скепсиса (Athenaei IV, p. 141 e: слова будутъ приведены ниже), въ Θиваxъ — схоліями къ Пиндару (Isthm. VI (VII), 18: *Αἰγεῖδαι φατρία Θηβαίων* со словъ Аристотеля, также — въ Коринѳѣ (Schol. Pind. Olymp. XIII, 136—37: *Ὀλιγαϑίδαι φατρία ἐν Κορίνϑῳ*), въ Киренѣ — Аристотелемъ (Politic. VII (VI) 4, p. 1319 b, 22).

[1]) Il. *B*, 362—63; I. 63.

цѣлей военныхъ вовсе не противорѣчитъ ея характеру, какъ родовой единицы, такъ какъ у всѣхъ арійскихъ народовъ можно констатировать обычай, весьма понятный и естественный, чтобы въ бою отдѣльныя группы родичей сражались сомкнутымъ строемъ: у древнихъ индусовъ войско строилось по отдѣльнымъ viç (viçam-viçam)[1]), которыя сопоставляются санскритистами именно съ фратріей (по понятію, такъ какъ этимологически слово соотвѣтствуетъ греч. *οἶκος* = лат. vicus); у германцевъ точно такъ же, по свидѣтельству Тацита, т.-наз. Gesippen, т.-е. члены одной Sippe, одного рода, и Gaugenossen, соотвѣтствовавшіе фраторамъ, стояли въ битвѣ рядомъ[2]); у самихъ грековъ наконецъ самый опытный въ построеніи войска вождь Несторъ совѣтуетъ Агамемнону разставить ахеянъ „по фратріямъ и филамъ“[3]).

Такимъ образомъ намъ удалось, кажется, показать путемъ сравненія, что извѣстные задатки института курій или фратрій должны восходить къ порѣ обще-арійскаго единства, не достигши, однако, вполнѣ законченной формы; но если мы затѣмъ обратимся къ вопросу о происхожденіи ихъ, то мы встрѣтимся съ большими и едва ли разрѣшимыми затрудненіями: какъ относительно родовъ, мы осмѣлимся и насчетъ фратрій утверждать, что въ основѣ ихъ лежали кровныя связи ихъ членовъ, но ни доказать этого положенія, ни вывести заключенія относительно формы родства мы съ полной увѣренностью не можемъ.

Можно представить себѣ условіемъ для образованія фратріи чрезмѣрный ростъ и развѣтвленіе рода, при чемъ каждая отдѣльная вѣтвь пріобрѣтала независимость особаго рода и именовалась по своему спеціальному родоначальнику, но всѣ вмѣстѣ чтили общаго предка, и не теряя воспоминанія о своей родственной связи, образовывали одно болѣе обширное „братство“ и звались фраторами, такъ какъ ихъ родоначальники были братьями: такъ мы знаемъ изъ историческаго времени примѣръ, что у нѣкоего Бусела было пять сыновей, отъ коихъ пошло многочисленное потомство — если бы это случилось въ доисторическія времена,

---

[1]) Rg.-Ved. X, 84, 4 у Zimmer'a, Altind. Leb., p. 161.

[2]) Tacit. Germ. c. 7: non casus nec fortuita conglobatio turmam aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates.

[3]) *Κρῖν' ἄνδρας κατὰ φῦλα, κατὰ φρήτρας, Ἀγάμεμνον,*
ὡς φρήτρη φρήτρηφιν ἀρήγῃ, φῦλα δὲ φύλοις (Il. *B*, 362—63).

то по всей вѣроятности возникла бы фратрія Буселидовъ и она дѣлилась бы на пять отдѣльныхъ родовъ[1]). Допустимо, однако, и другое предположеніе, къ которому уже въ древности прибѣгъ Дикеархъ, что нѣсколько родовъ, поселившись другъ около друга, сближались между собою и благодаря взаимнымъ бракамъ своихъ членовъ соединялись въ одну родственную группу, получавшую наименованіе фратріи и освящавшуюся общимъ культомъ. Противъ этого предположенія мы уже раньше высказывали свои сомнѣнія, такъ какъ вообще въ древнѣйшія времена браки по большей части заключались внутри собственнаго рода: мы знаемъ, что и въ вполнѣ историческія времена не только для дочери-наслѣдницы такой бракъ былъ обязателенъ, но и вообще онъ считался особенно желательнымъ — такъ, въ родѣ Кериковъ Диттенбергеръ обратилъ уже вниманіе на массу примѣровъ подобныхъ браковъ[2]), и ихъ можно было бы, конечно, въ сильной мѣрѣ умножить, если бы исторія аѳинскихъ родовъ была бы намъ больше извѣстна; точно такъ же и относительно Рима можно для древнѣйшей эпохи констатировать запретъ женщинамъ выходить замужъ внѣ своего рода — требовалось, по крайней мѣрѣ, на то согласіе родичей и освященіе со стороны понтификовъ.

Но и съ другой стороны наша собственная теорія, не можемъ этого отрицать, представляетъ серьезныя затрудненія. Во-первыхъ, не только можно, но даже должно допустить фактъ существованія отдѣльныхъ родовъ, не разросшихся путемъ развѣтвленія, а шедшихъ по прямой линіи отъ отца къ сыну: тогда или фратрія должна была бы для нихъ совпасть съ родомъ, или помимо родовъ, группировавшихся во фратріи, необходимо допустить такіе изолированные роды; но мы не можемъ констатировать примѣровъ того или другаго, по крайней мѣрѣ въ историческую пору (для болѣе древнихъ временъ мы не имѣемъ права отрицать существованіе обособленныхъ родовъ). Во-вторыхъ, большія сомнѣнія возникаютъ изъ характера названій фратрій (которыхъ, впрочемъ, до насъ дошло совсѣмъ незначительное число) — по нашей теоріи образованія фратрій изъ родовъ они должны были схо-

---

[1]) Dem. in Macart. (XLIII), § 19, p. 1055—56. Срвн. генеалогическую таблицу у Schömann'a ad Isaeum d. Hagn. her. (XI), p. 448.

[2]) Dittenberger, Die Eleusin. Keryken въ Herm. XX, p. 26, not. 1.

диться съ именами послѣднихъ, но этого никакъ нельзя утверждать: дѣйствительно они обыкновенно точно такъ же представляютъ патронимическую форму (на — *δαι*), но въ корнѣ они совершенно различаются; между тѣмъ какъ названія родовъ большею частью могутъ быть съ легкостью сведены къ чисто-греческимъ именамъ (*Εὐμολπίδαι — Εὔμολπος* отъ *εὖ* и *μέλπειν*, *Ἀμυνανδρίδαι — Ἀμύνανδρος* отъ *ἀμύνω* и *ἀνήρ* и т. д.), мы тщетно бы пытались объяснить подобнымъ образомъ названія фратрій (напр. *Ἀχναδαι* отъ *Ἀχνίας?* или отъ *Ἀχναδης? Θεωτάδαι, Κρητόνδαι, Ζακυάδαι*), такъ что они дѣлаютъ впечатлѣніе не естественно произведенныхъ отъ имени родоначальника, а искусственно придуманныхъ (по имени мѣста, бога-покровителя и т. п.) для уже образовавшейся фратріи и только внѣшнимъ образомъ въ своемъ окончаніи приноровленныхъ къ господствующей системѣ родовыхъ именъ. Наконецъ нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что въ историческое время фратріи вовсе не отличаются тою замкнутостью, какая всегда была присуща родамъ: никогда, насколько мы знаемъ, въ послѣдніе не могъ проникнуть ни одинъ посторонній человѣкъ, за исключеніемъ случаевъ усыновленія, между тѣмъ какъ во фратріи записывались во многихъ государствахъ иностранцы, коимъ было пожаловано право гражданства, мало того, иные законодатели, принимая массу новыхъ гражданъ, создавали для нихъ, говорятъ, и новыя фратріи[1]).

---

[1]) Этому положенію какъ будто противорѣчитъ декретъ съ о. Θаза (C. I. G. 2161), въ коемъ Поліарету не только даруется право гражданства, но и разрѣшается: *ἰέναι δὲ αὐτοὺς καὶ ἐπὶ πάτρην ἣν ἂν πείθωσι*, гдѣ *πάτρη* по вышеприведенному свидѣтельству Дикеарха (fr. 7) толкуютъ какъ *γένος* — родъ. Но, во-первыхъ, принятіе Поліарета въ это народное дѣленіе только факультативное (*ἣν ἂν πείθωσι*, а не *ἣν ἂν λάχωσι* или *ἣν ἂν βούλωνται*); во-вторыхъ, равенство *πάτρη* и *γένος* вовсе не такъ несомнѣнно, какъ обыкновенно представляютъ. Подтвержденіе находятъ въ одномъ стихѣ Гомера (Il. N, 354): *ἀμφοτέροισιν ὁμὸν γένος ἠδ' ἴα πάτρη*, но само сопоставленіе показываетъ, что *γένος* и *πάτρη* не могутъ быть тождественны и должно принять толкованіе Ла-Роша (*πάτρη* = Geburtsort). Точно также сомнительны и всѣ мѣста, приводимыя изъ Пиндара насчетъ эгинскихъ *πάτραι* (срвн. W. Wachsmuth, Hell. Alt. I, p. 801), которыя принимаютъ за роды: 1) *αὔξων δὲ πάτραν Μειδυλιδᾶν* (Pyth. VIII, 53); 2) *πάτραν νῦν ἀκούομεν, Τιμάσαρχε, τεὰν ἐπινικίοισι ἀοιδαῖς πρόπολον ἔμμεναι* (Nem. IV, 125); 3) *Πυθῶνι κράτησεν ἀπὸ ταύτας αἷμα πάτρας* (Nem. VI, 62); 4) *Εὐξενίδα πάτραθε Σώγενες* (Nem. VII, 103); 5) *σεῦ δὲ πάτρα Χαριάδαις τε* (Nem. VIII, 79); 6) *τὰν Ψαλυχιαδᾶν δὲ πάτραν χαρίτων ἄρδοντι καλλίστα δρό-*

На основаніи всего сказаннаго насчетъ происхожденія фратрій должно прійти къ слѣдующему выводу: въ основѣ ихъ лежало при возникновеніи этого института несомнѣнно — родство, но рядомъ съ (преобладающимъ по нашему мнѣнію) родствомъ кровнымъ по мужской линіи должно признать въ значительной мѣрѣ и родство по женской — путемъ взаимныхъ браковъ между различными родами. Другихъ путей для образованія фратріи въ древнѣйшую пору признать по-нашему невозможно: если мы даже примемъ фактъ, что нѣкоторые „захудалые“ роды уже и тогда примыкали произвольно къ какой-нибудь могущественной фратріи, то разъ принятые въ ея составъ они, несомнѣнно, старались укрѣпить свою связь съ нею чрезъ посредство брачныхъ союзовъ съ коренными, исконными ея членами; заключались ли браки до или немедленно послѣ принятія новыхъ родовъ во фратрію, намъ кажется по существу вполнѣ безразличнымъ — споръ сводится къ пустой игрѣ словъ.

Относительно внутренняго устройства этихъ фратрій или курій мы достовѣрно знаемъ лишь, что онѣ имѣли общее мѣсто собра-

---

σῳ (Isthm. V (VI), 92). Мы бы могли сослаться на схоліи, въ коихъ эти Мидилиды, Θеандриды, Бассиды, Евксениды, Псалихіады называются „фатріями“, а не родами, Харіады даже филой, но видимъ въ этомъ опредѣленіи ихъ лишь незнаніе родоваго строя и смѣшеніе отдѣльныхъ его единицъ — поэтъ не сталъ бы, конечно, называть фратріи въ такихъ случаяхъ. Но мы принимаемъ то толкованіе, которое они въ трехъ случаяхъ (Nem. IV, 125; VI, 62; VIII, 79) даютъ слову *πάτρα*, перефразируя его въ *πατρίς:* изъ шести вышеприведенныхъ мѣстъ въ четырехъ (1. 2. 5. 6) такое значеніе вполнѣ подходитъ (особенно: Nem. VIII, 79, гдѣ всякое другое вызываетъ непреодолимыя затрудненія) — извѣстно, что побѣда на панэллинскихъ играхъ приносила отечеству атлета не меньшую славу, чѣмъ ему самому (Pind. Ol. VIII, 26: *ἐξένεπε κρατέων πάλᾳ δολιχήρετμον Αἴγιναν πάτραν*); два же остальныхъ мѣста (3. 4) по другимъ причинамъ должны считаться испорченными — въ Nem. VI, 62 мы принимаемъ конъектуру Bergk'a: *Πυθῶνι κράτησεν ἀπὸ τωὐτοῦ αἵματος.* Такимъ образомъ въ литературѣ мы не находимъ ни малѣйшаго подтвержденія для сопоставленія *πάτρη = γένος;* что касается надписей, то кромѣ одной, аркадской, ничего не рѣшающей (*ἁ πάτρα τῶν Προσυμναίων:* C. I. G. 1535 = Collitz, Gr. D. I. I, 1194), встрѣчаются *πάτραι* на о. Родосѣ, перечисленныя по извѣстнымъ рубрикамъ (Newton, Br. Mus. II, 352). Въ этой надписи (обломкѣ) подъ заголовкомъ *Ἀλθαιμενίδος*, гдѣ нельзя ничего дополнить, кромѣ *φυλῆς* (Col. I, l. 19; Col. II, l. 11), перечисляются сначала *Ἀμφινέων πάτραι*, затѣмъ *Χυτριείων πάτραι* — ученые и толкуютъ эти три ступени, какъ филу (*Ἀλθαιμενίς*), фратріи (*Ἀμφινεῖς, Χυτριεῖοι*) и роды, изъ чего прямой выводъ, что *πάτρα = γένος.* Но не говоря уже о томъ, что странно двойное

нія[1]), общій алтарь и общій культъ т.-наз. *θεοὶ φράτριοι* или *φρατερικοί*, для которыхъ изъ числа членовъ назначался особый жрецъ (*ἱερεύς*, curio), на ряду съ начальникомъ фратріи (*φρατρίαρχος*, magister curiae) и могли также обладать поземельной собственностью. Болѣе подробныхъ чертъ для общей ихъ характеристики мы представить не можемъ по скудости нашего матеріала: нѣсколько болѣе обильныя свѣдѣнія мы имѣемъ лишь относительно аттическихъ фратрій, но ихъ мы считаемъ удобнѣе сопоставить при частномъ разсмотрѣніи этихъ послѣднихъ, тѣмъ болѣе, что въ такихъ случаяхъ обобщенія бываютъ черезчуръ рискованы. Можно только съ увѣренностью утверждать, что во всѣхъ государствахъ, гдѣ вообще существовали фратріи и куріи (по всей вѣроятности, значитъ, во всѣхъ греко-италійскихъ), каждый гражданинъ долженъ былъ принадлежать къ одной изъ нихъ.

(въ первомъ и второмъ столбцѣ) перечисленіе съ различными именами этихъ *πάτραι*, что подъ заголовкомъ *Ἀμφινέων πάτραι* мы встрѣчаемъ *Ἀμφινεῖς* (одинаковое наименованіе высшаго и низшаго дѣленія имѣетъ себѣ аналогіи), нельзя не обратить вниманія на то, что подъ каждымъ заголовкомъ перечисляется нѣсколько одноименныхъ *πάτραι* (подъ *Ἀμφινέων πάτραι* четырежды *Θράδαι*, подъ *Χυτριείων πάτραι* трижды *Βουκολίδαι* и дважды *Κρητινάδαι*) — неужели же мы предположимъ, что существовало до четырехъ родовъ одного наименованія? Сверхъ того мы вышеупомянутыхъ *Κρητινάδαι* находимъ и подъ *Χυτριείων* и подъ *Βουκολείων πάτραι* — неужели мы допустимъ, что одинъ и тотъ же родъ могъ быть раздѣленъ между двумя фратріями? Должно признать, что родосскія *πάτραι* (извѣстна еще *ἀ πάτρα ἀ Δρυιτᾶν*, которая вмѣстѣ съ *δᾶμος ὁ Λινδοπολιτᾶν* увѣнчиваетъ нѣкоего Евалкида: ibid. 345) представляютъ столько загадочнаго, что до открытія новаго матеріала ими пользоваться для какихъ-нибудь выводовъ невозможно, тѣмъ менѣе приводить ихъ въ подтвержденіе равенства *πάτρα* = *γένος*. О *πάτραι* города Олима (Lebas. III, 334) мы умалчиваемъ, оставляя вообще въ сторонѣ учрежденія „варварскихъ“ городовъ, такъ какъ они могутъ не уяснить, а лишь затемнить греческіе институты, коимъ подражаютъ. Но предположимъ, даже, что на Родосѣ и на Эгинѣ *πάτραι* имѣютъ значеніе, придаваемое этому слову Дикеархомъ, то было бы лишь установлено, что доряне употребляли терминъ *πάτρα* вмѣсто *γένος*, но мы отнюдь не въ правѣ приписать такое же употребленіе іонійскому Θазу, гдѣ *πάτρη* также несомнѣнно равнялась *φατρίη*, *φρατρίη*, какъ геродотовское *πατριή* (II, 143; III, 75; I, 200 по сравненію съ I, 125: *φρήτρη*). К. О. Мюллеръ также приравниваетъ іонійскія *πάτραι* къ фратріямъ, ссылаясь именно на вышеприведенную оазійскую надпись: nie findet man, dass neue Bürger in alte *γένη* cooptirt wurden (Dorier, II, p. 76, not. 4).

[1]) *Φράτριον:* C. I. A. II, 599; *φρητρίη:* I. S. It. 748. Самое собраніе фратеровъ въ Неаполѣ, по крайней мѣрѣ, называлось *ἄγαρρις* (I. S. It. 759).

Какъ фратріи состояли изъ родовъ, такъ сами они входили въ составъ высшей единицы — племени. „Племя“ не только встрѣчается у всѣхъ аріевъ, но и играетъ въ древнѣйшей ихъ исторіи болѣе видную роль, нежели мелкія единицы, роды и фратріи: у индусовъ оно извѣстно подъ названіемъ jana, у персовъ — daqyu, у германцевъ — thiuda (у готѳовъ = althd. thiota, angs. thîod), у италиковъ мы его встрѣчаемъ подъ именемъ tribus (оск. trefu), у эллиновъ оно называется *φυλὴ* или *φῦλον* (отъ глаг. *φύω*)[1]). Какъ видно, всѣ эти наименованія у отдѣльныхъ народовъ происходятъ отъ различныхъ корней, а слѣдовательно имѣютъ и различныя значенія; но въ этомъ мы не находимъ еще достаточнаго основанія (при общемъ сходствѣ въ родовомъ строѣ у всѣхъ арійскихъ народовъ), чтобы отказаться отъ мысли, что зачатки племеннаго дѣленія выработались не у отдѣльныхъ народовъ по какой-то поразительной и необъяснимой аналогіи, а восходятъ ко временамъ единства индо-германцевъ: различія въ наименованіяхъ можно объяснить безъ труда разными предположеніями — или у древнихъ аріевъ самихъ было нѣсколько названій для понятія о племени, и впослѣдствіи каждый народъ избиралъ по частнымъ вкусамъ то одно, то другое, или же (для насъ это вѣроятнѣе) послѣ раздѣленія своего и переселенія на новыя мѣста жительства племена у обособившихся арійскихъ народовъ сообразно новымъ своимъ условіямъ жизни, новымъ цѣлямъ и задачамъ получили и новыя болѣе характерныя наименованія. Такъ, мы уже выше видѣли, что дѣленіе представлявшееся эллинамъ въ видѣ „братства“, у италиковъ являлось „военнымъ отрядомъ“ (Lanzenschaft), у индусовъ — „селомъ“: первые обратили главное вниманіе на морально-семейный характеръ этого сообщества, другіе — на его главнѣйшія (при постоянныхъ войнахъ того времени) функціи, третьи — на совмѣстное мѣстожительство. Поэтому едва ли можно согласиться съ проф. Моммсеномъ, который колеблется признать соотвѣтствіе

---

[1]) Leist, Gr.-it. Rechtsgesch., p. 105. Zimmer, Altind. Leben, p. 160, который къ греч. *φυλὴ* приравнялъ ошибочно лат. civitas. Онъ также приравниваетъ славянское „народъ, языкъ“, но едва ли не вѣрнѣе будетъ сопоставлять греч. *φυλὴ* съ слав. **племя**, хотя послѣднее этимологически находится въ связи съ лат. po-pul-us, ple-bs, греч. *πλῆ-θος, πόλ-ις*. G. Curtius, Griech. Etym., p. 277 (№ 366). Срвн. Mommsen, Unterital. Dial., p. 304. Совершенно ошибочны сопоставленія у Schrader'a, Sprachv., p. 394.

между греческой филой и латинской трибой въ виду того, что послѣдняя носитъ на себѣ отпечатокъ территоріальнаго дѣленія [1]): но, во-первыхъ, такой характеръ она, кажется, пріобрѣтаетъ лишь у римлянъ, между тѣмъ какъ въ темной этимологіи этого слова мы не находимъ ни малѣйшихъ указаній на такое его значеніе [2]): во-вторыхъ, если и согласиться съ тѣмъ, что италійская трпба и по существу и по имени имѣла связь съ территоріей, то доста-

---

[1]) Mommsen, Röm. St.-R. III, 1, p. 95: „Die äussere Analogie der vier ionischen und der zehn kleisthenischen Phylen Athens jener mit den alten drei, dieser mit den servianischen Tribus hat es wohl bewirkt, dass φυλή für die tribus so viel wir sehen von je her, vielleicht nach dem Vorgang des Fabius, verwendet worden ist. Mehr als nomenclatorische Gleichung wird in dieser Benennung nicht zu suchen sein.....Es ist empirisch festgestellt, dass das lediglich in politischer Verwendung begegnende Wort immer die staatlich abgegrenzte Flur bezeichnet. Entscheidend dafür ist der Gebrauch des Wortes im Umbrischen: es findet sich hier nur neben und parallel mit tota = Volksgemeinde (= готск. thiuda).

[2]) Противъ Потта и Корссена, предлагавшихъ производить tribus отъ tri и bhu = fu (этимологія, которую и Brugmann, Grundr. d. vergl. Gramm. I, § 104, p. 297 находитъ сомнительной) возражаетъ Моммсенъ (Röm. St.-R. III, 1, p. 95, not. 2): „die umbrische trefo hat anscheinend mit der Zahl nichts zu thun und die römische tribus ist sachlich nicht die Dreiheit, sondern immer das Drittheil, wie das Wort schon von den Alten gefasst wird (Varro, 5, 55; Columell. d. r. rust. V, 1, 7; Dio Cass. fr. 5, 8). Liesse sich die Dreieinigkeit als Urform der italischen Politie betrachten und die Begriffe des Theils und des Ganzen so, wie sie später bei den Römern gehandhabt werden, sich verallgemeinern, so könnte die Zurückführung des Wortes auf das Zahlwort festgehalten werden. Aber das unsichere etymologische Fundament trägt dergleichen Combinationen für sich allein nicht". Не рѣшаясь высказать по этому спорному вопросу опредѣленнаго мнѣнія (Curtius, Griech. Etym., p. 227 (№ 250) сопоставляетъ лат. tribus съ кельтскимъ treb = vicus), мы укажемъ на аналогію греческой τριττύς, которая по образованію находится въ несомнѣнной связи съ τριακοστύς, πεντηκοστύς и т. под. (Brugmann, Grundr. d. vergl. Gramm. II, 1, § 108, p. 308), а между тѣмъ въ политическомъ смыслѣ никогда не обозначаетъ тройцу („Dreiheit"), а всегда треть („Drittheil"): см. гл. II-ю. Нельзя ли слѣдовательно и въ словѣ tribus принять такаго же перехода значенія? Скорѣе, кажется мнѣ, можно было бы возразить, что словообразовательный суффиксъ -bu- въ лат. языкѣ крайне рѣдокъ (mor-bu-s отъ morior) и вообще въ индо-германскихъ языкахъ, кромѣ литовскаго и славянскаго, малоупотребителенъ (Brugmann, Grundr. d. vergl. Gramm. II, 1, § 78, p. 203). Madvig, Verfass. und Verw. d. römisch. Reichs. I, p. 96, not. 1, отвергаетъ вполнѣ указанную этимологію безъ приведенія доводовъ, его сопоставленіе tribus съ tribuo правильно, но такъ какъ несомнѣнно послѣднее слово происходитъ отъ перваго, а не наоборотъ, то оно ничего не уясняетъ.

точно предположить, что отдѣльныя племена при занятіи Италіи получили особые надѣлы, что эти частицы земли были названы tribus и что это имя перешло затѣмъ и на соотвѣтствующія народныя дѣленія, вытѣснивъ ихъ первоначальное наименованіе (все предположенія весьма возможныя) — и отъ утверждаемаго различія между латинской трибой и эллинской филой не останется и слѣда.

Гораздо сомнительнѣе, нежели обще-арійское происхожденіе племеннаго дѣленія, вопросъ насчетъ условій и времени его возникновенія: образовались ли единицы родоваго строя, одна другую вмѣщающія, послѣдовательно въ томъ порядкѣ, который мы избрали въ своемъ изложеніи, или же „племя“ предшествовало по времени фратріи? Послѣднее тоже представляется возможнымъ: могли сосѣдніе роды ради общихъ интересовъ, для обороны или нападенія вступить въ союзъ, изъ коего возникло племя раньше, чѣмъ образовались фратріи въ законченномъ видѣ, какъ признанный институтъ, указанными выше двумя путями. Не отрицая не только возможности такаго предположенія, но и фактическаго его осуществленія въ единичныхъ случаяхъ, мы должны, однако, признать какъ болѣе обыкновенное — возникновеніе крупнѣйшихъ единицъ на основаніи болѣе мелкихъ: вмѣсто доказательства, правда, намъ должно служить апріорное разсужденіе, что союзы естественные, основанные на сознаніи единаго происхожденія или родственныхъ связей, должны и по времени предшествовать тѣмъ, которые образовались искусственнымъ путемъ взаимныхъ договоровъ.

Такимъ образомъ мы указали и на наиболѣе правдоподобный, по нашему мнѣнію, способъ возникновенія племенъ: договоръ, соглашеніе, а не родство (*θέσει*, а не *φύσει*, сказали бы эллины). Конечно, мы далеки отъ мысли, чтобы подобные союзы въ столь древнія времена показывали бы большую прочность, нежели въ новѣйшія: они распадались столь же быстро, какъ и снова возникали, родовыя единицы вступали между собою то въ ту, то въ другую группировку, и этотъ процессъ повторялся безчисленное число разъ, пока то тамъ, то сямъ, благодаря особеннымъ условіямъ, болѣе долговременному совмѣстному жительству или заключеннымъ родственнымъ узамъ, не возникалъ упроченный твердо союзъ — племя. Возникновеніе нѣсколькихъ подобныхъ племенъ, естественно, побуждало и другія родовыя единицы выйти изъ своего

изолированнаго положенія, примкнуть къ уже существующимъ племенамъ или образовать новыя, если онѣ не хотѣли подвергнуться опасности быть уничтоженными при столкновеніяхъ своихъ сосѣдей. Съ наибольшимъ вѣроятіемъ, кажется намъ, образованіе племенныхъ единицъ на прочныхъ основаніяхъ можно отнести ко времени начала передвиженія арійскихъ народовъ изъ своей родины, ставшей для нихъ тѣсной, во всѣ страны свѣта: пока они на родинѣ вели жизнь пастуховъ или охотниковъ, условія такаго существованія не только способствовали объединенію родовыхъ группъ, но даже благопріятствовали ихъ изолированности, такъ какъ болѣе мелкая единица легче находила себѣ и удобныя пастбища и обильныя мѣста для охоты; напротивъ когда отдѣльныя вѣтви арійскихъ народовъ стали выселяться и искать себѣ новыхъ мѣстъ жительства, тогда и стала чувствоваться потребность въ болѣе тѣсномъ единеніи и образованіи крупнѣйшихъ единицъ, такъ какъ переселенцы должны были силою отнимать земли у туземнаго населенія. Тогда именно родовыя группы стали соединяться въ племена; но процессъ на этомъ не остановился — племена группировались въ народы.

Оба процесса представляются намъ въ значительной мѣрѣ тождественными и нерѣдко, по всей вѣроятности, были почти единовременны: допустимы случаи, когда извѣстныя родовыя единицы образовывали то, что впослѣдствіи получило названіе народа, и вмѣстѣ съ тѣмъ отдѣльныя ихъ группы внутри общаго союза тѣснѣе сближались въ особыя племена. Вообще же возникновеніе племенъ предшествовало образованію народовъ, какъ это доказываетъ бо́льшая прочность первыхъ сравнительно съ послѣдними союзами: хотя долгая эпоха переселеній и передвиженій должна была бы, кажется, сдѣлать ихъ болѣе устойчивыми, тѣмъ не менѣе, не только индійскій эпосъ сохранилъ воспоминаніе о междоусобной борьбѣ многочисленныхъ племенъ, занявшихъ Западную Индію[1]), но и историческое свидѣтельство, коего достовѣрность мы не имѣемъ права заподозрить, сообщаетъ намъ, что и Галикарнассъ въ Малой Азіи и Кидонія на Критѣ были основаны не всѣмъ дорическимъ народомъ, а лишь одною изъ ихъ трехъ филъ, отдѣлившейся отъ остальныхъ[2]). Еще многочисленнѣе при-

[1]) Срвн. Lefmann, Gesch. d. alt. Indiens, p. 157—36.

[2]) По Каллимаху (Steph. Byz. s. v. *Ἁλικαρνασσός*) Анвъ изъ Трезена повелъ

мѣры, когда къ союзу нѣсколькихъ племенъ, уже принявшему характеръ народа, присоединяются безпрепятственно новые элементы: фактовъ подобнаго рода, извѣстныхъ намъ изъ исторіи Эллады, намъ придется коснуться ниже — здѣсь я укажу лишь на то, что и въ Римѣ, по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, присоединеніе Луцеровъ произошло позднѣе, нежели слияніе Ramnes и Titienses [1]), напомню также, что у германцевъ возникновеніе настоящихъ народовъ (франковъ, саксовъ, аллеманновъ, готѳовъ) изъ соединенія отдѣльныхъ племенъ произошло позднѣе не только занятія ими Германіи, но и перваго знакомства съ ними римлянъ [2]) во времена Цезаря и Тацита (хотя и эти упоминаютъ уже о союзахъ нѣкоторыхъ племенъ), напр. объединенныхъ подъ именемъ суевовъ [3]).

Относительно внутренняго устройства древне-арійскаго племени трудно сказать что-нибудь опредѣленное, — слишкомъ рисковано по учрежденіямъ историческаго времени, когда арійскіе народы уже пережили долгій періодъ самостоятельнаго существованія, и притомъ родовой строй въ значительной мѣрѣ былъ расшатанъ, составить себѣ понятіе объ общихъ установленіяхъ въ эпоху древнѣйшей культуры. Можно только съ значительной степенью вѣроят-

---

только филу Димановъ въ Галикарнассъ; въ Кидоніи поселились лишь Гиллеи изъ Эгины (Hesych. s. v. *Ὑλλεῖς*).

[1]) Cic. d. rep. II, 14; Liv. I, 13, 8.

[2]) Срвн. Dahn, Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker, B. I. Einleitung, p. 68—86, гдѣ онъ представляетъ (очень поучительно и для классическихъ народовъ, которыхъ мы уже застаемъ на высшей ступени политическаго развитія) постепенный переходъ отъ рода (sibja) до народа (thiuda). Весьма важно напр. указаніе на то, какъ отдѣльные pagi херусковъ во время борьбы съ римлянами преслѣдовали совершенно самостоятельную политику (стр. 79). Эти pagi должны считаться соотвѣтствующими греческимъ фратріямъ, иногда разрастаясь до размѣровъ, приближающихъ ихъ къ филамъ, хотя Dahn, кажется, приписываетъ имъ слишкомъ значительную численность: если онъ указываетъ (стр. 91) на то, что племя гельветовъ въ своихъ четырехъ pagi насчитывало до 263000 человѣкъ (Caes. d. bell. gall. I, 12, 29), а не 253 т., какъ говоритъ Данъ, то онъ упускаетъ изъ виду, что подобныя цифровыя данныя спеціально относительно варварскихъ племенъ нужно принимать cum grano salis, особенно изъ устъ ихъ побѣдителя! Въ данномъ случаѣ особенное подозрѣніе возбуждаютъ tabulae litteris Graecis confectae et ad Caesarem delatae съ точною народною переписью.

[3]) Tacit. Germ. 38: Suebi maiorem Germaniae partem obtinent, propriis adhuc nationibus nominibusque discreti quanquam in commune Suebi vocentur.

ности утверждать, что издревле во главѣ всякаго арійскаго племени стоялъ вождь, пожизненный, но не наслѣдственный, а выборный: такимъ является у индусовъ râja, у латинянъ — rex (въ родѣ Ромула и Тита Тація, какъ они изображаются въ римской легендѣ)[1]), у грековъ — базилеи гомеровской эпохи, какъ они рисуются особенно въ Иліадѣ, — воспоминаніе объ этихъ племенныхъ вождяхъ сохранилось въ аттическихъ *φυλοβασιλεῖς*, пережившихъ паденіе родоваго строя, а также, вѣроятно, въ спартанскомъ „двойномъ“ царствѣ, которое какъ руина древнѣйшаго времени вызывало изумленіе потомства, уже не понимавшаго его смысла.

Главными обязанностями такихъ вождей должно считать предводительство надъ ратью въ случаѣ войны[2]), а въ мирное время — судоговореніе (главнымъ образомъ въ формѣ третейскаго суда)[3]) и предстательство предъ богами въ молитвѣ и жертвоприношеніяхъ отъ имени всего племени. Рядомъ съ этими племенными вождями уже для доисторической эпохи нужно предположить существованіе народнаго собранія всего племени: его мы находимъ и у древнихъ индусовъ, гдѣ оно называлось samiti или samgati (сходка), на обязанностяхъ коего между прочимъ, какъ заключаетъ Циммеръ изъ одного мѣста Ригъ-Веды (X, 124, 8), лежало избирать начальника племени[4]), и у латинянъ, гдѣ оно носитъ совершенно

---

[1]) Санскритское râja и латинское rex и по этимологіи находятся въ связи: срвн. Brugmann, Grundr. d. vergl. Gramm. II, 1, § 160, 3, p. 454; Curtius, Gr. Etym., p. 185 (№ 153), гдѣ сопоставляется еще готское reiks (= vornehm, edel), которое Вульфила употреблялъ для передачи греческаго *ἄρχων*.

[2]) Само названіе греческаго базилея ставится въ связи съ этой функціей (*βασι-λαός* = Her-zog: Curtius, Gr. Etym., p. 362, № 535).

[3]) Отсюда прозвище *δικασπόλοι*, даваемое у Гомера царямъ (напр. Il. A, 238). Срвн. изображеніе суда на щитѣ Ахилла (Il. Σ, 497).

[4]) Zimmer, Altind. Leben, p. 162; Lefmann, Gesch. d. alt. Ind., p. 130: „also war auch in altvedischer Zeit beides zusammen, Erb- und Wahlkönigthum“. Срвн. ibid., p. 140: „in solcher Versammlung (samiti), wie uns spätvedische Lieder (Atharva-V. 6, 88) bestätigen, wurde auch der König aus der Zahl der Fürsten und Thronbewerber gewählt und feierlich eingesetzt“. Совершенно аналогичныя установленія встрѣчаются намъ и въ гомеровской Элладѣ: рядомъ съ наслѣдственною властью базилея, какъ ею владѣетъ Агамемнонъ (Il. B, 104—8) и какъ она была наиболѣе обычна, встрѣчается и выборное царство. Такъ Телемахъ на пожеланіе Антиноя, чтобы онъ не царствовалъ въ Итакѣ, *ὅ τοι γενεῇ πατρώϊόν ἐστιν*, отвѣчаетъ, что онъ бы не прочь былъ отъ этого, *ἀλλ' ἤτοι βασιλῆες Ἀχαιῶν εἰσὶ καὶ ἄλλοι πολλοὶ ἐν ἀμφιάλῳ Ἰθάκῃ, νέοι ἠδὲ παλαιοί, τῶν*

одинаковое по смыслу названіе „comitia“, и у эллиновъ подъ именемъ *ἀγορά*. Какъ выше указано, племя имѣло и общіе культы, жертвоприношенія и празднества, при которыхъ роль жреца исполнялъ вождь племени[1]).

Въ виду того, что народъ отличался отъ племени больше по объему, нежели по характеру, не удивительно, что при соеди-

---

κέν τις τόδ' ἔχησιν, ἐπεὶ θάνε δῖος Ὀδυσσεύς (Od. A, 387 et 394—96). У римлянъ засвидѣтельствовано намъ лишь выборное начало; Моммсенъ, однако, видитъ въ этомъ преданіи лишь перенесеніе позднѣйшихъ (республиканскихъ) институтовъ на царское время и принимаетъ назначеніе царя по волѣ сената, не исключающее вполнѣ и наслѣдственности: „rechtliche Erblichkeit kann dem römischen Königthum nicht zugestanden haben“ (Röm. St.-R. II, p. 8). Это воззрѣніе знаменитаго ученаго кажется намъ въ приведенныхъ словахъ правильнымъ и соотвѣтствующимъ институтамъ другихъ индо-германскихъ народовъ, между тѣмъ какъ съ теоріей о creatio regis безъ участія народнаго собранія (выставленной уже Rubino, Untersuch., p. 13) мы такъ же мало можемъ согласиться, какъ большинство изслѣдователей (Lange, Röm. Alt. I, p. 296; Herzog, Gesch. und System d. röm. Staatsverf. I, p. 59; Willems, Droit public romain, 6 ed., p. 46). Обычай избирать царей, но обыкновенно изъ опредѣленныхъ знатныхъ родовъ, твердо держался у различныхъ германскихъ народовъ и еще въ совершенно историческое время велъ упорную борьбу противъ все болѣе преобладавшаго принципа наслѣдственности: побѣду надъ послѣднимъ онъ одержалъ въ государствѣ вестъ-готовъ въ Испаніи (Dahn, Urgesch. germanisch. Völker, B. I. p. 534; срвн. стр. 288 объ остъ-готахъ.

[1]) Вышеприведенныя функціи и обязанности царской власти приписываетъ базилеямъ и Аристотель (Politic. III, 14, p. 1285 b, 9): *κύριοι δ' ἦσαν τῆς τε κατὰ πόλεμον ἡγεμονίας καὶ τῶν θυσιῶν, ὅσαι μὴ ἱερατικαί, καὶ πρὸς τούτοις τὰς δίκας ἔκρινον*. Что касается спеціально сакральныхъ функцій царей и религіознаго характера, коимъ облечено было ихъ званіе, то лучше, чѣмъ прозвища *διοτρεφέες, διογενέες*, даваемыя имъ у Гомера, и чѣмъ тѣсное соединеніе государственнаго очага Гестіи-Весты съ ихъ жилищемъ (*πρυτανεῖον*, regia: срвн. Preuner, Hestia въ Roscher's Myt. Lex. I, p. 2630), свидѣтельствуетъ насчетъ этого фактъ, что и послѣ отмѣны царской власти римляне и эллины не считали возможнымъ именно въ области культа обойтись безъ „царей“ и сохранили этотъ титулъ за извѣстными сановниками (см. ниже). Что религіозныя функціи составляли ту сторону, гдѣ власть спартанскихъ царей подверглась наименьшимъ ограниченіямъ, также не подлежитъ сомнѣнію. У германцевъ эта сторона дѣятельности племенныхъ вождей отступаетъ на задній планъ, какъ вообще ихъ званіе менѣе освящено религіей (Leist, Gr.-it. Rechtsg., p. 121). У ведійскихъ индусовъ же первоначально râjan былъ, несомнѣнно, и представителемъ полноправнымъ племени передъ богами, пока не былъ вытѣсненъ постепенно изъ этой роли усилившимся жречествомъ (Lefmann, Gesch. d. alt. Ind., p. 134; Zimmer, Alt-ind. Leben, p. 168, 194).

неніи нѣсколькихъ племенъ въ одинъ народъ, послѣдній заимствовалъ у первыхъ ихъ важнѣйшія учрежденія: общаго начальника и общее всенародное собраніе. Понятно также, что въ древнѣйшія времена, когда по вышесказанному союзъ племенъ имѣлъ гораздо меньшую прочность, нежели послѣднія въ отдѣльности, и общенародныя учрежденія показывали меньшее постоянство: народные вожди часто избирались лишь въ случаѣ необходимости, напр. для веденія общей войны — примѣры этого мы находимъ у союза т.-наз. 30 латинскихъ городовъ и у германскихъ народовъ; точно такъ же и всенародныя собранія сходились чрезвычайно рѣдко и притомъ только въ самыхъ важныхъ случаяхъ.

Такимъ образомъ мы постарались указать обще-арійское происхожденіе и характеръ тѣхъ дѣленій родоваго строя, которыя мы находимъ у эллиновъ подъ названіемъ родовъ, фратрій и филъ. Мы, конечно, далеки отъ мысли, что всѣ наши комбинаціи являются непреложною истиною, но считали невозможнымъ не высказать своихъ воззрѣній на данный предметъ въ виду того, что многіе весьма почтенные изслѣдователи до самаго послѣдняго времени не только разсматриваютъ указанныя народныя дѣленія какъ выросшія на почвѣ самой Эллады, но и готовы даже, по примѣру Аристотеля, видѣть въ нихъ какую-то искусственную организацію, созданную умомъ того или другаго законодателя. Противъ такихъ теорій мы считаемъ необходимымъ возстать самымъ энергическимъ образомъ, находя ихъ противорѣчащими всякому здравому смыслу: допуская вполнѣ частныя измѣненія и перемѣщенія въ группировкѣ отдѣльныхъ родовыхъ единицъ, мы никакъ не можемъ представить себѣ, чтобы эллины явились въ Грецію въ видѣ какой-то хаотической массы и лишь здѣсь въ виду естественныхъ условій или по человѣческому начертанію создали у себя родовой строй, который по какому-то необъяснимому совпаденію принялъ формы, вполнѣ аналогичныя въ общемъ и въ частностяхъ съ тѣми, кои мы находимъ у всѣхъ почти арійскихъ народовъ въ Европѣ и въ Азіи.

Мы уже сказали, что вполнѣ признаемъ необходимость многочисленныхъ частныхъ измѣненій въ родовомъ строѣ эллиновъ въ доисторическую эпоху Греціи. Уже само занятіе ими тѣхъ земель, которыя они населяли въ позднѣйшія времена, и сопряженный съ нимъ переходъ отъ почти кочеваго образа жизни

къ прочной осѣдлости долженъ былъ вызвать коренную перемѣну: родовой строй, выработавшійся окончательно въ эпоху переселеній, долженъ былъ быть поставленъ въ соотвѣтствіе съ вновь занятыми областями, т.-е. отъ лицъ перенесенъ на территорію. Самымъ естественнымъ для насъ кажется, что завоеванныя земли были раздѣлены соотвѣтственно существовавшимъ народнымъ единицамъ: каждое племя, затѣмъ каждая фратрія, наконецъ каждый родъ получалъ свой особый цѣльный надѣлъ[1]). Что такой вполнѣ естественный принципъ весьма часто примѣнялся на дѣлѣ, для этого мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства. Насчетъ родовъ мы можемъ указать не только на слова Аристотеля, который называетъ село колоніей дома, т.-е. принимаетъ соотвѣтствіе между нимъ и родомъ, но и на многочисленные случаи, когда напр. аѳинскіе демы (села) носятъ имена родовъ, частью извѣстныхъ намъ еще въ историческое время, частью вымершихъ или по крайней мѣрѣ намъ не засвидѣтельствованныхъ[2]). Точно такъ же мы знаемъ, что и въ Римѣ 16 древнѣйшихъ изъ сельскихъ трибъ названы по патриціанскимъ родамъ, очевидно жившимъ нѣкогда на ихъ территоріи, какъ это доказываетъ для tribus Lemonia существованіе pagi Lemoni у Капенскихъ воротъ — оба получили свое имя отъ вымершей gens Lemonia[3]).

Труднѣе намъ представить подобныя же доказательства относительно фратрій и филъ: первыя вообще рѣдко упоминаются (за исключеніемъ аѳинскихъ), а вторыя были такими крупными

---

[1]) Такой способъ дѣленія земли, и притомъ по жребію, практиковался у древнихъ германцевъ: срвн. Dahn, Urgesch. d. germ. Völker, I, p. 80. На подобный же обычай у грековъ указываетъ употребленіе κλῆρος для участка земли, для наслѣдія (уже у Гомера: Il. O, 498; Od. Ξ, 84).

[2]) Можно было бы сослаться еще и на примѣръ двухъ царскихъ родовъ спартанскихъ, которые имѣли наслѣдственныя усыпальницы въ различныхъ мѣстахъ (Агіады близъ акрополя, а Еврипонтиды около городской стѣны) — конечно, каждый на своемъ полѣ; но такъ какъ они сами считали себя двумя вѣтвями одного рода — Гераклидовъ, то этотъ примѣръ особой доказательности не представляетъ (Paus. III, 12, 8; 14, 2).

[3]) Изъ этихъ 16 именъ 10 еще и намъ извѣстны, какъ названія патриціанскихъ родовъ: Aemilia, Claudia, Cornelia, Fabia, Horatia, Menenia, Papiria, Romilia, Sergia, Voturia (Mommsen, Röm. St.-R. III, p. 166). Относительно pagus Lemonius срвн. Fest. exc., p. 82, Thew.: Lemonia tribus a pago Lemonio appellata, qui est a porta Capena via Latina.

единицами, что цѣлость ихъ территоріи (1/3, 1/4 всего государства) не могла долго сохраняться ненарушимой, и имена ихъ не могли такъ крѣпко привязаться къ такой области, какъ названія родовъ къ отдѣльнымъ селамъ, гдѣ они жили цѣлыя столѣтія. Однако мы знаемъ, что въ іонійскомъ городѣ Теосѣ существовало рядомъ два различныхъ дѣленія изъ которыхъ одно — *συμμορίαι* было (какъ мы постараемся показать ниже) родовымъ и соотвѣтствовало по всей вѣроятности фратріямъ, а другое — *πύργοι* — территоріальнымъ: между тѣмъ изъ 28 именъ извѣстныхъ намъ симморій и 29 *πύργοι* одиннадцать названій тѣхъ и другихъ сходятся, что нельзя объяснить иначе, какъ принявъ первоначальное соотвѣтствіе между дѣленіемъ родовымъ и территоріальнымъ [1]).

Что касается филъ, то мы не имѣемъ насчетъ нихъ никакаго положительнаго доказательства въ пользу нашего мнѣнія, кромѣ общаго соображенія, что территоріальное единство, разъ оно было принято для низшихъ единицъ, должно было по всѣмъ аналогіямъ быть примѣнено и къ высшей. Какъ нѣкоторый, хотя и слабый, аргументъ мы позволимъ себѣ привести перепись членовъ трехъ дорическихъ филъ на остр. Калимнѣ по отдѣльнымъ демамъ: хотя въ то время, когда была начертана эта надпись (въ III-мъ в. до Р. Х.), старое распредѣленіе филъ по мѣстности уже сильно должно было расшататься, однако мы видимъ, что всѣ Гиллейцы (ихъ перечень наиболѣе полный) принадлежатъ въ подавляющемъ числѣ къ двумъ демамъ, *Πόθαια* и *Πανόρμος*, что въ этихъ демахъ изъ другихъ филъ (Димановъ и Памфиловъ) встрѣчается сравнительно мало лицъ, за то упоминаются нѣсколько Димановъ изъ дема *Ὄρκατος* — не естественно ли заключить, что при первоначальномъ занятіи острова дорянами каждая фила получила свой отдѣльный участокъ, Гиллейцы — два названныхъ дема, гдѣ еще

[1]) Относительно римскихъ курій (соотвѣтствовавшихъ по вышесказанному фратріямъ) Варронъ у Діонисія (II, 47), свидѣтельствуетъ, что онѣ получили свои наименованія *τὰ μὲν ἀπ' ἀνδρῶν ληφθέντα ἡγεμόνων, τὰ δ' ἀπὸ πάγων*. Послѣднее подтверждаетъ и Плутархъ (v. Rom. 20). Изъ достовѣрно намъ переданныхъ именъ, Faucia (Liv. IX, 38, 15), Velitia (Fest. s. v. novae curiae, p. 186), Titia (ibid. exc., p. 558), какъ будто заимствованы отъ родовыхъ (хотя Faucia могла бы произойти и отъ мѣста — Fauces), Rapta (Fest., p. 186) не подходитъ ни подъ ту, ни подъ другую категорію, Foriensis (ibid.) и Vellensis или Veliensis (ibid., p. 186 Th.) допускаютъ производство отъ Forum и Velia. Остальныя имена сомнительны.

въ III-мъ в. они составляли главную массу населенія, Диманы — Оркатъ, гдѣ не упоминается почти Гиллейцевъ и т. д.?[1]). Можно также упомянуть о трехъ дѣленіяхъ Малійцевъ *(Παράλιοι, Ἱερῆς, Τραχίνιοι)*, которыя очевидно получили свои имена по различнымъ мѣстностямъ (особенно, если мы по конъектурѣ Бурсіана поставимъ вмѣсто *Ἱερῆς — Ἰριῆς)*, но не вполнѣ ясно, имѣемъ ли мы право считать ихъ филами, такъ какъ нашъ единственный источникъ — Ѳукидидъ — называетъ ихъ только „частями“ *(μέρη)*[2]).

Весьма понятно, что подобное приноравливаніе дѣленій родоваго строя къ занимаемой области должно было вызвать не малыя въ нихъ измѣненія. Особенно сильное вліяніе оказала въ этомъ направленіи сама природа Эллады, какъ нельзя больше способствовавшая разъединенію и распаденію на мелкія единицы сообразно кантональному дѣленію страны. Этимъ объясняется, что во многихъ (преимущественно изборожденныхъ горами) мѣстностяхъ Греціи мы находимъ такъ мало слѣдовъ родоваго строя, напр. въ Этоліи, въ Аркадіи, въ Беотіи: первыя были заняты массой мелкихъ, почти независимыхъ другъ отъ друга народцевъ, жившихъ въ открытыхъ селеніяхъ *(κωμηδόν)*, послѣдняя была раздѣлена между цѣлымъ рядомъ автономныхъ городовъ *(πόλεις)*, изъ коихъ только въ одномъ Орхоменѣ намъ извѣстно существованіе двухъ филъ *Ἐτεοκλείς* и *Κηφισιάς*[3]).

---

[1]) M. Dubois въ B. d. C. H. VIII, p. 29. Изъ жителей дема Оркатъ, коихъ списокъ до насъ не дошелъ, упоминаются случайно и притомъ въ каталогѣ Гиллейцевъ 6 Димановъ (Стб. I, 22; II, 38; III, 75, 85, 88, 104), 2 памфила (Стб. II, 43, 45) и одинъ гиллеецъ (Стб. I, 27). Въ демѣ Панормѣ, кромѣ Гиллейцевъ, нѣсколько Памфиловъ, но ни одного Димана.

[2]) Thucydid. III, 92: *Μηλιῆς οἱ ξύμπαντές εἰσι μὲν τρία μέρη, Παράλιοι, Ἱερῆς, Τραχίνιοι.* Bursian, Geogr. Griech. I, p. 95 измѣняетъ *Ἱερῆς* въ *Ἰριῆς* на основаніи глоссы Steph. Byz. *Ἱρά... ἔστι δὲ καὶ πόλις Μαλιέων ἀπὸ Ἴρου: Ἰριῆς* относились бы къ *Ἱρά*, какъ *Τραχίνιοι* къ *Τραχίν;* тогда *Παράλιοι* были бы жители прибрежья вокругъ храма Деметры въ Анѳелѣ и Ѳермопилъ. Такимъ образомъ названное дѣленіе было бы территоріальнымъ, которое мы бы не имѣли ни малѣйшаго основанія ставить въ связь съ родовымъ. Скорѣе мы имѣемъ указаніе на соотвѣтствіе между филами и областнымъ дѣленіемъ страны на о. Родосѣ, гдѣ доряне поселились раздѣленные на три части по филамъ *(τριχθὰ δὲ ᾤκηθεν καταφυλαδόν:* Hom. Il. B. 668), т.-е. каждая фила заняла треть территоріи и основала одинъ изъ трехъ городовъ, Іализъ, Камиръ и Линдъ (Срвн. O. Müller, Dorier. I, p. 110).

[3]) Paus. IX, 34, 10. Неизвѣстно однако и, судя по названіямъ, мало даже вѣ-

Можно предположить, конечно, что каждый изъ этолійскихъ или аркадскихъ народцевъ, каждая изъ беотійскихъ *πόλεις* соотвѣтствовали первоначально существовавшимъ филамъ, а ихъ *κῶμαι* — отдѣльнымъ фратріямъ, содержавшимъ по нѣсколько родовъ. Въ пользу этого говоритъ, что и въ Аркадіи, гдѣ только изъ мелкихъ племенъ образовались бо́льшія государства намъ засвидѣтельствованы филы, напр. въ Тегеѣ — 4[1]) (*Κλαρεῶτις, Ἱπποθοῖτις, Ἀπολλωνιάτις, Ἀθανεᾶτις*), въ Мантинеѣ — 5[2]) (*Ἐνυαλίας,*

роятно, чтобы эти филы были родовыя: во всѣхъ достовѣрныхъ случаяхъ послѣднія носятъ имена мужескаго рода множественнаго числа, напр. *Ὑλλεῖς, Ὁπλῆτες, Οἴνωπες*, какъ совокупность лицъ съ однимъ родовымъ наименованіемъ, между тѣмъ какъ названіе въ единственномъ числѣ женскаго рода (т.-е. прилагательное, при которомъ должно подразумѣвать *φυλή*), давалось территоріальнымъ дѣленіямъ, напр. 10 клисѳеновскимъ и 10 ѳурійскимъ филамъ (Diodor. XII, 11).

[1]) Тегея образовалась изъ 9 комъ по согласному свидѣтельству Страбона (VIII, 3, 2, p. 337) и Павзанія (VIII, 45, 1); послѣдній, называя ихъ имена, прибавляетъ, что синойкизмъ произошелъ при царѣ Алеѣ, т.-е. относитъ его къ глубокой древности (Bursian, Geogr. Griech. II, p. 216). Павзаній же называетъ (VIII, 53, 6) и четыре вышеприведенныя филы, коихъ имена на надписяхъ являются въ нѣсколько иной формѣ: въ *C. I. G.* 1513/1514, въ болѣе полномъ видѣ изданномъ у Lebas II, 338 b (Foucart, Explic., p. 189 [въ текстѣ недостаетъ] = Cauer, Del[2]. 454) читается *Ἀπολλωνιάται, Ἱπποθοῖται, Ἐπ' Ἀθαναίαν, Κραριῶται* (также *Ἐπ' Ἀθαναίαν* и въ № 338 c). Какъ предполагалъ уже Bursian (op. l., p. 218) и какъ подробнѣе изложилъ Foucart, мы имѣемъ дѣло съ городскими кварталами (въ родѣ Сервіевыхъ tribus), получившими названіе отъ главнаго святилища (особенно характерно названіе *ἐπ' Ἀθαναίαν*, т.-е. у храма Аѳины Алеи: Paus. VIII, 45, 4): о какой-либо родовой связи ихъ членовъ, конечно, не можетъ быть рѣчи.

[2]) О Мантинеѣ Страбонъ (VIII, 3, 2, p. 337) говоритъ: *Μαντίνεια ἐκ πέντε δήμων ὑπ' Ἀργείων συνῳκίσθη.* Срвн. Diodor. XV, 5 et 12. Bursian (Geogr. Griech. II, p. 209) приписываетъ синойкизмъ Мантинеи времени, непосредственно слѣдовавшему за персидскими войнами, и съ нимъ соглашается большинство новѣйшихъ изслѣдователей (E. Curtius, Gr. Gesch. III, p. 230; M. Duncker, Gesch. d. Alterth. N. F. I, p. 130; Busolt, Griech. Gesch. II, p. 374), которые ставятъ его въ связь съ синойкизмомъ Элиды (совершившимся около 471 г.) и возвышеніемъ Аргоса; но на это въ текстѣ Страбона нѣтъ ни малѣйшаго указанія, почему Holm (Gesch. Griech. I, p. 258, not. 7; II, p. 159, not. 6) считаетъ болѣе благоразумнымъ воздержаться отъ опредѣленнаго сужденія (какъ это прежде дѣлалъ и Busolt, Die Lakedaemonier, I, p. 125). Намъ кажется наиболѣе правдоподобнымъ мнѣніе Грота (Hist. of Greece. II, p. 443), что Мантинея была основана почти единовременно съ Тегеей: не только она считалась однимъ изъ самыхъ древнихъ городовъ Аркадіи (Филархъ у Полибія II, 54, даже приписываетъ ей первенство), но еще доказательнѣе фактъ, что она уже около средины VI вѣка

Ποσοιδλίας, Ϝανακισίας, Ἐπαλέας, Ὁπλοδμίας): хотя онѣ должны считаться результатомъ позднѣйшаго развитія и представляются не родовыми, а территоріальными дѣленіями (объ этихъ см. ниже), само употребленіе термина *φυλὴ* для нихъ какъ-будто указываетъ на то, что раньше и въ Аркадіи существовали настоящія *φυλαί*, т.-е. родовыя согласно этимологіи этого слова (отъ корня *φυ* = санскр. bhu). Можно также объяснять отсутствіе свѣдѣній о родовыхъ дѣленіяхъ недостаточностью нашихъ источниковъ: такъ никакое преданіе не сохранилось о родовомъ строѣ въ Фокидѣ, а между тѣмъ изъ договора о синойкизмѣ Медеона и Стиріи (въ III-мъ в.) мы узнаемъ, что медеонійцы должны составить особую фратрію объединенной *πόλις*[1]) — конечно, таковая не была бы учреждена для нихъ, если бы городъ Стирія издревле не распадался на фратріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ указанный примѣръ какъ-будто подтверждаетъ высказанное нами предположеніе, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ отдѣльныя *πόλεις* соотвѣтствовали древнѣйшимъ филамъ: въ Стиріи были фратріи, но филъ не было, иначе при присоединеніи медеонійцевъ имъ была бы предоставлена особая фила, а не фратрія; слѣдовательно Стирія равнялась союзу

могла дать киренцамъ законодателя Демонакса (Herodot. IV, 161) — изъ села не берутъ законодателя, и Геродотъ называетъ его *ἄνδρα τῶν ἀστῶν δοκιμώτατον*. — Пять мантинейскихъ филъ засвидѣтельствованы намъ надписью, найденною въ 1868 г. (Lebas II, 352 p.): по примѣру Тегеи Bursian (op. l., p. 209, not. 4) и Foucart (Explic., p. 221) видятъ въ нихъ территоріальное дѣленіе гражданъ соотвѣтственно кварталамъ города, расположеннымъ вокругъ важнѣйшихъ святилищъ, изъ коихъ три упоминаются и Павзаніемъ (VIII, 9, 2, 6; 10, 2)— *Ἐπαλέας* названа по Аѳинѣ Алеѣ (какъ *ἐπ' Ἀθαναίαν*) *Ἐνυαλίας* по богу войны, *Ὁπλοδμίας* по Зевсу Гоплосмію (уже Бурсіанъ указалъ на *Ἥρα ὁπλοσμία* у Lycophr. Alexandr. 614, но допускалъ и намекъ на „Kriegerkaste“, Foucart же привелъ мѣсто изъ Аристотеля De part. animal. III, 10, гдѣ упоминается *Ζεὺς ὁπλόσμιος* въ Аркадіи, и надпись изъ Орхомена № 353 съ именемъ того же бога), *Ποσοιδλίας* получила наименованіе по Посейдону *Ἵππιος*, коего жрецъ былъ эпонимомъ города, а *Ϝανακισίας* по Діоскурамъ, называемымъ *Ἄνακες* и въ Аттикѣ. — Обычай распредѣлять гражданъ по кварталамъ города и называть эти дѣленія по именамъ или прозвищамъ боговъ, кажется, былъ общераспространеннымъ въ Аркадіи: и въ Мегалополѣ мы знаемъ филу *Λυκαειτῶν* (Lebas II, 331 b, Expl., p. 181), названную по *Ζεὺς Λυκαῖος*, коего храмъ лежалъ близъ агоры (Paus. VIII, 30, 2).

[1]) B. d. C. H. V, p. 42 = Dittenb. S. I. G. 294, lin. 77: *τᾶ φατρίᾳ τῶν Μεδεωνίων*.

нѣсколькихъ фратрій, а таковой обыкновенно и разсматривается какъ фила.

Вообще нужно замѣтить, что подобное оттѣсненіе на задній планъ родовыхъ дѣленій является характеристичной особенностью народовъ и государствъ т.-наз. эолянъ, между тѣмъ какъ доряне и іоняне сохранили родовой строй въ гораздо большей чистотѣ и прочности. Главными причинами этого явленія могутъ считаться: болѣе раннее вторженіе эолянъ въ Грецію, отсутствіе сопротивленія со стороны туземнаго населенія, которое вызвало бы большую сплоченность и завоевателей, наконецъ меньшее развитіе у нихъ государственнаго принципа, внесеннаго въ Элладу дорянами и іонянами, — государственный принципъ, впослѣдствіи вступающій въ борьбу съ родовымъ строемъ и разрушающій его, первоначально служитъ къ его укрѣпленію, въ особенности упрочивая высшія единицы, болѣе склонныя къ распаденію (фратріи и преимущественно филы) сравнительно съ болѣе мелкими — родами, стремящимися къ возможно большей самостоятельности. Какъ доряне, такъ и іоняне являются во всѣхъ областяхъ, ими занятыхъ, какъ прочный союзъ неизмѣнныхъ филъ, такъ что не можетъ подлежать сомнѣнію, что уже до вступленія ихъ на почву Эллады сплоченіе трехъ филъ дорическихъ (*Ὑλλεῖς, Δυμᾶνες, Παμφύλοι*) и четырехъ іоническихъ (*Γελέοντες, Αἰγικορεῖς, Ἀργαδεῖς* и *Ὁπλῆτες*) было фактомъ совершившимся.

О іонянахъ намъ придется говорить въ другомъ мѣстѣ, когда мы спеціально будемъ разсматривать родовой строй въ Аттикѣ (въ гл. II), но о дорянахъ и ихъ филахъ не лишне будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ, такъ какъ мы здѣсь сталкиваемся съ энергично-выраженнымъ мнѣніемъ Белоха, который отрицаетъ даже національный характеръ дорянъ[1]). Онъ считаетъ возникновеніе единства дорянъ и общаго ихъ имени лишь продуктомъ позднѣйшаго времени, такъ какъ „въ началѣ исторіи всякаго народа стоитъ изолированный кантонъ (Gau), изъ коихъ лишь впослѣдствіи нѣкоторые соединяются въ бо́льшіе союзы, имѣющіе своимъ центромъ какое-нибудь святилище — тогда только возникаетъ народное единство, вовсе не требующее единства происхожденія или языка, и общее наименованіе для всѣхъ членовъ союза:

[3]) Jul. Beloch, Die dorische Wanderung въ Rh. Mus. XLV, p. 555—98.

такъ имя беотянъ носятъ всѣ тѣ, которые собираются близъ святилища Посейдона въ Онхестѣ, іонянами именуются участники въ культѣ Посейдона Геликонійскаго на мысѣ Микалѣ, дорянами первоначально лишь поклонники Аполлона Тріопійскаго близъ Книда". Въ дальнѣйшемъ изслѣдованіи Белохъ утверждаетъ, что названіе дорянъ было затѣмъ перенесено изъ Малой Азіи на жителей Аргоса, откуда были высланы дорическія колоніи (а впослѣдствіи по необъяснимой комбинаціи, позволимъ себѣ добавить, и на спартанцевъ и на другихъ историческихъ дорянъ); никакаго „дорическаго переселенія" никогда не было — одна пустая легенда или комбинація логографовъ, основанная на разногласіи между Гомеромъ, который знаетъ въ Аргосѣ и Спартѣ лишь ахеянъ, и историческимъ фактомъ существованія въ этихъ мѣстностяхъ дорянъ. Белохъ напротивъ находитъ необходимымъ аргументировать слѣдующимъ образомъ: такъ какъ дорическое переселеніе должно было бы совершиться до колонизаціи Малой Азіи іонянами, а между тѣмъ Гомеръ или авторы гомеровскаго эпоса въ VIII в. ничего о немъ не знаютъ и упоминаютъ дорянъ лишь на Критѣ (и то въ позднѣйшихъ пѣсняхъ), то никакихъ передвиженій народовъ въ Элладѣ не было, и спеціально Аргосъ былъ всегда населенъ тѣмъ племенемъ, которое являлось носителемъ т.-наз. Микенской культуры, тождественной съ гомеровской и слѣдовательно ей современной (т.-е. принадлежащей VIII в.!) — для какихъ-нибудь дорянъ нѣтъ никакаго мѣста! Понятно, что Белохъ отрицаетъ энергически существованіе трехъ обще-дорическихъ филъ: онѣ, по его мнѣнію, доказаны лишь для „городовъ Арголиды и ихъ колоній", спеціально въ Спартѣ „извѣстно лишь территоріальное дѣленіе на 5 комъ"[1]).

Вся теорія Белоха, преподносимая имъ съ крайнимъ высокомѣріемъ и самомнѣніемъ, не выдерживаетъ серіозной критики даже относительно тѣхъ аргументовъ, которые онъ самъ выставилъ. Что кома или демъ является древнѣйшей формой поселенія на почвѣ античной Эллады, это — истина, вовсе не имъ впервые

[1]) Филы Гиллейцевъ, Димановъ, Памфиловъ считалъ аргивскими, а не общедорическими и Гильбертъ (Studien z. alt-spartanischen Gesch. 1872, p. 142), но онъ впослѣдствіи отступилъ отъ этого мнѣнія (Handb. d. Griech. Staats-Alterth. I, p. 42; II, p. 305). Ему же возражалъ вполнѣ основательно Burckhardt, De graec. civitat. divisionibus. Basel 1873, p. 15.

открытая: она принята большинствомъ ученыхъ, принята и нами, но безъ тѣхъ выводовъ, которые строитъ на ней римскій профессоръ — значитъ, они вовсе не обязательно изъ нея вытекаютъ. Кома или демъ выросли на почвѣ Эллады, родовой же строй, какъ мы постарались доказать, восходитъ въ своихъ началахъ до обще-арійской эпохи — вотъ нашъ отвѣтъ. Мы же вмѣстѣ съ тѣмъ и указали на тѣ причины, которыя вызвали обособленіе (по комамъ и демамъ) родовыхъ единицъ у первыхъ греческихъ племенъ, вторгшихся въ Элладу (эолянъ или ахеянъ); указали и на внесеніе въ греческую жизнь новаго принципа двумя младшими племенами, дорянами и іонянами, принципа „государственности“: даже изъ нашего скуднаго преданія явствуетъ, что образованіе бо́льшихъ политій связано со вторженіемъ именно этихъ двухъ могущественнѣйшихъ народовъ, сохранившихъ ненарушимо и упрочившихъ въ себѣ родовой строй въ такой мѣрѣ, что и при раздѣленіи ихъ по мѣстностямъ, каждая часть заключала всѣ тѣ единицы, какъ и цѣлый народъ въ своей совокупности.

Напрасно Белохъ ссылается на авторитетъ Гомера — его выводы гораздо болѣе сомнительнаго характера, нежели тѣ, которые онъ ошибочнымъ образомъ приписываетъ „унифицирующимъ логографамъ и ихъ современнымъ послѣдователямъ“. Гомеръ, очевидно, не упоминаетъ дорянъ, потому что вообще описываетъ эпоху давнопрошедшую, какъ это не разъ указывается въ самихъ пѣсняхъ, и старается по мѣрѣ возможности представить ее въ вѣрномъ свѣтѣ[1]) — не могъ же онъ заставить дорянъ подъ предводитель-

---

[1]) Такъ напр. Гомеръ изображаетъ своихъ героевъ сражающимися на колесницахъ, между тѣмъ какъ никто не будетъ сомнѣваться, что въ VIII в. ни одинъ народъ въ Элладѣ, особенно же гоплиты Лакедемона, не знали такого способа сраженія: въ Олимпіи состязаніе на колесницахъ было введено лишь въ 25-ю олимпіаду (Paus. V, 8, 7). Подобнымъ же образомъ рѣшается и вопросъ, долго возбуждавшій сильные споры между учеными и бывшій исходнымъ пунктомъ для разчлененія гомеровскаго эпоса (Fr. Aug. Wolf, Prolegomena, p. 31) — существовала ли письменность во времена Гомера? Теперь, когда мы имѣемъ надписи, восходящія до начала VIII-го в., споръ этотъ становится праздными: не подлежитъ сомнѣнію, что раньше возникновенія гомеровскаго эпоса, раньше даже колонизаціи Іоніи греки приняли финикійскій алфавитъ (срвн. v. Wilamowitz-Möllendorff, Homerische Untersuchungen, p. 288—92). Но также вѣрно, что Гомеръ хочетъ изобразить своихъ героевъ безграмотными, дабы придать своему разсказу окраску сѣдой старины, какъ онъ вообще противополагаетъ

ствомъ Темена и Кресфонта идти подъ Трою, когда преданіе приписывало этотъ походъ ахеянамъ подъ начальствомъ Пелопида Агамемнона! Иначе можно было бы аргументировать и дальше въ томъ же духѣ: такъ какъ нигдѣ въ поэмахъ не упоминаются мало-азіатскія колоніи, то эпосъ законченъ раньше ихъ основанія, т.-е. раньше IX-го, VIII-го в., и сочиненъ первоначально не на эолійскомъ діалектѣ (какъ предполагаетъ проф. Фикъ), а на дорическомъ — должно быть въ золотообильныхъ Микенахъ, коихъ культуру поэтъ описываетъ какъ современную себѣ! Но мы, не дошедши еще до усовершенствованной псторической критики проф. Белоха, допустимъ, что гомеровскія поэмы сочинены въ VIII и VII в. на берегахъ Малой Азіи — тогда явится нѣкоторое затрудненіе: Тиртей поетъ около средины VII-го в., что „самъ Кронидъ Зевсъ далъ Гераклидамъ этотъ городъ (Спарту), вмѣстѣ съ которыми и мы (доряне), покинувъ вѣтряный Эрпней, прибыли на обширный островъ Пелопса“[1]); въ этомъ Белохъ видитъ попытку примирить фактъ существованія дорянъ въ Пелопоннесѣ съ авторитетомъ Гомера, знающаго тамъ только ахеянъ; но спрашивается, былъ ли Гомеръ настолько распространенъ въ Спартѣ во времена Тиртея, былъ ли его авторитетъ такъ несомнѣнно признанъ, что уже самъ народъ (Тиртей говоритъ не отъ своего имени — онъ былъ афиднеецъ изъ Аттики)[2]) считалъ нужнымъ создавать легенды

свое поколѣніе героямъ древняго времени (*οἷοι νῦν βροτοί εἰσ' ὁ δέ μιν ῥέα πάλλε καὶ οἷος:* Il. M, 449): только въ одномъ мѣстѣ изъ позднѣйшихъ частей Иліады глухо упоминаются *σήματα λυγρά* (Il. Z, 168), о коихъ не говорится ясно, чтобы это были настоящія буквы.

[1]) Tyrtaei, fr. 2 въ собраніи греческихъ лириковъ Bergk'a II, p. 8:

Αὐτὸς γὰρ Κρονίων, καλλιστεφάνου πόσις Ἥρης,
Ζεὺς Ἡρακλείδαις τήνδε δέδωκε πόλιν.
οἷσιν ἅμα προλιπόντες Ἐρινεὸν ἠνεμόεντα
εὐρεῖαν Πέλοπος νῆσον ἀφικόμεθα.

[2]) Аоинское происхожденіе Тиртея оспаривалъ уже Thiersch (въ Acta societ. philolog. Monac. III, p. 587), затѣмъ Kohlmann (Quaestt. Messeniacae, p. 31) и ихъ возраженія перешли въ новѣйшіе труды по греческой литературѣ Sittl'я (I, p. 251) и W. Christ'a (p. 94 втор. изд.). Главное возраженіе Тирша основывается на томъ, что Тиртей говоритъ о себѣ, какъ о спартанцѣ, а между тѣмъ по свидѣтельству Геродота (IX, 35) элейскій прорицатель Тизаменъ и его братъ Гегій были единственными иностранцами, одаренными правомъ гражданства въ Спартѣ — слѣдовательно Тиртей былъ кореннымъ спартанцемъ изъ лаконской Афидны. Но, во-первыхъ, изъ того, что поэтъ говоритъ: „мы прибыли“ и т. д.,

для уничтоженія противорѣчій? Но предположимъ даже, что всѣ эти толкованія Белоха содержатъ въ себѣ больше, нежели плодъ его фантазіи, — какимъ образомъ онъ объяснитъ тотъ фактъ, что жители Аргоса, Микенъ, *κοίλη Λακεδαίμων*, мессенскаго Пилоса называются въ гомеровскихъ поэмахъ общимъ именемъ „ахеянъ", а впослѣдствіи тѣ же самые переименовываются въ дорянъ? Какъ „униформируетъ" противорѣчіе, что у Гомера весь Лакедемонъ составляетъ единое царство, между тѣмъ какъ именно въ его время спартанцы едва завоевали ближайшій городъ Амиклы? „Въ началѣ исторіи всякаго народа стоитъ кома", говоритъ онъ, а въ Спартѣ мы видимъ обратное — сначала единое царство, а затѣмъ распаденіе на самостоятельныя комы!

Однимъ словомъ мы встрѣчаемъ несообразности и противорѣчія на каждомъ шагу, но съ ними можно было бы еще помириться, если бы авторъ не прибѣгалъ къ недобросовѣстному искаженію фактовъ и чужихъ мнѣній: такъ, онъ глумится надъ археологами, которые возводятъ микенскую культуру до XII-го в. въ угоду, будто бы, своей вѣрѣ въ дорическое переселеніе, — онъ игнорируетъ настоящую причину (которую ему бы было весьма трудно опровергнуть), а именно нахожденіе въ Микенахъ предметовъ, тождественныхъ съ открытыми въ египетскихъ гробницахъ XVIII-ой и XIX-й династіи[1]); такъ, онъ ссылается на Тиртея, какъ свидѣтеля, что въ Спартѣ всѣ три эпонима дорическихъ филъ счита-

---

вовсе не слѣдуетъ, чтобы онъ себя выдавалъ за спартанца; во-вторыхъ, извѣстныя отношенія Спарты къ аттической Афидне засвидѣтельствованы легендой о Діоскурахъ, какъ она нашла себѣ изображеніе на ларцѣ Кипсела (Paus. V, 19, 3); затѣмъ само существованіе лаконской Афидны является весьма проблематическимъ въ виду отсутствія достовѣрныхъ свидѣтелей — ни Страбонъ, ни Павзаній ея не упоминаютъ; наконецъ за аѳинское происхожденіе Тиртея ручается намъ авторитетъ Платона (d. Legg. I, p. 629 A) и Ликурга (in Leocrat. § 28), котораго нельзя легкомысленно приносить въ жертву Свидѣ. Спартанцы призвали къ себѣ Терпандра изъ Лесба и Ѳалета изъ Крита, почему же такъ невѣроятно, что они пригласили Тиртея изъ Аттики? Это нисколько не обязываетъ насъ видѣть въ немъ хромаго школьнаго учителя — онъ былъ, конечно, *χοροδιδάσκαλος*.

[1]) Особенно важны для опредѣленія времени микенской культуры: орнаментъ потолка гробницы въ Орхоменѣ (Schuchhardt, Schliemanns Ausgrab., p. 340), встрѣчающійся и въ Тиринѳѣ (Schliemann, Tiryns, Taf. IV), который повторяется и въ египетскихъ гробницахъ времени Рамзеса II; затѣмъ мечи съ выложенными золотомъ изображеніями охоты на львовъ, т. наз. Nillandschaft и друг. (опубликовалъ сначала Ath. Kumanudis въ *Ἀθήναιον*, *X, Γ. Δ*; затѣмъ одинъ —

лись сыновьями Геракла, между тѣмъ какъ въ Аргосѣ за таковаго слылъ лишь Гиллъ, и изъ этого выводитъ заключеніе, что всѣ эти легенды очень поздняго происхожденія, — Тиртей ясно говоритъ: „Зевсъ далъ эту страну Гераклидамъ (т.-е. царямъ изъ рода Геракла), съ которыми мы (т.-е. доряне) пришли въ Пелопоннесъ“.

Относительно дорическихъ филъ Белохъ правъ, утверждая, что существованіе ихъ не засвидѣтельствовано намъ ни для Спарты, ни для Мессеніи; относительно Мессеніи это и не удивительно, такъ какъ она рано потеряла свою самостоятельность, и мы объ ея устройствѣ не знаемъ положительно ничего. Безъ всякаго сомнѣнія мы должны признать, что эти три филы существовали въ историческое время во всѣхъ городахъ Арголиды, такъ какъ мы ихъ находимъ въ Аргосѣ, въ Трезенѣ, въ Коринѳѣ и

U. Köhler въ Mitth. VII, Taf. VIII, наконецъ пять G. Perrot въ B. d. C. H. X, pl. I—III) — совершенно аналогичные предметы и изображенія найдены въ гробницахъ матери Aahmes'a, основателя XVIII дин. и Рамзеса III (срвн. G. Perrot, Sur quelques poignards de Mycènes въ B. d. C. H. X, p. 341—56, который особенно указываетъ на изображеніе грифона въ *Ἀθ. Δ.* какъ повторяющееся въ очень характерномъ видѣ въ Египтѣ; Furtwängler-Löschcke, Myken. Vas., p. XII); далѣе должно указать на драгоцѣнные кубки, изъ коихъ одинъ микенскій (съ изображеніемъ цвѣтовъ въ кадкахъ) изданъ Кёлеромъ (въ Mitth. VIII, Taf. I), а два (съ ловлей быковъ), найденныя въ Vaphio, Tzuntas (*Ἐφημ. Ἀρχ.* 1889, *πιν.* 9), и изъ мелкихъ вещей на т. наз. „Bügelkannen“. Наконецъ самыя несомнѣнныя доказательства относительно времени микенской культуры найдены въ самихъ Микенахъ, на что указалъ Winter въ январскомъ засѣданіи археологическаго общества въ Берлинѣ: „Auch ein neues bestimmtes Zeugniss aus Mykenae selbst tritt jetzt bestätigend hinzu. Es ist die in der *Ἐφημ. Ἀρχ.* 1888, S. 156 abgebildete Cartouche von einer ägyptischen Porzellanvase, welche nach Tsuntas' Bericht in einem Grabe der Unterstadt von Mykenae gefunden ist. In ihren Zeichen, deren Bestimmung Herrn Prof. Erman verdankt wird, ist der Name des Amenophis III (изъ XVIII династіи) enthalten, während ein im Palast von Mykenae gefundener Skarabäus den Namen der Gemahlin des Amenophis III, der Königin Ti, trägt (*Ἐφημ. Ἀρχ.* 1887, Taf. 13 und 21). Nach Ermans Aussage findet sich der Name des Amenophis III niemals auf späteren Werken wiederholt. Es wird daher durch das Zusammentreffen der verschiedenen Zeugnisse, die mit den Ermittelungen von Flinders-Petrie übereinstimmen (который при своихъ раскопкахъ въ Дельтѣ нашелъ разные предметы „микенской“ культуры въ гробницахъ XVIII дин.), die schon früher aufgestellte Datierung, nach welcher die mykenische Kultur gleichzeitig mit dem Ende der XVIII. und dem Anfang der XIX. Dynastie etwa in das 15—12 Jahrh. anzusetzen ist, als richtig erwiesen (изъ Berl. Philolog. Wochenschr. 1891, № 12, p. 383).

Сикіонѣ, а также въ сосѣдней Мегарѣ[1]). Съ этимъ согласенъ и Белохъ, который даже принужденъ допустить для этой области единство племени (Stammeseinheit), впадая такимъ образомъ, какъ кажется, въ противорѣчіе съ самимъ собою: если между населеніемъ отдѣльныхъ аргивскихъ городовъ никогда не было никакой связи, такъ что и общее свое племенное имя дорянъ оно заимствовало изъ мало-азійскихъ своихъ колоній, какимъ образомъ въ каждой общинѣ могло развиться одинаковое дѣленіе на три филы съ одинаковыми именами? Было ли и оно перенесено на родину изъ колоній, гдѣ мы его находимъ въ Галикарнассѣ (колонія Трезена), въ Косѣ, Калимнѣ (колоніяхъ Эпидавра) и Родосѣ (колоніи Аргоса)[2])? Это предположить едва ли рѣшится самъ Белохъ, тѣмъ болѣе, что народныя дѣленія въ названныхъ городахъ были не одинаковы: тѣ три филы, которыя мы привыкли называть

[1]) Уже Отфридъ Мюллеръ (Dorier, II, p. 70) на основаніи общихъ соображеній болѣе, нежели скуднаго тогда матеріала, рѣшался утверждать, что существованіе трехъ филъ (Гиллейцевъ, Дименовъ и Памфиловъ) было отличительнымъ признакомъ всѣхъ дорянъ. Нынѣ частью надписями, частью авторами онѣ засвидѣтельствованы намъ въ слѣдующихъ городахъ: Аргосѣ — *Ὑλλεῖς* (C. I. G. 1128, l. 8, B. d. C. H. IX, p. 350, № 2), *Δυμᾶνες* (ibid. 1123, l. 14), *Πάμφυλοι* (ibid. 1132? Lebas 116 b, 120, l. 19; B. d. C. H. IX, p. 350, № 2); Трезенѣ — *Ὑλλὶς φυλή* (Steph. Byz. s. v. *Ἁλικαρνασσός*), Эпидаврѣ — Памфилы? (*Ἀρτέμιδος Παμφυλαίας: Ἐφημ. ἀρχ.* 1883, p. 28, № 5), Сикіонѣ — всѣ три (Herodot. V, 68), Мегарѣ — *Δυμᾶνες* (Lebas II, 48, Foucart, Explic., p. 34), *Πάμφυλοι* (ibid. II, 50, C. I. G. 1073), всѣ три въ вновь найденной надписи (*Στάης, Ἐφημ. Ἀρχ.* 1887, p. 11), на о. Θерѣ — *Ὑλλεῖς* (Mitth. II, p. 73), на о. Косѣ — всѣ три (B. d. C. H. V, p. 217, № 7), на о. Калимнѣ — также (B. d. C. H. VIII, p. 29, № 2), на Критѣ — въ Лато и Гіерапитнѣ — *Ὑλλεῖς* (D. Comparetti въ Museo di antichità classica I, p. 267), въ неизвѣстномъ городѣ — *Πάμφιλοι* (ibid. cfr. Haussoullier, Trois tribus doriennes en Crète, p. 362), въ Кидоніи — только *Ὑλλεῖς* (Hesych. s. v.), въ Галикарнассѣ — Дименъ (Steph. Byz. s. v. *Ἁλικαρνασσός*), въ Керкирѣ — *Ὑλλεῖς* (C. I. G. 1845), въ Акрагантѣ — таже фила (I. S. It. 952). Вмѣсто послѣднихъ двухъ городовъ можно было бы назвать и ихъ метрополіи Коринѳъ и о. Родосъ.

[2]) О Галикарнассѣ: Herodot. VII, 99; Strab. XIV, 2, 16, p. 656 (*οἰκισταὶ δ' αὐτῆς ἐγένοντο ἄλλοι τε καὶ Ἄνθης μετὰ Τροιζηνίων*); Paus. II, 30, 9; Steph. Byz. s. v. *Ἁλικαρνασσός*. О Косѣ и Калимнѣ: Herodot. VII, 99. Срвн. Tacit. Annal. XII, 61. О Родосѣ: Thucyd. VII, 57; Pind. Olymp. VII, 34. Основателемъ колоніи называли то Тлеполема, сына Геракла (Hom. Il. B, 661, Pind. Olymp. VII et Schol. ad 36), то Альѳемена (Strab. XIV, 2, 6, p. 653), который повелъ дорянъ, между тѣмъ какъ Тлеполемъ былъ вождь ахеянъ.

дорическими, дѣйствительно встрѣчаются въ нихъ всѣхъ, но рядомъ съ ними почти въ каждомъ мы находимъ и другія, составленныя изъ другихъ элементовъ населенія, различныя по числу и наименованію — въ Аргосѣ филу Гирнетіевъ, въ Сикіонѣ — Эгіалеевъ или Архелаевъ, въ Коринѳѣ — даже пять новыхъ филъ, коихъ имена намъ неизвѣстны, въ Родосѣ, какъ кажется, по крайней мѣрѣ одну новую филу — Альѳеемениду[1]). Если бы дѣленіе на филы было заимствовано изъ Малой Азіи, то оно бы во всѣхъ городахъ было тождественно; такъ какъ историческіе факты этому противорѣчатъ, то должно вывести заключеніе, что въ нихъ рядомъ съ элементомъ населенія общимъ, раздѣленнымъ на три общихъ филы, были видоизмѣняющіеся по городамъ классы людей, отличавшихся по происхожденію, — легко понять, что послѣдніе и были туземнымъ элементомъ, а общія три филы принадлежали одному нѣкогда цѣльному племени завоевателей, разселившемуся впослѣдствіи по отдѣльнымъ городамъ.

Если мы такимъ образомъ принуждены признать за историческій фактъ преданіе о завоеваніи Арголиды дорянами, какое мы

---

[1]) Въ Аргосѣ *Ὑρναθία* засвидѣтельствована какъ авторами (Steph. Byz. s. v. *Δυμᾶν· καὶ προσετέθη ἡ Ὑρνηθία ὡς Ἔφορος α'*; у Павзанія II, 26, 2 героиня *Ὑρνηθώ*), такъ и надписями (C. I. G. 1130, 1131; Lebas. II, 121, 126; B. d. C. H. IX, 350, № 2). Въ Сикіонѣ — *Ἀρχέλαοι* или *Αἰγιαλεῖς* (Herodot. V, 68). Въ Коринѳѣ — восемь филъ со времени царя Алета, основателя дорическаго государства (Suid. s. v. *πάντα ὀκτὼ· Ἀλήτης κατὰ χρησμὸν τοὺς Κορινθίους συνοικίζων ὀκτὼ φυλὰς ἐποίησε τοὺς πολίτας καὶ ὀκτὼ μέρη τὴν πόλιν* — по послѣднимъ словамъ можно было бы думать о филахъ территоріальныхъ, если бы самъ свидѣтель заслуживалъ больше довѣрія). На Родосѣ засвидѣтельствована *Ἀλθαιμενίς* (Newton, Br. Mus. II, № 352), но намъ кажется сомнительнымъ, чтобы она была родовымъ дѣленіемъ, также какъ и три новыя филы, существовавшія на о. Калимнѣ (о нихъ ниже). Напротивъ родовыми были по всей вѣроятности филы Эѳалеевъ (Cauer, Del 2. 121) въ Дрерѣ, Эхапореевъ и .....схеевъ въ Лато (Comparetti въ Museo I, p. 267), ...тидовъ въ Аксѣ (B. d. C. H. IX, p. 16, not. 1): что это были дѣйствительно филы вывелъ B. Haussoullier изъ сопоставленія формулъ *ἐπὶ τῶν Ὑλλέων (Παμφίλων) κοσμιόντων* и *ἐπὶ τῶν Αἰθαλέων (Ἐχαπορέων) κοσμιόντων* (въ статьѣ Trois tribus doriennes en Crète, p. 365 изъ Mélanges Renier. Paris 1886. Этимъ цѣннымъ сопоставленіемъ всѣхъ свѣдѣній о критскихъ филахъ я могъ воспользоваться благодаря любезности автора, снабдившаго меня отдѣльнымъ оттискомъ). Фила *Ἁδριανίδαι*, упоминаемая на нѣкоторыхъ мегарскихъ надписяхъ (C. I. G. 1072; Lebas. II, 49, 50 a. Foucart, Expl., p. 34—35), была учреждена, конечно, въ честь императора Адріана, а поэтому здѣсь не можетъ быть нами взята въ разсчетъ.

имѣемъ основаніе отрицать правдивость той же легенды по отношенію къ Спартѣ? Какіе мотивы могли побудить спартанцевъ впослѣдствіи заимствовать имя дорянъ у своихъ злѣйшихъ враговъ — аргивянъ? А если они были дорянами, то уже a-priori можно заключить, что у нихъ по крайней мѣрѣ первоначально существовали и три дорическія филы — Гиллейцы, Диманы и Памфилы. Правда, Белохъ возражаетъ противъ этого, говоря, что Спарта распадалась на пять комъ[1]); но, во-первыхъ, дѣлилась на

[1]) Здѣсь нельзя не указать на большую путаницу, существующую уже въ представленіяхъ античныхъ писателей относительно пяти спартанскихъ комъ, которыя они смѣшиваютъ съ мѣстными филами, несомнѣнно въ позднѣйшее время существовавшими и въ спартанскомъ государствѣ. Виною, какъ мнѣ кажется, является слишкомъ краткое и не вполнѣ ясное выраженіе Θукидида, который говоритъ о Спартѣ (I, 10): *οὔτε ξυνοικισθείσης πόλεως .... κατὰ κώμας δὲ τῷ παλαιῷ τῆς Ἑλλάδος τρόπῳ οἰκισθείσης*. Эти слова могутъ быть истолкованы двоякимъ способомъ: или они означаютъ, что область спартанская (какъ напр. многія части С.-З. Греціи) была заселена отдѣльными комами, независимыми другъ отъ друга и не объединенными путемъ синойкизма въ одно государство *(πόλις)*; или же, что самый городъ Спарта состоялъ изъ отдѣльныхъ поселеній, носившихъ характеръ деревень и не объединенныхъ въ одинъ настоящій городъ, напр. общей стѣной. Конечно, объ самостоятельности отдѣльныхъ комъ спартанскихъ еще меньше можетъ быть рѣчи, чѣмъ о независимости аѳинскихъ демовъ, и Θукидидъ можетъ разумѣть лишь второе, имѣя въ виду самый городъ — онъ и прибавляетъ (послѣ *οὔτε ξυνοικισθείσης πόλεως): οὔτε ἱεροῖς καὶ κατασκευαῖς πολυτελέσι χρησαμένης* (онъ, очевидно вспоминаетъ объ аѳинскихъ Пропилеяхъ, Парѳенонѣ и т. д.). Эти четыре городскихъ квартала были: *Πιτάνα* (Herodot. III, 55; IX, 53; Pind. Ol. VI, 46; Paus. III, 14, 2; Plut. de exil. 6; Schol. Thuc. I, 20; Lebas, II, 211 a), *Λίμναι* (Strab. VIII, 5, 1, p. 363; Paus. III, 16, 6), *Μεσόα* (Strab. VIII, 5, 3, p. 364; Paus. VII, 20, 4; Steph. Byz. s. v.), *Κυνόσουρα* (Hesych. s. v.; Schol. Callim. in Dian. 94); всѣ вмѣстѣ они упоминаются у Павзанія (III, 16, 9). Срвн. Müller, Dorier, II, p. 44; Bursian, Geogr. Griech. II, p. 121. Впослѣдствіи эти комы дали свои имена территоріальнымъ филамъ, которыя намъ засвидѣтельствованы не только лексикографами, но и надписями: *Πιτανᾶται* (Hesych. s. v., C. I. G. 1425, 1426), *Λιμναεῖς* (ibid. 1377, 1241, 1243, 1273, 1274). *Μεσοάτης* (Steph. Byz. s. v. *Μεσόα;* C. I. G. 1338), *Κονοουρεῖς* (Herodian. *π. μονήρ. λεξ.* 13, C. I. G. 1347, 1272, 1386). Изъ замѣчанія Мюллера (op. l. II, p. 112), что число пять преобладало въ коллегіяхъ спартанскихъ магистратовъ, уже Boeckh (въ C. I. G. I, p. 609) сдѣлалъ выводъ, что мѣстныхъ филъ въ Спартѣ было пять, и думалъ найти пятую въ глоссѣ Гесихія: *Λύμη· ἐν Σπάρτῃ φυλὴ καὶ τόπος*. Онъ нашелъ сочувствіе лишь у Busolt'a (Griech. Gesch. I, 109; Griech. Alterth. 79); всѣ остальные ученые или уклоняются отъ рѣшительнаго отвѣта или принимаютъ 6, 9, 10 филъ (срвн. сопоставленіе различныхъ мнѣній у Hermann-Thumser'a, Staats-Alterth. I, p. 164, not. 5). Мы можемъ только

пять комъ городская община спартанская (такъ и въ городѣ Аѳинахъ были демы: Кидаѳеней, Мелита, Керамикъ, Коллитъ и др.), а не область Лаконика, распадавшаяся на обы (извѣстна оба Амиклейцевъ[1]); во-вторыхъ, если бы даже комы эти были бы территоріальнымъ дѣленіемъ государства, то онѣ нисколько не противорѣчили бы первоначальному родовому строю спартанцевъ — иначе бы мы должны были вывести изъ существованія аѳинскихъ демовъ невозможность дѣленія аѳинянъ на родовыя филы! Напротивъ мы имѣемъ несомнѣнное свидѣтельство, что фила Гиллейцевъ, по крайней мѣрѣ, существовала въ спартанской колоніи Ѳерѣ[2]), а по общепризнанному правилу мы въ подобныхъ случаяхъ въ правѣ считать учрежденія колоніи заимствованными изъ метрополіи. Белохъ отрицаетъ, правда, достовѣрность извѣстія о спартанской колонизаціи о. Ѳеры, но это слишкомъ удобный способъ критики — устранять всѣ неподходящія свидѣтельства, и пока онъ въ пользу своего мнѣнія не приведетъ болѣе вѣскихъ аргументовъ[3]), мы останемся

сказать, что изъ Павзанія (III, 16, 9) можно вывести заключеніе о болѣе тѣсномъ единеніи названныхъ четырехъ комъ: или ихъ жители, вмѣстѣ взятые, составляли все спартанское гражданство — тогда для пятой филы нѣтъ мѣста; или же они собирались для общихъ жертвоприношеній, какъ жители города Спарты — тогда остальная мѣстность должна была быть раздѣленной также на филы, коихъ было, конечно, болѣе одной; первое предположеніе намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, но мы вообще склонны видѣть въ территоріальныхъ филахъ учрежденіе гораздо болѣе поздняго времени, эпохи паденія Ликурговой дисциплины. Пока надѣлы земли были неотчуждаемой собственностью извѣстныхъ семей, областныя дѣленія должны были совпадать съ родовыми, а слѣдовательно установленіе новыхъ территоріальныхъ филъ было бы безсмысленнымъ актомъ, вполнѣ противорѣчащимъ крайнему консерватизму Спарты.

[1]) Обы не разъ уже встрѣчались на надписяхъ, но первая, коей до насъ дошло имя — *ὠβὰ Ἀμυκλαέων* упоминается въ надписи, найденной проф. Лёшке на мѣстѣ древнихъ Амиклъ, близъ святилища Александры, служившаго ей, вѣроятно, религіознымъ центромъ (Mitth. III, p. 164): этотъ фактъ особенно важенъ, такъ какъ доказываетъ, что обы были дѣленіемъ территоріальнымъ, а не родовымъ (какъ показываетъ само названіе), и что онѣ были распространены и на внѣгородскую область Лаконики, а не ограничены однимъ городомъ Спартой, который до сихъ поръ считался постояннымъ мѣстомъ жительства спартанскихъ *ὅμοιοι*.

[2]) *Ὑλλέων νύμφαι* на одной надписи съ о. Ѳеры (Mitth. II, p. 73); насчетъ колонизаціи его, приписываемой лаконскому эгиду Ѳеру свидѣтельствуетъ Геродотъ (IV, 148). Срвн. Pind. Pyth. I, 121 et V, 92 (со схоліями), ясно указывающіе на существованіе трехъ филъ дорическихъ въ Спартѣ и Ѳерѣ.

[3]) Между прочимъ Белохъ ссылается (какъ и Gilbert, Handb. d. St.-Alt. I, p. 43, not. 2) на одну „тарентинскую“ монету съ надписью *Πιτανατᾶν περιπόλων*

при увѣренности, что ѳерейская надпись и для Спарты доказываетъ существованіе трехъ дорическихъ филъ. Что во всякомъ случаѣ и въ Спартѣ родовыя дѣленія предшествовали территоріальнымъ, это, по нашему мнѣнію, несомнѣнно доказывается свидѣтельствомъ Димитрія изъ Скепсиса, который при описаніи древне-національнаго празднества спартанскаго (или вѣрнѣе обще-дорическаго) Карней упоминаетъ объ участіи въ немъ 27 Фратрій[1]).

въ пользу „высокой древности Питанатской филы въ Спартѣ“ (откуда была выслана колонія въ Тарентъ). Но, во-первыхъ, это бы еще нисколько не говорило противъ первоначальнаго существованія родовыхъ филъ; во-вторыхъ, эту монету нельзя такъ толковать, какъ это дѣлаетъ Белохъ: *περίπολοι* какъ названіе особаго военнаго отряда засвидѣтельствовано намъ лишь для Аѳинъ (и здѣсь, кажется, обозначало не эфебовъ, какъ думали до сихъ поръ, а наемныя войска), Питанаты же и въ Спартѣ не составляли особаго лоха (какъ свидѣтельствуетъ Ѳукидидъ I, 20, опровергая Геродота IX, 53), наконецъ отдѣльныя филы, конечно, чеканить монету, да еще серебряную, права никакаго не имѣли. Въ-третьихъ, монета вовсе не тарентинская, а принадлежитъ городку Peripolium, въ области Эпизефирійскихъ Локровъ (ср. Head. Greek Coins. p. 91).

[1]) *Τόπους μὲν γὰρ εἶναι θ' τῷ ἀριθμῷ, σκιάδες δὲ οὗτοι καλοῦνται... ἔχει δὲ ἑκάστη σκιὰς φρατρίας τρεῖς* (Athen. IV, p. 141 f.). K. O. Müller (Dorier, II, p. 323) считалъ возможнымъ отождествлять фратріи съ обами, вѣрнѣе видѣть въ послѣднихъ лаконское названіе для первыхъ; эта мысль вполнѣ правильно оставлена новѣйшими изслѣдователями: единственная извѣстная намъ оба аміклейцевъ не могла быть дѣленіемъ родовымъ, такъ какъ таковое или посило бы патронимическое названіе или во всякомъ случаѣ, образовавшись (какъ и филы) раньше завоеванія Пелопоннеса, заимствовало бы свое имя не отъ мѣста въ Лаконикѣ. На соотношеніе между 3 филами и 30 обами нельзя ссылаться для подтвержденія этого мнѣнія, такъ какъ послѣднее число болѣе, нежели сомнительно. *Ὠβὰ* по Гесихію *(ὠβαὶ τόποι μεγαλομερεῖς· ὠὰς τὰς κώμας· ὠγὴ κώμη· οὐαὶ φυλαὶ Κύπριοι)* и Софоклу (fr. 130 Nauck ed. 2: *οἰήτης· κωμήτης)* означаетъ не что иное какъ *κώμη*: настоящая форма — *ὠϝᾶ* и ее производилъ Поттъ отъ санскр. vas, но Curtius, Griech. Etym., p. 206 et 586, относится къ этому толкованію весьма скептически и съ полнымъ основаніемъ (откуда Busolt, Gr. Gesch., I, p. 110, not. 3 взялъ свою этимологію: *ὠβᾶ* отъ *ἰαύω* съ ссылкой на Курціуса стр. 517, мнѣ неизвѣстно — у Курціуса ничего подобнаго нѣтъ). Слѣдовательно обы совпадаютъ съ упоминаемыми у Ѳукидида комами и въ этомъ смыслѣ очень древняго происхожденія; но когда онѣ получили значеніе политическихъ единицъ — неизвѣстно, и мы не можемъ предполагать, чтобы это произошло раньше персидскихъ войнъ. Ретра Ликурга, ихъ упоминающая (Plut. v. Lycurg. 6), несомнѣнно весьма поздняго происхожденія (Wilamowitz, Homer. Unters., p. 277; E. Meyer, въ Rh. Mus. XLI, p. 81—101): всѣ эти мнимыя ретры Ликурга мы считаемъ необходимымъ отнести ко времени царей-реформаторовъ Агиса III и Клеомена III, а вмѣстѣ съ ними и превращеніе объ въ политическія дѣленія гражданъ.

Мы постарались на предыдущихъ страницахъ представить общую картину развитія родоваго строя на почвѣ древней Эллады: если въ результатѣ получился лишь слабый эскизъ, гдѣ едва главныя линіи намѣчены, то вину этого должно приписать скудости нашего матеріала. Даже древнѣйшія наши извѣстія восходятъ лишь къ тому времени, когда этотъ институтъ сохранилъ только тѣнь прежняго своего значенія, являясь въ видѣ руины изъ временъ давно-прошедшихъ. Поэтому не удивительно, что наши свѣдѣнія ограничиваются одной только сухой номенклатурой и нѣсколькими замѣчаніями относительно религіознаго значенія, которое болѣе ненарушимо сохранилось за родовыми единицами и въ историческое время.

О былой роли ихъ, когда онѣ могли соперничать по вліятельности съ центральной государственной властью, мы можемъ судить лишь по нѣкоторымъ иначе непонятнымъ переживаніямъ. Нѣкогда роды были почти самостоятельны въ своемъ внутреннемъ самоуправленіи и самосудѣ: это доказываетъ та обширная власть, которою пользовались отцы семействъ, напр. въ Аттикѣ еще до Солона, имѣя право по своему усмотрѣнію продавать въ рабство не только дочерей, но и взрослыхъ сыновей, т.-е. гражданъ государства. И во внѣшнихъ, такъ сказать, отношеніяхъ родовыя единицы являлись почти неограниченными въ своихъ правахъ самозащиты, вооруженной борьбы (Fehderecht) и кровавой мести противъ другихъ, съ ними враждующихъ элементовъ того же государства[1]). Нѣкоторыя указанія насчетъ такаго ихъ значенія сохранились и въ преданіяхъ гомеровскаго эпоса, хотя послѣдній сочиненъ несомнѣнно въ такое уже время, когда самостоятельность родовыхъ единицъ стала отступать предъ окрѣпшей государственной властью: глава Кефалленскаго царства Одиссей не можетъ иначе расправиться съ женихами, безчинствующими въ его домѣ, какъ путемъ самозащиты съ помощью родичей и слугъ; родственники убитыхъ взываютъ къ мщенію, и несмотря на неодобреніе большинства народнаго собранія, выступаютъ со своими сторонниками на бой противъ

[1]) Какъ въ то время тяжело давало себя чувствовать самоуправство родовъ и какъ уже все громче раздавались голоса противъ ихъ междуусобицъ, терзавшихъ государство, объ этомъ свидѣтельствуетъ возгласъ Гомера, полный горечи: *ἀφρήτωρ ἀθέμιστος ἀνέστιός ἐστιν ἑκεῖνος ὃς πολέμου ἔραται ἐπιδημίου ὀκρυόεντος* (Il. I, 63—64).

Лаертова рода; чтобы прекратить междуусобную распрю, необходимо вмѣшательство богини Аѳины, которая сама заключаетъ въ формахъ интернаціональнаго договора примиреніе между воюющими сторонами[1]). Подобныхъ чертъ можно было бы найти у Гомера еще не мало, но мы лучше укажемъ на полузабытыя сказанія о распряхъ между отдѣльными родами, разыгрывавшихся въ предѣлахъ Аттики: память о подобной вѣками закоренѣлой враждѣ хранилась въ запретѣ брачныхъ союзовъ (эпигаміи) между членами нѣкоторыхъ демовъ этой страны, существовавшемъ еще въ историческое время, когда уже причина его была непонятна для большинства людей[2]). Тѣмъ же фактомъ чрезмѣрной самостоятельности родовыхъ единицъ объясняется весьма понятнымъ образомъ и упомянутое нами выше распаденіе ихъ на отдѣльныя независимыя общины, особенно въ тѣхъ областяхъ, гдѣ самъ характеръ мѣстности способствовалъ дробленію на кантоны, какъ въ изрѣзанной горами Аркадіи, Этоліи и отчасти въ древнѣйшую пору и въ Аттикѣ.

Естественно, что вездѣ, гдѣ центральная власть была уничтожена или сильно ослаблена, родовой строй держался прочнѣе и его отдѣльныя единицы пользовались большею самостоятельностью: такъ, въ Ѳессаліи, гдѣ только въ случаѣ обще-народной войны избирался временный военачальникъ — *ταγός*, намъ извѣстна роль, которую играли роды Алевадовъ, Скопадовъ. Гдѣ же по тѣмъ или другимъ причинамъ удержалась или установилась болѣе сильная центральная власть, тамъ она употребляла, конечно, всѣ усилія, чтобы сломить самостоятельность и чрезмѣрныя права отдѣльныхъ родовъ: такой характеръ носитъ отчасти въ Аттикѣ та реформа, которая получила названіе Тезеева синойкизма и которая, конечно, не была проведена въ короткое время и однимъ законодательнымъ актомъ[3]).

---

[1]) Hom. Odyss. послѣднія книги, особенно *Ω*, 543: *ἴσχεο, παῦε δὲ νεῖκος ὁμοίιου πολέμοιο.*

[2]) Plut. v. Thes. 13: *τῷ Παλληνέων δήμῳ πρὸς τὸν Ἀγνουσίων ἐπιγαμίαν μὴ εἶναι.* Срвн. v. Wilamowitz, Kydath., p. 123 sq. Въ Plut. Quaestt. Graec. 17 (Moral., p. 295 B) сохранилось извѣстіе о междуусобицахъ въ Мегаридѣ между пятью комами (*Ἡραεῖς, Πιραεῖς, Μεγαρεῖς, Κονοσουρεῖς, Τριποδισκαῖοι*).

[3]) Таковой характеръ этой реформы, затемненный въ quasi-историческомъ о ней разсказѣ, по которому Тезей дѣйствуетъ путемъ лишь убѣжденія (Plut. v. Thes. 24), сказывается глухо въ преданіяхъ о борьбѣ съ Паллантидами, объ измѣнѣ царя Декела, наконецъ объ изгнаніи Тезея изъ Аттики.

Однимъ изъ главныхъ моментовъ въ этой борьбѣ государственной власти съ независимостью отдѣльныхъ родовыхъ единицъ является ограниченіе права самозащиты и кровавой мести[1]) и замѣна ихъ государственнымъ судомъ[2]): еще законы Дракона и Солона сохранили память о старинной прерогативѣ родовъ въ томъ положеніи, что въ дѣлахъ по убійству единственными обвинителями могутъ быть родственники или (за неимѣніемъ таковыхъ) фраторы убитаго, хотя этотъ процессъ причислялся къ *δίκαι δημόσιαι*, въ коихъ по аттическому праву всякій гражданинъ обыкновенно могъ выступать обвинителемъ[3]). Другимъ пунктомъ нападенія для госу-

[1]) Кровавая месть за убитаго родственника была не только правомъ, но и обязанностью его родичей, коей неисполненіе влекло за собою позоръ передъ людьми и преслѣдованіе со стороны „Эринніи“ умершаго: *λώβη γὰρ τάδε γ' ἐστὶ καὶ ἐσσομένοισι πυθέσθαι, εἰ δὲ μὴ παίδων τε κασιγνήτων τε φονῆας τισόμεθα* (Hom. Od. *Ω*, 432). Срвн. O. Müller, Eumeniden, p. 165. Память о ней сохранилась въ обычаѣ, чтобы за носилками убитаго несли копье (Dem. in Euerg. § 69, p. 1160; Harpocrat. s. v. *ἐπενεγκεῖν δόρυ*).

[2]) Обыкновенно замѣну кровавой мести государственнымъ судомъ приписываютъ смягчающему нравы вліянію Аполлоновской религіи и дельфійскаго оракула (уже О. Мюллеръ, Dorier. I, p. 335) на основаніи главнымъ образомъ одного мѣста изъ Платоновыхъ Законовъ (IX, 8, p. 865 B); но философъ говоритъ только объ очищеніи убійцы, произведенномъ по дельфійскимъ предписаніямъ (*καθαρθεὶς κατὰ τὸν ἐκ Δελφῶν κομισθέντα περὶ τούτων νόμον* — я перевожу по аналогіи другихъ мѣстъ Платона: „очищенный по закону, который относительно религіозныхъ обрядовъ долженствуетъ быть принесенъ изъ Дельфъ), а вовсе и не думаетъ свои законы, составляющіе довольно точный снимокъ съ аѳинскихъ (Hermann, De vestigiis institut. in primis attic. per. Plat. d. Legg. libros investigandis, p. 49), приписывать авторитету Аполлона. Уже у Гомера встрѣчаются случаи выкупа (виры) за убитаго, и тамъ же мы находимъ примѣръ вмѣшательства государства при уплатѣ послѣдней (Hom. Il. *Σ*, 498): отъ усилившейся центральной власти въ отдѣльныхъ государствахъ, а не отъ единичной жреческой коллегіи исходило ограниченіе института кровавой мести, государственный интересъ, а не религіозное чувство, былъ важнѣйшимъ стимуломъ постепенно совершившейся реформы. Лучшее доказательство этому мы находимъ въ совершенно одинаковомъ развитіи соотвѣтствующихъ правовыхъ учрежденій не только у римлянъ, но и у славянъ и германцевъ. Срвн. Ihering, Geist d. röm. Rechts. I, § 11 a.

[3]) Законъ Дракона у Dem. in Macart (XLIII), § 57, p. 1069 и фрагментъ въ C. I. A. I, 61, возстановленный У. Кёлеромъ (Herm. II, p. 27) и доказывающій подлинность перваго документа. Срвн. отвѣтъ экзегетовъ у Dem. in Euerg. (XLVII), § 70, p. 1160: *οὐδὲ γὰρ ἐν τῷ νόμῳ ἔστι σοι (δίκην λαγχάνειν)· οὐ γάρ ἐστιν ἐν γένει σοι ἡ ἄνθρωπος* (убитая). Свѣдѣнія объ остальныхъ греческихъ законодательствахъ слишкомъ скудны, чтобы дозволить опредѣленное сужденіе.

дарства на замкнутость родоваго строя были законоположенія о наслѣдственномъ правѣ: мы уже высказали выше свое мнѣніе, что первоначальной формой было общинное землевладѣніе цѣлаго рода, но и послѣ введенія частной собственности[1]) за послѣднимъ осталось преимущественное право на наслѣдство, которое за непмѣніемъ прямыхъ наслѣдниковъ мужескаго пола съ исключеніемъ женщинъ переходило къ членамъ рода по степенямъ или же ко всему роду; уже съ VI-го приблизительно вѣка эта прерогатива рода была сломлена во-первыхъ установленіемъ завѣщанія въ случаяхъ отсутствія сыновей, во-вторыхъ, законоположеніями относительно наслѣдства ab intestato, по которымъ преимущество давалось женской линіи родственниковъ предъ болѣе дальними родичами[2]).

[1]) Когда частная собственность замѣнила общинную цѣлаго рода въ Греціи, мы не знаемъ — во всякомъ случаѣ уже въ очень древнія времена, такъ какъ и у Гомера мы не находимъ насчетъ нея никакихъ опредѣленныхъ указаній, и позднѣйшіе писатели не сохранили никакаго воспомпнанія. Ошибочно, слѣдовательно, относить этотъ процессъ ко времени Солона, какъ это дѣлаетъ Fustel de Coulanges (la cité, p. 313) въ угоду своимъ предвзятымъ теоріямъ, и нѣкоторые другіе — задолго до него въ Коринѳѣ существовали частные надѣлы, и даже неодинаковой величины (Arist. Politic. II, 6, p. 1265 b, 12). Переходнымъ состояніемъ отъ землевладѣнія рода къ частной собственности долженъ считаться недѣлимый и неотчуждаемый надѣлъ семьи, какъ онъ существовалъ во многихъ государствахъ Эллады (*ἦν γε τὸ ἀρχαῖον ἐν πολλαῖς πόλεσιν νενομοθημένον μηδὲ πωλεῖν ἐξεῖναι τοὺς πρώτους κλήρους:* Aristot. VII (VI), 4, p. 1319 a, 10); такъ у локровъ, въ Левкадѣ, въ Элидѣ, въ Ѳивахъ по Аристотелю (op. l. II, p. 1266 b, 18; 1274 b, 4; VII (VI), p. 1319 a, 12). Срвн. O. Müller, Dorier, II, p. 196. Равенство надѣловъ казалось мыслителямъ древности (въ томъ числѣ Платону и Аристотелю) высшимъ идеаломъ, но едва ли когда-либо существовало даже въ Спартѣ, гдѣ Аристотель знаетъ лишь о законѣ, воспрещающемъ куплю-продажу клеровъ (op. l. II, p. 1270 a, 19), также какъ и Гераклидъ (Laced. 7 у C. Müller'a, Fragm. Hist. Graec. II, p. 211), а Тиртей уже во времена мессенскихъ войнъ упоминаетъ о неравенствѣ имущества (у Аристотеля: Politic. VIII (V), 7, p. 1306 b, 39). Равенство спартанскихъ клеровъ въ послѣднее время нашло себѣ видныхъ защитниковъ въ лицѣ C. Wachsmuth'a (Götting. gel. Anz. 1870, p. 1814), G. Gilbert'a (Stud. z. altspartan. Gesch., p. 160), Fustel de Coulanges (Et. sur la propr. à Sparte 1880, p. 10, 62), M. Duncker'a (über die Hufen d. Spartiaten, въ Mon. Ber. d. Berl. Akad. 1881, p. 136), Busolt'a (Griech. Gesch. I, p. 100), но оно не можетъ устоять противъ доводовъ строгой исторической критики, которую инаугурировалъ Гротъ (Hist. of Gr. II, p. 396) и поддержалъ Онкенъ (Staatsl. d. Arist. II, p. 351). Срвн. также Susemihl, Aristoteles, II, p. 78, not. 300.

[2]) Древнѣйшее правило мы находимъ еще у Аристотеля (Politic. VIII (V), 8, p. 1309 a, 20): *δεῖ ....ἐν δ' ὀλιγαρχίᾳ ....τὰς κληρονομίας μὴ κατὰ δόσιν*

Какъ еще велика была сила рода особенно въ религіозномъ отношеніи (а наслѣдство имущества было тѣсно связано съ обязанностью продолженія домашняго культа) доказывается положеніями какъ аѳинскаго, такъ другихъ греческихъ законодательствъ относительно дѣвицъ-наслѣдницъ (т.-наз. *ἐπίκληροι, πατροῦχοι)*, которыя не должны были выйти замужъ иначе, какъ за ближайшаго въ родѣ[1]); въ Аѳинахъ этотъ законъ примѣнялся такъ строго, что

εἶναι ἀλλὰ κατὰ γένος. Но уже Платонъ не считалъ возможнымъ устранить завѣщаніе изъ своихъ „Законовъ“, а только ограничивалъ свободу завѣщателей (Legg. XI, 6, p. 923). Исократъ же въ то же время называлъ право свободнаго завѣщанія *νόμον ὃς δοκεῖ τοῖς Ἕλλησιν ἅπασι καλῶς κεῖσθαι· τεκμήριον δὲ μέγιστον· περὶ γὰρ ἄλλων πολλῶν διαφερόμενοι περὶ τούτων ταὐτὰ γιγνώσκουσιν* (Aegin. (XIX), 50, p. 394 d), приводя одинаковыя относительно его законоположенія въ Эгинѣ, Сифнѣ, Кеосѣ (ibid. p. 387). Болѣе точныя свѣдѣнія относительно завѣщанія мы имѣемъ почти лишь изъ аѳинскаго права, въ которое оно было введено Солономъ (Plut. v. Sol. 21, Dem. in Lept. (XX), 102, p. 488 R. cfr. Schelling, de Solonis legg., p. 128). Въ Спартѣ его введеніе приписывалось эфору Эпитадею (Plut. v. Ag. 5), котораго обыкновенно относятъ къ началу IV в., но по справедливому замѣчанію Зуземиля его придется считать выдуманной личностью (или отнести къ гораздо болѣе древнимъ временамъ), такъ какъ Аристотель уже Ликургу приписываетъ установленіе завѣщанія *(διδόναι δὲ καὶ καταλείπειν ἐξουσίαν ἔδωκε τοῖς βουλομένοις:* Politic. II, 9, p. 1270 a, 21). Въ Критѣ мы не находимъ указаній на право свободнаго завѣщанія: Bücheler-Zitelmann, d. Recht. v. Gortyn., p. 134. За то мы здѣсь въ опредѣленіяхъ относительно наслѣдованія ab intestato находимъ замѣчательное постановленіе, что рядомъ съ братьями наслѣдуютъ и сестры въ половинномъ размѣрѣ (IV, 31—16); далѣе право на наслѣдство имѣютъ: 1) внуки, 2) братья и ихъ дѣти, 3) сестры и ихъ дѣти, 4) родичи (V, 9—24). Срвн. комментарій Zitelmann'a, op. l., p. 135. Право на наслѣдство имѣли дочери при братьяхъ и въ Дельфахъ и на о. Тенѣ, какъ доказалъ Thalheim (Gr. Rechts-Alt., p. 56, not. 1), но не въ Спартѣ, такъ какъ Аристотель говоритъ, что помимо приданнаго *(προίξ)* только эпиклеры могли наслѣдовать (Politic. II, 9, p. 1270 a, 24—25), также и не въ Аѳинахъ. Относительно законодательства послѣднихъ мы имѣемъ наиболѣе свѣдѣній: сохранился подлинный законъ Солона у Dem. in Macart (XLIII), 51, p. 1067, какъ доказалъ противъ Seeliger'a (Rh. Mus. XXXI, p. 176), Bürmann (ibid. XXXII, p. 353), съ коимъ согласенъ и Lipsius (въ Burs. Jahr.-Ber. XV, p. 348). Подробнѣе намъ придется коснуться этого вопроса въ III-ей гл.: здѣсь укажемъ на Grasshoff'a, Symb. ad doctrinam iuris attici de hereditat. I. de successione ab intestato. Berlin 1877 и Caillemer'a, La succession légitime à Athènes 1879.

[1]) Институтъ эпиклеровъ засвидѣтельствованъ намъ для многихъ греческихъ государствъ: въ Спартѣ (Herodot. VI, 57; Aristotel. Politic. II, 9, p. 1270 a, 24) гдѣ онѣ тоже обязаны были выйти за ближайшаго родственника (Herodot. V, 48; VII, 239), въ Катанѣ по законамъ Харонда, согласнымъ въ данномъ случаѣ съ аѳин-

даже неспособность къ супружескому сожительству не считалась достаточной причиной для освобожденія: въ такихъ случаяхъ женѣ разрѣшалось (а можетъ быть и вмѣнялось въ обязанность) сойтись съ однимъ изъ ближайшихъ родичей мужа съ цѣлью рожденія сына, который уже при жизни родителей считался настоящимъ владѣльцемъ дѣдовскаго имущества[1]). До такихъ варварскихъ, по нашему понятію, компромиссовъ долженъ былъ доходить законодатель, чтобы удовлетворить требованіямъ родоваго принципа!

Окончательный ударъ его исключительному вліянію на всѣ сферы государственной жизни былъ нанесенъ лишь тогда, когда внѣ старыхъ замкнутыхъ родовъ образовалась и усилилась масса людей безродныхъ, какъ это прежде всего случилось въ городахъ торговыхъ, особенно въ колоніяхъ, гдѣ было много пришлыхъ людей (*ἀτίμητοι μετανάσται*, какъ выражается уже Гомеръ), или въ общинахъ, основанныхъ на завоеваніи, гдѣ владычеству родовъ и филъ побѣдителей угрожала едва сдерживаемая вражда и злоба подчиненныхъ элементовъ. Аристократія знатныхъ родовъ въ большинствѣ греческихъ государствъ устранила царскую власть, служившую средствомъ объединенія государства и сдерживавшую эгоистическія стремленія т.-наз. *καλοί κἀγαθοί*; она этимъ думала еще возвысить значеніе родоваго принципа и дать ему неограниченное господство, но сама себя лишила необходимаго посредника, который сглаживалъ ея рознь съ классомъ безроднымъ и примирялъ соперничество ея собственныхъ родовъ между собою — въ ея торжествѣ были уже всѣ задатки неизбѣжнаго паденія: большею частью раздираемая внутренними распрями и преслѣдуемая вполнѣ

скими (Diodor. XII, 18, 3), въ Митиленѣ и въ Фокидѣ (Aristot. Politic. VIII (V), 4, p. 1304 a, 4), на о. Θерѣ (C. I. G. 2448: завѣщаніе Эпиктеты). Болѣе подробныя свѣдѣнія объ этомъ институтѣ мы имѣемъ лишь относительно Аѳинъ и Крита: срвн. стр. 55, прим. 1; къ литературѣ, тамъ приведенной, должно еще прибавить статью Lécrivain'a (въ Saglio-Daremberg, Dictionn. d. antiq. II, p. 662 s. v. Epicleros въ недавно вышедшемъ 15-мъ вып.).

[1]) Объ этомъ законѣ свидѣтельствуетъ Плутархъ (v. Sol., 20), который его, конечно, не понимаетъ и считаетъ направленнымъ противъ жадности родственниковъ, какъ будто можно за жадность преслѣдовать того, который лишь выполнялъ свою обязанность. Древность этого обычая доказывается аналогіей не только спартанскихъ учрежденій, но и древне-индійскихъ, въ т. наз. Niyoga, когда жена ради рожденія сына отдавалась ближайшему родственнику (Leist, Altarisch. Jus Gentium, p. 105).

понятной ненавистью безправной массы, власть родовъ должна была раньше или позже пасть подъ натискомъ толпы, а вмѣстѣ съ нею неизбѣжно долженъ былъ пасть тотъ принципъ, коего они были носителями, родовой строй. Восьмой вѣкъ видѣлъ окончательное его торжество, сказавшееся въ томъ, что ряды его дѣленій были строго замкнуты противъ лицъ, по рожденію къ нимъ не принадлежавшихъ, и что принадлежность эта одна могла дать человѣку права гражданина; восьмой же вѣкъ сталъ свидѣтелемъ начала борьбы противъ исключительности родоваго принципа: *οὐκ ἀγαθὸν πολυκοιρανίη, εἷς κοίρανος ἔστω*, восклицаетъ уже Гомеръ, и это стало боевымъ кликомъ народной массы, не желавшей имѣть надъ собою многоголоваго властелина и предпочитавшей вручить власть одному своему поборнику и защитнику — тиранну или эсимнету. Тираннія была только переходной формой: народъ, познавъ свою силу въ борьбѣ съ аристократіей и научившись совмѣстному дѣйствію, нашелъ болѣе удобнымъ забрать высшую власть въ государствѣ въ свои собственныя руки — въ большинствѣ греческихъ государствъ въ теченіи VII-го и VI-го в. водворились демократіи[1]).

[1]) Мы, конечно, могли только въ общихъ чертахъ намѣтить этотъ важный политическій переворотъ, тѣмъ болѣе, что намъ извѣстны лишь отдѣльные моменты, а не всѣ фазисы его развитія. Точно также мы не могли войти въ разсмотрѣніе тѣхъ причинъ и условій, которыя всюду выдвинули рядъ знатныхъ родовъ изъ массы населенія; родоначальниковъ ихъ мы должны искать въ гомеровскихъ *ἀριστῆες*; главной основой ихъ власти на ряду съ военнымъ превосходствомъ было храненіе древнихъ религіозныхъ обрядовъ. Въ текстѣ мы говоримъ о массѣ, стоящей внѣ родовыхъ дѣленій, но употребляя это обще-принятое выраженіе, мы должны оговориться, что не считаемъ его вполнѣ правильнымъ: внѣ дѣленій стояли лишь вышеупомянутые *ἀτίμητοι μετανάσται* — чужестранцы, будущіе метэки; низшіе классы гражданъ, демоты, хотя во время господства строгой аристократіи мало чѣмъ отличались въ правовомъ отношеніи отъ нихъ, тѣмъ не менѣе всегда были приняты, по нашему убѣжденію, во фратріи и филы и составляли свои *γένη*, или по крайней мѣрѣ *οἰκίας*. Намъ недостаетъ матеріала, чтобы доказать это свое положеніе для другихъ греческихъ государствъ, кромѣ Аѳинъ (о нихъ во II-й гл.): укажемъ лишь, что у Гомера Несторъ, совѣтуя Агамемнону построить войско по фратріямъ и филамъ (Il. B, 362), не даетъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы въ эти дѣленія были включены лишь *ἡγήτορες ἠδὲ μέδοντες*. Но конечно въ этихъ дѣленіяхъ простолюдинъ былъ вполнѣ подчиненъ вліянію и власти знатныхъ ихъ представителей, самъ же — *οὔτ' ἐν πολέμῳ ἐναρίθμιος οὔτ' ἐνὶ βουλῇ* (Hom. Il. B, 202).

Естественнымъ результатомъ такой побѣды было паденіе родоваго строя: дѣленія его, столь долго закрытыя для демоса, были отодвинуты на задній планъ и должны были уступить мѣсто другимъ — территоріальнымъ, которыя равномѣрно охватывали и людей родовитыхъ и простолюдиновъ[1]). Эти дѣленія вмѣстѣ съ тѣмъ были болѣе удобны для цѣлей государственнаго управленія, такъ какъ уже давно родовыя единицы вслѣдствіе постепеннаго разселенія своихъ членовъ и перехода поземельной собственности изъ однихъ рукъ въ другія не соотвѣтствовали, конечно, изстари установившимся мѣстнымъ дѣленіямъ: эти послѣднія или же вновь образованныя были положены въ основу новаго распредѣленія гражданъ по мѣсту жительства. На самомъ материкѣ Эллады намъ кромѣ Аѳинъ извѣстно территоріальное дѣленіе въ Спартѣ[2]). Были правда областныя филы, какъ кажется, и въ Тегеѣ и въ Мантинеѣ, но тутъ онѣ возникли путемъ синойкизма изъ отдѣльныхъ комъ, въ основѣ коихъ могъ лежать (и по всей вѣроятности и лежалъ) родовой принципъ. Насчетъ филъ въ Элидѣ мы положительнаго ничего не знаемъ, кромѣ того, что имъ соотвѣтствовали части страны: когда аркадяне отняли у элейцевъ часть ихъ области, то вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшилось и число филъ[3]).

Больше свѣдѣній мы имѣемъ изъ нѣкоторыхъ государствъ Малой Азіи: іоническаго Теоса и дорическаго Калимна въ особенности. Что касается перваго, то мы уже упоминали, что здѣсь рядомъ съ родовыми дѣленіями на симморіи встрѣчается и территоріальное на *πύργοι*[4]). Таковое значеніе этихъ двухъ терминовъ

[1]) Различіе между филами родовыми и территоріальными: *γενικαὶ καὶ τοπικαὶ φυλαὶ* впервые дѣлается, насколько мы знаемъ, у Діонисія Галикарнасскаго (Arch. Rom. IV, 14), но идея, что замѣна первыхъ вторыми ведетъ къ ослабленію аристократическаго режима, встрѣчается уже у Аристотеля (Politic. VII (VI), 4, p. 1319 b, 20).

[2]) Нашъ взглядъ на позднее происхожденіе мѣстныхъ дѣленій, какъ оффиціально признанныхъ, въ Спартѣ мы указали выше: срвн. стр. 87, прим. 1.

[3]) О филахъ Мантинеи и Тегеи срвн. стран. 77. Въ Элидѣ было 12 филъ въ Ol. 103, а въ слѣдующую, послѣ того какъ часть территоріи была уступлена аркадянамъ лишь 8 (Paus. V, 9, 6). Срвн. Busolt, Forschungen z. Griech. Gesch. I, p. 63.

[4]) Особенно важна надпись (C. I. G. 3064), заключающая въ себѣ списокъ ежегодныхъ магистратовъ, обозначаемыхъ такимъ образомъ: *ὁ δεῖνα τοῦ Φιλαίου πύργου Φιλαίδης*. Что послѣднее патронимическое названіе служитъ для обозначенія симморіи, доказывается другою надписью (ibid. 3066), гдѣ вмѣсто *Ἐχινάδαι*

имѣлъ въ виду уже Бёкъ и окончательно установилъ Буркгардтъ, опровергши ложныя мнѣнія Фишера и Грота, изъ которыхъ первый считалъ симміріи частями башень, а второй полагалъ, что оба дѣленія другъ друга покрываютъ, такъ какъ симморія-де заключаетъ въ себѣ группу лицъ, живущихъ на территоріи одного квартала городскаго *(πύργος)*; Буркгардтъ указалъ противъ такихъ толкованій на тотъ фактъ, что въ составъ одной и той же симміріи входятъ лица изъ различныхъ башень: въ составъ Брискидовъ — *ὁ Σίντυος καί ὁ Μηράδου πύργος*, Халкидеевъ — *ὁ Σθενέλου καὶ ὁ Χαλκιδέως πύργος*[1]). Тотъ же ученый не считаетъ невозможнымъ, чтобы башни составляли подраздѣленія симміріи, такъ какъ нигдѣ члены одной и той же башни не причисляются къ различнымъ симміріямъ. Но это утвержденіе его опровергается вновь найденною надписью: между тѣмъ какъ уже давно извѣстенъ гражданинъ *τοῦ Φιλαίου πύργου Φιλαίδης* теперь открытъ того же *Φιλαίου πύργου Κυδωνίδης* — значитъ къ одной и той же башнѣ приписывались лица изъ разныхъ симміріи[2]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что эти дѣленія являются взаимно кругами, не вмѣщающими другъ друга, а перекрещивающимися:

употребляется терминъ *Ἐχίνου συμμορία*. „Башень“ въ указанной надписи, перечисляется до 27, названныя по извѣстному лицу *(Ἀλκίμου, Ἀλξήνορος, Βήβωνος, Βοίου, Γαλαίσου, Δάδδου, Ἐκαδίου, Ἥρωνος, Ἱέρυος, Ἰσθμίου, Καλλίππης, Κίδυος, Κιζῶνος, Κιναβάλου, Κόθου, Κοπρέως, Μαλίου, Μηγαμήδεως, Μηράδου, Μύστου, Ποίκεω, Πρύου, Σθενέλου, Σιδηρέως, Σίντυος, Τρωγίλου, Φιλαίου* — послѣдній и въ C. I. G. 3081 и въ B. d. C. H. IV, p. 174), и 28-ая *(Χαλκιδέως πύργος)* встрѣчается въ C. I. G. 3103. Симміріи мы находимъ въ той же надписи поименованныхъ 25 *(Ἀλκιμίδαι, Ἀλξηνορίδαι, Βα..., Βοΐδαι, Βρεαλλωνίδαι, Βριθαΐδαι, Βρυσκίδαι, Γαλαισίδαι, Δάδδειοι, Εὐρυμηστορίδαι, Ζωριάδαι, Καλλιπάδαι, Κιζών[ειοι], Κοθίδαι, Λεωνίδαι, Λυκκίδαι, Μαιανδρίδαι, Μαλιάδαι, Πελ..., Πολλίδαι* (также въ B. d. C. H. IV, p. 168), *Πρυΐδαι, Σκηβηΐδαι, Τρωγιλίδαι, Φιλαΐδαι, Χαλκίδειοι)*, одну *(Ἐχινάδαι)* въ C. I. G. 3065, 3066 и три *(Θαινιάδαι, Κυδωνίδαι* и *Ἀλτύλου συμμορία)* въ B. d. C. H. l.l., № 22, 34, 35) — всего 29. Сравнивъ эти имена, мы найдемъ, что почти половина общая тѣмъ и другимъ дѣленіямъ, именно 13 подчеркнутыхъ.

[1]) Бёкъ въ комментаріи къ C. I. G. 3064; Vischer въ Rh. Mus. XXII, p. 324, Grote, Hist. of Gr. III, p. 186: „The territory of the town was distributed amongst a certain number of towers, to each of which corresponded a symmory or section of the citizens“. Burckhardt, De graec. civit. division. 1873, p. 12-13.

[2]) *Ἀρτέμων τοῦ Φιλαίου πύργου, Φιλαΐδης:* C. I. G. 3064; *Τιβέριος Κλαύδιος τοῦ Φιλαίου πύργου, Κυδωνίδης:* B. d. C. H. IV, p. 174.

такое отношеніе возможно лишь въ томъ случаѣ, если они независимы между собою, а слѣдовательно основаны на различныхъ принципахъ. Такихъ принциповъ мы въ эллинскихъ государствахъ находимъ именно два: родовой и территоріальный — вопросъ можетъ быть только о томъ, подъ какой подходитъ каждое изъ названныхъ дѣленій, такъ какъ ихъ наименованія вполнѣ оригинальны и отличаются отъ обыкновенной терминологіи. Дѣло можно себѣ объяснить слѣдующимъ образомъ: мы уже указали на то, что территоріальныя дѣленія помимо соображеній чисто политическихъ были устроены въ видахъ административныхъ, такъ въ особенности ими пользовались повсюду для составленія отдѣльныхъ частей войска (для чего родовой принципъ оказался съ теченіемъ времени особенно неудобнымъ); въ Теосѣ было этихъ отрядовъ столько, сколько приходилось защищать башень и прилежащихъ отрѣзковъ городской стѣны (*πύργος* и *μεταπύργιον*), и то дѣленіе гражданъ, которое должно было ставить такой отрядъ, получало названіе отъ защищаемой имъ башни — дѣленія эти, разумѣется, были территоріальными[1]). Симморіи же носили характеръ родовой единицы; спрашивается лишь, какой — фратріи или рода? первое мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, такъ какъ извѣстныя намъ 29 симморій, по всей вѣроятности, составляютъ бо́льшую часть вообще существовавшихъ, а подобное число было бы слишкомъ незначительно для родовъ; кромѣ того само названіе „симморіи“ было бы едва ли подходящимъ для рода (который всегда обозначается или словомъ *γένος* или другимъ, указывающимъ на общность происхожденія), между тѣмъ какъ фратрія, будучи сама менѣе опре-

[1]) Возможно и другое объясненіе, что *πύργος* обозначаетъ укрѣпленіе или укрѣпленное поселеніе, т.-е. равняется комѣ или дему: такаго воззрѣнія держатся почти всѣ ученые, высказывавшіеся по поводу теосскихъ *πύργοι* — Бёкъ, Фишеръ, Шёманнъ (Griech. Alt. I, p. 140), Филиппи (Gesch. d. attisch. Bürgerr. p. 9, not. 10 et 10 not. 13), Гильбертъ (Griech. St.-Alt. II, p. 146), между тѣмъ какъ Гротъ (Hist. of Gr. III, p. 186) считалъ ихъ кварталами города, а Бузольтъ (Gr. Gesch. I, p. 217) неопредѣленно называетъ ихъ „Thurmgenossenschaften“ и только Дункеръ (Gr. Gesch. V, p. 192) высказываетъ тотъ же взглядъ, какъ и мы. Невозможнымъ кажется, чтобы въ сравнительно небольшой области Теоса было до 28 укрѣпленныхъ мѣстечекъ. Послѣднее соображеніе высказываетъ и Scheffler, De rebus Teiorum. Lipsiae 1882, p. 36 (диссертаціей этой я не могъ воспользоваться при написаніи текста). Онъ указываетъ и на надпись изъ Теоса (Lebas III, № 1557), въ коей упоминаются *πύργοι* и вмѣстѣ съ каждымъ *τὸ προσεχὲς αὐτῷ τεῖχος* (l. l., p. 39, not. 3).

дѣленнымъ понятіемъ, могла легко принимать и другія наименованія (напр. *συγγένεια* въ Милазѣ), особенно въ такомъ случаѣ, если она приняла въ свой составъ много новыхъ, пришлыхъ элементовъ[1]).

Коснувшись гражданскихъ дѣленій, получившихъ свое названіе отъ цѣлей военныхъ, коимъ они должны были служить, какъ теосскія „башни“, не лишнимъ будетъ указать на такія, которыя назывались числовыми именами по количеству поставляемыхъ ими для войска людей. Такъ мы толкуемъ *χιλιαστύες* и *ἑκατοστύες*, встрѣчаемыя въ различныхъ государствахъ преимущественно малоазійскаго прибрежья, при чемъ мы имѣемъ въ виду аналогію германскихъ Tausendschaften и Hundertschaften[2]): что такое сопоставленіе не можетъ быть названо слишкомъ рискованнымъ, доказывается нѣсколько темнымъ само по себѣ указаніемъ, которое мы находимъ у латинскаго племени, представляющаго столько сходства въ учрежденіяхъ съ эллинскимъ народомъ — у римлянъ

[1]) Большинство ученыхъ (Бёкъ, Шёманнъ, Филиппи, Гильбертъ, а также Шеффлеръ, op. l. p. 41) считаетъ симморіи соотвѣтствующими аттическимъ родамъ, одинъ только Гротъ видитъ въ нихъ фратріи. Симморія Эхинадовъ назначала четырехъ простатовъ, которые совершали *τὰς νομιζομένας πατρίους θυσίας τοῖς θεοῖς καὶ τοῖς εὐεργέταις καλῶς καὶ ἐπιφανῶς* (C. I. G. 3065), и имѣла какъ свой алтарь, такъ и свои празднества — Левкатеи (ibid. 3066); симморіи Поллидовъ и Θеніадовъ вмѣстѣ завѣдывали святилищемъ Аполлона *Κουρέου* (B. d. C. H. IV, p. 168, гдѣ мѣтко приводится аналогія съ аттическою надписью: *Ἀπόλλωνος πατρῴου φρατρίας Θερρικωνιδῶν*) — все это производитъ впечатлѣніе слишкомъ торжественное для установленій какаго-нибудь рода. Глосса Свиды и Фотія: *συμμορία· σύνταγμα ἢ φρατρία*, сама по себѣ дѣйствительно по замѣчанію Шеффлера имѣла бы мало вѣса, но въ общемъ взятая и она подтверждаетъ наше воззрѣніе. Здѣсь не лишнимъ будетъ вспомнить о родосскихъ *πάτραι*, о коихъ мы уже выше упоминали: я нахожу замѣчательную аналогію между ними и теосскими симморіями. Относительно послѣднихъ мы видѣли, что члены одной изъ нихъ могли принадлежать къ двумъ различнымъ *πύργοι* и наоборотъ члены двухъ разныхъ — къ одному, причемъ тотъ и другой рядъ дѣленій носили часто одинаковыя названія. Въ Родосѣ мы находимъ (Newton, Br. Mus. II, № 352) подъ *Ἀμφινέων πάτραι — Ἀμφινεῖς*, подъ *Χυτριείων πάτραι — Κρητινάδαι* и *Βουκολίδαι*, подъ *Βουκολείων πάτραι — Κρητινάδαι:* подъ *πάτραι* слѣдовательно должно видѣть родовое дѣленіе въ родѣ симморіи (фратрію или родъ), подъ другимъ необозначеннымъ (*Ἀμφινεῖς, Χυτριεῖοι, Ληχεῖοι, Πυλλωνεῖοι, Βουκολεῖοι*) — разумѣть территоріальное, какъ и упоминаемая фила Алѳеменида была скорѣе мѣстная, нежели родовая.

[2]) Срвн. замѣчанія Грота (Hist. of Gr. III, p. 54, not. 2) насчетъ англо-саксонскихъ Tythings и Hundreds,

воинъ назывался miles, т.-е. одинъ изъ „тысячи“, значитъ и у нихъ „тысяча“ являлась главной единицей военнаго строя[1]).

Всѣ другія объясненія, даваемыя вышеназваннымъ терминамъ различными учеными не могутъ быть признаны удовлетворительными: что „тысяча“ (или „сотня“) обозначаетъ совокупность указываемаго числа или родовъ или домовъ (семей). Первое уже вполнѣ невозможно по тому громадному числу родовъ, которое бы получилось для сравнительно небольшихъ государствъ: на Самосѣ напр. по справедливому замѣчанію Буркгардта на каждую изъ трехъ извѣстныхъ намъ филъ должно было приходиться по крайней мѣрѣ двѣ χιλιαστύες, а слѣдовательно всѣхъ родовъ было бы не меньше 6000. Но и предложенное имъ мнѣніе, что слѣдуетъ считать это названіе заимствованнымъ отъ числа семей, едва ли выдерживаетъ критику[2]): во-первыхъ, семья не составляетъ нигдѣ единицы государственнаго дѣленія сама по себѣ, такъ какъ составъ и число ихъ слишкомъ подвержены колебаніямъ: во-вторыхъ, соединеніе опредѣленнаго ихъ числа въ одну административную единицу было бы законодательнымъ актомъ, который могъ прійти въ голову государственнымъ теоретикамъ древности, имѣвшимъ

---

[1]) Срвн. Mommsen, Röm. St.-R. III, p. 105.

[2]) Burckhardt, De graec. civitat. divisionibus, p. 33. Относительно самосскихъ тысячъ и сотенъ высказался Vischer (въ Rh. Mus. XXII, p. 327), который въ нихъ видитъ дѣленіе, независимое отъ филъ и подчиненныхъ имъ родовъ, съ коими онѣ соединяются въ формулѣ, употребляемой при дарованіи правъ гражданства: καὶ ἐπικληρῶσαι αὐτὸν ἐπὶ φυλὴν καὶ χιλιαστὺν καὶ ἑκατοστὺν καὶ γένος (въ декретѣ въ честь Діокла изъ Гелы: ibid. p. 313; Горга и Миннiона изъ Іаза: C. Curtius, Inschr. und Stud. z. Gesch. v. Samos. Lübeck 1878, № 7 = Ditt. S. I. G., 119; ликійца Демарха: ibid. № 8 = Ditt. S. I. G. 132, въ коемъ, впрочемъ, опущено χιλιαστύς — всѣ изъ послѣдней четверти IV-го в., какъ и два, изданные E. Fabricius'омъ въ Mitth. IX, p. 194). Однако, то мѣсто, которое занимаютъ тысяча и сотня въ этой формулѣ, и ихъ соединеніе съ филами и въ другихъ государствахъ (см. ниже) дѣлаетъ болѣе вѣроятнымъ предположеніе, что онѣ были посредствующими дѣленіями между филой и родомъ: въ пользу этого и высказались Philippi (Gesch. d. attisch. Bürgerr. p. 11, not. 13; 114, not. 92), C. Curtius (op. l. 25), Burckhardt (op. l. p. 32). Курціусъ считаетъ эти дѣленія установленными лишь послѣ возвращенія самосцевъ изъ изгнанія въ 321 г., „da durch die lange Verbannung der alte Familienzusammenhang wohl vielfach zerrissen war“ (op. l., p. 25); но это предположеніе весьма неправдоподобно, такъ какъ соотвѣтственная вполнѣ „arithmetische oder statistische Gliederung“ встрѣчается и въ другихъ мало-азійскихъ городахъ, гдѣ никакаго перерыва въ политическомъ существованіи гражданства не происходило (см. ниже).

почти такое же пристрастіе къ ариѳметическимъ конструкціямъ, какъ многіе новѣйшіе ученые, но никогда не былъ на дѣлѣ приведенъ въ исполненіе древнѣйшими основателями городовъ до временъ Александра Македонскаго и его колоній[1]). Извѣстная доля истины во мнѣніи Буркгардта заключается развѣ въ томъ, что при основаніи колоній (а вышеназванныя дѣленія встрѣчаются лишь въ таковыхъ) область занятая дѣлилась на извѣстное количество участковъ по числу колонистовъ, при чемъ могли быть взяты въ разсчетъ семьи; но и въ такомъ случаѣ въ основѣ дѣленія и образованія административныхъ единицъ лежали не послѣднія, а надѣлы земли, коихъ извѣстное число, притомъ прилегающихъ другъ къ другу, и составляли *χιλιαστύς* или *ἑκατοστύς* — принципъ слѣдовательно территоріальный, а не родовой. Такого рода толкованіе нисколько не противорѣчитъ выставленному выше, по которому эти дѣленія получили названіе отъ числа выставляемыхъ ими воиновъ — достаточно было опредѣлить (а въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго), чтобы съ каждаго надѣла высылался одинъ воинъ, и мы получимъ тотъ же приблизительно результатъ. Сущность и въ томъ и другомъ случаѣ та, что при дѣленіи и земли и ея населенія имѣлись въ виду спеціально военныя цѣли, какъ это весьма понятно въ странѣ завоеванной и окруженной враждебными сосѣдями. Такимъ образомъ, намъ кажется, рѣшается и вопросъ, на который не могли дать положительнаго отвѣта ни Фишеръ, ни Буркгардтъ: были ли эти единицы территоріальными или же родовыми, — мы считаемъ несомнѣннымъ, какъ уже сказали, первое.

---

[1]) Это соображеніе, вѣроятно, и побудило К. Курціуса, который также держится взгляда Буркгардта (p. 33) и исчисляетъ все гражданство Самоса въ 6000—9000 семей (смотря по тому, было ли 2 или 3 тысячи въ филѣ: op. l., p. 25), отнести эти дѣленія къ времени Діадоховъ (см. предыд. прим.). Семью принимаетъ за единицу и Филиппи (op. l., p. 11, not. 13), который ведетъ десятеричную систему еще дальше, считая родъ = 10 семьямъ — въ опроверженіе этой искусственной схемы достаточно указать на вышеприведенные декреты, по которымъ право гражданства было даровано Діоклу, Горгу, Минніону, Демарху: въ тѣхъ родахъ, сотняхъ, тысячахъ, къ коимъ они были причислены, во всякомъ случаѣ уже симметрія была нарушена! Замѣтимъ здѣсь еще для полноты, что члены каждой тысячи носили названіе *χιλιαστῆρες*, какъ мы узнаемъ изъ надписи, опредѣляющей избраніе особыхъ сановниковъ (*ἐπιμήνιοι*) для празднества Посейдона *ἐν Ἑλικωνίῳ* (B. d. C. H. VII, 518 и лучше по снимку Фабриціуса въ Mitth. X, 32 съ комментаріемъ У. Кёлера).

Въ пользу этого можно указать на примѣръ о. Самоса, гдѣ сотни и тысячи являются подраздѣленіями филъ, безъ сомнѣнія мѣстныхъ, замѣнившихъ и совсѣмъ вытѣснившихъ древне-іонійскія родовыя филы: послѣднія мы находимъ лишь въ самосской колоніи Перинѳѣ[1]), а слѣдовательно должны признать ихъ существованіе въ болѣе древнія времена и на Самосѣ, но въ историческое время мы знаемъ здѣсь только три мѣстныхъ филы: *Χησία*, *Ἀστυπάλαια* и *Αἰσχρωνία*[2]). Въ городѣ Эриѳрахъ, гдѣ существовало то же самое дѣленіе, упоминается *ἡ χιλιαστὺς ἡ Χαλκιδέων*, а мы знаемъ изъ Павсанія, что эриѳрейцамъ принадлежала мѣстность, называемая *Χαλκίς*, „отъ которой получила свое имя третья изъ эриѳрейскихъ филъ“[3]): слѣдуетъ ли тутъ предположить неточность Павсанія, который необычайный терминъ *χιλιαστὺς* замѣнилъ болѣе ходячимъ наименованіемъ филы, или же дѣйствительно оба дѣленія, и высшее и низшее (какъ это случалось иногда), носили одно и то же названіе — во всякомъ случаѣ мы видимъ, что „тысяча“ получила свое имя отъ извѣстной области, фактъ необъяснимый для дѣленія родоваго, но весьма понятный для территоріальнаго. Къ этому же выводу насъ приводитъ имя одной меѳимнейской тысячи — *ἀ χέλληστυς ἀ Ἐρυθραίων*. Наименованіе, данное по чужому государству, для родовой единицы столь же странно, какъ легко объяснимо для территоріальной: извѣстному числу переселенцевъ изъ города Эриѳръ вмѣстѣ съ правомъ гражданства была уступлена часть области, получившая отъ нихъ и названіе[4]). Кромѣ

---

[1]) Въ Перинѳѣ намъ засвидѣтельствованы филы *Γελεῦντες*, *Αἰγικορεῖς* и [*B*]*ωρεῖς* (Dumont, Inscr. de la Thrace, № 72 c. e. f.; Mordtmann въ Rev. arch. XXXVI, p. 302, cfr. Mitth. VI, p. 49); существовала ли послѣдняя фила и параллельная ей *Οἰνῶπες* въ Самосѣ, можетъ казаться сомнительнымъ.

[2]) Первыя двѣ по неособенно достовѣрному преданію были устроены уже самими основателями самосской политіи (Etym. Magn. s. v. *Ἀστυπάλαια*; cfr. Schol. ad Nicandri Alexipharm. 151), получивъ названіе отъ рѣки Хесіи и отъ „стараго города“; третья — болѣе поздняго происхожденія, какъ кажется — упоминается у Геродота (III, 26).

[3]) Vischer въ Rh. Mus. XXII, p. 326; cfr. Pausan. VII, 5, 12.

[4]) *ἀ χέλληστυς ἀ Ἐρυθραίων*: C. I. G. 2168 b (Add.) = Collitz, Gr. D. I. I, 278. Тамъ же упоминается и *ἀ χέλληστυς ἀ Φωκέων* (B. d. C. H. VII, p. 37), получившая названіе по городу Фокеи и составленная по всей вѣроятности также изъ переселенцевъ; еще въ третьей надписи (B. d. C. H. IV, p. 433) идетъ рѣчь о тысячи, но ея имя не произведено отъ народности — *Ἰρωτέων*. Каждое дѣленіе имѣло и своего начальника (*χελλεστυάρχας*) и свои очередныя жертвоприношенія

указанныхъ городовъ, мы встрѣчаемъ подобныя же дѣленія еще въ Эфесѣ, Лампсакѣ, Византіи и Гераклеѣ, *πεντηκοστύες* и *τριακάδες* на о. Косѣ[1]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что во всѣхъ этихъ городахъ рядомъ съ этими дѣленіями существовали и другія, родовыя, но констатировать это мы можемъ лишь для Самоса, гдѣ всѣ вновь принятые граждане по жребію распредѣлялись по филамъ, тысячамъ, сотнямъ и *γένη*. Послѣдній терминъ ученые понимаютъ въ обыкновенномъ значеніи слова, но намъ это кажется сомнительнымъ: родъ былъ до того тѣсно сплоченной единицей, что принудительный пріемъ въ него постороннихъ членовъ былъ бы слишкомъ большимъ произволомъ со стороны государства; кромѣ того на родѣ лежали разныя религіозныя обязанности, которыя вообще вновь принятымъ гражданамъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ общинъ греческихъ, были недоступны. Поэтому мы полагаемъ, что самос-

---

и празднества, и издавало постановленія. Рядомъ съ ними существовали и филы, по всей вѣроятности мѣстныя: *ἡ φυλὴ ἡ Αἰολὶς στεφανοῖ τ. δ. φυλαρχήσαντα* (Conze, Reise auf Lesbos, p. 23, № 12, въ лучшей копіи: B. d. C. H. IV, p. 438).

[1]) Эфесъ. Здѣсь встрѣчаются *χιλιαστὺς Ἀργαδέων* (Wood, Discov. at Ephes. Inscr. from the temple of Diana, № 18, 19), *Βωρέων, Οἰνώπων* (ibid. 10, 24. Inscr. from the Aug. 1); всѣ онѣ были частями *φυλῆς Ἐφεσέων*, такъ что здѣсь при сильно смѣшанномъ населеніи древне-іонійскія (родовыя) филы были низведены къ роли дѣленій одной (мѣстной) филы. Послѣдняя заключала еще тысячу *Λεβεδίων* (ibid., № 7) и одну, начинавшуюся съ буквы *P* (№ 26: Wood дополняетъ *Ῥόδιοι*, но это невѣроятно). Всѣхъ филъ по свидѣтельству Эфора (fr. 31: Müller, Fr. Hist. Gr. I, p. 242) было пять: *Βέννιοι, Εὐώνυμοι, Ἐφεσεῖς, Καρηναῖοι, Τήιοι*, изъ коихъ двѣ послѣднія заключали въ себѣ колонистовъ изъ Теоса и Карены, призванныхъ, послѣ того какъ значительная часть первоначальныхъ жителей пала въ битвѣ съ карянами; изъ старыхъ колонистовъ была составлена фила Эфесеевъ; а двѣ остальныя мы съ большимъ вѣроятіемъ представимъ себѣ созданными изъ туземнаго населенія — извѣстно, что жители Эфеса, не будучи чистокровными Іонянами, не праздновали Апатурій (Herodot. I, 147). Имя пятой филы было не *Βέννιοι*, а *Βεμβινεῖς* (Wood, op. l. Inscr. fr. the temple of Diana 1, 12, 16); въ императорское время была сначала прибавлена фила *Σεβαστὴ* (въ честь Августа), а затѣмъ *Ἀδριανή*. Каждая фила распадалась на нѣсколько хиліастій: имена ихъ срвн. у Гильберта (Gr. St.-Alterth. II, p. 144, not. 1). Насчетъ вновь принятыхъ гражданъ существовало то же правило, какъ и на Самосѣ: *ἐπικληρῶσαι αὐτὸν καὶ εἰς φυλὴν καὶ εἰς χιλιαστύν*, которыя и обозначались въ концѣ декрета, напр. *ἔλαχε φυλὴν Ἐφεσεύς, χιλιαστὺν Ἀργαδεύς* (Ditt. S. I. G. 134 et 315). — Лампсакъ. Упоминаются лишь сотни: *τοὺς πολίτας κατὰ φυλὰς καὶ ἑκατοστῦς γεγραμμένους* (C. I. G. 3641 b). Къ этому Буркгардтъ замѣчаетъ (op. l., p. 33): *ἑκατοστῦς* autem phratriarum et non demorum loco fuisse

скія *γένη* нужно считать равносильными фратріямъ[1]) — извѣстно то разнообразіе государственныхъ терминовъ, которое составляетъ отличительную черту греческихъ республикъ: такъ на о. Хіосѣ, очевидно, родъ обозначался словомъ *οἶκος*, и слѣдовательно терминъ *γένος* былъ исключенъ изъ употребленія, такъ какъ высшая единица называлась фратріей[2]).

Гораздо болѣе ясенъ тотъ же процессъ замѣны родовыхъ дѣленій территоріальными въ учрежденіяхъ о. Калимна. Мы уже выше имѣли случай указать на то, что здѣсь еще въ III-мъ в. продолжали существовать древне-дорическія филы Гиллейцевъ, Димановъ и Памфиловъ, которыя даже въ эту позднюю эпоху считали нужнымъ составлять полные и точные списки своихъ членовъ, что доказываетъ ихъ значительную жизненную силу; но рядомъ съ ними на надписяхъ встрѣчаются и другія — территоріальныя — дѣленія, демы и филы новыя, въ которыя должны были зачисляться всѣ граждане, какъ мы это узнаемъ изъ декретовъ, дарующихъ право гражданства иностранцамъ. Можно

---

inde colligo, quod infra *κώμαρχοι* commemorentur; Lampsaci igitur tribus et *ἑκατοστύες* gentiliciae, *κῶμαι* topicae divisiones erant. Но для такаго заключенія нѣтъ ни малѣйшаго основанія, такъ какъ комы могли быть подраздѣленіями сотенъ. — Византія. Латышевъ, Inscr. or. septentr. Pont. Eux. I, № 47 (= C. I. G. 2060): *εἶμεν αὐτὸν καὶ πολείταν καὶ ποτιγραφῆμεν ποθ' ἅν κα θέλη τᾶν ἑκατοστύων*. — Гераклея на Понтѣ: упоминаются сотни (Aen. Tact. XI, 10). — Косъ. Въ одной надписи, гдѣ говорится о дарованіи права гражданства (Newton, Br. Mus. II, 247), издатель возстановляетъ: *ἐπι]κλαρωσά[ντω ἐπὶ φυλὰν] καὶ τρια[κάδα καὶ πεν]τηκοστύ[ν]*. Трудно бы было предложить какое-либо другое дополненіе, но сочетаніе такихъ двухъ между собою ирраціональныхъ дѣленій на группы изъ 30 и 50 крайне изумительно и пока должно быть оставлено безъ объясненія. Тріакады или вѣрнѣе ихъ начальники тріакадархи упоминаются и въ Акрахъ въ Сициліи (Incr. S. Jt. 209, 211, 212), постоянно въ числѣ девяти. Объ аѳинскихъ тріакадахъ см. гл. II.

[1]) Это предположеніе можетъ казаться черезчуръ смѣлымъ, но извѣстно, что не только схоліастъ Пиндара (которому эти старыя дѣленія могли быть неясны), но и Геродотъ употребляетъ слово „фратрію“ вмѣсто „рода“: *Ἑκαταίῳ γενεαλογήσαντί τε ἑωυτὸν καὶ ἀναδήσαντι τὴν πατριὴν εἰς ἑκκαιδέκατον θεόν* (II, 143; срвн. I, 125 о „фратріи“ Ахеменидовъ). Во всякомъ случаѣ, если мы даже самосскія *γένη* примемъ за роды, то аномалія принятія въ нихъ новыхъ гражданъ находитъ себѣ объясненіе въ долговременномъ ихъ изгнаніи, расшатавшемъ всѣ родственныя и культовыя связи, и не можетъ быть перенесена на учрежденія другихъ греческихъ государствъ.

[2]) B. d. C. H. III, p. 47 = Ditt. S. I. G. 360.

было бы думать, что эти филы были учреждены рядомъ съ тремя основными (какъ въ Коринѳѣ было прибавлено пять новыхъ), но изъ надписей извѣстно, что большинство Гиллейцевъ было причислено къ дему *Ποθαία*, а между тѣмъ тотъ же демъ входилъ въ составъ филы *Θευγενίδαι:* очевидно отношеніе этихъ филъ было такое же, какъ въ Аѳинахъ, гдѣ гражданинъ, по роду своему принадлежавшій къ филѣ *Ὅπλητες*, по мѣсту жительства былъ приписанъ къ дему Элевсину, а слѣдовательно числился членомъ Гипоѳоонтидской филы[1]).

[1]) B. d. C. H. VIII, p. 29—41 (относительно трехъ дорическихъ филъ). Для территоріальныхъ дѣленій особенно важны декреты, дарующіе право гражданства иностранцамъ, коихъ большое число издалъ Ньютонъ (Newton, Br. Mus. II, №№ 232—36, 237 (2 декр.), 240—43, 249 a, 253—54, 269, 277); въ нихъ читается постоянная формула: *ἐπικλαρῶσαι δὲ αὐτὸν καὶ ἐπὶ φυλὰν καὶ δᾶμον· ἐπεκλαρώθη ἐπὶ φυλὰν καὶ δᾶμον· ἔλαχε φυλᾶς Κυδρηλείων δάμου Ἀμφιπετρᾶν.* Изъ этихъ надписей мы узнаемъ филы *Κυδρήλειοι* съ демами *Ἀμφιπέτραι* (232, 233), *Περαιώτης* (234), [*Ἔφ*]*εσος?* (237), *Θευγενίδαι* съ демомъ *Ποθαία* (237, 242) и еще однимъ неизвѣстнымъ (277), *Ἱππασι...* съ демомъ *...ειται* (254) и четвертую съ демомъ *Σκαλιῶδαι* (236, 249 a). Сверхъ того уже извѣстные намъ демы, *ὁ δᾶμος ὁ Ποθαίων* и *δᾶμος Πανορμίων* встрѣчаются въ спискѣ лицъ, дѣлающихъ какіе-то денежные взносы (ibid. № 298). Ясно, что подъ демами здѣсь, какъ и повсюду, должно разумѣть мѣстныя дѣленія, и очевидно, по сказанному въ текстѣ, что таковъ былъ характеръ и упоминаемыхъ вмѣстѣ съ ними высшихъ единицъ — филъ. О принятіи новыхъ гражданъ въ родовыя дѣленія (по примѣру аттическихъ фратрій) здѣсь не говорится, а потому нужно думать, что въ старыя дорическія филы они не зачислялись; если мы при этомъ возьмемъ въ разсчетъ, что по вышеуказанному списку членовъ этихъ послѣднихъ каждый мужчина женился на женщинѣ, также принадлежавшей къ одной изъ нихъ, то придемъ къ выводу, что аристократы-доряне тщательно оберегали чистоту своей крови отъ смѣшенія съ новыми элементами населенія и de iure или de facto отказывали имъ въ ius connubii (на это указываетъ какъ-будто и предусмотрительная перепись женскихъ членовъ, т.-е. дозволенныхъ невѣстъ — между перечисленными *γυναῖκες* не встрѣчается ни одной изъ названныхъ замужнихъ женщинъ, слѣдовательно это были вдовы). Этому толкованію противорѣчитъ, кажется, одно постановленіе, по коему вновь принятый гражданинъ зачисляется *ἐπὶ φυλὰν καὶ συγγένειαν:* послѣдній терминъ, конечно, и Newton (Br. Mus. № 238) и Гильбертъ (St.-Alt. II, p. 303) толкуютъ въ смыслѣ рода. Но ни тотъ, ни другой не обратили достаточно вниманія на содержаніе надписи: отецъ проситъ народъ о зачисленіи его сына въ филу и родъ. Ньютонъ предполагаетъ, что отцу было самому даровано право гражданства, и хотя оно и давалось „и потомкамъ“, но необходимо было новое о томъ постановленіе народа, дабы послѣдніе могли имъ воспользоваться — объясненіе, во всякомъ случаѣ крайне натянутое и оставляющее безъ вниманія одинъ замѣчательный терминъ: дважды о

Подобное же отношеніе между филами родовыми и мѣстными *φυλαὶ γενικαὶ* и *τοπικαί* по терминологіи Діонисія Галикарнасскаго), какъ кажется, существовало и на о. Косѣ, гдѣ упоминаются три филы, сходящіяся для общихъ жертвоприношеній въ Галасарнѣ и дѣлающія особыя постановленія для того, чтобы не допустить къ этому культу лицъ непричастныхъ: такое рѣшеніе мыслимо только для народныхъ дѣленій, прямаго отношенія къ государственному управленію не имѣющихъ (иначе само государство и приняло бы на себя наблюденіе за ихъ ненарушимостью и порядкомъ), т.-е. это были, можно сказать несомнѣнно, три древнедорическія филы, засвидѣтельствованныя намъ и для о. Коса[1]), кото-

сынѣ говорится: *τὸν υἱὸν αὐτοῦ τὸν πρόγονον*. Конечно, здѣсь это слово должно быть принято не въ смыслѣ „предокъ", а въ своемъ первоначальномъ: „прежде рожденный", т.-е. напр. раньше полученія права гражданства его отцомъ. Такой сынъ не наслѣдовалъ правъ гражданства своего отца, мало того — какъ рожденный не отъ гражданки въ супружествѣ, не признанномъ закономъ, онъ долженъ былъ считаться *νόθος* въ частно-правовыхъ отношеніяхъ; поэтому необходимъ былъ не только актъ натурализаціи, но и quasi-усыновленіе, чтобы возстановить порванную какъ-бы правовую и культовую связь съ его роднымъ отцомъ — онъ долженъ былъ быть зачисленъ не только въ филу (и конечно демъ), но и въ *συγγένειαν* своего отца: таково предлагаемое мною толкованіе, основанное, правда, на данныхъ аѳинскаго права. *Πρόγονος* изрѣдка употребляется въ смыслѣ „пасынокъ" (Eur. Ion. 1329; Poll. III, 27): выводъ нашъ отъ этого не измѣняется.

[1]) Тутъ я сопоставляю двѣ надписи, найденныя и опубликованныя въ различное время Rayet (Ann. d. l'associat. p. l'encouragem. d. étud. grecq. 1875, p. 293, № 10) и Dubois (B. d. C. H. VI, p. 249). О первой намъ приходилось уже говорить: она содержитъ перечень лицъ мужескаго пола съ прибавленіемъ имени отца и матери и ея отца; въ иныхъ случаяхъ обозначалось право на участіе въ культѣ, какъ полученное въ наслѣдство отъ бабки (*μέτεστι δέ μοι ἀπὸ μαίας*)— я уже сказалъ, что тутъ должно разумѣть сына женщины-эпиклеры — или по усыновленію или наконецъ по народному постановленію, даровавшему право гражданства. Во второй читается рѣшеніе, которое *ἔδοξε ταῖς φυλαῖς αἷς μέτεστι τῶν ἱερῶν Ἀπόλλωνος καὶ Ἡράκλευς ἐν Ἀλασάρνᾳ:* чтобы оградить культъ отъ непрошенныхъ гостей, повелѣвается произвести перепись всѣхъ членовъ, причемъ они должны записать свое имя и отчество *καὶ τᾶς ματρὸς τὸ ὄνομα καὶ τίνος τῶν πολιτᾶν θυγάτηρ ὑπάρχει· οἷς δέδοται ἁ πολιτεῖα, κατὰ τίνα νόμον ἢ δόγμα κοινὸν τοῦ παντὸς δάμου.* Мы видимъ, что требованія, предъявленныя въ послѣднемъ постановленіи, вполнѣ удовлетворены въ первой надписи; если мы къ этому прибавимъ, что оба документа найдены въ одномъ и томъ же мѣстѣ (въ развалинахъ церкви Hagioi Asomatoi) и начертены на одинаковыхъ памятникахъ, тромбонахъ мраморныхъ осьмигранныхъ колоннъ, что размѣры и камня (каждая грань въ 18 цм.) и буквъ (7—8 миллим. вышины) одинаковы, наконецъ,

рыя и здѣсь были отодвинуты на задній планъ позднѣйшими территоріальными дѣленіями[1]).

На Родосѣ также въ древности существовали три дорическія филы, какъ доказываетъ ихъ упоминаніе въ родосской колоніи Акрагантѣ, и еще въ историческое время называются *πάτραι* (терминъ во всякомъ случаѣ родоваго дѣленія); вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мы знаемъ изъ другихъ свидѣтельствъ, области каждаго изъ трехъ городовъ, вошедшихъ въ составъ общеродосскаго государства, дѣлились на демы: они являются важнѣйшими для управленія дѣленіями народными рядомъ съ т.-наз. ктойнами, насчетъ мѣстнаго характера коихъ нельзя сомнѣваться, хотя въ точности ихъ значеніе еще не уяснено[2]).

что въ обоихъ по двѣ грани сильно пострадали отъ сырости, то можетъ казаться только страннымъ, что французскій издатель отказывается признать ихъ сопринадлежность. Онъ же самъ высказалъ мнѣніе, что упоминаемыя филы тождественны съ тремя дорическими, которыя называются въ третьей надписи того же острова (B. d. C. H. V, 217). Въ послѣдней (въ 3-ей стр.) читается: *τῶν Ὑλλέ[ων*..... ...*λ. ιον* — я дополняю по вышеприведенной: *τῶν Ὑλλέων παρὰ τὸ Ἡράκλειον*. Филеты упоминаются и въ постановленномъ ими декретѣ (въ B. d. C. H.-V, p. 238). О существованіи на островѣ фратрій свидѣтельствуетъ надпись: *Διὸς Φατρίου Ἀθαναίας Εὐρυανακτιδᾶν* (ibid. V, p. 224); Эвріанактиды были очевидно фратріей, вѣроятно и Симониды другой надписи (ibid.).

[1]) Существованіе на Косѣ демовъ по подобію аттическихъ доказывается надписями, изъ коихъ нѣкоторыя были уже извѣстны Ross'y (Inscriptiones ineditae, fasc. II et III — мнѣ къ сожалѣнію недоступны). Дошедшія до насъ имена демовъ слѣдующія: *Ἀλασάρνα*, вмѣсто котораго у Страбона (XIV, 2, 19, p. 657) читается *Ἀλίσαρνα* — то самое мѣсто, гдѣ для жертвоприношеній сходились три филы (Ross, op. l. II, № 176 = Pantelidis въ B. d. C. H. V, p. 196; ibid., p. 198; Newton, Br. Mus. № 336; Hesych. *Ἀλασάρνη· Μώων δῆμος*, гдѣ должно исправлять не *Τρώων*, какъ предлагалъ издатель Шмидтъ, а *Κῴων*), *Ἀντιμαχίδαι, Αἰγήλιοι, Ἀρχιάδαι* (Ross, op. l. II, № 175; III, № 307, 308. Cfr. Rayet, Inscr. de Cos, № 7 et 8), *Ἰσθμιῶται* (Ross, op. l. III, № 303 et 306 = Rayet, op. l. № 13—14; ibid. № 15), *Ἱππιόται* (B. d. C. H. V, p. 199, №№ 3, 4).

[2]) Ктойны родосскія упоминаются въ четырехъ надписяхъ, найденныхъ на о. Родосѣ (Newton, Br. Mus. 351 = Ditt. S. I. G. 305; B. d. C. H. IV, p. 139; IX, p. 114; X, p. 261) и въ одной, принадлежащей о. Карпату (B. d. C. H. VIII, p. 354). Послѣдній, равно какъ и нѣкоторые сосѣдніе, входилъ въ IV—III в. въ составъ государства родосскаго и раздѣлялъ съ нимъ всѣ его учрежденія; доказательствомъ этого служатъ надписи съ именами родосскихъ демовъ, найденныя въ большомъ числѣ на Карпатѣ (B. d. C. H. IV, № 10; 272, № 13) — внѣ отечества граждане называли бы себя родоссцами; затѣмъ жители главнаго города Карпата именуютъ себя на Родосѣ не *Καρπάθιοι*, а *Καρπαθιοπολῖται* (соотвѣтственно

Относительно острововъ Эгейскаго моря, кромѣ уже названныхъ, лежащихъ близъ береговъ Малой Азіи, мы имѣемъ весьма мало свѣдѣній; однако и здѣсь мы можемъ установить существованіе на о. Тенѣ двоякихъ филъ — родовыхъ (древне-іонійскихъ) и тер-

родосскому дему *Λινδιοπολιτᾶν:* C. I. G. 2538, 2539; B. d. C. H. V, p. 335, № 10; Ross, Inscr. ined. III, № 265; Newton, Br. Mus. II, 344, lin. 21); имѣется постановленіе дема *Βρυκουντίων* на Карпатѣ (Ditt. S. I. G. 331), требующее подтвержденія *ἐν τῷ σύμπαντι δάμῳ,* какъ это водилось на Родосѣ; два члена этого дема и одинъ Низиріецъ назначены для жертвоприношеній также „всѣмъ народомъ“ (B. d. C. H. IV, p. 262, № 1), естественно родосскимъ, такъ какъ вѣроятнѣе, что о. Низиръ находился въ зависимости отъ послѣдняго, нежели отъ о. Карпата (Diodor. V, 54, 3), также, какъ и о. Телъ, коего житель называется эпистатомъ вмѣстѣ съ членомъ родосскаго дема *Χάλκη* (Ross, Arch. Aufs. II; p. 599); наконецъ ктойна, упоминаемая на Карпатѣ, указываетъ на связь съ Родосомъ, такъ какъ подобное учрежденіе намъ извѣстно лишь на этомъ островѣ и зависимой отъ него части материка — Переѣ (Newton, Br. Mus. II, 351). Срвн. Dittenberger въ S. I. G. 331, not. 12 et 13; Schumacher, De Rhodiorum republica, p. 8. Насчетъ значенія термина „ктойна“ ученые не могутъ до сихъ поръ согласиться, такъ какъ глосса Гесихія: *κτῦναι ἢ κτοῖναι χωρήσεις προγονικῶν ἱερῶν* (исправл. вм. *ἱερειων*) *ἢ δῆμος μεμερισμένος* не поддается убѣдительному толкованію. Не разбирая различныхъ мнѣній (Newton, op. l.; Martha въ B. d. C. H. IV, 143; Beaudouin, ibid. VIII, p. 355; Holleaux-Diehl, ibid. IX, p. 114; Dittenberger въ S. I. G. 305, not. 2; Bottermund, d. rep. Rhodiorum, p. 15), можно ихъ вообще резюмировать: „религіозное общество, владѣющее своимъ участкомъ земли“. Гильбертъ (St.-Alt. II, p. 181, 307) и Бузольтъ (Griech. Alt., p. 24) видятъ въ нихъ родосскіе демы. Это воззрѣніе весьма заманчиво, и я самъ его держался: въ пользу его, кромѣ глоссы Гесихія, говоритъ то обстоятельство, что въ декретѣ изъ Камира постановляется переписать всѣ ктойны „кромѣ Халки“, а *Χαλκῆται* назывались члены одного родосскаго дема (Ross, Arch. Aufs. II, p. 599; B. d. C. H. IV, p. 276). Но противъ этого Schumacher справедливо возразилъ (op. l., p. 15, 20), что *δᾶμος* было оффиціальнымъ названіемъ родосскихъ демовъ (*ὁ δᾶμος ὁ Λινδιοπολιτᾶν:* Newton, Br. Mus. 345; *ὁ δᾶμος ὁ Βρυκουντίων:* Ditt. S. I. G. 305. Cfr. Bottermund, op. l., p. 20; Kuhn, Entst. d. Städte, p. 213) и что въ декретѣ, который издала *ἁ κτοίνα ἁ Ποτιδαιέων,* и чтимый гражданинъ и довѣренное лицо ктойны называется *Καρπαθιοπολίτας,* а не *Ποτιδαιεύς* (B. d. C. H. VIII, p. 354). Но предложеніе, которое онъ дѣлаетъ самъ (op. l., p. 30): считать ктойны соотвѣтствующими фратріямъ и видѣть таковыя въ *Ἀμφινεῖς* etc. извѣстнаго списка патръ (Br. Mus. № 352), еще меньше выдерживаетъ критику, такъ какъ несомнѣнно ктойна была территоріальнымъ дѣленіемъ: она можетъ дать *τόπον ἐν τῇ κτοίνᾳ* (B. d. C. H. IV, p. 139); только что приведенная ктойна Потидейцевъ получила свое имя не отъ героизированнаго предка, а отъ городка *Ποτίδαιον* или *Ποσείδιον* на о. Карпатѣ (Ptol. V, 2, 33; Stadiasm. mar. magn. 272; срвн. монеты съ легендой *ΠΟΣ* у Head (Hist. numm., p. 534), который замѣчаетъ, что чеканка

риторіальныхъ, коихъ было, по всей вѣроятности, двѣнадцать; замѣчателенъ при этомъ фактъ, нигдѣ больше намъ не встрѣчающійся, что область самаго города была выдѣлена въ особую филу и раздѣлена на 7 кварталовъ *(τόνοι)* — существовали ли подобныя подраздѣленія и для сельскихъ филъ, мы за недостаткомъ матеріала констатировать не можемъ, но это кажется большинству ученыхъ вѣроятнымъ[1]). Точно такъ же и на о. Эгинѣ рядомъ

ихъ прекращается къ 408 г., т.-е. ко времени образованія обще-родосскаго государства); наконецъ по ктойнамъ избирались и *μάστροι* (Newton, Br. Mus. 351), т.-е. члены совѣта трехъ городовъ на Родосѣ (Newton, op. l., p. 126; Hesych. *ἐν Ῥόδῳ βουλευτῆρες*), а между тѣмъ послѣдніе въ спискахъ обозначались по имени дема (Newton, Br. Mus. 357; cfr. Bottermund, de rep. Rhod., p. 14) — такая двойственность въ принципахъ управленія мнѣ кажется рѣшительно немыслимой. Мое мнѣніе, что ктойны были подраздѣленіями демовъ: въ Халкѣ было нѣсколько ктойнъ (Newton, Br. Mus. 351), а *Χαλκῆται* назывались жители одного дема. — Именъ демовъ до насъ дошло необычайно много; но такъ какъ многія сюда относящіяся надписи опубликованы въ сочиненіяхъ, мнѣ недоступныхъ (Journ. of hell. studies; Ross, Inscr. gr. ined. II et III; Foucart, Inscript. inéd. de Rhodes), то я долженъ отказаться пока отъ мысли дать полный ихъ перечень съ распредѣленіемъ по городамъ: демы Линда въ наиболѣе полномъ видѣ перечислены въ надписи у Newton, Br. Mus. 357, по коей, сопоставивъ ее съ спискомъ жертвователей по демамъ (B. d. C. H. IX, p. 85), можно себѣ составить понятіе объ относительной численности ихъ членовъ. — Характерно для Родоса, что и женщины приписывались къ наслѣдственному дему, и даже вышедши замужъ, сохраняли его какъ видно изъ надписей, напр. *τοῦ δ. Βρυκουντίου καὶ τᾶς γυναικὸς Ἀρετανάσσας Θευδότου Χαλκήτιδος* (B. d. C. H. IV, p. 276).

[1]) На о. Тенѣ существовали родовыя дѣленія: какъ выше упомянуто, вновь принятые граждане должны были причисляться по собственному выбору къ филѣ и фратріи (C. I. G. 2330, 2333), но всей вѣроятности и филы были первоначально родовыя — четыре іонійскія. Но въ нашемъ преданіи являются филы территоріальныя. Изъ C. I. G. 2338 Böckh извлекъ имена 9 такихъ дѣленій, высказывая на основаніи числа притановъ соображеніе, что ихъ было всѣхъ 12; Burckhardt (de graec. civit. divis., p. 28) попытался отыскать имена трехъ недостающихъ, и дѣйствительно, опредѣлилъ одно вѣрно (изъ Rhangabé, Antiq. Hell., № 900); теперь же всѣ 12 читаются въ исправленномъ изданіи помянутой надписи (Newton, Br. Mus. II, 377): 1) *ἐκ πόλεως*, 2) *Γυραιεύς* (l. 25, 27, 30), 3) *Δονακεύς*, 4) *Ἐλειθυιαιεύς* (у B. *Ἐλειούλιος*), 5) *Ἐσχατιώτης*, 6) *Ἡρακλείδης*, 7) *Θεστιάδης*, 8) *Θρυήσιος* (у B. *Ὀρυήσιος*), 9) *Ἰακινθεύς* (у B. *Ὑακινθεύς*), 10) *Κλυμενεύς*, 11) *Σησταίδης* (l. 42, 87), 12) *Φυκαιεύς* (l. 20). Что эти дѣленія были дѣйствительно филами, доказывается самою надписью: *φυλὴ Ἡρακλειδῶν* (l. 36, 40, 66), *φυλὴ Σησταιδῶν* (l. 87). Насчетъ мѣстнаго характера ихъ также нельзя сомнѣваться: помимо имени „городской“ филы, въ пользу этого говоритъ происхожденіе ихъ названій отъ мѣстъ, извѣстныхъ намъ на островѣ

съ вышеупомянутыми тремя дорическими филами и фратріями можно констатировать и существованіе мѣстныхъ дѣленій — демовъ, къ коимъ обязанъ былъ приписаться всякій гражданинъ[1]). Дольше всего держался родовой строй и дѣленіе на родовыя единицы, служившія и для управленія и для военнаго устройства (т.-наз. *σταρτοί*), на о. Критѣ[2]), который вообще какъ въ культурѣ, такъ и въ государственныхъ учрежденіяхъ показываетъ весьма медленное развитіе и является отсталымъ по сравненію съ другими областями Эллады[3]).

(*Γύρα:* l. 93; *Δονακέα*. l. 3; *Ἐλειθυαῖον:* l. 102, 104, 107, 120; *Ἔσχατιά:* passim; *Ἰάκινθον:* l. 49, 115). Филѣ Гераклидовъ, коей имя патронимическое, принадлежитъ также извѣстный участокъ, называемый *ἐν Ἡρακλειδῶν* — совершенно соотвѣтственно аѳинскому термину *ἐν Σκαμβωνιδῶν:* родъ далъ имя своему полю, а по послѣднему было названо мѣстное дѣленіе гражданъ (срвн. въ Римѣ: gens Lemonia — pagus Lemonius — tribus Lemonia). Распадались ли эти филы по подобію аѳинскихъ на демы и должны ли быть за таковые (съ Буркгардтомъ) признаны упоминаемыя въ надписи мѣстечки (*ἐν Πανόρμῳ*: l. 14; *ἐν Νοθιαδῶν:* l. 29; *ἐν Βαλανείῳ:* l. 79 etc.), неизвѣстно и при маломъ объемѣ острова можетъ подлежать сомнѣнію. Городъ, дѣйствительно, былъ раздѣленъ по крайней мѣрѣ на 7 *τόνοι* или кварталовъ: упоминаются 2-ой, 3-ій, 5-ый, 6-ой, 7-ой (l. l. lin. 25, 110, 36, 45, 123).

[1]) На существованіе въ Эгинѣ дорическихъ филъ какъ-будто указываютъ слова Пиндара (fr. 4): *Σὺν θεῶν δέ νιν αἶσα Ὕλλου τε καὶ Αἰγιμίου Δωριεὺς ἐλθὼν στρατὸς ἐκτήσατο;* въ Кидоніи, колоніи Эгинетовъ (Strab. VIII, 6, 16, p. 376), извѣстна фила Гиллейцевъ (Hesych. s. v.). Филы, къ которымъ, какъ и къ демамъ, приписывались новые граждане (Rhangabé, Antiq. Hell., № 688; C. I. G. 2139 b), едва ли вмѣстѣ съ Буркгардтомъ (op. l., p. 16) можно принимать за эти дорическія — то были дѣленія территоріальныя. Единственный намъ извѣстный демъ — *Κωλιάδαι* (Röhl, I. G. A., № 352).

[2]) Срвн. вышеприведенную статью B. Haussoullier, Les trois tribus doriennes en Crète изъ Mélanges Renier, p. 365.

[3]) Тутъ не лишнимъ будетъ сопоставить тѣ разрозненныя свѣдѣнія, которыя имѣются относительно народныхъ дѣленій въ нѣкоторыхъ еще городахъ — исключены при этомъ: четыре древне-іонійскія филы, о коихъ рѣчь будетъ ниже (гл. II), и дѣленія въ мало-азіатскихъ городахъ не чисто греческаго происхожденія (въ томъ числѣ Милаза, Олимъ и Стратоникея въ Каріи). На о. Кеосѣ въ Іюлидѣ упоминаются *δημοτικά· Ὑλιχίδης* (Lebas, II, 1792, C. I. G. 2372 b Add.); *ἐκ Κολωνέων* (Lebas, II, 1793; Rhangabé, Antiq. Hell. 2025). Въ Милетѣ встрѣчается фила *Ἀσωτίς* или *Ἀσωπίς* (такъ читаетъ Böckh, C. I. G. 2855). Въ позднѣйшее время въ Милетѣ встрѣчаются филы, по названіямъ сходныя съ аттическими и также раздѣленныя на демы: *Πανδιονὶς, δῆμος Πιτέων* (Lebas, III, 242), *Ἀκαμαντὶς, δ. Τιχιεσσεῖς* (ibid. 238, cfr. 242), *Οἰνηὶς, δ. Καταπότια* (ibid. 242), *δῆμος Λέριοι* (ibid. 240). Въ Смирнѣ называются намъ двѣ филы: *Ἀμμωνιάς*

Такимъ образомъ мы изъ скудныхъ отрывковъ преданія постарались составить себѣ понятіе о томъ процессѣ, благодаря которому почти повсемѣстно въ Элладѣ родовой строй былъ ослабленъ и отодвинутъ на задній планъ, при чемъ мы указали на три главнѣйшихъ момента борьбы противъ него государства: 1) централизацію послѣдняго путемъ созданія городскихъ общинъ (при кажущемся сплоченіи родоваго строя или по крайней мѣрѣ его высшихъ единицъ въ ущербъ низшимъ); 2) ограниченіе самостоятельности родовыхъ дѣленій въ сферѣ самоуправленія, самосуда и владѣнія имуществомъ; 3) введеніе новаго принципа дѣленія гражданъ и новыхъ административныхъ единицъ (территоріальныхъ), смѣнившихъ для цѣлей государственнаго управленія прежнія родовыя и отчасти наполненныхъ новыми элементами населенія, отчасти же разъединившихъ и перемѣшавшихъ старые. Процессъ этотъ мы можемъ приписать приблизительно VII—VI в. до Р. Х., хотя онъ совершился, конечно, не всюду въ одно и то же время: раньше всего въ колоніяхъ, гдѣ уже при самомъ основаніи стеченіе разнородныхъ элементовъ должно было нарушить стройность родоваго строя и гдѣ раннее и блестящее развитіе промышленности и торговли способствовало развитію враждебной ему вообще демократіи, между тѣмъ какъ въ иныхъ странахъ паденіе родоваго принципа и побѣда надъ нимъ государственной

(C. I. G. 3264) и *Ἀρτεμεισιάς* (ibid. 3266), вѣроятно территоріальныя и притомъ довольно поздняго происхожденія, какъ показываетъ наименованіе одной изъ нихъ по Аммону. Область распадалась на *κῶμαι* и *χῶροι* (Lebas III, 1534: *οἱ χωρῖται τῶν Ζελειτῶν, οἱ κωμῆται οἱ Συκηνῶν*); комы упоминаются и въ Пріенѣ (ibid. 188). Въ Фокеѣ намъ засвидѣтельствована фила *Τευθαδέων* (C. I. G. 3415), *Ἀβαρνέων* (Hesych. s. v.) и двѣ другія, коихъ имена не дошли до насъ въ цѣлости (C. I. G. 3414 et Add.). Срвн. Burckhardt, op. l. p. 30. Въ Иліонѣ по разсчету Böckh'a (comm. ad C. I. G. 3599), сдѣланному на основаніи распредѣленія денежныхъ суммъ, было 10 филъ, изъ коихъ только три извѣстны намъ по имени: *Ἀλεξανδρὶς* (C. I. G. 3615), *Ἀτταλὶς* (C. I. G. 3616), *Πανθωὶς* (ibid. 3617); во главѣ каждой стоялъ филархъ (ibid. 3599). Особенно многочислены были филы въ мегарской колоніи Халкедонѣ. Уже Böckh (C. I. G. 3794) насчитывалъ ихъ семь: *Ἀσωποδωρὴα, Ἀτθὶς, Ἱππωνὴα, Καλλιχωρεᾶται, Πολητὴα, Σεπρο..., Τρίασπις*. Теперь же въ надписи у Collitz'a Gr. D. I. 3053 мы находимъ еще шесть, большею частью въ сокращеніяхъ: *Δίασπις, Δρο., Ἡρακλὴα, Ὀλιδνὴα, Παρτε., Ποττωι.*, и двѣ въ неизданной надписи: *Κεφαλὴα* и *Κρατεινὴα*.

власти совершились лишь медленно и поздно, такъ на о. Критѣ (вѣроятно, не раньше III—II в.)[1]).

Было бы, однако, ошибкой думать, чтобы гдѣ-либо родовой строй былъ вполнѣ уничтоженъ и отмѣненъ закономъ: не только низшія его единицы — роды — остались неизмѣнными надолго послѣ паденія независимости греческихъ республикъ, но и высшія дѣленія (фратріи и филы), хотя сохранившія лишь тѣнь прежняго своего значенія, продолжали существовать — государственная власть только подчинила ихъ своему вліянію и разрушила отчасти ихъ замкнутость введеніемъ въ нихъ новыхъ элементовъ. Это подтверждается примѣрами (отчасти выше указанными) изъ многихъ эллинскихъ государствъ, гдѣ мы не только можемъ констатировать существованіе этихъ дѣленій, но и обязательное въ нихъ зачисленіе всѣхъ гражданъ, даже вновь принятыхъ[2]).

Если государственная власть, даже одержавъ побѣду надъ родовымъ строемъ, не уничтожала его вполнѣ, то причиной этого было не пренебреженіе къ потерявшимъ всякое значеніе остаткамъ старины (вліянія они могли имѣть еще довольно, хотя и легально не формулированнаго), а несомнѣнно уваженіе къ тѣмъ религіознымъ функціямъ, которыя издревле, какъ мы видѣли, лежали на родахъ, фратріяхъ и филахъ. По античнымъ понятіямъ было немыслимо, чтобы какой-нибудь жертвенникъ бога или героя остался безъ должнаго культа, а правильный культъ могли воздавать ему лишь тѣ, которымъ онъ издревле по праву принадлежалъ въ силу закона наслѣдственности: уничтоженіе родовыхъ единицъ повлекло бы за собою запустѣніе массы алтарей, а послѣднее могло бы навлечь на страну и народъ пагубный для нихъ гнѣвъ оставшихся безъ культа демоновъ. Поэтому всюду государство слѣдило бдительно за тѣмъ, чтобы вслѣдствіе вымиранія родовъ не пришли нечаянно въ забвеніе ихъ культы — на обязанностяхъ особаго магистрата лежало попеченіе о ихъ цѣлости[3]). Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда въ виду особыхъ соображеній,

---

[1]) Срвн. H. Swoboda, Griech. Volksbeschl., p. 161.

[2]) Полное сопоставленіе всѣхъ относящихся сюда текстовъ большею частью порознь уже приведенныхъ, см. въ гл. III.

[3]) Въ Аѳинахъ на обязанности архонта (т. наз. эпонима) лежало попеченіе о томъ, чтобы дома не вымирали: *τὸ κοινὸν τῆς πόλεως οὕτω ταῦτ' ἔγνωκε· νόμῳ γὰρ τῷ ἄρχοντι τῶν οἴκων, ὅπως ἂν μὴ ἐξερημῶνται προστάττει τὴν ἐπιμέ-*

большею частью политическаго характера, казалось выгоднымъ какой-нибудь частный культъ рода или фратріи, пріобрѣвшій болѣе широкое распространеніе, болѣе общее уваженіе въ народѣ, сдѣлать обще-государственнымъ, въ большинствѣ случаевъ жречество даннаго бога или героя оставлялось наслѣдственнымъ въ родѣ его прежнихъ поклонниковъ, которые по древнимъ вѣрованіямъ имѣли болѣе тѣсное къ нему отношеніе и считались избраннымп самимъ божествомъ хранителями его священныхъ преданій. Примѣровъ этого можно было бы подыскать не мало изъ исторіи аѳинскихъ родовъ, но о нихъ намъ придется говорить дальше: достаточно будетъ указать здѣсь на таинства Деметры, принесенныя въ Гелу Телиномъ и наслѣдственныя въ его родѣ, на жречество Посейдона въ Галикарнассѣ, переходившее изъ поколѣнія въ поколѣніе въ родѣ, ведшемъ свое происхожденіе отъ Анѳея, миѳическаго основателя этого города, на спартанскіе культы Діоскуровъ и Посейдона, коими наслѣдственно завѣдывали двѣ семьи, которыя отъ этихъ боговъ и выводили свое происхожденіе (семья К. Юлія Еврикла и Тиб. Клавдія Аристократа)[1].

Другая болѣе внѣшняя причина прочности и устойчивости родоваго строя была указанная ограниченность античныхъ государствъ: въ областяхъ, простиравшихся во всѣ стороны не дальше одного дня пути для добраго пѣшехода, связь между родственниками, дѣйствительными или даже воображаемыми, должна была быть несравненно крѣпче, нежели это возможно на обширныхъ пространствахъ современныхъ государствъ, гдѣ иногда уже довольно близкіе родичи другъ друга даже почти не знаютъ, а тѣмъ болѣе о какой-нибудь солидарности въ интересахъ между ними и рѣчи не можетъ быть. Поэтому родовыя единицы, помимо функцій чисто религіозныхъ, продолжали играть извѣстную роль и въ политикѣ, даже послѣ того какъ ихъ значеніе, какъ административныхъ

λειαν (Isaei de Apollod. her. (VII), § 30, p. 103); срвн. комментарій Шёманна къ мѣсту (p. 369). Самый законъ: *ὁ ἄρχων ἐπιμελείσθω .... καὶ τῶν οἴκων τῶν ἐξερημουμένων* (Dem. in Macart. (XLIII), § 75, p. 1076).

[1]) Внукъ Еврикла (современника и любимца Августа: Strab. VIII, 5, 5, p. 366; Joseph. Antiq. XVI, 10, 1) К. Юлій Евриклъ Геркланъ считалъ себя въ 37-омъ поколѣніи потомкомъ Діоскуровъ, коихъ былъ жрецомъ (Lebas, II, 2. Expl. 245 b). Срвн. Weil, Die Familie des C. Jul. Eurykles въ Mitth. VI, p. 10. Насчетъ Тиб. Клавдія Аристократа: C. I. G. 1374 и комментарій Бёка къ C. I. G. 1340.

дѣленій, перешло къ территоріальнымъ дѣленіямъ: роль эту нельзя ни доказать, ни пояснить примѣрами, такъ какъ она носила на себѣ характеръ неоффиціальности, иногда можетъ быть, даже противозаконности, но отрицать ея ни въ какомъ случаѣ нельзя — при томъ большомъ развитіи и значеніи, которое пріобрѣли политическія гетеріи въ Аѳинахъ и въ другихъ греческихъ государствахъ, было бы даже страннымъ, если бы естественною такъ сказать гетеріею, скрѣпленною родственными и религіозными узами, не воспользовались бы для цѣлей и задачъ политическихъ.

При разсмотрѣніи родоваго строя мы уже имѣли случай обратить вниманіе на его религіозную сторону и на то значеніе, которое эта послѣдняя имѣла по отношенію къ государству, не только сохранивши свою неприкосновенность отъ его вмѣшательства, но даже заставивъ его, такъ сказать, преклониться передъ своею святостью. При этомъ о какой бы то ни было борьбѣ и рѣчи не могло быть: государственная власть, стараясь въ своихъ интересахъ ослабить или даже уничтожить политическое значеніе родоваго строя, вовсе и не пыталась коснуться его религіознаго авторитета, напротивъ поддерживала его и ради него сохранила и внѣшнія формы древняго института[1]) — всякій аѳинянинъ, какъ извѣстно, домогавшійся какой-нибудь должности, обязанъ былъ утвердительно отвѣтить на вопросъ, чтитъ ли онъ Аполлона отцовскаго и Зевса, хранителя домашняго очага *(Ἀπόλλων πατρῷος καὶ Ζεὺς ἑρκεῖος)*.

Въ этомъ уже сказывается отношеніе между религіей и государствомъ, которое въ древности было совершенно иное, нежели въ новѣйшемъ мірѣ. Коротко говоря, древность не знала того, что мы разумѣемъ подъ словомъ „церковь“, никакого антагонизма между ея авторитетомъ и государственною властью быть не могло, религія и государство были понятіями, если не тождественными, то совмѣщающими другъ друга[2]). Сократъ, какъ извѣстно, обви-

[1]) Plat. de Legg. VI, p. 759 B: *οἷς μὲν εἰσι πάτριαι ἱερωσύναι καὶ αἷς, μὴ κινεῖν.*

[2]) На подобное отношеніе между государствомъ и религіей указывалъ уже Fustel de Coulanges (la cité antique pass.), одобренный и v. Wilamowitz'емъ (Kydath. p. 3, not. 3); Jules Martha (Les sacerdoces athéniens 1882, p. 9) говоритъ: „Rien ne séparait, rien ne distinguait même, à Athènes, à Sparte, à Thèbes et

нялся въ томъ, что онъ не чтитъ боговъ, признанныхъ общиной, а вводитъ новыхъ: *οἱ θεοὶ οὓς ἡ πόλις νομίζει* [1]) — выраженіе въ высшей степени характерное, въ коемъ вполнѣ сказывается совершенно равноправное отношеніе между богами и городомъ, его нельзя передавать (какъ это иногда дѣлается) на новѣйшіе языки оборотомъ въ родѣ „господствующей религіи“ или „признанной государствомъ церкви“ — не о догматахъ тѣхъ или иныхъ, не о формахъ культа здѣсь идетъ рѣчь, а о самомъ существѣ боговъ, которые приняты общиной, живутъ въ ней, можно даже сказать, для нея существуютъ не въ силу своего вездѣсущія и всемогущества, а лишь по ея милости, какъ наоборотъ община въ свою очередь существуетъ только подъ ихъ покровительствомъ [2]).

Въ виду этого можно привесть не одинъ примѣръ того, что государства оффиціально принимали въ число признанныхъ новое божество, точно такъ же, какъ бывали, хотя и гораздо рѣже, случаи противоположные: такъ жители города Амфиполя послѣ отпаденія отъ Аѳинъ отмѣнили культъ, воздаваемый Гагнону, какъ основателю общины *(οἰκιστής)*, „полагая, что онъ имъ будетъ менѣе благосклоненъ“ (какъ аѳинянинъ), и перенесли всѣ его почести и ежегодныя жертвоприношенія на спартанца Бразида; извѣстно также, какъ подобнымъ образомъ сикіонскій тиранъ Клисѳенъ изгналъ изъ города аргивскаго героя Адраста, перенесши его культъ на его противника, ѳиванца Меланиппа [3]).

Какъ тѣсно были связаны чтимыя божества съ признававшей ихъ страною, доказывается общеизвѣстнымъ фактомъ, что вмѣстѣ

---

partout en Grèce, l'État de la religion, le principe civil du principe religieux. Ce sont là des distinctions toutes modernes, que les Grecs ne connaissaient pas et qu'ils n'étaient pas capables de comprendre. A plus forte raison ne pouvaient-ils concevoir ni opposition d'intérêts, ni conflits, ni subordination de l'une à l'autre, entre la religion et la politique“.

[1]) Diod. Laert. II, 40.

[2]) Интересны тѣ строгіе законы, которые издаетъ ученикъ Сократа Платонъ противъ *τὸν φανέντα κεκτημένον ἕτερα* (*ἱερὰ*) *καὶ ὀργιάζοντα πλὴν τὰ δημόσια* (de Legg. X, 910 c). Срвн. Foucart, Associations religieuses, p. 117.

[3]) Thucyd. V, 11, 1: *Ἄγνωνα κατὰ τὸ πολέμιον Ἀθηναίων οὐκ ἂν ὁμοίως σφίσι ξυμφόρως οὐδ' ἂν ἡδέως τὰς τιμὰς ἔχειν.* Herodot. V, 67: *Κλεισθένης ἐλθὼν ἐς Δελφοὺς ἐχρηστηριάζετο, εἰ ἐκβάλοι τὸν Ἄδρηστον· ἡ δὲ Πυθίη οἱ χρᾷ φᾶσα Ἄδρηστον μὲν εἶναι Σικυωνίων βασιλέα, ἐκεῖνον δὲ λευστῆρα.... θυσίας τε καὶ ὁρτὰς Ἀδρήστου ἀπελόμενος ἔδωκε τῷ Μελανίππῳ.*

съ послѣдней и они попадали, такъ сказать, въ плѣнъ къ побѣдителю: особенно характерно сказывается это въ латинской формулѣ сдачи города (deditio), гдѣ все божеское наравнѣ съ человѣческимъ (divina humanaque omnia) передается врагу; но и въ Элладѣ мы знаемъ примѣры, когда культы покоренныхъ государствъ принимали на себя завоеватели — собственно они должны были уничтожиться вмѣстѣ съ паденіемъ общины, ихъ совершавшей, но религіозный страхъ *(δεισιδαιμονία)* препятствовалъ побѣдителямъ предать ихъ забвенію, такъ какъ они боялись возстановить противъ себя гнѣвъ могущественныхъ демоновъ[1]). Вообще ни догматики не существовало въ античномъ богослуженіи, ни настоящаго ученія религіознаго, поэтому немыслимы были ни религіозные споры, ни расколы, — Аристотель, упоминая о разныхъ причинахъ внутреннихъ распрей *(στάσις)*, ни однимъ словомъ не касается подобныхъ мотивовъ — ни въ сущности религіозныя войны: всѣ такъ наз. священныя войны велись не изъ-за какихъ-нибудь ересей, а изъ-за весьма реальныхъ имущественныхъ споровъ всѣми признаннаго и уважаемаго святилища[2]).

Въ виду этого и особаго сословія жрецовъ, которые толковали бы свѣтскимъ людямъ догматы религіи, образоваться не могло, такъ какъ не было и нуждавшагося въ поясненіи ученія. Были, правда, священныя традиціи относительно культа того или другаго божества, которыя хранились въ извѣстныхъ родахъ и потому давали

---

[1]) Liv. I, 38, 2. Въ аѳинскомъ народномъ рѣшеніи относительно посылки колоніи въ Брею (C. I. A. I, 31) опредѣляется: *τὰ τεμένη τὰ ἐξῃρημένα ἐᾶν καθάπερ ἔστι καὶ ἄλλα μὴ τεμενίζειν*. При основаніи клерухіи аѳинской на Лесбосѣ изъ 3000 надѣловъ 300 было предоставлено богамъ (Thucyd. III, 50, 2). Платейцы, умоляя лакедемонянъ пощадить ихъ городъ, какъ самый убѣдительный доводъ выставляютъ: *ἱερά τε θεῶν οἷς εὐξάμενοι Μήδων ἐκράτησαν ἐρημοῦτε, καὶ θυσίας τὰς πατρίους τῶν ἐσσαμένων καὶ κτισάντων ἀφαιρήσεσθε* (Thucyd. III, 58, 5).

[2]) Cfr. Bradley, Staatsl. d. Aristot., p. 9: „Die griechische Religion wusste weder etwas von einer anerkannten orthodoxen Lehre noch von einem anerkannten Interpreten dieser Lehre. Ein Grieche hatte keine Kirche. Folglich existierte eine der ergiebigsten Quellen des Konfliktes im modernen Staatsleben in Hellas nicht. Nichts in der griechischen Geschichte ist auch nur analog den Kämpfen zwischen Kirche und Staat, den Religionskriegen Deutschlands und Frankreichs, oder selbst der halbtheologischen „Grossen Rebellion“, und in Aristoteles Verzeichniss der Ursachen der *στάσις*, des inneren Zwistes, ist die Religion kaum erwähnt“.

членамъ ихъ преимущественное право на исполненіе жреческихъ обязанностей[1]); но не только эти лица ничѣмъ не выдѣлялись изъ ряда прочихъ гражданъ, кромѣ нѣкоторымъ почетомъ, но и между собою они не могли чувствовать никакой солидарности сословныхъ интересовъ, а скорѣе относились другъ къ другу съ извѣстной непріязнью и соперничествомъ[2]).

Исключеніе составляютъ лишь нѣкоторые обще-признанные центры религіознаго культа, гдѣ вся государственная жизнь, можно сказать, сосредоточилась и поглотилась въ одномъ святилищѣ, напр. въ Дельфахъ, отчасти въ Олимпіи и Делосѣ: здѣсь должно было, конечно, выработаться извѣстное ѳеократическое направленіе въ политикѣ и развиться сильное жреческое сословіе, такъ какъ всѣ граждане либо сами принимали дѣятельное участіе въ культѣ въ качествѣ высшихъ и низшихъ служителей, либо извлекали изъ него прямыя и косвенныя выгоды. Они были *ἱεροὶ τοῦ θεοῦ*[3]). Но подобное положеніе вещей могло выработаться лишь въ маленькомъ государствѣ, гдѣ не только его значеніе, но часто и неприкосновенность зависѣли отъ уваженія, оказываемаго его центральному святилищу иностранными, болѣе могущественными общинами, которыя съ своей стороны находили политическій

---

[1]) Объ этихъ *πάτριαι ἱερωσύναι* (Plat. de legg., VI, p. 759 B, Arist. Athen. pol. fr. 385 = Lex. Dem. Patm., p. 152 Sakk.) срвн. J. Martha, op. l., p. 14, 35. J. Töpffer, Attische Geneal. pass.

[2]) Особой касты жрецовъ, какъ ее принимали нѣкоторые ученые, въ Греціи не существовало; единственное мѣсто, которое они могутъ привесть въ свою пользу, — слова египетскаго жреца, обращенныя къ Солону у Платона (Tim. p. 24, A): *πολλὰ γὰρ παραδείγματα τῶν τότε παρ' ὑμῖν ὄντων ἐνθάδε νῦν ἀνευρήσεις, πρῶτον μὲν τὸ τῶν ἱερέων γένος ἀπὸ τῶν ἄλλων χωρὶς ἀφωρισμένον.* Но это сужденіе стоитъ въ связи съ предвзятымъ взглядомъ, по коему всѣ элементы греческой культуры были заимствованы изъ Египта, и сами Аѳины являлись колоніею Саиса, т.-е. младшей столицы царства фараоновъ! Тенденція эта проявлялась уже во многихъ мѣстахъ у Геродота и находила себѣ и послѣ него многихъ поклонниковъ. Теперь никто не повѣритъ египетскому происхожденію аѳинянъ (развѣ финикійскому!) — отвергая одну половину свидѣтельства Платона, нельзя принимать другой. Болѣе согласно съ эллинскими взглядами судилъ его неглубокомысленный современникъ Исократъ, когда говорилъ: *τὴν βασιλείαν ὥςπερ ἱερωσύνην παντὸς ἀνδρὸς εἶναι νομίζουσιν* (Isocr. in Nicocl. (II) § 6, p. 16).

[3]) По преданію у Геродота (VI, 97) Датисъ пригласилъ бѣжавшихъ жителей Делоса вернуться на родину, назвавъ ихъ: *Ἄνδρες ἱροί.*

интересъ въ поддержаніи такого религіознаго центра. Какъ уже сказано, подобныя государства являются лишь исключеніями изъ общаго правила, что въ античномъ государствѣ не было замкнутаго жреческаго сословія, которое бы преслѣдовало особые интересы личные и являлось представителемъ своеобразныхъ политическихъ направленій.

На этомъ положеніи, хотя оно кажется очевиднымъ, мы кладемъ особое ударепіе, потому что даже такой знатокъ греческой исторіи, какъ проф. Эрнстъ Курціусъ, принимаетъ существованіе какой-то „жреческой партіи“ въ Аѳинахъ, которой онъ даже находитъ возможнымъ приписать разныя мѣропріятія политическаго характера; примѣръ маститаго ученаго, конечно, увлекъ за нимъ массу послѣдователей, которые оперируютъ аѳинской жреческой партіей совершенно беззастѣнчиво, какъ величиной вполнѣ опредѣленной, не затрудняя себя нисколько вопросомъ, изъ кого же состояла эта партія, кто былъ ея вождями, какія она преслѣдовала политическія тенденціи[1])? Что аѳинскіе аристократы, противники Перикла и вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдственные носители священныхъ традицій государственныхъ культовъ, при случаѣ готовы были воспользоваться и религіозными мотивами для возбужденія толпы противъ него и его друзей, это весьма понятно, но не даетъ намъ еще права назвать ихъ жреческой партіей. Если считаютъ ихъ вождемъ Діопиѳа, то можно указать на то, что не меньшимъ авторитетомъ въ религіозныхъ дѣлахъ пользовался Лампонъ, другъ Перикла, игравшій видную роль при проведеніи двухъ мѣропріятій, изъ коихъ одно (основаніе колоніи въ Ѳуріяхъ въ ю. Италіи) несомнѣнно, а другое (законъ объ элевсинской десятинѣ) по всей вѣроятности было задумано по иниціативѣ самого Перикла[2]); кромѣ того извѣстны тѣ насмѣшки, коими его и его собратьевъ осы-

[1]) E. Curtius, Gr. Gesch. II, p. 377; M. Duncker, Gesch. d. Alt. IX, p. 345 (оба еще въ очень осторожныхъ выраженіяхъ говорятъ лишь объ „Anhänger der väterlichen Religion“). До какихъ крайностей доведена эта идея у нѣкоторыхъ ученыхъ-дилеттантовъ можетъ показать одна изъ многихъ фразъ автора „Демократіи“ Jul. Schvarcz'a: Die Eumolpiden und die sonstigen Spürhunde der athenischen Inquisition (op. l. I, p. 221).

[2]) Plut. v. Pericl. 32. Съ Діопиѳомъ сопоставляетъ Лампона Аристофанъ какъ самыхъ выдающихся *χρησμολόγοι:* Arist. Av. 983. Объ основаніи колоніи въ Ѳуріяхъ: Diodor. XII, 10; Plut. v. Per. 11; Schol. Arist. Nub. 332; Av. 521. Срвн. диссертацію Pappritz'a Thurii (Berl. 1891), p. 20. Объ участіи Лампона въ де-

наетъ Аристофанъ, несомнѣнный сторонникъ аристократической партіи, т.-е. именно той, во главѣ которой будто-бы стоялъ Лампонъ[1]). Наконецъ, о какой-нибудь опредѣленной политической программѣ этой мнимой партіи и рѣчи быть не можетъ: или мы ей припишемъ ѳеократическія стремленія? Само собою разумѣется, что въ вопросахъ, касавшихся культовъ и жертвоприношеній, часто обращались за совѣтомъ къ жрецамъ или особенно чтимымъ прорицателямъ[2]), но они имѣли не большій авторитетъ, нежели и эксперты всякаго другаго рода: въ дѣлахъ военныхъ — стратеги, при общественныхъ постройкахъ — извѣстные архитекторы и т. д.

Притомъ и въ вопросахъ чисто религіозныхъ при какомъ-нибудь сомнѣніи государства предпочитали обращаться не къ своимъ собственнымъ жрецамъ, не желая давать имъ слишкомъ большаго вліянія на дѣла или не довѣряя ихъ безпристрастію, а къ общепризнанному авторитету Додонскаго или Дельфійскаго оракуловъ. Такъ въ одномъ городѣ Іоніи для прекращенія долговременнаго безплодія попросили совѣта у послѣдняго, который повелѣлъ ввести отъ имени государства культъ Діониса и выписать трехъ жрицъ изъ Ѳивъ, какъ древнѣйшаго мѣста его поклоненія[3]). Подобнымъ же образомъ и Платонъ въ „Законахъ“ предписываетъ всѣ частности въ культѣ вновь созидаемаго государства препоручить мудрости Дельфійскаго бога[4]).

Впрочемъ, было бы крайне ошибочно приписывать и его ора-

кретѣ объ элевсинской десятинѣ: C. I. A. IV, 2, 276 = Ditt. S. I. G. 13), lin. 47, 60. Сама мѣра, особенно приглашеніе, обращенное ко всѣмъ эллинамъ, участвовать въ *ἀπαρχαί*, была въ духѣ Перикла, который призывалъ, вѣдь, всѣхъ эллиновъ совѣщаться въ Аѳинахъ насчетъ возобновленія храмовъ, разрушенныхъ персами: Plut. v. Pericl. 17.

[1]) Phrynich. fr. 9 K. (Sch. Arist. Av. 988); Telecl. fr. 6 (ibid.); Ameips. fr. 10 (ibid.); Aristoph. Eqq. 1085; Aves, 983; Vesp. 380.

[2]) Въ только что приведенномъ декретѣ объ элевсинской десятинѣ говорится: *περὶ δὲ τοῦ ἐλαίου τῆς ἀπαρχῆς ξυγγράψας Λάμπων ἐπιδειξάτω τῇ βουλῇ.*

[3]) Точно также въ городѣ Tralles Пиѳійскій Аполлонъ велѣлъ ради спасенія города (*ὑπὲρ τῆς σωτηρίας τῆς πόλεως*) ввести культъ Посейдона *Σεισίχθονος* (B. d. C. H. V, p. 340).

[4]) Plat. de Legg. IX, 8, p. 865 B; VIII, init. 828: *Τούτων μὴν ἐχόμενά ἐστι τάξασθαι μὲν καὶ νομοθετήσασθαι ἑορτὰς μετὰ τῶν ἐκ Δελφῶν μαντειῶν αἵτινες θυσίαι καὶ θεοῖς οἵστισιν ἄμεινον καὶ λῷον θυούσῃ τῇ πόλει γίγνοιτ' ἄν.* Лоняне также религіозныя учрежденія устанавливали *κατὰ τὰ πάτρια καὶ κατὰ μαντείαν:* cfr. C. I. A. II, 162 (Add. p. 411); Ps.-Xen. *Πόροι*, 6.

кулу слишкомъ большое вліяніе на внутреннія дѣла греческихъ общинъ, хотя бы и религіозныя[1]): часто напр. повторялось разными учеными, что Клисѳенъ для проведенія своихъ реформъ въ Аѳинахъ заручился одобреніемъ Пиѳіи, а между тѣмъ изъ аѳинской Политіи Аристотеля оказывается, что ей былъ предоставленъ лишь выборъ героевъ-эпонимовъ для десяти новыхъ филъ, притомъ изъ числа 100 именъ, предложенныхъ самимъ законодателемъ[2]). Сверхъ того, вполнѣ довѣряя мудрости и истинѣ божественныхъ откровеній оракуловъ, античныя государства относились весьма скептически къ правдивости ихъ жрецовъ и всячески старались оградить себя отъ возможности съ ихъ стороны обмана и тенденціознаго вмѣшательства въ общественныя дѣла; поэтому они старались заставить ихъ давать свои отвѣты, такъ сказать, въ темную, при чемъ богъ-прорицатель, какъ всевѣдающій, могъ понять заданный ему вопросъ и отвѣтить на него соотвѣтствую-

---

[1]) Значеніе Дельфійскаго оракула для внутреннихъ дѣлъ греческихъ общинъ, особенно въ дѣлѣ основанія колоній очень преувеличивали A. Böckh (Expll. ad Pind. p. 288), K. O. Müller (Dorier, I, p. 250), Preller (Delphi въ Pauly's Real-Encyclopädie, II, p. 904), E. Curtius (Gr. Gesch. I, p. 464), который дошелъ до того, что объявилъ (p. 538): „Was seit dem neunten Jahrhunderte aus dem europäischen Hellas geworden und in demselben geschehen ist, seine auf allen Gebieten des geistigen Lebens, in Religion und sittlicher Weltanschauung, in Staatsverfassung, Bau- und Bildkunst, in Musik und Poesie ausgeprägte Volksthümlichkeit so wie der bewusste Gegensatz den Barbaren gegenüber war im Wesentlichen das Ergebniss des Einflusses von Delphi". Противъ подобныхъ ни съ чѣмъ несообразныхъ преувеличеній срвн. сжатую, но мѣткую критику A. Holm'a (Gr. Gesch. I, Cap. 19, p. 276, Anm 8—14).

[2]) Такъ уже Павсаній говоритъ (X, 10, 1): *οὗτοι* (10 эпонимовъ) *καὶ φυλαῖς Ἀθήνῃσιν ὀνόματα κατὰ μάντευμα ἔδοσαν τὸ ἐκ Δελφῶν*. Но особенно сторонники вліянія Дельфійскаго оракула ссылаются на панаѳенейскую рѣчь Аристида (p. 336): *ὁ δέ γε αὐτὸς οὗτος θεὸς τάς τε φυλὰς φαίνεται διελὼν τῇ πόλει καὶ τὰ γένη καὶ τὰς ἑκάστοις προσηκούσας θυσίας θύειν ἀναθείς, ... καὶ τὴν ἄλλην πολιτείαν σχεδὸν ἅπασαν διορίσας αὐτοῖς*. Эти свидѣтельства разбиваются объ ясныя слова Аристотеля (Ath. Pol. § 21): *ταῖς δὲ φυλαῖς ἐποίησεν ἐπωνύμους ἐκ τῶν προκριθέντων ἑκατὸν ἀρχηγητῶν οὓς ἀνεῖλεν ἡ Πυθία δέκα* — непонятно, какъ въ угоду предвзятому мнѣнію такой ученый какъ Gomperz (D. Rundschau, Mai 1891, p. 229) можетъ дѣлать даже филологически неправильный выводъ: „Das nationale Heiligthum von Delphi versagte nicht seine Mitwirkung an dieser radicalen Neuerung. Das Orakel nannte die Namen von hundert Heroen oder Halbgöttern, aus welchen das Loos zehn als Schutzpatrone der neuen Stämme auslas".

щимъ образомъ, а жрецы не въ состояніи были исказить въ своихъ интересахъ оракула: весьма поучительныя указанія въ этомъ духѣ даетъ недавно опубликованная съ ученымъ комментаріемъ Foucart'а надпись изъ Элевсина[1]), столь характерная, что не лишнимъ будетъ вкратцѣ привесть ея содержаніе, какъ нельзя лучше опровергающее всѣ теоріи о какомъ-нибудь вліяніи жрецовъ на государственную политику. Вопросъ, подлежащій рѣшенію, состоитъ въ томъ, слѣдуетъ ли поле, принадлежащее элевсинскимъ богинямъ (такъ наз. *Ὀργάς*) оставить попрежнему невоздѣланнымъ или же отдать въ аренду и полученною платою воспользоваться для священныхъ цѣлей; оба эти вопроса записываются на металлическихъ пластинкахъ одинаковаго вида, которыя затѣмъ, свернутыя въ трубочки и обмотанныя шерстью, опускаются въ мѣдный сосудъ и тамъ перемѣшиваются; вынутыя изъ него порознь, онѣ вкладываются въ два различныхъ сосуда, золотой и серебрянный, которые послѣ этого запечатываются государственною печатью: тогда только избранное посольство отправляется въ Дельфы, чтобы вопросить оракулъ не о томъ, какому принципу должно слѣдовать относительно пользованія священной землей, а который изъ сосудовъ лучше и полезнѣе будетъ открыть, чтобы воспользоваться заключеннымъ въ немъ предписаніемъ. Конечно, ни послы, отправляемые въ Дельфы, ни тѣмъ болѣе жрецы, ими вопрошаемые, не могли знать, въ какомъ сосудѣ какая хранится табличка и къ чему приведетъ данный отъ имени Аполлона оракулъ, — никакое постороннее вмѣшательство между богомъ и общиной не было мыслимо.

Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же примѣръ указываетъ намъ на общее всѣмъ древнимъ общинамъ правило, что все имущество, недвижимое и движимое, принадлежавшее признаннымъ государствомъ святилищамъ, находилось въ распоряженіи общины и состояло подъ его управленіемъ, а не въ вѣдѣніи жреца или жреческой коллегіи. Фактъ этотъ, играющій громадную роль при опредѣленіи отношеній между жречествомъ и государствомъ, засвидѣтельствованъ намъ не только для Аѳинъ многими извѣстіями и документами, но и для другихъ греческихъ общинъ: напр. въ святилищѣ Аполлона

[1]) Эта надпись была первоначально опубликована Foucart'омъ въ газетѣ *Ἐφήμερις* отъ 31 мая 1889 г. (трудно доступной статьей я обязанъ любезности издателя), а затѣмъ имъ же въ B. d. C. H. XIII. p. 433.

на о. Делосѣ все управленіе какъ денежными средствами, такъ и священною утварью, а также попеченіе о ремонтѣ и постройкѣ священныхъ зданій было передано въ руки четырехъ государственныхъ магистратовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ *ἱεροποιοί*, — жрецъ Аполлона наблюдалъ лишь за внѣшнимъ порядкомъ въ святилищѣ и за правильнымъ исполненіемъ религіозныхъ обрядовъ[1]).

Даже устройство и завѣдываніе большихъ празднествъ, совершаемыхъ въ честь боговъ государствомъ *(δημοτελῆ)*, игравшихъ такую видную роль въ жизни древнихъ народовъ, было поручено не священнослужителямъ даннаго божества, какъ бы слѣдовало этого ожидать, а выборнымъ, притомъ лишь на одинъ разъ, магистратамъ общины: въ Аѳинахъ эти обязанности были возложены частью на архонта и царя, частью на агоноѳета и аѳлоѳетовъ или эпимелетовъ; этихъ же магистратовъ съ подобными же функціями мы находимъ и въ другихъ эллинскихъ городахъ; въ Римѣ ихъ роль исполняли городской преторъ и эдилы, курульные и плебейскіе; нигдѣ мы не знаемъ примѣра, гдѣ бы жрецъ какой-нибудь устраивалъ бы празднества или отъ имени государства давалъ бы игры[2]). И не только въ общинахъ съ политической независимостью роль жрецовъ была такъ ограничена: въ частныхъ также религіозныхъ обществахъ *(θίασοι)* и внутри родовыхъ единицъ священнослужителямъ было препоручено лишь исполненіе внѣшнихъ обрядностей культа, все же управленіе, особенно финансовое, и наблюденіе за правильностью богослуженія и здѣсь лежало на особыхъ сановникахъ, выбранныхъ изъ числа всѣхъ членовъ и передъ ними отвѣтственныхъ[3]).

---

[1]) Общій очеркъ всѣхъ сюда относящихся вопросовъ и особенно болѣе обстоятельное изложеніе администраціи делосскаго храма можно найти въ моей диссертаціи: V. de Schöffer, De Deli insulae rebus (Berl. 1889), гдѣ указана и предшествующая литература. Чрезвычайно цѣнны статьи Th. Homolle'я (ведшаго и раскопки на Делосѣ) въ B. d. C. H. VI, p. 1—167; XIV, p. 389—511; XV, p. 113—168. Насчетъ Аѳинъ приводить отдѣльные документы было бы излишне, достаточно указать на слова Эсхина (in Ctes. 18, p. 405): *τοὺς ἱερέας ὑπευθύνους εἶναι κελεύει ὁ νόμος τοὺς τὰ γέρα μόνα λαμβάνοντας καὶ τὰς εὐχὰς ὑπὲρ ὑμῶν πρὸς τοὺς θεοὺς εὐχομένους .... οὐ τὰ κοινὰ διαχειρίσαντας.*

[2]) Срвн. Aristot. Ath. Pol. §§ 56, 57, 60. Относительно другихъ государствъ греческихъ эпиграфическій матеріалъ такъ обширенъ, что привести даже цитаты невозможно.

[3]) Foucart, Associations religieuses, p. 50. Въ каждомъ аѳинскомъ родѣ рядомъ съ начальникомъ (*ἄρχων τοῦ γένους*) стоялъ жрецъ (*ἱερεύς*): срвн. списокъ

Такимъ образомъ мы видимъ, что всѣ прерогативы, которыя нынѣ считаются болѣе или менѣе неотъемлемою принадлежностью церкви, установленіе догматовъ, ученіе и изъясненіе истинъ религіозныхъ, завѣдываніе имуществомъ священнымъ, наблюденіе за благолѣпіемъ богослуженія, кромѣ совершенія нѣкоторыхъ обрядовъ, однимъ словомъ — все попеченіе о религіи и культѣ было изъято изъ вѣдѣнія или, вѣрнѣе сказать, никогда не принадлежало опредѣленному и замкнутому жреческому сословію въ древнихъ общинахъ Эллады и Италіи, а всецѣло было подчинено авторитету государственной власти, который былъ вполнѣ одинаковъ и безразличенъ для дѣлъ какъ свѣтскихъ, такъ и религіозныхъ, при чемъ послѣднія пользовались лишь тѣмъ предпочтеніемъ, что обыкновенно ихъ въ ряду текущихъ дѣлъ ставили первыми, divina шли впереди humana[1]).

Изъ сказаннаго нельзя, однако, выводить заключенія, чтобы въ античномъ государствѣ религія отступала на задній планъ и вполнѣ подавлялась интересами свѣтскими. Напротивъ между *ἱερὰ καὶ ὅσια*, divina et humana, въ древности вовсе не существовало

членовъ рода Аминандридовъ (C. I. A. III, 1276). Объ отношеніяхъ жрецовъ къ демархамъ и казначеямъ въ демахъ, срвн. напр. постановленіе относительно святилища Аполлона Эрифазійскаго (C. I. A. II, 841 = Ditt. S. I. G. 359) и вообще: Haussoullier, La vie municip. en Attique, p. 147; объ управленіи финансовомъ по демамъ — ibid. p. 62; особенно характерна въ этомъ отношеніи роспись расходовъ дема Плотеи (C. I. A. II, 570), гдѣ даже не упоминаются жрецы, между тѣмъ какъ по постановленію дема Мирринунта (C. I. A. II, 578) жрецы могли давать священные капиталы взаймы. Демархъ же вмѣстѣ съ казначеями и хореги заботятся о благолѣпіи и своевременномъ совершеніи празднествъ: срвн. декретъ изъ Мирринунта и разсужденія Haussoullier (op. l., p. 162). Характеристику положенія жрецовъ можно найти у Martha (Sacerdoces athéniens pass.), у Reinach'a (Traité d'épigraphie grecque. Introd. Chap. II, p. 67) и у Schömann'a (Gr. Alt. II, p. 392 — краткій, но превосходный очеркъ).

[1]) Aristot. Ath. Pol. § 43. Извѣстна привилегія, по которой частному лицу (иностранцу) даруется *πρόσοδος πρὸς τὴν βουλὴν καὶ τὸν δῆμον, πρώτῳ μετὰ τὰ ἱερά* (во множествѣ т. наз. Proxenie-Decrete). Насчетъ послѣдняго термина можетъ быть сомнѣніе, означаетъ ли онъ: „послѣ жертвъ“ (совершаемыхъ при началѣ всякаго народнаго собранія) или „послѣ дѣлъ священныхъ“ (Reinach, Traité, p. 345). Послѣднее толкованіе должно считаться болѣе правильнымъ: во-первыхъ, до совершенія установленныхъ жертвъ не могло рѣшаться ни одно дѣло, слѣдовательно и особенно отмѣчать этого не было никакой необходимости; во-вторыхъ, иногда указанный терминъ замѣняется болѣе пространной формулой, *μετὰ τὸν χρηματισμὸν τὸν περὶ τῶν ἱερῶν* (C. I. G. 3640).

такой противоположности, такого контраста какъ между словами „духовный“ и „свѣтскій“ въ наше время: античные термины не столько противополагаются другъ другу, сколько сопоставляются (такъ что въ большинствѣ случаевъ они употребляются въ тѣсной связи), потому что они и выражаютъ не различные, иногда враждебные другъ другу, принципы, а скорѣе неразрывно соединенныя двѣ стороны одного и того же понятія[1]).

Напомнимъ здѣсь только о безчисленныхъ мріадахъ высшихъ существъ, боговъ, героевъ, демоновъ, подъ чьимъ вѣдѣніемъ и покровительствомъ находилось каждое мѣстечко въ странѣ, каждый актъ въ жизни человѣка отъ колыбели до могилы и даже за нею: вспомнимъ о томъ, что въ древности переходъ отъ человѣческаго къ божественному былъ гораздо непосредственнѣе, что каждый усопшій становился „великимъ богомъ“ для большаго или меньшаго числа лицъ, смотря по своему положенію и вліянію во время земнаго существованія[2]); что наоборотъ безчислены были тѣ случаи, когда по общему вѣрованію боги и герои въ видимыхъ человѣческихъ образахъ оказывали помощь своимъ благочестивымъ поклонникамъ и поражали собственноручно своихъ враговъ[3]), — тогда намъ станетъ понятно то глубокое, всестороннее и непосредственное вліяніе, которое религія оказывала на всю жизнь античнаго общества; мы поймемъ, въ силу чего не только частный человѣкъ, но и государства не рѣшались начинать никакого хоть нѣсколько важнаго дѣла, не заручившись яснымъ доказательствомъ божескаго соизволенія, не испросивши въ сомнительныхъ случаяхъ прямаго указанія. Однимъ словомъ весь античный міръ одерживала т.-наз. *δεισιδαιμονία*: несправедливо было бы передавать это понятіе на русскій языкъ, какъ это часто дѣлается, словомъ „суевѣріе“ — пусть многія проявленія этого чувства и кажутся намъ ничѣмъ

---

[1]) Лучшее доказательство мы находимъ въ томъ, что *ὅσιος* собственно значитъ „установленный, освященный божествомъ“, и почти только въ соединеніи *ἱερὰ καὶ ὅσια* получаетъ значеніе „узаконеннаго свѣтскою властью“.

[2]) Срвн. объ этихъ вопросахъ прекрасное (еще неоконченное) изслѣдованіе E. Rhode, Psyche (Freib. 1890), особенно главы: Heroen, Seelencult (p. 137, 187).

[3]) Легендъ по этому поводу безчисленное множество: напомнимъ лишь о героѣ Эхетлѣ въ преданіи о марѳонской битвѣ (Paus. I, 15, 3; 32, 5), о чудесномъ спасеніи Дельфъ отъ войска персовъ (Herodot. VIII, 39) и галловъ Бренна (Paus. VIII, 10, 9; X, 23, 2), объ участіи Діоскуровъ въ битвѣ при Региллѣ (Cic. d. nat. d. 2, 2, 6; Dionys. Antiq. VI, 13; Plut. v. Aem. Paul. 25).

инымъ, но мы должны становиться на точку зрѣнія древняго эллина, а для послѣдняго это не было суевѣріемъ, а искренней и глубокой внутренней потребностью, благочестивымъ страхомъ передъ высшими существами изъ міра незримаго, могущественными и пособниками, и въ другихъ случаяхъ врагами. Такъ какъ эти существа, отличаясь высокой силой, не чужды были, по античнымъ вѣрованіямъ, человѣческимъ страстямъ и особенно доступны чувству зависти и оскорбленнаго достоинства, то первою обязанностью и человѣка, и общины было заботиться о томъ, чтобы избѣгать ихъ гнѣва и ненависти и удовлетворять ихъ желаніямъ и требованіямъ: въ виду ихъ огромнаго числа исполненіе этой обязанности было дѣломъ не легкимъ и требовало постоянной бдительности и наблюденія отдѣльныхъ лицъ за самими собою и всего государства надъ своими членами[1]) — прегрѣшеніе одного изъ нихъ, оставшееся безъ наказанія, могло навлечь на всю общину месть и кару боговъ[2]). Такъ мы видимъ, что въ той же мѣрѣ, какъ божества по вышесказанному принадлежали опредѣленной общинѣ, настолько же наоборотъ община принадлежала своимъ богамъ: аѳинское государство напр. и аѳинскій народъ составляли, такъ сказать, собственность своей богини Аѳины, которая по извѣстному миѳу отвоевала эту страну у Посейдона, пзъявлявшаго также на нее свои притязанія, и дала собственное имя городу.

Указанная нами тѣсная связь между религіей и государствомъ наложила глубокую печать на всѣ проявленія общественной жизни: трудно, невозможно даже въ краткомъ очеркѣ охарактеризовать всесторонне хотя бы только важнѣйшія ея послѣдствія — какъ отдѣльные факты древней исторіи, такъ и рядъ учрежденій свидѣтельствуютъ намъ объ ея важности. Достаточно напр. указать на лунное затмѣніе, которое привело въ ужасъ аѳинское войско подъ Сиракузами и закончило сицилійскую катастрофу: кто упре-

[1]) Въ случаѣ сомнѣній общины (какъ и частные люди) обращались съ вопросомъ къ Дельфійскому и Додонскому оракулу: *τίνι κα θεῶν ἢ ἡρώων θύοντες καὶ εὐχόμενοι κάλλιστα καὶ ἄριστα καὶ νῦν καὶ εἰς τὸν ἔπειτα χρόνον Ϝοικέοιεν* (Collitz. Gr. D. I. II, 1562).

[2]) Plat. de Legg. IV, 7, p. 716A: *εἰ δέ τις ἐξαρθεὶς ὑπὸ μεγαλαυχίας καταλείπεται ἔρημος θεοῦ .... μετὰ χρόνον οὐ πολὺν ὑποσχὼν τιμωρίαν οὐ μεμπτὴν τῇ δίκῃ ἑαυτόν τε καὶ οἶκον καὶ πόλιν ἄρδην ἀνάστατον ἐποίησε.* Verg. Aen. I, 39: Pallasne exurere classem Argivom atque ipsos potuit submergere ponto unius ob noxam et furias Aiacis Oilei.

каетъ Никія, какъ это часто дѣлаютъ новѣйшіе историки, въ суевѣріи, тотъ забываетъ, что луна для эллина была однимъ изъ высшихъ божествъ — Артемидой, а не мертвой массой[1]), — за ученіе подобнаго рода относительно солнца Анаксагоръ едва избѣжалъ смертной казни[2]). Два знаменитѣйшихъ политическихъ процесса древности имѣли чисто религіозную подкладку, дѣло объ изувѣченіи гермовъ и обвиненіе противъ полководцевъ, побѣдившихъ при Аргинуссахъ[3]): что и въ томъ и другомъ случаѣ извѣстныя партіи въ своихъ личныхъ интересахъ постарались раздуть народныя страсти, весьма возможно, но не подлежитъ также сомнѣнію, что всѣ ихъ попытки были бы тщетны, если бы возбужденіе умовъ, религіозный страхъ и гнѣвъ народныхъ массъ не достигъ уже крайней степени экзальтаціи. Извѣстно также, какую роль играло въ исторіи Аѳинъ т.-наз. *Κυλώνειον ἄγος* и какъ еще послѣ двухъ почти столѣтій спартанцы вздумали имъ воспользоваться въ началѣ Пелопоннесской войны.

Но гораздо важнѣе, чѣмъ эти единичные факты вліянія религіи на государственныя дѣла, сказывается оно въ цѣломъ рядѣ общихъ установленій. Такъ, все судопроизводство по дѣламъ объ убійствѣ въ Аѳинахъ является соединеніемъ элементовъ родоваго строя съ воззрѣніями религіозными — оно было предоставлено и тому же самому судилищу, коему первоначально были ввѣрены и процессы по обвиненію въ святотатствѣ *(ἀσέβεια)* — Ареопагу, и велось въ формахъ, по внѣшности и по внутреннему смыслу тѣсно связанныхъ съ религіей и ея обрядами: убійца наказывался не какъ нарушитель общественной безопасности, а какъ виновникъ запятнанія страны, навлекающаго на нее гнѣвъ боговъ[4]).

Подобнымъ же образомъ интересы религіи и культа выступаютъ на первый планъ и въ другой, совершенно различной отрасли государственнаго управленія — въ финансовомъ бюджетѣ: одной изъ главныхъ и важнѣйшихъ статей его рядомъ съ издержками для

[1]) Thucyd. VII, 50, 4. Филохоръ у Плутарха (v. Nic. 23) только упрекалъ прорицателей въ неопытности, потому что „для спасающихся бѣгствомъ лунное затмѣніе не только не дурное знаменіе, а даже весьма хорошее“.

[2]) Plut. v. Per. 32, v. Nic. 23.

[3]) Thucyd. VI, 27—29; Andoc. d. myster.; Xen. Hell. I, 7.

[4]) Поэтому прежде всего убійцѣ воспрещался доступъ къ святилищамъ и къ агорѣ, какъ къ мѣсту, гдѣ наиболѣе собиралось гражданъ: cfr. Arist. Ath. Pol. 58; Plat. de Legg. IX, 8, p. 866.

охраны страны являются расходы на сооруженіе храмовъ, на изготовленіе священной утвари, на совершеніе жертвъ, процессій, празднествъ и игръ — все это ложилось тяжелымъ бременемъ или на государственную казну или на доходы богатѣйшихъ гражданъ (составляя важнѣйшую цѣль т.-наз. литургій), какъ въ блестящихъ Аѳинахъ, такъ и въ гораздо болѣе мелкихъ городахъ Эллады, даже въ скромной и экономически бѣдной Спартѣ, которая и для военныхъ издержекъ постоянно затруднялась въ финансовыхъ средствахъ и должна была пользоваться иностранными субсидіями [1]); мало того, не только для независимыхъ государствъ культъ и празднества были главнымъ предметомъ расходовъ, но и въ бюджетѣ самыхъ ничтожныхъ селеній они играли первенствующую роль [2]). Этимъ объясняется и то значеніе, которое имѣлъ въ Аѳинахъ казначей *ἐπὶ τὰ θεωρικά*, въ другихъ государствахъ подобные же сановники: хотя раздача „праздничныхъ“ денегъ бѣднѣйшимъ гражданамъ и служила часто честолюбивымъ демагогамъ средствомъ для достиженія большей популярности, но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ основѣ этого учрежденія лежала другая, вполнѣ послѣдовательная мысль — привлечь во избѣжаніе гнѣва боговъ все по возможности гражданство къ исполненію своихъ религіозныхъ обязанностей, облегчая имъ таковое выдачей пособій, точно такъ же, какъ болѣе дѣятельное ихъ участіе въ разныхъ органахъ управленія обезпечивалось особой за то платой.

Не лишнимъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ и о другомъ учрежденіи, которое встрѣчается намъ въ разныхъ государствахъ Эллады и вызывало часто недоумѣніе и самыя разнообразныя толкованія со стороны новѣйшихъ ученыхъ: мы разумѣемъ ту видную роль, которая была предоставлена жребію въ дѣлѣ избранія разныхъ правительственныхъ коллегій. Извѣстно, что большинство ученыхъ видятъ въ жребіи учрежденіе чисто демократическаго характера, которое является выраженіемъ полнаго равенства предъ закономъ всѣхъ гражданъ и служитъ къ его укрѣпленію, исключая всѣ тѣ преимущества, какія вопреки всѣмъ законамъ всюду и всегда даетъ при выборахъ знатное происхожденіе, богатство, личныя заслуги, вообще извѣстность всякаго рода.

---

[1]) Кромѣ 2-ой книги классическаго труда A. Böckh'a, Staatshaushaltung d. Athener, B. I, срвн. Thumser, d. civ. attic. muneribus (1880).

[2]) Haussoullier, Vie municip., p. 62, 151.

Спеціально для Аѳинъ, гдѣ мы имѣемъ наибольше свѣдѣній относительно употребленія жребія, введеніе его обыкновенно приписывается эпохѣ полнаго установленія демократіи, т.-е. законодательной дѣятельности то Клисѳена, то Аристида, рѣже оно возводится ко времени реформъ Солона[1]). Лишь одинъ Müller-Strübing возвысилъ свой голосъ противъ общераспространенныхъ теорій и рѣшился высказать мысль, далеко не лишенную основаній, что установленіе жребія въ Аѳинахъ должно скорѣе считаться мѣрой аристократическаго характера или по крайней мѣрѣ средствомъ для огражденія законныхъ правъ и этой партіи[2]): дѣйствительно, кажется, трудно предположить, чтобы при общей подачѣ голосовъ масса гражданъ стала бы выбирать на разныя должности лицъ, хотя бы и пользующихся высокимъ общественнымъ положеніемъ, но завѣдомо недоброжелательно и даже враждебно относящихся къ народоправленію, слѣдовательно и общее имъ со всѣми гражданами право на избраніе должно было стать мертвой буквой — этому-то и хотѣлъ воспрепятствовать законодатель, введши жребій и уравнивъ шансы всѣхъ кандидатовъ. Но и противъ этого воззрѣнія могутъ быть сдѣланы два немаловажныхъ возраженія: во-первыхъ, всѣ военныя должности замѣщались не по жребію, а по выборамъ, и между тѣмъ постоянно и преимущественно въ рядахъ стратеговъ аѳинскихъ мы встрѣчаемъ членовъ знатнѣйшихъ семействъ, вовсе не горячихъ сторонниковъ демократіи; во-вторыхъ, по выраженію Цицерона omnis natura est conservatrix sui, и было бы великимъ идеализмомъ, больше — нелѣпостью со стороны всякаго законодателя, если бы онъ врагамъ существующаго государственнаго строя старался особыми мѣрами обезпечить доступъ къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Если

---

[1]) Солону приписывали введеніе жребія К. Сигоній (De rep. Atheniens. l. IV) и Меурсій (De archont. 1621); Клисѳену — Уббо Эммій (Vetus Graecia. 1626), Г. Шёманнъ (De comit., p. 311; Antiqq. iur. publ. p. 179; Gr. Alt. I, p. 356), Э. Курціусъ (Gr. Gesch. I, p. 369), Зауппе (De creat. arch. 1864, p. 4), К. Германнъ (De iure magistr., p. 15; St. Alt. I, § 112); Аристиду — Я. Перизоній, Г. Нибуръ (Vortr. über alte Gesch. II, p. 28), Г. Гротъ (Hist. of Gr. IV, p. 70), G. Perrot (Droit publ. de la rép. Athén., p. 56); Эфіальту — К. Люгебиль (Zur Gesch. d. Staatsverf. v. Athen въ N. Jahrbb. f. Phil. S.-B. V, p. 564), Гильбертъ (Gr. St.-Alt. I, p. 146) и Бузольтъ (Gr. Gesch. II, p. 468).

[2]) Müller-Strübing, Aristophanes und die histor. Kritik, p. 206; съ нимъ согласился и М. Дункеръ (Gesch. d. Alt. VIII, p. 109).

по одному и тому же вопросу могутъ быть выставлены два прямо противоположныхъ мнѣнія и въ пользу обоихъ выставляются столь вѣскіе аргументы, что ни то, ни другое не можетъ быть устранено, то въ большинствѣ случаевъ оказывается, что ни одно изъ нихъ не можетъ быть признано за вѣрное, а должно искать новаго объясненія.

Въ данномъ случаѣ такое объясненіе уже давно найдено Fustel de Coulanges'емъ, но страннымъ образомъ оно имѣло гораздо меньше успѣха, нежели многія его весьма сомнительныя положенія. Названный ученый, исходя отъ неоспоримаго факта, что назначеніе по жребію во всѣ времена всюду въ Эладѣ примѣнялось для замѣщенія жреческихъ должностей, пришелъ къ заключенію, что такой же, можно сказать, религіозный характеръ этотъ способъ избранія сохранялъ и по отношенію къ государственнымъ магистратамъ, которые издревле не только исправляли разныя религіозныя функціи, но и являлись главными жрецами общины — между свѣтскимъ магистратомъ и священнослужителемъ древній міръ не дѣлалъ никогда такого различія, какое намъ кажется вполнѣ естественнымъ. Однимъ словомъ, выборъ лицъ, коимъ поручалось и благо государственное и предстательство предъ богами за общину, былъ изъятъ изъ рукъ человѣческихъ и переданъ божеству, ὅς πάντ' ἐφορᾷ καὶ πάντ' ἐπακούει, чтобы обезпечить и безпристрастіе выбора и благоволеніе высшихъ существъ, столь необходимое для благополучнаго веденія государственныхъ дѣлъ[1]) — фактъ, вполнѣ аналогичный упомянутому нами выше, когда вопросъ о священномъ полѣ элевсинскомъ, столь важный для государства, былъ рѣшенъ не народомъ, а предоставленъ по его же волѣ усмотрѣнію Дельфійскаго бога. Такой религіозный характеръ жребія, какъ указывающій волю боговъ, признавался и по отношенію къ выборамъ сановниковъ самими древними: Платонъ въ противопо-

[1]) Fustel de Coulanges, La cité antique, p. 216: „Le caractère sacerdotal qui s'attachait au magistrat, se montre surtout dans la manière dont il était élu. Aux yeux des anciens il ne semblait pas que les suffrages des hommes fussent suffisants pour établir le chef de la cité. Lorsque les révolutions eurent supprimé partout la royauté, les hommes paraissent avoir cherché, pour suppléer à la naissance, un mode d'élection que les dieux n'eussent pas à désavouer. Les Athéniens, comme beaucoup de peuples grecs, n'en virent pas de meilleur que le tirage au sort. Pour eux le sort n'était pas le hasard; le sort était la révélation de la volonté divine".

ложность своему учителю Сократу, постоянно издѣвавшемуся надъ поставленными „по бобамъ“ аѳинскими магистратами, въ своихъ „Законахъ“ въ четырехъ мѣстахъ съ большимъ почтеніемъ говоритъ о жребіи и нисколько не колеблется ввести его въ своемъ государствѣ, которое никакъ нельзя упрекнуть въ чрезмѣрномъ демократизмѣ[1]); ораторъ Динархъ, обращаясь къ судьямъ, напоминаетъ имъ, что „судьба *(τύχη)* и жребій“ избрали ихъ и поставили творить судъ народу, и видитъ въ этомъ фактѣ особое побужденіе къ справедливому исправленію ихъ обязанностей[2]).

Теорія Куланжа встрѣтила, однако, мало сочувствія и не упоминается почти, насколько мнѣ извѣстно, у тѣхъ ученыхъ, которые занимались даннымъ вопросомъ: только новѣйшій изслѣдователь его Гедлэмъ въ книгѣ своей, только что вышедшей въ свѣтъ[3]), касается этого воззрѣнія и старается его опровергнуть какъ противорѣчащее его собственному, — онъ снова выставляетъ на видъ демократическій характеръ этого установленія. Не отрицая вполнѣ первоначальную религіозную сторону жребія и допуская и въ историческія времена такое толкованіе при назначеніи жрецовъ (все это едва ли можетъ быть оспариваемо съ нѣкоторымъ хотя бы правдоподобіемъ), онъ утверждаетъ, что нѣтъ никакихъ основаній приписывать такое значеніе жребію при выборахъ свѣтскихъ сановниковъ, что по согласному свидѣтельству напротивъ древнихъ писателей введеніе его въ государственныя учрежденія въ такомъ широкомъ примѣненіи, какъ мы встрѣчаемъ его въ Аѳинахъ, причислялось къ мѣрамъ, служащимъ для усиленія демократіи, что такой способъ избранія правительственныхъ коллегій былъ демократическимъ не столько въ виду устраненія какихъ-нибудь аристократическихъ вліяній при выборахъ, сколько вслѣдствіе назначенія на должности лицъ посредственныхъ, лишенныхъ особаго вліянія на народъ и находящихся слѣдовательно въ полной отъ него зависимости.

Толкованіе это находится въ связи съ общимъ воззрѣніемъ автора на античную демократію: суверенный демосъ самъ хотѣлъ

---

[1]) Plat. de Legg. III, p. 690 C; VI, p. 756 E, 759 B *(τῷ θεῷ ἐπιτρέποντα αὐτῷ τὸ κεχαρισμένον γίγνεσθαι κληροῦν οὕτω τῇ θείᾳ τύχῃ ἀποδιδόντα)*, 768 B.

[2]) Dinarch. in Phil. § 16. Въ данномъ случаѣ *τύχη* = *θεός*.

[3]) J. W. Headlam, Election by lot at Athens. Cambridge 1891.

править по своему усмотрѣнію государствомъ, и потому, какъ абсолютный монархъ на подобіе Людовика XIV, не желалъ вручать власть какимъ-нибудь первымъ министрамъ и всѣми средствами умалялъ и авторитетъ и кругъ дѣятельности своихъ магистратовъ; согласно рѣченію, данному Ивану Грозному: „если желаешь править самолично, не держи совѣтниковъ умнѣе себя“, онъ предпочиталъ назначать на должности лицъ посредственныхъ способностей, которыя никогда не могли быть ничѣмъ инымъ кромѣ его орудій и исполнителей его воли, нежели выдающихся, быть можетъ геніальныхъ руководителей, которые однако должны были при большей самонадѣянности обнаружить и больше иниціативы и меньше охоты къ безпрекословному повиновенію и благодаря личнымъ качествамъ и популярности своей изъ слугъ народа могли сдѣлаться его господами. Для избѣжанія, слѣдовательно, чрезмѣрной силы именно любимцевъ народа и такого положенія дѣлъ въ демократическомъ государствѣ, которое Θукидидъ характеризуетъ словами: *λόγῳ μὲν δημοκρατία, ἔργῳ δὲ ὑπὸ τοῦ πρώτου ἀνδρὸς ἀρχή*[1]), и былъ въ античныхъ демократіяхъ, по мнѣнію Гедлэма, введенъ при выборахъ должностныхъ лицъ жребій. Мы не можемъ здѣсь входить въ подробное разсмотрѣніе общихъ взглядовъ автора на характеръ античной демократіи (это сдѣлано нами въ другомъ мѣстѣ)[2]), мы можемъ сказать только, что не взирая на справедливость нѣкоторыхъ частныхъ замѣчаній его, вообще его воззрѣніе опровергается уже только-что приведенной нами изъ Θукидида характеристикой положенія Перикла въ аѳинской демократіи именно въ то время, когда тамъ преобладали выборы магистратовъ по жребію, опровергается еще сильнѣе, быть можетъ, ролью, которую тамъ же игралъ Алкивіадъ, въ другихъ демократіяхъ также разные т.-наз. *προστάται τοῦ δήμου*. Вслѣдствіе этого и сама попытка Гедлэма объяснить роль жребія въ эллинскихъ государствахъ и тѣмъ доказать ея чисто демократическій характеръ должна считаться, несмотря на свое остроуміе, неудавшейся.

Говоря это, мы вовсе не думаемъ отрицать ни того факта, что жребій былъ въ употребленіи преимущественно (но не исключительно) въ демократіяхъ, ни даже воззрѣнія, очень распространеннаго между древними писателями, считавшими подобный спо-

[1]) Thucyd. II, 65, 9.

[2]) Въ рецензіи моей въ Berl. phil. Wochenschr.

собъ избранія властей одной изъ отличительныхъ чертъ названнаго государственнаго устройства[1]). Но тутъ дѣйствовало не столько стремленіе къ полному равноправію гражданъ (хотя несомнѣнно жребій уравнивалъ шансы на избраніе послѣдняго ремесленника и знатнѣйшаго эвпатрида), сколько необходимость устранить неудобства, вытекавшія изъ общей подачи голосовъ при выборахъ, которая была неотъемлемою принадлежностью всякой демократіи: при большой массѣ кандидатовъ единичное голосованіе должно было привести къ такому дробленію голосовъ, что въ результатѣ избраннымъ могъ оказаться никто; при отдѣльной баллотировкѣ каждаго кандидата процессъ выборовъ долженъ былъ бы длиться безконечно. Извѣстно, что въ Римѣ во времена Цезаря подача голосовъ въ центуріатныхъ комиціяхъ, несмотря на единовременное голосованіе всѣхъ центурій одного класса и на маловажность рѣшаемаго вопроса, которая дѣлаетъ вѣроятнымъ и малочисленность участниковъ и скорое достиженіе перевѣса голосовъ, тѣмъ не менѣе длилась цѣлыхъ 5 часовъ[2]) — сколько бы требовалось времени напр. въ Аѳинахъ для избранія 500 булевтовъ и ихъ 500 замѣстителей *(ἐπιλαχόντες)* изъ числа кандидатовъ, конечно, еще болѣе многочисленнаго? Спарта старалась избѣгнуть этого затрудненія, рѣшая вопросъ при замѣщеніи освободившагося мѣста геронта (и вѣроятно при выборахъ эфоровъ) по кажущемуся болѣе сильному крику народа при проходѣ кандидатовъ — способъ избранія, который Аристотель считаетъ „ребяческимъ“ *(παιδαριῶδης)*[3]);

---

[1]) Herodot. III, 80: *πλῆθος δὲ ἄρχον ... πάλῳ μὲν ἀρχὰς ἄρχει.* Plat. de Legg. VI, p. 757 B: *τὴν μὲν ἑτέραν (ἰσότητα) εἰς τὰς τιμὰς πᾶσα πόλις ἱκανὴ παραγαγεῖν καὶ πᾶς νομοθέτης, τὴν μέτρῳ ἴσην καὶ σταθμῷ καὶ ἀριθμῷ, κλήρῳ ἀπευθύνων εἰς τὰς διανομὰς αὐτήν.* Aristot. Rhet. I, 8, p. 1365 b, 32: *ἔστι δὲ δημοκρατία μὲν πολιτεία ἐν ᾗ κλήρῳ διανέμονται τὰς ἀρχάς.* Politic. VII (VI), 2, p. 1317 b, 18: *τὰ τοιαῦτα δημοτικά, τὸ ἄρχειν πάντας μὲν ἑκάστου ἕκαστον δ' ἐν μέρει πάντων, τὸ κληρωτὰς εἶναι τὰς ἀρχὰς ἢ πάσας ἢ ὅσαι μὴ ἐμπειρίας δέονται καὶ τέχνης.* Жребій былъ въ ходу и въ олигархическихъ государствахъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ Anaxim. Rhet. ad Alex. c. 2, p. 14 (и Платонъ, вводя его въ своихъ „Законахъ“).

[2]) Cic. ad fam. VII, 30.

[3]) Arist. Politic. II, 9, p. 1270 b, 26: *αἱρετὴν ἔδει τὴν ἀρχὴν εἶναι ταύτην ἐξ ἁπάντων μέν, μὴ τὸν τρόπον δὲ τοῦτον ὃν νῦν, παιδαριώδης γάρ ἐστι λίαν* (объ эфорахъ); ibid. p. 1271 a, 9: *τὴν αἵρεσιν ἣν ποιοῦνται τῶν γερόντων, κατά τε τὴν κρίσιν ἐστὶ παιδαριώδης* (о геронтахъ). Жребій въ Спартѣ для магистратуръ не примѣнялся: Arist. Politic. VI (IV), 9, p. 1294 b, 33.

Аѳины и другія демократическія государства прибѣгали къ жребію, надъ коимъ трунилъ Сократъ[1]): одно другаго стоило дѣйствительно по нашимъ просвѣщеннымъ воззрѣніямъ, но наивнымъ же вѣрованіямъ древнихъ грековъ въ обоихъ случаяхъ мудрость и расположеніе боговъ направляло все ко благу общины.

Главная ошибка и Гедлэма и его предшественниковъ состоитъ въ томъ, что они смѣшиваютъ двѣ вещи вполнѣ различныя: позднѣйшее примѣненіе жребія для выборовъ и первоначальное возникновеніе этого института. Конечно, когда въ пятомъ вѣкѣ въ Сиракузахъ и Тарентѣ вмѣстѣ съ учрежденіемъ демократіи былъ установленъ выборъ властей по жребію[2]), законодатели могли руководиться демократическими тенденціями, вѣрнѣе — указанными выше практическими соображеніями, хотя и для нихъ, а тѣмъ болѣе для массы народа, не исключена возможность и религіозныхъ мотивовъ, наиболѣе же вѣроятно — прямое подражаніе уже готовымъ образцамъ; но во всякомъ случаѣ мы не имѣемъ ни малѣйшаго права переносить понятія эти на гораздо болѣе древнія эпохи, — если Аристотель считаетъ жребій отличительной чертой демократіи, то этимъ еще вовсе не сказано, чтобы такое же сужденіе было обязательно для какого-нибудь Солона или Дракона. Точно такъ же странно, если отрицаютъ религіозную основу жребія по тому соображенію, что въ классическія времена онъ примѣнялся къ избранію должностныхъ лицъ, не имѣвшихъ никакого участія въ культѣ: если въ Аѳинахъ напр. по жребію назначались какіе-нибудь астиномы и агораномы, завѣдомо не исполнявшіе никакихъ важныхъ религіозныхъ функцій (что составляетъ отличительную черту магистратуръ позднѣйшаго происхожденія),то при этомъ дѣйствовала аналогія массы другихъ *κληρωταὶ ἀρχαί*, а конечно не демократическія тенденціи или (по Гедлэму) предпочтеніе, оказываемое лицамъ посредственныхъ дарованій, — смѣшно было бы, еслибъ законодатель принималъ особыя мѣры, чтобы обезпечить подобныя должности простымъ гражданамъ, какъ будто какой-нибудь Алкмеонидъ сталъ бы хлопотать о нихъ, а не считалъ бы напротивъ за позоръ для себя попеченіе о чистотѣ улицъ и площадей!

Удивительно, какъ мало Гедлэмъ съумѣлъ для своего изслѣдованія воспользоваться извѣстной ему „Аѳинской политіей“ Аристо-

[1]) Xen. Memor. I, 2, 9.

[2]) Diodor. XIII, 34; Arist. Politic. VII (VI), 5, p. 1320 b, 12.

теля, находя даже въ ней подтвержденіе своихъ взглядовъ, между тѣмъ какъ она всецѣло говоритъ въ пользу воззрѣній Куланжа. Такъ, французскій ученый пришелъ a priori къ выводу, что введеніе жребія какъ института, тѣсно связаннаго съ религіозными вѣрованіями, должно быть приписано не Клисѳену или Аристиду, а отнесено къ гораздо болѣе древней эпохѣ, когда религія вообще оказывала несравненно болѣе непосредственное вліяніе на всѣ государственныя учрежденія и когда всѣ магистраты еще были облечены жреческимъ достоинствомъ[1]): изъ книги Аристотеля мы узнаемъ, что примѣненіе жребія къ выборамъ, въ Аѳинахъ по крайней мѣрѣ, было учрежденіемъ, коего начала восходили выше не только Солона и даже Дракона, но и раньше всякаго достовѣрнаго историческаго преданія. Вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ разсужденія о воображаемыхъ демократическихъ тенденціяхъ этого учрежденія падаютъ сами собой, какъ только мы узнаемъ, что жребій примѣнялся къ выбору напр. архонтовъ еще въ то время, когда право на назначеніе въ эту должность принадлежало однимъ эвпатридамъ или, что было почти равноспльно, пентакосіомедимнамъ. Наконецъ, изъ упомянутаго трактата мы получаемъ свѣдѣнія и насчетъ самаго способа бросанія жребія и видимъ, что имъ нисколько не исключались выборы, такъ что жребій рѣшалъ только споръ между выставленными кандидатами: по крайней мѣрѣ Солонъ уже установилъ для должности архонтовъ такой способъ замѣщенія, что каждая фила избирала десять кандидатовъ, а изъ всѣхъ сорока девять назначились по жребію, который по всей вѣроятности долженъ былъ опредѣлить и мѣсто каждаго избраннаго въ средѣ коллегіи; законъ этотъ, отмѣненный или же пришедшій въ забвеніе во время тираніи Пизистратидовъ и не возобновленный и Клисѳеномъ (такъ что всѣ архонты этой эпохи были назначены по непосредственнымъ выборамъ), былъ снова установленъ или приведенъ въ дѣйствіе лишь въ 487 году съ тѣмъ, однако, измѣненіемъ, что первоначальныхъ кандидатовъ выставлялось въ равномъ количествѣ для каждой филы по 50, а въ общемъ 500, при чемъ они избирались не по филамъ, какъ прежде, а по демамъ; послѣдняя перемѣна, упоминаемая Аристотелемъ и произошедшая

[1]) Fustel de Coulanges, Recherches sur le tirage au sort appliqué à la nomination des archontes athéniens (въ Nouv. rev. histor. de droit franç. et étrang. nov.-déc. 1878, p. 617—43).

по всей вѣроятности при возобновленіи демократіи въ архонство Евклида, состояла въ томъ, что и первоначальное голосованіе было замѣнено жеребьеваніемъ: изъ каждой филы назначались 10 кандидатовъ по жребію, а изъ каждаго десятка также по жребію назначалось по одному архонту (десятый былъ ихъ секретарь)[1]).

Если мы упоминали здѣсь только объ архонтахъ, то причиной этого является бо́льшая обстоятельность сообщаемыхъ о нихъ свѣдѣній; но не подлежитъ сомнѣнію, что и совѣтъ 400 (а потомъ 500), а также и большинство остальныхъ магистратовъ назначались по тому же самому способу: относительно Совѣта, по крайней мѣрѣ, Аристотель прямо говоритъ, что онъ уже при Драконѣ избирался по жребію, при чемъ не даетъ никакихъ указаній, чтобы или введеніе жребія или само учрежденіе Совѣта было дѣломъ этого законодателя[2]). Поэтому, воспользовавшись свидѣтельствомъ автора рѣчи противъ Неэры, который приписываетъ уже Тезею установленіе выборовъ властей изъ числа предварительно назначенныхъ кандидатовъ *(ἐκ προκρίτων)*[3]), мы можемъ съ значительной степенью вѣроятности утверждать, что это учрежденіе восходитъ къ временамъ глубокой древности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что аналогія на которую указывалъ Куланжъ, съ способомъ назначенія жрецовъ становится еще разительнѣе: въ томъ и другомъ случаѣ предварительно по свободному выбору выставлялись кандидаты и лишь между ними вопросъ рѣшался бросаніемъ жребія[4]); даже оффиціальный терминъ

---

[1]) Срвн. о различныхъ измѣненіяхъ въ выборѣ архонтовъ: Aristot. Ath. Polit. §§ 8, 22.

[2]) Arist. Ath. Pol. § 4: *βουλεύειν δὲ τετρακοσίους καὶ ἕνα τοὺς λαχόντας ἐκ τῆς πολιτείας. κληροῦσθαι δὲ καὶ ταύτην καὶ τὰς ἄλλας ἀρχὰς τοὺς ὑπὲρ τριάκοντ' ἔτη γεγονότας.*

[3]) Ps.-Dem. in Neaeram (LIX), 75, p. 1370 R.: *ἐπειδὴ δὲ Θησεὺς συνῴκισεν αὐτοὺς...., τὸν μὲν βασιλέα οὐδὲν ἧττον ὁ δῆμος ᾑρεῖτο ἐκ προκρίτων κατ' ἀνδραγαθίαν χειροτονῶν.* Точно также и Исократъ (Areopag. (VII), § 22, p. 144) послѣ разсужденія о двухъ *ἰσότητες*, въ коемъ онъ, видимо, подражаетъ Платону (de Legg. VI, p. 757 B), говоритъ, что древніе законодатели *ᾤκουν τὴν πόλιν, οὐκ ἐξ ἁπάντων τὰς ἀρχὰς κληροῦντες ἀλλὰ τοὺς βελτίστους καὶ τοὺς ἱκανωτάτους ἐφ' ἕκαστον τῶν ἔργων προκρίνοντες.*

[4]) Замѣчательно, что Fustel de Coulanges (въ названной статьѣ, стр. 635) предугадалъ такой способъ избранія архонтовъ, указывая на примѣръ жрецовъ, для коихъ также бросанію жребія предшествовала *πρόκρισις*: „le premier étant commandé par la religion, le second par l'intérêt ou la prudence". (Въ видѣ

для этихъ кандидатовъ былъ одинаковъ, *πρόκριτοι* — его употребляетъ по отношенію къ выборамъ жрецовъ Демосѳенъ въ рѣчи противъ Евбулида[1]), въ примѣненіи къ магистратамъ авторъ рѣчи противъ Неэры, Исократъ въ Ареопагитикѣ и Аристотель въ только-что упомянутомъ сочиненіи.

Разсмотрѣнное нами установленіе, существовавшее во многихъ государствахъ Эллады (мы по необходимости сосредоточили наше вниманіе лишь на Аѳинахъ, такъ какъ относительно нихъ имѣются наиболѣе обстоятельныя свѣдѣнія), заняло насъ долѣе, быть можетъ, чѣмъ требовала важность самаго вопроса, но намъ казалось необходимымъ прочно утвердить и защитить отъ всѣхъ возраженій положеніе о религіозномъ характерѣ даннаго учрежденія. Не только самый этотъ фактъ способенъ пролить яркій свѣтъ на своеобразное для насъ отношеніе религіи и государства въ античномъ мірѣ, но съ нимъ тѣсно связанъ другой, гораздо болѣе характерный для послѣдняго вопросъ о соединеніи такъ-сказать свѣтскихъ и духовныхъ обязанностей и функцій въ лицѣ однихъ и тѣхъ же государственныхъ сановниковъ. Какъ мы уже выше замѣтили, слѣдуя Куланжу, если способъ выбора магистратовъ былъ вполнѣ аналогиченъ тому, который примѣнялся при назначеніи жрецовъ, то этотъ фактъ находитъ самое естественное объясненіе въ томъ, что первоначально сановники были вмѣстѣ съ тѣмъ и жрецами, притомъ самыми главными, всякой общины[2]).

Такое положеніе занимали уже Гомеровскіе базилеи: подобно тому, какъ всякій домовладыка за себя и своихъ приносилъ молитвы и жертвы богамъ, такъ и царь самолично совершалъ и молитвословія и жертвоприношенія за общину иногда съ содѣйствіемъ

предположенія ту же комбинацію предлагалъ уже Platner, Beiträge, p. 87). Подобный же способъ назначенія магистрата былъ въ употребленіи и на о. Сирѣ: *ἐπώνυμος ἄρχων κλήρῳ καὶ χειροτονίᾳ προγραφείς* (*Ἀθήν.* III, p. 532, № 4).

[1]) Dem. in Eubul. (LVII), 46, p. 1313: *προυκρίθην ἐν τοῖς εὐγενεστάτοις κληροῦσθαι τῆς ἱερωσύνης τῷ Ἡρακλεῖ* и почти дословно повторено: ibid. 62, p. 1318.

[2]) Таково, по вышесказанному, и убѣжденіе Fustel de Coulanges'a (La cité antique, p. 205). Точно также выражается и Аристотель (Politic. VII (VI), 8, p. 1322 b, 26): *ἐχομένη δὲ ταύτης (τῆς ἱερωσύνης) ἡ πρὸς τὰς θυσίας ἀφωρισμένη τὰς κοινὰς πάσας, ὅσας μὴ τοῖς ἱερεῦσιν ἀποδίδωσιν ὁ νόμος, ἀλλ' ἀπὸ τῆς κοινῆς ἑστίας ἔχουσι τὴν τιμήν· καλοῦσι δὲ οἱ μὲν ἄρχοντας τούτους οἱ δὲ βασιλεῖς οἱ δὲ πρυτάνεις.*

спеціальнаго гадателя или прорицателя, большею же частью безъ всякаго его участія[1]). Роль жрецовъ у Гомера самая ничтожная, они причисляются къ т.-наз. деміургамъ, т.-е. ремесленникамъ наравнѣ съ кузнецомъ, золотившимъ рога жертвеннымъ животнымъ; они требуютъ, правда, себѣ особаго почтенія и уваженія во имя того божества, коему они посвятили свое служеніе, но далеко не всегда встрѣчаютъ сочувствіе своимъ притязаніямъ у народа[2]) и особенно у базилеевъ, строго оберегавшихъ свои права верховныхъ жрецовъ общины, самимъ Зевсомъ поставленныхъ *(διογενεῖς, διοτρεφεῖς)*: первая же книга Иліады представляетъ намъ два примѣра пренебреженія царской власти къ профессіональнымъ жрецамъ и прорицателямъ[3]). Подобное же положеніе, какъ гомеровскіе базилеи, занимали и въ историческое время спартанскіе цари въ дѣлахъ религіи и культа[4]). Точно такъ же и въ другихъ государствахъ рядомъ съ отдѣльными жрецами, посвятившими себя служенію одного какого-либо божества и получавшими часто свой санъ по наслѣдственному пріемству въ родѣ (особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда частный культъ извѣстнаго рода былъ принятъ въ число общегосударственныхъ), высшіе магистраты государства, которые большею частью были и самыми древними по времени установленія, не только наблюдали вообще за храненіемъ религіозныхъ традицій и обрядовъ, но и завѣдывали всѣми важнѣйшими актами богослуженія, всѣми священнѣйшими празднествами общины.

Въ сферѣ культа во многихъ республикахъ изъ религіознаго консерватизма, страшившагося измѣнить что-либо въ завѣщанныхъ предками традиціяхъ, были сохранены даже санъ и имя царя, предоставленные именно тому изъ магистратовъ, на обязанности коего лежало преимущественно попеченіе о важнѣйшихъ дѣлахъ

---

[1]) Особенно ясно это относительно жертвы, принесенной Агамемнономъ до начала битвы (Π. Β, 402), и той, которую онъ же вмѣстѣ съ Пріамомъ совершилъ передъ заключеніемъ договора, *ὅρκια* (ibid. *Γ*, 271). Таковъ и взглядъ Аристотеля на героическое царство (Politic. III, 14, p. 1285 b, 8): *κύριοι δ' ἦσαν.... καὶ τῶν θυσιῶν, ὅσαι μὴ ἱερατικαί.*

[2]) О нѣкоторыхъ, впрочемъ, жрецахъ говорится, что они *θεὸς δ' ὣς τίετο δήμῳ:* такъ о жрецахъ Скамандра и Идейскаго Зевса (Π. Ε, 78; Π, 605).

[3]) Къ жрецу Хрису и прорицателю Калханту (Π. Α. 11, 106).

[4]) Herodot. VI, 56, 57. Xen. d. rep. Lac. 15, 5. Поэтому цари спартанскіе и должны были, подобно жрецамъ, быть непорочны тѣломъ: *ὁλόκληροι καὶ ἀφελεῖς* (Etym. M. s. v.) — срвн. оракулъ Пиѳіи насчетъ „хромаго“ царства (Xen. Hell. III, 3).

религіи: примѣры этого мы находимъ не только въ Элладѣ, гдѣ особенно извѣстна та роль, которую въ культѣ игралъ въ Аѳинахъ одинъ изъ архонтовъ, носившій имя царя, вмѣстѣ со своею супругою — царицею (*βασίλιννα*)[1]), но и въ Римѣ, гдѣ столь ненавистно было regium nomen, а между тѣмъ не считали возможнымъ его вполнѣ устранить и сохранили въ лицѣ т.-наз. rex sacrorum или sacrificulus[2]). Богобоязнь древняго человѣка, доходившая иногда, какъ было сказано выше, до мелочности, вызывала въ немъ сомнѣнія, могутъ ли нѣкоторые особенно священные акты богослуженія быть совершены безъ опасенія гнѣва высшихъ существъ простымъ гражданиномъ, не облеченнымъ, хотя бы временно или фиктивно, знаками отличія и титуломъ царской вла-

---

[1]) Plat. Menexen., p. 238 D: *βασιλεῖς ἀεὶ ἡμῖν εἰσιν*. Dem. in Neaeram (LIX), 74—76, p. 1370: *τὸ γὰρ ἀρχαῖον δυναστεία ἐν τῇ πόλει ἦν, τὰς δὲ θυσίας ἁπάσας ὁ βασιλεὺς ἔθυε, καὶ τὰς σεμνοτάτας καὶ ἀρρήτους ἡ γυνὴ αὐτοῦ ἐποίει, εἰκότως, βασίλινα οὖσα .... τὴν δὲ γυναῖκα αὐτοῦ νόμον ἔθεντο ἀστὴν εἶναι καὶ μὴ ἐπιμεμιγμένην ἑτέρῳ ἀνδρὶ, ἀλλὰ παρθένον γαμεῖν, ἵνα κατὰ τὰ πάτρια θύηται τὰ ἄρρητα ἱερὰ ὑπὲρ τῆς πόλεως καὶ τὰ νομιζόμενα γίγνηται τοῖς θεοῖς εὐσεβῶς καὶ μηδὲν καταλύηται μηδὲ καινοτομῆται. καὶ τοῦτον τὸν νόμον γράψαντες ἐν στήλῃ λιθίνῃ ἔστησαν ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ Διονύσου παρὰ τὸν βωμὸν ἐν Λίμναις*. Относительно участія царицы въ культѣ мы имѣемъ и документальное доказательство: въ C. I. A. II, 374, l. 8 читается *καὶ τῆς βασιλίσσης* (остальное обломано; декретъ въ честь жрицы Аѳины Поліады). Самъ царь имѣлъ нѣкоторыя прерогативы: онъ носилъ, единственный изъ магистратовъ въ Аѳинахъ, отличительную одежду (Poll. VII, 77, 85) — это свидѣтельство нельзя относить ко временамъ наслѣдственнаго царства, такъ какъ въ такомъ случаѣ было бы сказано *βασιλεύς*, а не *ὁ βασιλεύς;* онъ же, единственный изъ архонтовъ, подавалъ голосъ въ судѣ Ареопага, на коемъ предсѣдательствовалъ, какъ говоритъ Аристотель (Ath. Pol. 57, 4): *ὁ βασιλεὺς ὅταν δικάζῃ περιαιρεῖται τὸν στέφανον*. О всѣхъ этихъ вопросахъ срвн. тщательно составленную диссертацію Hauvette-Besnault, De archonte rege (Paris 1884), который только ошибся въ положеніи, что царь издревле занималъ второе мѣсто въ коллегіи архонтовъ: первоначально ему принадлежало первое, какъ свидѣтельствуетъ Аристотель (Ath. Pol. 3, 4: *μέγισται δὲ καὶ πρῶται τῶν ἀρχῶν ἦσαν βασιλεὺς καὶ πολέμαρχος καὶ ἄρχων· τούτων δὲ πρώτη μὲν ἡ τοῦ βασιλέως, αὕτη γὰρ ἐν ἀρχῇ κατέστη, δευτέρα δ' ἐπικατέστη πολεμαρχία*). Магистратъ съ именемъ *βασιλεύς* или *πρύτανις* упоминается и въ другихъ эллинскихъ государствахъ, напр. въ Мегарѣ (C. I. G. 1057; Lebas II, № 26—34; Foucart, Expl. p. 13. Cfr. Dieuchidas, fr. 8 въ Müller, Fr. Hist. Gr. IV, p. 390).

[2]) Liv. II, 2, 1: et quia quaedam publica sacra per ipsos reges factitata erant, necubi regum desiderium esset, regem sacrificulum creant. Id sacerdotium pontifici subiecere, ne additus nomini honos aliquid libertati officeret. Cfr.

сти — dicis causa, какъ говорили древніе юристы, у которыхъ легальная фикція вообще играла громадную роль, но нигдѣ бо́льшую, какъ именно въ сферѣ религіозныхъ отношеній[1]). Но высшіе сановники, хотя они вполнѣ унаслѣдовали богослужебныя функціи древнихъ базилеевъ, были вовсе не единственные, носившіе на себѣ религіозныя обязанности: не было, можно сказать, ни единаго магистрата въ древней общинѣ, который бы не совершалъ отъ ея имени извѣстныхъ обрядовъ или по крайней мѣрѣ опредѣленныхъ жертвоприношеній.

Въ этомъ яснѣе всего, кажется намъ, сказывается та тѣсная, непосредственная и неразрывная связь между религіей и государствомъ, которая какъ одна изъ самыхъ характеристичныхъ чертъ отличія древнихъ политій, далеко не всегда въ подобающей мѣрѣ взятая въ разсчетъ новѣйшими изслѣдователями, была разсмотрѣна нами возможно подробнѣе и освѣщена съ различныхъ точекъ зрѣнія; если картина, нами представленная, покажется не во всемъ полной и не всегда отчетливой, то виною является обширность даннаго вопроса, требующаго спеціальнаго изслѣдованія — мы могли его затронуть лишь, поскольку этого требовала наша спеціальная цѣль, и указать только на главнѣйшія, по нашему мнѣнію, ошибки современныхъ историковъ.

Болѣе правильно и согласно между собою судятъ новѣйшіе ученые о другой сторонѣ античной жизни, которая играетъ столь же

Fest. s. v. sacrificulus rex (p. 464, 465 Thew.): Sacrificulus [rex appellatur] qui ea sacra quae [facere reges] sueverant facit. Оффиціальный его титулъ былъ rex sacrorum, какъ онъ постоянно называется на надписяхъ (C. I. L. 2122, 2123, 2125). По почету онъ считался первымъ между жрецами: Maximus videtur Rex.... Itaque in † solus Rex supra omnis accumbat (Fest. s. v. ordo sacerdotum, p. 204), хотя роль его и въ религіозныхъ дѣлахъ была ничтожна (иначе, нежели аѳинскаго царя). Кромѣ разныхъ отличій въ одеждѣ и образѣ жизни, свидѣтельствующихъ о древности института, онъ пользовался привилегіей, что ни низложенъ, ни преданъ смерти быть не могъ (Serv. ad Aen. VIII, 646). Его жена называлась regina sacrorum (C. I. L. VI, 2123, 2124) и совершала извѣстныя жертвоприношенія за общину: inarculum virgula erat ex malo Punico incurvata, quam regina sacrificans in capite gestabat (Fest. s. v. Inarculum, p. 81). Срвн. Marquardt-Wissowa Röm. St.-Verw. III, p. 321, а также вообще о сохраненіи царскаго титула въ культѣ: Leist, Graecoital. Rechtsgesch., p. 524.

[1]) О терминѣ dicis causa (*λόγου χάριν*) и правилѣ: in sacris simulata pro veris accipiuntur, срвн. обстоятельное и богатое деталями изложеніе у Leist'a op. l. p. 264 sqq.

важную и даже болѣе видную роль, нежели отношеніе къ религіи, для всего политическаго и соціальнаго строя древней общины — мы разумѣемъ то обстоятельство, что античное государство зиждилось на широкой основѣ закономъ защищаемаго и всѣми признаваемаго за естественную необходимость рабовладѣнія. Здѣсь, конечно, не мѣсто разсуждать о причинахъ возникновенія такого института — фактъ несомнѣнный, что уже со временъ древнѣйшихъ, коихъ изображеніе намъ сохранилъ гомеровскій эпосъ, рабство въ соединеніи съ куплей и насильственнымъ похищеніемъ людей, равно какъ и съ легальнымъ порабощеніемъ военноплѣнныхъ, существовало въ большей или меньшей степени во всѣхъ эллинскихъ государствахъ въ качествѣ не только терпимаго, но и вполнѣ законнаго учрежденія[1]).

Всѣ вообще древніе писатели, коихъ сочиненія до насъ дошли, въ томъ числѣ и величайшіе греческіе мыслители, Платонъ и Аристотель, каковы бы ни были ихъ философскія и политическія воззрѣнія, единогласно признаютъ рабство не только какъ необходимую и незамѣнимую основу государства, но и защищаютъ его согласное съ природой происхожденіе (*φύσει*, а не *θέσει*) и его естественную необходимость съ точки зрѣнія морали.

Были, правда, по свидѣтельству Аристотеля, мыслители, которые доказывали несправедливость рабства: „инымъ кажется“, говоритъ онъ, „господская власть противоестественной, потому что только по закону одинъ человѣкъ рабъ, другой — свободный, а по природѣ между ними нѣтъ никакого различія; поэтому рабство и несправедливо, такъ какъ основано на насиліи“[2]). Аристотель не называетъ намъ по имени ни одного изъ этихъ принципіальныхъ противниковъ рабства[3]), но само противоположеніе „закона“ и

---

[1]) Всѣ свѣдѣнія, которыя имѣются относительно внѣшнихъ условій рабства, можно найти у Hermann-Blümner, Griech. Priv.-Alt. (1882), § 12—13; Becker-Göll, Charicles, III, p. 1—37; Marquardt-Mau, Privatleb. d. Römer (1886), p. 135—95; Becker, Gallus, II, 99—154; къ нимъ мы и отсылаемъ читателя по поводу отдѣльныхъ указаній, къ коимъ нѣтъ у насъ особыхъ цитатъ.

[2]) Aristot. Politic. I, 3, p. 1253 b, 20: *τοῖς δὲ παρὰ φύσιν* (*δοκεῖ εἶναι*) *τὸ δεσπόζειν. νόμῳ γὰρ τὸν μὲν δοῦλον εἶναι τὸν δ' ἐλεύθερον, φύσει δ' οὐδὲν διαφέρειν. διόπερ οὐδὲ δίκαιον· βίαιον γάρ.*

[3]) Susemihl (Aristot. not. 31), какъ и Oncken (Staatsl. d. Arist. II, p. 33) указываютъ на ритора Алкидаманта, про котораго извѣстно (Schol. Aristot. Rhet. I, 13, p. 1373 b, 18), что онъ выражался: *ἐλευθέρους ἀφῆκε πάντας θεός, οὐδένα*

„природы“ показываетъ намъ, въ какомъ направленіи мы должны ихъ искать: едва ли можетъ быть сомнѣніе, что эти авторы принадлежали къ кругу софистовъ V-го в., изъ коихъ многіе пытались доказать, что государственныя учрежденія вообще являются результатомъ человѣческаго соглашенія или постановленія, а не слѣдствіемъ имманентнаго, вѣчнаго закона природы (какъ думали напр. Платонъ и Аристотель). Это мнѣніе, высказанное уже раньше нѣкоторыми учеными, подтверждается тѣмъ, что подобныя же воззрѣнія мы встрѣчаемъ и у Эврипида, который во многихъ мѣстахъ своихъ трагедій проповѣдуетъ болѣе гуманное отношеніе къ рабамъ и является защитникомъ ихъ человѣческаго достоинства[1]), и въ нѣкоторыхъ остаткахъ новой комедіи, особенно у Менандра и Филемона, говорящаго: „Если кто и рабъ, онъ имѣетъ то же тѣло; отъ природы никто не родился рабомъ со времени того (Прометея), который впервые слѣпилъ человѣческій родъ. Одинаковый всѣмъ онъ далъ образъ, какъ роду свободному; свободными онъ всѣхъ сдѣлалъ по природѣ, въ рабовъ превратило ихъ насиліе: несчастіе поработило ихъ тѣло“[2]). Не подлежитъ же никакому

δοῦλον ἡ φύσις πεποίηκεν. Но должно сказать, что эта фраза была сказана въ рѣчи, произнесенной въ пользу порабощенныхъ спартанцами мессенянъ — распространялъ ли Алкидамантъ признаніе свободы и на варваровъ, подлежитъ еще сомнѣніямъ.

1) Мѣста эти тщательно сопоставлены у Онкена (Staatsl. II, p. 34—35), изъ коихъ достаточно будетъ привесть одно самое сильное:

δοῦλον γὰρ ἐσθλὸν τοὔνομ᾽ οὐ διαφθερεῖ
πολλοὶ δ᾽ ἀμείνους εἰσὶ τῶν ἐλευθέρων
(Eur. Melanipp. fr. 511 Nauck.[2])

2) Philemon. fr. 95 K. (Стихи 3—7, недавно найденные въ cod. Par. 1773, ихъ издатель H. Jacobi, заключилъ въ скобки, какъ подозрительные, и дѣйствительно они не только страдаютъ тавтологіей, но и въ словахъ *πλεονεξία* и *τύχη* противорѣчатъ несомнѣнно подлиннымъ, 1, 2, 8):

κἂν δοῦλος ᾖ τις, σάρκα τὴν αὐτὴν ἔχει·
φύσει γὰρ οὐδεὶς δοῦλος ἐγεννήθη ποτέ
[ἀπὸ τοῦ πάλαι πλάσαντος ἀνθρώπων γένος.
ἴσην δὲ πάντων διάθεσιν τοῦ σώματος
ἐποίησεν οὗτος ὡς ἐλευθέρου γένους.
ἐλευθέρους ἐποίησε πάντας τῇ φύσει,
δοῦλον δὲ μετεποίησεν ἡ πλεονεξία].
ἡ δ᾽ αὖ τύχη τὸ σῶμα κατεδουλώσατο.

Онкенъ (l. l.) и Беккеръ (Char. III, p. 4) знаютъ лишь три стиха, несомнѣнно подлинныхъ.

сомнѣнію, что въ своемъ міровоззрѣніи авторы новой комедіи въ большинствѣ случаевъ слѣдуютъ по стопамъ Эврипида, а послѣдній является проповѣдникомъ ученій софистовъ, такъ что и въ данномъ случаѣ мы въ правѣ принять ту же послѣдовательность.

Если такимъ образомъ можетъ считаться достовѣрнымъ, что положеніе о несправедливости рабства исходило отъ софистовъ, то оно въ значительной мѣрѣ теряетъ свою силу, такъ какъ является не искреннимъ выраженіемъ внутренняго убѣжденія, а однимъ изъ звеньевъ тенденціознаго ученія, что государство, общество и т. д. должны считаться человѣческими установленіями, что законы основаны не на правѣ и справедливости, а служатъ лишь интересамъ болѣе сильнаго[1]): естественно, искусные діалектики не могли найти болѣе соотвѣтствующаго своимъ цѣлямъ пункта для нападенія, нежели институтъ рабства, какъ лучше всего показываетъ попытка Аристотеля логическими доводами обосновать его законность и соотвѣтствіе требованіямъ природы, слабая и неубѣдительная въ своихъ аргументахъ и преисполненная софизмовъ и противорѣчій. Что наше сужденіе о софистахъ не слишкомъ строго, что дѣйствительно ихъ толки о несправедливости рабства были не больше, какъ риторической фразой, какъ діалектическимъ оружіемъ, это лучше всего доказываетъ тотъ же Эврипидъ, который рядомъ съ возвышенными мѣстами, проповѣдующими человѣческое достоинство рабовъ, не скупится и на самыя рѣзкія выходки противъ нихъ и на положенія въ родѣ слѣдующаго: „надъ варварами эллинамъ природой опредѣлено властвовать“ — Аристотель приводитъ его въ пользу своихъ взглядовъ на законность рабства и на предназначеніе къ нему извѣстныхъ классовъ людей отъ природы[2]), и дѣлаетъ это столь основательно, что любой негроторговецъ могъ бы сослаться съ полнымъ правомъ на авторитетъ Эврипида, котораго нѣкоторые повѣйшіе ученые прославляютъ какъ поборника эманципаціи рабовъ.

---

[1]) Aristot. Soph. El. 12, p. 173 a, 7: *οἱ ἀρχαῖοι δὲ πάντες ᾤοντο συμβαίνειν, παρὰ τὸ κατὰ φύσιν καὶ κατὰ τὸν νόμον· ἐναντία γὰρ εἶναι φύσιν καὶ νόμον καὶ τὴν δικαιοσύνην κατὰ νόμον μὲν εἶναι καλὸν, κατὰ φύσιν δ' οὐ καλόν.* Срвн. характеристику и ученіе Ѳразимаха изъ Халкедона въ первой книгѣ Платонова „Государства“.

[2]) Eurip. Iphig. Aul. 1400: *βαρβάρων δ' Ἕλληνας ἄρχειν εἰκός* у Aristot. Politic. I, 2, p. 1252 b, 8: *ὡς ταὐτὸν φύσει βάρβαρον καὶ δοῦλον ὄν.*

Фактъ тотъ, что античное общество немыслимо безъ рабовъ, что древнее государство было основано на рабствѣ, и это долженъ былъ признать всякій серіозный мыслитель: sit ut est aut non sit — было въ данномъ случаѣ принципомъ, не допускавшимъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Часто твердятъ, что рабскій трудъ подорвалъ свободную работу въ античномъ мірѣ, что онъ внушилъ отвращеніе и презрѣніе къ ремесламъ, которыя стали считаться не достойными свободнаго человѣка, и во всемъ этомъ, конечно, значительная доля истины, какъ мы увидимъ дальше, но нельзя оставлять безъ вниманія и другой стороны вопроса, должно вспомнить, что южные народы вообще (и не только въ древности) отличаются съ одной стороны скромностью своихъ потребностей[1]), съ другой — лѣнью и отвращеніемъ ко всякому физическому труду: подобно тому, какъ въ наше время неаполитанскій lazzarone, по свидѣтельству путешественниковъ, не двинется съ мѣста, пока не съѣстъ послѣднихъ крохъ, такъ и аѳинянинъ въ классическую пору предпочиталъ получать три обола, спокойно сидя въ судилищѣ, нежели заработать драхму тяжелымъ ручнымъ трудомъ, — въ спискахъ работниковъ и поставщиковъ при разныхъ общественныхъ постройкахъ и сооруженіяхъ, дошедшихъ до насъ въ надписяхъ, мы находимъ много именъ метэковъ (значитъ же, свободная работа далеко не была уничтожена), но почти не встрѣчаемъ гражданъ, хотя можно съ увѣренностью предположить, что имъ было бы оказано предпочтеніе въ случаѣ конкурренціи. Сверхъ того античное государство по своему строю требовало непосредственнаго участія каждаго гражданина во всѣхъ дѣлахъ общественныхъ, а подобная обширная политическая дѣятельность поглощала слишкомъ много времени и въ столь сильной мѣрѣ сосредоточивала на себѣ вниманіе и интересъ полноправныхъ лицъ, что для ручной работы, вообще для домашнихъ занятій не оставалось мѣста: досугъ *(σχολή)* поэтому выставлялся всѣми государственными теоретиками древности какъ неизбѣжное условіе дѣятельнаго участія всѣхъ гражданъ въ общественныхъ дѣлахъ, а этотъ досугъ былъ немыслимъ безъ существованія обширнаго рабочаго класса, который не могъ, конечно, пополняться одними иностранцами, всюду

---

[1]) О скромности требованій античнаго человѣка срвн. Böckh, Staatsh. I, p. 141; Friedländer, Sittengesch. (6 Aufl.) III, p. 29.

слишкомъ малочисленными, а долженъ былъ въ главной мѣрѣ состоять изъ лицъ несвободныхъ — выводъ прямой и вполнѣ ясный.

Поэтому положеніе Аристотеля, что всякій совершенный домъ долженъ состоять изъ господъ и рабовъ[1]), былъ несомнѣнной аксіомой для всего древняго міра, противъ которой никто не могъ спорить — это было бы нелѣпостью: вопросъ былъ лишь относительно того, справедливо ли и согласно съ требованіями природы такое положеніе вещей, или же основано только на законѣ необходимости и утверждено на правѣ болѣе сильнаго, — послѣднее было мнѣніемъ софистовъ. Платонъ, вообще придерживаясь перваго взгляда, однако не только нигдѣ не пытается его обосновать или доказать, но даже избѣгаетъ его непосредственно высказать; мы можемъ сдѣлать выводъ относительно его воззрѣній лишь по тому, что государство онъ вообще считалъ воплощеніемъ справедливости, а оно и по его мнѣнію было не мыслимо безъ института рабства: въ своихъ „Законахъ“ онъ прямо издаетъ постановленія относительно рабовъ, при чемъ они всегда сравнительно со свободными подвергаются болѣе суровому, даже жестокому законодательству[2]), въ его идеалѣ лучшаго „Государства“, правда, о рабахъ нигдѣ не упоминается, но его протестъ противъ порабощенія эллинами своихъ соплеменниковъ вполнѣ доказываетъ, что подчиненіе варваровъ онъ считалъ совершенно законнымъ[3]); да и въ своемъ госу-

[1]) Aristot. Politic. I, 3, p. 1253 b, 4: *οἰκία δὲ τέλειος ἐκ δούλων καὶ ἐλευθέρων.*

[2]) Самое важное мѣсто относительно рабства у Платона, de Legg. VI, 19, p. 776 B—778 A, гдѣ, между прочимъ, встрѣчаются слѣдующія характерныя слова: *κολάζειν γε μὴν ἐν δίκῃ δούλους δεῖ, καὶ μὴ νουθετοῦντας ὡς ἐλευθέρους θρύπτεσθαι ποιεῖν. τὴν δὲ οἰκέτου πρόσρησιν χρὴ σχεδὸν ἐπίταξιν πᾶσαν γίγνεσθαι, μὴ προσπαίζοντας μηδαμῇ μηδαμῶς οἰκέταις.* Въ случаѣ преднамѣреннаго убійства виновный всегда подвергался смертной казни, но для раба она совершалась въ особенно позорной и жестокой формѣ (de Legg. IX, 11, p. 872 B): *ἐὰν δὲ δοῦλος ἐλεύθερον ἑκὼν ἀποκτείνῃ καὶ ὄφλῃ τὴν δίκην, ὁ τῆς πόλεως κοινὸς δήμιος ἄγων πρὸς τὸ μνῆμα τοῦ ἀποθανόντος, ὅθεν ἂν ὁρᾷ τὸν τύμβον, μαστιγώσας ὁπόσας ἂν ὁ ἑλὼν προστάττῃ, ἐάνπερ βιῷ παιόμενος ὁ φονεύς, θανατωσάτω.*

[3]) Plat. de Rep. V, 15, p. 469 B, C: *Πρῶτον μὲν ἀνδραποδισμοῦ πέρι δοκεῖ δίκαιον Ἕλληνας Ἑλληνίδας πόλεις ἀνδραποδίζεσθαι, ἢ μηδ' ἄλλοις ἐπιτρέπειν κατὰ τὸ δυνατόν, καὶ τοῦτο ἐθίζειν, τοῦ Ἑλληνικοῦ γένους φείδεσθαι; ..... Μηδὲ Ἕλληνα ἄρα δοῦλον ἐκτῆσθαι μήτε αὐτούς, τοῖς τε ἄλλοις Ἕλλησιν οὕτω συμβουλεύειν; Πάνυ μὲν οὖν, μᾶλλον γ' ἂν οὖν οὕτω πρὸς τοὺς βαρβάρους τρέποιντο.*

дарствѣ фплософовъ онъ ставитъ третій, рабочій классъ деміурговъ въ такую зависимость отъ первыхъ двухъ, что они едва ли многимъ возвышались надъ положеніемъ рабовъ, — онъ даже не считаетъ нужнымъ распространяться относительно ихъ правъ и обязанностей, такъ какъ признавалъ, очевидно, за ними лишь одно право и одну обязанность безусловнаго повиновенія волѣ привилегированныхъ классовъ[1]).

Аристотель, вообще болѣе положительный и болѣе послѣдовательный, нежели его учитель, всегда старающійся додумать всякую мысль до конца, и здѣсь не уклоняется отъ затрудненія, которое онъ вполнѣ ясно сознаетъ, а старается путемъ логическаго разсужденія изъяснить и доказать положеніе для него неизбѣжное: такъ какъ государство для него не произведеніе человѣческаго ума, а созданіе самой природы, рабство же составляетъ необходимую его основу, то слѣдовательно и оно не можетъ быть противоестественнымъ, а должно соотвѣтствовать природѣ; иначе бы послѣдняя въ своихъ твореніяхъ сама себѣ противорѣчила.

Входить въ подробное разсмотрѣніе его разсужденій намъ кажется не соотвѣтствующимъ нашимъ цѣлямъ и безполезнымъ послѣ обстоятельной и вполнѣ разумной критики, которой подвергъ все это мѣсто Онкенъ въ своей книгѣ Staatslehre des Aristoteles: мы можемъ только согласиться съ его выводами, когда онъ доказываетъ, что для Аристотеля ученіе о законности рабства было по общей теоріи его о государствѣ обязательно (мы сами пришли къ тому же заключенію, но на основаніи другаго разсужденія), но что силлогизмы, путемъ которыхъ онъ доходитъ до заранѣе предписанной цѣли, не могутъ быть названы вполнѣ правильными и отличаются во многихъ пунктахъ извѣстной слабостью, не ускользающей и отъ вниманія самого Аристотеля[2]).

---

[1]) Это ставитъ въ упрекъ своему учителю и Аристотель, говоря (Politic. II, 5, p. 1264 a, 11): *οὐ μὴν ἀλλ' οὐδὲ ὁ τρόπος τῆς ὅλης πολιτείας τίς ἔσται τοῖς κοινωνοῦσιν, οὔτ' εἴρηκεν ὁ Σωκράτης οὔτε ῥᾴδιον εἰπεῖν. καίτοι σχεδὸν τό γε πλῆθος τῆς πόλεως τὸ τῶν ἄλλων πολιτῶν γίνεται πλῆθος, περὶ ὧν οὐδὲν διώρισται.*

[2]) Oncken, Staatsl. des Aristot. II. B. 2-tes Cap. (Die Sklaverei als Naturgesetz) §§ 2 et 3, p. 36 sqq. Онъ различаетъ у Аристотеля три основныхъ положенія: 1) die Sklaverei muss von Natur gewollt sein, denn sie hat uns nun einmal so geschaffen, dass wir der Sklavenarbeit nicht entbehren können; 2) Sklave ist, wer, obgleich Mensch von Natur, eines Anderen Eigenthum ist mit Leib und

Послѣдній выставляетъ два основныхъ положенія: человѣкъ нуждается отъ природы въ орудіяхъ, какъ неодушевленныхъ, такъ и одушевленныхъ, къ коимъ принадлежатъ рабы (слѣдовательно рабство лежало въ цѣляхъ природы); во-вторыхъ, дѣленіе на властвующихъ и подвластныхъ проходитъ черезъ всю природу, начиная съ отношенія души къ тѣлу, человѣка къ животному, а слѣдовательно и „тѣ люди, которые отличаются отъ другихъ, насколько тѣло — отъ души и животное — отъ человѣка, отъ природы предназначены къ рабству, и для нихъ самихъ полезнѣе находиться въ такомъ же подчиненіи, какъ и выше названнымъ“ [1]). Онкенъ прекраснымъ образомъ показалъ, какъ Аристотель самъ въ концѣ концовъ, дѣлая одну уступку за другой, долженъ сознаться, что природа, если и имѣла подобную цѣль, то отлично съумѣла ее скрыть, потому что не только трудно установить либо въ физическомъ, либо въ нравственномъ отношеніи точное различіе между лицами, предназначенными къ свободѣ или къ рабству, но даже часто рабы обладаютъ всѣми душевными качествами свободныхъ [2]). Другое, еще болѣе важное *πρῶτον ψεῦδος* Аристотеля, на которое его критикъ не обратилъ достаточно вниманія, а указалъ лишь мимоходомъ, состоитъ въ томъ, что онъ смѣшалъ два понятія „*ἄρχεσθαι*“ и „*δουλεύειν*“ — „подчиненіе“ и „рабство“ (и соотвѣтствующія имъ *ἄρχειν* и *δεσπόζειν*): что всегда и всюду болѣе сильные дарованіями ума и силами души властвовали и

Seele; 3) von Natur zur Sklaverei bestimmt sind Alle, die hinter Anderen zurückstehen, wie der Leib hinter der Seele, das Thier hinter dem Menschen. Мы можемъ признать только первое и третье, какъ сказано и въ текстѣ, такъ какъ второе является лишь опредѣленіемъ фактическаго состоянія рабовъ и ни за, ни противъ естественности рабства доказательствомъ служить не можетъ, какъ и самъ Аристотель говоритъ (Politic. I, 4, p. 1254 a, 13): *τίς μὲν οὖν ἡ φύσις τοῦ δούλου καὶ τίς ἡ δύναμις, ἐκ τούτων δῆλον.*

[1]) Aristot. Politic. I, 4, p. 1253 b, 23 sqq. et 5, 1254 b, 16: *ὅσοι μὲν οὖν τοσοῦτον διεστᾶσιν ὅσον ψυχὴ σώματος καὶ ἄνθρωπος θηρίου, οὗτοι μέν εἰσι φύσει δοῦλοι, οἷς βέλτιόν ἐστιν ἄρχεσθαι ταύτην τὴν ἀρχήν, εἴπερ καὶ τοῖς εἰρημένοις.*

[2]) Aristot. Politic. I, 5, p. 1254 b, 27: *βούλεται μὲν οὖν ἡ φύσις καὶ τὰ σώματα διαφέροντα ποιεῖν τὰ τῶν ἐλευθέρων καὶ τῶν δούλων, τὰ μὲν ἰσχυρὰ πρὸς τὴν ἀναγκαίαν χρῆσιν, τὰ δ' ὀρθὰ καὶ ἄχρηστα πρὸς τὰς τοιαύτας ἐργασίας, ἀλλὰ χρήσιμα πρὸς πολιτικὸν βίον, συμβαίνει δὲ πολλάκις καὶ τοὐναντίον, τοὺς μὲν (τοὺς ἐλευθέρους) τὰ σώματ' ἔχειν ἐλευθέρων, τοὺς δὲ (τοὺς δούλους) τὰς ψυχάς.*

будутъ властвовать надъ болѣе слабыми, это можетъ быть признано общимъ закономъ природы; что подобное владычество служитъ даже на пользу обѣимъ сторонамъ, это тоже вполнѣ справедливо; но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы подчиненные были низведены до состоянія безправныхъ рабовъ, „воодушевленныхъ орудій“ *(ὄργανα ἔμψυχα)*, точно такъ же, какъ на кораблѣ (употребляя примѣръ Аристотелевъ) второй кормчій дѣйствительно служитъ первому и долженъ находиться у него въ повиновеніи[1]), но вовсе не въ положеніи раба по отношенію къ господину[2]).

Еще менѣе состоятельны разсужденія Аристотеля тамъ, гдѣ ему приходится касаться жестокаго античнаго права войны, по которому не только имущество, но и сама личность побѣжденнаго доставалась въ удѣлъ побѣдителю[3]): напрасно онъ старается успокоить себя справедливымъ отчасти замѣчаніемъ, что всякая побѣда не можетъ быть основана лишь на физическомъ преобладаніи, а предполагаетъ извѣстное и нравственное превосходство побѣдителя[4]), — онъ не можетъ скрыть ни отъ себя, ни отъ другихъ несправедливости, противоестественности такого порядка вещей, при которомъ человѣкъ, сегодня еще пользовавшійся всѣми правами свободнаго гражданина свободнаго государства, могъ завтра попасть въ рабское подчиненіе къ другому, во всѣхъ отношеніяхъ ему уступающему; противъ воли онъ долженъ рядомъ съ раб-

---

[1]) Aristot. Politic. I, 4, p. 1253 b, 27: *τῶν δ' ὀργάνων τὰ μὲν ἄψυχα τὰ δὲ ἔμψυχα, οἷον τῷ κυβερνήτῃ ὁ μὲν οἴαξ ἄψυχον ὁ δὲ πρῳρεὺς ἔμψυχον.*

[2]) Самъ Аристотель различаетъ два вида *ἀρχῆς* (ibid. p. 1254 b, 2): *ἔστι δ' οὖν, ὥσπερ λέγομεν, πρῶτον ἐν ζῴῳ θεωρῆσαι καὶ δεσποτικὴν ἀρχὴν καὶ πολιτικήν· ἡ μὲν γὰρ ψυχὴ τοῦ σώματος ἄρχει δεσποτικὴν ἀρχήν, ὁ δὲ νοῦς τῆς ὀρέξεως πολιτικὴν καὶ βασιλικήν.*

[3]) Xen. Cyropaed. VII, 5, 73: *Νόμος γὰρ ἐν πᾶσιν ἀνθρώποις αἴδιός ἐστιν, ὅταν πολεμούντων πόλις ἁλῷ, τῶν ἁλόντων εἶναι καὶ τὰ σώματα τῶν ἐν τῇ πόλει καὶ τὰ χρήματα.* Aristot. Politic. I, 6, p. 1255 a, 6: *τὰ κατὰ τὸν πόλεμον κρατούμενα τῶν κρατούντων εἶναι φασίν.*

[4]) Послѣ словъ, приведенныхъ въ предыдущемъ примѣчаніи, Аристотель продолжаетъ: *τοῦτο δὴ τὸ δίκαιον πολλοὶ τῶν ἐν τοῖς νόμοις ὥσπερ ῥήτορα γράφονται παρανόμων, ὡς δεινὸν εἰ τοῦ βιάσασθαι δυναμένου καὶ κατὰ δύναμιν κρείττονος ἔσται δοῦλον καὶ ἀρχόμενον τὸ βιασθέν. καὶ τοῖς μὲν οὕτως δοκεῖ τοῖς δὲ ἐκείνως, καὶ τῶν σοφῶν. αἴτιον δὲ ταύτης τῆς ἀμφισβητήσεως,.....ὅτι τρόπον τινὰ ἀρετὴ τυγχάνουσα χορηγίας καὶ βιάζεσθαι δύναται μάλιστα, καὶ ἔστιν ἀεὶ τὸ κρατοῦν ἐν ὑπεροχῇ ἀγαθοῦ τινός, ὥστε δοκεῖν μὴ ἄνευ ἀρετῆς εἶναι τὴν βίαν.*

ствомъ естественнымъ, которое, по его мнѣнію, приличествуетъ варварамъ по отношенію къ эллинамъ, признать и другое, установленное лишь закономъ и не согласное съ требованіями природы[1]). Такимъ образомъ и онъ приходитъ почти къ тѣмъ же результатамъ, какъ и его учитель Платонъ: принципіально защищая рабство, признавая его справедливымъ, необходимымъ и согласнымъ съ природой, онъ дѣлаетъ, однако, исключеніе въ пользу эллиновъ и желалъ бы, кажется (относительно этого пункта онъ опредѣленно не высказывается), отмѣнить въ ихъ пользу установленіе международнаго права, подвергавшее порабощенію всѣхъ военноплѣнныхъ[2]).

Въ самомъ строѣ древней Эллады, политическомъ и соціальномъ, какъ справедливо заключаетъ Онкенъ[3]), „лежала несомнѣнная причина, которая предрѣшала отношеніе реалистическаго мыслителя ко всему вопросу, и если въ немъ даже самый великій и смѣлый изъ идеалистовъ Эллады (Платонъ) вполнѣ сходился во взглядахъ съ поборникомъ натуралистическаго направленія въ ученіи о государствѣ (Аристотелемъ), то едва ли будетъ преувеличеніемъ сказать: въ данномъ вопросѣ была возможна лишь дилемма — или отрицать рѣшительно законность рабства, но тогда и требовать освобожденія всѣхъ рабовъ на основаніи ихъ неотъемлемыхъ человѣческихъ правъ, или исходить отъ необходимости рабства и стараться, насколько возможно, доказать, что существующій порядокъ вещей имѣетъ законное основаніе въ неизмѣнной природѣ людей. Третій исходъ, кажется намъ, былъ немыслимъ. Аристотель избралъ второй изъ указанныхъ путь, его доказательства кажутся намъ вполнѣ несостоятельными,

---

[1]) Aristot. op. l., p. 1255 a, 28: *διόπερ αὐτοὺς οὐ βούλονται λέγειν δούλους, ἀλλὰ τοὺς βαρβάρους. καίτοι ὅταν τοῦτο λέγωσιν, οὐδὲν ἄλλο ζητοῦσιν ἢ τὸ φύσει δοῦλον ὅπερ ἐξ ἀρχῆς εἴπομεν· ἀνάγκη γὰρ εἶναί τινας φάναι τοὺς μὲν πανταχοῦ δούλους τοὺς δὲ οὐδαμοῦ. τὸν αὐτὸν δὲ τρόπον καὶ περὶ εὐγενείας· αὐτοὺς μὲν γὰρ οὐ μόνον παρ' αὐτοῖς εὐγενεῖς ἀλλὰ πανταχοῦ νομίζουσιν, τοὺς δὲ βαρβάρους οἴκοι μόνον, ὡς ὄν τι τὸ μὲν ἁπλῶς εὐγενὲς καὶ ἐλεύθερον τὸ δ' οὐχ ἁπλῶς, ὥσπερ καὶ ἡ Θεοδέκτου Ἑλένη φησὶ*

„θείων δ' ἀπ' ἀμφοῖν ἔκγονον ῥιζωμάτων
τίς ἂν προσειπεῖν ἀξιώσειεν λάτριν;“

[2]) Срвн. Oncken, op. l., II, p. 48 sqq.

[3]) Oncken, op. l., II, p. 61.

но въ древней Элладѣ они находили всюду подкупленныхъ судей, которые произносили приговоръ какъ бы въ собственномъ дѣлѣ, и во всякомъ случаѣ они поступали честнѣе, нежели тѣ, которые въ принципѣ отвергали рабство (Эврипидъ и софисты), на практикѣ же находили его весьма полезнымъ и пріятнымъ учрежденіемъ. Мы не имѣемъ, вѣдь, никакого основанія думать, чтобы лица, отвергавшія естественность рабства, имѣли бы также смѣлость требовать на дѣлѣ отмѣны всякаго рода несвободы: если бы они это сдѣлали, то имена ихъ столь же вѣрно дошли бы до насъ, какъ имена защитниковъ аграрныхъ законовъ, и ихъ судьба едва ли многимъ бы разнилась отъ той, которая постигла защитниковъ илотовъ въ Спартѣ, Павсанія и Кинадона".

Въ интересномъ изслѣдованіи Онкенъ далѣе показываетъ[1]), что и послѣ Аристотеля никому ни изъ политическихъ дѣятелей, ни изъ философскихъ мыслителей (даже и Эпиктету, который самъ былъ когда-то невольникомъ) не приходила въ голову идея о полномъ уничтоженіи рабства, что въ этомъ отношеніи и введеніе христіанства не привело къ существенному измѣненію во взглядахъ, и что ученіе о беззаконности всякаго рода неволи и объ неотъемлемомъ правѣ человѣка, какой бы расѣ онъ ни принадлежалъ, на личную свободу является лишь продуктомъ очень постепеннаго развитія идеи гуманности, коей осуществленіе на дѣлѣ составляетъ честь и славу нашего XIX-го вѣка.

Опредѣливъ такимъ образомъ взглядъ древнихъ мыслителей на необходимость рабства и указавъ на главнѣйшіе мотивы, вызвавшіе образованіе такого понятія, попытаемся указать въ самыхъ общихъ чертахъ на тѣ послѣдствія, которыя общепризнанный и общераспространенный институтъ рабства имѣлъ для политическаго строя античной общины. Важнѣе, правда, еще можетъ показаться то вліяніе, которое онъ оказывалъ на соціальныя и экономическія условія жизни: вспомнимъ только, что вся промышленность, денежное хозяйство и торговля древняго міра вообще велась главнымъ образомъ помощью рабскаго труда, и мы уже можемъ составить себѣ достаточное понятіе о его значеніи для народнаго хозяйства, не вдаваясь въ частное разсмотрѣніе отдѣльныхъ примѣ-

---

[1]) Op. l., Buch. II, § 6 (p. 60): Die Logik der Selbsterhaltung der antiken Gesellschaft.

ровъ, которые въ данномъ случаѣ не могутъ для насъ представить интереса[1]).

Выше уже было указано на то обстоятельство, что работа невольниковъ, какъ болѣе дешевая и удобная для владѣльцевъ, безъ всякаго стѣсненія ими распоряжавшихся, по необходимости стѣсняла свободный трудъ, который не могъ бороться противъ такой конкурренціи (приблизительно въ той же мѣрѣ, какъ нынѣ ручная работа отдѣльныхъ ремесленниковъ не въ состояніи устоять противъ фабричнаго производства въ виду большей затраты и времени и денегъ, а слѣдовательно и большей дороговизны продуктовъ); слѣдствіемъ этого должна была явиться большая трудность заработка и добыванія средствъ къ жизни для низшихъ классовъ народонаселенія, не имѣвшихъ ни поземельной собственности, ни оборотнаго капитала и принужденныхъ жить работою своихъ рукъ — это ясно понимали и эллины: Мнасона, друга Аристотеля, перваго изъ фокидянъ, пріобрѣвшаго до тысячи рабовъ, его же соотечественники упрекали въ этомъ, говоря, что онъ столько же бѣднѣйшихъ гражданъ лишилъ куска хлѣба[2]).

Впрочемъ, должно сказать, что вредныя послѣдствія обширнаго рабовладѣнія въ соціальномъ отношеніи гораздо рѣзче сказались въ Римѣ, нежели въ Элладѣ, гдѣ число рабовъ несравненно было ограниченнѣе и гдѣ ихъ трудъ примѣнялся главнымъ образомъ къ ремесламъ, а не къ обработкѣ земли, а также вообще явственнѣе лишь со времени возникновенія бо́льшаго имущественнаго неравенства между бѣдными и богатыми, которое существованіе рабства усилило, правда, но не вызвало: въ классическую пору греческой исторіи число вовсе неимущихъ гражданъ всюду было весьма ограничено и увеличилось отчасти лишь послѣ бѣдствій Пелопоннесской войны, въ болѣе сильной мѣрѣ со времени походовъ Александра Македонскаго и особенно его діадоховъ, когда вмѣстѣ съ постепеннымъ паденіемъ Эллады наступило и страшное

---

[1]) Объ этой (политико-экономической) сторонѣ вопроса, кромѣ отдѣльныхъ замѣчаній, разсѣянныхъ по вышеуказаннымъ руководствамъ, срвн. Büchsenschütz, Besitz und Erwerb im Griech. Alterthum (Halle 1869), p. 316.

[2]) Athenaei VI, p. 264 c, d: *Τίμαιος δ' ὁ Ταυρομενίτης ἐν τῇ ἑνάτῃ τῶν ἱστοριῶν φησι..... πρώτῃ τῇ Φιλομήλου γυναικὶ τοῦ καταλαβόντος Δελφοὺς δύο θεραπαίνας ἀκολουθῆσαι. παραπλησίως δὲ καὶ Μνάσωνα τὸν Ἀριστοτέλους ἑταῖρον χιλίους οἰκέτας κτησάμενον διαβληθῆναι παρὰ τοῖς Φωκεῦσιν ὡς τοσούτους τῶν πολιτῶν τὴν ἀναγκαίαν τροφὴν ἀφῃρημένον.*

обѣдненіе, вѣрнѣе сказать, обнищаніе низшихъ классовъ, повлекшее за собою и опасные соціальные кризисы, какъ они сказались напр. въ эпоху спартанскихъ царей-реформаторовъ Агиса III и Клеомена III [1]).

Всѣ эти послѣдствія рабства, равно какъ и то вліяніе, которое оно оказывало на нравы и нравственность общества, вполнѣ естественно играли важную роль и для государства и отражались явственно на всемъ политическомъ строѣ, какъ это раньше указано многими учеными, — мы эти вопросы оставимъ въ сторонѣ, ограничившись сдѣланными только что указаніями, а обратимъ свое вниманіе на одно несравненно болѣе важное въ политическомъ отношеніи обстоятельство, которое въ большинствѣ случаевъ новѣйшими историками или умалчивается или забывается, во всякомъ случаѣ не достаточно выдвигается на видъ и не удостоивается должнаго вниманія.

Дѣло въ томъ, что древніе термины, служившіе для обозначенія различій государственнаго устройства, „аристократія“ и „демократія“, находятся и понынѣ въ употребленіи, хотя съ нѣсколько измѣненнымъ значеніемъ: по весьма понятной, невольной ошибкѣ мы этотъ новый, съ теченіемъ времени создавшійся смыслъ переносимъ и на древность, говоря объ ея политіяхъ и оцѣнивая ихъ государственное устройство. Мало того, многіе новѣйшіе историки идутъ еще гораздо дальше и не только пользуются современнымъ политическимъ пониманіемъ, какъ оно образовалось въ конституціонныхъ государствахъ Запада, для объясненія государственной жизни древности, при чемъ даже часто проводятъ параллели между дѣятелями древними и современными, но и въ своей

---

[1]) Изъ многихъ мѣстъ Полибія, рисующаго намъ состояніе Эллады въ концѣ III-го и началѣ II-го в. въ самомъ грустномъ свѣтѣ, наиболѣе характерное, быть можетъ, то, гдѣ онъ разсказываетъ, что въ Беотіи въ продолженіе 25 лѣтъ судопроизводство прекратилось, потому что магистраты въ угоду толпѣ не хотѣли допустить разбирательства по искамъ кредиторовъ къ своимъ должникамъ (Polyb. XX, 6, 1—4). Много матеріала по этому вопросу даютъ и Плутарховы біографіи Агиса, Клеомена и Арата: видно, какъ всюду новый раздѣлъ земельной собственности и уничтоженіе долговыхъ обязательствъ были вопросами, наиболѣе волновавшими греческія республики. Срвн. кромѣ краткихъ замѣчаній Моммсена (Röm. Gesch. I, p. 699), G. F. Hertzberg, Gesch. Griech. unter röm. Herrsch. I, p. 97, 224 etc. Petit de Julleville, La Grèce sous la domination romaine (1879), chap. VI et VII (p. 109, 129).

оцѣнкѣ какъ отдѣльныхъ личностей, такъ и цѣлыхъ системъ политическаго устройства руководятся не соображеніями общаго характера, а личными симпатіями и антипатіями, возникшими на почвѣ современной парламентской жизни съ ея различными направленіями и враждующими партіями.

Такъ восторженное и отчасти преувеличенное восхваленіе аѳинской демократіи, какъ оно введено было въ науку впервые Гротомъ въ его классической исторіи Греціи, объясняется не столько здравой реакціей противъ господствовавшаго до его времени преклоненія предъ государственнымъ устройствомъ Спарты, сколько политическими тенденціями Грота, какъ виднаго дѣятеля партіи виговъ, — въ качествѣ вига онъ сочувствовалъ аѳинской демократіи и враждебно относился къ спартанскимъ олигархамъ, на которыхъ смотрѣлъ не иначе, какъ на современныхъ себѣ англійскихъ тори[1]) Подобнымъ же образомъ Курціусъ подъ вліяніемъ современныхъ направленій въ нѣмецкой парламентской жизни создалъ въ Аѳинахъ собственной фантазіей, какъ было выше указано, „клерикальную“ партію, которую привелъ въ такое же отношеніе къ пиѳійскому треножнику, въ какомъ нѣмецкая находится къ ватиканскому стулу: если бы онъ написалъ свою исторію двумя десятилѣтіями позже, то онъ по всей вѣроятности изобразилъ бы Перикла какъ носителя и поборника аѳинскаго Kulturkampf! Если подобныя ошибки и перенесеніе современныхъ политическихъ понятій и тенденцій встрѣчается намъ у двухъ самыхъ видныхъ историковъ Греціи, то можно уже легко себѣ представить, до какихъ крайностей доходитъ это направленіе у ихъ менѣе выдающихся послѣдователей, напр. у дѣятеля движенія 48-го года Mül-

[1]) Противъ Грота самымъ рѣзкимъ образомъ полемизируетъ Jul. Schvarcz во введеніи къ своему обширному и остроумному изслѣдованію: Demokratie von Athen (Leipzig 1891), p. XXXIX—XLVIII и въ другихъ мѣстахъ этой книги. Отдавая полную справедливость его начитанности въ древнихъ авторахъ (на надписи онъ не обращаетъ вниманія) и признавая во многихъ случаяхъ мѣткость его критики, мы должны сказать, что его ученость расплывается въ мелочахъ („vor lauter Bäumen sieht er den Wald nicht“), что его сужденія нисколько не менѣе субъективны, нежели мнѣнія его противниковъ, что никакимъ пониманіемъ связи между политическими формами и культурными условіями даннаго народа онъ не обладаетъ, что его языкъ въ своей вычурности не только грубъ, но и неправиленъ, и что при всей начитанности своей онъ Горація не знаетъ — est modus in rebus, sunt certi denique fines! Если исторія Грота — панегирикъ, то демократія Шварца — карикатура.

ler-Strübing'a, воображающаго себя великимъ политическимъ геніемъ и не возвышающагося надъ уровнемъ бойкаго политическаго памфлетиста[1]).

Указаніе и разъясненіе всѣхъ подобныхъ ошибокъ, доходящихъ иногда до нелѣпостей, отвлекло бы насъ слишкомъ далеко отъ нашего предмета: одно сопоставленіе всѣхъ сравненій, проводимыхъ между Перикломъ, Филиппомъ Македонскимъ, Демосѳеномъ и т. д. и разными современными дѣятелями, могло бы наполнить длиннѣйшій реестръ — намъ довольно будетъ показать, что античные термины: аристократія и въ особенности демократія, вовсе не соотвѣтствуютъ значенію, нынѣ съ этими словами соединяемому.

Прежде всего эти слова обозначаютъ теперь не столько особую форму государственнаго устройства, сколько извѣстное направленіе въ политическихъ воззрѣніяхъ и особенно въ соціальныхъ тенденціяхъ: правда, въ конституціонномъ государствѣ демократъ будетъ стоять за равное право голоса и одинаковое право на избраніе всякаго гражданина (actives und passives Wahlrecht, jus suf-

---

[1]) H. Müller-Strübing, Aristophanes und die historische Kritik (1873). Особенно характерны его изслѣдованія относительно „Wahlkämpfe“ при выборахъ имъ самимъ созданнаго „Staatsschatzmeister“ („wie ja auch in England der Premier-Minister nichts anderes ist, als the first Lord of the treasury“: p. 197) и его исправленія и дополненія ѳукидидовской исторіи пелопоннесской войны на стр. 382 и т. д. Въ силу чего онъ ихъ предпринимаетъ, онъ самъ высказываетъ на стр. 26—27: dazu gehört ein gewisser angeborner Sinn für Politik; weiter die Erziehung und Bildung dieses Sinnes für Politik, wenn er vorhanden ist, durch Theilnahme sei es active, sei es passive, an einem grossartigen öffentlichen Leben in einem freien Gemeinwesen — und das ist freilich ein Erziehungshülfsmittel, das wir, die wir längere Zeit in England gelebt, vor unseren Freunden und Mitstrebenden in Deutschland bis jetzt leider noch voraushaben; dazu gehört endlich als letzte Blüthe des angeborenen, durch Erfahrung erzogenen und gebildeten Sinnes für Politik, eine schlagfertige, productive Phantasie! Въ послѣдней ему дѣйствительно отказать нельзя, но до чего она доводитъ, доказываетъ его произвольное „возсозданіе“ исторіи Аѳинъ въ пелопоннесскую войну и его все „просвѣтляющійся“ взглядъ на недобросовѣстность и лживость ѳукидида. Срвн. A. Bauer, Thukydides und H. Müller-Strübing (Nördlingen 1887) — чрезвычайно удачная критика. Въ сущности между Ю. Шварцемъ и Г. Мюллеръ-Штрюбингомъ, несмотря на ихъ различныя точки зрѣнія, разница не велика: одинъ основывается на своихъ познаніяхъ въ области государственнаго права, другой — на тонкомъ пониманіи политики, чтобы отвергнуть съ презрѣніемъ результаты, добытые „реальной филологіей“ (Realphilologie), и на мѣсто ихъ поставить односторонніе и произвольные созданія своей фантазіи.

fragii et jus honorum, сказали бы римляне), которыя аристократъ постарается ограничить извѣстнымъ цензомъ, имущественнымъ или образовательнымъ, но главная борьба между обоими будетъ разыгрываться на почвѣ соціальныхъ вопросовъ въ законодательствѣ, которые одинъ будетъ рѣшать въ пользу высшихъ классовъ, другой — въ угоду народу, т.-е. простому, отчасти третьему сословію, главнымъ же образомъ рабочему населенію. Для послѣднихъ, естественно, улучшеніе ихъ матеріальнаго положенія и облегченіе разнаго рода налоговъ гораздо важнѣе права голоса (послѣднее для нихъ имѣетъ лишь посредственное значеніе), поэтому и демократическія тенденціи, равно какъ и аристократическія, могутъ существовать не только въ конституціонныхъ, но и въ абсолютныхъ монархіяхъ при полной приверженности въ господствующему государственному строю[1]).

Въ древности было совсѣмъ иначе — какъ демократія, такъ и аристократія исключали монархію, такъ какъ это были не столько политическія направленія, сколько особыя формы конституціи, какъ показываетъ и этимологія самихъ названій: въ аристократіяхъ правилъ привилегированный классъ, въ демократіяхъ — весь народъ, и притомъ послѣдній въ самомъ строгомъ смыслѣ правилъ самъ, а не посредствомъ только избираемыхъ имъ на время представителей оберегалъ свои верховныя права и оказывалъ нѣкоторое вліяніе на общій ходъ политики[2]). „Демосъ“ былъ поистинѣ самымъ абсолютнымъ и неограниченнымъ монар-

---

[1]) Правда, одинъ изъ самыхъ выдающихся государствовѣдовъ, Bluntschli (Allg. Staatsl. p. 381) отрицаетъ возможность демократической монархіи, а признаетъ лишь монархію съ демократическими тенденціями („democratisirende Monarchie“); но едва ли въ этомъ случаѣ не подѣйствовала на него этимологія словъ: демократическая монархія, дѣйствительно, заключаетъ contradictio in adiecto — не можетъ единовременно носителемъ суверенитета быть и народъ и монархъ: „demokratisirende Monarchie“ возможна, потому что обозначаетъ такую государственную форму, гдѣ исключены привилегіи лицъ знатнаго происхожденія и всѣ члены государства равны передъ закономъ, т.-е. такую, которая въ своемъ направленіи сходится съ тенденціями демократіи.

[2]) Этого не понялъ Jul. Schvarcz (Kritik der Staatsformen des Aristoteles. Eisenach 1890), въ виду чего и его критика, несмотря на нѣкоторыя цѣнныя замѣчанія, страдаетъ отъ свойственной ему односторонности и несправедливости (онъ даже обвиняетъ Аристотеля въ Literaturfälschung?!). Такъ напр. вся его критика (p. 57) противъ классическаго опредѣленія Аристотелева основной формы демократіи (Politic. VI, 4, p. 1291 b, 30) вытекаетъ изъ непониманія самаго тер-

хомъ, не знавшимъ никакого предѣла своей власти, кромѣ тѣхъ нормъ, которыя онъ самъ себѣ поставилъ, но и самолично могъ во всякое время отмѣнить; всѣ остальныя власти въ демократіи не только всю свою силу заимствовали отъ народа, бывшаго настоящимъ roi-soleil, но и являлись ничѣмъ инымъ, какъ его слугами, „министрами“ монарха: если эти слуги нерѣдко пріобрѣтали огромное вліяніе на своего „господина“ и направляли его по своему усмотрѣнію, то и это находитъ себѣ аналогіи въ абсолютныхъ монархіяхъ[1]). Что это дѣйствительно было такъ, доказывается исторіей всѣхъ греческихъ республикъ и будетъ обстоятельнѣе изложено нами во всѣхъ частностяхъ при разсмотрѣніи народныхъ собраній аѳинской демократіи; что это м о г л о быть такъ, объясняется единственно общераспространеннымъ институтомъ рабства.

Въ аристократіяхъ, дѣйствительно, небольшая группа богатѣйшихъ гражданъ могла бы безъ особаго ущерба для своихъ частныхъ дѣлъ заниматься постоянно дѣлами правленія и помимо существованія рабства — пришлось бы только замѣнить невольничій трудъ работой по вольному найму; но для настоящихъ демократій обширное рабовладѣніе было необходимымъ условіемъ ихъ существованія — одно оно въ состояніи было, какъ выше сказано, до-

---

мина „*δῆμος*“. Онъ видитъ противорѣчіе между этимъ мѣстомъ и другимъ (ibid. III, 7, p. 1278 a, 37): „Dort hatte er mit Worten, welche keinen Zweifel zulassen, erklärt, eine Demokratie sei nur dort, wo die Staatsgewalt eine Mehrheit besitze, welche aus Freien und Armen besteht — und hier spricht er wiederum von einer Unterart der Demokratie, deren Wesen er eben in der unbedingten politischen Gleichberechtigung der Armen und der Reichen erblickt“. Слова Аристотеля очень ясны: *δημοκρατία μὲν οὖν ἐστὶ πρώτη μὲν ἡ λεγομένη μάλιστα κατὰ τὸ ἴσον. ἴσον γάρ φησιν ὁ νόμος ὁ τῆς τοιαύτης δημοκρατίας τὸ μηδὲν μᾶλλον ὑπερέχειν τοὺς ἀπόρους ἢ τοὺς εὐπόρους μηδὲ κυρίους εἶναι ὁποτερουσοῦν, ἀλλ' ὁμοίους ἀμφοτέρους* (до сихъ поръ Шварцъ правъ, но Аристотель прибавляетъ)· *ἐπεὶ δὲ πλείων ὁ δῆμος, κύριον δὲ τὸ δόξαν τοῖς πλείοσιν, ἀνάγκη δημοκρατίαν εἶναι ταύτην* („такъ какъ демосъ, т.-е. простой народъ, составляетъ большинство, а большинству принадлежитъ рѣшеніе дѣлъ, то мы здѣсь имѣемъ народоправленіе“).

[1]) Таково сужденіе и Аристотеля (Politic. VI (IV), 4, p. 1292 a, 11): *μόναρχος γὰρ ὁ δῆμος γίνεται, σύνθετος εἷς ἐκ πολλῶν· οἱ γὰρ πολλοὶ κύριοί εἰσιν οὐχ ὡς ἕκαστος ἀλλὰ πάντες .... ὁ δ' οὖν τοιοῦτος δῆμος, ἅτε μόναρχος ὢν, ζητεῖ μοναρχεῖν διὰ τὸ μὴ ἄρχεσθαι ὑπὸ νόμου, καὶ γίνεται δεσποτικός, ὥστε καὶ οἱ κόλακες ἔντιμοι, καὶ ἔστιν ὁ δῆμος οὗτος ἀνάλογον τῶν μοναρχιῶν τῇ τυραννίδι.*

ставить гражданамъ въ ихъ совокупности необходимый для дѣйствительнаго участія въ правленіи досугъ, такъ какъ кромѣ рабовъ никто не могъ замѣнить ихъ въ повседневныхъ занятіяхъ и работахъ. Не только они доставляли своимъ господамъ средства къ жизни безъ собственной работы, для коей у послѣднихъ не оставалось времени — это могло бы сдѣлать и отчасти дѣлало государство, давая имъ „суточныя“ за участіе въ собраніи, совѣтѣ, судахъ и т. д.; но рабы должны были вообще исполнить всю ту массу работы, которая необходима для общества и государства. Предположимъ, что при современныхъ условіяхъ въ какомъ-либо государствѣ или городѣ была введена античная демократія, то какъ бы высоко ни оплачивалось участіе въ правленіи бѣднѣйшихъ классовъ населенія, живущихъ физическимъ трудомъ, но еслибъ они должны были присутствовать четыре раза въ мѣсяцъ въ общенародномъ собраніи и въ громадной массѣ засѣдать въ совѣтѣ, судахъ и другихъ учрежденіяхъ, не считая собранія филъ, фратрій, демовъ, то такое государственное устройство не просуществовало бы и десятка лѣтъ: или участіе въ управленіи низшихъ рабочихъ классовъ осталось бы простой фикціей, или государство обанкрутилось бы, лишившись крестьянъ, ремесленниковъ, фабрикантовъ, купцовъ и т. д., которые вмѣсто того, чтобы работать, занимались бы дѣлами правленія, не говоря уже о меньшемъ неудобствѣ, что громадная масса гражданъ многіе дни въ году буквально оставалась бы безъ обѣда, лишившись прислуги и не привыкши исполнять ея работу.

Другое существенное различіе между древней и современной демократіей явствуетъ само собою изъ только что сказаннаго: послѣдняя провозглашаетъ равенство всѣхъ передъ закономъ и даетъ всѣмъ своимъ членамъ равное право голоса въ той мѣрѣ, какъ оно вообще нынѣ примѣняется (для выборовъ представителей), первая же лишала преобладающую по численности массу народонаселенія не только всякихъ политическихъ и частныхъ правъ, но и личной свободы въ пользу привилегированнаго меньшинства. Такимъ образомъ различіе между древней аристократіей и демократіей съ современной точки зрѣнія не должно казаться особенно велико: находилось ли правленіе государства въ рукахъ ста или тысячи привилегированныхъ семей или нѣсколько больше, является въ сущности довольно безразличнымъ сравнительно съ преобла-

дающимъ по численности классомъ лицъ, лишенныхъ и всякихъ правъ и даже человѣческаго достоинства и имени, который составлялъ общую и необходимую основу всѣхъ древнихъ государствъ[1]).

Рѣзкая грань, поставленная въ античномъ обществѣ между свободнымъ и рабомъ, была еще чувствительнѣе въ гуманной Элладѣ, нежели въ суровомъ Римѣ[2]): не только въ послѣднемъ эманципація рабовъ примѣнялась въ болѣе широкихъ размѣрахъ, такъ что выработались и гораздо болѣе опредѣленныя для нея юридическія формы, но и съ довольно древнихъ временъ (окончательно послѣ цензуры Аппія Клавдія) всякій вольноотпущенникъ принимался въ ряды плебеевъ съ нѣкоторымъ лишь ограниченіемъ гражданскихъ правъ, и постепенный переходъ отъ состоянія рабства къ полному гражданскому равноправію былъ въ значительной мѣрѣ облегченъ[3]), между тѣмъ какъ даже въ Аѳинахъ, представительницѣ демократическаго принципа въ Греціи, рабъ никогда не могъ подняться выше состоянія метэка, т.-е. терпимаго въ государствѣ иностранца; единовременное освобожденіе значительнаго количества рабовъ и особенно принятіе ихъ въ число гражданъ считалось мѣрой революціонной наравнѣ съ передѣломъ земли и уничтоженіемъ долговыхъ обязательствъ, или даже хуже ихъ, и практиковалось лишь во времена чрезвычайныхъ кризисовъ для государства при гибели большинства свободнаго мужескаго населенія или въ

---

[1]) Въ данномъ случаѣ я вполнѣ соглашаюсь съ сужденіемъ Jul. Schvarcz'a (Demokratie, I, p. XLII) насчетъ Грота: „Ich sage philiströsen, denn der Liberalismus, der sich im Grote'schen Werke kundgibt, verdient kaum einen anderen Namen. Sich für die Sache der — ohngefähr sechzigtausend Seelen starken — Masse der ärmeren Staatsbürger, also der kleineren Edelleute von Athen — den Oligarchen gegenüber, mit voller Gluth zu ereifern, — die Sache der viermalhundert tausend Sklaven dagegen als beinahe nicht bestehend hinzunehmen, heisst doch nicht die fortschrittliche Bewegung des Menschengeschlechtes klar durchzusehen und für die bahnbrechenden Regungen der Geister zu Gunsten dieser Entwickelung mit gehörigem moralischen Muthe einzustehen".

[2]) Что вообще отношенія къ рабамъ были гуманнѣе въ Элладѣ, нежели въ Римѣ, признается всѣми безъ исключенія учеными: срвн. напр. Mommsen, Röm. Gesch. V, p. 250.

[3]) Срвн. Mommsen, Röm. St.-R. III, p. 58—59, 420 и спеціально объ участіи вольноотпущенниковъ въ народныхъ собраніяхъ: p. 434—44. О цензурѣ Апп. Клавдія — Liv. 9, 46: humilibus per omnes tribus divisis forum et campum corrupit. Въ куріяхъ они издревле принимали участіе вмѣстѣ съ своими патронами.

эпохи необыкновенныхъ междоусобицъ и соціальныхъ переворотовъ[1]).

Презрѣніе къ рабамъ вмѣнялось въ обязанность всякому доброму гражданину, а отсюда вытекало, естественно, пренебреженіе и къ рабскому труду, ко всякимъ занятіямъ ручной работой, ремеслами, мелкой торговлей и т. д., такъ что наименованіе „*βάναυσος*“ (ремесленникъ) было позорнымъ клеймомъ для всякаго свободнаго гражданина[2]). Подтвержденіе этому мы находимъ какъ въ комедіяхъ Аристофана, такъ и въ политическихъ ученіяхъ Платона (въ Законахъ) и Аристотеля; правда, ихъ всѣхъ обвиняютъ во враждебномъ отношеніи къ аѳинской демократіи, что совершенно справедливо по отношенію къ Платону и отчасти, можетъ быть, примѣнимо и къ Аристотелю, но не можетъ или по крайней мѣрѣ не должно бы быть говоримо и повторяемо объ Аристофанѣ. Онъ преслѣдуетъ извѣстныхъ олигарховъ столь же язвительно, какъ и ненавистныхъ ему демагоговъ, онъ бранитъ постоянно софистовъ

[1]) Примѣромъ для принятія рабовъ въ гражданство по случаю гибели части населенія могутъ служить происшествія въ Аргосѣ послѣ битвы противъ Клеомена, какъ повѣствуетъ Геродотъ (VI, 83): *Ἄργος δὲ ἀνδρῶν ἐχηρώθη οὕτω, ὥστε οἱ δοῦλοι αὐτῶν ἔσχον πάντα τὰ πρήγματα ἄρχοντές τε καὶ διέποντες*, хотя Аристотель знаетъ лишь о принятіи въ число гражданъ нѣкоторыхъ περίοικοι (Politic. VIII (V), 3, p. 1303 a, 6). О рабахъ аѳинскихъ, одаренныхъ послѣ битвы при Аргинуссахъ правомъ гражданства „платейцевъ“, будетъ рѣчь въ V-ой гл. Массы рабовъ были приняты въ число гражданъ при переворотѣ, произведенномъ въ Спартѣ Клеоменомъ III, и особенно подъ управленіемъ тирана Набиса.

[2]) Объ общественномъ положеніи свободныхъ рабочихъ въ древности, кромѣ указанныхъ руководствъ, срвн. W. Drumann, Die Arbeiter und Communisten in Griechenland und Rom. 1860 (мнѣ извѣстна лишь по цитатамъ), Planck въ Pauly's R.E. I, 2, p. 1821, и особенно прекрасныя статьи (хотя и довольно краткія) E. Caillemer'a и G. Humbert'a въ Daremberg-Saglio, Dictionn. d. antiq. I, p. 441 et 446. Наилучшимъ выразителемъ взглядовъ античнаго общества является Плутархъ (v. Pericl. c. 2): *Ἡ δ' αὐτουργία τῶν ταπεινῶν τῆς εἰς τὰ καλὰ ῥαθυμίας μάρτυρα τὸν ἐν τοῖς ἀχρήστοις πόνον παρέχεται καθ' αὑτῆς· καὶ οὐδεὶς εὐφυὴς νέος ἢ τὸν ἐν Πίσῃ θεασάμενος Δία γενέσθαι Φειδίας ἐπεθύμησεν ἢ τὴν Ἥραν τὴν ἐν Ἄργει Πολύκλειτος, οὐδ' Ἀνακρέων ἢ Φιλητᾶς ἢ Ἀρχίλοχος ἡσθεὶς αὐτῶν τοῖς ποιήμασιν. Οὐ γὰρ ἀναγκαῖον, εἰ τέρπει τὸ ἔργον ὡς χάριεν, ἄξιον σπουδῆς εἶναι τὸν ἐργασμένον.* Точно также выражается и Лукіанъ (Somn. 9). Aristot. Politic. III, 5, p. 1278 a, 11: *τῶν δ' ἀναγκαίων οἱ μὲν ἑνὶ λειτουργοῦντες τὰ τοιαῦτα δοῦλοι, οἱ δὲ κοινοὶ βάναυσοι καὶ θῆτες.* Caillemer (op. l., p. 443) указываетъ на три причины пренебреженія къ *βάναυσοι* (ихъ заимствуетъ у него Iw. Müller, Griech. Privatalt., p. 465 a).

и ихъ ученія, которые находили наибольше приверженцевъ не въ простомъ народѣ, а именно между аристократами, онъ издѣвается надъ jeunesse dorée Аѳинъ, наиболѣе склонной къ „лаконизму“ и враждебной демократіи, онъ восхваляетъ, правда, „доброе старое время“ и тѣмъ доказываетъ свой консерватизмъ, но консервативныя и аристократическія тенденціи не одно и то же, — каковъ его политическій идеалъ онъ указываетъ намъ, прославляя Мараѳономаховъ, коихъ никто, думаемъ, не обвинитъ въ анти-демократическомъ направленіи, и выставляя героями и носителями своихъ комедій не лицъ знатнаго происхожденія изъ рода Алкмеонидовъ или по крайней мѣрѣ *πατέρων ἐστρατηγηκότων*, а Тригеевъ, Дикеополидовъ и т. под. изъ класса средней руки землевладѣльцевъ или зажиточныхъ крестьянъ. Въ этомъ классѣ въ противоположность ремесленникамъ, торговцамъ и такъ наз. *ταυτικὸς ὄχλος* и онъ, и Аристотель, сходясь въ воззрѣніяхъ со многими законодателями древности и политиками новѣйшихъ временъ, видѣли главную крѣпость и силу государства — они были враждебны не демократіи, а охлократіи, преобладанію, господству черни, неимущаго люда, жившаго со дня на день скудными заработками и подачками отъ казны и толпившагося по площадямъ города и гавани Пирея и потому всегда готоваго явиться покричать и пошумѣть въ народномъ собраніи.

Не наше дѣло разбирать и критиковать такое воззрѣніе, мы должны только констатировать, что оно было очень распространено и вовсе не ограничивалось аристократическими государствами или кружками — это и весьма понятно: разъ рабъ и рабскій трудъ находился въ презрѣніи, то естественно было человѣку и свободному, но занимавшемуся тою же работою, не отличавшемуся почти ни по внѣшности, ни по образу жизни отъ невольника, приписать и всѣ внутреннія качества, наклонности, недостатки и вообще духъ настоящаго раба и признать его потому неспособнымъ къ достойному свободнаго эллина выполненію гражданскихъ обязанностей[1]).

[1]) Аристофанъ въ столькихъ мѣстахъ своихъ комедій направляетъ свои нападки противъ *βάναυσοι*, что перечислить ихъ нѣтъ никакой возможности: достаточно будетъ указать на его характеристику Пафлагонца-*βυρσοδέψης* и Агоракрита-*ἀλλαντοπώλης* въ Всадникахъ, чтобы уяснить его взглядъ на участіе ремесленниковъ въ государственномъ управленіи. — Платонъ въ Государствѣ (VI,

Обыкновенно ученые ссылаются на то, что лишь въ городахъ съ аристократической конституціей „банаузы“ находились въ пренебреженіи, какъ напр. въ Спартѣ или въ Ѳивахъ, гдѣ по законамъ, даннымъ Бакхіадомъ изъ Коринѳа Филолаемъ даже избраніе на какую-нибудь должность ставилось въ зависимость отъ условія, чтобы лицо, выступавшее кандидатомъ, въ продолженіе по крайней мѣрѣ десяти лѣтъ воздерживалось отъ всякаго ремесла[1]); въ противоположность этому указываютъ съ большой похвалой на примѣръ Аѳинъ, гдѣ оправдывалось будто бы изреченіе Гезіода: „ни-

9, 495 D) говоритъ: *ὑπὸ τῶν τεχνῶν τε καὶ δημιουργιῶν ὥσπερ τὰ σώματα λελώβηνται, οὕτω καὶ τὰς ψυχὰς συγκεκλασμένοι τε καὶ ἀποτεθρυμμένοι διὰ τὰς βαναυσίας τυγχάνουσιν.* Поэтому онъ и предписываетъ (ibid. IX, 13, p. 590 C): *ἵνα καὶ ὁ τοιοῦτος ὑφ' ὁμοίου ἄρχηται οἵουπερ ὁ βέλτιστος, δοῦλον αὐτὸν φάμεν δεῖν εἶναι ἐκείνου τοῦ βελτίστου καὶ ἔχοντος ἐν αὑτῷ τὸ θεῖον ἄρχον.* Въ Законахъ (VIII, 11, p. 846 D) онъ же издаетъ постановленіе: *ἐπιχώριος μηδεὶς ἔστω τῶν περὶ τὰ δημιουργικὰ τεχνήματα διαπονούντων, μηδὲ οἰκέτης ἀνδρὸς ἐπιχωρίου* (направлено противъ аѳинскаго обычая устраивать фабрики (*ἐργαστήρια*), основанныя на рабскомъ трудѣ: напр. отецъ Демосѳена) *τέχνην γὰρ ἱκανὴν πολλῆς ἀσκήσεως ἅμα καὶ μαθημάτων πολλῶν δεομένην κέκτηται πολίτης ἀνὴρ τὸν κοινὸν τῆς πόλεως κόσμον σώζων καὶ κτώμενος, οὐκ ἐν παρέργῳ δεόμενον ἐπιτηδεύειν.* — У Аристотеля во многихъ мѣстахъ высказывается мысль, что ремесленный классъ неспособенъ къ исполненію государственныхъ функцій; наиболѣе характерны два мѣста въ Политикѣ, V (VIII), 2, p. 1337 b, 8: *βάναυσον δ' ἔργον εἶναι δεῖ τοῦτο νομίζειν καὶ τέχνην ταύτην καὶ μάθησιν, ὅσαι πρὸς τὰς χρήσεις καὶ τὰς πράξεις τὰς τῆς ἀρετῆς ἄχρηστον ἀπεργάζονται τὸ σῶμα τῶν ἐλευθέρων ἢ τὴν διάνοιαν. διὸ τὰς τοιαύτας τέχνας ὅσαι παρασκευάζουσι τὸ σῶμα χεῖρον διακεῖσθαι βαναύσους καλοῦμεν, καὶ τὰς μισθαρνικὰς ἐργασίας, ἄσχολον γὰρ ποιοῦσι τὴν διάνοιαν καὶ ταπεινήν.* III, 5, p. 1278 a, 6: *ἐν τοῖς ἀρχαίοις χρόνοις παρ' ἐνίοις ἦν δοῦλον τὸ βάναυσον ἢ ξενικόν, διόπερ οἱ πολλοὶ τοιοῦτοι καὶ νῦν· ἡ δὲ βελτίστη πόλις οὐ ποιήσει βάναυσον πολίτην.* Срвн. Xen. Oecon. 4, 2. Прекрасную и вполнѣ справедливую критику ученія Аристотеля (и implicite всего античнаго міра) о трудѣ и капиталѣ далъ Онкенъ (Staatsl. B. II, Cap. III, p. 75: das Wirthschaftsleben gemäss dem Naturgesetz).

[1]) Xen. Oecon. 4, 3: *ἐν ἐνίαις μὲν τῶν πόλεων, μάλιστα δὲ ἐν ταῖς εὐπολέμοις δοκούσαις εἶναι οὐδ' ἔξεστι τῶν πολιτῶν οὐδενὶ βαναυσικὰς τέχνας ἐργάζεσθαι.* Aristot. Politic. III, 4, p. 1277 b, 1: *παρ' ἐνίοις οὐ μετεῖχον οἱ δημιουργοὶ ἀρχῶν πρὶν δῆμον γενέσθαι τὸν ἔσχατον.* Aelian. Var. Hist. VI, 6: *βάναυσον δ' εἰδέναι τέχνην ἄνδρα Λακεδαιμόνιον οὐκ ἐξῆν.* Срвн. разсказъ о хитрости Агесилая у Плутарха, v. Ages. c. 26; Apophth. Lacon. p. 214 A (I, p. 261 Didot). Aristot. Politic. III, 5, p. 1278 a, 25: *ἐν Θήβαις δὲ νόμος ἦν τὸν δέκα ἐτῶν μὴ ἀπεσχημένον τῆς ἀγορᾶς μὴ μετέχειν ἀρχῆς.* Cfr. ibid. VII (VI), 7, p. 1321 a, 28: Подобныя же установленія существовали и въ другихъ городахъ: *Παρὰ Θεσπιεῦ-*

какое дѣло не позорно, позорно лишь бездѣліе“[1]), и гдѣ уже Солономъ былъ изданъ законъ, преслѣдовавшій лѣнь и отсутствіе опредѣленныхъ занятій[2]) *(ἀργίας νόμος)* — законъ, который долженъ былъ, говорятъ, „показаться смѣшнымъ всякому спартанцу, законами напротивъ осужденному на бездѣліе“[3]). Если однако спросить, когда же примѣнялся этотъ благодѣтельный законъ, то его хвалители приходятъ въ сильное затрудненіе, такъ какъ не только не могутъ указать ни одного засвидѣтельствованнаго случая его дѣйствія, но даже принуждены сознаться, что несмотря на его существованіе, значительная часть гражданъ, и притомъ самая видная, оставалась безъ опредѣленныхъ занятій и отнюдь не преслѣдовалась и даже не осуждалась, — нѣкоторые ученые принимаютъ за вѣрное, что Солоновскій законъ съ теченіемъ времени пришелъ въ забвеніе[4]).

σιν αἰσχρὸν ἦν τέχνην μαθεῖν καὶ περὶ γεωργίαν διατρίβειν (Ps.-Heracl. Pont. XLIII: Fr. Hist. Gr. II, 224). Въ Эпидамнѣ было установленіе, чтобы ремесла исполнялись общественными рабами, и туже мѣру предложилъ Діофантъ въ Аѳинахъ (Aristot. Politic. III, 7, p. 1267 b, 16). Срвн. Böckh, Staatsh. I, p. 58.

[1]) Hesiod. Op. et D. 311: *ἔργον δ' οὐδὲν ὄνειδος, ἀεργίη δὲ τ' ὄνειδος.*

[2]) Насчетъ точнаго содержанія этого *ἀργίας νόμου* нѣтъ у насъ никакихъ положительныхъ данныхъ; насчетъ его автора писатели несогласны между собою: Лизій (Lex. Cantabr., p. 665, 20), Діогенъ Лаертскій (I, 55) съ его же словъ, Плутархъ (v. Sol. c. 17) и Поллуксъ (VIII, 42) приписываютъ его Дракону, Геродотъ (II, 177) и Діодоръ (I, 77) — Солону, Ѳеофрастъ въ своихъ Законахъ — тиранну Писистрату (Plut. v. Sol. c. 31). И о судилищѣ намъ ничего достовѣрнаго неизвѣстно: Плутархъ (v. Sol. c. 22) наипроще говоритъ, что Ареопагъ (въ древнѣйшее время обладавшій censura morum) по своему усмотрѣнію (и вѣроятно, безъ особаго обвиненія) наказывалъ праздношатающихся *(Σόλων... ταῖς τέχναις ἀξίωμα περιέθηκε καὶ τὴν ἐξ Ἀρείου πάγου βουλὴν ἔταξεν ἐπισκοπεῖν, ὅθεν ἕκαστος ἔχει τὰ ἐπιτήδεια, καὶ τοὺς ἀργοὺς κολάζειν);* подтверждаетъ это и Athen. IV, p. 168 a, b (таково воззрѣніе и Schömann'a, Gr. Alt. I, p. 527). Новѣйшіе ученые отвергаютъ это свидѣтельство и относятъ *ἀργ. γρ.* къ суду геліастовъ и къ вѣдѣнію архонта, основываясь на указаніи позднѣйшаго лексикографа (Bekker, Anecd. gr. I, p. 310, 3 — изданія этого я достать не могъ); но оно оказывается вполнѣ несостоятельнымъ въ виду полнаго молчанія Аристотеля въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ перечисляетъ судебныя дѣла, подлежащія вѣдѣнію архонта (Ath. Pol. 56). Срвн. Meier-Schömann-Lipsius, Att. Proc. I, p. 364 и Caillemer въ Daremb. Dict. d. antiq. I, p. 412 (послѣдняго статья болѣе обстоятельна).

[3]) Такъ повѣствуетъ и Плутархъ, v. Lyc. c. 24 и авторъ Apophth. Lac., p. 221 c (I, p. 271 Did.): *Ἡρώνδας, Ἀθήνησιν ἁλόντος τινὸς γραφὴν ἀργίας, παρὼν καὶ πυθόμενος, ἐκέλευσεν ἐπιδεῖξαι αὐτῷ τὸν τὴν ἐλευθερίας δίκην ἡττηθέντα.*

[4]) Только въ спискѣ Лизіевыхъ рѣчей въ Cod. Pal. упоминается: *κατὰ Νικί-*

Мы вовсе не думаемъ его отрицать въ виду прямыхъ свидѣтельствъ авторовъ и даже готовы допустить, что онъ въ иныхъ случаяхъ находилъ фактическое примѣненіе, но склонны толковать его нѣсколько иначе: точнаго, вѣдь, содержанія его никто изъ писателей намъ не передалъ. Солонъ своей сейсахтіей и другими соціальными законами облегчилъ экономическое положеніе мелкихъ землевладѣльцевъ и вообще бѣднѣйшихъ гражданъ; но многіе, какъ извѣстно, остались недовольны этими реформами, не соотвѣтствовавшими ихъ преувеличеннымъ ожиданіямъ: дабы эти лица въ надеждѣ на будущія блага (новыя отпущенія долговъ и передѣлъ земли) вмѣсто того, чтобы усиленнымъ трудомъ поправить расшатанное имущественное положеніе, не предались столь же безполезной для нихъ, сколько вредной для государства политической агитаціи, Солонъ и издалъ упомянутый законъ противъ бездѣлья и празднаго шатанья. Такое толкованіе Солоновскаго закона подтверждается подобными же мѣрами Писистрата, который всѣми средствами старался поднять классъ мелкихъ землевладѣльцевъ, пріучая ихъ къ усиленной обработкѣ земли, и по возможности уменьшить городскую толпу[1]), гдѣ наилегче развиваются подобныя стремленія къ праздной жизни на чужой счетъ, а далѣе и къ противозаконной наживѣ: какъ замѣчаетъ справедливо Платонъ, въ государствѣ, въ коемъ встрѣчается много бѣдняковъ безъ опредѣленныхъ занятій и средствъ къ жизни, должно опасаться и большаго числа лицъ, готовыхъ на всякое преступленіе[1]); если указанная дѣятельность Писистрата можетъ служить

δου ἀργίας, но на основаніи такого сомнительнаго свидѣтельства утверждать, что еще въ то время законъ былъ въ дѣйствіи, рискованно; и глухое упоминаніе его у Демосѳена (in Eubul. (LVII), 32, p. 1308) имѣетъ мало вѣса, такъ какъ весьма походитъ на адвокатскую уловку. Поэтому предположеніе Hefftter'a (Athen. Gerichtsverf. p. 170), что въ эпоху ораторовъ законъ этотъ уже пришелъ въ забвеніе, вовсе не лишенъ вѣроятія. Знаменательно, что Аристотель нигдѣ его не упоминаетъ.

[1]) Срвн. повѣствованіе Аристотеля (Ath. Pol. 16) о дѣятельности Писистрата и его объясненіе: *τοῦτο δ' ἐποίει δυοῖν χάριν, ἵνα μήτε ἐν τῷ ἄστει διατρίβωσιν ἀλλὰ διεσπαρμένοι κατὰ τὴν χώραν, καὶ ὅπως εὐποροῦντες τῶν μετρίων καὶ πρὸς τοῖς ἰδίοις ὄντες μήτ' ἐπιθυμῶσι μήτε σχολάζωσιν ἐπιμελεῖσθαι τῶν κοινῶν.*

[2]) Plat. d. Rep. VIII, 7, p. 552 D: *Δῆλον ἄρα ἐν πόλει οὗ ἂν ἴδῃς πτωχούς, ὅτι εἰσί που ἐν τούτῳ τῷ τόπῳ ἀποκεκρυμμένοι κλέπται τε καὶ βαλαντιοτόμοι καὶ ἱερόσυλοι καὶ πάντων τῶν τοιούτων κακῶν δημιουργοί.*

какъ бы подтвержденіемъ предполагаемаго нами содержанія Солонова закона, то какъ на непосредственное доказательство можно указать на слова Перикла, или вѣрнѣе Θукидида, который говоритъ, что въ Аѳинахъ не бѣдность ставится въ упрекъ человѣку, а неспособность или нежеланіе выйти изъ нея посредствомъ прилежанія и усиленной дѣятельности[1]).

Несмотря на такія мудрыя рѣчи, однако, въ Аѳинахъ, какъ и повсюду, не только господствовалъ принципъ: *χρήματα, χρήματ' ἀνήρ* (деньги составляютъ человѣка), но и воззрѣнія на трудъ ремесленника были нисколько не иныя, нежели въ самыхъ аристократическихъ государствахъ. Это доказываютъ уже многочисленныя выходки Аристофана противъ „кожевника" Клеона, „ламповщика" Гипербола, особенно же его карикатура демагога-колбасника: при всей снисходительности аѳинской публики къ личнымъ нападкамъ и при всей ея охотѣ посмѣяться, хотя бы на свой собственный счетъ, едва ли бы какой-нибудь комикъ могъ бы осмѣлиться оказывать такое полное и притомъ постоянное пренебреженіе ко всему рабочему люду, если бы эти взгляды шли въ разрѣзъ съ воззрѣніями большинства гражданъ, какъ обыкновенно увѣряютъ — ничто не можетъ уязвить больнѣе, нежели презрительное отношеніе къ извѣстному классу населенія; и если бы значительная масса публики состояла именно изъ этого класса или ему сочувствовала, то она навѣрное бы заплатила дерзкому поэту по крайней мѣрѣ энергичными свистками.

Но если кто-нибудь отвергаетъ свидѣтельство Аристофана, какъ поэта и притомъ комика, то мы можемъ привесть въ пользу нашего взгляда слова серіознаго политическаго дѣятеля — Демосѳена. Достаточно прочитать его рѣчь противъ Эвбулида и видѣть, съ какимъ стараніемъ, съ какою осторожностью, можно сказать, боязливымъ тономъ онъ въ двухъ мѣстахъ защищаетъ своего кліента отъ упрека, что онъ велъ мелочную торговлю лентами, чтобы призадуматься относительно почетнаго будто бы положенія ремеслъ въ Аѳинахъ: развѣ Эвбулидъ посмѣлъ бы упрекнуть своего противника въ ремесленныхъ занятіяхъ, если бы значительная часть судей, избиравшихся по жребію изъ всѣхъ аѳинянъ, были бы сами

[1]) Thuc. II, 40: *πλούτῳ τε ἔργου μᾶλλον καιρῷ ἢ λόγου κόμπῳ χρώμεθα, καὶ τὸ πένεσθαι οὐχ ὁμολογεῖν τινι αἰσχρόν, ἀλλὰ μὴ διαφεύγειν ἔργῳ αἴσχιον.*

ремесленники? очевидно, онъ могъ бы только этимъ повредить себѣ! А онъ, мало того, пользуется этимъ занятіемъ какъ аргументомъ негражданскаго происхожденія Евкситея: „онъ завѣдомо продавалъ ленты на рынкѣ, онъ — ремесленникъ, слѣдовательно онъ не аѳинянинъ, а метэкъ“ [1]) — какъ высоко ставилось званіе ремесленника, если оно могло само по себѣ служить доказательствомъ иностраннаго происхожденія! И какъ боязливо защищается и извиняется Евкситей! „мы признаемъ, что и ленты продавали и жили не такъ, какъ желали бы“, говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, а далѣе: „онъ ставитъ въ упрекъ моей матери и то, что она служила кормилицей, и мы не отрицаемъ, что это дѣйствительно случилось, когда государство было въ несчастіи и всѣ граждане находились въ бѣдственномъ положеніи; да не посмотритъ на это дурно никто изъ васъ, аѳиняне! если бы мы были богаты, мы бы не стали продавать ленты и не находились бы въ безвыходномъ положеніи; не брезгайте, судьи, бѣдняками (достаточное для нихъ бѣдствіе бѣдность сама по себѣ) и особенно тѣми, которые предпочитаютъ работать и законно добывать себѣ средства къ жизни“; и еще дальше: „что низко положеніе кормилицы, отъ этой истины я не уклоняюсь, но не въ томъ случаѣ мы повинны предъ закономъ, если мы были бѣдны, а лишь, если мы не граждане — не насчетъ общественнаго положенія и насчетъ состоянія идетъ настоящій споръ, а относительно рода: многія рабскія и недостойныя обязанности бѣдность заставляетъ выполнять и свободныхъ, за что справедливѣе пожалѣть ихъ, аѳиняне, нежели казнить“ [2]).

Намъ кажется, что въ виду подобныхъ рѣчей, произнесенныхъ въ аѳинскомъ судилищѣ, которое составлялось преимущественно изъ среднихъ и низшихъ классовъ гражданъ, можно смѣло утвер-

---

[1]) Dem. in Eubul. (LVII), 31, p. 1308: *καὶ εἴ σοί ἐστι τοῦτο (τὸ ταινίας πωλεῖν) σημεῖον, ὦ Εὐβουλίδη, τοῦ μὴ Ἀθηναίους εἶναι, ἐγώ σοι τούτου ὅλως τοὐναντίον ἐπιδείξω, ὅτι οὐκ ἔξεστι ξένῳ ἐν τῇ ἀγορᾷ ἐργάζεσθαι.*

[2]) Dem. in Eubulid. (LVII), 31, p. 1308: *ἡμεῖς δ' ὁμολογοῦμεν καὶ ταινίας πωλεῖν καὶ ζῆν οὐχ ὄντινα τρόπον βουλόμεθα.* 35, p. 1309: *ἔπειτα κἀκεῖνο περὶ τῆς μητρὸς εἴρηκεν, ὅτι ἐτίτθευσεν. ἡμεῖς δ' ὅθ' ἡ πόλις ἠτύχει καὶ πάντες κακῶς ἔπραττον, οὐκ ἀρνούμεθα τοῦτο γενέσθαι. μηδεὶς δ' ὑμῶν, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, δυσχερῶς ὑπολάβῃ... εἰ δέ γε πλούσιοι ἦμεν, οὔτ' ἂν τὰς ταινίας ἐπωλοῦμεν, οὔτ' ἂν ὅλως ἦμεν ἄποροι .... μηδαμῶς, ὦ ἄνδρες δικασταί, τοὺς πένητας ἀτιμάζετε (ἱκανὸν γὰρ αὐτοῖς τὸ πένεσθαι κακόν), μηδέ γε τοὺς*

ждать, что положеніе ремесленника было въ Аѳинахъ отнюдь не почетнѣе, чѣмъ повсюду въ Элладѣ, — оплачиваемый трудъ считается позоромъ для гражданина, къ которому его можетъ побудить лишь самая настоятельная крайность и который извиняется только общимъ бѣдствіемъ, вызваннымъ Пелопоннесской войной. Мало того, изъ той же рѣчи мы узнаемъ, что въ Аѳинахъ необходимъ былъ особый законъ, по которому запрещалось попрекать гражданина или гражданку торговымъ промысломъ на рынкѣ[1]). Такимъ образомъ является неоспоримой истиной, что во всѣхъ государствахъ, какова бы ни была ихъ конституція, сильное развитіе рабства вызвало крайнее отвращеніе и презрѣніе ко всякаго рода ручному, наемному труду, который считался недостойнымъ гражданина и нерѣдко вовсе ему воспрещался — и софистамъ ставилось особенно въ упрекъ, что они за деньги учатъ молодыхъ людей, и т.-наз. логографы, за деньги писавшіе рѣчи для тяжущихся сторонъ, не пользовались особеннымъ почетомъ, точно такъ же, какъ въ Римѣ и обычаемъ и закономъ было воспрещено брать плату за защиту обвиненнаго на судѣ[2]).

Въ подобномъ стѣсненіи даетъ себя чувствовать и другая чрезвычайно характерная черта античной жизни, на которую мы уже имѣли раньше случай мимоходомъ указать — близкое отношеніе общины къ отдѣльному гражданину, поглощеніе, можно сказать,

---

ἐργάζεσθαι καὶ ζῆν ἐκ τοῦ δικαίου προαιρουμένους. 45, p. 1313: *καὶ γὰρ εἰ ταπεινὸν ἡ τιτθή, τὴν ἀλήθειαν οὐ φεύγω· οὐ γὰρ εἰ πένητες ἦμεν, ἠδικήκαμεν, ἀλλ' εἰ μὴ πολῖται· οὐδὲ περὶ τύχης, οὐδὲ περὶ χρημάτων ἡμῖν ἐστιν ὁ παρὼν ἀγών, ἀλλ' ὑπὲρ γένους. πολλὰ δουλικὰ καὶ ταπεινὰ πράγματα τοὺς ἐλευθέρους ἡ πενία βιάζεται ποιεῖν, ἐφ' οἷς ἐλεοῖντ' ἄν, ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι, δικαιότερον ἢ προσαπολλύοιντο.*

[1]) Ibid. 30, p. 1308: *παρὰ τοὺς νόμους, οἳ κελεύουσιν ἔνοχον εἶναι τῇ κατηγορίᾳ τὸν τὴν ἐργασίαν τὴν ἐν τῇ ἀγορᾷ ἢ τῶν πολιτῶν ἢ τῶν πολιτίδων ὀνειδίζοντά τινι .... οὕτω γὰρ τοῦτον ἔδοξεν ἐκεῖνος (ὁ Σόλων) καλῶς καὶ δημοτικῶς νομοθετῆσαι, ὥστε ψηφίσασθαι πάλιν ἀνανεώσασθαι.*

[2]) Aristot. Rhet. I, 9, p. 1367 a, 32: *ἐλευθέρου γὰρ τὸ μὴ πρὸς ἄλλον ζῆν.* Выше приведено было сужденіе Плутарха и Лукіана о такихъ художникахъ, какъ Фейдій и Поликлетъ; съ этимъ можно сравнить взглядъ того же Плутарха на Полигнота (v. Cim. c. 4), который *οὐκ ἦν τῶν βαναύσων οὐδ' ἀπὸ ἐργολαβίας ἔγραφε τὴν στοὰν (Ποικίλην) ἀλλὰ προῖκα φιλοτιμούμενος πρὸς τὴν πόλιν.* О софистахъ Платонъ выражается (Protag. p. 313 C): *ὁ σοφιστὴς τυγχάνει ὢν ἐμπορός τις ἢ κάπηλος τῶν ἀγωγίμων ἀφ' ὧν ψυχὴ τρέφεται.*

личности послѣдняго государствомъ. Даже при бѣгломъ взглядѣ на общественный строй древности насъ поражаетъ крайнее стѣсненіе личной свободы въ пользу требованій государства, доведенное до такихъ размѣровъ, которые вполнѣ немыслимы въ современномъ мірѣ и вдвойнѣ изумляютъ насъ въ древнемъ при общеизвѣстной любви эллиновъ къ свободѣ и автономіи, дѣлавшей имъ невыносимой самую слабую зависимость своей общины отъ другой: спартанцы напр. ни за что не соглашались предоставить македонскимъ царямъ гегемоніи, т.-е. права верховнаго предводительства на войнѣ надъ своею родиной, а между тѣмъ въ продолженіе многихъ вѣковъ, какъ извѣстно, безропотно подчинялись самой строгой государственной дисциплинѣ, вмѣшивавшейся въ самыя интимныя отношенія частной и семейной жизни. Съ этой только точки зрѣнія становятся понятны многія государственныя теоріи древнихъ мыслителей; самыя даже смѣлыя ихъ построенія, самые рѣзкіе перевороты, задуманные въ условіяхъ и формахъ общественной жизни, не должны были вовсе казаться древнему міру такими утопіями, какими они являются современному человѣку — даже идеальная республика Платона, если бы ея строй былъ принятъ какою-нибудь общиною, могла бы существовать болѣе или менѣе продолжительное время именно въ силу вѣками выработавшейся привычки отдѣльныхъ гражданъ подчинять всю свою жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ авторитету государственной власти.

Невозможно перечислить всѣ тѣ отдѣльныя стороны жизни, которыя законодательство различныхъ общинъ фактически брало подъ свою опеку и присмотръ или же въ теоріи тотъ или другой мыслитель желалъ регулировать особыми постановленіями, такъ какъ онѣ слишкомъ многочислены и часто кажутся намъ черезчуръ мелочными — можно лишь указать на нѣкоторые примѣры. Въ особенности бракъ и семейныя отношенія какъ затрогивающіе въ значительной мѣрѣ государственные интересы, обращали на себя вниманіе законодателей: бракъ, имѣвшій цѣлью рожденіе законныхъ дѣтей, въ большинствѣ государствъ вмѣнялся гражданамъ въ прямую обязанность, и въ нѣкоторыхъ было установлено преслѣдованіе за безбрачіе *(ἀγαμίου)*, за позднее вступленіе въ бракъ *(ὀψιγαμίου)* и за дурной выборъ жены *(κακογαμίου)*[1]);

[1]) Эти законы засвидѣтельствованы намъ для Спарты: Stob. Serm. LXVII, 16; Poll. VIII, 40; cfr. Plut. v. Lyc. 15; v. Lys. 30; Athen. XIII, p. 555 C. Для Аѳинъ

отпущеніе безплодной жены не только разрѣшалось, но иногда требовалось закономъ[1]); извѣстны и выше уже упомянуты постановленія относительно выдачи замужъ дѣвицъ-наслѣдницъ, поражающія насъ своимъ варварскимъ характеромъ; многіе философы, въ томъ числѣ Платонъ и Аристотель, считали не только возможнымъ, но даже необходимымъ опредѣлить для мужчинъ и женщинъ возрастъ обязательнаго вступленія въ бракъ[2]). Точно такъ же и дѣти, т.-е. будущіе граждане, рано уже подчинялись наблюденію государства: уже сейчасъ послѣ рожденія въ Спартѣ не родители, а власти рѣшали, можетъ ли жить данное дитя или же, какъ не подающее хорошихъ надеждъ, должно быть устранено[3]); еще чаще дальнѣйшее воспитаніе и образованіе дѣтей и ихъ пріученіе къ гражданской дисциплинѣ находилось подъ надзоромъ государства[4]). Оно же вмѣшивалось въ вопросы объ одеждѣ (предписывая или воспрещая извѣстные ея виды), о пищѣ и питьѣ:

также упоминается *ἀγαμίου γραφή* (Plut. De amore prol., p. 493 F; Poll. VIII, 40; Bekker, Anecd. I, p. 336); но большинство новѣйшихъ изслѣдователей отказывается ее признать: срвн. Van den Es, de iure famil., p. 4—5; Becker, Charicles, III, p. 342; Caillemer въ Dictionn. d. antiq. I, 130; Meier-Schömann-Lipsius, Att. Proc. I, p. 352. Впрочемъ, для стратеговъ издревле существовалъ законъ, требовавшій отъ нихъ вступленія въ бракъ: Din. in Dem. 71; Aristot. Ath. Pol. 4. Платонъ хотѣлъ на гражданъ, до 35 лѣтъ не вступившихъ въ бракъ, налагать штрафъ (De Legg. VI, 17, p. 774 A).

[1]) Самый характерный примѣръ — царь спартанскій Анаксандридъ, который не желалъ по требованію эфоровъ отпустить безплодную жену и жилъ съ двумя, *ποιέων οὐδαμῶς Σπαρτιητικά:* Herodot. V, 39—40.

[2]) Plat. de Rep. V, 9, p. 460 E (мужчины — 30 лѣтъ, женщины — 20); de Legg. IV, 11, p. 721 B; VI, 23, 785 B (мужчины отъ 30—35 лѣтъ, женщины отъ 16 до 20); VI, 16, p. 772 D; VIII, 4, p. 833 D (нѣсколько иначе). Cfr. C. F. Hermann, Juris domestici et famil. in Legg. Plat. cum vet. Graec. institutt. compar. 1836, p. 6; De vestig. institutt. vett. in Plat. Legg. invest. 1836, p. 25. Aristot. Politic. IV (VII), 16, p. 1335 a, 28—29 (мужчины отъ 37, женщины отъ 18 лѣтъ).

[3]) Plut. v. Lyc. 16. Срвн. постановленія Платона (de Rep. V, 9, p. 460 C, 461 C), а также Аристотеля (Politic. IV (VII), 16, p. 1335 b, 19). Въ Ѳивахъ, напротивъ, законъ запрещалъ *ἐκτίθεσθαι τὰ παιδία:* Aelian. Var. Hist. II, 7.

[4]) Помимо общеизвѣстной спартанской *ἀγωγή* (K. O. Müller, Dorier. II, p. 294), можно указать на институтъ эфебіи, какъ онъ существовалъ въ Аѳинахъ и другихъ городахъ Эллады. Срвн. W. Dittenberger, De ephebis atticis 1863. A. Dumont, Essai sur l'éphébie attique, I—II, 1875—76. (Несмотря на свою обширность далеко уступаетъ относительно методичности и достовѣрности результатовъ предыдущему). P. Girard, Éducation athénienne 1890 (только по рецензіямъ мнѣ знакомо).

сюда относятся какъ оффиціально устроенныя сисситіи, такъ и постановленія т.-наз. legum sumptuariarum, имѣвшія цѣлью предотвратить излишнюю роскошь, которая преслѣдовалась и относительно погребеній другими законами[1]). Въ имущественномъ отношеніи государство не только извѣстныя занятія воспрещало своимъ гражданамъ, иногда даже, какъ мы видѣли, и вовсе противилось какимъ либо съ ихъ стороны наемнымъ работамъ, но и считало входящими въ кругъ компетенцій своей власти такія распоряженія, какъ отпущеніе долговыхъ обязательствъ между частными лицами, уничтоженіе или сокращеніе ипотечныхъ ссудъ, новый передѣлъ поземельной собственности между членами общины, болѣе или менѣе широкое отпущеніе на волю рабовъ частныхъ лицъ и т. д.

Касательно религіи, какъ мы видѣли, государственная власть повсемѣстно пользовалась правомъ какъ наблюденія за общественнымъ культомъ, такъ и измѣненія его (вводя или исключая извѣстныя божества изъ числа тѣхъ, *οὓς ἡ πόλις νομίζει*), а также неотъемлемымъ правомъ воспрещать и преслѣдовать частные культы, какъ противообщественные и направленные противъ государственной религіи, т.-е. и въ дѣлѣ совѣсти граждане древней общины также мало пользовались свободой, какъ и въ политическомъ отношеніи и въ частной жизни[2]). Наиболѣе же это полное подчиненіе

---

[1]) Такъ, въ Массиліи былъ опредѣленъ высшій размѣръ приданаго (Strabo, IV, 1, p. 181). Въ Аѳинахъ существовали законы, ограничивавшіе роскошь пировъ и число приглашенныхъ гостей (не болѣе 30: Athen. VI, p. 245 A), за коихъ исполненіемъ наблюдали *γυναικονόμοι* (о нихъ срвн. Böckh, Über d. Plan d. Atthis d. Philoch. въ Kl. Schr. V, 422, который приписываетъ ихъ учрежденіе Димитрію Фалерскому). Въ Спартѣ эфоры, вступая въ должность, приказывали *κείρεσθαι τὸν μύσταχα:* Plut. v. Cleom. 9, de sera num. vind. 4, p. 550 B. (Cfr. Wyttenbach, Animadv. in Plut. Mor. II, p. 495; K. O. Müller, Dorier, II, p. 121; нѣкоторыя сомнѣнія высказалъ Becker, Charicles, III, p. 296). О законахъ Аѳинъ и о. Кеоса, ограничивавшихъ роскошь при погребеніи, была рѣчь выше; противъ чрезмѣрно великолѣпныхъ надгробныхъ памятниковъ издалъ законы Димитрій Фалерскій (Cic. De Legg. II, 26, 66). Срвн. постановленія, указанныя противъ роскоши Платономъ (De Legg. VI, 18, p. 775 A; XII, 9, p. 759 D). О leges sumptuariae въ Римѣ срвн. Rudorff, Röm. Rechtsgesch. I, § 14.

[2]) Противъ отсутствія свободы совѣсти въ античныхъ государствахъ съ особеннымъ ожесточеніемъ возстаетъ Jul. Schwarcz (Democratie, I, p. 217 sq.), игнорируя тѣсную связь между государствомъ и религіей: кто разрушалъ послѣднюю, тотъ подкапывалъ основы перваго. Срвн. по этому поводу краткое, но мѣткое замѣчаніе Wilamowitz'a (Antigonos von Karystos, p. 278).

личности государству обнаруживалось въ лежавшей на всѣхъ гражданахъ обязанности посвящать всѣ свои силы и способности служенію на пользу отечества и участію въ общественныхъ дѣлахъ въ такой мѣрѣ, какъ это по выше нами сказанному немыслимо въ настоящее время и при нынѣшнихъ условіяхъ жизни[1]).

Яснѣе всего полное подчиненіе личности государству сказывается въ разсужденіяхъ Аристотеля, который признавая происхожденіе общины послѣдующимъ по времени за образованіемъ сначала семьи, затѣмъ села, называлъ его „предшествующимъ по идеѣ“; по его мнѣнію ни семья, ни село въ своемъ отдѣльномъ существованіи не обладали необходимой самостоятельностью *(αὐτάρκεια)*, всѣ низшія единицы и группировки лицъ достигали полнаго совершенства и надлежащаго развитія лишь какъ части одного высшаго цѣлаго — государства, подчиняясь его авторитету, но за то заимствуя у него жизненныя силы, — государство представляется полнымъ, законченнымъ организмомъ, все же остальное, не только отдѣльная личность, но и различные союзы людскіе являются лишь его зависимыми членами: „цѣлое же должно [въ идеѣ] предшествовать отдѣльнымъ частямъ, такъ какъ послѣ уничтоженія цѣльнаго организма не можетъ также быть ни ноги, ни руки, кромѣ въ переносномъ смыслѣ, точно такъ же, какъ называютъ [ногой или рукой] каменное изваяніе — вѣдь въ такомъ случаѣ она не сохранитъ своей природы, и такъ какъ всякая вещь опредѣляется своимъ дѣйствіемъ и своею силою, то при измѣненіи послѣднихъ и самую вещь нельзя признать тою же самой, а лишь одноименной; что слѣдовательно и государство по своей природѣ предшествуетъ отдѣльной личности, не подлежитъ сомнѣнію, — если каждый человѣкъ, будучи обособленъ, не способенъ къ самостоятельному существованію, то и онъ, какъ всякая другая часть, будетъ составлять принадлежность своего цѣлаго (т.-е. государства), а тотъ, кто или не въ состояніи быть членомъ общины или не чувствуетъ въ ней потребности вслѣдствіе самодовольства, тотъ не составляетъ части государства, но онъ — или животное, или богъ“. Послѣднюю мысль Аристотель выражаетъ нѣсколько раньше въ слѣ-

[1]) За признаніе свободы личности въ античномъ государствѣ особенно горячо возсталъ L. Freese (Die Freiheit des Einzelnen in der attischen Demokratie. Stralsund 1858), но его изслѣдованіе отличается болѣе энтузіазмомъ, нежели вѣскими доводами.

дующемъ положеніи: „человѣкъ отъ природы существо, созданное для государственной жизни, и кто по своей природѣ, а не вслѣдствіе несчастія, стоитъ внѣ государства, тотъ — или негодный человѣкъ или выше человѣка (т.-е. или животное или богъ)[1]).

Это знаменитое положеніе Аристотеля, хотя оно имъ впервые, можетъ быть, формулировано въ такомъ сжатомъ, опредѣленномъ видѣ, должно считаться не столько его собственностью, его философскимъ ученіемъ, сколько общимъ политическимъ исповѣданіемъ всего классическаго міра: пусть даже никто его до Аристотеля не сознавалъ въ такой ясности, всѣ однако сходились въ этомъ чувствѣ и какъ бы безсознательно примѣняли его въ общественной жизни и въ своихъ отношеніяхъ къ государству, такъ что великому эмпирику ничего не оставалось сдѣлать, какъ изъ жизненнаго опыта извлечь и въ опредѣленныхъ выраженіяхъ формулировать это положеніе. Даже его сужденіе о человѣкѣ, стоящемъ внѣ общины *(ἄπολις)*, было не ново: кромѣ словъ, приведенныхъ имъ изъ Гомера, онъ могъ бы сослаться у того же автора на описаніе обособленнаго существованія киклоповъ; но наиболѣе характерный типъ такого *ἄπολις* уже раньше Аристотеля древность увидѣла въ лицѣ „человѣконенавистника“ Тимона, который составлялъ общій предметъ недоумѣній и насмѣшекъ для современниковъ и для потомства[2]) — до того поражалъ всѣхъ человѣкъ, „по своей волѣ, а не по несчастію“ удалявшійся отъ общества и жившій „въ самодовольствѣ“.

---

[1]) Aristot. Politic. I, 2, p. 1253 a, 19: *πρότερον δὴ τῇ φύσει* (о значеніи этого слова срвн. Oncken, Staatsl. II, p. 17) *πόλις ἢ οἰκία καὶ ἕκαστος ἡμῶν ἐστίν. τὸ γὰρ ὅλον πρότερον ἀναγκαῖον εἶναι τοῦ μέρους· ἀναιρουμένου γὰρ τοῦ ὅλου οὐκ ἔσται ποὺς οὐδὲ χείρ, εἰ μὴ ὁμωνύμως, ὥσπερ εἴ τις λέγοι τὴν λιθίνην· διαφθαρεῖσα γὰρ ἔσται τοιαύτη, πάντα δὲ τῷ ἔργῳ ὥρισται καὶ τῇ δυνάμει, ὥστε μηκέτι τοιαῦτα ὄντα οὐ λεκτέον τὰ αὐτὰ εἶναι ἀλλ' ὁμώνυμα. ὅτι μὲν οὖν ἡ πόλις φύσει πρότερον ἢ ἕκαστος, δῆλον· εἰ γὰρ μὴ αὐτάρκης ἕκαστος χωρισθείς, ὁμοίως τοῖς ἄλλοις μέρεσιν ἕξει πρὸς τὸ ὅλον, ὁ δὲ μὴ δυνάμενος κοινωνεῖν ἢ μηδὲν δεόμενος δι' αὐτάρκειαν οὐδὲν μέρος πόλεως, ὥστε ἢ θηρίον ἢ θεός.* ibid. p. 1253 a, 1: *ἐκ τούτων οὖν φανερὸν ὅτι ὁ ἄνθρωπος φύσει πολιτικὸν ζῷον ἐστί, καὶ ὁ ἄπολις διὰ φύσιν καὶ οὐ διὰ τύχην ἤτοι φαῦλός ἐστιν ἢ κρείττων ἢ ἄνθρωπος, ὥσπερ καὶ ὁ ὑφ' Ὁμήρου* (Il. I, 63) *λοιδορηθεὶς „ἀφρήτωρ ἀθέμιστος ἀνέστιος“.*

[2]) Тимонъ, сынъ Эхекратида, изъ дема Коллита (Lukian. Timon, c. 7; Diogen. Laert. III, 1, 3), по прозванію *μισάνθρωπος*, жилъ во времена пелопоннесской войны (Plut. v. Alc. 16) и былъ сначала богатымъ гражданиномъ, дѣлавшимъ

Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ только что приведеннаго примѣра можно вывести и дальнѣйшее заключеніе, которое часто упускаютъ изъ виду, когда ставятъ въ упрекъ античному государственному строю крайнее ограниченіе личной свободы: это стѣсненіе налагалось на гражданина не внѣ его стоящею государственною властью — онъ самъ въ себѣ чувствовалъ и сознавалъ извѣстную, хотя бы и минимальную частицу этой власти, поскольку онъ былъ полноправнымъ членомъ общины, слѣдовательно онъ добровольно жертвовалъ частью своей свободы для блага государства; кромѣ того, какъ бы ни были тяжелы возлагаемыя на него обязанности, имъ соотвѣтствовали и обширныя права — нельзя было отказаться отъ первыхъ, не лишая себя послѣднихъ, такъ что кто это добровольно дѣлалъ, на подобіе Тимона, на взглядъ древнихъ былъ или сумасшедшимъ или нечеловѣкомъ. Вспомнимъ, какъ нестерпимо казалось для древнихъ удаленіе изъ отечества, хотя бы не сопряженное ни съ какими другими лишеніями: Цицеронъ вслѣдствіе противозаконной казни соучастниковъ Катилины, долженъ былъ отправиться въ изгнаніе — крайне мягкое на нашъ взглядъ наказаніе, особенно такъ какъ онъ жилъ въ любимой имъ Эллядѣ и жилъ въ довольствѣ, безъ всякихъ хлопотъ и заботъ, какъ свободный человѣкъ, а между тѣмъ никакая философія не способна его утѣшить въ этомъ несчастіи, которое онъ считаетъ равнымъ смерти. Очевидно, для античнаго гражданина всѣ тягостныя стѣсненія, налагаемыя на него во имя государства, являлись не столь обременительны, какъ намъ кажется: онъ дѣйствительно чувствовалъ себя, по выраженію Аристотеля, не болѣе, чѣмъ членомъ

много добра отдѣльнымъ лицамъ и всему государству; но возмущенный новымъ направленіемъ времени, вызваннымъ софистами, и ожесточенный измѣной нѣсколькихъ друзей, онъ удалился отъ людскаго сообщества, построивъ себѣ башню въ Керамикѣ (Aristoph. Ran. 130; Paus. I, 30, 4), и только изрѣдка оттуда показывался въ свѣтъ, изумляя гражданъ своими выходками (Plut, v. Alc. 16; v. Anton. 70). Его гробницу въ Ἁλαὶ близъ мыса Ζωστήρ море подмыло такъ, что къ ней нельзя было подойти (Plut. v. Ant. 70; Schol. Arist. Lys. 808). Уже при жизни онъ, естественно, подвергался насмѣшкамъ и попалъ въ комедію Платона (Plut. l. l.) и Аристофана (Lys. 808), такъ что имя его уже стало нарицательнымъ (Aristoph. Aves, 1548). Изъ позднѣйшихъ авторовъ можно указать преимущественно на діалогъ Лукіана „Тимонъ“. И въ новѣйшую литературу проникъ этотъ типъ, благодаря Шекспиру (Тимонъ): писатели различныхъ національностей воспользовались имъ — Бульверъ (New Timon), Фенелонъ (Nouveaux Dialogues des Morts. XVII Dial.), Шиллеръ (Hutten въ отрывкѣ Menschenfeind).

государственнаго организма, притомъ не имѣющимъ никакого самостоятельнаго значенія какъ отдѣльная единица — отношеніе между ними было самое тѣсное, доходившее до полнаго поглощенія личности государствомъ. „Legum idcirco servi sumus“, говорилъ Цицеронъ, „ut liberi esse possimus“[1]).

Нелѣпо было бы поэтому смѣяться надъ людьми, которые не только выносили тяжелое иго государственной власти, но и любили его, хотя оно ихъ лишало всякой свободы дѣйствій[2]): вслѣдствіе привычки оно имъ казалось легкимъ и во всякомъ случаѣ было разумнѣе многихъ нашихъ общественныхъ предразсудковъ и условныхъ приличій, которые мы переносимъ безропотно. Это интенсивное чувство полной принадлежности гражданина государству, непосредственной между ними связи, естественно, могло возродиться и окрѣпнуть лишь въ античныхъ общинахъ, гдѣ слова „государство“, „народъ“ были не отвлеченными терминами, а весьма конкретными понятіями, гдѣ по справедливому замѣчанію одного ученаго можно было ихъ, такъ сказать, видѣть и созерцать, напр. въ Аѳинахъ на Пниксѣ въ день всенароднаго собранія. Это-то чувство и вызывало во всякомъ эллинѣ тотъ пламенный патріотизмъ, готовый для пользы отечества на всякія жертвы, который и понынѣ возбуждаетъ всеобщее удивленіе. Конечно, какъ всегда бываетъ, оно имѣло и свои непривлекательныя стороны: особенно наше вниманіе обращаетъ на себя недостатокъ уваженія или даже пренебреженіе къ чужой личности. Такъ какъ цѣнился не человѣкъ, а гражданинъ, то было весьма понятно, что всякій негражданинъ въ разсчетъ не брался: этимъ объясняется въ значительной мѣрѣ общее воззрѣніе на раба, какъ на вещь, сравнительно низкое и безправное положеніе женщинъ, крайне стѣсненное въ большинствѣ государствъ состояніе иностранцевъ, наконецъ, возмутительно жестокое обращеніе съ побѣжденными непріятелями, хотя бы даже они были единоплеменниками, — всѣ они были только людьми, а не гражданами данной общины[3]).

---

[1]) Cic. p. Cluentio, 53, 146.

[2]) Такъ поступаетъ, конечно, Jul. Schvarcz въ различныхъ мѣстахъ своей Демократіи.

[3]) Объ этихъ непривилегированныхъ классахъ населенія по отношенію къ Аѳинамъ намъ придется говорить дальше (гл. V).

Мы не разъ уже въ своемъ изложеніи употребляли терминъ „гражданинъ“ и имѣли только что случай указать на тяжелыя обязанности и на большія преимущества, сопряженныя съ этимъ званіемъ: теперь же охарактеризовавъ въ общихъ чертахъ основы античнаго государства *(πόλις)*, мы должны постараться выяснить себѣ и опредѣлить понятіе древняго гражданина *(πολίτης)*.

„Такъ какъ государство принадлежитъ къ наименованіямъ собирательнымъ“, говоритъ Аристотель, „подобно другимъ объектамъ, цѣльнымъ, но состоящимъ изъ множества частей, то ясно, что прежде всего мы должны опредѣлить гражданина, потому что государство является совокупностью гражданъ: итакъ изслѣдуемъ, кого подобаетъ называть этимъ именемъ и какое понятіе съ нимъ связано“ [1]). Что насчетъ термина „гражданинъ“, его опредѣленія и примѣненія древніе теоретики государственнаго права были между собою далеко не согласны, это высказываетъ Аристотель въ самомъ началѣ своего изложенія, и онъ же не разъ приводитъ чужія мнѣнія, противоположныя развиваемой имъ самимъ теоріи, но, къ сожалѣнію, по своему обыкновенію не называетъ поименно ихъ авторовъ, такъ что иногда можно сомнѣваться, имѣемъ ли мы дѣло съ опредѣленнымъ ученіемъ какого-нибудь политическаго мыслителя, или же распространеннымъ въ обществѣ воззрѣніемъ, или наконецъ съ возраженіемъ, которое Аристотель самъ себѣ дѣлаетъ, чтобы, опровергнувъ его, болѣе укрѣпить свою теорію [2]); мы поэтому не станемъ выдѣлять и группировать эти отдѣльныя мнѣнія, а считаемъ удобнѣе привесть въ цѣлости изложеніе великаго философа.

---

[1]) Aristot. Politic. III, 1, p. 1274 b, 39: *ἐπεὶ δ' ἡ πόλις τῶν συγκειμένων, καθάπερ ἄλλο τι τῶν ὅλων μὲν συνεστώτων δ' ἐκ πολλῶν μορίων, δῆλον ὅτι πρότερον ὁ πολίτης ζητητέος· ἡ γὰρ πόλις πολιτῶν τι πλῆθος ἐστίν. ὥστε τίνα χρὴ καλεῖν πολίτην καὶ τίς ὁ πολίτης ἐστὶ σκεπτέον.*

[2]) Противъ подобнаго толкованія съ жаромъ возстаетъ Jul. Schvarcz, особенно нападая на проф. Зуземиля (Anfänge einer polit. Literatur bei den Griechen въ Kritik der Staatsf. des Aristot. p. 113, особенно p. 136). Но при всемъ своемъ желаніи я не могу принять его „обогащенія“ греческой литературы, такъ какъ оно слишкомъ проблематично, еще менѣе — его возвеличеніе погибшихъ авторовъ насчетъ ненавистнаго ему Аристотеля. Къ чему ведетъ такая тенденціозность, лучше всего показываетъ его восклицаніе по поводу вновь найденнаго Аристотелева трактата объ аѳинской политіи: „Sollte denn kein anderer Grieche auf der Oberfläche des Planeten sein, der über Verfassungsgeschichte hätte schrei-

„Понятіе о гражданинѣ подлежитъ многимъ сомнѣніямъ, такъ какъ не всѣ то же самое лицо признаютъ гражданиномъ: бываетъ, что иной, который въ демократическомъ государствѣ гражданинъ, въ олигархическомъ не считается за таковаго. Тѣхъ, конечно, которые въ силу особыхъ обстоятельствъ пользуются этимъ наименованіемъ, каковы напр. почетные граждане *(λοιμτοὶ πολίται)*, должно оставить въ сторонѣ. Настоящій же гражданинъ не тотъ, кто имѣетъ свое мѣстожительство въ извѣстной странѣ (вѣдь, и метэки и рабы пользуются правомъ жительства), также не могутъ непосредственно быть признаны таковыми всѣ лица, пользующіяся равноправіемъ передъ судомъ настолько, чтобы лично и давать отвѣтъ и искать суда (вѣдь это право удѣляется и иностранцамъ по особымъ договорамъ), равно какъ и дѣтей, по своему возрасту еще не вписанныхъ, и стариковъ разслабленныхъ должно до нѣкоторой степени называть гражданами, но не непосредственно, а прибавляя къ однимъ „несовершеннолѣтніе“, къ другимъ — „перезрѣвшіе“ или что-нибудь въ этомъ родѣ (не въ словахъ, вѣдь, дѣло: мысль же ясна). Мы же ищемъ настоящаго гражданина безъ всякаго подобнаго прозвища, нуждающагося еще въ поправкѣ, такъ какъ и насчетъ лишенныхъ гражданскаго полноправія и изгнанниковъ можно предложить и подобные же вопросы, и рѣшенія ихъ. Настоящій же гражданинъ ничѣмъ другимъ не можетъ быть лучше опредѣленъ, какъ своимъ правомъ участвовать (въ судѣ? и) правленіи. Изъ магистратуръ однѣ ограничены по времени, такъ что нѣкоторыя вовсе одному лицу не дозволено занимать дважды, другія только чрезъ опредѣленные сроки, иныя же не ограничены по сроку, каковы должности судьи и члена народнаго собранія. Можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что эти послѣдніе вовсе и не принадлежатъ къ числу сановниковъ *(ἄρχοντες)*, а посему и не участвуютъ во власти *(ἀρχή)*; хотя и смѣшно отнимать власть у тѣхъ, которые имѣютъ наибольшую силу и вліяніе, но допустимъ это — споръ идетъ лишь насчетъ словъ: общее, вѣдь, понятіе судьи и члена народнаго собранія не имѣетъ на-

---

ben können. Was haben denn Theophrast und Demetrius von Phaleron verbrochen, dass man ihre Namen anlässlich dieses Fundes ganz und gar zu verschweigen sucht“. На что ему совершенно справедливо отвѣчаетъ P. Cassel (Vom neuen Aristoteles und seiner Tendenz, p. 38): „Was hat denn Aristoteles verbrochen, dass ihn Schvarcz durchaus zurückzudrängen sucht“.

званія, коимъ бы можно было обопхъ именовать, такъ мы для различенія назовемъ эту функцію „неограниченной по сроку (безсрочною) властью“. Тогда гражданами мы признаемъ тѣхъ, которые пользуются участіемъ въ ней: таково, по крайней мѣрѣ, опредѣленіе гражданина, которое наилучше подходитъ ко всѣмъ лицамъ, называемымъ обыкновенно этимъ именемъ. Не должно забывать, что при понятіяхъ, гдѣ подчиненные имъ объекты различаются по виду, такъ что одинъ изъ нихъ — первый, затѣмъ слѣдуетъ второй и т. д., черты общія, по коимъ мы ихъ субсумируемъ данному понятію, или почти изчезаютъ или еле проявляются: такъ государственныя конституціи, видимъ мы, отличаются другъ отъ друга по характеру и однѣ — послѣднія, другія — первыя, ибо искаженныя и выходящія за указанныя границы мы должны поставить на задній планъ сравнительно съ безупречными,— слѣдовательно и понятіе „гражданинъ“ должно видоизмѣняться сообразно каждой изъ нихъ. Поэтому и наше опредѣленіе гражданина наиболѣе сходится съ дѣйствительностью въ демократическихъ государствахъ, въ остальныхъ же оно возможно, но не необходимо. Въ иныхъ, вѣдь, не существуетъ демоса, и не народное собраніе они признаютъ [какъ носителя верховной власти], а разные совѣты, и судопроизводство распредѣляется по частямъ: напр. въ Лакедемонѣ дѣла по вещному и обязательственному праву судятъ эфоры, каждый — свой особый видъ, геронты же — дѣла по убійству, еще другія — можетъ быть какая-нибудь другая власть; точно такъ же и въ Карѳагенѣ всѣ процессы разбираютъ тѣ или другіе изъ магистратовъ. Но и въ этомъ случаѣ наше опредѣленіе гражданина допускаетъ поправку. Именно кромѣ демократіи, въ остальныхъ конституціяхъ не безсрочный правитель является членомъ народнаго собранія и суда, а ограниченный въ своей власти (сановникъ съ опредѣленно ограниченною властью) — имъ всѣмъ или нѣкоторымъ изъ нихъ удѣлено право совѣщаться или творить судъ или во всѣхъ дѣлахъ или въ опредѣленныхъ вопросахъ: кто при такихъ обстоятельствахъ имѣетъ право назваться гражданиномъ, ясно уже изъ сказаннаго — кому предоставлена возможность участвовать во власти совѣщательной или судебной, того мы справедливо назовемъ гражданиномъ этого государства, а государствомъ — совокупность подобныхъ лицъ, достаточную для самостоятельнаго существованія, говоря коротко. Иные [законодатели] для

практическихъ цѣлей опредѣляютъ гражданина какъ произошедшаго отъ гражданъ съ обѣихъ сторонъ, а не только съ одной, т.-е. по отцу или по матери, другіе и въ этихъ требованіяхъ идутъ дальше, ставя условіемъ права гражданства чисто-гражданское происхожденіе каждаго лица на два или на три поколѣнія или еще больше. При такомъ ограниченіи понятія „гражданинъ", сдѣланномъ ради политическихъ цѣлей и поверхностнымъ образомъ, многіе встрѣчаютъ затрудненіе относительно названнаго третьяго или четвертаго предка, какимъ же образомъ онъ можетъ быть гражданиномъ; въ сущности же этотъ вопросъ весьма просто рѣшается: если они по указанному нами опредѣленію участвовали въ государственномъ правленіи, то они были гражданами, такъ какъ невозможно, вѣдь, примѣнять требованіе относительно происхожденія отъ гражданина или гражданки къ тѣмъ, которые впервые населили или основали государство"[1]).

Итакъ если мы резюмируемъ пространное и нѣсколько запутанное разсужденіе Аристотеля, которое для удобства дальнѣйшаго изслѣдованія привели въ почти дословномъ переводѣ (съ незначительными пропусками), то получимъ слѣдующій результатъ. Сначала философъ отвергаетъ два опредѣленія гражданина, кажущіяся ему (и совершенно справедливо) невѣрными — нельзя считать характеристичными для гражданина ни право жительства въ данномъ государствѣ, которое онъ раздѣляетъ съ своимъ собственнымъ рабомъ, ни другія частныя права, предоставляемыя въ иныхъ случаяхъ и лицамъ негражданскаго званія; затѣмъ Аристотель выставляетъ свое собственное опредѣленіе: гражданиномъ долженъ считаться, кто въ извѣстномъ государствѣ принимаетъ въ его управленіи болѣе или менѣе непосредственное участіе, или какъ постоянный членъ народнаго собранія и суда или какъ лицо, обладающее правомъ засѣдать временно въ свою очередь въ совѣщательныхъ и судебныхъ коллегіяхъ. Въ концѣ онъ прибавляетъ нѣсколько

[1]) Aristot. Politic. III, 1, p. 1275 a, 2—2, p. 1275 b, 34. Изъ этого текста, который по длинѣ своей не можетъ быть здѣсь сообщенъ цѣликомъ, приводимъ самое важное положеніе: *πολίτης δ' ἁπλῶς οὐδενὶ τῶν ἄλλων ὁρίζεται μᾶλλον ἢ τῷ μετέχειν [κρίσεως καὶ] ἀρχῆς.* Слова *κρίσεως καὶ* уже Thurot, а за нимъ Susemihl заключаютъ въ скобки — совершенно справедливо, такъ какъ они должны считаться глоссемой какого-нибудь читателя, не особенно притомъ внимательнаго: какъ мы вслѣдъ затѣмъ читаемъ, по опредѣленію Аристотеля понятіе *ἀρχὴ* вмѣщаетъ въ себѣ должность какъ члена экклезіи, такъ и судьи.

словъ относительно существовавшаго въ иныхъ государствахъ ограниченія, по коему гражданами признавались лишь лица гражданскаго происхожденія съ отцовской и материнской стороны, но не признаетъ, чтобы оно могло служить основаніемъ для характеристики гражданина, такъ какъ не распространялось на первыхъ членовъ данной общины, а потому удерживаетъ неизмѣннымъ свое собственное опредѣленіе [1]).

Положенія Аристотеля подвергъ критикѣ Филиппи [2]), который нашелъ, что его опредѣленіе гражданина примѣнимо лишь въ чистой демократіи, гдѣ всѣ принимаютъ участіе въ управленіи: большій или меньшій объемъ такого участія и по его мнѣнію, кажется, не долженъ браться въ разсчетъ, такъ какъ зависитъ отъ особенностей въ государственномъ устройствѣ [3]), но существуютъ такія его формы, при коихъ часть гражданъ лишена всякихъ политическихъ правъ, кромѣ принадлежности къ данному государству (Staatsangehörigkeit) — къ нимъ слѣдовательно не подходитъ опредѣленіе древняго философа, а необходимо подыскать новое, что онъ и пытается сдѣлать.

Признавая первоначальное родовое устройство государствъ, онъ считаетъ древнѣйшимъ критеріемъ гражданскихъ правъ каждаго

---

[1]) Aristot. Politic. III, 2, 1275 b, 21: *ὁρίζονται δὲ πρὸς τὴν χρῆσιν πολίτην τὸν ἐξ ἀμφοτέρων πολιτῶν καὶ μὴ θατέρου μόνον, οἷον πατρὸς ἢ μητρός, οἳ δὲ καὶ τοῦτ' ἐπὶ πλέον ζητοῦσιν, οἷον ἐπὶ πάππους δύο ἢ τρεῖς ἢ πλείους. οὕτω δὲ ὁριζομένων πολιτικῶς καὶ ταχέως, ἀποροῦσί τινες τὸν τρίτον ἐκεῖνον ἢ τέταρτον, πῶς ἔσται πολίτης; .....ἔστι δ' ἁπλοῦν. εἰ γὰρ μετεῖχον κατὰ τὸν ῥηθέντα διορισμὸν τῆς πολιτείας, ἦσαν πολῖται· οὐδὲ γὰρ δυνατὸν ἐφαρμόττειν τὸ ἐκ πολίτου ἢ πολίτιδος ἐπὶ τῶν πρώτων οἰκησάντων ἢ κτισάντων.*

[2]) A. Philippi. Beiträge zu einer Geschichte des attischen Bürgerrechtes. Berlin 1870. Einleitung. Der Begriff des Bürgerrechts; seine Grundlagen und seine Bedeutung für die Geschichte des Alterthums, p. 1—27.

[3]) Philippi, op. l., p. 5: „Das grössere oder geringere Mass von Berechtigung, auf welches Aristoteles ausschliesslich zurückgeht (?), ist allerdings insofern von Bedeutung, als es die Folge der Einrichtung jedes einzelnen Staates ist. Aber von hier aus lässt sich kein Theilungsgrund für die Arten des Bürgerrechts gewinnen". Эти нѣсколько запутанныя выраженія я истолковалъ въ смыслѣ согласія съ Аристотелемъ, хотя авторъ передъ тѣмъ полемизируетъ противъ послѣдняго; если же я его не понялъ, то тогда и онъ, значитъ, не понялъ Аристотеля и сражается противъ вѣтряныхъ мельницъ: философъ именно говоритъ, что гражданинъ демократіи, правда, отличается отъ гражданина аристократіи по своимъ правамъ, но понятіе о гражданинѣ въ обѣихъ приблизительно тождественно, конечно mutatis mutandis.

лица его принадлежность къ извѣстному роду или семьѣ: государство представлялось въ видѣ цѣлаго ряда концентрическихъ круговъ, кончавшихся самымъ малымъ — семьей; необходимо было быть включеннымъ въ этотъ внутренній кругъ, чтобы принадлежать по порядку ко всѣмъ дальнѣйшимъ и наконецъ къ всеобъемлющему — гражданства. Такимъ образомъ первоначально основой гражданства было то, что римляне называли gentilitas — принадлежность къ роду; принципъ этотъ уже во времена исключительнаго господства родоваго строя нарушался иногда принятіемъ въ число гражданъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ родовъ, но окончательно палъ лишь съ устраненіемъ исключительныхъ правъ „родовитыхъ“ людей и проникновеніемъ въ замкнутый дотолѣ кругъ гражданства постепенно образовавшейся всюду массы безправнаго народа *(δῆμος)*: для вновь принятыхъ должны были быть учреждены новыя дѣленія (большею частью территоріальныя), для коихъ „семейная связь съ старымъ гражданствомъ не могла быть принимаема даже въ видѣ фикціи“ — восторжествовало начало ассоціаціи, на которомъ основано гражданство и въ наши времена. Каждая строго опредѣленная и ограниченная ассоціація, однако, выставляетъ для пріема новыхъ членовъ особыя условія: древнія государства поставили такимъ условіемъ чисто-гражданское происхожденіе вновь принимаемаго лица, т.-е. обыкновенно его рожденіе отъ законнаго брака гражданина съ гражданкой, — требованіе это является заимствованнымъ въ соотвѣтственно обстоятельствамъ измѣненной формѣ изъ установленій родоваго строя.

Филиппи указываетъ при этомъ, что и отъ Аристотеля (какъ мы видѣли) „не ускользнуло значеніе этой характеристики гражданина“, но что онъ предпочелъ ее устранить маловѣскимъ возраженіемъ, сославшись на невозможность распространить этотъ отличительный признакъ на первыхъ основателей государства; онъ же самъ старается доказать свое опредѣленіе гражданина изъ исторіи развитія гражданства въ Римѣ и въ Аѳинахъ, при чемъ относительно послѣднихъ долженъ принять, что извѣстный законъ Перикла, ограничивавшій званіе гражданина въ его смыслѣ, былъ только возобновленіемъ подобнаго же болѣе древняго постановленія[1]). Такъ какъ исторію аѳинскаго гражданства мы будемъ

[1]) Aristot. Ath. Pol. 26, 5: *ἐπὶ Ἀντιδότου* (Ol. 82, 2 = 451/50) *διὰ τὸ πλῆθος τῶν πολιτῶν Περικλέους εἰπόντος ἔγνωσαν μὴ μετέχειν τῆς πόλεως ὃς ἂν μὴ ἐξ ἀμφοῖν ἀστοῖν ᾖ γεγονώς.*

далѣе разсматривать въ подробности, то здѣсь достаточно будетъ указать на то, что Аристотель, упоминающій данный законъ Перикла, ничего не знаетъ о его предполагаемомъ болѣе раннемъ происхожденіи. Относительно Рима не подлежитъ сомнѣнію, что Филиппи впалъ въ крупную ошибку, ссылаясь на его законодательство въ подтвержденіе своей теоріи: уже приводимыя имъ постановленія относительно connubium'а доказываютъ, что чистогражданское происхожденіе не требовалось, такъ какъ иностранка (peregrina) могла родить римскаго гражданина[1]); но еще болѣе странно, что онъ не обратилъ никакого вниманія на вольноотпущенниковъ, которые ни по отцу, ни по матери не были гражданами, а становились таковыми съ самаго момента освобожденія (особенно ясно въ случаѣ manumissionis per censum) — правда, только со времени цензуры Аппія Клавдія Цека они вносились въ списки трибъ, но это объясняется тѣмъ, что вообще первоначально изъ послѣднихъ были исключены всѣ тѣ, которые не были осѣдлыми въ данномъ участкѣ, т.-е. не имѣли поземельной собственности. Что касается эллинскихъ государствъ, кромѣ аѳинскаго (о которыхъ Филиппи по весьма понятной причинѣ ничего не говоритъ), теорія названнаго ученаго за недостаткомъ свѣдѣній не можетъ быть, правда, столь же непосредственно опровергнута, но подлежитъ сильнымъ сомнѣніямъ въ виду свидѣтельства Аристотеля, который вообще говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что въ иныхъ государствахъ „при изобиліи населенія постепенно устраняютъ сначала родившихся отъ раба или рабыни, затѣмъ происшедшихъ отъ матери-гражданки [и отца-иностранца], наконецъ оставляютъ гражданами лишь тѣхъ, кто съ обѣихъ сторонъ отъ таковыхъ родился“, а въ другомъ, что въ крайнихъ демократіяхъ „дѣлаютъ гражданами не только законныхъ *(γνησίους)*, но и незаконнорожденныхъ *(νόθους)* и лицъ, съ какой-нибудь стороны происшедшихъ отъ гражданъ, т.-е. по отцу или по матери“[2]). Часто ли бы-

[1]) Ulpian. V, 8: Conubio interveniente liberi semper patrem sequuntur.

[2]) Aristot. Politic. III, 5, p. 1278 a, 32: *εὐπορούντες ὄχλου κατὰ μικρὸν παραιροῦνται τοὺς ἐκ δούλου πρῶτον ἢ δούλης, εἶτα τοὺς ἀπὸ γυναικῶν, τέλος δὲ μόνον τοὺς ἐξ ἀμφοῖν αὐτῶν πολίτας ποιοῦσιν.* VII (VI), 4, p. 1319 b, 7: *εἰώθασιν οἱ προεστῶτες προσλαμβάνειν ὡς πλείστους καὶ ποιεῖν πολίτας μὴ μόνον τοὺς γνησίους ἀλλὰ καὶ τοὺς νόθους καὶ τοὺς ἐξ ὁποτερουοῦν πολίτου, λέγω δὲ οἷον πατρὸς ἢ μητρός.* Что въ Спартѣ гражданское происхожденіе съ материнской стороны не требовалось съ полной строгостью, доказываетъ суще-

вали подобные случаи или нѣтъ, безразлично — достаточно одного такого факта, чтобы подорвать теорію Филиппи, который самъ на томъ же основаніи отвергъ опредѣленіе, предложенное Аристотелемъ. Между тѣмъ нельзя вовсе сказать, чтобы при ближайшемъ разсмотрѣніи оно было такъ несостоятельно, какъ утверждаетъ Филиппи, который ограничивается голословнымъ заявленіемъ, будто оно примѣнимо только къ гражданамъ демократически устроенныхъ государствъ, не приводя никакого тому доказательства. Аристотель же, не упустивъ изъ виду возможности такого возраженія, категорически намъ заявляетъ, что его опредѣленіе mutatis mutandis подходитъ ко всѣмъ конституціямъ, и подкрѣпляетъ свои слова, какъ мы видѣли, примѣромъ Спарты и Карѳагена, и мы едва ли имѣемъ право безъ вѣскихъ доказательствъ отвергать воззрѣнія знаменитаго знатока греческихъ политій.

Вообще наши свѣдѣнія относительно государственнаго устройства всѣхъ греческихъ общинъ, за исключеніемъ Аѳинъ, до того скудны, что даже относительно наилучше извѣстной — Спарты не можетъ быть съ достовѣрностью рѣшенъ вопросъ, каково было относительное положеніе такъ наз. *ὅμοιοι* и *ὑπομείονες:* какое же мы имѣемъ право — какъ это дѣлаетъ Филиппи — вносить положеніе аѳинскаго законодательства относительно условій гражданства въ другія конституціи или же утверждать противъ авторитета Аристотеля, что въ иныхъ общинахъ извѣстная часть гражданъ, правда, считалась принадлежащей къ государству (staatsangehörig), но не обладала никакими политическими правами, никакимъ участіемъ въ управленіи (wirkliche Berechtigung). Напротивъ должно признать, что всюду, гдѣ у насъ имѣется достаточно данныхъ для контроля, Аристотелево опредѣленіе выдерживаетъ критику. Въ Спартѣ напр., всегда считавшейся оплотомъ антидемократическихъ стремленій и идеаломъ аристократическаго государства, мы встрѣчаемъ цѣлый классъ т.-наз. περίοικοι, который числился несомнѣнно принадлежащимъ къ общинѣ (staatsangehörig) и былъ тѣмъ не менѣе лишенъ политическихъ правъ: можетъ быть, Филиппи и признаетъ ихъ гражданами, но этого не при-

---

ствованіе немалочисленнаго класса т.-наз. *μόθακες:* о нихъ, кромѣ литературы, указанной у Hermann-Thumser'a, Staatsalt. I, p. 175, not. 4 et 5, срвн. L. Cantarelli, I motaci spartani (въ Riv. di Filol XVIII, p. 465) съ моей рецензіей въ Berl. philolog. Wochenschr. 1891, № 31/32.

нималъ пока еще ни одинъ ученый ни древности, ни новѣйшаго времени. Изъ цѣлаго ряда крупныхъ и мелкихъ греческихъ общинъ до насъ дошли каменные акты съ постановленіями верховной власти, и всюду они помѣчены формулой: „угодно было народу“ (*ἔδοξε τῷ δήμῳ*, большею частью съ указаніемъ и на другіе факторы, напр. *τῇ βουλῇ*), — подъ народомъ разумѣется, естественно, совокупность всѣхъ гражданъ, коихъ согласіе требовалось для рѣшенія важнѣйшихъ дѣлъ, потому что мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія утверждать, чтобы извѣстная ихъ часть по закону была устранена отъ участія въ общемъ собраніи.

Филиппи, можетъ быть, сослался бы противъ этого на законъ Филолая (выше упомянутый) въ Ѳивахъ, воспрещавшій участіе въ управленіи лицамъ, которыя не воздерживались въ продолженіе десяти лѣтъ отъ торговыхъ занятій; но это постановленіе должно быть разсматриваемо какъ наказаніе, какъ безчестіе, подобное извѣстной атиміи въ аѳинскомъ правѣ — во всякомъ случаѣ такое ограниченіе правъ гражданства настолько же касается его собственнаго опредѣленія, насколько и Аристотелева. Напротивъ, когда въ Аѳинахъ по предписанію Антипатра право участія въ народномъ собраніи и судѣ и избранія на государственныя должности было ограничено лицами, предъявившими извѣстный цензъ (2000 драхмъ), то тѣ 12000 человѣкъ, которые остались, такъ сказать, за штатомъ, не продолжали считаться „гражданами съ ограниченными правами“ (minderberechtigte Bürger), а были вовсе исключены изъ списковъ гражданъ и даже въ большомъ количествѣ выселены въ Македонію[1]). Даже въ несомнѣнно аристократическомъ Римѣ (котораго Аристотель, конечно, не беретъ въ разсчетъ, но Филиппи приводитъ въ пользу своего мнѣнія) все гражданство, за исключеніемъ одной немногочисленной категоріи лицъ — такъ наз. Caerites[2]), принимало участіе какъ въ народномъ собраніи, такъ и въ судѣ, по крайней мѣрѣ въ уголовномъ (de capite civis Ro-

[1]) Plut. v. Phoc. 28; Diodor. XVIII, 18. Срвн. Böckh, Staatsh. I, p. 46.

[2]) О Caerites или cives sine suffragio срвн. Mommsen, Röm. St.-R. III, p. 570 sqq., который считаетъ Церитовъ только низшей категоріей общаго понятія civium sine suffragio (p. 583, cfr. p. 235); но это еще подлежитъ сомнѣніямъ, такъ какъ при цензѣ in Caeritum tabulas referre было равносильно отнятію права голоса — для насъ этотъ споръ не представляетъ интереса. Срвн. E. Herzog, Röm. Staatsverf. I, p. 1004. Madvig, Verf. und Verw. des röm. St. I, p. 39 sqq.

mani, какъ извѣстно, могъ рѣшать только comitiatus maximus): быть можетъ, до введенія центуріатнаго строя и соотвѣтственныхъ комицій плебеи и не имѣли права участвовать въ народныхъ собраніяхъ, но признавались ли они въ эти древнѣйшія времена вообще гражданами Рима (какъ это обыкновенно представляютъ позднѣйшіе писатели), это — вопросъ, подлежащій еще сильнымъ сомнѣніямъ. И вообще ссылаться на учрежденія сѣдой старины для опредѣленія принциповъ государственнаго права крайне опасно: государства рождаются не въ одинъ день по готовому шаблону извѣстнаго основателя, а возникаютъ и развиваются постепенно, и лишь въ учрежденіяхъ историческаго времени безсознательные, можно сказать, дотолѣ правовые инстинкты народа находятъ свою строго-юридическую формулировку, отъ которой и долженъ исходить изслѣдователь.

Всего только что сказаннаго было бы достаточно, чтобы убѣдить въ слабости возраженій Филиппи противъ Аристотеля и въ несостоятельности его собственной теоріи, а между тѣмъ мы еще и не указали на его главнѣйшую, чисто-логическую ошибку: онъ упрекаетъ древняго философа въ томъ, что тотъ „пытается установить понятіе о гражданинѣ и упускаетъ изъ виду, *какимъ образомъ* каждый гражданинъ достигъ своихъ правъ“, и дѣйствительно самъ вмѣсто опредѣленія спорнаго термина „гражданинъ“ преподноситъ намъ формулировку *условій*, отъ которыхъ зависѣло принятіе извѣстнаго лица въ кругъ гражданства. Мы не станемъ напирать на шаткость такого опредѣленія, такъ какъ условія эти (принимая даже повсемѣстное ихъ дѣйствіе) въ каждую данную минуту могли быть измѣнены по произволу верховной власти — для Аѳинъ бы это произошло, если бы было принято предложеніе Формизія: ограничить гражданство лицами, обладавшими поземельною собственностью[1]). Важнѣе гораздо то обстоятельство, что подобное опредѣленіе противорѣчитъ самымъ элементарнымъ требованіямъ формальной логики и не даетъ потому никакого представленія о сущности опредѣляемаго объекта. Дѣйствительно, если бы кто-нибудь, не понимающій термина „гражданинъ“ и не связывающій съ этимъ словомъ никакого ровно представленія, на свой

---

[1]) Dionys. Hal. de Lysia c. 32 (T. V, p. 525 = Lys. XXXIV); cfr. Grote, Hist. of Greece, VIII, p. 96. Schömann, Verfassungsgesch., p. 89—94.

вопросъ получилъ отвѣтъ: „гражданинъ — лицо, произошедшее отъ родителей-гражданъ“, то развѣ бы онъ не продолжалъ бы спрашивать, что онъ долженъ понимать подъ гражданскимъ званіемъ родителей, и получая все тотъ же отвѣтъ, не дошелъ бы до поколѣнія, уже не имѣющаго родителями гражданъ, напр. до первыхъ основателей государства? Это-то и хочетъ сказать Аристотель въ своемъ возраженіи противъ подобныхъ опредѣленій, которое Филиппи слишкомъ легко отбрасываетъ въ сторону: если для понятія о гражданинѣ выставить отличительнымъ признакомъ его гражданское происхожденіе, то какимъ образомъ это опредѣленіе можно примѣнить къ первымъ основателямъ? а если ихъ не признать (вполнѣ консеквентно) за гражданъ, то на какомъ основаніи ихъ дѣти, ихъ внуки и т. д. станутъ таковыми?

Такимъ образомъ мы видимъ, что все опроверженіе Филиппи, направленное противъ Аристотелева опредѣленія, не имѣетъ подъ собою твердой почвы; но дѣйствительно въ послѣднемъ кроется крупная ошибка, которая именно и ускользнула отъ вниманія критика — ее можно наилучше пояснить примѣрами. Въ римскомъ гражданствѣ, какъ мы уже выше указали, былъ цѣлый классъ такъ наз. Caeritum, которые были лишены всѣхъ политическихъ правъ, и слѣдовательно по опредѣленію Аристотеля не могли быть гражданами, а между тѣмъ они признавались по праву таковыми (cives sine suffragio). Точно такъ же и въ эллинскихъ государствахъ (подробнѣе этотъ институтъ извѣстенъ намъ лишь въ Аѳинахъ, но онъ существовалъ несомнѣнно и въ другихъ городахъ) были болѣе или менѣе многочисленныя группы лицъ, которыя подверглись такъ наз. атиміи[1]) и были лишены такимъ образомъ права участвовать въ народномъ собраніи и судѣ; тѣмъ не менѣе они продолжали считаться гражданами даннаго государства, какъ лучше всего доказывается тѣмъ, что по снятіи съ нихъ безчестія они немедленно и безъ особаго на то разрѣшенія возстановлялись во всѣхъ гражданскихъ правахъ. Какъ примирить очевидное противорѣчіе между приведенными фактами и теоріей Стагирита? онъ бы, можетъ быть, попытался его устранить, говоря, что въ данныхъ случаяхъ его опредѣленіе гражданина требуетъ и допускаетъ по-

---

[1]) Объ этомъ институтѣ намъ придется говорить въ III-ей гл. („Пріобрѣтеніе и потеря права гражданства“).

правку (*ἔχει γὰρ διόρθωσιν ὁ τοῦ πολίτου διορισμός*), но въ такомъ случаѣ мы должны признать его опредѣленіе неточнымъ.

Неточность его заключается въ томъ, что онъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе на политическихъ правахъ какъ отличительномъ признакѣ гражданина, а не признаетъ вовсе или игнорируетъ важность частныхъ правъ, соединенныхъ съ этимъ званіемъ. Въ вышеприведенномъ своемъ разсужденіи онъ прямо утверждаетъ, что обладаніе извѣстными частными правами (спеціально онъ приводитъ право личнаго предстательства предъ судомъ) не можетъ считаться отличительной характеристикой гражданина, такъ какъ подобныя же права могли быть удѣлены въ видѣ привилегій и иностранцамъ. Дѣйствительно мы знаемъ изъ многочисленныхъ примѣровъ, притомъ различныхъ греческихъ государствъ, что имъ даровалось: право пріобрѣтенія недвижимой собственности (*ἔγκτησις γῆς καὶ οἰκίας*), право одинаковаго съ гражданами податнаго обложенія (*ἰσοτέλεια*) и даже привилегія полнаго освобожденія отъ податей и пошлинъ (*ἀτέλεια*), право личнаго веденія дѣлъ на судѣ, иногда соединенное съ привилегіей предпочтительнаго, ускореннаго ихъ рѣшенія (*προδικία*), право обязательнаго и притомъ немедленнаго допущенія для защиты личныхъ интересовъ предъ лицо совѣта и народнаго собранія (*πρόσοδος πρὸς τὴν βουλὴν καὶ τὸν δῆμον πρώτοις μετὰ τὰ ἱερά*), право почетнаго мѣста на совершаемыхъ отъ имени государства празднествахъ и играхъ (*προεδρία*), наконецъ право вступленія въ законный бракъ съ членами данной общины (*ἐπιγαμία*) — послѣднее право предоставлялось чрезвычайно рѣдко, и спеціально изъ Аѳинъ намъ достовѣрно не извѣстно ни одного случая[1]). Совокупность всѣхъ этихъ привилегій, даруемыхъ иногда иностранцамъ, приблизительно равняется комплексу частныхъ правъ гражданина и въ иныхъ случаяхъ даже превышаетъ ихъ, — съ этой точки зрѣнія Аристотель правъ. Но не говоря уже о томъ, что для иностранца все это были привилегіи, удѣляемыя за особыя заслуги отдѣльнымъ законодательнымъ актомъ, для гражданина неотъемлемыя права, присущія ему съ самаго момента рожденія, едва ли можно въ массѣ почетныхъ постановленій въ честь иностранцевъ, сохранившихся до нашего времени, отыскать хотя бы одно, въ коемъ бы даровались какому-

[1]) О всѣхъ этихъ привилегіяхъ срвн. нашу гл. V.

нибудь лицу всѣ названныя права вмѣстѣ, т.-е. оно приравнивалось бы въ отношеніи частныхъ правъ къ настоящимъ гражданамъ: хотя бы въ томъ или другомъ отношеніи иностранецъ, оказавшій благодѣянія государству, и превышалъ своими привилегіями зауряднаго гражданина, но въ совокупности всѣхъ частныхъ правъ послѣдній обладалъ все-таки преимуществомъ передъ первымъ—въ этомъ-то и заключается самая суть вопроса, на которую не обратилъ должнаго вниманія Аристотель. Но даже если мы допустимъ, что въ томъ или другомъ эллинскомъ государствѣ иностранцу могла быть предоставлена вся совокупность частныхъ правъ, связанныхъ съ званіемъ гражданина, то и тогда сдѣланное нами противъ Аристотеля возраженіе не теряетъ своей силы: во-первыхъ, могли въ такомъ случаѣ подобные иностранцы считаться гражданами съ ограниченными правами — такъ въ Римѣ cives sine suffragio имѣли и commercium и connubium; во-вторыхъ, если они таковыми не считались (а это мы должны признавать за правило въ эллинскихъ общинахъ), то и тогда существовала рѣзкая грань между привилегированнымъ иностранцемъ и лишеннымъ политическихъ правъ гражданиномъ; преимущества, предоставленныя первому, могли быть и бывали отняты простымъ народнымъ постановленіемъ, равенство же послѣдняго съ остальными членами общины въ частныхъ правахъ не могло быть уничтожено иначе, какъ посредствомъ, исключенія его изъ гражданства (кромѣ, конечно, эпохъ государственныхъ переворотовъ).

Ошибка Аристотеля весьма извинительна: какъ истый эллинъ, онъ выше всего цѣнилъ политическія права и на ряду съ ними не бралъ вовсе въ разсчетъ частныя, тѣмъ болѣе, что послѣднія могли быть по частямъ сообщаемы и иностранцамъ, первыя—никогда; насъ же болѣе правильному воззрѣнію учитъ аналогія учрежденій римлянъ, которые, отличаясь вообще болѣе отчетливыми и ясными юридическими понятіями, опредѣляли личность (caput) гражданина какъ образуемую четырьмя группами правъ, изъ коихъ двѣ политическаго характера (ius suffragii и ius honorum), двѣ — частноправоваго (commercium и connubium)[1]). Посему мы опредѣлимъ

[1]) Срвн. Madvig, Verf. и Verw. d. röm. St. I, p. 34—38; P. Willems (Droit public romain. 6 ed. 1888, p. 58) присоединяетъ еще къ iura publica — ius sacrorum et sacerdotiorum, а къ iura privata — ius legis actionis, но мнѣ кажется, что онъ заходитъ слишкомъ далеко въ дробленіи правъ, хотя его еще превзо-

понятіе гражданина, существовавшее въ эллинскихъ общинахъ, слѣдующимъ образомъ: гражданиномъ признается лицо, принадлежащее къ данной общинѣ и пользующееся какъ извѣстною совокупностью частныхъ правъ, опредѣленныхъ въ подробности соотвѣтствующимъ законодательствомъ для всѣхъ членовъ равнымъ образомъ, такъ и нѣкоторымъ комплексомъ политическихъ правъ, обезпечивающимъ за нимъ болѣе или менѣе непосредственное участіе въ управленіи государства сообразно съ положеніями дѣйствующей конституціи.

Если мы примемъ такое опредѣленіе, то подъ него съ легкостью подойдутъ всѣ тѣ категоріи гражданъ, которыя Аристотель только съ трудомъ и натяжками (поправками) можетъ подвесть подъ свое: не только классъ такъ наз. *ἄτιμοι*, но и несовершеннолѣтніе дѣти и дряхлые старики (по Аристотелю „неполные“ и „перезрѣвшіе“ граждане), которые не пользуются, правда, участіемъ въ управленіи, одни по закону, другіе — по немощи, но въ своихъ частныхъ правахъ защищаются закономъ наравнѣ съ прочими гражданами. Даже цѣлая половина — женская — гражданства, которая вовсе по Аристотелю не находитъ себѣ мѣста въ общинѣ, можетъ быть до нѣкоторой степени подведена подъ наше опредѣленіе: правда, ихъ и частныя права были весьма и весьма ограничены, но тѣмъ не менѣе въ нихъ онѣ строго отличались законодательствомъ отъ иностранокъ и во многихъ государствахъ имѣли даже преимущество quasi-политическаго характера — онѣ могли вступать однѣ въ законный бракъ съ гражданами и рождать гражданъ.

Въ дополненіе къ выставленному нами опредѣленію гражданина мы должны сказать нѣсколько словъ относительно условій, поставленныхъ для его принятія въ число гражданъ. Филиппи, какъ мы видѣли выше, призналъ за такое условіе происхожденіе отъ законнаго брака гражданскихъ родителей, но это воззрѣніе несо-

---

шелъ G. Humbert въ Daremberg-Saglio, Dictionn. des antiq. I, p. 1218. Puchta (Institutionen, II, § CCXX, p. 116) объединяетъ ошибочно въ одно понятіе caput и status; но эти термины ничего общаго не имѣютъ: status дѣлился по тремъ точкамъ зрѣнія, libertas, civitas, familia; caput къ послѣдней никакого отношенія не имѣлъ и исключалъ вопросъ о libertas, потому что servus caput non habet (Inst. I, 16, 4). О status срвн. Savigny, Syst. d. röm. Rechts, II, p. 60—89; о caput — Mommsen, Röm. St.-R. III, p. 7—8.

стоятельно какъ въ виду того обстоятельства (на которое было указано раньше), что не во всѣхъ государствахъ ставилось такое требованіе, такъ и по тому, что подъ него нельзя подвести болѣе или менѣе многочисленный классъ натурализованныхъ гражданъ.

Должно признать, что самъ Филиппи былъ близокъ къ истинѣ, когда говорилъ, что въ древности каждый гражданинъ, чтобы быть активнымъ членомъ общины, обязательно долженъ былъ принадлежать послѣдовательно ко всѣмъ ея подраздѣленіямъ начиная съ самаго меньшаго и узкаго; но далѣе онъ отступилъ отъ этого правильнаго взгляда на дѣло, частью въ угоду своей теоріи о гражданскомъ происхожденіи, разобранной уже нами, частью вслѣдствіе своего ошибочнаго воззрѣнія на характеръ этихъ подраздѣленій въ Аѳинахъ, которое мы дальше будемъ имѣть случай подвергнуть подробной критикѣ[1]).

Итакъ намъ остается только возстановить отвергнутое имъ опредѣленіе и сказать, что условіемъ активнаго пользованія правами гражданства для всякаго члена общины, рожденнаго или натурализованнаго, являлось его зачисленіе во всѣ ея подраздѣленія отъ наименьшаго до крупнѣйшаго, какъ они были установлены государственнымъ устройствомъ данной общины. Зачисленіе это въ Римѣ для каждаго гражданина повторялось черезъ болѣе или менѣе опредѣленные промежутки времени при всякомъ цензѣ, въ эллинскихъ же государствахъ производилось лишь однажды въ жизни при достиженіи совершеннолѣтняго возраста для потомственныхъ гражданъ или при дарованіи гражданства заслуженнымъ иностранцамъ, какъ для первыхъ свидѣтельствуютъ прямыя указанія древнихъ авторовъ, а для послѣднихъ дошедшіе до насъ въ большомъ числѣ оффиціальные акты относительно ихъ принятія въ составъ гражданства.

---

[1]) Вообще многіе вопросы, только вскользь затронутые нами на послѣднихъ страницахъ, будутъ подробнѣе разсмотрѣны въ дальнѣйшемъ изложеніи, когда при изслѣдованіи аѳинскаго гражданства намъ придется указывать на аналогичные институты и въ другихъ государствахъ.

ГЛАВА II.

Дѣленія аѳинскаго гражданства родовыя и территоріальныя.

1. Родовой строй въ Аѳинахъ: роды, фратріи, филы. — Воззрѣнія на нихъ Аристотеля. — Критика его взгляда. — Сомнѣнія Грота и отношеніе новѣйшихъ историковъ. — Цыфровыя данныя Аристотеля и попытки къ ихъ объясненію: несостоятельность ихъ по отношенію къ низшимъ дѣленіямъ; сомнѣнія относительно числа 12 фратрій. — Семейно-религіозная основа этихъ дѣленій. — Филы: Гелеонты, Эгикореи, Аргадеи, Гоплеты. — Теорія о кастовомъ ихъ различіи у древнихъ (Плутарха, Страбона) и новыхъ ученыхъ: ея несостоятельность. — Теорія о мѣстномъ ихъ характерѣ и сопоставленіе ихъ съ территоріальными дѣленіями Аттики. — Критика этого мнѣнія. — Общеіоническій характеръ этихъ филъ. — Внѣ-аттическое ихъ происхожденіе. — Вопросъ о движеніи іоническаго племени; попытка къ рѣшенію его въ связи съ теоріей о происхожденіи филъ. — Соціальное дѣленіе аѳинскаго гражданства: эвпатриды, геоморы, деміурги. — Отношеніе этихъ классовъ къ родовому строю: входили ли всѣ въ составъ родовыхъ дѣленій или одни лишь эвпатриды? — Рѣшеніе этого вопроса у новѣйшихъ ученыхъ. — Взглядъ Аристотеля. — Предлагаемое авторомъ рѣшеніе: родовой строй какъ общій всѣмъ гражданамъ.

2. Переходъ отъ родоваго принципа къ территоріальному. — Первоначальное отношеніе родовыхъ единицъ къ территоріи. — Учрежденіе древнѣйшихъ административно-территоріальныхъ дѣленій. — Навкраріи, ихъ цѣль и происхожденіе. — Триттіи: ихъ имя и характеръ. — Древность ихъ происхожденія: триттіи на о. Делосѣ и выводы отсюда вытекающіе. — Шаткость такого устройства.

3. Побѣда территоріальнаго принципа надъ родовымъ. — Реформа Клисѳена. — Замѣна навкрарій демами: характеръ и происхожденіе этихъ новыхъ дѣленій. — Новыя триттіи и филы. — Ихъ отношеніе къ родовымъ и областнымъ единицамъ. — Цѣль всей реформы и оцѣнка ея. — Роль новыхъ дѣленій для государства. — Позднѣйшія перемѣны, произошедшія въ ихъ составѣ.

4. Переживанія и остатки родоваго строя. — Неизмѣнное существованіе старыхъ дѣленій: родовъ, фратрій, филъ. — Ихъ устройство въ историческое время. — Религіозныя ихъ функціи.

Въ вновь открытой „аѳинской политіи“ Аристотеля, какъ извѣстно, недостаетъ начала, а вмѣстѣ съ нимъ погибли для насъ и его разсужденія о родовомъ строѣ и родовыхъ дѣленіяхъ аѳинскаго гражданства; но нѣкоторое восполненіе этого именно про-

бѣла мы находимъ въ цитатахъ позднѣйшихъ лексикографовъ, которыя сопоставлены наилучше у Rose въ его собраніи Аристотелевыхъ фрагментовъ подъ № 385. Самое полное и обстоятельное извлеченіе изъ его трактата сохранилось въ Демосѳеновскомъ лексиконѣ, найденномъ на о. Патмѣ и изданномъ недавно греческимъ ученымъ Саккеліономъ [1]): всѣ остальныя цитаты сравнительно съ этой являются (за однимъ исключеніемъ) какъ бы только сокращеніями, такъ что достаточно будетъ привесть лишь ее, какъ наиболѣе вѣрное изложеніе Аристотелевыхъ воззрѣній.

„Издревле", говоритъ лексикографъ, подъ словомъ *γενῆται*, „прежде чѣмъ Клисѳенъ произвелъ свою реформу относительно филъ, народъ аѳинскій былъ раздѣленъ на [эвпатридовъ], земледѣльцевъ *(γεωργοί)* и ремесленниковъ *(δημιουργοί)*, и изъ нихъ составлялись четыре филы, а изъ филъ каждая распадалась на три части, которыя называли фратріями и триттіями; изъ этихъ каждая состояла изъ тридцати родовъ, а каждый родъ заключалъ по тридцати мужчинъ, внесенныхъ въ роды, которые звались геннетами — изъ нихъ по жребію замѣщались жречества, каждому роду усвоенныя — таковы были Евмолпиды, Керики, Этеобутады, какъ повѣствуетъ почти въ этихъ же словахъ Аристотель въ аѳинской политіи. Онъ же сообщаетъ, что ихъ дѣленіе на четыре филы подражаетъ четыремъ временамъ года, каждая же фила распадается на три части, чтобы всѣхъ частей было двѣнадцать, сколько мѣсяцевъ въ году (зовутся же онѣ триттіями и фратріями), во фратріи установлено по тридцати родовъ соотвѣтственно числу дней въ мѣсяцѣ, а родъ каждый состоитъ изъ тридцати мужчинъ" [2]).

---

1) *Λέξεις μεθ' ἱστοριῶν ἐν τῶν Δημοσθένους λόγων.* Изданы эти глоссы изъ рукописи, содержащей много отдѣльныхъ статей (Miscellan-Handschrift), Саккеліономъ въ B. d. C. H. I, p. 1 et 137. Интересующая насъ глосса: p. 152.

2) *Γεννῆται· πάλαι τὸ τῶν Ἀθηναίων πλῆθος, πρὶν ἢ Κλεισθένη διοικήσασθαι τὰ περὶ τὰς φυλάς, διῃρεῖτο εἰς (εὐπατρίδας καὶ* om.*) γεωργοὺς καὶ δημιουργούς. καὶ φυλαὶ τούτων ἦσαν δ', τῶν δὲ φυλῶν ἑκάστη μοίρας εἶχε γ', ἃς φρατρίας καὶ τριττύας ἐκάλουν. τούτων δὲ ἑκάστη συνειστήκει ἐκ τριάκοντα γενῶν καὶ γένος ἕκαστον ἄνδρας εἶχε τριάκοντα τοὺς εἰς τὰ γένη τεταγμένους, οἵτινες γεννῆται ἐκαλοῦντο,* (ἐξ om.) *ὧν αἱ ἱερωσύναι ἑκάστοις προσήκουσαι ἐκληροῦντο, οἷον Εὐμολπίδαι καὶ Κήρυκες καὶ Ἐτεοβουτάδαι, ὡς ἱστορεῖ ἐν τῇ Ἀθηναίων πολιτείᾳ Ἀριστοτέλης λέγων οὕτως. φυλὰς δὲ αὐτῶν συννενεμῆσθαι δ' ἀπομιμησαμένων τὰς ἐν τοῖς ἐνιαυτοῖς ὥρας. ἑκάστην δὲ διη-*

Мы привели въ дословномъ переводѣ все, довольно непривлекательное по формѣ, разсужденіе лексикографа, потому что оно, по крайней мѣрѣ въ первой своей половинѣ, представляетъ довольно точное извлеченіе изъ Аристотеля: это доказывается сравненіемъ съ довольно многочисленными цитатами того же мѣста въ другихъ сочиненіяхъ — цѣлыя предложенія въ нихъ повторяются въ неизмѣнномъ видѣ, и притомъ вовсе не самыя важныя по содержанію. Въ одномъ только мѣстѣ мы находимъ важный пробѣлъ, встрѣчающійся страннымъ образомъ не только въ лексиконѣ Свиды, но и у схоліаста къ Платону и у аттициста Мёриса[1]) (что свидѣтельствуетъ о древнемъ его происхожденіи въ самомъ текстѣ Аристотеля) — опущеніе слова „эвпатриды", восполненнаго нами по примѣру Розе на основаніи Гарпократіона и Поллукса, изъ коихъ послѣдній приводитъ цитату изъ Аристотеля въ такомъ видѣ: „четыре было филъ, каждая дѣлилась на три части и эта часть носила названіе триттіи и *класса (ἔθνος)* и фратріи.... три было въ древности класса: эвпатриды, геоморы, деміурги[2]).

Сомнительнѣе можетъ казаться вопросъ относительно Аристотелевскаго происхожденія второй половины, т.-е. довольно нелѣпаго и въ сущности невѣрнаго сопоставленія народныхъ дѣленій съ частями года. По самой формѣ (употребленію винительнаго съ неопредѣленнымъ) несомнѣнно, что лексикографъ преподноситъ намъ не свою мудрость, и естественнѣе всего было бы думать, что приводимое чужое мнѣніе принадлежитъ тому автору, который только что былъ имъ названъ — Аристотелю; но помимо самаго содержанія, не соотвѣтствующаго нашему понятію о великомъ мыслителѣ, представляетъ нѣкоторыя затрудненія какъ способъ его

ρῆσθαι εἰς τρία μέρη τῶν φυλῶν, ὅπως γένηται τὰ πάντα δώδεκα μέρη, καθάπερ οἱ μῆνες εἰς τὸν ἐνιαυτόν, καλεῖσθαι δὲ αὐτὰ τριττῦς καὶ φρατρίας. εἰς δὲ τὴν φρατρίαν τριάκοντα γένη διακεκοσμῆσθαι, καθάπερ αἱ ἡμέραι εἰς τὸν μῆνα, τὸ δὲ γένος εἶναι τριάκοντα ἀνδρῶν.

[1]) Schol. in Plat. Axioch., p. 465 Bekk.; Moeris Attic., p. 193, 16 Bekk. Cfr. Suid. s. v.

[2]) Harpocr. s. v. *τριττύς: αὕτη γὰρ (ἡ φυλὴ) διῄρηται εἰς τρία μέρη, τριττῦς καὶ ἔθνη καὶ φρατρίας.* Poll. VIII, 111: *ὅτε μέντοι τέτταρες ἦσαν αἱ φυλαί, εἰς τρία μέρη ἑκάστη διῄρητο, καὶ τὸ μέρος τοῦτο ἐκαλεῖτο τριττὺς καὶ ἔθνος καὶ φρατρία .... τρία δ' ἦν τὰ ἔθνη πάλαι, εὐπατρίδαι γεωμόροι δημιουργοί.*

упоминанія (почему бы лексикографъ привелъ его имя и названіе сочиненія посреди цитаты, заканчивая еще словами: *λέγων οὕτως*?), такъ и форма, въ которую облечена эта вторая часть: по сути своей она составляетъ лишь повтореніе мыслей первой съ добавкой указанныхъ сопоставленій — даже имена отдѣльныхъ дѣленій народныхъ приводятся, какъ будто о нихъ вообще не было рѣчи — и оканчивается предложеніемъ („а родъ состоитъ изъ тридцати мужчинъ“) вполнѣ безцѣльнымъ, такъ какъ этимъ низшимъ единицамъ нѣтъ никакого соотвѣтствія въ дѣленіяхъ года[1]). Можно предположить, что виновникомъ такихъ неудачныхъ повтореній былъ составитель первоначальнаго извлеченія, но не лишена вѣроятія и мысль, что при извѣстномъ методѣ работы лексикографовъ и схоліастовъ (извлеченіемъ изъ извлеченій рука объ руку съ контаминаціей различныхъ извѣстій) изчезло и погибло для насъ имя автора и его сочиненія, въ которомъ говорилось также о народныхъ дѣленіяхъ въ Аѳинахъ и предлагалось вышеуказанное ихъ сравненіе — въ такомъ случаѣ можно было бы подумать объ извѣстномъ авторѣ Аттиды Филохорѣ, который часто работалъ тѣмъ же матеріаломъ, какъ и Аристотель, и потому часто вмѣстѣ съ нимъ приводится схоліастами, но не отличался свойственной послѣднему положительностью ума. Но мы не станемъ настаивать на нашемъ предположеніи, дабы не казалось, что нами руководила предвзятая мысль — очистить философа отъ упрека нелѣпаго сопоставленія: могъ онъ привесть и чужое мнѣніе съ выраженіемъ личнаго неодобренія или даже безъ таковаго[2]).

Гораздо важнѣе для насъ было бы въ точности знать взглядъ Аристотеля на происхожденіе этихъ дѣленій. Многіе ученые древности, производя названія четырехъ аѳинскихъ филъ отъ именъ

[1]) Саккеліонъ именно эту вторую часть приписываетъ Аристотелю, какъ показываетъ курсивъ, которымъ онъ пишетъ слова послѣ *λέγων οὕτως*, видя въ нихъ дословную цитату: конечно, эти поздніе лексикографы не отличаются точнымъ знаніемъ языка, но по правиламъ классической грамматики *λέγων οὕτως* должно бы было относиться къ предыдущему, а не къ послѣдующему тексту, какъ принимаетъ, очевидно, и Rose.

[2]) Таково мнѣніе и Wilamowitz'a-Kaibel'я (*Πολ. Ἀθ.* fr. 3, p. 89): quae tamquam ipsa Aristotelis verba adferuntur ita ab eo scribi non potuerunt; certe enuntiata quae a *καθάπερ* incipiunt ab eo aliena, ac mirus in Aristotele lusus numerorum. sed credere licet, proposuisse eum alius scriptoris opinationem.

сыновей Іона, ему и приписывали ихъ учрежденіе[1]): что и Аристотель принималъ единовременное происхожденіе всѣхъ указанныхъ дѣленій и установленіе ихъ однимъ законодательнымъ актомъ, очевидно изъ приведеннаго отрывка — только въ такомъ случаѣ возможна изложенная имъ стройная соразмѣрность всѣхъ частей; едва ли также могутъ быть сомнѣнія насчетъ того, кто представлялся ему авторомъ этого учрежденія — въ одномъ изъ фрагментовъ мы читаемъ, что онъ отъ Іона выводилъ культъ „отеческаго Аполлона“ [2]), который былъ общимъ богомъ всѣхъ родовъ и фратрій, а слѣдовательно мы должны заключить, что и учрежденіе народныхъ дѣленій Аристотель не могъ возводить выше Іона и приписывалъ ему. Такое заключеніе теперь подтверждается вполнѣ опредѣленно аѳинской политіей: правда, съ началомъ ея погибло и подробное изложеніе этого вопроса, но въ концѣ первой части, исторіи аѳинской конституціи, онъ даетъ краткій обзоръ главнѣйшихъ ея эпохъ и первымъ основателемъ и устроителемъ государства называетъ именно того же Іона, которому въ выраженіяхъ, не допускающихъ сомнѣнія, приписываетъ дѣленіе народа на филы, а слѣдовательно и установленіе всего такъ-называемаго родоваго строя [3]).

Выше мы уже имѣли случай высказать свое убѣжденіе, что, несмотря на высокій авторитетъ Аристотеля, таковой его взглядъ долженъ быть признанъ ложнымъ и не соотвѣтствующимъ законамъ историческаго развитія. Первый изъ новѣйшихъ ученыхъ, который осмѣлился возвысить свой голосъ противъ общераспространеннаго воззрѣнія, былъ извѣстный историкъ Греціи — Гротъ, но и онъ выражается крайне осторожно и нерѣшительно: вслѣдствіе этого и новѣйшіе ученые не осмѣливаются вполнѣ отрѣшиться отъ искусственной схемы, переданной Аристотелемъ, стараясь только

[1]) Кромѣ приведенныхъ ниже мѣстъ, срвн. Steph. Byz. s. v. *Αἰγικόρεως· οὐκ ἔστι δῆμος τῆς Ἀττικῆς, ὥς τινες, ἀλλὰ φυλὴ παλαιά, μία τῶν τεσσάρων τῶν ἀπὸ Ἴωνος.*

[2]) Aristot. fr. 381 Rose (Harp. s. v. *Ἀπόλλων πατρῷος*): *τὸν Ἀπόλλωνα κοινῶς πατρῷον τιμῶσιν Ἀθηναῖοι ἀπὸ Ἴωνος· τούτου γὰρ οἰκήσαντος τὴν Ἀττικήν, ὡς Ἀρ. φησί, τοὺς Ἀθηναίους Ἴωνας κληθῆναι καὶ Ἀπόλλω πατρῷον αὐτοῖς ονομασθῆναι.*

[3]) Aristot. Ath. Pol. 41, 2: *πρώτη μέν γὰρ ἐγένετο ἡ κατάστασις τῶν ἐξ ἀρχῆς, Ἴωνος καὶ τῶν μετ' αὐτοῦ συνοικησάντων· τότε γὰρ πρῶτον εἰς τὰς τέτταρας συνενεμήθησαν φυλάς.*

устранить очевидныя ея несообразности построеніями, часто еще болѣе искусственными, какъ это дѣлаетъ напр. Филиппи, о чемъ мы будемъ имѣть случай говорить нѣсколько ниже.

Мы видѣли уже, что великому Стагириту далеко не вполнѣ былъ ясенъ родовой строй и условія его развитія, что онъ весьма мало придаетъ значенія принципу кровнаго родства, несомнѣнно лежавшаго въ основѣ, по крайней мѣрѣ, болѣе мелкихъ единицъ родовыхъ, и вовсе игнорируетъ религіозный моментъ, служившій связующимъ звеномъ для болѣе крупныхъ, гдѣ первый отчасти терялъ свою силу вслѣдствіе отдаленности или вымышленности родства. Съ точки зрѣнія Аристотеля такая ошибка была вполнѣ понятна: онъ находился подъ впечатлѣніемъ условій и явленій своего времени, — говоря о созданіи древне-аттическаго государства, онъ невольно руководился примѣромъ основанныхъ въ столь большомъ числѣ его воспитанникомъ, Александромъ Македонскимъ, греческихъ общинъ въ Азіи и Ливіи.

Наука, если можно такъ выразиться, основанія городовъ задолго еще до него нашла въ Греціи, которая была обязана въ значительной мѣрѣ своимъ процвѣтаніемъ колонизаторской дѣятельности своихъ жителей, настоящихъ учителей-теоретиковъ и практиковъ: въ виду особенности античной общины, соединявшей въ себѣ городъ и государство, практическіе строители городовъ должны были составить себѣ болѣе или менѣе отчетливое понятіе о государственной конституціи, какъ дѣйствовавшей на составъ и условія гражданства, а наоборотъ теоретики государственнаго права не могли оставить вполнѣ безъ вниманія чисто внѣшнихъ условій созданія городовъ, — примѣромъ перваго можетъ служить архитекторъ Гипподамъ изъ Милета, втораго — философъ Платонъ.

Извѣстный Гипподамъ, жившій между временемъ персидскихъ войнъ и концомъ V-го вѣка[1]), какъ мы знаемъ изъ Аристотеля, занимался вопросами государственнаго устройства и даже выста-

---

[1]) О времени жизни и дѣятельности Гипподама, с. Еврикоона (а не Еврифона, какъ читается въ рукописяхъ Аристотеля), изъ Милета, срвн. C. F. Hermann, Disput. de Hippodamo Milesio ad Aristot. Polit. II, 5 (Marburg 1841 — мнѣ, къ сожалѣнію, недоступно) — и подробное извлеченіе у H. Brunn'a, Gesch. d. griech. Künstler, II², p. 243 sqq., а также O. Müller-Welcker, Arch. d. Kunst, § 111. Ошибочно его относитъ къ IV-му в. Ѳ. Г. Мищенко въ статьѣ „Федеративная Эллада и Полибій“, стран. XLVI.

влялъ особую теорію относительно „лучшей политіи“, хотя въ сущности по профессіи онъ былъ лишь архитекторомъ и строителемъ городовъ[1]). Онъ стоялъ за правильную распланировку послѣднихъ въ видахъ красоты и удобства (въ противоположность старымъ греческимъ городамъ съ ихъ узкими, кривыми улицами)[2]), но не выставлялъ для этого опредѣленнаго разъ навсегда плана, а считалъ необходимымъ сообразоваться съ условіями мѣстности: такъ, отстраивая (ок. 460—50 г.) основанный Ѳемистокломъ Пирей, онъ расположилъ улицы въ видѣ вѣера вокругъ названной по немъ Гипподамовой агоры; городъ Родосъ, образовавшійся изъ трехъ независимыхъ общинъ, онъ воздвигъ въ видѣ амфитеатра по склонамъ горы; будучи назначенъ членомъ коммиссіи при основаніи обще-эллинской колоніи въ Ѳуріяхъ, онъ начерталъ для нея планъ въ видѣ продолговатаго прямоугольника, прорѣзаннаго параллельными улицами[3]). Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ при основаніи городовъ бралъ въ разсчетъ и наличное *число* будущихъ гражданъ съ ихъ опредѣленными политическими *дѣленіями:* такъ, городъ Ѳуріи онъ тремя продольными и четырьмя поперечными улицами раздѣлилъ на двадцать кварталовъ сообразно десяти колѣнамъ, образованнымъ изъ явившихся изъ разныхъ мѣстъ Эллады колонистовъ, такъ что по 2 квартала соотвѣтствовали одной филѣ. Наоборотъ, и философъ Платонъ, выставляя въ своихъ „Законахъ“ идеалъ вто-

---

[1]) Aristot. Politic. II, 8, p. 1267 b, 22: *Ἱππόδαμος δὲ Εὐρυφῶντος Μιλήσιος, ὃς καὶ τὴν τῶν πόλεων διαίρεσιν εὗρε καὶ τὸν Πειραιᾶ κατέτεμεν, λόγιος δὲ καὶ περὶ τὴν ὅλην φύσιν εἶναι βουλόμενος, πρῶτος τῶν μὴ πολιτευομένων ἐνεχείρησέ τι περὶ πολιτείας εἰπεῖν τῆς ἀρίστης. κατεσκεύαζε δὲ τὴν πόλιν τῷ πλήθει μὲν μυρίανδρον, εἰς τρία δὲ μέρη διῃρημένην* etc.

[2]) Старый и новый способъ построенія городовъ съ ихъ различными преимуществами противопоставляются у Аристотеля, Politic. IV (VII), 11, p. 1330 b, 21: *ἡ δὲ τῶν ἰδίων οἰκήσεων διάθεσις ἡδίων νομίζεται καὶ χρησιμωτέρα πρὸς τὰς ἄλλας πράξεις, ἂν εὔτομος ᾖ κατὰ τὸν νεώτερον, τὸν Ἱπποδάμειον τρόπον, πρὸς δὲ τὰς πολεμικὰς ἀσφαλείας τοὐναντίον, ὡς εἶχον κατὰ τὸν ἀρχαῖον χρόνον, δυσέξοδος γὰρ ἐκείνη τοῖς ξενικοῖς καὶ δυσεξερεύνητος τοῖς ἐπιτιθεμένοις.*

[3]) О Пиреѣ срвн. Aristot. l. l., Schol. Aristoph. Eq. 327. *Ἱπποδάμεια ἀγορά:* Xen. Hell. II, 4, 11; Andoc. de myster. 45, Harpocrat. s. v. *Ἱπποδάμεια*, Phot. s. v. *Ἱπποδάμου νέμησις*, Bekker, Anecd. I, p. 266. О построеніи г. Родоса: Diodor. XIII, 75 (Ol. 93, 1); Strabo, XIV, 2, 9, p. 654. О его расположеніи: Diodor. XIX, 45; XX, 83; Aristid. I, p. 799. Объ участіи Гипподама въ основаніи Ѳурій: Phot. l. l., Hesych. s. v. *Ἱπποδάμου νέμησις*. О планѣ города: Diodor. XII, 10.

раго по достоинству государства, болѣе близкаго къ реальной дѣйствительности, также считаетъ необходимымъ опредѣлить число гражданъ, которое онъ ограничиваетъ 5040, какъ числомъ, „допускающимъ наиболѣе дѣленій“, а затѣмъ дѣлитъ ихъ совокупность на двѣнадцать равномѣрныхъ колѣнъ (по 420 человѣкъ) и соотвѣтственно этому и пространство вновь строющагося города, равно какъ и окружающую мѣстность дробитъ на столько же частей; какъ фила гражданъ, такъ и территорія, ей присвоенная, должны быть посвящены каждая извѣстному богу, по коему она и будетъ называться какъ по своему эпониму [1]).

Изъ этихъ тождественныхъ ученій какъ практическаго строителя городовъ, такъ и теоретическаго государствовѣда намъ уясняется общій принципъ, руководившій при основаніи новыхъ городовъ въ V-мъ и IV-мъ вв. и затѣмъ въ широкихъ размѣрахъ примѣненный великимъ завоевателемъ и колонизаторомъ Александромъ [2]): сначала съ большою точностью опредѣлялось число гражданъ новой общины, затѣмъ явившіеся добровольно или по приказанію колонисты распредѣлялись вполнѣ равномѣрно и по возможности въ округленныхъ цыфрахъ по заранѣе установленнымъ народнымъ дѣленіямъ, безъ особаго вниманія къ ихъ происхожденію и къ ихъ родственнымъ связямъ; каждая единица получала своего бога или героя — покровителя и эпонима — съ опредѣленнымъ культомъ и постоянными жертвоприношеніями; наконецъ по прибытіи на мѣсто задуманнаго города послѣдній вмѣстѣ съ прилегающею областью дѣлился на части, соотвѣтствовавшія дѣленіямъ гражданъ, при чемъ въ каждой филѣ и т. д. опредѣлялся извѣстный участокъ эпониму ради почета и для покрытія расходовъ по совершенію его культа.

---

1) Plat. de Legg. VI, 8, p. 737 E: *δεῖ δὴ περὶ ἀριθμῶν τό γε τοσοῦτον πάντα ἄνδρα νομοθετοῦντα νενοηκέναι, τίς ἀριθμὸς καὶ ποῖος πάσαις πόλέσι χρησιμώτατος ἂν εἴη. λέγωμεν δὴ τὸν πλείστας καὶ ἐφεξῆς μάλιστα διανομὰς ἐν αὐτῷ κεκτημένον.* ibid. 14, p. 745 D: *νείμασθαι δὲ δὴ καὶ τοὺς ἄνδρας δώδεκα μέρη ..... καὶ δὴ καὶ τὸ μετὰ τοῦτο δώδεκα θεοῖς δώδεκα κλήρους θέντας ἐπονομάσαι καὶ καθιερῶσαι τὸ λαχὸν μέρος ἑκάστῳ τῷ θεῷ, καὶ φυλὴν αὐτὴν ἐπονομάσαι. τέμνειν δὲ αὖ καὶ τὰ δώδεκα* (о нихъ была рѣчь нѣсколько выше) *τῆς πόλεως τμήματα τὸν αὐτὸν τρόπον, ὅνπερ καὶ τὴν ἄλλην χώραν διένεμον.*

2) Относительно основанія новыхъ городовъ въ эпоху Александра Македонскаго и его діадоховъ срвн. приложеніе къ Droysen, Hellenismus, III, Beil. I. Städtegründungen Alexander's und seiner Nachfolger.

Можно ли удивляться, что Аристотель принципы современной ему дѣйствительности, отлично ему извѣстные (онъ самъ посвятилъ Александру трактатъ объ основаніи колоній)[1]), перенесъ и на доисторическія времена, что и въ древнихъ родахъ даже, не говоря уже о фратріяхъ и филахъ, онъ видѣлъ такія же искусственныя созданія, образованныя помимо всякихъ родственныхъ связей по волѣ законодателя, какъ и въ народныхъ дѣленіяхъ своего времени, что наконецъ онъ не поколебался миѳическому царю Іону (родоначальнику іоническихъ филъ) приписать строгую ариѳметическую схему на подобіе бывшихъ въ его дни[2]). Схема эта была, конечно, придумана не имъ самимъ, а заимствована изъ какого-нибудь аттидографа, которому по всей вѣроятности должно приписать и остроумное сопоставленіе съ дѣленіями года — по примѣру послѣднихъ, можно предполагать, она и была измышлена своимъ авторомъ, кто бы онъ ни былъ. Ничего нѣтъ удивительнаго, повторяемъ мы, что Аристотель, не выходя изъ кругозора

---

[1]) О двухъ трактатахъ Аристотеля *πρὸς Ἀλέξανδρον ὑπὲρ βασιλείας* и *ὑπὲρ ἀποικιῶν* срвн. Rose, Aristot. pseudep. p. 93—94 и Heitz, Verlor. Schr. des Arist. p. 204—8, который противъ своего предшественника доказываетъ, что ихъ нельзя считать діалогами и къ нимъ относитъ свидѣтельство Цицерона (Ep. ad Att. XII, 40; XIII, 28), изъ коего Rose выводитъ особенное сочиненіе *συμβουλευτικὸς πρὸς Ἀλέξανδρον* (p. 583).

[2]) Я нисколько не колеблюсь приписать Аристотелю (въ началѣ его аѳинской политіи) тѣ разсужденія о родахъ и ихъ возникновеніи по волѣ законодателей, которыя сохранились у лексикографовъ въ связи съ вышеприведенными замѣтками о геннетахъ. Harpocr. s. v. *γεννῆται· οὐχ οἱ συγγενεῖς μέντοι ἁπλῶς καὶ οἱ ἐξ αἵματος γεννῆταί τε καὶ ἐκ τοῦ αὐτοῦ γένους ἐκαλοῦντο, ἀλλ' οἱ ἐξ ἀρχῆς εἰς τὰ καλούμενα γένη κατανεμηθέντες.* Poll. VIII, 111: *ἑκάστου δὲ ἔθνους γένη τριάκοντα ἐξ ἀνδρῶν τοσούτων, οὓς ἐκαλεῖτο τριακάδες καὶ οἱ μετέχοντες τοῦ γένους γεννῆται καὶ ὁμογάλακτες, γένει μὲν οὐ προσήκοντες, ἐκ δὲ τῆς συνόδου οὕτω προσαγορευόμενοι.* Lex. rhet. Seguer. p. 227: *γεννῆται τίνες εἰσίν· γένος ἐστὶ σύστημα ἐκ τριάκοντα ἀνδρῶν συνεστώς, οὗ οἱ μετέχοντες ἐκαλοῦντο γεννῆται, οὐ κατὰ γένος ἀλλήλοις προσήκοντες οὐδ' ἀπὸ τοῦ αὐτοῦ αἵματος, ἀλλ' ὥσπερ οἱ δημόται καὶ φράτορες ἐκαλοῦντο νόμων κοινωνίαν τινὰ ἔχοντες, οὕτω καὶ οἱ γεννῆται συγγενικῶν ὀργίων ἢ θεῶν, ἀφ' ὧν ὀργεῶνες ὠνομάσθησαν.* Cfr. Suid. (Phot.) s. v. *ὀργεῶνες* et *ὁμογάλακτες*. Etym. M., p. 226, 13; Schol. Plat. Phileb., p. 30 D. Не подлежитъ сомнѣнію, что всѣ разсужденія, представляющія столько сходнаго и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и въ общей фразировкѣ, должны быть сведены къ одному источнику: гдѣ мы должны его искать, на это имѣется прямое указаніе. Въ статьѣ Гарпократіона вслѣдъ за приведенными словами слѣдуетъ: *Φιλόχορος δ' ἐν τῇ δ' φησὶ πρότερον ὁμογά-*

своего времени, принялъ въ свое сочиненіе эти нелѣпыя построенія какого-то систематика — гораздо изумительнѣе, что и новѣйшіе историки при столь расширенномъ нашемъ горизонтѣ никакъ не могутъ вполнѣ отрѣшиться отъ буквы преданія и пытаются признаваемую ими самими несообразность болѣе или менѣе примирить съ требованіями нашего разума и болѣе развитаго историческаго смысла.

Мы уже указали на то, что Гротъ не идетъ дальше осторожно выраженныхъ сомнѣній: „мы можемъ не безъ основанія сомнѣваться“, говоритъ онъ, „существовала ли когда-нибудь такая система, она болѣе походитъ на вымыселъ антикварія, забавлявшагося игрой числами“ [1]). Раньше Грота такой знатокъ греческихъ древностей какъ Мейеръ считалъ возможнымъ приписать такую систематизацію и ариѳметическое уравненіе чиселъ для отдѣльныхъ народныхъ дѣленій законодательной дѣятельности Солона, пополнившаго число древнихъ родовъ (къ коимъ принадлежали лишь эвпатриды) образованіемъ новыхъ, которые основывались не на родствѣ членовъ, а на общности культа, — во всякомъ случаѣ попытка, заслуживающая вниманія, такъ какъ это еще единственное объясненіе Аристотелевой схемы, которое сколько-нибудь можетъ выдержать разумную критику [2]). Его другъ и сотрудникъ Шёманнъ въ своихъ раннихъ сочиненіяхъ выражается нѣсколько неопредѣленно, принимая однако на вѣру переданную намъ схему ($12 \times 30 \times 30$), въ послѣднемъ же своемъ трудѣ относительно гре-

---

λακτας ὀνομάζεσθαι οὓς νῦν γεννήτας καλοῦσιν; и у Поллукса (въ словахъ *γεννῆται καὶ ὁμογάλακτες*) сохранилось воспоминаніе о той же цитатѣ изъ Филохора. Если мы въ демосѳеновскихъ глоссахъ у Саккеліона за вышеприведеннымъ отрывкомъ Аристотеля читаемъ *Φιλόχορος δὲ ἐν τῇ τετάρτῃ Ἀτθίδος γεννήτας καὶ ὁμογάλακτας καλεῖ*, то становится очевиднымъ, что передъ этими словами опущены тѣ же разсужденія о произвольномъ составленіи родовъ изъ 30 человѣкъ, и весьма вѣроятнымъ, если не несомнѣннымъ, что они должны быть приписаны никому другому, какъ Аристотелю. Къ этому же результату ведетъ и простой логическій выводъ: кто принимаетъ равномѣрные роды въ 30 человѣкъ, не можетъ считать ихъ естественнымъ союзомъ родственниковъ по крови и происхожденію. Мимоходомъ укажу на данное мѣсто, какъ на интересный примѣръ работы лексикографовъ, нашихъ часто единственныхъ источниковъ.

[1]) Grote, Hist. of Gr. III, p. 54: „But we may reasonably doubt whether it ever did so exist: it appears more like the fancy of an antiquary who pleased himself by supposing an original systematic creation in times anterior to records“.

[2]) M. H. Meyer, De gentilitate attica (1834), p. 22—24.

ческихъ древностей онъ признаетъ какъ для фратрій, такъ и для родовъ дѣленіе на тридцать за нормальное и законное, отъ коего допускались лишь небольшія уклоненія въ ту или въ другую сторону (ein etwas Mehr oder Weniger in der Wirklichkeit stattgefunden habe), но видитъ въ этой системѣ также не первоначальное учрежденіе, а позднѣйшую нормировку ранѣе существовавшихъ народныхъ дѣленій, произведенную вслѣдствіе объединенія Аттики при синойкизмѣ Тезея[1]). Другой авторъ наиболѣе распространеннаго руководства греческихъ древностей Германнъ принимаетъ указанную схему даже безъ всякихъ оговорокъ, какъ достаточно засвидѣтельствованную, и на ней строитъ вычисленіе количества гражданскаго населенія въ Аттикѣ[2]).

Изъ новѣйшихъ историковъ (называя лишь самыхъ выдающихся) Эрнстъ Курціусъ слѣдуетъ соображеніямъ Мейера и приписываетъ схематизацію родоваго строя эпохѣ Солона и совмѣстной дѣятельности послѣдняго и Эпименида критянина, благодаря которымъ „всѣ члены государства чрезъ участіе въ культѣ іонійскаго Аполлона были соединены въ одну общину“: его главный аргументъ тотъ, что „число 10800 семей является слишкомъ великимъ для до-солоновскаго родоваго государства (Geschlechter-Staat) и наилучше подходитъ къ Солоновской эпохѣ“[3]). Дункеръ, вообще весьма мало касающійся родоваго строя, только вскользь упоминаетъ Аристотелеву схему; но приписывая эту реорганизацію естественно возникшаго института эпохѣ окончательнаго установленія правильной конституціи, онъ самимъ этимъ выраженіемъ отказался отъ болѣе точнаго хронологическаго опредѣленія[4]). За то послѣдующіе историки возвращаются безъ всякаго комментарія къ теоріи Аристотеля: не только Бузольтъ, авторъ „руководства“, гдѣ часто лишь регистрируются различныя воззрѣнія, но и гиперкритическій во многихъ отношеніяхъ Гольмъ, который безъ колебанія все это

---

[1]) G. F. Schömann, Antiq. iuris publ. graec. (1838), p. 166, 209. Comment. in Isaei de Meneclis hered. (II), § 14, p. 208. Gr. Alt. I, p. 335.

[2]) C. F. Hermann, Gr. St.-Alt. § 98 et not. 6, 7.

[3]) E. Curtius, Gr. Gesch. I, p. 306 (646).

[4]) M. Duncker, Gesch. d. Alt. V, p. 456: „Wahrscheinlicher ist, dass diese künstliche Gliederung erst erfolgte, als es sich darum handelte, den vier Stämmen gleich gemessenen Antheil an der Regierung des Gemeinwesens zuzuwenden“.

дѣленіе аттической общины приписываетъ даже „глубокой древности“ (uralter Zeit)[1]).

Самое, быть можетъ, странное объясненіе даетъ этой схемѣ Филиппи: онъ признаетъ тѣ затрудненія, которыя она представляетъ съ точки зрѣнія даже просто логическаго разсужденія, но пытается избѣжать ихъ, принимая *разновременность* дѣленія фратріи на 30 родовъ и рода на 30 семей, такъ что послѣднее предшествуетъ первому и въ то время, когда 30 родовъ составляли одну фратрію, число семей въ родѣ не было уже болѣе опредѣленнымъ, а успѣло или увеличиться или же во многихъ родахъ и уменьшиться, точно такъ же, какъ впослѣдствіи, во времена Исократа, уже цѣлые роды вымерли (значитъ, и фратрія не могла явиться совокупностью именно тридцати родовъ)[2]). Поистинѣ странное объясненіе, при коемъ трудно воздержаться, чтобы не сказать: aus dem Regen in die Traufe! Филиппи не замѣчаетъ, что онъ удвоиваетъ тѣ затрудненія, которыя хочетъ устранить: исходя изъ правильной мысли, что развитіе родоваго строя идетъ „снизу вверхъ“, т.-е. отъ мелкихъ къ болѣе крупнымъ единицамъ и что слѣдовательно такая правильная схема, какъ намъ передаетъ Аристотель, могла явиться лишь благодаря особому законодательному акту, онъ предпочитаетъ соединеніе по тридцати семей въ родъ и таковое же по тридцати родовъ во фратрію считать явленіями разновременными, т.-е. вмѣсто одного признать два законодательныхъ акта, нормировавшихъ отношеніе между собою родовыхъ единицъ. Вообще его представленія въ данномъ случаѣ весьма смутны: онъ видитъ напр. подтвержденіе числа тридцати для родовъ одной фратріи въ томъ, что это же число засвидѣтельствовано и для семей одного рода[3]), забывая при этомъ, что

[1]) G. Busolt, Gr. Gesch. I, p. 394; A. Holm, Gr. Gesch. I, p. 457.

[2]) A. Philippi, Beitr. zu einer Gesch. d. attisch. Bürgerr., p. 218 sqq. „Vielmehr muss zu der Zeit, in welcher 30 Geschlechter eine Phratrie ausmachten, die Zahl der Hausstände eines Geschlechts keine feste mehr gewesen sein. Sie konnte inzwischen sich vermehrt, eben so gut aber auch in vielen Geschlechtern sich vermindert haben. Später — zu Isocrates Zeit — waren ja bereits ganze Geschlechter ausgestorben (Isocr. de pace, § 88)“.

[3]) Philippi, l. l., p. 222: „Was zunächst die Zahl der 360 Geschlechter selbst betrifft, so beruht sie auf dem Satze, dass 30 Geschlechter eine Phratrie bilden und dieser wird durch den älteren Satz, dass 30 Hausstände ein Geschlecht bilden, bestätigt.

самъ приписываетъ первое установленіе эпохѣ, когда уже родъ не заключалъ болѣе тридцати семей.

При разборѣ всѣхъ этихъ разнообразныхъ мнѣній наше вниманіе обращаетъ на себя то обстоятельство, что главное затрудненіе въ извѣстіи Аристотеля новѣйшіе ученые видѣли лишь въ общемъ числѣ 10800 семей, которое получается при перемноженіи данныхъ цыфръ и является, по ихъ мнѣнію, слишкомъ значительнымъ для до-солоновскихъ Аѳинъ, когда въ родовыя дѣленія допускались лишь эвпатриды: это-то признаваемое ими затрудненіе они и старались устранить, то отодвигая установленіе этой схемы до временъ Солона, принявшаго въ эти дѣленія всѣхъ гражданъ (Мейеръ, Курціусъ), то принимая разновременность числовыхъ данныхъ для отдѣльныхъ дѣленій (Филиппи), то наконецъ утверждая, что съ древнѣйшей поры знатное происхожденіе не было условіемъ для принятія въ роды и фратріи, открытыя для каждаго гражданина (Германнъ, Дункеръ, Бузольтъ, Гольмъ, Шёманнъ)[1]). Мы не станемъ теперь вникать въ разсмотрѣніе вопроса, были ли или нѣтъ эвпатриды единственными участниками родоваго строя: разъ бы мы приняли схему Аристотеля, мы должны были признать по необходимости и существованіе 10800 гражданскихъ семей въ Аѳинахъ въ эпоху *до* Солона, — нельзя по своему усмотрѣнію частью свидѣтельства пользоваться, а другую отвергать на основаніи предвзятыхъ мнѣній. Но главная суть въ данномъ вопросѣ, на что обратилъ вниманіе почти одинъ только Гротъ, состоитъ вовсе не въ общемъ числѣ гражданъ, а въ строго-схематическомъ построеніи всей системы, не только не правдоподобномъ, но и рѣшительно невозможномъ!

Естественныя условія возникновенія и развитія родоваго строя, выше нами разсмотрѣнныя, не допускаютъ и мысли о подобной строго-ариѳметической соразмѣрности всѣхъ частей, которая могла явиться лишь результатомъ единовременнаго законодательнаго акта, но такой актъ, принимаемый Аристотелемъ и приписываемый имъ царю Іону, былъ возможенъ и дѣйствительно примѣнялся въ эпоху Перикла и Александра, когда колоніи основывались изъ разнаго сброда людей, набранныхъ изъ различныхъ городовъ и мѣстностей

[1]) Hermann, Gr. St.-Alt. § 97 et nott. 14—16; Duncker, Gesch. d. Alt. V, p. 457—58; Busolt, Gr. Gesch. I, p. 398; Holm, Gr. Gesch. I, p. 457; Schömann, Gr. Alt. I, p. 339 (нѣсколько неопредѣленно).

Эллады, даже изъ полуварварскихъ странъ, когда притомъ и узы родства и религіозная связь геннетовъ, фраторовъ, филетовъ въ значительной мѣрѣ утратили свою силу, — невозможенъ онъ былъ и даже немыслимъ внутри одного тѣсно сплоченнаго племени въ эпоху господства и преобладанія родоваго строя, который лишь послѣ долгой борьбы и постепенно подчинился авторитету государственной власти [1]). Даже Клисѳенъ, котораго нельзя обвинить въ недостаткѣ энергіи, не рѣшился уничтожить вполнѣ родовыя дѣленія, а лишь отодвинулъ ихъ на задній планъ, ограничилъ сферой религіозно-семейныхъ отношеній, поставилъ рядомъ съ ними другія дѣленія, болѣе соотвѣтствовавшія нуждамъ государственной администраціи и менѣе проникнутыя автономическими стремленіями: какую же степень вѣроятности можно приписать мнѣнію, что какой-нибудь законодатель, даже Солонъ, дѣйствовавшій почти за сто лѣтъ до Клисѳена во время преобладанія родовитой знати, не говоря уже о старомъ царѣ Іонѣ, осмѣлился реорганизировать весь родовой строй до самыхъ мелкихъ его единицъ? Какая бы законодательная власть и въ наши дни, когда о родовомъ строѣ и память уже исчезла, рѣшилась бы вмѣшаться во внутреннія отношенія отдѣльныхъ семей, соединяя и разъединяя ихъ по своему усмотрѣнію для достиженія опредѣленнаго ихъ числа въ государствѣ? Аѳинская община и въ позднѣйшее время, принимая въ свой составъ новыхъ гражданъ, открывала имъ доступъ къ фратріямъ, какъ по-

---

1) Съ тѣхъ поръ какъ Niebuhr (Röm. Gesch. I, p. 345) высказался противъ естественнаго возникновенія родоваго строя, всѣ ученые болѣе или менѣе положительно утверждаютъ, что онъ былъ созданъ или, по крайней мѣрѣ, регулированъ реформаторскою дѣятельностью законодателей, и ссылаются на „свидѣтельство древности“ — для примѣра можно привесть слова Германна, повторенныя и Гумсеромъ (Gr. St.-Alt. § 5): „Dass die vorausgesetzte Verwandschaft nicht immer eine natürliche war, konnte allerdings dem Alterthume selbst schon hinsichtlich der untersten Stufe jener Gliederung, der Geschlechter, nicht entgehen“. Спрашивается только, какую цѣну имѣетъ это свидѣтельство древности, т.-е. на какихъ доказательствахъ оно основывалось: я думаю, что ни Аристотель, ни аттидографы не имѣли возможности констатировать, были ли лица, зачисленныя въ роды при царѣ Іонѣ, дѣйствительно *ἐκ τοῦ αὐτοῦ γένους* или только *ἐκ τῆς συνόδου οὕτω προσαγορευόμενοι*. Всѣ ученія древнихъ и новыхъ временъ, принимая искусственное возникновеніе родоваго строя, сознательно или безсознательно исходятъ отъ мысли, что правильная схема, сообщаемая Аристотелемъ, немыслима безъ регулирующаго ее акта государственной власти: мысль была бы правильна, если бы сама схема могла считаться доказанной.

литически-религіознымъ обществамъ, но никогда не предписывала ихъ причисленія къ извѣстнымъ родамъ, т.-е. не считала для себя возможнымъ вмѣшательство во внутреннее устройство и личный составъ послѣднихъ, а тѣмъ болѣе отдѣльныхъ семей!

Имѣемъ ли мы даже достаточное основаніе для того, чтобы принять извѣстіе, въ столь сильной мѣрѣ противорѣчащее всѣмъ понятіямъ о характерѣ и условіяхъ родоваго строя? Кромѣ свидѣтельства Аристотеля, на которое должно свести всѣ замѣтки по этому поводу позднѣйшихъ лексикографовъ, большинство ученыхъ ссылаются на слова Прокла, который въ комментаріи къ Гесіоду сообщаетъ, что въ Аѳинахъ существовало 360 лесхъ, и въ нихъ видятъ самостоятельное подтвержденіе числа 360 родовъ, для коихъ эти лесхи служили мѣстомъ собранія [1]). Но это извѣстіе, должно сказать, подлежитъ сильнымъ сомнѣніямъ: въ столь древнія времена, какъ эпоха царя Іона, трудно предположить существованіе такой массы общественныхъ зданій для рѣдкихъ собраній геннетовъ (собранія происходили больше подъ открытымъ небомъ), а если мы даже допустимъ такую возможность, то во всякомъ случаѣ невѣрно извѣстіе, будто онѣ всѣ были сосредоточены въ Аѳинахъ, которыя лишь гораздо позднѣе стали политическимъ центромъ Аттики; въ историческія же времена во всякомъ случаѣ число лесхъ не могло равняться 360, такъ какъ за долгій промежутокъ времени послѣ царя Іона число родовъ не могло остаться неизмѣннымъ (это признаютъ всѣ ученые) — слѣдовательно, прямой выводъ тотъ, что свидѣтельство Прокла является комбинаціей обще-извѣстнаго факта, что каждый родъ имѣлъ опредѣленное мѣсто собранія, съ переданнымъ у Аристотеля извѣстіемъ о 360 родахъ аѳинскихъ; такимъ образомъ оно самостоятельнаго значенія не имѣетъ! Но и помимо этого извѣстію Прокла никто изъ ученыхъ не придалъ бы значенія, если бы не существовало свидѣтельства Аристотеля, а послѣднее, какъ мы видѣли, не выдерживаетъ критики.

Мы этимъ нисколько не думаемъ подрывать авторитета великаго философа: всякій человѣкъ можетъ ошибаться даже въ повѣствованіи о событіяхъ ему современныхъ, тѣмъ болѣе въ вопросахъ, гдѣ онъ всецѣло зависитъ отъ своихъ источниковъ. На послѣднее

[1]) Procl. ad Hesiod. Opp. et d. 491: *ἐν Ἀθήναις ἦσαν τοιοῦτοι τόποι, καὶ ὠνομάζοντο Λέσχαι, ἑξήκοντα καὶ τριακόσιοι.*

обстоятельство никто изъ новѣйшихъ ученыхъ не обратилъ должнаго вниманія, хотя оно само по себѣ было бы достаточно, чтобы поколебать вѣру въ непреложность схемы, имъ сообщаемой, — никто не предложилъ себѣ вопроса: „какими источниками пользовался въ данномъ случаѣ Аристотель, и могутъ ли они по своему характеру служить достаточнымъ ручательствомъ за вѣрность передаваемаго имп извѣстія?“ Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подлинныхъ оффиціальныхъ документовъ относительно нормировки родовыхъ единицъ, современныхъ данному событію, не было и быть не могло — никакихъ записей законовъ не существовало или по крайней мѣрѣ не было извѣстно древности до локрскаго законодателя Залевка, жившаго около середины VII-го в.; въ этомъ отношеніи мы не ждемъ никакого противорѣчія, такъ какъ всякій, кто бы рѣшился на таковое, долженъ былъ бы признать и исторической характеръ личности царя Іона. Слѣдовательно самымъ раннимъ источникомъ для аѳинскихъ учрежденій могла служить лишь „городская хроника“, содержавшая перечень архонтовъ съ краткимъ указаніемъ важнѣйшихъ событій (нѣчто въ родѣ римскихъ Annales maximi); но помимо того, что ея существованіе является лишь гипотезой новѣйшей науки[1]), ея начало во всякомъ случаѣ не можетъ быть возведено выше средины, много начала VII вѣка — всѣ данныя, которыя она, можетъ быть, сообщала насчетъ болѣе ранней эпохи, были лишь позднѣйшими добавленіями (Ergänzungen nach oben, какъ говорятъ нѣмецкіе ученые): даже насчетъ времени десятилѣтнихъ и пожизненныхъ архонтовъ мы ничего не знаемъ, кромѣ ихъ именъ, да и эти, по мнѣнію большинства ученыхъ, должны считаться весьма сомнительной достовѣрности, по крайней мѣрѣ для послѣднихъ[2]), — какимъ же образомъ могло въ ней сохраниться обстоятельное изложеніе реформы царя Іона? Такимъ образомъ, послѣднее должно считаться не подлиннымъ извѣстіемъ древняго источника, а измышленной фантазіей позднѣйшаго антикварія.

На это намъ могутъ возразить, что дѣйствительно созданіе родовыхъ дѣленій въ эпоху именно царя Іона могло быть вымысломъ,

---

1) Особенно горячо существованіе такой Stadtchronik отстаиваетъ v. Wilamowitz-Möllendorff.

2) Duncker, Gesch. d. Alt. V, p. 93—95; Busolt, Gr. Gesch. I, p. 404, not. 1.

но сама нормировка ихъ, независимо отъ времени, когда была предпринята, можетъ быть признана фактомъ историческимъ, коего слѣды сохранились въ позднѣйшихъ учрежденіяхъ; но дѣло въ томъ, что подобная правильная организація семей и родовъ вслѣдствіе весьма понятныхъ естественныхъ условій не могла долгое время существовать въ неизмѣнномъ видѣ — едва ли даже въ продолженіе полустолѣтія: какимъ же образомъ по прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ могли отъ нея сохраниться столь опредѣленные слѣды, что по нимъ представлялась бы возможность въ точности возстановить всю ариѳметическую схему родоваго строя?[1]).

Если мы такимъ образомъ воочію доказали, что систематическая организація родовыхъ дѣленій, какъ намъ ее передалъ Аристотель, сама по себѣ несостоятельна и противорѣчитъ естественнымъ законамъ развитія человѣческихъ обществъ, что никакихъ подлинныхъ источниковъ, болѣе или менѣе достовѣрныхъ, у него въ данномъ случаѣ не было и быть не могло, что наконецъ, и весь его взглядъ на развитіе и условія родоваго строя не ясенъ и находится подъ сильнымъ вліяніемъ современныхъ ему явленій, введшихъ его въ заблужденіе: то послѣ этого едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что всякій ученый, который историческую истину ставитъ выше слѣпаго поклоненія личнымъ авторитетамъ и предвзятымъ мнѣніямъ, долженъ разъ навсегда отрѣшиться отъ преданія объ искусственной схемѣ и строго-ариѳметической организаціи аѳинскаго народа, долженъ признать, что какъ число семей въ родѣ, такъ и родовъ во фратріи не только никогда не было одинаково между различными единицами, но и постоянно колебалось внутри той же самой единицы.

Отвергая цыфровыя данныя, сообщаемыя Аристотелемъ относительно семей и родовъ, мы вовсе не думаемъ, конечно, сомнѣваться какъ въ самой системѣ дѣленія аѳинскаго народа на филы, фратріи, роды и семьи, подтверждаемаго аналогіями всѣхъ эллинскихъ племенъ, такъ и въ числѣ четырехъ родовыхъ филъ, продолжав-

1) Странно, что въ наше время еще необходимо напирать на то, что такъ очевидно, на невозможность даже для самаго тонкаго ума опредѣлить явленія прошлыхъ вѣковъ за неимѣніемъ источниковъ, или говоря словами извѣстнаго критика (v. Wilamowitz'a): „Atthis und aristotelische Politie, goldene Bücher, das Beste was wir kennen. Aber was verschollen war, das konnten auch Kleidemos und Aristoteles nicht kennen".

шихъ существовать и въ историческія времена и засвидѣтельствованныхъ и помимо Аристотеля цѣлымъ рядомъ авторовъ, а также и надписями: вопросъ является только, должны ли мы принять наравнѣ съ послѣдними какъ не подлежащее сомнѣнію число двѣнадцати фратрій, на которыя онѣ распадались, по словамъ Аристотеля, или же и это послѣднее признать вымышленнымъ наравнѣ съ цыфрами, сообщаемыми для низшихъ дѣленій, семей и родовъ?

Изъ всѣхъ новѣйшихъ ученыхъ лишь одинъ Бузольтъ выразилъ сомнѣніе по поводу числа этого двѣнадцати, говоря, что оно могло произойти по ошибочному сопоставленію съ тѣмъ же количествомъ триттій[1]). Такое мнѣніе съ его стороны особенно странно, такъ какъ онъ же, какъ мы видѣли, принимаетъ на вѣру всѣ другія цыфры, передаваемыя Аристотелемъ: во всякомъ случаѣ относительно числа фратрій могли сохраниться болѣе достовѣрныя свѣдѣнія въ виду того, что оно менѣе должно было подлежать измѣненіямъ,—дѣленія эти, какъ болѣе крупныя, не легко могли подвергнуться полному вымиранію, а причинъ естественныхъ для образованія новыхъ фратрій во времена историческія не было. Что касается аргумента, приводимаго Бузольтомъ — равенства въ числѣ фратрій и триттій, то дѣйствительно на первый взглядъ можетъ показаться невѣроятнымъ, чтобы филы заключали въ себѣ два одинаковыхъ подраздѣленія съ различнымъ лишь наименованіемъ; но не должно забывать, что въ основѣ ихъ лежали, очевидно, два различныхъ принципа — фратріи имѣли религіозно-семейную основу, триттіи носили характеръ административно-территоріальный, какъ можно заключить по таковому же ихъ значенію во времена историческія. Слѣдовательно могли триттіи быть съ самаго начала ничѣмъ инымъ, какъ областью, занимаемой извѣстной группой людей — фратріей (такъ въ Римѣ существовалъ pagus Lemonius и gens Lemonia), причемъ съ теченіемъ времени первоначальное совпаденіе тѣхъ и другихъ весьма легко могло нарушиться вслѣдствіе передвиженій жителей; но допустимо также,

---

[1]) Busolt, Griech. Gesch. I, p. 397, not. 1: „Die Zwölfzahl der Phratrien — es gab entschieden mehr — in der Vierphylenverfassung verdankt offenbar der Gleichstellung oder Parallelisierung der Phratrien und Trittyen (Aristot. bei Schol. Plat. Axioch., p. 371 D; Harpocr. s. v. *γεννῆται;* Poll. VIII, 111) ihren Ursprung, auf die man leicht verfallen konnte, obwohl beide mit einander nichts zu thun hatten".

что дѣленіе филъ или вѣрнѣе сказать ихъ территоріи на триттіи введено гораздо позднѣе съ государственной точки зрѣнія, такъ какъ онѣ, являясь единицами неизмѣнными, представляли больше удобства для управленія, нежели родовыя фратріи, коихъ члены могли быть разсѣяны по всей Аттикѣ: въ первомъ случаѣ числовое равенство между тѣми и другими дѣленіями является простою необходимостью, во второмъ по крайней мѣрѣ не можетъ считаться страннымъ, — государство, измѣняя принципъ дѣленія, удержало традиціонную цыфру частей, къ которой могли быть уже пригнаны разныя учрежденія.

Изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы мы признавали мнѣніе Бузольта ошибочнымъ: мы хотѣли лишь показать, что апріорными комбинаціями въ данномъ вопросѣ нельзя достигнуть никакихъ результатовъ и что необходимо прибѣгнуть для его рѣшенія къ другому методу — исходя изъ фактовъ историческаго времени, вывести постепенно заключеніе относительно количества фратрій въ эпоху господства родоваго строя на почвѣ Аттики.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что число фратрій въ IV-мъ вѣкѣ было, скромно говоря, больше двѣнадцати. Изъ начала этого вѣка до насъ дошло постановленіе фратріи Демотіонидовъ [1]), изъ коего мы видимъ, что центръ этой фратріи — святилище Зевса Фратрія — находилось въ Декелеѣ, что въ ней игралъ первенствующую роль „домъ Декелейцевъ“ (относительно этого спорнаго понятія мы изложимъ свои воззрѣнія дальше), что наконецъ и фратріархъ происходилъ изъ дема Ойона Декелейскаго, первоначально по всей вѣроятности соединеннаго съ Декелеей въ одинъ демъ, во всякомъ случаѣ же лежавшаго съ ней въ ближайшемъ сосѣдствѣ: все вмѣстѣ взятое производитъ впечатлѣніе, что фратрія эта сосредоточивалась въ демѣ Декелеѣ и состояла по преимуществу изъ его жителей, заключая лишь мало постороннихъ элемен-

---

[1]) C. I. A. II, 841 b, Add. и въ полномъ видѣ въ *Ἐφημ. Ἀρχ.* 1888, p. 1. Литература по этой надписи: Em. Szanto въ Rh. Mus. XL, p. 506; G. Gilbert въ N. Jahrbb. f. Phil. 135 (1887), p. 23; H. Sauppe, Comm. de phratriis att. 1886/87, De phratriis att. comm. alt. 1890/91. C. Schäfer, Altes und Neues über die att. Phratrien. Naumburg 1888. Pantazidis въ *Ἐφημ. Ἀρχ.* 1888, p. 1; Tarbell; The decrees of the Demotionidai въ Amer. Journ. of Arch. Vol. V, № 2 (June 1889), p. 135. R. Schöll, Die kleisthenischen Phratrien въ Sitz.-Ber. d. Münch. Akad. 1889, B. II, p. 1.

товъ. Это впечатлѣніе усиливается при разсмотрѣніи аренднаго контракта фратріи Діалейцевъ изъ 300-го года[1]): здѣсь отдаваемая въ наемъ земля лежитъ въ демѣ Мирринунтѣ, оба фратріарха происходятъ изъ Мирринунта же, а также и арендаторъ, по всей вѣроятности членъ той же фратріи; такимъ образомъ и здѣсь, очевидно, во фратріи преобладали жители одного и того же села — иначе едва ли бы имъ удалось въ начальники поставить двухъ своихъ демотовъ. Ни Декелея, ни особенно Мирринунтъ не принадлежали къ числу крупнѣйшихъ аттическихъ демовъ, а между тѣмъ они, какъ мы только-что видѣли, приблизительно соотвѣтствовали каждый одной фратріи[2]): если въ составъ Демотіонидовъ и вѣроятно и Діалейцевъ входили и нѣкоторые элементы изъ сосѣднихъ демовъ, то они во всякомъ случаѣ были немногочисленны и вознаграждались безъ сомнѣнія тѣмъ, что извѣстная часть жителей Декелеи и Мирринунта въ свою очередь были отчислены къ другимъ фратріямъ. Въ общемъ мы не ошибемся, если примемъ, что обѣ эти фратріи по числу членовъ приблизительно равнялись населенію средней величины дема; но мы знаемъ, что въ это время въ Аттикѣ демовъ было до 170, а слѣдовательно при двѣнадцати фратріяхъ на каждую изъ послѣднихъ должно бы было прійтись среднимъ числомъ 14 демовъ: очевидно, что такое отношеніе совершенно немыслимо, и несомнѣнно, что количество фратрій должно было превышать цыфру 12 — на сколько? неизвѣстно,

---

1) C. I. A. II, 600. Мы слѣдуемъ воззрѣнію Neubauer'a (въ подробномъ комментаріи, помѣщенномъ въ недоступной мнѣ Festschrift zur dritten Säcularfeier des Gymn. zum grauen Kloster in Berlin), U. Köhler'a и Sauppe, принимающихъ одну фратрію Діалейцевъ, между тѣмъ какъ большинство ученыхъ видятъ въ нихъ соединеніе двухъ фратрій (такъ какъ упоминаются два фратріарха): Bürmann, Drei Stud. auf dem Geb. des att. Rechts въ N. Jahrbb. f. Phil. S.-B. IX, p. 646; Gilbert, St.-Alt. I, p. 199, not. 3; Busolt, Gr. St.-Alt. p. 145, not. 5; C. Schäfer, op. l, p. 32; Tarbell, op. l., p. 3.

2) Таковъ же приблизительно выводъ, который дѣлаетъ изъ послѣдней надписи Bürmann (op. l., p. 645): Steht jetzt fest, dass die Phratrien im grossen und ganzen auch örtlich zusammenhingen. Выраженіе это, справедливое по идеѣ, нѣсколько неловко во внѣшней формѣ и можетъ повесть къ ошибкамъ, какъ это мы и видимъ у Szanto и Gilbert'a; первый приходитъ къ выводу: „die Phratrien lagen innerhalb der Demen", второй говоритъ: „neue Phratrien .... die regelmässig örtlich zusammenhingen und kleinere Gemeinschaften als die Demen bildeten". Срвн. критику C. Schäfer'a, op. l., p. 10.

но едва ли мы превысимъ мѣру правдоподобнаго, принявъ ихъ до сотни [1]).

Таково было положеніе фратрій въ IV-мъ вѣкѣ, а также и въ V-мъ, какъ мы можемъ смѣло утверждать въ виду того, что естественныхъ причинъ для умноженія фратрій не существовало, а реформъ политическихъ, которыя бы могли измѣнить ихъ число, со времени Клисѳена не было [2]). Но этотъ послѣдній, по мнѣнію большинства ученыхъ, измѣнилъ и умножилъ значительно число фратрій пріемомъ новыхъ гражданъ съ цѣлью окончательно сломить господство родоваго строя и вмѣстѣ съ нимъ преобладаніе въ государствѣ знатныхъ классовъ: нѣкоторые историки даже склонны къ убѣжденію, что онъ впервые открылъ доступъ во фратріи для гражданъ незнатнаго происхожденія [3]).

Является вопросъ, на чемъ эти ученые основываютъ свое мнѣніе — на двухъ мѣстахъ Политики Аристотеля, изъ коихъ одно

---

[1]) На большое число фратрій въ V—IV вв. указываетъ и сравнительная малочисленность ихъ членовъ, которую хорошо уяснилъ H. Sauppe (De phratriis att. I, p. 4), сославшись на описаніе празднества Апатурій у Платона (Tim. p. 21 B), гдѣ оно носитъ чисто семейный характеръ, невозможный при стеченіи 1500—2000 человѣкъ.

[2]) Только H. Landwehr, Forschungen zur ält. att. Gesch. въ Philol. S.-B. V (1884), p. 97, принимаетъ какія-то измѣненія въ составѣ и организаціи фратрій въ теченіе V в., но такъ какъ онъ подробнѣе не высказывается относительно этого вопроса, то слѣдовало бы собственно эту несчастную идею обойти молчаніемъ: вообще своеобразныя историческія построенія названнаго ученаго даже своею оригинальностью не возбуждаютъ интереса.

[3]) Ignarra, De phratriis primis graecorum politicis societatibus (Neapoli 1797), p. 45; Platner, Beiträge zur Kenntniss des att. Rechts (1821), p. 68; Tittmann, Gr. St.-Verf., p. 271; Bürmann, op. l. II. Die attischen Neubürger und die kleisthenischen Phratrien, p. 597. R. Schöll, De communibus et collegiis quibusdam graecorum въ Sat. phil. H. Sauppio oblata (Berl. 1879), p. 172 (мнѣ недоступна), а также въ вышеприведенной статьѣ; U. v. Wilamowitz-Möllendorff, Kydathen, p. 227. A. Hug, Bezirke, Gemeinden und Bürgerrecht in Attika въ его Stud. aus dem class. Alt., p. 15. H. Sauppe, De causis magnitudinis eisdem et labis Athenarum (Zürich 1836 — мнѣ неизвѣстна), De phratriis att. p. 4. C. Schäfer, op. l., p. 23. Busolt, Gr. St.-Alt., p. 144, not. 11 (прежде въ Gr. Gesch. I, p. 394, not. 5 онъ держался противоположнаго воззрѣнія). Вообще можно вмѣстѣ съ Schäfer'омъ (op. l., p. 25) сказать: „So wird man wohl nicht fehl gehen, wenn man als gegenwärtig in den betheiligten Kreisen anerkannte Meinung betrachtet, dass des Kleisthenes reformatorische Thätigkeit sich auch auf die Phratrien ausgedehnt hat".

гласитъ, что „Клисѳенъ зачислилъ въ филы много иностранцевъ и вольноотпущенниковъ, жившихъ въ Аѳинахъ на правахъ метэковъ“ [1]), а въ другомъ дословно говорится: „слѣдующія также реформы способствуютъ подобной демократіи, коими воспользовался какъ Клисѳенъ, желая усилить власть народа въ Аѳинахъ, такъ и тѣ, которые въ Киренѣ установили народоправленіе — должно образовать новыя и филы и фратріи въ бо́льшемъ количествѣ и частные культы ограничить и превратить въ общественные, и вообще измыслить все, что возможно, чтобы какъ можно больше перетасовать между собою гражданъ и разъединить прежнія обычаемъ установленныя ихъ сообщества“ [2]). Изъ приведенныхъ двухъ мѣстъ первое ровно ничего не доказываетъ, кромѣ того, что Клисѳенъ отчасти изъ желанія усилить государство, ослабленное изгнаніемъ тирановъ и ихъ приверженцевъ, а также крайнихъ аристократовъ, отчасти съ намѣреніемъ пріобрѣсти вѣрныхъ защитниковъ своей реформы принялъ въ ряды гражданъ значительное число постороннихъ элементовъ и распредѣлилъ ихъ по филамъ и, конечно, по фратріямъ [3]); но каково было число вновь принятыхъ, мы не знаемъ и должны остерегаться преувеличивать его. Трудно дѣйствительно предположить, чтобы въ ту пору (во время преобладанія Эгины и Коринѳа въ Саронскомъ заливѣ) число иностран-

[1]) Aristot. Politic. III, 2, p. 1275 b, 35: *οἷον Ἀθήνησιν ἐποίησε Κλεισθένης μετὰ τὴν τῶν τυράννων ἐκβολήν· πολλοὺς γὰρ ἐφυλέτευσε ξένους καὶ δούλους μετοίκους.* Извѣстно, что это мѣсто вызывало много недоумѣній у ученыхъ, которые предлагали различныя конъектуры: *καὶ δούλους καὶ μετοίκους* (Bekker); *καὶ πολλοὺς μετοίκους* (Göttling); *μετοίκους ξένους* (Spengel). Мнѣ кажется наиболѣе легкой поправкой: или считать *μετοίκους* глоссемой къ *ξένους* и удалить ее вовсе изъ текста, или же понимать *δούλους* въ смыслѣ *ἀπελευθέρους* и относить *μετοίκους* какъ опредѣленіе къ обоимъ *(= μετοικοῦντας)*. Послѣднее по-моему справедливѣе, такъ какъ принятіе рабовъ въ число гражданъ считалось чисто революціонной мѣрой, примѣнявшейся лишь въ крайней демократіи: Клисѳену приписать ее я, по крайней мѣрѣ, не рѣшился бы.

[2]) Aristot. Politic. VII (VI), 4, p. 1319 b, 19: *ἔτι δὲ καὶ τὰ τοιαῦτα κατασκευάσματα χρήσιμα πρὸς τὴν δημοκρατίαν τὴν τοιαύτην, οἷς Κλεισθένης τε Ἀθήνησιν ἐχρήσατο βουλόμενος αὐξῆσαι τὴν δημοκρατίαν, καὶ περὶ Κυρήνην οἱ τὸν δῆμον καθιστάντες. φυλαί τε γὰρ ἕτεραι ποιητέαι πλείους καὶ φρατρίαι, καὶ τὰ τῶν ἰδίων ἱερῶν συνακτέον εἰς ὀλίγα καὶ κοινά, καὶ πάντα σοφιστέον ὅπως ὡν ὅτι μάλιστα ἀναμιχθῶσι πάντες ἀλλήλοις, αἱ δὲ συνήθειαι διαξευχθῶσιν αἱ πρότεραι.*

[3]) Только Landwehr изъ того, что въ текстѣ Аристотеля сказано лишь: *ἐφυλέτευσε*, дѣлаетъ выводъ, что во фратріи новые граждане приняты не были.

цевъ (ремесленниковъ и купцовъ), а также рабовъ, слѣдовательно и вольноотпущенниковъ, было такъ значительно, какъ обыкновенно стараются его представить — въ такомъ случаѣ сами демоты аѳинскіе воспротестовали бы противъ такого ограниченія своихъ правъ чрезъ наплывъ чуждыхъ элементовъ[1]). Слѣдовательно мы не видимъ рѣшительно никакой причины, которая заставила бы насъ предполагать, что Клисѳенъ для новыхъ гражданъ учредилъ и новыя фратріи[2]), о коихъ въ данномъ мѣстѣ Аристотель и не упоминаетъ, а не воспользовался для своей цѣли пріемомъ, бывшимъ постоянно въ употребленіи въ позднѣйшее время, т.-е. зачисленіемъ новыхъ гражданъ въ издавна существующія фратріи по собственному ихъ выбору.

Относительно же втораго свидѣтельства Аристотеля, на которое особенно напираютъ, должно сказать, прежде всего (какъ это дѣлаетъ Бузольтъ), что частицы „и“ — „и“ вовсе не служатъ доказательствомъ, чтобы всѣ перечисленныя мѣры дѣйствительно были примѣнены какъ Клисѳеномъ, такъ и киренейцами — онѣ указываютъ лишь на общія черты въ ихъ реформаторской дѣятельности[3]). Чтобы въ Аѳинахъ „частные культы были ограничены и превращены въ общественные“, мы не знаемъ и не можемъ никоимъ образомъ согласиться съ тѣми учеными, которые видятъ въ этихъ словахъ подтвержденіе того, что Клисѳенъ открылъ демотамъ фратріи и тѣмъ далъ имъ доступъ къ богослуженію послѣднихъ, дотолѣ бывшему исключительной привилегіей эвпатридовъ: мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о какой-либо дѣятельности Клисѳена въ области религіи (кромѣ установленія 10 эпонимовъ новыхъ филъ), тѣмъ болѣе объ „ограниченіи культовъ“ (на эту фразу большинство изслѣдователей не обращаютъ должнаго вниманія); нельзя также сказать, чтобы „допустить *отдѣльныхъ* демотовъ къ культамъ *различныхъ* фратрій“ было бы равносильно пре-

---

[1]) Какъ ревниво демосъ аѳинскій оберегалъ свое право гражданства, показываетъ не только извѣстный законъ Перикла, но еще больше — рѣдкіе случаи принятія иностранцевъ: срвн. въ Римѣ борьбу противъ дарованія права гражданства союзникамъ.

[2]) Такія новыя фратріи принималъ и Böckh (Heidelb. Jahrb. 1818, p. 35), но потомъ онъ отказался отъ своего мнѣнія.

[3]) Cfr. Busolt, Gr. Gesch. I, p. 394, not. 5.

вращенію частныхъ культовъ въ общественные [1]). Наконецъ никто не вникъ должнымъ образомъ въ смыслъ послѣдняго предложенія: тѣ, которые во всемъ изложеніи Аристотеля видятъ лишь описаніе дѣятельности Клисѳена, логически должны бы и въ немъ найти указаніе на какую-нибудь опредѣленную его мѣру; но какая же это мѣра — „измыслить все возможное, чтобы какъ можно больше разъединить прежнія сообщества?“ [2]) Очевидно, что это общая характеристика мѣръ, направленныхъ къ усиленію демократіи,

[1]) Это возраженіе выставилъ уже Hermann (St.-Alt. § 111, not. 3), а за нимъ Philippi (Gesch. des att. B. p. 174). Bürmann, правда, утверждаетъ (op. l., p. 611): „Die Thätigkeit des Kleisthenes bestand dann nach den Worten des Aristoteles darin, dass er 1) für seine neuen Phratrien nur eine geringe Anzahl von jenen Sacris (der alten gentilizischen Phratrien) auswählte und dass er 2) für alle seine neuen Phratrien auch dieselben Sacra, — eben jene Auswahl — festsetzte“. Противъ этого можно возразить: во-первыхъ, спеціальные культы отдѣльныхъ группъ аѳинскаго гражданства, какъ политическихъ, такъ и частныхъ, никогда не были ограничены; во-вторыхъ, контрастъ къ *ἴδια ἱερὰ* составляютъ *ἱερὰ δημοτελῆ* (въ какомъ смыслѣ и должно понимать Аристотелево *κοινά*), а таковыми культы фратрій ни до, ни послѣ Клисѳена не были; въ-третьихъ, желательно было бы, чтобы авторъ далъ намъ какое-нибудь указаніе насчетъ характера мнимой „Auswahl“. Saupp e попытался это сдѣлать (De phratriis I, p. 7) и указалъ — на культъ Зевса-Фратрія и Аѳины-Фратріи (in locum multorum numinum duo substituit), но принужденъ сознаться: quamquam sacra illa gentium priva coli a gentibus et orgeonibus non desita sunt! Этого, я полагаю, было бы уже достаточно, чтобы опровергнуть все предположеніе, но прибавимъ еще, что оба названныя божества были покровителями фратрій и на оо. Косѣ (*Διὸς Φατρίου*: B. d. C. H. V, p. 224, № 13) и Сирѣ (*Ἀθηνᾶς Φρατρίας*: C. I. G. 2347 g. Add.)— будетъ позволено спросить, ввелъ ли ихъ и тамъ Клисѳенъ? Если R. Schöll (op. l., p. 24) видитъ эти *ὀλίγα καὶ κοινὰ ἱερὰ* въ культѣ Зевса *ἑρκείος* и Аполлона *πατρῷος*, то къ вышеприведеннымъ аргументамъ можно прибавить, что поклоненіе этимъ божествамъ было тѣсно связано не съ фратріей, а съ родомъ: это доказывается формулой, которую Шёлль тщетно пытается истолковать въ свою пользу, *Ἀπόλλωνος Πατρῴου καὶ Διὸς Ἑρκείου γεννῆται* (Dem. in Eubul. (LVII), 67, p. 1319), доказывается еще лучше самими эпитетами этихъ божествъ. Аргумента Шёлля (въ прим. 1) въ пользу Зевса *ἑρκείος* я не понимаю: „es wäre ein gar zu bescheidener Vorzug gewesen, den Zeus Phratrios mit den Eteobutaden gemein zu haben (Aesch. II, 147)“ — развѣ нельзя также сказать: „es wäre ein gar zu bescheidener Vorzug gewesen, den Zeus Herkeios mit den Eteobutaden gemein zu haben?“

[2]) На это Bürmann не въ состояніи отвѣтить тѣмъ же софизмомъ, какъ на предыдущее возраженіе: „Der Wortlaut der Stelle verlangt, dass auch die dritte Massregel dem Kleisthenes zugeschrieben wird; wer die Unmöglichkeit hiervon behauptet, dem fällt auch der Beweis dafür zu“.

общее наставленіе, которое даетъ *отъ себя* философъ, послѣ частныхъ предписаній, исходящихъ слѣдовательно такъ же *отъ него самого* и лишь поясняемыхъ примѣромъ Клисѳена и киренейскихъ законодателей[1]). Итакъ все мѣсто вѣрнѣе было бы передать болѣе свободно слѣдующимъ образомъ: „крайней демократіи способствуютъ и мѣропріятія на подобіе тѣхъ, *коихъ примѣръ намъ показалъ* Клисѳенъ въ Аѳинахъ, усиливая вліяніе демоса, и въ Киренѣ законодатели, учредившіе народоправленіе, а именно слѣдуетъ измѣнить и умножить число филъ и фратрій, ограничить частные культы или сдѣлать ихъ общественными и т. д., однимъ словомъ, всѣми средствами домогаться того, чтобы разрознить прежде существовавшія сплоченныя общества и перетасовать на иной ладъ всѣхъ гражданъ“. Если мы данное мѣсто истолкуемъ такимъ образомъ, а иное объясненіе по-нашему невозможно, то не устранится правда возможность, что Клисѳенъ дѣйствительно увеличилъ число фратрій, но и въ пользу послѣдняго воззрѣнія его нельзя уже будетъ приводить.

Въ такомъ положеніи находился данный вопросъ до открытія аѳинской политіи Аристотеля; въ ней же мы читаемъ слѣдующее: „роды и фратріи и жречества онъ (Клисѳенъ) предоставилъ каждому сохранить, какъ они были ему завѣщаны отъ предковъ *(κατὰ τὰ πάτρια)*“[2]). Правда, могутъ найтись ученые, которые и это столь ясное и опредѣленное свидѣтельство перетолкуютъ такимъ образомъ: Клисѳенъ тѣмъ изъ аѳинянъ, которые уже образовывали роды и фратріи съ наслѣдственными культами, т.-е. эвпатридамъ, разрѣшилъ остаться при отцовскихъ порядкахъ, иными словами —

---

[1]) Философъ, потерявшій уже связь съ отеческою религіею и игнорировавшій ея вліяніе на умы людей, могъ предложить мѣру: *τὸ τῶν ἰδίων ἱερῶν συνακτέον εἰς ὀλίγα καὶ κοινά.* Но могъ ли гдѣ-либо и когда-нибудь настоящій законодатель предложить законъ: разрушить 100 алтарей искони чтимыхъ демоновъ и воздвигнуть 10 — новымъ, общимъ всему народу? если бы даже — что въ VI в. я считаю немыслимымъ въ Эладѣ — его мѣра была бы принята, то развѣ могъ онъ воображать, что прежніе почитатели изгнанныхъ боговъ безпрекословно подчинятся закону, что они не сплотятся въ союзы, тѣмъ болѣе тѣсные, тѣмъ болѣе опасные, что они были бы преслѣдуемы закономъ? Это могутъ воображать новѣйшіе ученые, но не античный законодатель, принадлежавшій къ геніальнѣйшимъ людямъ своего народа.

[2]) Aristot. Ath. Pol. 21, 6: *τὰ δὲ γένη καὶ τὰς φρατρίας καὶ τὰς ἱερωσύνας εἴασεν ἔχειν ἑκάστους κατὰ τὰ πάτρια.*

не измѣнилъ внутренняго строя родовыхъ дѣленій, но изъ свидѣтельства Аристотеля вовсе не вытекаетъ, чтобы онъ не умножилъ ихъ числа, образовавъ по подобію старыхъ фратрій новыя для пріема демотовъ и новыхъ гражданъ и т. д.[1]). Очевидно, что подобное толкованіе въ глазахъ всякаго безпристрастнаго судьи будетъ казаться натянутымъ, а слѣдовательно свидѣтельство Аристотеля должно принять, какъ оно есть, или отвергнуть — sit ut est aut non sit. Гораздо основательнѣе, по нашему мнѣнію, поступаютъ тѣ ученые, которые увеличеніе числа фратрій приписываютъ Солону: по крайней мѣрѣ, по отношенію къ послѣднему за полнымъ молчаніемъ источниковъ открытъ желанный просторъ для всевозможныхъ остроумныхъ комбинацій[2]). Но такъ какъ послѣднія стоятъ въ связи съ вопросомъ, были ли искони всѣ аѳинскіе граждане приняты въ родовыя дѣленія, то мы считаемъ удобнѣе разсужденія по этому поводу отложить до того времени, когда намъ придется заняться указаннымъ вопросомъ; теперь же молчаніе источниковъ (въ томъ числѣ и аѳинской политіи Аристотеля) даетъ намъ право a priori утверждать, что и Солонъ не измѣнялъ числа фратрій.

Итакъ мы должны принять за несомнѣнный фактъ, что, начиная отъ Солона, не было во всей аѳинской исторіи ни одного момента, когда бы число фратрій могло бы быть увеличено, а слѣдовательно то, которое мы находимъ въ IV-мъ вѣкѣ (около сотни), должно было существовать не только до Солона, но по всей вѣроятности со времени установленія цѣльнаго аѳинскаго государства: слѣдовательно цыфра 12 фратрій для эпохи царя Іона должна считаться столь же легендарной, какъ и личность его самого[3]). Возникла ли

[1]) Мы говоримъ это, убѣжденные опытомъ: данное мѣсто Аристотеля сохранилось и въ берлинскомъ папирусѣ, и хотя оно дошло въ отрывочномъ видѣ, смыслъ его былъ вполнѣ ясенъ для тѣхъ, которые его хотѣли понять. Срвн. Sauppe, l.l., p. 3—4; Schäfer, l.l., p. 25.

[2]) Подробныя указанія будутъ даны ниже, теперь достаточно будетъ сослаться на Philippi, op. l., p. 172 sqq.

[3]) Справедливо замѣчаетъ v. Wilamowitz (Kydathen, p. 121, not. 38), приведши глоссу патмійскаго лексикона: „Das hat grade soviel historische Realität wie die Rinderherden des Helios. Aber welche Berge von modernen Hypothesen gehen in Rauch, wenn man bekennt, das feste Zahlen über Geschlechter, Trittyen und Phratrien dem Aristoteles unbekannt waren, da er sich mit einem so dürftigen Surrogate begnügte, und dass es demgemäss auch schwerlich eine geschlossene Anzahl gegeben hat. Es waren so viel — als es eben waren“.

эта цыфра вслѣдствіе сопоставленія съ частями года (12 мѣсяцами) или ошибочно заимствована отъ числа триттій, какъ предположилъ Бузольтъ, или же придумана по аналогіи двѣнадцати до-тезеевскихъ городовъ въ Аттикѣ, какъ намъ кажется вѣроятнѣе, этого рѣшить съ достовѣрностью невозможно и не представляло бы даже вовсе интереса, если бы отчасти съ этимъ не былъ связанъ другой гораздо болѣе важный вопросъ. Аристотель сообразно съ своимъ источникомъ принималъ для эпохи царя Іона число 12 фратрій, ему не могло быть неизвѣстнымъ, что въ историческое время число это было значительно больше, кому же онъ приписывалъ это умноженіе, если по его мнѣнію ни Клисѳенъ, ни Солонъ, ни Драконъ не были причастны этому измѣненію?

Между Іономъ и Дракономъ Аристотель знаетъ лишь одного законодателя, произведшаго важную реформу въ Аѳинахъ, — Тезея; къ сожалѣнію, мы только изъ краткаго заключительнаго обзора узнаемъ, что по немъ нашъ авторъ датировалъ новую эпоху въ развитіи аѳинской конституціи, коей главной характеристикой выставляетъ ограниченіе царской власти, — обстоятельное изложеніе преданія о его дѣятельности погибло вмѣстѣ съ началомъ сочиненія; изъ Плутарха мы узнаемъ, что Аристотель приписывалъ Тезею введеніе болѣе демократическаго образа правленія — мы едва ли ошибемся, приписавъ ему извѣстіе того же автора, что „Тезей созывалъ всѣхъ на равныхъ правахъ *(ἐπὶ τοῖς ἴσοις)*“ [1]). Слѣдовательно Аристотель этому аѳинскому царю приписывалъ дарованіе равныхъ гражданскихъ правъ не только всѣмъ жителямъ Аттики, которыхъ онъ объединилъ синойкизмомъ, но и всѣмъ желающимъ изъ иностранцевъ „съ цѣлью увеличить городъ“: будетъ не слишкомъ рисковано предположить, что онъ или, вѣрнѣе сказать, его источникъ Тезея же называлъ какъ автора увеличенія числа фратрій; тогда станетъ также ясно, откуда получилось число двѣнад-

1) Aristot. Ath. Pol. 41, 2: *δευτέρα δὲ καὶ πρώτη μετὰ ταῦτα* (?) *ἔχουσα πολιτείας τάξιν ἡ ἐπὶ Θησέως γενομένη, μικρὸν παρεγκλίνουσα τῆς βασιλικῆς.* Plut. v. Thes. 25: *ἔτι δὲ μᾶλλον αὐξῆσαι τὴν πόλιν βουλόμενος ἐκάλει πάντας ἐπὶ τοῖς ἴσοις, καὶ τὸ „δεῦρ' ἴτε πάντες λεῳ“ κήρυγμα Θησέως γενέσθαι φασὶ πανδημίαν τινὰ καθιστάντος ..... πρῶτος ἀπέκλινε πρὸς τὸν ὄχλον, ὡς Ἀριστοτέλης φησί.* Правда нельзя съ увѣренностью утверждать, что и первая часть свидѣтельства принадлежитъ Аристотелю, такъ какъ въ той же главѣ Плутархъ приписываетъ Тезею и раздѣленіе на три сословія, что противорѣчитъ извѣстному намъ воззрѣнію философа.

цать для первоначальныхъ фратрій — оно образовано по преданію о двѣнадцати же городахъ, объединенныхъ въ одно государство тѣмъ же легендарнымъ царемъ.

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли всѣ цыфровыя данныя, сообщаемыя Аристотелемъ для низшихъ дѣленій родоваго строя, семей, родовъ, фратрій, и доказали ихъ полную несостоятельность[1]); уже раньше мы въ общемъ изложеніи постарались разъяснить семейно-религіозную основу этихъ дѣленій, которая дѣлаетъ невозможнымъ единовременное ихъ установленіе путемъ одного законодательнаго акта благодаря произволу отдѣльнаго правителя, какъ это для

---

1) Здѣсь для полноты приходится сказать нѣсколько словъ относительно еще одной единицы, которая ставится обыкновенно въ связь съ схемой родовыхъ дѣленій у Аристотеля: мы разумѣемъ тріакаду. Poll. VIII, 111: *ἑκάστου δὲ ἔθνους γένη τριάκοντα ἐξ ἀνδρῶν τοσούτων, ἃ ἐκαλεῖτο τριακάδες.* Hesych.: *τριακάς· ἡ τριακοστὴ τοῦ μηνὸς καὶ σύστημά τι πολιτῶν.* Послѣдній же сообщаетъ намъ, что лица, не зачисленныя въ тріакады, были лишены правъ на наслѣдство: *ἐξω τριακάδος· οἱ μὴ μεταλαμβάνοντες παῖδες ἢ ἀγχιστεῖς κλήρου τελευτήσαντός τινος Ἀθήνησιν ἐκαλοῦντο* (Meier, De gentil., p. 21, предлагалъ читать *τῆς ἀγχιστείας*, но это слово вовсе не значитъ „право наслѣдства“; мѣсто нисколько не испорчено, вопреки мнѣнію и Филиппи, и вполнѣ понятно). Böckh (C. I. G. I, p. 140) объяснялъ мѣста Поллукса слѣдующимъ образомъ: In singulis gentibus dicit tricenos viros fuisse, et singulorum virorum familiae, quae tricenae in singulis gentibus fuerunt, ob hunc ipsum numerum sunt *τριακάδες* dictae, non ipsae gentes. Но впослѣдствіи онъ и самъ отказался отъ своего мнѣнія (C. I. G. I, p. 900), которое дѣйствительно не выдерживало критики, такъ какъ *τριακὰς* не можетъ означать тридцатую часть, а лишь совокупность тридцати: онъ приравнялъ *τριακὰς* къ *γένος*, какъ къ союзу 30 семей, и это мнѣніе теперь общепринято. Cfr. Böckh, Staatsh. I, 44; Meier, De gentil., p. 22; Schömann, Antiq., p. 209; Hermann, St.-Alt. § 98, not. 6; Philippi, op. l., p. 215. Помимо, однако, малой достовѣрности свидѣтелей, говорящихъ объ аѳинскихъ тріакадахъ (у ораторовъ, такъ часто упоминающихъ роды и фратріи, мы на нихъ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго указанія), наше подозрѣніе возбуждаетъ такое двоякое наименованіе для рода — *γένος* и *τριακάς:* оффиціальнымъ послѣднее быть во всякомъ случаѣ не могло — неужели мы предположимъ, что оно было столь популярно въ народѣ, что не только держалось въ памяти много столѣтій, послѣ того какъ о „тридцати членахъ рода“ и рѣчи не могло быть, но даже послужило къ образованію разныхъ реченій? Кромѣ того память о прежнихъ тріакадахъ, если бы таковыя дѣйствительно существовали, должна была быть вытѣсненной новыми, находившимися въ связи съ клисѳеновскимъ дѣленіемъ на демы — свидѣтельство о существованіи послѣднихъ мы находимъ въ постановленіи пирейцевъ (C. I. A. II, 589). Въ виду этого мы вмѣстѣ съ Гротомъ (Hist. of Gr. III, p. 67, not. 3) признаемъ тріакады учрежденіемъ клисѳеновскаго времени.

Аттики принимаетъ философъ, называя такою личностью миѳическаго царя Іона. Къ этой характеристикѣ родоваго строя вообще мы спеціальныхъ замѣчаній относительно какихъ-либо особенностей, представляемыхъ имъ въ Аттикѣ, прибавить по недостатку матеріала почти не можемъ: нѣкоторыя частности удобнѣе будетъ упомянуть, когда мы коснемся того положенія, въ коемъ мы застаемъ остатки этого строя въ историческія времена, въ V и IV вѣкахъ. Хотя и скудныя, эти свѣдѣнія будутъ имѣть то преимущество, что они отличаются несомнѣнною достовѣрностью, которая можетъ отчасти утратиться, если мы станемъ ихъ черезчуръ обобщать, такъ какъ всякая семья, всякій родъ, всякая фратрія была до извѣстной степени самостоятельною единицею, жившею своею жизнью, развивавшеюся по своимъ особымъ законамъ и отъ другой себѣ подобной представлявшей часто весьма существенныя отличія[1]).

Намъ осталось еще повнимательнѣе разсмотрѣть высшее изъ родовыхъ дѣленій — филу, которая одна изъ всѣхъ вышеуказанныхъ собственно играла въ извѣстное время видную политическую роль въ государствѣ: еще Солонъ постановилъ, чтобы по филамъ избирались какъ члены его Совѣта Четырехсотъ, такъ и высшіе сановники — архонты[2]). О болѣе еще важномъ ея значеніи въ доСолоновскую эпоху свидѣтельствуетъ громкое названіе ея главныхъ начальниковъ, именовавшихъ себя „царями филы“ *(φυλοβασιλεῖς)*: правда, отъ прежней ихъ политической роли имъ въ историческое время осталось лишь право вмѣстѣ съ архонтомъ-царемъ творить судъ надъ бездушными предметами, причинившими смерть или увѣчье[3]); но само это соединеніе ихъ съ архонтомъ-царемъ, прямымъ наслѣдникомъ древнихъ басилеевъ и долгое время, по Ари-

---

[1]) Напр. Isaei de Kir. her. (VIII), 18, p. 115: *τοῖς φράτορσι γαμηλίαν εἰσήνεγκε κατὰ τοὺς ἐκείνων νόμους.*

[2]) Aristot. Ath. Pol. 8.

[3]) Нѣкоторые ученые отрицали участіе филобасилеевъ въ судѣ въ Пританеѣ (см. ниже); но теперь мы имѣемъ прямое свидѣтельство Аристотеля (Ath. Pol. 57, 4): *δικάζει δ' ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ φυλοβασιλεῖς καὶ τὰς τῶν ἀψύχων καὶ τῶν ἄλλων ζῴων* [*δίκας*]. Cfr. Poll. VIII, 90 et 120, гдѣ текстъ Аристотеля разорванъ на двѣ части. О прежнемъ значеніи *φυλοβασιλεῖς*: Philippi, op. l. p. 246. На нѣкогда болѣе обширное участіе филобасилеевъ указываютъ слова Поллукса, VIII, 111: *οἱ φυλοβασιλεῖς μάλιστα τῶν ἱερῶν ἐπεμελοῦντο, συνεδρεύοντες ἐν τῷ βασιλείῳ τῷ παρὰ τὸ βουκόλειον.*

стотелю, первымъ сановникомъ государства[1]), указываетъ на то, что они когда-то были послѣ царя первыми лицами въ общинѣ и къ этому послѣднему находились въ томъ же отношеніи, какъ басилеи феаковъ — къ первому изъ своего числа, Алкиною.

Этихъ родовыхъ филъ въ Аѳинахъ издревле было четыре, и ихъ имена въ оффиціальномъ порядкѣ были слѣдующія: Гелеонты, Аргадеи, Эгикореи, Гоплеты *(Γελέοντες, Ἀργαδεῖς, Αἰγικορεῖς, Ὅπλητες)*[2]). Относительно ихъ происхожденія и значенія мнѣнія древнихъ и новыхъ изслѣдователей сильно расходятся. Самое простое объясненіе мы находимъ у Геродота, который по извѣстному генеалогическому способу выводитъ каждую филу отъ одного изъ сыновей Іона, между тѣмъ какъ послѣдній самъ далъ свое напмепованіе всему народу — очевидно это была оффиціальная традиція филъ, чтившихъ въ этихъ мнимыхъ сыновьяхъ Іона своихъ героевъ-эпонимовъ[3]).

Но такое наивное толкованіе не могло удовлетворить позднѣйшихъ болѣе раціоналистическихъ писателей, которые стали объяснять имена путемъ этимологическихъ сопоставленій и сообразно съ этимъ склонны были видѣть въ филахъ извѣстное классовое дѣленіе жителей Аттики по родамъ ихъ занятій *(βίοι)*. Кому принадлежитъ первая честь такого остроумнаго открытія, мы не знаемъ и можемъ лишь гадательно указать на какого-нибудь изъ аттидографовъ какъ на автора его (ученые александрійскіе едва ли настолько интересовались древнѣйшими аѳинскими учрежденіями);

---

[1]) Aristot. Ath. Pol. 3, 2: *μέγισται δὲ καὶ πρῶται τῶν ἀρχῶν ἦσαν βασιλεὺς καὶ πολέμαρχος καὶ ἄρχων· τούτων δὲ πρώτη μὲν ἡ τοῦ βασιλέως, αὕτη γὰρ ἐν ἀρχῇ κατέστη.*

[2]) Этотъ порядокъ установленъ Böckh'омъ на основаніи кизикскихъ надписей (списковъ притановъ: C. I. G. 3661—64 и эфебовъ: ibid. 3665).

[3]) Herodot. V, 66: *μετὰ δὲ τετραφύλους ἐόντας Ἀθηναίους δεκαφύλους ἐποίησε (Κλεισθένης), τῶν Ἴωνος παίδων, Γελέοντος καὶ Αἰγικόρεος καὶ Ἀργάδεω καὶ Ὅπλητος, ἀπαλλάξας τὰς ἐπωνυμίας.* — Eurip. Ion, 1575 sqq.:

ἔσται δ' ἀν' Ἑλλάδ' εὐκλεής· οἱ τοῦδε γὰρ
παῖδες γενόμενοι τέσσαρες ῥίζης μιᾶς,
ἐπώνυμοι γῆς κἀπιφυλίου χθονὸς
λαῶν ἔσονται, σκόπελον οὓς ναίουσ' ἐμόν.
Γελέων μὲν ἔσται πρῶτος· εἶτα δεύτερον
Ὅπλητες Ἀργαδῆς τ', ἐμῆς δ' ἀπ' αἰγίδος
ἓν φῦλον ἕξουσ' Αἰγικορῆς.

Cfr. Poll. VIII, 109.

для насъ древнѣйшимъ по времени является свидѣтельство Страбона, который выражается, однако, довольно двусмысленно: „Іонъ прежде всего раздѣлилъ народъ на филы, затѣмъ на четыре касты *(βίοι)*, именно однихъ онъ объявилъ земледѣльцами, другихъ — ремесленниками, третьихъ — жрецами *(ἱεροποιοί)*, четвертыхъ же — охранителями *(φύλακες)*“; онъ не говоритъ прямо, чтобы филы совпадали съ этими кастами, хотя подобное толкованіе, конечно, можно прочитать между строками. Еще осторожнѣе выражается Плутархъ по отношенію къ этому взгляду: „иные утверждаютъ, что и филы получили свое наименованіе не отъ сыновей Іона, а по различнымъ образамъ жизни — воинственный классъ звался Гоплитами, рабочіе — Эргадеями, изъ остальныхъ двухъ Гелеонты составляли земледѣльцевъ, Эгикорен — населеніе, занимавшееся разведеніемъ крупнаго и мелкаго скота“ [1]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что оба древнихъ писателя, изъ коихъ ни тотъ, ни другой не могутъ считаться большими авторитетами и знатоками въ области аѳинскихъ учрежденій, приводятъ этимологическое толкованіе аттическихъ филъ не безъ нѣкотораго колебанія [2]): новѣйшей наукѣ принадлежитъ всецѣло честь признанія этой съ осторожностью сообщаемой догадки какого-то безыменнаго антикварія за непреложное „свидѣтельство“ насчетъ взгляда, котораго держались сами древніе относительно происхожденія и значенія филъ; Германнъ даже видитъ въ этомъ извѣстіи народное преданіе! Къ сожалѣнію, какъ мы видѣли, Страбонъ и Плутархъ сами (или ихъ источники) не сходятся относительно этимологическаго объясненія именъ и это свое несогласіе они завѣщали своимъ многочисленнымъ поклонникамъ, которые въ дол-

---

[1]) Strabo, VIII, 7, 1, p. 383: *Ἴων .... πρῶτον μὲν εἰς τέτταρας φυλὰς διεῖλε τὸ πλῆθος, εἶτα εἰς τέτταρας βίους· τοὺς μὲν γὰρ γεωργοὺς ἀπέδειξε, τοὺς δὲ δημιουργούς, τοὺς δὲ ἱεροποιούς, τετάρτους δὲ τοὺς φύλακας.* Plut. v. Sol. 23: *καὶ τὰς φυλὰς εἰσὶν οἱ λέγοντες οὐκ ἀπὸ τῶν Ἴωνος υἱῶν, ἀλλ' ἀπὸ τῶν γενῶν, εἰς ἃ διηρέθησαν οἱ βίοι τὸ πρῶτον, ὠνομάσθαι, τὸ μὲν μάχιμον Ὁπλίτας, τὸ δ' ἐργατικὸν Ἐργάδεις· δυεῖν δὲ τῶν λοιπῶν Γελέοντας μὲν τοὺς γεωργούς, Αἰγικορεῖς δὲ τοὺς ἐπὶ νομαῖς καὶ προβατείαις διατρίβοντας.* Мѣсть изъ Платона я не привожу, потому что одно (Tim. 24 A) уже выше упомянуто (стран. 118, прим. 2), а другое (Crit., p. 110 C) относится къ дѣленію на сословія эвпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ.

[2]) На это указывалъ уже проф. Куторга, Колѣна и сословія аттическія (1838), стран. 69—70.

голѣтнемъ спорѣ никакъ не могутъ помириться и прійти къ общему соглашенію. Было бы напрасно перечислять и разбирать въ отдѣльности мнѣнія различныхъ ученыхъ (Бёка, Платнера, Шёманна Отфрида Мюллера, Мейера, Германна и друг.), считавшихъ филы кастовымъ дѣленіемъ народа[1]): насчетъ Гоплетовъ они всѣ согласны, что это было сословіе воиновъ, Аргадеевъ и Эгикореевъ обыкновенно считаютъ за ремесленниковъ и пастуховъ[2]); но относительно Гелеонтовъ вопросъ былъ споренъ, должно ли ихъ считать жрецами или земледѣльцами, тѣмъ болѣе, что само ихъ имя передано намъ въ различныхъ формахъ, то какъ *Τελέοντες* (которую производятъ отъ *τελεῖν* = посвящать въ мистеріи, т.-е. жрецы, какъ толкуетъ Платнеръ и нѣкоторые другіе, между тѣмъ какъ Бёкъ, производя ее отъ *τελεῖν* = платить подати, переводилъ Телеонты — „Zinsbauern"), то какъ *Γεδέοντες* (отъ *γῆ* и *δαίειν* — *γεωμόροι*, какъ пояснялъ Буттманнъ)[3] — теперь форма

---

[1]) Теорію кастоваго дѣленія аѳинскаго народа впервые выставилъ и обосновалъ всѣми возможными доводами A. Böckh, De tribubus ionicis въ Prooem. lect. Berol. aest. 1812 = Kl. Schr. IV, p. 43—60 (такъ что неправильно Куторга приписываетъ первенство Hüllmann'y, Anfänge der griechischen Geschichte, Königsberg 1814, p. 239), затѣмъ въ рецензіи книги Hüllmann'a, Urgeschichte des Staats въ Heidelb. Jahrb. 1818, p. 305 = Kl. Schr. VII, p. 220, въ комментаріи къ кизикской надписи (C. I. G. 3665), наконецъ въ Staatsh. d. Ath. I, p. 578). Того же воззрѣнія держались: Platner, Beitr. z. Kenntn. des att. Rechts. 1820, p. 51; Buttmann, Mythol. II, p. 304; K. O. Müller, Orchomenos und die Minyer, Berlin 1820, p. 307, De sacris Minervae Poliadis, p. 12 (мнѣ неизвѣстно); Schömann, De comitiis, p. 355, Antiq. iuris publ. graec. 1838, p. 165 (уже нѣсколько колеблясь, впослѣдствіи онъ вполнѣ отвергалъ мысль о кастахъ: Gr. Alt. I, p. 336); Ilgen, De tribubus atticis earumque partibus, 1826, p. 8; Meier, De gentilitate attica, 1834, p. 6; Welcker, Aeschyleische Trilogie, p. 298; C. F. Hermann, St.-Alt. § 5 et 94 и Bähr въ пятомъ изданіи этой книги. G. Gilbert, St.-Alt. II, p. 306.

[2]) Кто Гелеонтовъ считалъ жрецами, тотъ недостающій классъ земледѣльцевъ долженъ былъ искать между Эгикореями и Аргадеями: поэтому напр. Шёманнъ сначала утверждалъ, *Αἰγικορεῖς* non pastores solum, sed etiam agricolas fuisse (Com., p. 356), впослѣдствіи считалъ за таковыхъ Аргадеевъ (Antiq., p. 165).

[3]) Форма *Τελέοντες* читается у Поллукса (VIII, 109) и въ нѣкоторыхъ спискахъ Геродота (V, 66); *Τελέων* у Эврипида (Ion, 1579), *Γελέοντες* въ лучшихъ спискахъ Геродота, *Γεδέοντες* у Плутарха (v. Sol. 23). За форму *τελέοντες* особенно стояли Böckh, K. O. Müller и Ilgen, толковавшіе ее какъ *τελοῦντες* (= tributarii) и ссылавшіеся на свидѣтельство Плутарха (v. Sol. 13) о гектеморахъ: *ἕκτα τῶν γενομένων τελοῦντες*. Бёкъ сверхъ того видѣлъ подтвержденіе

Γελέοντες установлена безъ всякаго сомнѣнія и для Аттики[1]), но это не препятствуетъ ученымъ толковать ихъ то какъ „Zinsbauern“, то какъ „königlicher Adel“.

Ради его странности можно привести мнѣніе Гаазе, который не только видитъ, подобно вышеназваннымъ, въ филахъ кастовое дѣленіе, но сверхъ того старается его согласовать съ другимъ дѣленіемъ на эвпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ, приравнивая послѣднихъ двухъ къ Эгикореямъ и Аргадеямъ и предполагая, что двѣ другія филы, состоявшія по его мнѣнію изъ знати (ritterliche Adel — Гоплеты; königliche Adel — Гелеонты), мало-помалу срослись въ одинъ классъ эвпатридовъ чрезъ взаимную эпигамію: мнѣніе это вполнѣ раціонально отвергнуто Филиппи,— примемъ ли мы вмѣстѣ съ нимъ, что лишь эвпатриды до Солона были зачислены въ филы, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ не под-

---

своему мнѣнію въ томъ, что Teleontis Atheniensis filium Butam Cyclici iam poetae celebrabant, e quibus sua derivarunt Apollonius Argonauticorum scriptor (I, 95) Apollodorus (Bibl. I, 9, 16), Hyginus (fab. 14). Ильгенъ, всецѣло принимая толкованія Бёка, какъ-то странно колеблется между *Гел.* и *Тел.* и признаетъ въ сущности за настоящую форму — первую, а вторую за искаженіе (p. 34: sicut in caeteris tribuum nominibus antiquae et inusitatae praeterea formae servabantur, ita haec quoque — Geleontes — sollemniter usurpabatur). Отъ глагола *τελεῖν* (посвящать въ мистеріи) производилъ *Τελέοντες* (= Weihepriester) Platner (op. l., p. 52), а также изъ числа ученыхъ, не признававшихъ кастъ: Tittmann, Darstell. der griech. Staatsverf. (1822), p. 570, not. 5; W. Wachsmuth, Diss. de tribuum attic. triplici partitione (1825), p. 9, Hellen. Alterthumsk. (1844) I, p. 356 et Beil. 14. Какъ *οἱ ἐν τέλει ὄντες* истолковалъ это слово Welcker, Aeschyl. Tril., p. 297. — *Γεδέοντες* отъ *γῆ* и *δαίειν:* Buttmann, Mythol. II, p. 327. — *Γελέοντες* уже Hemsterhuis (ad Herod. V, 66) сопоставилъ съ глоссой Гесихія: *γελεῖν· λάμπειν, ἀνθεῖν;* эту этимологію одобрилъ Creuzer, Symbol. III, p. 62; Schömann, Com. p. 356, not. 30 (потомъ онъ ее отвергалъ: Antiq. p. 165, not. 5). Haase (Athenische Stammverf., p. 78 et not. 37) производилъ это названіе отъ карійскаго слова *γέλας = βασιλεύς* (Steph. Byz. s. v. *Σουάγγελα),* которое Welcker, op. l., p. 299 также ставилъ въ связь съ *γελεῖν.* Въ зависимость отъ *γῆ* (какъ *γεώλεως = γεωργός)* ставилъ Гелеонтовъ уже Böckh (C I. G. II, p. 932), а за нимъ Westermann (въ Pauly's R.-Encycl. V, 1594 s. v. *Φυλαί*) и Hermann (St.-Alt. § 94, not. 13).

[1]) Для Кизика и для Теоса форма эта *Γελέοντες* была издавна установлена (C. I. G. 3664—65, 3078—79), почему Шёманнъ совершенно основательно и утверждалъ (Com. p. 354), что она должна быть признана и для Аттики: послѣ того была найдена аттическая надпись, въ коей упоминается *Ζεὺς Γελέων* (Ross, Demen von Attika, p. VII = C. I. A. III, 2).

лежитъ сомнѣнію, что они были распредѣлены по всѣмъ филамъ, а не ограничены двумя[1]).

Тѣмъ не менѣе должно признать, что Гаазе поступалъ консеквентнѣе, нежели его предшественники, которые принимали кастовое дѣленіе аѳинскаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и сословное различіе между отдѣльными филами (особенно т.-наз. Телеонты уподобляются Солоновскимъ тетамъ), но оставляли совершенно въ сторонѣ упомянутое дѣленіе на эвпатридовъ, геоморовъ, деміурговъ: спрашивается, возможно ли допустить, чтобы въ одномъ и томъ же государствѣ рядомъ существовало два дѣленія гражданъ (на три и на четыре части), основанныя на одинаковомъ принципѣ? Это главное возраженіе, которое можно сдѣлать противъ „кастовой“ теоріи, что она находится въ непримиримомъ противорѣчіи противъ несомнѣннаго преданія. Кромѣ того, Филиппи вполнѣ справедливо указалъ на то обстоятельство, что въ оффиціальномъ порядкѣ фила Гоплетовъ, т.-е. самая знатная по согласному мнѣнію этихъ ученыхъ, всегда стоитъ на послѣднемъ мѣстѣ — не можетъ быть спора, что высшая каста должна бы была числиться и называться раньше другихъ[2]). Наконецъ ни о какомъ кастовомъ различіи на почвѣ древней Греціи мы не находимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ въ литературѣ древнихъ, и этого возраженія нельзя обойти, предположивъ, что оно существовало лишь въ миѳической древности и постепенно изгладилось: исторія другихъ народовъ (индусовъ и египтянъ) учитъ насъ, что строгая замкнутость кастъ является результатомъ продолжительнаго историческаго процесса при особенныхъ условіяхъ, а вовсе не первобытнымъ состояніемъ извѣстнаго племени[3]).

[1]) Haase, Athenische Stammverfassung (Breslau 1857), p. 77, 95. Подобную мысль, впрочемъ, высказывалъ уже Welcker, Aeschyl. Tril. p. 300. Cfr. Philippi, op. l., p. 283. Идея Гаазе встрѣтила полное одобреніе, кажется, лишь со стороны Бурсіана (Geogr. v. Gr. I, p. 262), который даже провелъ ее еще дальше, отождествивъ съ 4 филами и четыре солоновскихъ класса (*πεντακοσιομέδιμνοι = Γελέοντες, ἱππεῖς = Ὅπλητες, ζευγῖται = Ἀργαδεῖς, θῆτες = Αἰγικορεῖς*): „die Solonische Eintheilung hatte nur zum Zweck, durch Festsetzung eines Census den Übertritt aus einer Phyle in die andere möglich zu machen, um dadurch das noch ziemlich schroffe Gegenüberstehen der Phylen aufzuheben“.

[2]) Philippi, op. l. p. 279.

[3]) Противъ перенесенія кастъ на почву Эллады энергично возставали уже: Feodor Eggo, Untergang der Naturstaaten. Berlin 1812, p. 103—68 (мнѣ неизвѣстно); Tittmann, Darst. der gr. Staatsverf., p. 567, 646; G. Hermann,

Помимо всего сказаннаго въ опроверженіе данной теоріи, уже благоразумный Гротъ указалъ на то, что единственное ея основаніе, этимологія названій филъ, вовсе не стоитъ такъ твердо, какъ это принимали ея защитники[1]), а въ наше время, при развитіи языкознанія, давно бы пора было признать несостоятельность всѣхъ подобныхъ толкованій: насчетъ слова *Γελέοντες* и не предложено вовсе никакого сколько-нибудь правдоподобнаго объясненія (отъ *γῆ* и *λεώς!*); сопоставленіе *Ὅπλητες* и *Ὁπλίται*, самое еще удачное изъ всѣхъ, правильно лишь относительно основы, но не беретъ въ разсчетъ суффиксовъ; производство *Ἐργαδεῖς* отъ корня *Ϝεργ*, можетъ быть, заслуживало бы вниманія, но единственная подлинная форма этого слова — *Ἀργαδεῖς* ничего общаго съ этимъ корнемъ не имѣетъ, а *Ἐργαδεῖς* должно быть признано своевольнымъ искаженіемъ, сдѣланнымъ именно въ видахъ сопоставленія; наконецъ въ имени *Αἰγικορεῖς* несомнѣнно предлежитъ въ первой части тотъ же корень какъ въ словѣ *αἴξ, αἰγός*, но при разнообразіи употребленія этого корня (срвн. *αἰγ-ίς, Αἰγ-εύς, Αἴγ-ιον, Αἰγ-ίαλος*) нельзя съ увѣренностью утверждать, чтобы мы тутъ имѣли дѣло съ „козами“[2]) — рѣшить этотъ вопросъ могла бы лишь вторая половина слова, но къ сожалѣнію ея толкованіе подвержено еще бо́льшимъ затрудненіямъ. Естественно было бы видѣть въ этихъ именахъ прозвища боговъ — покровителей филъ, отъ коихъ онѣ и получили свои названія: въ подтвержденіе можно бы было сослаться на документально засвидѣтельствованный культъ Зевса Гелеонта; но является вопросъ, далъ ли онъ свое имя филѣ или наоборотъ получилъ его отъ послѣдней? рѣшеніе могло бы дать лишь этимологически установленное первоначальное значеніе

Praef. ad Eurip. Ionem. 1827, p. XXI; М. Куторга, Колѣна и сословія аттическія. 1838, стр. 57. Относительно „кастъ“ Египта и Индіи теперь никто не можетъ усомниться, что онѣ не были исконнымъ институтомъ, и только въ послѣдней, благодаря подавляющему вліянію жрецовъ, консеквентно проведены.

[1]) Grote, Hist. of Gr. III, p. 51: „From the etymology of the names, be it ever so clear, we cannot safely assume the historical reality of a classification according to professions. And this objection (which would be weighty even if the etymology had been clear) becomes irresistible when we add that even the etymology is not beyond dispute“.

[2]) Эврипидъ производитъ Эгикореевъ отъ эгиды богини Аѳины (Ion, 1580), и эта этимологія ничѣмъ не хуже предложенныхъ новѣйшими учеными, особенно, если въ *Αἰγίκορος* видѣть какой-нибудь эпитетъ богини въ родѣ *αἰγίοχος*.

этихъ именъ, смотря по тому, для кого бы оно больше подходило, для единичнаго бога или же для людской группы, — слѣдовательно мы тутъ вращаемся въ кругу.

Рядомъ съ только-что разобранной теоріей стоитъ другая, по которой филы были территоріальнымъ дѣленіемъ и соотвѣтствовали четыремъ различнымъ по характеру мѣстностямъ Аттики: въ числѣ ея представителей самые видные — Ваксмутъ, Куторга, Шёманнъ, Дункеръ, Филиппи[1]). Вся эта теорія исходитъ изъ справедливаго воззрѣнія, что родовой строй возникъ не сверху путемъ искусственнаго дѣленія, а снизу вслѣдствіе естественнаго развитія родовъ во фратріи и фратрій въ филы — такой процессъ мыслимъ только на тѣсно ограниченномъ пространствѣ, по ихъ мнѣнію, а слѣдовательно филы по крайней мѣрѣ въ первое время своего существованія должны были представляться не только группами людей, но и сплошными частями аттической территоріи. Мысль эта въ общемъ по отношенію къ естественнымъ законамъ возникновенія филъ должна быть признана справедливой, — въ чемъ состоитъ ея ошибочность въ примѣненіи къ аѳинскому государству, мы увидимъ дальше. Гораздо болѣе сомнительными должны считаться два другихъ основанія, изъ коихъ исходятъ указанные ученые: во-первыхъ, античное преданіе относительно филъ, существовавшихъ въ Аттикѣ до царя Іона, и ихъ мѣстнаго характера; во-вторыхъ, злополучная этимологія наименованій историческихъ филъ и сопоставленіе этихъ именъ съ характерными особенностями отдѣльныхъ частей страны.

Относительно древнѣйшихъ до-іоническихъ филъ въ Аттикѣ самое обстоятельное мѣсто мы находимъ у Поллукса. „Филъ было при Кекропсѣ четыре, Кекрописъ, Автохтонъ, Актея, Паралія; при Кранаѣ онѣ были переименованы въ Кранаиду, Аттиду, Мезогею, Діакрію; при Эрихтоніи въ Діаду, Атенаиду, Посейдоніаду,

[1]) Ignarra, De phratriis, p. 16; W. Wachsmuth, De tribuum quat. att. tripl. part. p. 8—9; Hellen. Alt. I, p. 356; Kutorga, De antiquiss. trib. att. earumque cum regni partibus nexu (Dorpat 1832); Schömann, De phratriis atticis (Gryph. 1835), p. 11; Antiqq. (1838), p. 165; Gr. Alt. I, p. 336; C. F. Hermann въ Zeitschr. f. Altertumswiss. 1835, p. 1133 (потомъ онъ перемѣнилъ свой взглядъ); Haase, Athen. Stammverf. p. 77; Hammarstrand, Attikas Verf. zur Zeit des Königthums въ N. Jahrbb. f. class. Phil. S.-B. VI, p. 795; Zelle, Beitr. zur ält. Verfassungsgesch. Athens. 1850, p. 9; Philippi, op. l., p. 236; Duncker, Gesch. d. Alt. V, p. 84.

Гефестиду, но сыновьямъ же Іона при Эрехтеѣ онѣ были названы Гелеонтами, Гоплетами, Эгикореями, Аргадеями". Нѣкоторыя изъ этихъ филъ приводятся какъ таковыя и въ географическомъ словарѣ Стефана Византійскаго съ тою разницею, что онъ называетъ еще Педіаду, которую обыкновенно отождествляютъ съ Месогеей [1]). Наконецъ въ одномъ отрывкѣ Софокла говорится о раздѣлѣ Аттики между четырьмя сыновьями Пандіона, при чемъ одному изъ нихъ, впрочемъ, достается въ удѣлъ Мегарида, такъ что на долю собственно аѳинской территоріи остаются лишь три части [2]). Нѣкоторые новѣйшіе ученые, исходя изъ именъ Кекропсовыхъ и Кранаевыхъ филъ, дѣлаютъ выводъ, что по двѣ изъ нихъ (Актея и Паралія; Месогея и Діакрія) должны были совпадать съ областями Аттики, въ историческое время извѣстными подъ тѣми же именами, что по аналогіи и двѣ другія также соотвѣтствовали частямъ страны, а слѣдовательно и замѣнившія ихъ филы іоническія долженствовали быть территоріальными дѣленіями. При этомъ они по необходимости измѣняютъ порядокъ филъ Кекропса и Краная, какъ онъ переданъ у Поллукса, и стараются по мѣрѣ возможности примирить съ полученной схемой филъ извѣстіе Софокла о раздѣлѣ страны между сыновьями Пандіона, то предполагая, что Эгей получилъ въ удѣлъ двѣ области (Филлиды), то толкуя, что на

---

[1]) Poll. VIII, 109: *Καὶ αἱ φυλαὶ τέως μὲν ἐπὶ Κέκροπος ἦσαν τέσσαρες, Κεκροπὶς Αὐτόχθων Ἀκταία Παραλία· ἐπὶ δὲ Κραναοῦ μετωνομάσθησαν Κραναὶς Ἀτθὶς Μεσόγαια Διακρίς· ἐπὶ δὲ Ἐριχθονίου Διὰς Ἀθηναὶς Ποσειδωνιὰς Ἡφαιστιάς· ἀπὸ δὲ τῶν Ἴωνος παίδων ἐπὶ Ἐρεχθέως Γελέοντες Ὁπλῆτες Αἰγικορεῖς Ἀργαδεῖς.* Steph. Byz. s. v. *Ἀκτή· τῶν ἐπὶ Κέκροπος φυλῶν τεττάρων οὐσῶν δύο προσηγόρευσαν Ἀκτὴν καὶ Παραλίαν.* s. v. *Διακρία. φυλὴ τῆς Ἀττικῆς, ἣν ᾤκει Πάλλας ὁ Πανδίονος υἱός.* s. v. *Πεδίον· ἔστι δὲ καὶ Πεδιὰς φυλὴ τῆς Ἀττικῆς.*

[2]) Soph. fr. 872 Nauck [2] (= Strabo, IX, 1, 6, p. 392):

ἐμοὶ μὲν ὥρισεν πατὴρ
ἀκτὰς ἀπελθεῖν τῆσδε γῆς....
πρεσβεῖα νείμας· εἶτα ..... Λύκῳ
τὸν ἀντίπλευρον κῆπον Εὐβοίας νέμει·
Νίσῳ δὲ τὴν ὅμαυλον ἐξαιρεῖ χθόνα
Σκείρωνος ἀκτῆς· τῆς δὲ γῆς τὸ πρὸς νότον
ὁ σκληρὸς οὗτος καὶ γίγαντας ἐκτρέφων
εἴληχε Πάλλας.

Нѣсколько иначе читаетъ ихъ v. Wilamowitz, Kydathen, p. 132, not. 53.

долю Низа кромѣ Мегариды досталась и частица Аттики (Куторга)[1]); всѣ эти сопоставленія станутъ яснѣе представленныя въ таблицѣ, которую мы заимствуемъ у Филиппи[2]):

Кекропсъ:	Актея	Кекропись	Автохтонъ	Паралія
Кранай:	Аттида	Месогея	Діакрія	Кранаида
Пандіонъ:	Акте		Діакрія	Паралія.

Послѣднее дѣленіе по мнѣнію названнаго ученаго повторяется и въ тѣхъ партіяхъ, которыя мы находимъ въ Аттикѣ во времена Солона — Педіеи, Діакріи, Параліи, при чемъ *Πεδίον*, какъ часть страны, соотвѣтствуетъ пандіоновской *Ἀκτὴ*, которую одинъ схоліастъ опредѣляетъ какъ *ἡ περὶ τὸ ἄστυ*[3]): тутъ Филиппи могъ бы сослаться еще на свидѣтельство Стефана Византійскаго, называющаго Педіаду — аттической филой.

Присматриваясь повнимательнѣе къ приложенной таблицѣ, мы легко найдемъ въ ней много несообразностей: во-первыхъ, насъ поразитъ, что изъ четырехъ филъ только двѣ, и притомъ различныя, носятъ мѣстныя названія и эти послѣднія, несмотря на свою замѣну другими, не исчезли, а сохранились до позднѣйшаго времени (Акте и особенно Паралія): во-вторыхъ, наши сомнѣнія возбудитъ сопоставленіе филы Кекропиды, несомнѣнно заключавшей въ себѣ Аѳины, съ областью Месогеей[4]), къ коей также несомнѣнно этотъ городъ не принадлежалъ (не менѣе затруднительно было бы и сопоставленіе той же филы съ Діакріей); далѣе, намъ кажется ошибочнымъ подводить подъ эту схему дѣленіе Аттики на *три* части при Пандіонѣ — если бы уже въ столь древнее время двѣ филы срослись воедино, то какимъ образомъ объяснить ихъ позднѣйшее отдѣльное существованіе? Наконецъ невѣроятнымъ

---

[1]) Kutorga, De tribubus att. p. 8; Сословія и колѣна, стр. 40. Въ прекрасномъ изслѣдованіи (Megarische Komoedie въ Hermes IX, p. 319) v. Wilamowitz показалъ, что мегарскій царь Низъ, эпонимъ Низеи, никакого отношенія къ аѳинской династіи не имѣлъ и былъ включенъ въ число сыновей Пандіона лишь тогда, когда у аѳинянъ явилось стремленіе аннектировать Мегариду, т.-е. въ V-мъ в.

[2]) Philippi, op. l., p. 243.

[3]) Schol. Aristoph. Vesp. 1223 (очевидно, на основаніи вышеприведеннаго свидѣтельства Софокла).

[4]) Месогею отождествлялъ съ Педіэей, въ коей лежалъ городъ Аѳины, уже Platner (Beitr. p. 5) и Schömann (Com. p. 343; Antiq., p. 24), противъ чего возражалъ уже Куторга (Колѣна и сословія, стр. 41); такого же воззрѣнія держался и Bursian, Geogr. v. Gr. I, p. 263.

представляется намъ эта постоянная смѣна именъ чуть ли не при вступленіи каждаго новаго царя.

Болѣе раціональнымъ безъ сомнѣнія намъ кажется мнѣніе проф. Куторги, который выставлялъ два положенія[1]): у Поллукса въ его перечисленіе вкралась ошибка, такъ какъ каждый рядъ именъ долженъ состоять изъ однородныхъ названій, и слѣдуетъ возстановить первоначальный порядокъ, соединивъ вмѣстѣ съ одной стороны миѳическія имена (Аттисъ, Кекрописъ, Автохтонъ, Кранаисъ), съ другой — мѣстныя (Актея, Месогея, Діакрія, Паралія); древнѣйшее преданіе изъ названныхъ четырехъ царей признаетъ только двухъ, Кекропса и Эрехтея, между тѣмъ какъ двое другихъ вставлены въ генеалогическія таблицы лишь позднѣе, а посему и разнообразныя названія филъ должно считать не смѣняющими другъ друга, а единовременными, при чемъ коренными являются имена Гелеонтовъ, Гоплетовъ, Аргадеевъ и Эгикореевъ, общія всему іонійскому племени, другія даны имъ въ Аттикѣ по занимаемой ими мѣстности (Актея, Месогея, Діакрія, Паралія), третьи же заимствованы отъ бога-покровителя каждой филы (Атенаисъ, Діасъ, Посейдонисъ, Гефестіасъ); оставшійся затѣмъ рядъ именъ (Кекрописъ и т. д.) Куторга считаетъ вымышленными, такъ какъ они отличаются неоднородностью и слишкомъ общимъ характеромъ (Аттида названа по имени всей страны, Кранаида — по имени всѣхъ ея жителей *Κραναοί*). Должно сказать, что подобнымъ построеніемъ устраняется большинство возраженій, сдѣланныхъ нами противъ схемы Филиппи, и можно лишь удивляться, что ученые, признающіе подлинность этихъ древнихъ наименованій филъ, не приняли всей теоріи или по крайней мѣрѣ сравнительно легкой поправки петербургскаго профессора. Въ общемъ же само извѣстіе Поллукса едва ли заслуживаетъ большаго довѣрія: не только лучшіе наши и древнѣйшіе источники ни о какихъ филахъ въ Аттикѣ, кромѣ т.-назыв. іоническихъ, ничего не знаютъ, но и свидѣтельство Поллукса, какъ оно читается нами, преисполнено (какъ мы видѣли) всякихъ противорѣчій и несообразностей, походя на искусственныя построенія какого-нибудь антикварія, желавшаго дать отвѣтъ на вопросъ, какія же были филы въ Аттикѣ до Іона? Мнѣніе это, самымъ рѣшительнымъ образомъ высказанное Шёман-

[1]) Kutorga, De tribubus att. p. 43; Колѣна и сословія, стран. 48.

номъ[1]), принимаетъ и Куторга для одного ряда именъ, но отвергаетъ по отношенію къ другимъ, ссылаясь напрасно на авторитетъ Поллукса и Стефана Византійскаго: извѣстіе, которое для того, чтобы дать какой-нибудь смыслъ, должно подвергнуться такой радикальной поправкѣ и еще болѣе радикальному толкованію, не можетъ числиться достовѣрнымъ источникомъ! Сверхъ того и теорія Куторги о совмѣстномъ существованіи различныхъ именъ для тѣхъ же самыхъ филъ не находитъ себѣ достаточно вѣрныхъ аналогій не только у эллиновъ, но и у другихъ родственныхъ народовъ.

Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что дѣйствительно извѣстное дѣленіе Аттики на болѣе или менѣе опредѣленныя части существовало издревле и было установлено, можно сказать, самой природой, наложившей на каждую изъ нихъ свой особый отпечатокъ и тѣмъ обусловившей какъ характеръ, такъ и родъ занятій и образъ жизни ихъ населенія: это признаютъ и тѣ ученые, которые какъ Шёманнъ отвергаютъ подлинность извѣстія Поллукса о до-іоническихъ филахъ[2]). Собственно такихъ частей было три: равнина въ сѣверо-западной части страны, раздѣленная низкимъ горнымъ хребтомъ Эгіала и Коридалла на двѣ части, тріазійскую около Элевсина и аѳинскую; горная страна на сѣверо-востокѣ, наполненная отпрысками Парнета и Пентеликона или Брилетта; холмистая часть, простиравшаяся въ видѣ треугольника къ югу отъ Гиметта, на которую отличительный отпечатокъ налагается омывающимъ ее отовсюду моремъ съ цѣлымъ рядомъ заливовъ и бухтъ. Это тройное дѣленіе страны признавалось уже древними — его имѣлъ въ виду Софоклъ, повѣствуя о наслѣдіи сыновей Пан-

[1]) Schömann, De com., p. 348: Haec igitur verisimilior videtur sententia, totam hanc de istis tribubus narrationem ab aliquo eorum scriptorum profectam esse, qui e poeticis fabulis populi Attici antiquitates contexuerunt, quorum haud pauci passim a grammaticis praecipue laudari solent. Horum igitur scriptorum aliquis, cum eas, quae ad Clisthenem usque permanserunt, tribus non ante Ionem institutas esse sciret, quaerens, quaenam ante illud tempus populi divisio fuisset, cum passim in carminibus, quae de Cecrope Cranaoque agerent, Autochthones, Cecropidas, Cranaos, Actaeos, itemque Mesogaeam, Paraliam, Diacriam, Atthidem nominari videret, in hac nominum diversitate, eam, quam quaerebat, populi divisionem tribuumque descriptionem sibi deprehendere visus est". Срвн. также ниже и Hammarstrand, Attikas Verf., p. 789.

[2]) Schömann, De com., p. 342; cfr. Bursian, Geogr. v. Gr. I, p. 264.

діона; оно имѣло вліяніе не только на характеръ занятій жителей, но и на политическія ихъ тенденціи: уже до Солона образовались партіи крупныхъ землевладѣльцевъ равнины (Педіэи), мелкихъ земледѣльцевъ, пастуховъ, угольщиковъ, каменотесовъ горъ (Діакріи), зажиточныхъ собственниковъ, торговцевъ, моряковъ прибрежья (Параліи); то же самое наконецъ дѣленіе, какъ мы недавно узнали къ своему изумленію, въ значительной степени было взято въ расчетъ и Клисѳеномъ при его реформѣ филъ — каждая изъ десяти вновь имъ образованныхъ заключала по одному отрѣзку изъ каждой изъ трехъ частей страны [1]).

Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что отъ природы Аттика распадалась именно на три части: конечно, можно установить и больше дѣленій, дробя напр. равнину на двѣ или даже на три части, выдѣляя изъ Діакріи Марѳонскую равнину (такъ наз. Тетраполь), отличая въ южномъ концѣ Аттики прибрежье (Паралію) отъ внутренней страны (Месогеи) и т. д.[2]); но такое дѣленіе должно уже считаться искусственнымъ и предпринятымъ съ цѣлью найти опредѣленное, будто-бы самой природой предначертанное мѣсто жительства для каждой изъ четырехъ филъ. При этомъ ученые, преслѣдующіе подобную цѣль, исходятъ отъ излюбленнаго этимологическаго толкованія ихъ названій, въ которыхъ видятъ уже не свидѣтельство кастоваго дѣленія, которое и не удобно было бы соединить съ территоріальнымъ, такъ какъ касты нуждаются одна въ другой [3]), а какъ бы характеристику преимущественныхъ занятій главнѣйшей части ихъ членовъ, обусловленныхъ самой природой занимаемой мѣстности. Шёманнъ по справедливости можетъ считаться первымъ авторомъ этой теоріи, разработанной затѣмъ въ подробности и доведенной до совершенства Филиппи, который съ замѣчательнымъ искусствомъ съумѣлъ заимствовать изъ всѣхъ вышеприведенныхъ мнѣній важнѣйшіе пункты, избѣгнувъ ихъ крайностей, и соединить ихъ въ одно стройное ученіе, не лишенное извѣстной послѣдовательности.

---

[1]) Arist. Ath Pol. 13, 4; cfr. ibid. 21, 4.

[2]) Дѣленіе Аттики на четыре части принимаетъ Lolling, Hellen. Landeskunde (въ Iw. Müller's, Handb. der class. Alterthumswiss., B. III.), p. 116, пять частей признавалъ Leake, Demen von Attika (übers. von Westermann, 1840), p. 6—7.

[3]) Только Haase сдѣлалъ такую невозможную попытку.

Между тѣмъ какъ Шёманнъ еще въ первомъ своемъ трудѣ склонялся къ мнѣнію Бёка относительно кастоваго характера филъ, считая впрочемъ такое состояніе лишь началомъ дальнѣйшаго развитія, онъ уже въ слѣдующихъ сочиненіяхъ оставляетъ эту мысль и переходитъ къ вышеуказанной теоріи, не рѣшаясь, однако, еще съ увѣренностью опредѣлить мѣстожительство для каждой филы[1]); послѣдній этотъ шагъ онъ дѣлаетъ въ своихъ „Древностяхъ“, гдѣ онъ заявляетъ въ противоположность своему прежнему воззрѣнію, что „столь же невѣроятно, чтобы подобныя наименованія филъ выражали кастовое ихъ ограниченіе на извѣстные роды занятій, какъ съ другой стороны немыслимо, чтобы филамъ были даны знаменательныя названія произвольно, безъ всякаго отношенія къ ихъ значенію, — наиболѣе вѣроятно, что каждая фила названа по тому образу жизни и тѣмъ занятіямъ, коимъ предавалось большинство или самые выдающіеся изъ ея членовъ“[2]). Сообразно съ этимъ воззрѣніемъ онъ и распредѣляетъ отдѣльныя филы по разнымъ частямъ Аттики. Въ Гоплетахъ онъ видитъ не только вообще вопновъ, но именно тѣхъ, которые нѣкогда пришли съ Ксуѳомъ въ Аттику и за помощь противъ Халкиды получили въ награду Мараѳонскую тетраполь — эта часть страны вмѣстѣ съ сосѣдней областью (Діакріей?) составляетъ и потомъ участокъ данной филы; прилегающая горная страна, какъ особенно благопріятная для разведенія козъ и вообще скота, была преимущественно населена пастухами — они составили преобладающій элементъ филы Эгикореевъ, владѣвшей этою мѣстностью; насчетъ Аргадеевъ онъ

---

[1]) Schömann, De phratriis, p. 11; Antiqq. iuris publ. p. 165: „Nam cum ipsa terra Attica situ et soli natura in quattuor partes divisa sit, tum regionatim populum in tribus descriptum fuisse etiam fabulosae de tribubus Ione antiquioribus narrationes fidem faciunt. Itaque cum in una Atticae parte plurimi essent *αἰγικορεῖς* (pastores) in alia plurimi *ἀργαδεῖς* (agricolae) in alia plurimi *ὅπλητες*, quos probabile est nobiles fuisse Hellenicae gentis quae cum Xutho advenerat, in alia denique plurimi *γελέοντες*, quos indigenarum nobiles esse crediderim, hinc unaquaeque tribus eo nomine appellata est, quo hominum, qui plurimi aut praecipui inessent, vitae genus et condicio significaretur“.

[2]) Schömann, Gr. Alt. I, p. 336—38: „Dass durch solche Benennung der Phylen eine kastenartige Beschränkung derselben auf bestimmte Berufsarten ausgesprochen sei, ist ebenso unwahrscheinlich, als es auf der anderen Seite undenkbar ist, dass den Phylen bedeutsame Namen ohne alle Rücksicht auf ihre Bedeutung, also rein willkürlich beigelegt sein sollten etc“.

колеблется, слѣдуетъ ли видѣть въ нихъ преимущественно земледѣльцевъ и удѣлить имъ часть „равнины“ (другая занята Гелеонтами), или же принять ихъ за ремесленниковъ, для коихъ бы наиболѣе изъ всѣхъ частей страны подходило прибрежье — Паралія; „имя Гелеонтовъ“, продолжаетъ онъ дальше, „весьма спорно, правда, по своему значенію, но изъ всѣхъ попытокъ къ его истолкованію ни одна не имѣетъ за себя столько вѣроятія, какъ объясненіе, которое видитъ въ немъ обозначеніе знати какъ „славныхъ“, „блестящихъ“, — главнымъ мѣстопребываніемъ знати безъ сомнѣнія былъ городъ и его окрестности, и эта часть страны по ней получила свое имя и стала зваться участкомъ Гелеонтовъ, и всѣ жители этой области, знатные и незнатные равнымъ образомъ, были причислены къ филѣ Гелеонтовъ“. Нѣсколько иначе распредѣляетъ эти филы Дункеръ, который относительно Гелеонтовъ и Гоплетовъ, правда, сходится съ Шёманномъ, хотя и не видитъ въ послѣднихъ спутниковъ Іона, но Аргадеевъ считаетъ крупными собственниками Элевсинской равнины, а Эгикореевъ — богатыми владѣльцами стадъ въ южной части Аттики[1]). Филиппи старается комбинировать этимологическое значеніе именъ филъ не только съ характеромъ отдѣльныхъ частей Аттики, но, какъ мы уже видѣли, и съ извѣстіемъ о до-іоническихъ филахъ, которому онъ не рѣшается приписать историческаго значенія, но придаетъ вѣсъ народнаго преданія, сохранившаго память о самомъ фактѣ территоріальнаго дѣленія: онъ помѣщаетъ въ виду этого Гелеонтовъ въ Акте, т.-е. аѳинскую равнину, Гоплетовъ (принимая взглядъ на нихъ Шёманна) въ Діакрію, Эгикореевъ — въ Паралію, при чемъ допускаетъ, однако, для послѣднихъ двухъ филъ совмѣстное владѣніе обѣими областями, и Аргадеевъ — въ равнину Элевсинскую[2]).

Мы видимъ, что каждый изъ трехъ ученыхъ, попытавшихся примѣнить на дѣлѣ свою теорію, въ размѣщеніи филъ сообразно ха-

---

[1]) Duncker, Gesch. d. Alt. V, p. 84.

[2]) Philippi, Gesch. des att. Bürgerr., p. 271—73. Относительно Эгикореевъ его слова: „Die Paralia allein passt nicht als Wohnsitz für die Aigikoreis; sie haben ohne Zweifel auch einen Theil des inneren Berglandes, welches sich über Brilessos und Parnes nach der böotischen Grenze hin fortsetzt, eingenommen und mit den Hopleten in die Diakria in gleicher Weise sich getheilt, wie diese auch in der Paralia gesessen zu haben scheinen“.

рактеру мѣстности, сильно расходятся, правда только по отношенію къ двумъ филамъ; но Гелеонты и Гоплеты установлены ими согласно въ Аѳинахъ и въ Мараѳонѣ не на основаніи характера мѣстности, а въ виду совсѣмъ иныхъ соображеній („знать“ должна жить въ Аѳинахъ, „воины“ — спутники Іона должны были занять тетраполь) и притомъ приноравливаются къ извѣстнымъ пунктамъ, никогда отдѣльной части страны не составлявшимъ, какъ вообще они (даже Филиппи, исходящій отъ исконнаго ея дѣленія) нисколько не стѣсняются границами этихъ частей: при иныхъ соображеніяхъ можно бы было съ тою же степенью вѣроятности для Гелеонтовъ найти мѣсто въ Элевсинѣ, какъ для „жреческихъ родовъ“ (это предложилъ Ваксмутъ), а Гоплетовъ, даже въ качествѣ спутниковъ Іона, помѣстить въ аѳинскую Акте (какъ дѣлаетъ Гаммарштрандъ) [1]).

Такое несогласіе между виднѣйшими сторонниками одного ученія, хотя и не можетъ само по себѣ служить доказательствомъ его несостоятельности, вызываетъ уже извѣстное противъ него предубѣжденіе. Не говоря уже о томъ, что имена филъ, отъ коихъ они исходятъ, вовсе неопредѣленны въ своемъ значеніи, какъ мы это выше доказали, и что другое ихъ предположеніе насчетъ дѣленія Аттики на четыре части опровергается всею исторіею страны, знающею такихъ частей лишь три, коренная ошибка всѣхъ названныхъ ученыхъ состоитъ въ томъ, что они принимаютъ a priori за несомнѣнный фактъ возникновеніе всѣхъ этихъ филъ на почвѣ самой Аттики — только въ такомъ случаѣ можетъ быть рѣчь о соотвѣтствіи между ихъ названіями, обозначающими преобладающія занятія ихъ членовъ, и характеромъ занимаемыхъ ими областей. Это признаетъ вполнѣ и Филиппи, но дѣлаетъ изъ этого обратное умозаключеніе [2]): „такъ какъ тѣсное соотношеніе между

[1]) W. Wachsmuth, De trib. att. tripl. part. p. 9; Hellen. Alterthumsk. I, p. 356: Гоплеты — въ Аѳинахъ, Гелеонты — „Weihpriester von Eleusis“, двѣ остальныя филы — древнѣйшіе жители Аттики. Hammarstrand, op. l., p. 805: „wir das Gebiet der Hopleten viel eher in der Akte zu suchen haben“. Мнѣнія другихъ ученыхъ сопоставлены у Бузольта (Gr. Gesch. I, p. 392, not. 1—4).

[2]) Philippi, op. l. p. 291: „Da ein solches Verhältniss der Landschaft zu dem Charakter des Stammes in Attika sich nachweisen lässt, so waren die Stämme hier ursprünglich nicht bloss statistische Abtheilungen, wie wir z. B. die ionischen Phylen in Kyzikos wohl nennen dürfen: letztere waren sicherlich durch Colonisation überführt“.

природой мѣстности и характеромъ отдѣльныхъ племенъ въ Аттикѣ можетъ быть *доказано*", то слѣдовательно перенесеніе филъ въ нее извнѣ, какъ это принимали Курціусъ и Куторга[1]), должно считаться исключеннымъ изъ возможныхъ предположеній.

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что мы указанное соотношеніе между филами народа и частями страны вовсе не можемъ признать настолько доказаннымъ, чтобы освободить Филиппи и приверженцевъ его мнѣнія отъ доказательства, которое они должны бы были дать предварительно, что дѣйствительно тѣ филы, кои мы привыкли звать іоническими, возникли несомнѣнно на почвѣ самой Аттики, а не перенесены въ нее извнѣ. Между тѣмъ мы знаемъ, что во всѣхъ государствахъ, основанныхъ іонянами, встрѣчаются тѣ же самыя четыре филы Гелеонтовъ, Гоплетовъ, Аргадеевъ и Эгикореевъ. Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ Геродотъ, говоря, что Клисѳенъ отмѣнилъ старыя филы въ Аттикѣ, дабы „у нихъ не были тѣ же филы, какъ у іонянъ"[2]), а въ данномъ случаѣ на его свидѣтельство можно положиться; оно сверхъ того подтверждается и документальными данными, т.-е. надписями, которыя доказываютъ, что названныя филы существовали всѣ въ Теосѣ, въ Кизикѣ и Томахъ, а слѣдовательно и въ Милетѣ (какъ ихъ метрополіи), въ Перинѳѣ, слѣдовательно по всей вѣроятности и на о. Самосѣ (на томъ же основаніи), наконецъ изъ Кикладскихъ острововъ на Делосѣ[3]). Другое косвенное тому доказательство

---

[1]) Куторга (Колѣна и сословія, стран. 46) принималъ настоящее завоеваніе Аттики іонянами; объ ученіи Курціуса см. ниже.

[2]) Herodot. V, 69: *ὁ δὲ δὴ Ἀθηναῖος Κλεισθένης, δοκέειν ἐμοὶ καὶ οὗτος ὑπεριδὼν Ἴωνας, ἵνα μὴ σφίσι αἱ αὐταὶ ἔωσι φυλαὶ καὶ Ἴωσι, τὸν ὁμώνυμον Κλεισθένεα ἐμιμήσατο.*

[3]) Въ Теосѣ: Гелеонты (C. I. G. 3078, 3079); въ Кизикѣ: всѣ четыре филы (C. I. G. 3657, 3663 A, 3664—65; Mitth. VI, p. 44; B. d. C. H. VI, p. 613), къ коимъ прибавились еще двѣ — *Βωρεῖς* и *Οἰνῶπες* (cfr. Böckh ad C. I. G. II, p. 928; Marquardt, Cyzicus und sein Gebiet. 1836, p. 52) и впослѣдствіи седьмая — *Σεβαστεῖς* (cfr. Mordtmann въ Mitth. VI, p. 42, № 1 b; Kersten, De Cyzico quaestt. epigraph. 1886, p. 7); въ Томахъ: Аргадеи и Эгикореи (Millingen въ *Κωνσταντινουπ. Ἑλλην. φιλολ. συλλ.* 4, p. 105, № 4 et 5 — мнѣ недоступно было; Perrot, Mél. d'arch. p. 448); въ Милетѣ: всѣ 6 филъ (съ *Βωρεῖς* и *Οἰνῶπες*) предполагалъ по числу притаповъ уже Böckh (ad C. I. G. 2855 et 2878); о филѣ *Ἀσωπὶς* и позднѣйшихъ (клисѳеновскихъ) филахъ срвн. стран. 111, прим. 3; въ Перинѳѣ: Гелеонты, Эгикореи и Бореи (Dumont, Inscr. de la Thrace, № 72 c = Mordtmann въ Rev. Arch. XXXVI, p. 302 и въ Mitth. VI,

даетъ слѣдующее соображеніе: праздникъ Апатурій находился въ тѣсной связи со всѣмъ устройствомъ филъ и фратрій, и онъ праздновался во всѣхъ іонійскихъ городахъ (чему свидѣтельствомъ служитъ постоянно въ нихъ встрѣчающійся мѣсяцъ Апатуріонъ)[1]), мало того, по словамъ Геродота[2]), его празднованіе считалось признакомъ истинно-іоническаго происхожденія; Эфесъ и Колофонъ не праздновали Апатурій и не признавались чисто іоническими городами въ виду своего очень смѣшаннаго съ чуждыми элементами населенія, и дѣйствительно въ Эфесѣ мы находимъ филу Аргадеевъ низведенной на положеніи хиліастіи, т.-е. части филы Эфесеевъ.

Является слѣдовательно вопросъ, были ли эти „іоническія“ филы перенесены въ Іонію изъ Аттики, или наоборотъ? Филиппи, какъ мы видѣли, рѣшаетъ его весьма просто, присоединяя еще къ вышеприведенному аргументъ, что заимствованіе извнѣ филъ въ Іоніи доказывается присоединеніемъ къ нимъ новыхъ (*Οἰνῶπες*, *Βωρεῖς* въ Кизикѣ, *Ἀσωτὶς* или *Ἀσωπὶς* въ Милетѣ)[3]). Если мы даже допустимъ справедливость этого замѣчанія (могли эти филы быть

---

p. 49). На о. Делосѣ: Аргадеи (B. d. C. H. X, p. 473; cfr. V. de Schöffer, De insulae Deli rebus, p. 109).

[1]) Объ Апатуріяхъ срвн. Meier, De gentil. att., p. 11. Schömann, Gr. Alt. II, p. 521. A. Mommsen, Heortologie, p. 302; Töpffer, Att. Gen., p. 106. Мѣсяцъ *Ἀπατουριών* или *Ἀπατουρεών* встрѣчается въ календарѣ: Делоса (Homolle, Le calendrier délien въ B. d. C. H. V, p. 25; cfr. V. de Schöffer, De Deli ins. rebus, p. 31), Кизика (C. I. G. 3661, 3664), Ольбіи (C. I. G. 2083 Add. = Latyschev, I, № 28), Пріены (Newton, Br. Mus. № 415), Самоса, Тена (C. I. G. 2338). Сверхъ того Апатуріи, какъ празднество, упоминается на Хіосѣ (Suidas s. v. *Ὁμηρος)*; *Ἀπατουρία*, какъ прозвище Афродиты въ Фанагоріи (Strabo, XI, 2, 10, p. 495); Suidas s. v. *Ἀπάτουρον;* C. I. G. 2125 = Latyschev, II, 352), Аѳины въ Трезенѣ (Paus. II, 33, 1).

[2]) Herodot. I, 147: *εἰσὶ δὲ πάντες Ἴωνες ὅσοι.... Ἀπατούρια ἄγουσι ὀρτήν. ἄγουσι δὲ πάντες πλὴν Ἐφησίων καὶ Κολοφωνίων· οὗτοι γὰρ μοῦνοι Ἰώνων οὐκ ἄγουσι Ἀπατούρια.*

[3]) Относительно филъ *Βωρεῖς* и *Οἰνῶπες* уже Böckh высказалъ мнѣніе, что онѣ заключали въ себѣ туземные элементы и это принято большинствомъ ученыхъ; Marquardt, Cyzicus, p. 52; Scheffler, De rebus Teiorum, p. 48; Kersten, De Cyzico, p. 8. Вѣроятнѣе кажется предположеніе, что эти двѣ филы заключали въ себѣ эолійскихъ колонистовъ: по крайней мѣрѣ Боръ назывался тотомъ Пенеила (Hell. fr. 10: Müller, Fr. Hist. Gr. I, p. 47), то его сыномъ (Paus. II, 18, 2); Клеуасъ, сынъ Бора, былъ однимъ изъ вождей эолянъ, основавшихъ Киму Фриконійскую (Strabo, XIII, 1, 3, p. 582).

болѣе поздняго происхожденія, какъ это безъ сомнѣнія для Асопиды въ Милетѣ доказывается ея отсутствіемъ въ Кизикѣ), то не исключается этимъ возможность, чтобы филы и въ Аттику были принесены извнѣ. Еще менѣе убѣдительно другое положеніе Филиппи, что родовой строй въ Аттикѣ является въ видѣ столь законченной системы, что предположить присоединеніе высшихъ единицъ (филъ) къ уже существующей организаціи родовъ чисто-механическимъ заимствованіемъ извнѣ рѣшительно невозможно; это замѣчаніе, направленное по всей вѣроятности противъ не совсѣмъ удачно выраженнаго мнѣнія Курціуса („Geschlechter und Phratrien sind vorionisch, Die Phylen sind ionisch. Die Phylen sind von aussen nach Attika eingeführt"), не имѣетъ ни малѣйшаго основанія: конечно, нельзя думать, чтобы филы были, такъ сказать, приклеены къ готовой родовой организаціи, филы не мыслимы безъ фратрій и родовъ, но могла вся система эта быть выработанной внѣ Аттики и послѣ перенесенія на ея почву поглотить существовавшія тамъ раньше родовыя единицы, не развившіяся еще до образованія филъ — въ этомъ смыслѣ и должно понять слова Курціуса, который не могъ сказать безсмыслицы, приписываемой ему Филиппи[1]).

Съ бо́льшимъ правдоподобіемъ послѣдній могъ бы для подтвержденія аттическаго происхожденія іонійскихъ филъ сослаться на обще-распространенное мнѣніе всей древности, по которому іонійскіе города на островахъ Эгейскаго моря и на берегахъ Малой Азіи были лишь колоніями общей метрополіи Аѳинъ, заимствовавшими даже свой священный огонь съ очага Гестіи въ ихъ пританеѣ. Это преданіе мы находимъ уже у „отца исторіи", а также у Ѳукидида, и послѣ нихъ всѣ писатели единогласно повторяютъ его во славу аѳинскаго народа и государства[2]): однако, если мы

[1]) Филиппи въ данномъ мѣстѣ (op. l. p. 291, not. 113) цитируетъ третье изданіе Греческой исторіи Курціуса: въ новѣйшихъ изданіяхъ я этой фразы найти не могъ, хотя лежащая въ основѣ ея идея сохранена авторомъ: срвн. I, p. 288.

[2]) Herodot. I, 147: *εἰσὶ δὲ πάντες Ἴωνες ὅσοι ἀπ' Ἀθηνέων γεγόνασι*; VII, 95: *νησιῶται ..... καὶ τοῦτο Πελασγικὸν ἔθνος, ὕστερον δὲ Ἰωνικὸν ἐκλήθη κατὰ τὸν αὐτὸν λόγον καὶ οἱ δυωδεκαπόλιες Ἴωνες οἱ ἀπ' Ἀθηνέων*. Thuc. I, 12, 4: *Ἴωνας μὲν Ἀθηναῖοι καὶ νησιωτῶν τοὺς πολλοὺς ᾤκισαν*. Isocrat. Panath. (XII), 43, 44, p. 241 c, d: *πρῶτον μὲν τὰς Κυκλάδας νήσους, ὑπὸ Καρῶν κατεχομένας, ἐκβαλόντες ἐκείνους οὐκ ἐξιδιώσασθαι τὰς χώρας ἐτόλμησαν,*

ближе къ нему присмотримся, то увидимъ много несообразностей и противорѣчій. Страннымъ можетъ показаться самый ходъ этой колонизаціи: Аттика собственно служитъ лишь сборнымъ пунктомъ для массы бѣглецовъ и изгнанниковъ изъ разныхъ другихъ странъ Эллады, которые затѣмъ отсюда подъ предводительствомъ нѣкоторыхъ членовъ царственнаго рода *Мелантидовъ*, сыновей умершаго за отечество царя Кодра, отправляются въ Малую Азію и основываютъ здѣсь двѣнадцать городовъ іонійскихъ, находящихся подъ управленіемъ рода *Нелидовъ* — по всему видно, что сами аѳиняне поставляютъ лишь небольшую часть колонистовъ, а между тѣмъ послѣдніе успѣваютъ не только заимствовать, но и вполнѣ усвоить себѣ весь религіозно-семейный строй аѳинской общины. Страннѣе еще, что древнѣйшіе наши источники умалчиваютъ совершенно объ аттическомъ происхожденіи іонянъ. Геродотъ, правда, съ большимъ удареніемъ постоянно на него указываетъ, но именно тотъ вѣсъ, который онъ придаетъ этимъ извѣстіямъ, подрываетъ въ значительной мѣрѣ нашу въ нихъ вѣру — если бы дѣйствительно признаніе Аѳинъ за метрополію было такъ распространено и живо въ народномъ сознаніи, то ему не приходилось бы столь часто напоминать объ обще-извѣстномъ фактѣ. Гомеръ же, не говоря уже о другихъ поэтахъ, дошедшихъ до насъ въ отрывкахъ, не только нигдѣ не намекаетъ на происхожденіе іонянъ изъ Аттики (онъ вообще умалчиваетъ о іонійскихъ колоніяхъ, стараясь придать своему изложенію окраску древности), но и о самихъ аѳинянахъ упоминаетъ столь рѣдко и такъ кратко, что это несовмѣстимо съ почтеніемъ, оказываемымъ обыкновенно „ойкистамъ“; въ древнѣйшихъ частяхъ его поэмъ они нигдѣ не появляются, ихъ названіе, равно какъ имя ихъ предводителя Менестея встрѣчаются лишь въ мѣстахъ позднѣйшаго происхожденія (напр. въ каталогѣ кораблей) и часто весьма сомнительной подлинности — не подлежитъ, вѣдь, сомнѣнію, что гомеровскій текстъ прошелъ черезъ аѳинскую редакцію, но и по-

---

ἀλλὰ τοὺς μάλιστα βίου τῶν Ἑλλήνων δεομένους κατῴκισαν εἰς αὐτάς· καὶ μετὰ ταῦτα πολλὰς πόλεις ἐφ' ἑκατέρας τῆς ἠπείρου καὶ μεγάλας ἔκτισαν. Strabo, VIII, 7, 1, p. 383. Plut. De exilio 10, p. 603 A (Moral. I, p. 728, Didot). Paus. VII, 2, 1. Marmor Parium, 27: *ἀφ' οὗ Νε[ιλ]εὺς ᾤκισ[ε Μίλητον καὶ τὴν] ἄλλη[ν] ἅ[πα]σ[αν Ἰωνί]αν βασιλεύοντος Ἀθηνῶν Μέ[δοντο]ς [τοῦ Κόδρου] δεκάτου ἔτ[ους].*

слѣдняя не могла дать своимъ соотечественникамъ виднаго мѣста въ эпосѣ [1]). А между тѣмъ въ эпоху Гомера связь между Іоніей и Аттикой должна бы была быть живѣе и памятнѣе, нежели во времена Геродота! противъ этого могутъ возразить, что воспоминаніе о ней, исчезнувшее изъ народныхъ преданій, могло храниться въ культѣ и священныхъ обрядахъ (напр. Апатурій), изъ коихъ его и извлекъ и вывелъ снова на свѣтъ старательный историкъ. Но не только онъ не передалъ намъ никакого извѣстія о подобной религіозной связи, мы положительно знаемъ, что ея не существовало, такъ какъ лишь по окончательномъ установленіи аѳинской гегемоніи на Эгейскомъ морѣ по закону Ѳудиппа было опредѣлено, чтобы іоняне посылали къ Панаѳенеямъ свои жертвы (обыкновенный знакъ почета, оказываемый метрополіи колоніями) [2]) — въ древнѣйшія времена не Аѳины, а островъ Делосъ былъ религіознымъ центромъ іонянъ, сюда они ежегодно веспою посылали свои хоры и жертвоприношенія, сюда съѣзжались сами съ женами и дѣтьми на праздникъ Аполлона, а не въ Аѳины [3]).

Но скажутъ, какъ ни ослабѣла связь между Аттикой и ея іонійскими колоніями, во всякомъ случаѣ сознаніе ея поддерживалось преданіемъ объ архегетахъ изъ рода Нелидовъ, происходившаго изъ царской династіи Аѳинъ: возраженіе это имѣло бы силу, если бъ только само это преданіе было лучше засвидѣтельствовано. Дѣйствительно, въ большинствѣ, если не во всѣхъ городахъ мало-азійскихъ іонянъ царственные роды звались Кодридами и выводили свое происхожденіе отъ Нелея [4]): этого Нелея аѳиняне

---

[1]) Срвн. объ отношеніи Гомера и Геродота къ преданію объ аѳинской колонизаціи Іоніи мою диссертацію: De Deli insulae rebus, p. 13—19.

[2]) C. I. A. I, 37 (cfr. Köhler, Urkunden zur Gesch. des del.-att. Bundes 1869, p. 62; Taf. X), lin. 43: *Θούδιππος εἶπε· ὁπόσησι πόλεσι φόρος ἐτάχθη ὑπὸ τῆς βουλῆς, ᾗ Πλειστίας πρῶτος ἐγραμμάτευε, ἐπὶ Στρατοκλέους ἄρχοντος* (Ol. 88, 4 = 425/24), *βοῦν καὶ.....ἀπάγειν ἐς Παναθήναια τὰ μεγάλα ἁπάσας· πεμπόντων δὲ ἐν τῇ πομπῇ.....* Срвн. законъ о посылкѣ колоніи въ Брею, C. I. A. I, 31 A. lin. 11: *βοῦν δὲ καὶ πρόβατα δύο ἀπάγειν ἐς Παναθήναια τὰ μεγάλα καὶ ἐς Διονύσια φαλλόν.*

[3]) Hom. Hymn. in Apoll. Del. vv. 146—64.

[4]) Срвн. сопоставленія пасчетъ Кикладъ у Busolt'a, Gr. Gesch. I, p. 206; относительно 12 городовъ въ Іоніи: ibid. p. 212 и у Töpffer'a, Att. Gen. p. 234—35. Особенно характерно свидѣтельство Павсанія пасчетъ Фокеи (VII, 3, 10): *Ἰώνων δὲ οὐ δεχομένων σφᾶς εἰς Πανιώνιον πρὶν ἢ τοῦ γένους βασιλέας τοῦ Κοδριδῶν λάβωσιν.*

считали сыномъ царя Кодра, который послѣ смерти отца въ виду междоусобныхъ распрей, покинулъ родину и сдѣлался (вмѣстѣ съ нѣсколькими братьями) основателемъ іонійскихъ городовъ, предоставивъ царскую власть надъ Аѳинами брату Медону, родоначальнику династіи Медонтидовъ. Итакъ въ Іоніи мы находимъ только Нелидовъ или Кодридовъ, въ Аттикѣ лишь Медонтидовъ, связанныхъ между собою будто-бы общимъ родоначальникомъ Кодромъ — этотъ фактъ важно констатировать, такъ какъ онъ показываетъ, на какой слабой ниточкѣ держится все построеніе: естественно, что оба рода съ извѣстной достовѣрностью могли назвать только того предка, по коему они назывались — Нелея или Медона, отношеніе же къ нимъ личности Кодра является крайне проблематическимъ. Вспомнимъ далѣе, что этотъ царь вмѣстѣ съ своимъ отцомъ Мелантомъ въ аѳинскомъ преданіи являются пришельцами, стоящими внѣ генеалогіи аѳинскихъ царей, которая знаетъ лишь Тезеидовъ и Медонтидовъ[1]), что объ обоихъ извѣстно лишь по одному (чрезвычайно аналогичному между собою) подвигу[2]), что и насчетъ Кодра мнѣнія древнихъ авторовъ не сходились[3]) — все это дѣлаетъ его личность и подлинное существованіе крайне сомнительнымъ. Правда, въ Аѳинахъ существовало святилище Кодра и Нелея, недавно открытое[4]), но оно можетъ доказать лишь, что въ V-мъ в. въ Аѳинахъ вѣрили въ легенду о

---

[1]) Paus. IV, 5, 10: *τοὺς γὰρ ἀπὸ Μελάνθου, καλουμένους δὲ Μεδοντίδας*. Herodot. V, 65: *οἱ ἀμφὶ Κόδρον τε καὶ Μέλανθον, οἳ πρότερον ἐπήλυδες ἐόντες ἐγένοντο Ἀθηναίων βασιλέες*.

[2]) Мелантъ спасаетъ Аѳины отъ вторженія беотянъ, Кодръ — отъ нашествія дорянъ.

[3]) Наиболѣе прославлено древними и новыми писателями преданіе о геройской смерти царя Кодра, жизнью пожертвовавшаго за спасеніе отечества: эта версія была извѣстна уже Ферекиду (fr. 110 у Müller'a, Fr. Hist. Gr. I, p. 98 = отр. 150 у меня). Другое преданіе имѣлъ въ виду Аристотель, когда говорилъ (Politic. VIII (V), 10, p. 1310 b, 34): *ἅπαντες γὰρ εὐεργετήσαντες ..... ἐτύγχανον τῆς τιμῆς ταύτης (τῆς βασιλείας), οἳ μὲν κατὰ πόλεμον κωλύσαντες δουλεύειν, ὥσπερ Κόδρος*. Cfr. Strabo, IX, 1, 7, p. 393, у котораго Кодръ разбиваетъ дорянъ въ битвѣ.

[4]) C. I. A. IV, 2, 53 a; cfr. E. Curtius, Das Heiligthum des Neleus und der Basile въ Sitz.-Ber. der Berl. Akad. 1885, p. 437 (который говоритъ, что святилище это имѣло цѣлью „die Thaten der Auswanderer den Athenern anzueignen und das Gefühl des Zusammenhanges der beiden Gestade zu beleben") и v. Wilamowitz, Lectt. epigraph. 1885, p. 5.

нихъ, а насчетъ этого нельзя и было сомнѣваться; напротивъ это святилище до нѣкоторой степени имѣетъ, такъ сказать, остентативный характеръ, оно какъ-будто сооружено съ цѣлью служить наглядным доказательствомъ и напоминаніемъ о связи Аѳинъ и Іоніи[1]): для самихъ Аѳинъ Нелей вовсе не имѣлъ никакого значенія, а между тѣмъ въ святилищѣ онъ играетъ главную роль. Ко всему сказанному присоединяется еще слѣдующее соображеніе: колонисты, двигавшіеся на востокъ изъ Аттики подъ начальствомъ сыновей Кодра, должны бы были сначала занять Киклады, и ойкистами послѣднихъ являлись бы также Кодриды, — Геродотъ здѣсь называетъ основателями городовъ простыхъ аѳинянъ, такъ какъ очевидно на островахъ ничего не знали ни про милетскихъ Нелидовъ, ни про аѳинскихъ Медонтидовъ[2]).

Естественно возбуждается вопросъ, признавали ли сами Нелиды свое аттическое происхожденіе? Страбонъ говоритъ, что Милетъ былъ основанъ Нелеемъ, происходившимъ изъ Пилоса — это извѣстіе можно, правда, удобнымъ образомъ перетолковать, такъ какъ и отецъ Кодра выводилъ свой родъ будто бы отъ пилосскаго царя Нелея (конечно, поздпѣйшая фикція!)[3]); но какимъ образомъ объяснить въ согласномъ съ обыкновеннымъ преданіемъ смыслѣ стихи колофонца Мимнерма, что предки его явились въ Іонію, „покинувъ градъ Нелея“ (т.-е. древняго царя, отца Нестора, по коему назывался и Пилосъ)? Колофонъ, какъ извѣстно, призвалъ нѣкогда на правленіе милетскихъ Нелидовъ — на нихъ-то и ука-

---

[1]) Подобный же остентативный характеръ имѣла и надгробная надпись Кодра, дошедшая до насъ лишь въ оригиналѣ изъ императорскаго времени, но очевидно составленная гораздо раньше (C. I. A. III, 943):

Κόδρου τοῦτο πέσημα Μελανθείδαο [ἄνακτος],
ξεῖνε, τὸ καὶ μεγάλην Ἀσίδα τειχίσατο.
σῶμα δ' ὑπ' ἀκροπολῇ φέρων τάρχυσεν [Ἀθήνης]
λαὸς ἐς ἀθανάτους δόξαν ἀειραμένου.

Справедливо v. Wilamowitz замѣчаетъ (Kydathen, p. 99, not. 5), что Ἀσίδα нельзя относить къ Аѳинамъ: Кодру самому приписывается колонизація Іоніи — новая версія его легенды.

[2]) Herodot. VIII, 46 et 48.

[3]) Strabo, XIV, 1, 3, p. 633: *Μίλητον δ' ἔκτισεν Νηλεὺς ἐκ Πύλου τὸ γένος ὤν.* Подробная генеалогія рода Нелидовъ у Гелланика (fr. 10) и у Павсанія (II, 18, 8).

зываетъ іонійскій пѣвецъ, современникъ Солона[1]): значитъ, за столѣтіе до Персидскихъ войнъ въ Іоніи еще не подозрѣвали своего аттическаго происхожденія[2]).

И это очень понятно! въ началѣ VI-го вѣка Іонія находилась на высшей степени процвѣтанія, Милетъ считался царицей моря, Самосъ и Фокея соперничали съ нимъ, пытаясь завоевать себѣ такое же положеніе въ западныхъ моряхъ, какое онъ захватилъ на востокѣ, Аѳины же были ничтожнымъ городкомъ, затеряннымъ въ довольно малоплодородномъ уголкѣ Греціи, оттѣсненнымъ отъ моря своими могущественными сосѣдями, Коринѳомъ и Мегарой съ одной, Халкидой и Эретріей съ другой стороны, съ трудомъ отстаивавшимъ отъ нихъ свои берега и гавани, раздираемымъ притомъ внутренними междоусобицами! Столѣтіе спустя обстоятельства вполнѣ измѣнились: могущество и процвѣтаніе іоническихъ городовъ, подорванное уже нападеніями лидійскихъ царей, пало подъ ударами персидскихъ завоевателей, между тѣмъ какъ аѳинское государство, отстоявъ свою независимость и свободу въ тяжелой борьбѣ противъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, побѣдивъ своихъ сосѣдей силой оружія и готовясь побѣдить ихъ и въ дѣлѣ мирнаго прогресса своихъ гражданъ, являлось въ глазахъ всякаго безпристрастнаго судьи безъ сомнѣнія вторымъ въ ряду эллинскихъ общинъ — естественно было, что тѣснимые и удручаемые врагами іонійцы обращали свои взоры и надежды къ могущественной единоплеменницѣ и что по обще-эллинскому обычаю свои права на желаемую помощь и защиту они старались обосновать на легендарныхъ связяхъ старины. И аѳиняне, всегда предпріимчивые и преисполненные гордымъ самосознаніемъ, не только приняли для своего города титулъ метрополіи всей Іоніи, но и оправдали его

---

[1]) Mimnermi fr. 9, Bergk:

Ἡμεῖς δ' αἰπὺ Πύλου Νηλήιον ἄστυ λιπόντες
ἱμερτὴν Ἀσίην νησὶν ἀφικόμεθα,
ἐς δ' ἐρατὴν Κολοφῶνα βίην ὑπέροπλον ἔχοντες
ἐξόμεθ' ἀργαλέης ὕβριος ἡγεμόνες.

[2]) Ко всему вышесказанному срвн. v. Wilamowitz (Kydathen, p. 99), мою диссертацію „De Deli insulae rebus“ (p. 13 sqq.) и въ особенности Töpffer'a, Att. Gen., p. 225—240, у коего я, между прочимъ, позаимствовалъ ссылку на Мимнерма.

на дѣлѣ, отстоявъ ея независимость какъ противъ персидскаго оружія, такъ и отъ двуличной спартанской политики![1])

Таково наше воззрѣніе на генезисъ мнѣа о происхожденіи іонянъ изъ Аттики, — какъ бы то ни было, а не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію легендарный характеръ самаго разсказа. Но отрицая возможность колонизаціи іонійскаго прибрежья выходцами изъ Аттики, мы не рѣшаемся утверждать безусловно справедливости теоріи Эрнста Курціуса о противоположномъ движеніи іонянъ съ плоскогорій центральной Малой Азіи къ берегамъ Эгейскаго моря и далѣе черезъ острова въ Аттику[2]). Хотя она несравненно правдоподобнѣе легенды объ аѳинской колонизаціи Іоніи, но существуютъ и важные моменты, какъ будто говорящіе противъ нея, особенно само расположеніе двѣнадцати городовъ вдоль узкой полосы побережья, весьма понятное при колонизаціи съ моря, но трудно объяснимое при движеніи изнутри страны[3]); кромѣ того, іонійскіе

---

[1]) Herodot. IX, 106: *Ἀθηναίοισι δὲ οὐκ ἐδόκεε ἀρχὴν Ἰωνίην γενέσθαι ἀνάστατον, οὐδὲ Πελοποννησίους περὶ τῶν σφετέρων ἀποικιέων βουλεύειν.*

[2]) Впервые Э. Курціусъ изложилъ эту теорію въ монографіи: „Die Ionier vor der ionischen Wanderung“ (Berl. 1855), а затѣмъ защищалъ ее въ различныхъ изданіяхъ своей Греческой Исторіи, и если Филиппи (op. l. p. 290, not. 13) и Бузольтъ (Gr. Gesch. I, p. 35) и находятъ, что она „hat sich längst als haltlos erwiesen“, то должно сказать, что не только Schömann, нѣкогда сильно возставшій противъ этого ученія (De Ionum patria, 1856 = Opusc. I, p. 149), въ послѣднемъ трудѣ наполовину съ нимъ соглашался (Gr. Alt. I, p. 332), но и нѣкоторые новѣйшіе ученые въ большей или меньшей мѣрѣ слѣдуютъ ему. A. Holm прямо заявляетъ: „die kleinasiatische Küste und die kleinasiatischen Inseln sind altgriechisch“ (Gr. Gesch. I, p. 90); Ed. Meyer (Gesch. des Alt. I, p. 337) принимаетъ на берегахъ Малой Азіи (въ Кипрѣ и Памфиліи) эллинское населеніе задолго до іонійской колонизаціи и въ новѣйшей статьѣ (въ Philolog. N. F. B. II, p. 286) соглашается, что „das ganze Gebiet, das Mittelstück des ägäischen Meeres, sprachlich, commerciell, culturell, eine enggeschlossene Gruppe bildet, deren Einheit in der Messe von Delos Ausdruck findet“, — споръ тутъ, очевидно, идетъ лишь насчетъ словъ. Хотя не вполнѣ ясно, подобныя же воззрѣнія высказалъ I. Töpffer (въ Hermes, XXIII, p. 326) и болѣе рѣшительно — я самъ (De D. ins. rebus, p. 13). Вновь обосновалъ свой взглядъ E. Curtius въ изящной статьѣ: „Wie die Athener Ionier wurden“ (въ Hermes, XXV, p. 141—52) и въ новой книгѣ: Die Stadtgeschichte von Athen. Berlin 1891 (которою я могъ воспользоваться лишь во время печати), p. 39.

[3]) Противъ этого довода можно, пожалуй, возразить, что движеніе мало-азіатскихъ народовъ къ берегу Эгейскаго моря, закончившееся покореніемъ Іоніи лидянами, началось уже въ глубокой древности и постепенно оттѣснило эллиновъ

города во всѣхъ отношеніяхъ представляютъ намъ столько сходныхъ чертъ съ дорическими и эолическими колоніями, что приписать имъ различное происхожденіе было бы непослѣдовательностью, которую можно бы было оправдать лишь самыми безспорными доводами. Вообще относительно исторіи передвиженія различныхъ греческихъ племенъ и возникновенія древнѣйшихъ государствъ мы считаемъ и опаснымъ и безцѣльнымъ для науки выставлять слишкомъ опредѣленныя теоріи. Такъ и въ вопросѣ, насъ теперь занимающемъ, мы предпочитаемъ ограничиться общимъ положеніемъ, что четыре филы, которыя въ историческое время существовали въ Аттикѣ, зародились не на ея почвѣ, а были принесены извнѣ племенемъ, заселившимъ также многіе острова и берега Малой Азіи и получившимъ названіе іонянъ; явились ли они черезъ море изъ Азіи или же спустились съ горъ Θессаліи, на что имѣются нѣкоторыя слабыя указанія, мы рѣшить не беремся, но считаемъ это возможнымъ[1]).

Что іоняне въ Аттикѣ дѣйствительно были пришельцами, на это указываетъ и древнее преданіе, строго различающее ихъ отъ автохтоновъ, жившихъ подъ управленіемъ своихъ землерожденныхъ царей Кекропса (котораго лишь поздпѣйшая раціонализированная исторія превратила въ египтянина) и Эрехтея — двѣ вполнѣ сходныя миѳическія фигуры, коихъ природа ясно обозначается нераздѣльной отъ нихъ змѣей, обыкновеннымъ символомъ дѣтей земли *(γηγενεῖς)*, т.-е. автохтоновъ[2]). По преданію уже первый вождь іонянъ

къ берегамъ; но должно сказать, что нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ или указаній даже въ миѳахъ на то, чтобы когда-либо эллинскія племена занимали хотя бы напр. долину р. Герма.

[1]) На Θессалію мы указали какъ на родину іонянъ въ виду миѳическихъ связей, соединявшихъ не только Іона съ Эллиномъ, происходившимъ именно изъ Фтіотиды, но и Тезея съ Перивоемъ, несомнѣнно Лапиѳомъ изъ Θессалійскихъ горъ и равнины *Δώτιον πεδίον* (о немъ и его союзѣ съ главнымъ героемъ западныхъ іонянъ срвн. прекрасное изслѣдованіе I. Töpffer'a, Theseus und Peirithoos въ сборникѣ „Aus der Anomia", посвященномъ проф. К. Роберту его учениками, стран. 30—46.

[2]) Apollod. Bibl. III, 14, 1: *Κέκροψ αὐτόχθων, συμφυὲς ἔχων σῶμα ἀνδρὸς καὶ δράκοντος, τῆς Ἀττικῆς ἐβασίλευσε πρῶτος.* Hom. Il. *B*, 547: *δῆμον Ἐρεχθῆος μεγαλήτορος, ὅν ποτ' Ἀθήνη θρέψε Διὸς θυγάτηρ, τέκε δὲ ζείδωρος ἄρουρα.* О египетскомъ происхожденіи Кекропса древнѣйшее свидѣтельство, насколько мнѣ извѣстно, Schol. ad Aristoph. Plut. 773: *Κέκροψ Αἰγύπτιος ὢν τὸ γένος ᾤκησε τὰς Ἀθήνας, ὅθεν οἱ Ἀθηναῖοι Κεκροπίδαι* (cfr. Diodor. I, 28:

Ксуѳъ, занявъ т.-наз. марафонскую тетраполь, помогаетъ аѳинскому царю Эрехтею противъ эвбейцевъ и въ награду получаетъ руку царской дочери Креузы, а его сынъ (или сынъ Аполлона) Іонъ, настоящій эпонимъ племени, основатель 12 іонійскихъ городовъ въ Пелопоннесской Эгіалеѣ, оттуда является на помощь дѣду противъ воинственныхъ элевсинскихъ ѳракійцевъ[1]), — Аристотель называетъ его по примѣру Геродота „военачальникомъ“ аѳинянъ и видитъ въ немъ прообразъ позднѣйшаго полемарха[2]).

Конечно, никто не станетъ ручаться за достовѣрность всѣхъ этихъ сказаній, можно даже предполагать не безъ основанія, что никогда іоняне не владѣли Эгіалеей: сказаніе это возникло главнымъ образомъ отъ этимологическаго сопоставленія (притомъ невѣрнаго) Посейдона Геликонійскаго (*Ἑλικώνιος*), коего культъ на мысѣ Микалѣ служилъ связующимъ звеномъ между мало-азійскими іонянами, съ тѣмъ Посейдономъ, который чтился въ Эгіонѣ близъ ахейской Геликн (*Ἑλίκη*), центра Эгіалеи; отчасти оказала вліяніе и аналогія между 12 городами послѣдней и тѣмъ же числомъ іонійскихъ колоній, участвовавшихъ въ Паніоніи. Гомеровскій эпосъ во всякомъ случаѣ ничего не знаетъ о пребываніи іонянъ въ Пелопоннесѣ, и не слишкомъ смѣло будетъ предположить, что дальше занятія нѣкоторыхъ прибрежныхъ пунктовъ ихъ владычество на островѣ Пелопса не шло; изъ таковыхъ на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ назвать не города сѣвернаго побережья, а т.-наз. Арголидской Акте, гдѣ они оставили не мало слѣдовъ сво-

---

καὶ τοὺς Ἀθηναίους δέ φασιν ἀποίκους εἶναι Σαϊτῶν τῶν ἐξ Αἰγύπτου), такъ что вѣроятнѣе всего предположить, что сказаніе это сложилось въ кругахъ александрійскихъ ученыхъ и поэтовъ.

[1]) Легенда о Ксуѳѣ и Іонѣ приблизительно одинаково передана въ общихъ чертахъ у Страбона (VIII, 7, 1, p. 383) и у Павсанія (VII, 1, 2). Аттическое преданіе, какъ оно изложено въ Эврипидовскомъ Іонѣ, дѣлало его сыномъ Креузы, дочери Эрехтея, и Аполлона *Πατρῷος*, коего поклоненіе онъ ввелъ въ Аѳинахъ (Aristot. fr. 381). Вѣроятнѣе всего предположеніе К. О. Мюллера (Prol. zu einer wiss. Myth., p. 274), который видитъ въ Ксуѳѣ прозвище самого Аполлона, впослѣдствіи обособившееся въ отдѣльнаго героя, какъ Эрехтей изъ *Ποσειδῶν Ἐρεχθεύς* (*ξουθὸς* = *ξανθός*, по его мнѣнію). Срвн. сопоставленіе различныхъ версій легенды о Іонѣ у Stoll'я въ Roscher's Myth. Lex. II, p. 290.

[2]) Herodot. VIII, 44: *Ἴωνος δὲ τοῦ Ξούθου στρατάρχεω γενομένου Ἀθηναίοισι.* Aristot. Ath. Pol. 3, 2: *δευτέρα δ' ἐπικατέστη πολεμαρχία διὰ τὸ γενέσθαι τινὰς τῶν βασιλέων τὰ πολέμια μαλακούς, πρῶτον δὲ τὸν Ἴωνα μετεπέμψαντο χρείας καταλαβούσης.* Cfr. Paus. VII, 1, 9.

его пребыванія особенно въ Трезенѣ, тѣсно связанномъ въ миѳахъ и культахъ съ Аѳинами[1]).

Изъ Трезена же былъ родомъ и главный герой, по крайней мѣрѣ, западной вѣтви іоническаго племени, Тезей, сынъ Эгея, т.-е. бога Эгейскаго моря — Посейдона. Хотя его громкая слава произведеніе позднѣйшей эпохи, какъ доказываетъ молчаніе о немъ гомеровскаго эпоса (всѣ мѣста, гдѣ онъ упоминается, интерполированы), хотя онъ лишь весьма поздно проникъ въ генеалогію аѳинскихъ царей (быть можетъ, не ранѣе Солона и Писистрата) и только постепенно и по соперничеству съ дорическимъ Геракломъ достигъ того подавляющаго значенія, которое характеризовано въ насмѣшливой фразѣ *οὐκ ἄνευ γε Θησέως* (ничто безъ Тезея!): тѣмъ не менѣе сама его личность и нѣкоторыя о немъ легенды принадлежатъ уже древнѣйшимъ временамъ, чему несомнѣннымъ свидѣтельствомъ служитъ изображеніе миѳа о похищеніи Елены на памятникѣ коринѳскаго происхожденія, ларцѣ Кипсела. Онъ долгое время велъ скромное существованіе въ Трезенѣ, прежде чѣмъ, переселившись въ Аѳины и сдѣлавшись героемъ аѳинской демократіи, возвысился на степень представителя іонійскаго племени. Какъ ни темны и запутаны эти легенды, какъ ни опасно на такой почвѣ строить историческія заключенія, одно можно сказать, кажется, съ полной увѣренностью: какъ Іонъ съ своимъ отцомъ Ксуѳомъ-Аполлономъ, такъ и Тезей съ родителемъ Эгеемъ-Посейдономъ на почвѣ Аттики являются пришлецами съ чужбины[2]), прибывшими послѣ долгаго

[1]) На пребываніе Іонянъ въ Арголидѣ (ихъ признаютъ здѣсь и Furtwängler-Löschcke, Myk. Vasen, p. XI и E. Curtius въ Hermes. XXV, p. 149) и особенно въ Трезенѣ несомнѣнно указываетъ іонійскій діалектъ, господствовавшій и въ V-омъ в. въ колоніи трезенской, Галикарнассѣ; это же подтверждаетъ и прозвище Аѳины *Ἀπατουρίας*, чтимой въ Трезенѣ (Paus. II, 33, 1), хотя я не знаю, можно ли изъ послѣдняго заключить, что еще въ историческія времена здѣсь совершался этотъ чисто-іоническій праздникъ.

[2]) Относительно Іона и его отца см. выше. Эгей этимологически происходитъ отъ *αἶγες* = гребни волнъ (G. Curtius, Gr. Etym.[5] p. 180) и былъ первоначально прозвищемъ Посейдона, какъ показываютъ многочисленныя имена городовъ въ родѣ *Αἴγιον, Αἰγαί,* и мѣстностей — *Αἰγίαλος, Αἰγάλεος,* гдѣ обыкновенно намъ и засвидѣтельствованъ культъ этого бога. „Aigeus der zum Heros gewordene Poseidon selbst“ (Preller, I, p. 472). Въ Аѳинахъ онъ и его сынъ считались пришельцами: Паллантиды гнѣваются, *εἰ βασιλεύει μὲν Αἰγεὺς θητὸς γενόμενος Πανδίονι καὶ μηδὲν Ἐρεχθείδαις προσήκων, βασιλεύσει δ' ὁ Θησεὺς πάλιν ἔπηλυς ὢν καὶ ξένος* (Plut. v. Thes. 13; cfr. cap. 32). Cfr. C. Wachsmuth, Die Stadt Athen. I, p. 450.

странствованія съ востока и съ запада и только силой оружія своего и личной отвагой завоевавшими себѣ мѣсто среди враждебно къ нимъ относящихся туземцевъ-автохтоновъ; оба они принадлежатъ, если не одному времени, то той же исторической эпохѣ, именно періоду постепеннаго объединенія аѳинскаго государства изъ массы мелкихъ самостоятельныхъ общинъ — объединенія, коего главными носителями они и должны считаться.

Здѣсь въ ходѣ нашего разсужденія мы дошли до пункта, гдѣ мы должны коснуться особаго вида дѣленія Аттики, которое обращало всегда на себя общее вниманіе всѣхъ изслѣдователей древнеаттической исторіи и причинило имъ не мало затрудненій, такъ какъ никоимъ образомъ его не удавалось примирить съ дѣленіемъ на филы, фратріи и т. д. Первый изъ историковъ древности, который о немъ упоминаетъ, Ѳукидидъ, въ краткихъ словахъ повѣствуетъ, что до Тезея Аттика распадалась на нѣсколько самостоятельныхъ общинъ съ независимымъ управленіемъ, но Тезей путемъ мирнаго убѣжденія побудилъ ихъ соединиться воедино и признать Аѳины общимъ центромъ управленія, т.-е. сталъ виновникомъ синойкизма аѳинскаго народа, въ честь чего еще въ историческія времена праздновались 16-го Гекатомбеона „синойкіи“[1]). Позднѣйшіе писатели, въ томъ числѣ Филохоръ, знаютъ не только въ точности, что этихъ городовъ, объединенныхъ Тезеемъ, было не больше, не меньше двѣнадцати, но даже называютъ и ихъ имена; у Страбона, сохранившаго намъ данное извѣстіе мы читаемъ слѣдующія одиннадцать: Кекропія (т.-е. Аѳины), Тетраполь, Эпакрія, Декелея, Элевсинъ, Афидна, Торикъ, Бравронъ, Китеръ, Сфеттъ, Кефисія, двѣнадцатое въ лучшихъ рукописяхъ выпало и восполнено по догадкѣ въ худшихъ названіемъ аѳинской гавани Фалера[2]).

---

[1]) Thuc. II, 15; Schol. ad. Aristoph. Pac 1019. О синойкіяхъ срвн. A. Mommsen, Heortologie, p. 111—16, v. Wilamowitz, Kydathen, p. 120, not. 36. C. Wachsmuth, op. l. I, p. 454; E. Curtius, Stadtgesch. von Athen, p. 41, 57. Оба послѣднихъ ученыхъ видятъ въ этомъ празднествѣ воспоминаніе о соединеніи отдѣльныхъ поселеній города Аѳинъ: вѣрнѣе будетъ съ Виламовитцемъ признать позднее его установленіе, такъ какъ совершеніе его было препоручено стратегамъ, магистратамъ новѣйшаго происхожденія (C. I. A. II, 741 A. lin. 31—32).

[2]) Strabo, IX, 1, 20, p. 397: *φησὶ Φιλόχορος, πορθουμένης τῆς χώρας, Κέκροπα πρῶτον εἰς δώδεκα πόλεις συνοικίσαι τὸ πλῆθος, ὧν ὀνόματα· Κεκροπία, Τετράπολις, Ἐπακρία, Δεκέλεια, Ἐλευσίς, Ἄφιδνα, Θόρικος, Βραυρών, Κύθηρος, Σφηττός, Κηφισιά* [*Φάληρος*].

Большинство ученыхъ принимало это преданіе на вѣру и старалось его примирить со схемой четырехъ филъ и двѣнадцати фратрій. Тѣ, которые съ Бёкомъ во главѣ видѣли въ филахъ настоящія касты, естественно полагали, что послѣдняя организація повторялась совершенно одинаковымъ образомъ во всѣхъ двѣнадцати общинахъ. Они должны были исходить изъ предположенія первоначальнаго единства Аттики (какъ и нѣкоторые древніе писатели приписывали устройство этихъ общинъ Кекропсу, видя въ немъ властителя всей Аттики), такъ какъ иначе немыслимо, чтобы двѣнадцать разъ то же устройство возникло совершенно независимымъ образомъ[1]). Но и въ такомъ случаѣ чрезвычайно насъ поражаютъ эти двѣнадцать обществъ (фратрій) въ каждомъ городѣ, которыя между собою не имѣютъ религіозной связи, но представляютъ таковую по отношенію къ соотвѣтствующимъ частицамъ той же фратріи въ остальныхъ одиннадцати чуждыхъ городахъ! Еще страннѣе, быть можетъ, что послѣ Тезеева синойкизма всѣ двѣнадцать частицъ напр. фратріи Ахніадовъ, всѣ тридцать шесть напр. филы Гелеонтовъ изъ всѣхъ концовъ страны соединяются вмѣстѣ и срастаются въ одно тѣло такъ, какъ будто бы никогда онѣ не распадались! И это затрудненіе еще возрастаетъ, если принять, что дѣленіе шло первоначально еще дальше, что и каждый родъ дробился на двѣнадцать частей и встрѣчался въ каждомъ изъ городовъ!

Эти несообразности были одною изъ главнѣйшихъ причинъ, почему теорія территоріальнаго дѣленія филъ мало-по-малу совершенно вытѣснила предыдущую: она представляла ту выгоду, что можно было приравнять каждый до-тезеевскій городъ одной изъ фратрій, какъ это и сдѣлало большинство, а въ филахъ видѣть религіозную амфиктіонію трехъ сосѣднихъ общинъ, которая не вполнѣ потеряла свое значеніе и послѣ объединенія ихъ въ одно государство[2]). Была даже сдѣлана попытка распредѣлить 12 горо-

[1]) Поэтому Meier (De gentil. att. p. 9) отрицаетъ связь между 4 (кастовыми) филами и 12 фратріями, которыя онъ распредѣляетъ по отдѣльнымъ городамъ; Ilgen (De trib. att., p. 72) приходитъ къ выводу, что фратріи и роды болѣе поздняго происхожденія, нежели филы (т.-е. относитъ ихъ возникновеніе ко времени Тезеева синойкизма): „serius longe, quam tribus illas divisiones ortas esse, non obscura docent indicia, de quibus alio loco disputabimus“. Срвн. Zelle, Beiträge, p. 11; Philippi, op. l., p. 250.

[2]) Такъ рѣшаетъ этотъ вопросъ уже Ignarra (De phratriis, p. 16 sqq.), коего

довъ по четыремъ филамъ или областямъ. Шёманнъ предложилъ слѣдующую комбинацію: Акте (фила Гелеонтовъ) заключала Кекропію, Фалеръ, Элевсинъ; Месогея (Аргадеп) — Афидну, Декелею, Кефисію; Діакрія (Гоплеты) — Тетраполь, Китеръ, Епакрію; Паралія (Эгикореи) — Бравронъ, Торикъ, Сфеттъ[1]). Несмотря на кажущуюся заманчивость этой теоріи, противъ нея можно выставить прежде всего общее соображеніе, что имена сіи плохо засвидѣтельствованы: древнѣйшій авторъ Ѳукидидъ знаетъ, что до Тезея въ Аттикѣ существовало нѣсколько самостоятельныхъ общинъ, но число ихъ ему было неизвѣстно — откуда, столѣтіе спустя, Филохоръ могъ почерпнуть столь точныя свѣдѣнія? Кромѣ того, не говоря уже о Фалерѣ, никогда не могшемъ быть независимымъ городомъ, насъ изумляетъ имя „Кекропіи“ для Аѳинъ — очевидно авторъ списка по собственной фантазіи, вообразивъ себѣ, что Аѳинами была названа объединенная община, изъ поэтическаго прозвища Кекропіи создалъ настоящее (никогда не существовавшее) имя; также нѣсколько сомнительнымъ можетъ показаться, что на ряду съ именами отдѣльныхъ городковъ мы встрѣчаемъ и названія двухъ союзовъ нѣсколькихъ общинъ, каковыми были Тетраполь (очевидно мараѳонская) и Эпакрія; наконецъ если предположить, что фратріи соотвѣтствовали вполнѣ отдѣльнымъ общинамъ (на этомъ, вѣдь, основывается вся теорія), то слѣдовало бы ожидать, что всѣ названія тѣхъ и другихъ совпадаютъ, а между тѣмъ не только Ахніады (на что указывалъ уже Целле)[2]), но и всѣ другія извѣстныя намъ имена фратрій, Демотіониды, Діалеи, Закіады, Терриконіды разнятся вполнѣ отъ названій двѣнадцати городовъ. Еще

слова не лишнимъ будетъ привести, такъ какъ сочиненіе это очень рѣдко: „His igitur animadversis collatisque simul Thucydide, Strabone et Etymologo, nullus, puto, relinquitur dubitationi locus, quin Cecrops I qui Atticam reperit pagatim habitatam, eam in XII civitates distribuerit. Sed Meursius et Corsinus ultro fatentur, Atticam in IV tribus ac XII phratrias fuisse a Cecrope I divisam; necessario inde consequitur unum eundemque Cecropem et quidem huius nominis primum utrique operi vacasse ac idem significasse phratriam et civitatem“. Разсужденія неаполитанца теперь могутъ у насъ вызвать улыбку, но его выводъ неизбѣженъ при вышеуказанныхъ предположеніяхъ.

[1]) Schömann, De phratriis, p. 7; также въ Antiqq., p. 164.

[2]) Zelle (Beiträge zur älteren Verfassungsgesch. Athens, 1850) для древнѣйшаго времени принимаетъ „einen ursprünglich castenartigen Zustand“ (p. 5), но полагаетъ, что этотъ порядокъ еще до Тезея уступилъ территоріальному прин-

важнѣе, быть можетъ, чѣмъ всѣ эти частныя возраженія, является представляющаяся намъ дилемма: или союзъ трехъ общинъ — фратрій, входившихъ въ составъ одной области — филы, былъ настолько тѣсенъ, что собственно о самостоятельномъ существованіи отдѣльныхъ городковъ и говорить нельзя; или же, принявъ за достовѣрную истину послѣднее, мы остановимся снова передъ затруднительнымъ вопросомъ, какъ могли отдѣльныя независимыя фратріи по одному мановенію законодателя не только срастись въ цѣльныя филы, но даже уступить послѣднимъ первенствующую роль въ государственной жизни? какъ справедливо замѣчаетъ Филиппи, мы должны были бы ожидать въ Аѳинахъ встрѣтить не филобасилеевъ, какъ помощниковъ царя, а фратріарховъ[1]).

Поэтому уже Гаазе, которому слѣдуетъ Филиппи, развившій подробнѣе его мысль, отдалъ предпочтеніе другому свидѣтельству, признающему въ Аттикѣ лишь четыре самостоятельныхъ общины[2]): именно Etymologicum Magnum и Suidas утверждаютъ, что Кекропсъ учредилъ, правда, двѣнадцать общинъ, но лишь одной изъ нихъ, названной по немъ Кекропіей (т.-е. Аѳинамъ) далъ автономію, изъ остальныхъ же образовалъ двѣ группы по четыре — двѣ тетраполи и одну изъ трехъ городовъ — Эпакрію, иными словами — раздѣлилъ Аттику на четыре части[3]). Гаазе и Филиппи не только признаютъ это извѣстіе за болѣе достовѣрное, но и считаютъ его источникомъ Филохора, видя у Страбона лишь искаженіе того же

цину, который однако „durch ihre Unterabtheilungen zugleich das Gepräge des Geschlechtlichen erhielt“ (p. 12). Далѣе онъ сопоставляетъ 12 городовъ съ 12 фратріями, но замѣчаетъ (p. 13): „es ist auffallend, dass der Name einer Phratrie *Ἀχναδῶν* (C. I. G. 463) vorkommt, der sich unter den 12 Städten nicht findet; eine vollkommene Übereinstimmung von Städten und Phratrien können wir daher nicht annehmen, was auch noch damit zusammenhängt, dass das Princip beider Eintheilungen nicht dasselbe ist“.

[1]) Philippi, op. l., p. 256.

[2]) Haase, Athen. Stammverf., p. 67 sqq. Philippi, op. l., p. 260. Имъ возражалъ Hammarstrand, op. l., p. 822 и Gilbert, Die altattische Komenverfassung въ N. Jahrbb. f. Phil. S.-B. VII, p. 203.

[3]) Etym. Magn. s. v. *Ἐπακρία χώρα* (дословно Suidas s. v. *Ἐπακτρία χώρα*): *Ἀθηναίους πάλαι κωμηδὸν οἰκοῦντας πρῶτος Κέκροψ συναγαγὼν κατῴκισεν εἰς πόλεις δυοκαίδεκα· καὶ τὴν τῶν πολιτῶν ἐπωνυμίαν ἀφ' ἑαυτοῦ Κεκροπίαν προσηγόρευσε· δύο δὲ τετραπόλεις ἐκάλεσεν, ἐκ τεσσάρων πόλεων ἑκατέραν μοῖραν καταστήσας· τρεῖς δὲ τὰς λοιπὰς ἐπακρίδας ὠνόμασε, καὶ ἡ προσεχὴς χώρα ταύταις ταῖς τρισὶν ὁμωνύμως αὐταῖς ἐπακρία ἐκαλεῖτο.*

свидѣтельства: такъ какъ Филохоръ сначала упоминалъ о двѣнадцати городахъ, а затѣмъ называлъ лишь Кекропію, двѣ тетраполи, Эпакрію, то Страбонъ принялъ по ошибкѣ эти имена за названія четырехъ изъ двѣнадцати πόλεις и отъ себя по догадкѣ прибавилъ тѣ восемь, которыя встрѣчаются въ лучшихъ рукописяхъ; затѣмъ по недосмотру переписчика въ его текстѣ послѣ слова τετραπόλεις была опущена цыфра β′ (два), такъ что осталось лишь одиннадцать именъ — этотъ новый недочетъ какой-нибудь читатель пополнилъ припиской Фалера, каковое чтеніе и перешло въ менѣе авторитетныя рукописи.

Подобное предположеніе само по себѣ было бы не вполнѣ невозможно, хотя такая грубая ошибка у Страбона (или его источника) и еще болѣе дерзкая интерполяція представляетъ мало за себя вѣроятій, если бы у обоихъ защитниковъ не выступала слишкомъ очевидная petitio principii: для ихъ теорій необходимо дѣленіе Аттики на четыре части, а потому они готовы были приписать бо́льшую достовѣрность всякому извѣстію, которое они могли подвести подъ этотъ знаменатель, и отвергнуть или по крайней мѣрѣ заподозрить всякое свидѣтельство, противорѣчащее ихъ предвзятымъ мнѣніямъ. И въ данномъ случаѣ имъ желательно было для своихъ построеній воспользоваться громкимъ авторитетомъ знаменитѣйшаго аттидографа! Но первый принципъ разумной критики — не насиловать историческое преданіе въ угоду личнымъ мнѣніямъ, а разбирать его сначала само по себѣ и производить ему независимую оцѣнку: такъ, въ данномъ случаѣ уже съ внѣшней стороны свидѣтельство Страбона a priori далеко превосходитъ цѣнность извѣстій такихъ источниковъ, какъ названныя хранилища всякаго хлама[1]). Но и со стороны внутренняго содержанія не мо-

[1]) Относительно статьи Этимологика Sylburg и Küster совершенно справедливо замѣтили (см. у Haase, op. l., p. 67, not. 11), что она не вполнѣ критически безупречна: по ихъ мнѣнію *Κεκροπία* можетъ означать только всю страну (Apollod. Bibl. III, 14, 1; Steph. Byz. s. v. *Κεκροπία*, Marm. Par. 1), а не одинъ городъ Аѳины. Гаазе противъ этого возражаетъ, ссылаясь на мѣста поэтовъ и свидѣтельство Страбона; но критики правы въ томъ, что слова Этимологика не могутъ быть иначе поняты, какъ о всѣхъ гражданахъ Аттики. Я дѣлаю изъ этого выводъ, что въ основѣ лежитъ извѣстіе Филохора (съ городомъ Кекропіей), но оно было преобразовано какимъ-нибудь позднѣйшимъ антикваріемъ и въ такомъ видѣ дошло до автора Этимологика, при чемъ подверглось новому искаженію: Кекропія была принята (въ обыкновенномъ смыслѣ) за названіе всей страны Аттики.

жетъ быть сомнѣнія, какому преданію отдать предпочтеніе — увлекшись своими цѣлями, Гаазе и Филиппи даже не обратили должнаго вниманія на то, что указанныя въ Этимологикѣ области намъ до нѣкоторой степени извѣстны: тетраполь одна, марафонская, состояла изъ четырехъ мѣстечекъ, Ойнои, Пробалинѳа, Трикориѳа и Марафона[1]), Эпакрія и въ историческое время заключала въ себѣ Плоѳею, Семахиды и еще третій демъ[2]); другая тетраполь, по мнѣнію Бёка, соотвѣтствовала союзу т.-наз. *τετράκωμοι*, въ составъ коихъ входили демы Фалеръ, Пирей, Ксипета и Тимойтады, или, по воззрѣнію Гаазе, обществу Месогейцевъ, группировавшемуся вокругъ дема Бате (нынѣшней Патисіи[3]) — во всякомъ случаѣ вмѣстѣ взятыя они не составляли и десятой части Аттики.

Филиппи старается подтвердить свою теорію разсужденіемъ о постепенномъ развитіи литературнаго преданія и о взаимномъ отношеніи различныхъ авторовъ и при этомъ дѣлаетъ нѣкоторыя справедливыя замѣчанія, но самъ отнимаетъ у себя возможность достигнуть истины, находясь подъ гнетомъ предвзятой мысли. Его разсужденія вкратцѣ слѣдующія: древнѣйшее народное преданіе знало до Тезея лишь четырехъ царей — Кекропса, Пандіона, Эрехтея и Эгея; первые историки Аѳинъ, логографы Ферекидъ и Гелланикъ, создали генеалогическую таблицу аѳинскихъ царей, коихъ число они увеличили до десяти, и вмѣстѣ съ тѣмъ представили Аттику въ видѣ монархіи подъ главенствомъ этихъ басилеевъ, которые, по ихъ мнѣнію, были виновниками областнаго дѣленія на четыре филы, мѣняя по своему произволу ихъ имена, но удерживая

---

[1]) Strabo, VIII, 7, 1, p. 383. Другія мѣста срвн. у Gurlitt'a, De tetrapoli attica. 1867, p. 3, not. 1. О положеніи четырехъ демовъ: у него же, Cap. I, De tetrapolis situ; Leake, Demen von Attica, p. 83; Lolling, Zur Topographie von Marathon (Mitth. I, p. 67); Kastromenos, Die Demen von Attica, 1886 (содержаніе не соотвѣтствуетъ самомнѣнію автора), p. 61. Декретъ жителей Тетраполя, гдѣ упоминается архонтъ и четыре *ἱεροποιοί*, по одному изъ каждаго мѣстечка, издалъ Lolling въ Mitth. III, p. 261 (= Ditt. S. I. G. 304).

[2]) О Плоѳеѣ принадлежность ея къ союзу эпакріевъ засвидѣтельствована надписью (C. I. A. II, 570, lin. 30): срвн. Böckh ad C. I. G. I, 82, p. 122; Leake, op. l., p. 114. О Семахидахъ срвн. Steph. Byz. s. v.: *Φιλόχορος δὲ τῆς Ἐπακρίας φησὶ τὸν δῆμον*.

[3]) Böckh въ C. I. G. I, p. 122; объ этихъ *τετράκωμοι* cfr. Poll. IV, 105. Сакральный союзъ месогейцевъ упоминается: C. I. A. 602, 603; *Ἀθην.* VIII, p. 232, № 2; 233, № 3. Демъ *Βατὴ* локализовалъ въ *Πατήσια* Dragumis въ *Ἐφ. Ἀρχ.* 1884, p. 31.

ихъ первоначальный, территоріальный характеръ. Ѳукидидъ пошелъ дальше, и оставивъ традиціонную исторію царскаго періода безъ вниманія, установилъ какъ первоначальное состояніе Аттики — ея раздѣленіе на нѣсколько частей (конечно, на четыре!), соединенныхъ лишь въ синойкизмѣ Тезея. Какъ объединили оба противорѣчащихъ преданія аттидографы съ Филохоромъ во главѣ, неизвѣстно по недостатку отрывковъ; но не подлежитъ сомнѣнію, что они, занимаясь собираніемъ мѣстныхъ сказаній (Localtraditionen), какъ они хранились преимущественно въ культѣ, постарались точнѣе опредѣлить четыре самостоятельныхъ общины до-тезеевскія или филы: послѣднія являются „для насъ древнѣйшимъ доступнымъ доказательству состояніемъ аттической страны[1])".

Въ своемъ разсужденіи Филиппи только доказалъ, что онъ самъ могъ бы съ успѣхомъ продолжать полезную работу аттидографовъ — униформированіе различныхъ традицій и подведеніе ихъ подъ общую схему единой нераздѣльной, хотя и не вполнѣ окрѣпшей аѳинской монархіи. Онъ ошибается, если говоритъ, что мы не знаемъ, какъ они примиряли воззрѣніе Ѳукидида съ изложеніемъ логографовъ, — Филохоръ, нисколько не стѣсняясь Ѳукидидомъ, заставляетъ Кекропса устроить систему додекаполя, т.-е. признаетъ его единымъ властителемъ единой Аттики, и конечно, приписывалъ синойкизмъ Тезею на томъ же основаніи. Притомъ должно сказать, при всемъ уваженіи къ критическому таланту Ѳукидида, что вовсе не видно, чтобы онъ на древнѣйшую аттическую исторію смотрѣлъ иными глазами: онъ, правда, не называетъ по именамъ аѳинскихъ царей, изъ чего не слѣдуетъ еще, чтобы онъ отвергалъ ихъ существованіе (вѣдь, считаетъ же онъ Пелопса, Атрея, Агамемнона вполнѣ историческими личностями и пресерьезно разсуждаетъ о царѣ Терео, зятѣ аѳинскаго Пандіона); но на какомъ же основаніи, по его мнѣнію, могъ Тезей произвесть синойкизмъ городовъ, какъ не въ качествѣ царя всей Аттики?[2]) При такихъ обстоятельствахъ

---

[1]) Philippi, op. I, p. 262—69: „Der älteste für uns nachweisbare Zustand des attischen Landes sind also vier Phylen mit zusammenhängenden Gebieten ..... Einzelne unter den von Strabo, Etym. M. und Suidas genannten Städten mögen Phratriensitze mit früherer Autonomie gewesen sein".

[2]) Thucyd. I, 9 (объ Агамемнонѣ и Пелопидахъ); II, 29 (о Терео и Пандіонѣ съ разсужденіемъ о мотивахъ брачнаго союза); II, 15: *ἐπὶ γὰρ Κέκροπος καὶ τῶν πρώτων βασιλέων ἡ Ἀττικὴ ἐς Θησέα ἀεὶ κατὰ πόλεις ᾠκεῖτο*

мы не считаемъ вовсе невозможнымъ, чтобы самъ Филохоръ въ одно и то же время приписывалъ Кекропсу и раздѣленіе народа на четыре филы, и устройство 12 городовъ, нисколько не задумываясь надъ кроющимся въ томъ противорѣчіи. Могъ же Геродотъ всю реформу филъ, произведенную Клисѳеномъ, мотивировать нежеланіемъ „имѣть тѣ же филы, какія были у іонянъ“ и сопоставить какъ вполнѣ аналогичную мѣру съ переименованіемъ трехъ знатныхъ дорическихъ филъ въ Сикіонѣ въ „Свиньшниковъ“, „Поросятинъ“, „Ослятинъ!“ [1]) Если человѣкъ недюжинныхъ способностей и обширныхъ познаній могъ подобнымъ образомъ судить о государственномъ переворотѣ, произошедшемъ чуть ли не на его глазахъ, то что же требовать отъ простыхъ собирателей миѳовъ и легендъ? развѣ того, чтобы они эти самыя преданія сообщали потомству просто, безъ прикрасъ и „не мудрствуя лукаво“, — къ сожалѣнію они этого правила далеко не всегда держались и часто наивность древнихъ сказаній замѣняли пошлымъ раціонализмомъ!

Наша первая обязанность, слѣдовательно, стараться различить по возможности отдѣльныя наслоенія легенды, не смѣшивая ихъ между собою и не пытаясь искусственнымъ образомъ примирить ихъ противорѣчія, а лишь констатировать таковыя. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что вся древнѣйшая исторія Аѳинъ является созданіемъ общихъ усилій генеалоговъ и поэтовъ V-го вѣка, быть можетъ отчасти конца VI-го: народное преданіе глухо лишь говорило о двухъ близкихъ по характеру автохтонахъ Кекропсѣ и Эрехтеѣ, правившихъ въ Аѳинахъ, но не основавшихъ даже династіи (личность Пандіона, вступающаго на престолъ лишь для того, чтобы раздѣлить царство между дѣтьми, безъ сомнѣнія позднѣйшаго происхожденія); точно такъ же и въ другихъ частяхъ Аттики жили и дѣйствовали независимо подобные же герои, Муниxъ на полуостровѣ того же имени, Келей, Триптолемъ, Эвмолпъ въ Элевсинѣ, Кефалъ въ Торикѣ, Палладъ съ 50 сыновьями на Гиметтѣ и т. д.[2]) Такія

..... καὶ ὁπότε μή τι δείσειαν, οὐ ξυνῆσαν βουλευσόμενοι ὡς τὸν βασιλέα.

[1]) Herodot. V, 68—69; имена сикіонскихъ филъ: *Ὑᾶται, Ὀνεᾶται, Χοιρεᾶται.*

[2]) Cfr. v. Wilamowitz, Kydathen, p. 123 sqq. О Пандіонѣ онъ же говоритъ: „Pandion ist ein schattenhafter König; einer der nur als Vater Existenz hat“ и толкуетъ его несомнѣнно справедливо, какъ „Heros der Pandia“. О Кефалѣ cfr. Töpffer, Att Gen. p. 255 sqq.

легенды, предполагавшія раздробленность страны и ограничивавшія кругъ власти аѳинскихъ царей, были неудобны какъ для патріотическаго самолюбія аѳинскихъ поэтовъ, такъ и для систематическихъ наклонностей генеалоговъ — тѣ и другіе принялись за работу. Между тѣмъ какъ первые постарались преимущественно дать болѣе жизненности образамъ древнихъ аѳинскихъ царей, коихъ власть они распространили на всю Аттику, вторые по возможности удлиняли ихъ генеалогическую линію (отчасти изъ желанія приравнять ее хронологически съ болѣе длинными рядами сикіонскихъ и аргивскихъ царей), при чемъ они то удвоивали уже существующія имена (Кекропса, Пандіона), то включали въ списокъ мѣстныхъ героевъ (Огига, Муниха)[1]; у послѣднихъ вообще и тѣ и другіе старались отнять ихъ права на самостоятельное существованіе, такъ или иначе присоединяя ихъ къ „законной“ династіи (Эрисихтонъ, герой Празій, сталъ сыномъ Кекропса, Паллантъ — братомъ Эгея)[2].

Но несмотря на всѣ старанія оказалось невозможнымъ стереть всѣ слѣды, слишкомъ очевидные, исконной раздробленности аттической страны: о ней говорили не только мѣстныя легенды, которыхъ не удалось вполнѣ заглушить и славнымъ произведеніямъ Софокла и Эврипида, яснѣе еще свидѣтельствовали культовые обряды, державшіеся благодаря святости религіи съ необыкновеннымъ упорствомъ и обращавшіе, конечно, на себя особенное вниманіе изслѣдователей древности. Такъ нѣкоторыя общины образовали между собою отдѣльные религіозные союзы съ особыми сановниками, коихъ культовыя обязанности были лишь отблескомъ прежнихъ политическихъ правъ: рядъ такихъ союзовъ нами названъ уже раньше, но въ особенности должно указать на Мараѳонскую тетраполь, которая не только въ преданіи играетъ вид-

---

[1]) Особенно въ этой области потрудился первый изъ аттидографовъ, Гелланикъ, который занимался хронологическими изысканіями, какъ свидѣтельствуютъ его *Καρνεονῖκαι* и *Ἱέρειαι τῆς Ἥρας ἐν Ἄργει*. О спискахъ аѳинскихъ царей срвн. I. Brandis, De temp. antiquiss. rat., p. 7; Kirchhoff въ Hermes, VIII, p. 184; A. Schäfer, Quellenkunde der griech. Gesch., p. 18; M. Duncker, Gesch. des Alt. V, 95—96.

[2]) Объ Эрисихтонѣ, героѣ Празій, гдѣ онъ былъ погребенъ, и первомъ делосскомъ теорѣ (Paus. I, 31, 2), срвн. I. Töpffer, Die attischen Pythaisten und Deliasten въ Hermes, XXIII, p. 328; Att. Gen., p. 262; E. Curtius, Stadtgesch. von Athen, p. 54.

ную роль, но и въ историческое время представляла столько своеобразнаго въ своей организаціи, что Филохоръ посчиталъ полезнымъ посвятить ей отдѣльную монографію[1]). Еще характернѣе, пожалуй, отношеніе двухъ сосѣднихъ демовъ Гагнунта и Паллены, не имѣвшихъ между собою эпигаміи, т.-е. права заключенія взаимныхъ браковъ[2]). О старинной независимости Элевсина укрѣпленія на Эгалеѣ, отдѣлявшемъ его область отъ аѳинской равнины, и сохраненное этимъ городомъ и въ историческое время право чеканки монеты свидѣтельствовали, быть можетъ, нагляднѣе, нежели разсказы о войнѣ между Эрехтеемъ и Эвмолпомъ[3]). Всѣ эти данныя и многія другія, которыя преданіе не сохранило до нашего времени, должны были вынудить и самыхъ патріотическихъ изслѣдователей къ признанію, что Аттика не всегда была единымъ государствомъ — объ этомъ напоминалъ и праздникъ Синойкій; эту непріятную истину старались обойти фикціей, приписывавшей Кекропсу мысль о раздѣленіи (дотолѣ единой) страны: конечно, онъ сохранилъ за собою главенство надъ всѣми отдѣльными правителями, какъ Алкиной — надъ басилеями феаковъ и передалъ его своимъ преемникамъ, пока Тезей для усиленія государства не счелъ нужнымъ упразднить этихъ „архонтовъ“, что онъ и совершилъ въ силу своего преобладанія[4]).

При дальнѣйшихъ изысканіяхъ въ этомъ направленіи особенно аттидографовъ, обращавшихъ главное свое вниманіе на остатки древности какъ въ мѣстныхъ легендахъ, такъ и въ обрядахъ и обычаяхъ, должны были выясниться и главнѣйшіе центры нѣкогда самостоятельныхъ частей аттической территоріи; но такъ какъ онѣ по всей вѣроятности и въ разное время потеряли свою независимость и въ миѳической исторіи оставили по себѣ не одинаковые слѣды, то и не насчетъ всѣхъ этихъ единицъ вопросъ относительно ихъ первоначальной самостоятельности рѣшался оди-

[1]) Gurlitt, De tetrapoli attica, 1867. Диссертація A. Milchhöfer'a, Über den attischen Apollon (1873), извѣстна мнѣ лишь по цитатамъ.

[2]) Plut. v. Thes. 13.

[3]) Объ Элевсинѣ и Эвмолпидахъ cfr. v. Wilamowitz, Kydathen, p. 122; Töpffer, Att. Gen., p. 21. О правѣ Элевсина чеканить монету, сохраненномъ имъ и въ историческое время, срвн. статью Köhler'a, Die Münzen von Salamis, Eleusis, Oropos (Mitth. IV, p. 250). Вообще о дробленіи Аттики Gilbert, Altatt. Komenverf., p. 211; Busolt, Gr. Gesch. I, p. 378 sqq.

[4]) Thucyd. II, 15; Plut. v. Thes. 24 съ ошибкой: *μετοίκια* вм. *συνοίκια*.

наково легко и безспорно — много простору было дано догадкамъ и произволу изслѣдователей. Не удивительно, что при извѣстномъ пристрастіи древности къ систематизаціи и къ опредѣленнымъ цыфрамъ аттидографы установили именно двѣнадцать городовъ — число это принадлежало къ излюбленнымъ и было освящено другими аналогіями, весьма близкими для Аѳинъ, напр. іонійскою додекаполью въ Малой Азіи.

Рядомъ съ этой антиноміей — единствомъ царской власти, принятымъ за аксіому, и раздробленностью аттической территоріи, засвидѣтельствованной выше всякаго сомнѣнія — издревле аѳинскимъ историкамъ представлялась другая, еще болѣе трудная для разрѣшенія, коей слѣды мы находимъ уже у Геродота. Аѳиняне, подобно своимъ древнимъ царямъ, Кекропсу и Эрехтею, считали себя автохтонами и исконными обладателями своей родной страны и весьма гордились такимъ своимъ преимуществомъ предъ остальными эллинами. Это была избитая тема для всѣхъ панегиристовъ Аѳинъ, не только риторовъ, но и историковъ, превратившаяся, благодаря преобладанію Аѳинъ въ литературѣ, въ общепризнанную истину[1]); но съ другой стороны нельзя было отрицать и того факта, что многіе и притомъ знатнѣйшіе роды, не говоря уже объ infima plebs, выводили свое происхожденіе отъ царей и героевъ различныхъ мѣстностей Эллады (весьма понятно, такъ какъ Аттика сама не могла похвастаться изобиліемъ славныхъ именъ!) — гостепріимство, оказанное имъ въ Аѳинахъ, было другимъ основаніемъ славы для города[2]); нельзя было также отрицать, что весь родовой строй общины былъ вполнѣ сходенъ съ учрежденіями іонійскихъ городовъ — Іонія вся, вѣдь, считалась колоніей Аѳинъ, нельзя было, слѣдовательно, игнорировать іоническій элементъ въ созданіи аттическаго государства. Отсюда и проистекала крайне опасная для аѳинскаго самолюбія дилемма: или необходимо было признать сильное наслоеніе пришлаго іонійскаго племени — тогда слава автохтоніи становилась весьма сомнительной, или же приходилось

---

[1]) Herodot. VIII, 44; Thucyd. I, 2; Isocr. Panegyr. (IV), 24, p. 45 c; Plut. Menexen. 6, p. 237 B etc.

[2]) Thucyd. I, 2, 6: *ἐκ γὰρ τῆς ἄλλης Ἑλλάδος οἱ πολέμῳ ἢ στάσει ἐκπίπτοντες παρ' Ἀθηναίους οἱ δυνατώτατοι ὡς βέβαιον ὂν ἀνεχώρουν.* Все, что можно знать о миѳической генеалогіи аттическихъ родовъ, сопоставлено въ ученой книгѣ Joh. Töpffer'a, Attische Genealogie, 1889.

видѣть въ самихъ іонянахъ прямыхъ потомковъ и преемниковъ автохтоновъ-пеласговъ, т.-е. отнять у нихъ право причислять себя къ эллинскому народу, коего колыбелью, по обще-признанному преданію была Θессалія, какъ это и дѣлаетъ Геродотъ[1]), но отнять имя эллиновъ у аѳинянъ, которые съ справедливой гордостью называли свой городъ окомъ Эллады, Элладой Эллады!

Понятно, что древніе изслѣдователи, не будучи въ состояніи рѣшить этой дилеммы и не желая жертвовать ни славой автохтоніи, ни преимуществомъ чисто эллинскаго происхожденія, старались ее обойти или затемнить: удобнымъ средствомъ для этого являлась сголь излюбленная система переименованій и замѣна цѣлаго племени однимъ его родоначальникомъ. Такъ и возникло преданіе, что при Кекропсѣ народъ назывался пелазгами-кранаями, при Эрехтеѣ переименовался въ аѳинянъ, наконецъ по Іону получилъ имя іонянъ[2]). Іонъ долженъ былъ именно своею одною личностью замѣнить все то племя, коего олицетвореніемъ онъ являлся. Конечно, одинъ человѣкъ своимъ прибытіемъ не могъ нарушить права цѣлаго народа на имя автохтоновъ (тѣмъ болѣе, что и онъ или его отецъ Ксуѳъ по преданію былъ изгнанъ изъ Аѳинъ сыновьями Эрехтея)[3]); но спрашивается, какимъ образомъ онъ могъ, не будучи даже царемъ, а лишь пришедши къ нему на помощь, измѣнить весь государственный строй учрежденіемъ іонійскихъ филъ? На это древніе изслѣдователи отвѣчали фикціей, что филы вовсе

---

1) Herodot. VIII, 44: *Ἀθηναῖοι δὲ ἐπὶ μὲν Πελασγῶν ἐχόντων τὴν νῦν Ἑλλάδα καλεομένην ἦσαν Πελασγοὶ οὐνομαζόμενοι Κραναοί.* Онъ, впрочемъ, считаетъ всѣхъ Іонянъ Пеласгами (I, 56).

2) Herodot. VIII, 44 (продолжаетъ): *ἐπὶ δὲ Κέκροπος βασιλέος ἐπεκλήθησαν Κεκροπίδαι, ἐκδεξαμένου δὲ Ἐρεχθέος τὴν ἀρχὴν Ἀθηναῖοι μετουνομάσθησαν, Ἴωνος δὲ τοῦ Ξούθου στρατάρχεω γενομένου Ἀθηναίοισι ἐκλήθησαν ἀπὸ τούτου Ἴωνες.* Подобныя же переименовки встрѣчаются и въ преданіяхъ о другихъ странахъ, напр. о Пелопоннесѣ (Acusilai fr. 11: Müller, Hist. Gr. Fr. I, p. 101), о Делосѣ (De Deli ins. rebus, p. 2 sqq.). Поэтому удивительно, что такой ученый, какъ E. Curtius можетъ въ словахъ Геродота видѣть свидѣтельство о различныхъ эпохахъ древне-аѳинской исторіи (Stadtgesch. von Athen, p. 28, 38). Wilamowitz (p. 144—45) называетъ Пеласговъ — „relativer Volksbegriff“ и считаетъ Аѳинянъ автохтонами: признаться, въ послѣднемъ положеніи я его не понимаю.

3) Ксуѳъ былъ изгнанъ сыновьями Эрехтея: Paus. VII, 1, 2; сынъ его Іонъ былъ погребенъ не въ Аѳинахъ, а въ демѣ Потамѣ (близъ дема *Ἰωνίδαι*, получившаго свое имя отъ рода): Paus. I, 33, 3; VII, 1, 5.

не были учреждены Іономъ, какъ гласило старинное преданіе, сохраненное и Аристотелемъ, а лишь переименованы по его сыновьямъ (считавшимся, конечно, первоначально истинными предками ихъ) — отсюда произошла, какъ мы видѣли, цѣлая система постепенныхъ переименовокъ филъ, вполнѣ соотвѣтствовавшихъ измѣненіямъ въ названіи цѣлаго народа и всей страны. Мы ясно видимъ теперь ту тенденціозную окраску, чтобы не сказать искаженіе истиннаго преданія, которую приняла постепенно подъ руками болѣе патріотичныхъ, нежели правдивыхъ, писателей вся внутренняя исторія аѳинскаго народа. Да не подумаетъ никто, что мы излишней подозрительностью оскорбляемъ память трудолюбивыхъ изслѣдователей отечественной старины: кто могъ не стѣсняясь составить списки пожизненныхъ, десятилѣтнихъ и однолѣтнихъ архонтовъ давнопрошедшихъ временъ, тотъ едва ли съ менѣе спокойною совѣстью возстановлялъ имена Кекропсовыхъ, Кранаевыхъ и т. д. филъ; или чѣмъ приписать іонянамъ автохтоно-пеласгійское происхожденіе было предосудительнѣе, нежели (въ угоду другимъ тенденціямъ) превратить автохтона Кекропса въ египтянина изъ Саиса, или сдѣлать аѳинянъ самихъ предками саитовъ? Но конечно, было бы и тщетно и опасно на основаніи этой традиціонной, искусственно составленной исторіи пытаться возстановить подлинное народное преданіе, не говоря уже о настоящихъ историческихъ фактахъ.

Въ виду этого насъ поражаетъ, если такой историкъ, какъ Дункеръ, отрицаетъ важное значеніе іонійскаго элемента въ аѳинскомъ государствѣ на томъ лишь основаніи, что Іонъ не былъ принятъ въ списокъ аѳинскихъ царей[1]): не говоря уже о томъ, что Тезей, коего чисто-іонійское происхожденіе не подлежитъ никакому сомнѣнію, былъ тѣмъ не менѣе не только принятъ въ этотъ списокъ, но и сдѣланъ родоначальникомъ династіи, что же значитъ подобное возраженіе? на томъ же основаніи можно было бы отрицать доризмъ спартанцевъ, такъ какъ въ рядахъ ихъ царей мы не находимъ Дора. Вообще всѣ эти герои-эпонимы, будучи не твореніями народной фантазіи, а измышленіями разсуждающаго ума, влачатъ довольно жалкое существованіе: лишенные всякой индивидуальности, фантомы безъ мяса и крови, они не оставляютъ

[1]) M. Duncker, Gesch. des Alt. V, p. 85.

по себѣ никакого слѣда, кромѣ своего имени и генеалогіи; объ Іонѣ сравнительно напр. съ Доромъ или Локромъ извѣстно еще больше дѣяній, относительно его составилась настоящая легенда, хотя она, кажется, обязана своимъ происхожденіемъ больше искусственной поэзіи драмы, нежели свободному творчеству самаго народа. Напротивъ, обстоятельство, выдвинутое Дункеромъ, скорѣе говоритъ въ пользу нашего мнѣнія: если бы дѣйствительно филы зародились на почвѣ Аттики, если бы имена пеласговъ-автохтоновъ, іонянъ, аѳинянъ покрывали другъ друга, то тогда бы скорѣе можно было ожидать, что Іонъ съ сыновьями будетъ поставленъ во главѣ списка аѳинскихъ царей; такъ какъ филы были общимъ учрежденіемъ всего іонійскаго племени, то ни одно отдѣльное государство передъ другими не имѣло права вполнѣ присвоить себѣ родоначальника исключительно — онъ долженъ былъ являться во всѣхъ общинахъ, образованныхъ этимъ племенемъ.

Страннымъ и не вполнѣ послѣдовательнымъ кажется намъ, если тотъ же Дункеръ, а также напр. Филиппи, еще съ большей увѣренностью утверждающій истинно-аѳинское происхожденіе іонійскихъ филъ, тѣмъ не менѣе допускаютъ не только для одной изъ нихъ образованіе изъ пришлыхъ элементовъ, но и опредѣляютъ ей, какъ состоящей изъ спутниковъ Іона, мѣсто въ мараѳонской тетраполи[1]): для Гоплетовъ, для „воиновъ“ допускается иностранное происхожденіе, но оно отвергается съ пренебреженіемъ для „пастуховъ“ и для „ремесленниковъ“! Оставляя въ сторонѣ всѣ преданія, которыя въ данномъ случаѣ скорѣе говорятъ въ пользу нашего воззрѣнія, но не могутъ считаться достаточно надежнымъ источникомъ, мы обратимся къ разсмотрѣнію безспорныхъ фактовъ, изъ коихъ важнѣйшимъ является существованіе въ Аттикѣ четырехъ іонійскихъ филъ: мы уже раньше постарались показать, что легенда о ихъ перенесеніи изъ Аттики въ Іонію не имѣетъ за себя ни малѣйшаго вѣроятія, а слѣдовательно онѣ и тамъ и здѣсь насаждены пришлымъ племенемъ, принесшимъ ихъ съ собою изъ родины. Противъ этого нельзя выставлять какъ аргументъ мнимую автохтонію аѳинянъ: сравнительное языковѣдѣніе, доказавшее родство эллиновъ съ остальными арійскими народами, вмѣстѣ съ

---

1) M. Duncker, op. l. V, p. 84; Philippi, op. l., p. 272. Cfr. W. Wachsmuth, De trib. att. p. 9; Schömann, Gr. Alt. I, p. 330.

тѣмъ привело къ заключенію, что всѣ греческія племена, въ томъ числѣ и предки аѳинянъ, назовемъ ли мы ихъ пеласгами или іонянами, во всякомъ случаѣ не родились въ странѣ, ими въ историческое время занимаемой, и пришли въ нее изъ обще-арійской родины, которую ищутъ то въ Азіи, то въ Европѣ [1]); слѣдовательно названіе автохтоновъ для извѣстнаго племени не можетъ имѣть иного смысла въ нашихъ глазахъ, какъ тотъ, что ни о прибытіи его въ страну, ни о какихъ-либо предшественникахъ, у коихъ пришлось отвоевать мѣста жительства, въ памяти народной не сохранилось никакого опредѣленнаго преданія [2]).

Съ этой точки зрѣнія можетъ считаться довольно безразличнымъ для историка, признаетъ ли онъ, что уже издревле Аттика была

---

[1]) Между тѣмъ какъ прежде происхожденіе индо-германскихъ народовъ изъ Азіи считалось фактомъ непреложнымъ (A. Pictet, A. Schleicher, M. Müller, I. Muir, Chr. Lassen, F. Justi) и теперь еще находитъ видныхъ защитниковъ въ числѣ языковѣдовъ и географовъ (A. Fick въ предисловіи къ Vergleichendes Wörterbuch der indo-germanischen Sprachen; недавно умершій V. Hehn во введеніи къ Culturpflanzen und Hausthiere; H. Kiepert, Lehrbuch der alten Geographie, p. 23), все больше распространяется мнѣніе, по коему настоящей родиной этихъ племенъ должна считаться Европа, или точнѣе равнина, распространяющаяся отъ Каспійскаго до Балтійскаго моря, или южная часть Скандинавіи: такое воззрѣніе впервые высказалъ Latham, Elements of comparative philology. 1862 (мнѣ незнакомо); его приняли тотчасъ D. Whitney (Language and study of language. 1867; Leben und Wachstum der Sprache. 1876, p. 23) и Th. Benfey (Gesch. der Sprachwissenschaft. 1869, p. 597—600) и призналъ, по крайней мѣрѣ, весьма возможной гипотезой Fr. Spiegel (Eranische Alterthumskunde, I (1871), p. 426). Въ самое послѣднее время этотъ вопросъ подвергъ обстоятельному разсмотрѣнію и рѣшилъ его въ пользу европейскаго происхожденія Аріевъ Penka, Die Herkunft der Arier. 1886, по поводу коего рецензентъ F. Justi замѣтилъ (Berl. Phil. Wochenschr. 1887, № 18): „In der That scheint die asiatische Hypothese keine ernstlichen Verfechter mehr zu finden“.

[2]) Такъ приблизительно смотрятъ на автохтонію и K. F. Hermann (Gr. St.-Alt. § 91, not. 15) и G. Schömann (Gr. Alt. I, p. 331): „Hier aber wurde dies ohne Zweifel wesentlich dadurch erleichtert, dass die Bevölkerung nicht aus einem Gemisch verschiedener zu verschiedenen Zeiten eingewanderter Stämme bestand, die sich entweder unabhängig neben einander behaupteten oder einer den anderen unterwürfig machten, sondern dass sie eine autochthone, d. h. eine solche war, die sich als eine und dieselbe seit unvordenklichen Zeiten im Besitz des Landes befunden hatte, weswegen denn auch die Athener wohl guten Grund hatten, sich dieses Umstandes zu freuen und zu rühmen. Ganz indessen hatte es auch in Attika nicht an Einwanderungen gefehlt“. Срвн. подробное развитіе этой мысли въ приложеніяхъ, на стран. 578.

заселена вѣтвью іонійскаго племени, или же станетъ отличать послѣднее, какъ пришлый элементъ, отъ первоначальныхъ хозяевъ страны — пеласговъ, покоренныхъ или вытѣсненныхъ переселенцами. Мы не рѣшимся вполнѣ отрицать и первой возможности въ виду слѣдующихъ соображеній. Мы уже раньше видѣли, что въ родовомъ строѣ, такъ сказать, дѣти предшествуютъ родителямъ, въ данномъ случаѣ племена Гелеонтовъ, Эгикореевъ, Аргадеевъ, Гоплетовъ сложились и образовались раньше, нежели изъ соединенія ихъ возникъ народъ іонянъ. Эти племена могли начать свое передвиженіе изъ первоначальныхъ мѣстъ жительства съ одной стороны въ Малую Азію и на острова, съ другой — въ Аттику и Пелопоннесъ, когда ихъ единеніе не было еще достаточно сплочено и не утвердилось еще для нихъ общаго всенароднаго названія: въ различныхъ мѣстностяхъ, ими занятыхъ, они получили и весьма разнообразныя наименованія, напр. въ Аттикѣ — пеласговъ-кранаевъ. Впослѣдствіи же, послѣ того какъ выработалось, съ одной стороны, въ противоположность варварамъ чувство національнаго единства эллиновъ, съ другой — сознаніе племенныхъ особенностей, именно въ мало-азійскихъ колоніяхъ, по мнѣнію иныхъ ученыхъ, вслѣдствіе непосредственности сношеній, яснѣе опредѣлилось и установилось въ народномъ сознаніи дѣленіе эллиновъ на три братскихъ племени эолянъ, дорянъ и іонянъ[1]): понятіе о нихъ было перенесено и на обитателей собственной Греціи, и послѣдніе по большему или меньшему сходству причислены къ той или другой группѣ. Въ эту-то эпоху и жители Аттики были включены въ составъ іонійскаго племени и одарены наименованіемъ іонянъ — въ такомъ смыслѣ можно было бы принять и Геродотовское преданіе насчетъ переименовки аѳинянъ.

Намъ, однако, самое основное положеніе такой теоріи, именно возникновеніе именъ эолянъ, іонянъ и дорянъ въ мало-азійскихъ колоніяхъ, кажется весьма сомнительнымъ: племена іонянъ и дорянъ и на самомъ материкѣ Эллады являются до того сплоченными въ своемъ единствѣ, что трудно себѣ вообразить, чтобы сознаніе этого единства было лишь продуктомъ послѣдующаго развитія. Во всякомъ случаѣ оно существовало уже, когда обра-

---

1) Такое воззрѣніе выставили: M. Duncker, Gesch. des Alt. V, p. 365; G. Busolt, Gr. Gesch. I, p. 42.

зовалась амфиктіонія народовъ, собиравшихся у храма Деметры въ Анѳелахъ и у святилища Аполлона въ Дельфахъ, — и кто рѣшится опредѣлить хронологію этого института и съ увѣренностью утверждать, что онъ возникъ позднѣе на столѣтія, нежели основаніе мало-азійскихъ городовъ[1])? Наши сомнѣнія находятъ извѣстнаго рода поддержку при взглядѣ на третье изъ родственныхъ племенъ — эолянъ: ихъ единство дѣйствительно, кажется, создалось лишь въ колоніяхъ по контрасту съ дорянами и іонянами — только здѣсь они занимали сплошную область и были соединены общностью религіозныхъ культовъ. Но относительно ихъ мы и видимъ, что народности, безъ всякаго колебанія къ нимъ причисляемыя, напр. беотійцы и ѳессалійцы, въ Дельфійской амфиктіоніи являются подъ своими спеціальными именами, и не объединяются въ эолійцевъ, какъ это слѣдовало ожидать въ параллель дорянамъ и іонянамъ при одинаковомъ происхожденіи именъ; мало того, и насчетъ причисленія къ нимъ тѣхъ или другихъ племенъ существовало такое разногласіе, что въ концѣ концовъ стало правиломъ относить къ эолійцамъ всѣхъ, кто не могъ зваться дорянином или іонянином[2]).

Спеціально для Аттики позднѣйшее въ ней появленіе іонійскаго племени подтверждается многими указаніями: оставляя въ сторонѣ какъ малонадежныя разныя легендарныя преданія, въ коихъ говорится напр. объ изгнаніи пеласговъ изъ Аттики[3]), о вѣковой враждѣ пришлыхъ элементовъ съ туземцами (Іонъ противъ Эвмолпа, Эгей противъ Палланта, Тезей противъ Менестея и т. д.), мы можемъ сослаться на многія особенности въ религіозныхъ культахъ, которыя по своей святости хранились ненарушимыми изъ вѣка въ вѣкъ. Такъ въ началѣ всей аѳинской исторіи мы слы-

---

[1]) Объ этомъ вопросѣ срвн. H. Bürgel, Die pyläisch-delphische Amphiktyonie (München 1877) и относительно ея участниковъ таблицу на стран. 56.

[2]) Различные взгляды древнихъ авторовъ насчетъ племенъ, которыхъ должно понимать подъ общимъ названіемъ эолянъ, сопоставлены у R. Meister'a (Griechische Dialecte B. I, 1882, p. 3—7), который и произвелъ имъ оцѣнку съ точки зрѣнія филолога и только между лесбійскимъ, ѳессалійскимъ и беотійскимъ нарѣчіемъ могъ признать болѣе близкое родство, хотя даже и тутъ послѣднее уже довольно значительно удаляется отъ первыхъ двухъ; причислять же къ той же группѣ племенъ напр. элейцевъ, этолянъ и т. д. языкъ, по крайней мѣрѣ, не даетъ ни малѣйшаго права.

[3]) Herodot. VI, 137.

шимъ о борьбѣ Аѳины (безъ всякаго сомнѣнія коренной покровительницы страны) съ Посейдономъ (богомъ іонянъ) изъ-за обладанія страною, — легенда, которая не можетъ быть никоимъ образомъ понята какъ натуралистическій миѳъ, а должна непремѣнно имѣть основаніемъ политическій контрастъ двухъ племенъ: она повторяется въ томъ же видѣ и въ Трезенѣ, не только заселенномъ также іонійскимъ племенемъ, но и находившимся въ тѣсной религіозной связи съ Аѳинами[1]). Далѣе мы видимъ, что всѣ священнѣйшіе культы боговъ-покровителей іонійскаго племени не нашли себѣ мѣста на аѳинскомъ акрополѣ, гдѣ почти безъ соперничества царила пеласгійская Аѳина (вмѣстѣ съ Зевсомъ), а пріютились лишь на склонахъ и у подошвы, особенно южной, горы[2]). Въ этихъ мѣстахъ мы находимъ и Отечественнаго Аполлона, прародителя іонянъ (на сѣверномъ склонѣ акрополя былъ виденъ гротъ, гдѣ съ нимъ встрѣтилась Креуза, мать Іона), и Аполлона Дельфинія и Аполлона Пиѳійскаго, коихъ культъ былъ принесенъ въ Аѳины изъ Марафѳонской тетраполи, и Діониса, бога растительности, который всѣми іонянами чтился въ праздникѣ Анѳестерій, когда онъ вступалъ въ мистическій бракъ съ женою царя, и былъ вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ богомъ Апатурій, отличительнаго символа іонизма, и „Мать“ въ Аграхъ, т.-е. Деметру, богиню Ѳесмофорій, спеціально іонійскаго празднества[3]); въ нижней же части города

---

[1]) О спорѣ Аѳины и Посейдона въ Аѳинахъ: Herodot. VIII, 55; Apollod. Bibl. III, 14, 1; Paus. I, 26, 5 etc. Изображеніе этого миѳа въ памятникахъ искусства сопоставилъ L. Stephani въ Compte rendu de la comm. Imp. arch., 1872, p. 64; особенно извѣстна великолѣпная ваза изъ Керчи въ Эрмитажѣ: L. Stephani, l. l. T. I, cfr. Robert въ Hermes, XVI, p. 60. О существованіи того же миѳа въ Трезенѣ, помимо Павсанія (II, 30, 6), свидѣтельствуютъ и монеты этого города, на коихъ съ одной стороны помѣщалась голова Аѳины, на другой — трезубецъ Посейдона (Head, Hist. numm. p. 371). О культахъ Трезена: S. Wide, De sacris Troezeniorum (мнѣ незнакомо).

[2]) На это различіе культовъ впервые указалъ C. Wachsmuth, Die Akropolisgemeinde und die Helicongemeinde (въ Rh. Mus. XXIII, p. 170), затѣмъ въ Stadt Athen im Alt. I, p. 392; такого же, приблизительно, взгляда держится и E. Curtius, Wie die Athener Ionier wurden (Hermes, XXV, p. 141), который больше указываетъ на культъ Аполлона, какъ отличительный для іонянъ. Срвн. теперь: Stadtgesch. von Athen, p. 39, 51.

[3]) О культѣ Аполлона въ Аттикѣ, какъ введенномъ іонянами, многія цѣнныя указанія далъ уже K. O. Müller (Dorier, I, 238—49), но онъ ошибался, помѣстивъ Пиѳіонъ въ западной Ойноѣ, а не въ Марафѳонской. Заслуга разъясненія

лежало и святилище Тезея, героя іоническаго племени, между тѣмъ какъ его предшественники-автохтоны, Пандіонъ, Эрехтей и Кекропсъ были приняты въ самый акрополь — тамъ они и были похоронены, какъ законные цари[1]), между тѣмъ какъ пришелецъ Іонъ долженъ былъ довольствоваться гробницей въ Потамахъ, а кости Тезея лишь около половины V-го вѣка были привезены Кимономъ изъ Скира, гдѣ онъ умеръ въ изгнаніи. Всѣ эти неопровержимые факты съ очевидностью говорятъ объ антагонизмѣ между іонянами и исконнымъ населеніемъ Аттики, которое можно по примѣру древнихъ назвать пеласгами: о томъ же свидѣтельствуетъ и то отвращеніе, которое по словамъ Геродота аѳиняне питали къ имени іонянъ.

Поэтому различные ученые въ разныя времена склонны были признать фактъ занятія Аттики іонянами, которые, двигаясь или изъ Мараѳонской тетраполи или изъ аѳинской равнины постепенно и въ долголѣтней борьбѣ подчинили себѣ всю страну и дали ей свою культуру и свои учрежденія[2]). Нѣкоторые даже готовы были въ хорошо извѣстной враждѣ двухъ классовъ, эвпатридовъ и лишенныхъ всякихъ правъ демотовъ, видѣть противоположность двухъ племенъ, побѣдителей и покоренныхъ[3]). Послѣднее предположеніе

исторіи этого культа принадлежитъ E. Curtius'y, Zur Gesch. des Wegebaues bei den Griech. (Abh. der Berl. Akad. 1854, p. 235); цѣнныя добавленія далъ I. Töpffer, Die attischen Pythaisten und Deliasten (Hermes, XXIII, p. 321). Объ Аѳестеріяхъ срвн. A. Mommsen, Heortol. p. 345. Діонисъ *(Μελαναιγίς)* какъ богъ Апатурій: Harpocr. s. v. *Ἀπατούρια*; cfr. I. Töpffer, Att. Gen. p. 12—14, 105, 231. О *μήτηρ ἐν Ἄγραις* и Ѳесмофоріяхъ: v. Wilamowitz, Kydathen, p. 161—62.

[1]) Эрехтей, какъ извѣстно, почитался въ храмѣ, который наичаще мы называемъ его именемъ; Кекропсъ былъ погребенъ на акрополѣ (Clem. Alex. Protr. III, 45), и тамъ упоминается его святилище — *Κεκρόπιον* (C. I. A. I, 322; cfr. *Δελτιον ἀρχ.* 1889, p. 10, № 3); святилище Пандіона также на акрополѣ: C. I. A. II, 553, cfr. 558, 559.

[2]) Излишне было бы перечислять имена: можно сказать, что въ большей или меньшей степени всѣ ученые теперь (за исключеніемъ, быть можетъ, v. Wilamowitz'a) признаютъ извѣстный пришлый элементъ „спутниковъ Іона“ въ аттическомъ народѣ. Характерно, что подобное воззрѣніе принялъ и Schömann Gr. Alt. I, p. 578 sqq.), который нѣкогда самымъ энергическимъ образомъ противъ него возставалъ (Animadvers. de Ionibus 1856, p. 4): „mihi contra Iones ipsi Atticam a principio habitasse videntur, neque ullam rationem, stabilem quidem firmamque, afferri posse censeo, cur alii his vetustiores incolae eius terrae fuisse dicantur“.

[3]) Куторга, Колѣна и сословія аттическія, стр. 57.

не можетъ быть признано справедливымъ: никогда въ Аттикѣ не существовало класса покореннаго населенія въ родѣ спартанскихъ гелотовъ или ѳессалійскихъ пенестовъ; бѣдственное положеніе и зависимость демотовъ отъ эвпатридовъ, какъ они намъ рисуются въ эпоху Солона, были слѣдствіемъ несчастныхъ соціальныхъ условій, а не силы оружія преобладающаго племени. Бёкъ, правда, хотѣлъ видѣть такой порабощенный классъ въ филѣ Телеонтовъ, которыхъ онъ толковалъ какъ „платящихъ оброкъ“ и считалъ предшественниками тетовъ и гектеморовъ Солоновскаго времени, — мы выше видѣли, что такое объясненіе само по себѣ падаетъ вмѣстѣ со своимъ основаніемъ, этимологіей слова Телеонтовъ, которое должно читать Гелеонты.

Итакъ гораздо вѣроятнѣе постепенное подчиненіе отдѣльныхъ городковъ и общинъ Аттики подъ владычество іонянъ, при чемъ санъ царя и военачальника оставался принадлежностью ихъ знатнѣйшихъ родовъ, но и жители побѣжденныхъ мѣстностей зачислялись въ составъ іонійскаго племени, съ его филами и фратріями, а не обращались въ рабовъ: лучшимъ примѣромъ такой системы объединенія Аттики можетъ служить совершившееся уже почти на границѣ историческаго времени подчиненіе элевсинской области.

Здѣсь мы видимъ, что не только были сохранены неприкосновенными и включены въ составъ аѳинскихъ эвпатридовъ знатные мѣстные роды Эвмолпидовъ, Кериковъ и т. д., но за ними были оставлены и ихъ прежнія прерогативы на завѣдываніе культомъ и мистеріями Деметры. Правда, изъ мѣстнаго культа одной общины онъ сдѣлался обще-государственнымъ и поэтому богинѣ было посвящено жилище на почвѣ самихъ Аѳинъ, — такъ-наз. Элевсиній, лежавшій по всей вѣроятности у подножія Ареопага, а также надзоръ за правильнымъ и законнымъ совершеніемъ всѣхъ старинныхъ обрядовъ былъ порученъ главному сановнику объединеннаго государства — аѳинскому царю (впослѣдствіи архонту этого имени); но какъ всѣ чисто жреческія функціи были сохранены за тѣми родами, кои издавна ими управляли наслѣдственно (гіерофантъ и гіерофантида брались изъ рода Эвмолпидовъ, дадухъ, глашатай и *ὁ ἐπὶ βωμῷ* изъ Кериковъ, жрица Деметры и Коры изъ Филлидовъ)[1]), такъ и при самомъ завѣдываніи мистеріями царь

[1]) Объ Эвмолпидахъ и Филлидахъ срвн. Töpffer, Att. Gen., p. 24, 92; о Керикахъ: Dittenberger, Die eleusin. Keryken (Hermes, XX, p. 1).

имѣлъ помощниковъ изъ Эвмолпидовъ и Кериковъ и долженъ былъ руководиться „неписанными заповѣдями Эвмолпидовъ“, коихъ автора за древностью лѣтъ никто не зналъ[1]). Мало того, этимъ родамъ были предоставлены почести, какихъ не имѣли чисто аѳинскіе, — взятые изъ нихъ жрецы пользовались привилегіей постояннаго угощенія въ аѳинскомъ пританеѣ, какъ нѣкогда она имъ, конечно, была предоставлена въ элевсинскомъ, пока онъ существовалъ[2]). Въ такихъ большихъ преимуществахъ и почестяхъ нѣтъ ничего изумительнаго: даже въ скудномъ преданіи, дошедшемъ до насъ въ искаженномъ видѣ, сказывается ясно ожесточенность борьбы и трудность побѣды, которыя объясняютъ намъ легкость условій, наложенныхъ на побѣжденныхъ; конечно, при этомъ дѣйствовало и чувство религіознаго страха передъ Элевсинской Деметрой, которую было желательно сдѣлать благосклонной аѳинскому государству, а слѣдовательно опасно оскорбить униженіемъ ея священнослужителей, единственно знакомыхъ съ ея святыми узаконеніями.

Вообще въ классической древности далеко не рѣдки примѣры, гдѣ побѣдители по доброй волѣ принимаютъ въ свои ряды по крайней мѣрѣ знатную и вліятельную часть покоренныхъ: такъ, по преданію, Римъ послѣ разрушенія Альбы-Лонги открылъ доступъ даже къ патриціату многимъ знатнымъ альбанскимъ семьямъ (напр. Юліямъ); точно такъ же и въ дорической Спартѣ, несомнѣнно основанной силой оружія и поработившей значительную часть туземнаго населенія, мы встрѣчаемъ и притомъ въ ряду знатнѣйшихъ родовъ Эгидовъ, выводившихъ свое происхожденіе отъ ѳиванскихъ Миніевъ, даже находимъ роды, связывавшіе себя съ побѣжденными ахейцами, не только Тальтибіадовъ, которымъ какъ потомкамъ Тальтибія принадлежали наслѣдственныя обязанности глашатаевъ, но и самихъ царственныхъ Гераклидовъ[3]).

[1]) Aristot. Ath. Pol. 57: *βασιλεὺς μυστηρίων ἐπιμελεῖται μετὰ τῶν ἐπιμελητῶν οὓς ὁ δῆμος χειροτονεῖ, δύο μὲν ἐξ Ἀθηναίων ἁπάντων, ἕνα δ' ἐξ Εὐμολπιδῶν, ἕνα δ' ἐκ Κηρύκων.* Ps. Lys. in Andoc. (VI), 10, p. 104: *τοῖς ἀγράφοις (νόμοις), καθ' οὓς Εὐμολπίδαι ἐξηγοῦνται, οὓς οὐδείς πω κύριος ἐγένετο καθελεῖν οὐδὲ ἐτόλμησεν ἀντειπεῖν, οὐδὲ αὐτὸν τὸν θέντα ἴσασιν.* Cfr. C. I. A. III, 5.

[2]) Элевсинскій гіерофантъ и другіе жрецы постоянно въ надписяхъ приводятся во главѣ списка *ἀείσιτοι*, между коими не встрѣчается ни одинъ священнослужитель аѳинскихъ божествъ: R. Schöll въ Hermes, VI, p. 14.

[3]) Объ Эгидахъ: Herodot. IV, 149; cfr. Pindar, Pyth. V, 77, Isthm. VI, 14 et

Въ Аттикѣ, кажется, преобладаніе іоническаго элемента никогда не было столь сильно, какъ дорянъ въ Спартѣ, и пришельцы могли, если вѣрить легендѣ, лишь въ союзѣ съ туземными родами достигнуть объединенія страны: насъ поражаетъ, что въ числѣ аѳинскихъ родовъ мы вовсе не встрѣчаемъ такихъ, которые бы возводили свою генеалогію до Іона и его сыновей. Это обстоятельство могло бы насъ смутить и заставить усомниться даже въ истинно-іоническомъ происхожденіи аѳинянъ, если бы его нельзя было объяснить разными соображеніями. Прежде всего эти героиэпонимы имѣли слишкомъ мало жизненности, были черезчуръ безличны: ихъ признавали общими прародителями всего племени, но именно знатнѣйшіе роды желали имѣть болѣе славнаго предка въ отличіе отъ остальныхъ соплеменниковъ и находили его въ рядахъ знаменитыхъ героевъ эпоса, не заботясь о томъ, что такимъ образомъ они противорѣчили своему іонійскому происхожденію. Точно такъ же Агіады и Эврипонтиды въ Спартѣ, Темениды въ Аргосѣ называли себя потомками не Дора, а ахейца Геракла, Нелиды въ Милетѣ возводили свой родъ не къ одному изъ сыновей Іона, а къ Периклимену, сыну Нелея и потомку Эола; поэтому и въ Аттикѣ Медонтиды, называвшіе своимъ предкомъ Ѳерсилоха, старшаго сына Нестора, Писистратиды, выводившіе свой родъ отъ его младшаго сына Писистрата, Филаиды и Эврисакиды, потомки саламинскаго Эанта, Алкмеониды и друг., несмотря на подобныя генеалогіи, совершенно правильно черезъ многія поколѣнія возводимыя до мнимаго родоначальника, могли тѣмъ не менѣе быть чисто-іонійскаго происхожденія.

Возможно также, что многіе роды пришельцевъ нашли выгоднѣе для себя связать свое происхожденіе съ исконными владѣльцами страны, такъ какъ имя автохтона имѣло странное обаяніе въ глазахъ всѣхъ эллиновъ: ясный и несомнѣнный примѣръ подобной фикціи мы встрѣчаемъ у одного изъ знаменитѣйшихъ элевсинскихъ родовъ, именно Кериковъ, которые по одному преданію происходили отъ Керика, сына Эвмолпа, но сами выводили свой родъ отъ Гермеса, глашатая боговъ, и одной изъ дочерей Кекропса —

Scholl. О Тальтибіадахъ: Herodot. VII, 134; cfr. K. O. Müller, Dorier, II, p. 25. О Гераклидахъ извѣстно изреченіе царя Клеомена (Herodot. V, 72): *ἀλλ' οὐ Δωριεύς εἰμι, ἀλλ' Ἀχαιός*, котораго онъ, вѣроятно, не сдѣлалъ бы, еслибъ могъ предугадать выводы Гильберта.

считался ли этотъ богъ искони ихъ предкомъ или нѣтъ, во всякомъ случаѣ имя ихъ прародительницы могло быть придумано лишь по присоединеніи Элевсина къ Аѳинамъ; это доказывается и несогласіемъ авторовъ насчетъ того, которая изъ трехъ дочерей Кекропса (Пандрососъ, Аглавросъ, Герсе) имѣла наиболѣе правъ на это званіе[1]). Подобнымъ же образомъ могли поступить и различные іонійскіе роды (какъ напр. и Тезей чрезъ отца своего Эгея былъ помощью очень прозрачной фикціи включенъ въ ряды законнаго царскаго рода), тѣмъ болѣе, что съ теченіемъ времени, кажется, наступила реакція туземнаго населенія противъ преобладанія іонійскихъ родовъ, которая сказалась не столько въ отвращеніи аѳинянъ къ имени іонянъ, сколько въ преданіяхъ о разныхъ возстаніяхъ аристократіи противъ господствующаго рода[2]): она помогаетъ Менестею изгнать Тезея, она низлагаетъ потомковъ послѣдняго, она наконецъ отнимаетъ царскую власть у Медонтидовъ.

Какъ бы то ни было одинъ фактъ мы считаемъ неоспоримымъ, что четыре филы были общимъ достояніемъ іонійскаго племени и возникли не на почвѣ Аттики, а были перенесены извнѣ, при чемъ роды туземные были постепенно включены въ составъ чуждой имъ первоначально организаціи; параллельно съ этимъ процессомъ шло и объединеніе страны, которое нашло свое окончательное завершеніе въ синойкизмѣ Тезея.

Теперь мы можемъ, кажется, вѣрнѣе рѣшить и поднятый выше вопросъ, были ли филы въ Аттикѣ территоріальнымъ дѣленіемъ или нѣтъ. Самъ по себѣ родовой строй, какъ и было выше сказано, не только не противорѣчитъ территоріальному дѣленію страны, но даже въ извѣстномъ смыслѣ идетъ съ нимъ рука объ руку: низшія единицы могутъ соединяться въ высшія при смежности занимаемыхъ ими полей; роды собираются во фратріи, а тѣмъ болѣе фратріи — въ филы лишь послѣ долголѣтняго общенія, при

[1]) Paus. I, 38, 3: *τελευτήσαντος δὲ Εὐμόλπου Κῆρυξ νεώτερος λείπεται τῶν παίδων, ὃν αὐτοὶ Κήρυκες θυγατρὸς Κέκροπος Ἀγλαύρου καὶ Ἑρμοῦ παῖδα εἶναι λέγουσιν, ἀλλ' οὐκ Εὐμόλπου.* Poll. VIII, 103: *Κήρυκος τοῦ Ἑρμοῦ καὶ Πανδρόσου τῆς Κέκροπος.* Герса называется матерью Керика въ надписи Герода Аттика (I. S. It. 1389, I, lin. 32): *Ἔρσης ἐκγεγαῶτα καὶ Ἑρμέω, εἰ ἐτεὸν δὴ Κῆρυξ Ἡρώδεω πρόγονος Θησηιάδαο.*

[2]) Herodot. I, 143: *οἱ Ἀθηναῖοι ἔφυγον τὸ οὔνομα, οὐ βουλόμενοι Ἴωνες κεκλῆσθαι.* Cfr. V, 69.

одинаковыхъ интересахъ и при частыхъ брачныхъ союзахъ ихъ членовъ, что возможно только при близкомъ сосѣдствѣ, — при постепенномъ сліяніи ихъ смежныхъ полей образуются сплошныя территоріи. Но такое соотвѣтствіе между родовыми единицами и областнымъ дѣленіемъ является необходимостью лишь при возникновеніи родоваго строя и лишь только въ той странѣ, гдѣ онъ создался въ силу естественныхъ условій; при перенесеніи же его въ другую страну и въ другія условія это совпаденіе можетъ сохраниться, если напр. извѣстный народъ, завоевывая какую-нибудь область, дѣлитъ ее по своимъ составнымъ частямъ, но это не есть неизбѣжная необходимость. По отношенію къ Аттикѣ въ частности единовременный актъ раздѣла земли между пришлымъ народомъ лишенъ всякаго вѣроятія, такъ какъ объединеніе страны шло постепенно въ продолженіе, можетъ быть, цѣлыхъ столѣтій: не могла же напр. фила Аргадеевъ ждать безъ надѣла, пока будетъ завоевана элевсинская равнина! Точно такъ же при постепенномъ причисленіи туземнаго населенія, уже владѣвшаго землей, къ ранѣе существовавшимъ іонійскимъ народнымъ дѣленіямъ невозможно было съ точностью выдерживать правило территоріальнаго единства для каждой филы.

Поэтому намъ кажется наиболѣе вѣрнымъ, что какъ роды, такъ и фратріи владѣли, по крайней мѣрѣ въ древнѣйшія времена, сплошными участками земли: такъ фратрія Демотіонидовъ занимала приблизительно область дема Декелеи, фратрія Діалейцевъ соотвѣтствовала дему Мирринунту; но этотъ принципъ не былъ или вовсе соблюденъ или весьма часто нарушенъ въ отношеніи къ филамъ. Противъ такого рѣшенія этого вопроса можетъ быть сдѣлано возраженіе, что съ филами тѣсно связано древнѣйшее территоріальное дѣленіе Аттики на триттіи и навкраріи и что слѣдовательно и для нихъ самихъ нужно предположить не только извѣстную связь съ почвой страны, но и соотвѣтствіе съ ея частями[1]): это возраженіе, однако, удобнѣе будетъ разсмотрѣть въ связи вообще съ развитіемъ территоріально-административнаго принципа въ борьбѣ съ родовымъ строемъ, теперь же намъ, чтобы

[1]) Это возраженіе выставилъ Zelle, Beitr. zur ält Verfass.-Gesch. Athens, p. 9: „Für die örtliche Trennung der Stämme haben wir einen, wie ich glaube, entscheidenden Beweis, indem die Naukrarien, offenbar örtliche Gesammtheiten, als Unterabtheilungen der Stämme angegeben werden“.

окончить наше изложеніе организаціи послѣдняго, необходимо коснуться еще одного весьма спорнаго вопроса, который мы до сихъ поръ тщательно обходили, дабы не усложнять и безъ того затруднительнаго нашего изложенія.

Вопросъ этотъ заключается въ слѣдующемъ: по обще-извѣстному преданію все населеніе Аттики распадалось на три класса, установленные по однимъ еще Іономъ, по другимъ Тезеемъ, т.-е. другими словами существовавшіе съ незапамятныхъ временъ — эвпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ, какъ ихъ обыкновенно называютъ, хотя были въ употребленіи и другія имена[1]); спрашивается, въ какомъ отношеніи находились эти классы къ только-что разсмотрѣнному дѣленію на филы, т.-е. входили ли всѣ члены этихъ трехъ классовъ во всѣ филы, или были ограничены извѣстными филами, или же послѣднія были собственностью лишь одного класса эвпатридовъ, между тѣмъ какъ остальное населеніе было оставлено внѣ филъ и фратрій и родовъ?

Наиболѣе легкій отвѣтъ находятъ тѣ ученые, которые видятъ въ филахъ кастовое дѣленіе по роду занятій: они приравниваютъ извѣстныя филы къ каждому сословію, напр. Эгикореевъ считаютъ геоморами (земледѣльцами), Аргадеевъ — деміургами (ремесленниками), а на долю эвпатридовъ оставляютъ двѣ (высшія по ихъ мнѣнію) филы Гелеонтовъ и Гоплетовъ, которыя благодаря эпигаміи между своими членами будто бы тѣснѣе сблизились. Приведенное распредѣленіе принадлежитъ собственно одному Гаазе[2]),

---

[1]) Насчетъ названія перваго класса — эвпатридовъ всѣ источники согласны; должно только отъ класса отличать родъ Эвпатридовъ (Isocr. *περὶ τοῦ ζεύγους* (XVI), 25, p. 351 C; Polemon, fr. 49: Müller, Fr. Hist. Gr. III, p. 131; Athen. IX, p. 410; C. I. A. III, 267): cfr. v. Wilamowitz, Kydathen, p. 119; Töpffer, Eupatridai (Hermes, XXII, p. 479), Att. Gen. p. 175; Hirzel въ Rh. Mus. XLIII, p. 631. Второй классъ называется обыкновенно *γεωμόροι* (Plut. v. Thes. 25; Poll. VIII, 111), но иногда *γεωργοί* (Diod. I, 28: Lex. Dem. Patm. s. v. *γεννῆται*, Schol. in Plat. Axioch. p. 371 D): Аристотель (Ath. Pol. 13, 2) называлъ его *ἀγροῖκοι* (такъ должно быть исправлено и соотвѣтствующее мѣсто въ берлинскомъ папирусѣ) и тотъ же терминъ читается у Гесихія (s. v. *ἀγροιῶται· ἀγροῖκοι καὶ γένος Ἀθήνησιν, οἳ ἀντιδιεστέλλοντο πρὸς τοὺς εὐπατρίδας· ἦν δὲ τὸ γεωργοῦν καὶ τὸ τρίτον τὸ τῶν δημιουργῶν*). Для третьяго класса общепризнанное названіе было *δημιουργοί*; исключеніе составляетъ лишь глосса Etym. M. s. v. *εὐπατρίδαι· ἐκαλοῦντο ..... γεωργοὶ δὲ οἱ τῆς ἄλλης χώρας οἰκήτορες, ἐπιγεώμοροι δὲ τὸ τεχνικὸν ἔθνος.*

[2]) Haase, Athen. Stammverf. p. 95 sq.: „Wenn nun so die Geleonten und

но и другіе ученые, придерживающіеся подобныхъ же воззрѣній на характеръ филъ, при разныхъ отступленіяхъ въ частностяхъ, въ общемъ проводятъ такія же параллели — разбирать ихъ въ подробности мы считаемъ излишнимъ, такъ какъ вмѣстѣ съ теоріей о кастовомъ дѣленіи аѳинскаго народа, уже раньше нами опровергнутой, должны необходимо пасть и эти дальнѣйшіе изъ нея выводы.

Изъ противниковъ этой теоріи тѣ, которые стоятъ за завоеваніе Аттики іонянами, какъ напр. Куторга, имъ однимъ и приписываютъ какъ принадлежность къ филамъ, такъ и къ высшему классу эвпатридовъ, между тѣмъ какъ покоренные туземцы по ихъ мнѣнію, составляли два низшихъ, и лишенные всякихъ политическихъ правъ, въ противоположность своимъ побѣдителямъ назывались общимъ именемъ демотовъ[1]): лишь тогда, когда при реформѣ Клисѳена вмѣсто родовой фратріи территоріальный демъ былъ положенъ въ основу какъ народнаго дѣленія, такъ и государственнаго управленія, эти демоты были включены въ составъ гражданъ и въ политическихъ правахъ сравнены съ завоевателями. На такой взглядъ имѣла громадное вліяніе аналогія римскихъ порядковъ, отношенія плебеевъ къ патриціямъ, и подобное сопоставленіе не ново, такъ какъ мы его впервые встрѣчаемъ у Діонисія Галикарнасскаго, который говоритъ, что Ромулъ установилъ дѣленіе гражданъ, слѣдуя примѣру государственнаго устройства аѳинянъ: „они именно, раздѣливъ народъ на двѣ части, эвпатридами звали лицъ, происходившихъ изъ знатныхъ домовъ и отличавшихся богатствами, на коихъ и было возложено представительство города, поселянами *(ἀγροῖκοι)* же всѣхъ остальныхъ гражданъ, которые не имѣли никакого участія въ общественныхъ дѣлахъ — съ теченіемъ времени, однако, и послѣдніе были допущены къ государственнымъ должностямъ“[2]). Свидѣтельство Діонисія само по

Hopleten sich Epigamie gewährten, so wurden zwar damit die beiden Stämme als solche keinesweges aufgehoben, sondern bestanden nach wie vor weiter; aber die Glieder derselben erkannten sich nunmehr als ebenbürtig an und erklärten sich den beiden anderen Stämmen gegenüber für die allein edelgeborenen“.

[1]) Куторга, Колѣна и сословія, стр. 57.

[2]) Dionys. Hal. Arch. Rom. II, 8, 2: *ἐκεῖνοι μὲν γὰρ εἰς δύο μέρη νείμαντες τὸ πλῆθος εὐπατρίδας μὲν ἐκάλουν τοὺς ἐκ τῶν ἐπιφανῶν οἴκων καὶ χρήμασι δυνατούς, οἷς ἡ τῆς πόλεως ἀνέκειτο προστασία, ἀγροίκους δὲ τοὺς ἄλλους πολίτας, οἳ τῶν κοινῶν οὐδενὸς ἦσαν κύριοι· σὺν χρόνῳ δὲ καὶ οὗτοι προσελήφθησαν ἐπὶ τὰς ἀρχάς.*

себѣ не имѣетъ никакого значенія, такъ какъ объ аѳинскихъ учрежденіяхъ особенно древняго времени онъ имѣлъ самое смутное представленіе, а римскія весьма часто ложно понималъ; сверхъ того у него было стремленіе и преднамѣренная цѣль выводить послѣднія изъ первыхъ, а при такой предвзятой мысли легко было даже безъ злаго умысла изобразить и тѣ и другія въ ложномъ свѣтѣ.

Однако, Діонисію должно отдать справедливость, что соединить два класса геоморовъ и деміурговъ, различаемые античнымъ преданіемъ, въ одинъ — демотовъ или агройковъ было не только весьма легко, но и могло представиться болѣе согласнымъ съ требованіями разума, такъ какъ древніе писатели не даютъ собственно никакихъ опредѣленныхъ признаковъ для ихъ характеристики[1]). Указаніе, кроющееся въ самихъ именахъ, на особенности въ занятіяхъ, не можетъ считаться таковымъ: во-первыхъ, при отсутствіи наслѣдственныхъ кастъ ничто не мѣшало переходу изъ одного класса въ другой; во-вторыхъ, владѣніе землей не было отличительнымъ признакомъ втораго класса, — самыми крупными землевладѣльцами были несомнѣнно эвпатриды. Поэтому если признавать за основу дѣленія размѣръ политическихъ правъ (который, очевидно, отличалъ эвпатридовъ отъ геоморовъ), то такія мелкія и случайныя примѣты, какъ способъ занятій, не могли собственно браться въ разсчетъ.

Это затрудненіе испытывали, очевидно, уже древніе писатели, которые различнымъ образомъ пытались опредѣлить эти три сословія. Такъ, одни утверждали, что эвпатриды были жителями самого города, а геоморы — обитателями остальной страны, между тѣмъ какъ деміурги составляли рабочій классъ (безъ опредѣленныхъ мѣстъ жительства)[2]); Плутархъ, говоря, что Тезей, чтобы избѣжать крайней демократіи, раздѣлилъ всю толпу народа на эвпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ и первымъ предоставилъ вѣ-

---

[1]) Такъ рѣшаетъ этотъ вопросъ Haase, Athen. Stammverf. p. 101: „Jedenfalls hatten beide Arbeiterstämme den Eupatriden gegenüber im Wesentlichen dieselbe Stellung, und darum kann man auch sagen, dass seit Theseus Zeit die vier Stämme sich in zwei Stände verwandelten“. Срвн. Philippi, op. l., p. 280 sqq. G. Schömann (De Com. p. IV) и W. Wachsmuth (De trib. att. p. 8; Hell. Alt. I, p. 360) видѣли въ деміургахъ метэковъ.

[2]) Etym. M. s. v.: *εὐπατρίδαι· ἐκαλοῦντο εὐπατρίδαι οἱ αὐτὸ τὸ ἄστυ οἰκοῦντες .... γεωργοὶ δὲ οἱ τῆς ἄλλης χώρας οἰκήτορες, ἐπιγεώμοροι δὲ τὸ τεχνικὸν ἔθνος.*

дать религіозныя дѣла и ставить изъ своей среды сановниковъ и быть учителями законовъ и толкователями священныхъ обрядовъ, не знаетъ, что сказать объ „остальныхъ гражданахъ“ (соединяя такимъ образомъ по примѣру Діонисія два сословія въ одинъ классъ), и приходитъ къ нелѣпому различенію, что „почетомъ отличались эвпатриды, пользой — геоморы, численностью — деміурги“[1]). Въ виду этого можно было бы усомниться въ подлинности извѣстій о подобномъ дѣленіи и видѣть въ нихъ измышленія позднѣйшихъ авторовъ, находившихся подъ впечатлѣніемъ египетскихъ кастъ (такъ уже Платонъ), а правильнымъ признать мнѣніе Діонисія о распаденіи аѳинскаго народа на полноправныхъ гражданъ-эвпатридовъ и лишенную политическихъ правъ толпу — агройковъ, но противъ этого говоритъ свидѣтельство Аристотеля въ его разсказѣ о реформѣ или революціи, связанной съ архонтатомъ Дамасія[2]): если послѣ его изгнанія могло быть рѣшено избрать 10 архонтовъ и притомъ пять изъ числа эвпатридовъ, трехъ изъ агройковъ и двухъ изъ деміурговъ, то очевидно, что различеніе послѣднихъ было не произвольной фикціей того или другаго писателя безъ реальной основы, — агройки и деміурги были дѣйствительно два класса, установленные закономъ и строго разграниченные другъ отъ друга, притомъ пользовавшіеся неодинаковымъ почетомъ, а можетъ быть, и правами въ государствѣ. Этимъ опровергается и мнѣніе Куторги, что оба эти сословія составились изъ побѣжденныхъ, потерявшихъ политическія права, — эвпатриды-побѣдители не стали бы трудиться дѣлать какія-нибудь различія въ покоренной толпѣ.

Не столь легко опредѣлить, справедливо ли или нѣтъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые не касаясь вопроса о іонійскомъ завоеваніи и о происхожденіи аѳинскаго „демоса“, признаютъ родовитость исключительною собственностью и отличительнымъ признакомъ

---

1) Plut. v. Thes. 25: *Οὐ μὴν ἄτακτον οὐδὲ μεμιγμένην περιεῖδεν ὑπὸ πλήθους ἐπιχυθέντος ἀκρίτου γενομένην τὴν δημοκρατίαν, ἀλλὰ πρῶτος ἀποκρίνας χωρὶς εὐπατρίδας καὶ γεωμόρους καὶ δημιουργούς, εὐπατρίδαις μὲν γινώσκειν τὰ θεῖα καὶ παρέχειν ἄρχοντας ἀποδοὺς καὶ νόμων διδασκάλους εἶναι καὶ ὁσίων καὶ ἱερῶν ἐξηγητὰς τοῖς ἄλλοις πολίταις ὥσπερ εἰς ἴσον κατέστησε, δόξῃ μὲν εὐπατριδῶν, χρείᾳ δὲ γεωμόρων, πλήθει δὲ δημιουργῶν ὑπερέχειν δοκούντων.*

2) Aristot. Ath. Pol. 13, 2: *εἶτ' ἔδοξεν αὐτοῖς διὰ τὸ στασιάζειν ἄρχοντας ἑλέσθαι δέκα, πέντε μὲν εὐπατριδῶν τρεῖς δὲ ἀγροίκων δύο δὲ δημιουργῶν, καὶ οὗτοι τὸν μετὰ Δαμασίαν ἦρξαν ἐνιαυτόν.*

эвпатридовъ, а слѣдовательно и фратріи и филы считаютъ открытыми въ древнѣйшія времена (до Солона или до Клисѳена) лишь для нихъ, за исключеніемъ остальной толпы агройковъ и деміурговъ, лишенной всякихъ политическихъ правъ и даже едва ли имѣвшей основаніе называть себя гражданами.

Прямыхъ свидѣтельствъ для подобнаго научнаго взгляда не существуетъ никакихъ, какъ это откровенно и высказываетъ Гольмъ[1]): защитники его исходятъ изъ убѣжденія о полномъ безправіи народной массы до Солона, что имъ кажется несовмѣстимымъ съ принятіемъ тѣхъ же демотовъ въ родовыя дѣленія или же изъ особаго воззрѣнія на реформу Клисѳена, будто бы желавшаго сломить преобладаніе аристократіи, основанное на родовомъ строѣ, помощью реорганизаціи всѣхъ его единицъ и замѣны гентилитета принципомъ свободной ассоціаціи. Мы отчасти уже имѣли случай касаться этихъ теорій, когда разбирали вопросъ о первоначальномъ числѣ фратрій, теперь же намъ приходится подвергнуть ихъ подробной критикѣ съ другой, гораздо болѣе важной, точки зрѣнія: такое раздѣленіе вопроса представляетъ свои неудобства, но оно является необходимостью въ виду крайней его сложности.

Если мы данный вопросъ изслѣдуемъ генетически, то мы увидимъ, что древнѣйшіе писатели, напр. Сигоній, считали невозможностью прійти къ какому-нибудь несомнѣнному рѣшенію: первые, насколько мы знаемъ, итальянскій ученый Ignarra и нѣмецкіе — Бёкъ и Титтманнъ выступили съ опредѣленнымъ мнѣніемъ, что низшій классъ народа былъ принятъ во фратріи лишь Клисѳеномъ увеличившимъ ихъ число[2]). Дальше еще пошелъ Платнеръ, который, на основаніи выше уже разобраннаго нами мѣста изъ Аристотелевой политики и очень запутанныхъ извѣстій грамматиковъ, постарался опредѣлить точнѣе и самую сущность реформы: по его

[1]) A. Holm, Gr. Gesch. I, p. 457: „Oder waren in den ionischen Phylen überhaupt nur Eupatriden? Die Wahrscheinlichkeit spricht immer noch dafür, dass Nichtadlige von jeher in Attika Mitglieder der Phylen waren".

[2]) Ignarra (De phratriis, p. 44), сославшись на мѣсто Эсхина (in Ctes. 30, p. 425), гдѣ упоминаются триттіи, и приравнявъ (на основаніи извѣстныхъ свидѣтельствъ лексикографовъ) триттію, т.-е. третью часть филы, къ фратріи, сдѣлалъ выводъ: phratrias aucto numero tribuum fuisse pariter multiplicatas. A. Böckh въ рецензіи книги Hüllmann'a въ Heidelb. Jahrb. 1818, p. 305 (= Kl. Schr. VII, p. 220). Tittmann, Darstell. der griech. Staatsverf. (1822), p. 271, который уже ссылается на извѣстное мѣсто изъ Политики Аристотеля (см. слѣд. прим.).

мнѣнію, Клисѳенъ вовсе уничтожилъ всѣ единицы родоваго строя, какъ филы, такъ и фратріи, оставивъ лишь родамъ право на разрозненное и потому безопасное для его демократическихъ тенденцій существованіе (подобнымъ образомъ судитъ и Вакcмутъ), а на ихъ мѣсто учредилъ не только новыя филы, но и новыя фратріи, коихъ по образцу прежнихъ приходилось по три на филу, т.-е. всѣхъ было тридцать, и доступъ открылъ къ нимъ всѣмъ гражданамъ безъ различія происхожденія[1]).

Противъ него возстали какъ Шёманнъ, такъ и Мейеръ, изъ коихъ первый уже раньше, когда держался „кастовой“ теоріи о происхожденіи филъ, считалъ ихъ общими для всѣхъ гражданъ и продолжалъ держаться этого убѣжденія и послѣ перемѣны своего основнаго взгляда; для вновь принятыхъ гражданъ (а таковыхъ при Клисѳенѣ было, по общераспространенному мнѣнію, значительное число) онъ считалъ однако, самые роды закрытыми, по крайней мѣрѣ въ первомъ поколѣніи, а доступными лишь фратріи[2]). Другъ же его Мейеръ видѣлъ именно въ принадлежности къ извѣстному роду главный критерій права гражданства и слѣдовательно считалъ таковую во всѣ времена обязательной и достижимой для всѣхъ гражданъ[3]). Гротъ также въ отрицаніи мнимой реформы Клисѳена сходился съ обоими названными учеными, но полагалъ возможнымъ, что какъ послѣ, такъ и до него значительная часть гражданъ аѳинскихъ стояла внѣ филъ и фратрій, въ чемъ и законодательство Солона не произвело никакихъ перемѣнъ: думалъ ли Гротъ, что родовой строй вмѣщалъ только эвпатридовъ или нѣтъ, прямо нигдѣ не говорится, но можно думать, что онъ

---

1) E. Platner (Beiträge zur Kenntniss des attischen Rechts. 1820, p. 70), ссылаясь на Aristot. Politic. VII (VI), 4, p. 1319 b, 19 и на Schol. Plat. de Rep. p. 406 Bekk. (*Ἀθήνησι δέκα μὲν ἦσαν φυλαί. διῄρητο δὲ ἑκάστη τούτων εἰς τρία, εἰς τριττύας, εἰς ἴθνη, εἰς φρατρίας*), дѣлалъ выводъ, что въ Аѳинахъ послѣ Клисѳена было 30 фратрій, вполнѣ на-ново образованныхъ и не имѣвшихъ никакого отношенія ни къ прежнимъ дѣленіямъ того же имени, ни къ продолжавшимъ существовать родамъ.

2) Schömann, De Com., p. 359. Gr. Alt. I, p. 385.

3) Meier, De gentil. att., p. 20: neque enim quod non commemorantur gentilium tabulae, id evicerit gentilibus adscriptos non esse; immo cum utraque inscriptio arcte videatur coniuncta esse, gens non erat fere commemoranda, nisi esset illustris“. Ему возражалъ Schömann, Comm. in Isaeum, p. 209, 363; Antiqq. p. 207.

склонялся къ послѣднему взгляду, такъ какъ, по его мнѣнію, Солонъ сдѣлалъ свой совѣтъ доступнымъ лишь гражданамъ, внесеннымъ во фратріи, а слѣдовательно если бы филы и ихъ подраздѣленія заключали только эвпатридовъ, то они одни остались бы по прежнему обладателями всѣхъ государственныхъ должностей[1]). Изъ другихъ болѣе видныхъ ученыхъ Германнъ и Беръ также въ общемъ придерживались воззрѣнія Мейера[2]); Fustel de Coulanges признаетъ постоянное участіе демотовъ въ родовыхъ единицахъ, начиная съ родовъ, но сообразно своимъ теоріямъ о происхожденіи античнаго государства дѣлаетъ изъ нихъ кліентовъ эвпатридовъ, съ чѣмъ до нѣкоторой степени согласны и Гильбертъ, Дункеръ и Бузольтъ[3]). Самымъ энергичнымъ образомъ Филиппи высказался за аристократическій характеръ родоваго строя въ первоначальномъ его видѣ и за исключеніе изъ него низшихъ классовъ населенія: онъ наилучше сопоставилъ всѣ возможные доводы, чтобы доказать, что принятіе послѣднихъ во фратріи совершилось лишь въ силу законодательства Солона. Ему высказалъ полное сочувствіе лишь Курціусъ, видоизмѣнившій его воззрѣніе только въ томъ, что призналъ главнымъ авторомъ этой въ значительной мѣрѣ религіозной реформы не Солона, а Эпименида, имѣвшаго

[1]) Grote, Hist. of Gr. III, p. 67: „These phratries and gentes probably never at any time included the whole population of the country — and the proportion not included in them tended to become larger and larger, in the times anterior to Kleisthenes, as well as afterwards“.

[2]) K. Hermann, Gr. St.-Alt. § 100: „ohne dass jedoch daraus der Schluss gezogen werden dürfte, dass nicht alle geborene Athener Mitglieder eines Geschlechts gewesen seien“.

[3]) Fustel de Coulanges, La cité antique, p. 275; срвн. однако p. 340. G. Gilbert, Gr. St.-Alt. I, p. 111—13: „Da nun in den Phylen und Phratrien Eupatriden und Nichteupatriden vereinigt waren, so liegt es nahe anzunehmen, dass ebenso, wie in Rom zu den Familien- und Geschlechtseinheiten die Clienten gehörten, auch in Athen die Nichteupatriden, d. h. die Georgen und Demiurgen einem eupatridischen Geschlechte zugeordnet waren“. M. Duncker, Gesch. des Alt. V, p. 84. G. Busolt, Gr. Gesch. I, p. 397: „Dieses Verhältniss kann sich kaum in anderer Weise entwickelt haben, als dass sich die nichteupatridischen Familien aus den Ständen der Apoiken und Demiurgen den Geschlechtern, um deren Stammsitze sie in der Regel wohnten, als Schutzverwandte angeschlossen hatten“. Cfr. Gr. St.-Alt., p. 105, 144. За принадлежность всѣхъ трехъ сословій къ единицамъ родоваго строя высказывается, хотя крайне осторожно, и A. Holm, Gr. Gesch. I, p. 457.

большое, хотя не вполнѣ намъ извѣстное вліяніе на аѳинскій культъ[1]).

Большинство же новѣйшихъ изслѣдователей послѣ изысканій Buermann'a и Шёлля держатся воззрѣнія, что лишь послѣ того, какъ Клисѳенъ увеличилъ число фратрій, въ нихъ нашли себѣ мѣсто и не-эвпатриды: такой взглядъ приняли Sauppe (который въ сущности первый его пытался провести въ изслѣдованіи, почти оставшемся безъ вниманія), v. Wilamowitz, Szanto, Schenkl, Hug, C. Schäfer, Toepffer, хотя не о всѣхъ нихъ можно съ увѣренностью утверждать, что они отрицаютъ участіе демотовъ въ доклисѳеновскихъ фратріяхъ, такъ какъ возможно соединить послѣднее со взглядомъ на умноженіе числа этихъ единицъ, хотя и не безъ натяжки, какъ показалъ Гильбертъ[2]). Итакъ, обобщая вкратцѣ сказанное, мы видимъ, что старѣйшіе авторитеты нашей науки склонялись больше къ мнѣнію объ общедоступности родовыхъ дѣленій для всѣхъ аѳинскихъ гражданъ, между тѣмъ какъ въ послѣднее 25-лѣтіе возобладалъ взглядъ, что во времена господства родоваго строя единственными носителями его были эвпатриды; насчетъ эпохи, когда эта ихъ привилегія была у нихъ отнята окончательно, ученые не могутъ вполнѣ согласиться, но какъ видно изъ только-что перечисленныхъ именъ перевѣсъ находится на сторонѣ тѣхъ, кто стоитъ за Клисѳена, какъ автора этой реформы.

Мы не можемъ входить въ подробную критику взгляда каждаго

---

1) Philippi, op. l., p. 282 sqq. E. Curtius, Gr. Gesch. I, p. 306.

2) H. Bürmann, Drei Studien auf dem Gebiete des attischen Rechts въ N. Jahrbb. f. Phil. S.-B. IX, p. 597: die attischen Neubürger und die Kleisthenischen Phratrien. R. Schöll, De communibus et collegiis quibusdam graecorum въ Sat. phil. H. Sauppio oblata (1879), p. 172 (при составленіи даннаго труда не была у меня подъ рукой); die Kleisthenischen Phratrien въ Sitz.-Ber. der Münch. Akad. 1889, B. II, p. 1 sqq. H. Sauppe (уже въ цюрихской программѣ: de causis magnitudinis eisdem et labis Athenarum, 1836, мнѣ незнакомой), de phratriis att. (1886/87), p. 3 sqq.; v. Wilamowitz, Kydathen, p. 227; E. Szanto, Unters. über das att. Bürgerr. (1881), p. 46; H. Schenkl, Zur Gesch. des att. Bürgerr. въ Wiener Stud. V, p. 70; A. Hug, Bezirke, Gemeinden und Bürgerrecht in Attika (1886), p. 15—16; C. Schäfer, Altes und Neues über die att. Phratrien (1888), p. 23 sq., 30; I. Töpffer, Att. Gen. (1889), p. 7. G. Gilbert, St.-Alt. I, p. 142 принимаетъ съ Бюрманномъ увеличеніе числа фратрій при реформѣ Клисѳена, хотя полагаетъ, что старыя фратріи вмѣщали и демотовъ (см. предш. прим.): насколько мнѣ удалось констатировать, онъ съ этой своей комбинаціей „steht auf einsamer Höhe".

изъ названныхъ ученыхъ — иные мы уже характеризовали выше, другихъ мы коснемся дальше, гдѣ насъ заинтересуютъ отдѣльныя подробности: здѣсь мы можемъ только вообще разсмотрѣть доводы, приводимые въ пользу того или другаго общаго мнѣнія. Въ пользу Клисѳена говоритъ и даетъ ему преимущество самый характеръ, очень радикальный, его мѣропріятій: онъ умножилъ число филъ съ четырехъ до десяти, весьма правдоподобно было предположить, что онъ не оставилъ безъ измѣненій и числа фратрій, — въ этомъ смыслѣ и стали толковать извѣстное мѣсто Аристотелевой политики; а въ такомъ случаѣ гдѣ онъ нашелъ необходимую массу лицъ для своихъ новыхъ дѣленій? естественно, въ въ рядахъ демоса, до тѣхъ поръ исключеннаго изъ этихъ оплотовъ аристократіи! Для насъ такая аргументація не имѣетъ уже силы, такъ какъ ссылка на свидѣтельство Аристотеля оказалась несостоятельною; но возможно тѣмъ не менѣе предположить, что Клисѳенъ, даже удержавъ прежнее число фратрій (которое по нашему мнѣнію было значительно больше традиціонныхъ двѣнадцати), наполнилъ ихъ новыми людьми, какъ это принимаютъ для Солона тѣ, которые ему приписываютъ честь этой реформы.

Но какое же мы имѣемъ свидѣтельство, что такая реформа вообще когда-нибудь была произведена въ Аѳинахъ, либо Солономъ, либо Клисѳеномъ? обыкновенно ссылаются на авторитетъ Филохора, который приводитъ, какъ кажется, цитату изъ какого-то закона: „фраторы обязаны принимать (въ свое сообщество) какъ оргеоновъ, такъ и гомогалактовъ, которыхъ мы теперь называемъ геннетами“. Эту довольно темную по себѣ цитату обыкновенно толкуютъ какъ старинный законъ, приводимый Филохоромъ по случаю ревизіи гражданскихъ списковъ въ началѣ IV вѣка (эта эпоха описывалась у него въ четвертой книгѣ) и объясняютъ ее слѣдующимъ образомъ: гомогалакты или геннеты — лица, принадлежавшіе къ одному изъ 30 первоначальныхъ (знатныхъ) родовъ фратріи, т.-е. другими словами — эвпатриды, между тѣмъ какъ оргеонами назывались люди, настоящихъ, основанныхъ на кровномъ родствѣ (дѣйствительномъ или мнимомъ) родовъ не составлявшіе, а организованные въ извѣстныя религіозныя общества, слѣдовательно демоты — законъ предписываетъ фраторамъ принимать какъ тѣхъ, такъ и другихъ, и это дозволяетъ думать, что мы имѣемъ предъ собою часть того акта, коимъ было опредѣлено

допущеніе въ родовыя единицы гражданъ незнатнаго происхожденія[1]). Мы не станемъ останавливаться на другомъ толкованіи этого предложенія (К. Шефера и Тёпффера), по которому послѣднія слова („которыхъ мы называемъ геннетами“) или признаются неподлинными или относятся къ обоимъ предыдущимъ терминамъ, а послѣдніе обозначаютъ и тотъ и другой настоящіе роды, т.-е. эвпатридовъ, только съ разныхъ точекъ зрѣнія, семейной и религіозной[2]): такое воззрѣніе вполнѣ опровергнуто Шёллемъ, который справедливо замѣчаетъ, что законъ имѣетъ дѣло не съ различными произвольными наименованіями, а съ разными понятіями юридическими, и съ нимъ согласился и Тёпфферъ, взявъ назадъ

---

[1]) Philoch. fr. 94 (= Suidas s. v. *Ὀργεῶνες:* Müller Fr. Hist. Gr. I, p. 399): *περὶ δὲ τῶν ὀργεώνων γέγραφε καὶ Φιλόχορος· „τοὺς δὲ φράτορας ἐπάναγκες δέχεσθαι καὶ τοὺς ὀργεῶνας καὶ τοὺς ὁμογάλακτας, οὓς γεννήτας καλοῦμεν.*— Bürmann сверхъ того ссылается (op. l., p. 615) еще на мѣсто Эсхина (De falsa leg. (II), 147, p. 313), гдѣ ораторъ о себѣ говоритъ: *εἶναι δ' ἐκ φατρίας τὸ γένος, ἣ τῶν αὐτῶν βωμῶν Ἑτεοβουτάδαις μετέχει, ὅθεν ἡ τῆς Ἀθηνᾶς τῆς Πολιάδος ἐστὶν ἱέρεια.* Изъ этого онъ дѣлаетъ выводъ (какъ раньше К. Hermann въ Zeitschr. f. Alt.-Wiss. 1835, p. 1147), что въ каждой фратріи былъ одинъ знатный родъ, бывшій ея представителемъ передъ богами, остальные члены были оргеоны: изъ 360 родовъ, нѣкогда существовавшихъ въ Аттикѣ, Клисѳенъ образовалъ черезъ присоединеніе демотовъ-оргеоновъ столько же фратрій. Мнѣніе это вполнѣ справедливо опровергнуто Sauppe (op. l., p. 7) и Schöll'емъ (op. l., p. 23: „von einer Vorstandschaft der Adelsgeschlechter oder eines Adelsgeschlechtes in der Phratrie findet sich keine Spur“). — На толкованіяхъ другой глоссы (Suidas s. v. *γεννῆται· οἱ ἐκ τοῦ αὐτοῦ καὶ πρώτου τῶν τριάκοντα γενῶν, οὓς καὶ πρότερόν φησι Φιλόχορος ὁμογάλακτας καλεῖσθαι.* Cfr. s. v. *Ὁμογάλακτες)* останавливаться не стоитъ: оба представителя двухъ возможныхъ (?) толкованій, Philippi (op. l., p. 204 по Геральду и Платнеру) и Gilbert (N. Jahrb. f. Phil. 1873, p. 44 по Сальмазію и В. Ваксмуту) отказались отъ нихъ (первый въ N. Jahrb. f. Phil. 1879, p. 419; второй въ Gr. St.-Alt. I, p. 112, not. 2). Дѣйствительно глосса не допускаетъ никакого раціональнаго толкованія: она — искаженное извлеченіе изъ Гарпократіона (s. v. *γεννῆται*), какъ доказалъ Jul. Stojentin, De Pollucis in publ. antiqq. enarrandis auctoritate, p. 42, not. 48.

[2]) Schäfer, A. und N. Über die att. Phr. p. 35, Töpffer, Att. Gen., p. 9. Воззрѣніе, что слова „*οὓς γεννήτας καλοῦμεν*“ — позднѣйшее прибавленіе (такъ и Sauppe, op. l., p. 6 и Schöll, Kl. Phr., p. 16, not. 2), неосновательно: во-первыхъ, всѣ лексикографы ихъ приводятъ (Harpocr. et Lex. Dem. Patm. s. v. *γεννῆται*), и весьма основательно, такъ какъ *ὁμογάλακτες* нуждалось въ объясненіи; во-вторыхъ, въ IV в. дѣйствительно у всѣхъ ораторовъ встрѣчается лишь выраженіе *γεννῆται* — Филохору необходимо было констатировать тождество двухъ терминовъ.

свое прежнее мнѣніе[1]); оба они согласны, что оргеоновъ даннаго закона должно признать въ т.-наз. *θίασοι*, которые упоминаются въ декретѣ фратріи Демотіонидовъ и играютъ видную роль при пріемѣ молодыхъ гражданъ.

Признавая правильность доводовъ Шёлля, мы должны, однако, сказать, что Шеферомъ руководила до нѣкоторой степени правильная мысль, когда онъ данное предложеніе толковалъ такъ: „фраторы должны обязательно безъ дальнѣйшихъ разсужденій („unbesehen und unbeanstandet“) принимать геннетовъ, т.-е. лицъ, признанныхъ своими родами“. Дѣйствительно обыкновенное толкованіе, что фраторы должны *также* принимать оргеоновъ, какъ геннетовъ, невозможно съ точки зрѣнія языка, а дословный переводъ съ союзами „и — и“ приводитъ насъ къ противорѣчію съ дѣйствительно существовавшими порядками: фраторы вовсе не должны были *обязательно* принимать кого бы то ни было — они рѣшали этотъ вопросъ баллотировкой и всегда имѣли право всякаго отвергнуть и не допустить въ свою среду[2]). Во всякомъ случаѣ законъ не даетъ намъ никакихъ указаній на время своего происхожденія: онъ можетъ такъ же хорошо относиться къ эпохѣ Солона, какъ къ Клисѳеновской.

Мы такимъ образомъ относительно этого вопроса приведены къ разсужденіямъ чисто апріорнымъ и если бы намъ былъ предоставленъ выборъ лишь между названными двумя законодателями, то мы должны сказать, что всѣ вѣроятія говорятъ въ пользу Солона, а не Клисѳена. Солонъ, сломивъ привилегіи эвпатридовъ, поставилъ доступъ не только въ свой совѣтъ, но и въ коллегію

---

[1]) Schöll, Kleisth. Phr. p. 17: „Das Gesetz hat es nicht mit Varianten von Namen sondern mit Kategorien zu thun“. Насчетъ различія между геннетами и оргеонами срвн. Isaei de Menecl. her. (II), 14 и комментарій Шёманна къ мѣсту (p. 208—10).

[2]) Schöll, l. l. утверждаетъ: „Ein derartiges Privilegium des Geschlechts, welches die Phratrie von vorneherein an das Votum der Genneten gebunden und jeder Befugniss zu selbständiger Prüfung beraubt hätte, ist nicht allein ohne Gewähr, sondern ungeheuerlich“. Мы можемъ только согласиться съ этими словами, но также вѣрно, что *ἐπάναγκες* имѣетъ тотъ смыслъ, какой ему даетъ Schäfer, и смягченія Schöll'я („sind gehalten“) могутъ только затуманить, но не уничтожить этой истины. Выводъ очень простой: въ той формѣ, какъ онъ намъ переданъ, законъ этотъ невозможенъ („ungeheuerlich“), первоначальной — мы возстановить не можемъ, а слѣдовательно его слѣдуетъ или отвергнуть вполнѣ или пользоваться имъ съ крайней осторожностью.

архонтовъ въ зависимость не отъ знатнаго происхожденія, а отъ ценза, т.-е. открылъ его демотамъ, при чемъ однако выборы какъ въ члены перваго, такъ и въ послѣднихъ производились по филамъ, т.-е. каждая изъ послѣднихъ ставила опредѣленное число кандидатовъ[1]): предположить, что въ его время демоты не были членами филъ, значило бы обвинить его законодательство въ противорѣчіи съ самимъ собою, больше того — въ нелѣпости! Или быть можетъ, кто-нибудь постарается выйти изъ этого затрудненія, предположивъ, что Солонъ далъ, правда, демотамъ доступъ къ филамъ, но во фратріи ихъ принялъ лишь Клисѳенъ? Съ другой стороны какая необходимость могла заставить послѣдняго заботиться о пріемѣ демотовъ въ родовыя единицы, коихъ значеніе для государства онъ уничтожилъ, оставивъ имъ лишь частно-религіозныя функціи? Правда, впослѣдствіи отъ каждаго лица, желавшаго пользоваться правами гражданина, требовалось доказательство, что онъ принадлежитъ къ какой-нибудь фратріи[2]); но если этотъ законъ не существовалъ до Клисѳена, то что же могло его принудить именно ей придать такое значеніе, а не обусловить права гражданства принадлежностью лишь къ извѣстному дему, коихъ созданіе составляетъ краеугольный камень всей его реформы? Или скажутъ, что обязательность занесенія гражданъ въ списки фратрій онъ заимствовалъ у „Eupatridenstaat“? но мы не имѣемъ права предполагать, чтобы до самаго его времени эвпатриды были единственными гражданами.

Вообще намъ кажется, что приписываемая обыкновенно Клисѳену новая организація фратрій вовсе не соотвѣтствуетъ духу, характеру и цѣлямъ его реформы, какъ это большею частью утверждаютъ новѣйшіе изслѣдователи. Обыкновенно послѣдніе объясняютъ, что аѳинскій законодатель умножилъ число фратрій (невѣрность этого ученія мы доказали уже выше) съ цѣлью разрознить тѣсно сплоченные ряды аристократовъ, открылъ въ нихъ доступъ демотамъ съ цѣлью сломить преобладаніе въ нихъ эвпатридовъ, дотолѣ по своему усмотрѣнію ими заправлявшихъ. Разсужденіе такое имѣетъ еще извѣстный смыслъ, когда оно примѣняется къ Солону, такъ

---

[1]) Cfr. Aristot. Ath. Pol. 8, 1 et 4.

[2]) Это доказалъ съ полной убѣдительностью Bürmann, op. l., p. 597 sq.: срвн. нашу гл. III.

какъ онъ все государственное управленіе основалъ на четырехъ старыхъ родовыхъ филахъ; но по отношенію къ Клисѳену и его реформѣ подобное объясненіе не имѣетъ мѣста: онъ основалъ весь политическій строй на территоріальныхъ дѣленіяхъ гражданъ, а слѣдовательно включеніе демотовъ и въ родовыя единицы было вполнѣ безразлично. Онъ убилъ, можно сказать, политическое значеніе фратрій, и ему же приписываютъ мѣру, по которой послѣднимъ былъ предоставленъ контроль надъ принятіемъ юнаго поколѣнія въ число гражданъ! Онъ установленіемъ новыхъ филъ хотѣлъ сломить традиціонное преобладаніе эвпатридовъ надъ низшими классами, „перетасовавши какъ можно больше гражданъ“ (по выраженію Аристотеля), а новѣйшіе ученые его же называютъ авторомъ принятія демотовъ во фратріи, что благодаря наслѣдственнымъ культамъ знатныхъ родовъ должно было непремѣнно повести къ подчиненію ихъ авторитету эвпатридовъ, носителей религіозныхъ традицій! Правда, говорятъ напротивъ, что проникновеніе демотовъ во фратріи должно было сломить господство въ нихъ аристократовъ — спрашивается только, надъ кѣмъ и въ чемъ они могли проявлять это свое господство, пока они были единственными членами фратрій, низведенныхъ въ политическомъ отношеніи до ничтожества и въ религіозномъ ограниченныхъ узкимъ кругомъ своихъ же фраторовъ?

Въ довершеніе къ этому мы имѣемъ прямое свидѣтельство ученаго времени императора Тиберія Селевка, что оргеоны уже упоминались въ одномъ Солоновскомъ законѣ — быть можетъ, въ томъ же самомъ, который и мы еще читаемъ въ Дигестахъ: „если фраторы или оргеоны или геннеты и т. д., какія бы обязательства не приняли на себя подобныя общества въ своей внутренней сферѣ, послѣднія имѣютъ полную силу, если только ихъ не запрещаютъ государственные законы“ (т.-е. если эти частныя обязательства не противорѣчатъ общимъ законамъ государства)[1]). Напрасно зна-

[1]) Phot. s. v. *ὀργεῶνες· Σέλευκος δὲ ἐν τῷ ὑπομνήματι τῶν Σόλωνος ἀξόνων ὀργεῶνάς φησι καλεῖσθαι τοὺς συνόδους ἔχοντας περί τινας ἥρωας ἢ θεούς.* Dig. XXXXVI, 22, 4 (съ поправками v. Wilamowitz'a, Antigonos von Karystos, p. 278, not. 10): *ἐὰν δὲ δῆμος ἢ φρατέρες ἢ ὀργεῶνες ἢ γεννῆται (ἢ ἱερῶν ὀργίων ἢ ναῦται* codd.) *ἢ σύσσιτοι ἢ ὁμόταφοι ἢ θιασῶται ἢ ἐπὶ λείαν οἰχόμενοι ἢ εἰς ἐμπορίαν, ὅτι ἂν τούτων διαθῶνταί [τινες] πρὸς ἀλλήλους, κύριον εἶναι ἐὰν μὴ ἀπαγορεύῃ (-ρεύσῃ* codd.) *δημόσια γράμματα.*

ченіе этихъ словъ стараются ослабить ссылаясь на ихъ испорченную формулировку или же отрицая ихъ Солоновское происхожденіе на томъ основаніи, что въ томъ же законѣ упоминается и демъ, учрежденный лишь Клисѳеномъ: хотя и не подлежитъ сомнѣнію, что Солону приписывались многіе законы, ему вовсе не принадлежавшіе, но это дѣлалось аѳинскими ораторами въ видѣ адвокатской уловки [1]) и вовсе не доказываетъ, чтобы ученый не имѣлъ возможности опредѣлить подлиннаго автора; какъ прекрасно пояснилъ Wilamowitz-Möllendorff, именно запутанная формулировка, неорганическая вставка термина *δῆμος* (вмѣсто ожидаемаго по остальной конструкціи *δημόται)* служитъ лучшимъ свидѣтельствомъ до-клисѳеновскаго его происхожденія.

Также несостоятельно и другое возраженіе, сдѣланное проф. Шёллемъ, что „до-клисѳеновское существованіе оргеоновъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, но дѣломъ Клисѳена было не вызвать ихъ къ жизни, а соединить ихъ съ родами въ своихъ фратріяхъ“ [2]) — воззрѣніе, которое въ сущности сходится со взглядомъ ученыхъ, видящихъ въ оргеонахъ Солоновскаго закона частныя религіозныя общества, какъ таковыя и впослѣдствіи существовали въ Аѳинахъ. Но, во-первыхъ, эти послѣднія никогда не были наслѣдственными, и члены одной же семьи могли принадлежать къ различнымъ кружкамъ; приписать же Клисѳену введеніе для нихъ принципа наслѣдственности, который мы находимъ въ силѣ въ *θίασοι* фратріи Демотіонидовъ, было бы столь же рискованно, какъ предположить, что онъ искусственно соединилъ въ подобныя общества лицъ, дотолѣ ни къ какому кружку не принадлежавшихъ или же несмотря на близкое родство зачисленныхъ въ разные кружки. Во-вторыхъ, противъ Шёлля и его сторонниковъ говоритъ то мѣсто, которое занимаетъ въ законѣ слово „оргеоны“ — будучи упомянуты между фраторами и геннетами (въ томъ же порядкѣ какъ въ законѣ, сохраненномъ Филохоромъ), они должны были принадлежать къ одной съ ними организаціи.

Если мы такимъ образомъ доказали, что соединеніе оргеоновъ съ геннетами и по общимъ соображеніямъ не можетъ быть дѣ-

[1]) Cfr. M. Meier, De bonis damnatorum, p. 2.

[2]) Schöll, op. l. p. 15, not. 1: „Der vorkleisthenische Ursprung der Orgeonen ist meines Wissens niemals bezweifelt worden: Kleisthenes' Werk war es nicht diese Verbände in's Leben zu rufen, sondern sie mit den Geschlechtern in seinen Phratrien zu vereinigen“.

ломъ Клисѳеновскаго законодательства и противорѣчитъ прямымъ указаніямъ древнихъ текстовъ, какъ только что упомянутаго Солоновскаго закона, такъ и раньше приведеннаго свидѣтельства Аристотеля въ аѳинской Политіи: спрашивается, нельзя ли приписать подобнаго законодательнаго акта основателю аѳинской демократіи Солону? По нашему мнѣнію, какъ уже выше сказано, это было бы требованіемъ простой логики, если только до него эвпатриды были единственными членами фратрій. Но этого-то положенія, часто повторяемаго различными учеными, еще никому не удалось доказать, мало того — къ стыду нашей науки должно сказать, что никто даже не пытался этого сдѣлать, а всѣ принимали свое личное воззрѣніе, будто только „благородные“ (*εὐγενεῖς*) люди имѣли право составлять роды, за неопровержимую аксіому: обязанность доказательства они предпочитали возложить на своихъ противниковъ, а если послѣдніе представляли свои доводы, то они отрицали ихъ силу на основаніи неблагонадежности источниковъ[1]). Такъ, Гильбертъ указалъ на то, что по свидѣтельству Поллукса филобасилеи выбирались изъ эвпатридовъ — такое постановленіе ему кажется понятнымъ только въ томъ случаѣ, если въ филахъ участвовали и не-эвпатриды[2]): на это ему отвѣчаютъ, что Поллуксъ имѣетъ въ виду лишь учрежденія классическаго времени аѳинской демократіи, когда по допущеніи всѣхъ гражданъ во фратріи и филы привилегія попрежнему ставить филобасилеевъ исключительно изъ своей среды была оставлена за эвпатридами. Далѣе Гильбертъ же указываетъ на Драконовскій законъ о преслѣдованіи убійцы, который гласитъ, что за отсутствіемъ ближайшихъ родственниковъ у убитаго обязанности обвинителей возлагаются на 10 фраторовъ, избираемыхъ эфетами *ἀριστίνδην*, т.-е. изъ числа

---

[1]) Такъ поступаетъ напр. Philippi (op. l., p. 282), говоря, что въ „историческихъ повѣствованіяхъ“ умалчивается объ участіи трехъ сословій въ филахъ и фратріяхъ, о коемъ знаютъ лишь „систематическія замѣтки“: „dass es eine Zeit gab, wo Geomoren und Demiurgen noch nicht in den Adelsabtheilungen sich befanden, war für den Zusammenhang der Untersuchungen, aus denen diese Notizen geflossen sind, gleichgültig“. Спрашивается только, гдѣ авторъ нашелъ свои „историческія повѣствованія“? у Плутарха? но послѣдній въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о сословіяхъ, не упоминаетъ даже о филахъ, тѣмъ менѣе объ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ!

[2]) Gilbert, Gr. St.-Alt. I, p. 112 et not. 1. Poll. VIII, 111: *οἱ δὲ φυλοβασιλεῖς ἐξ εὐπατριδῶν ὄντες* etc. Ему возражалъ особенно C. Schäfer (op. l., p. 26).

знатныхъ членовъ фратріи, изъ эвпатридовъ[1]): Гильбертъ приходитъ къ вполнѣ правильному выводу, что слѣдовательно уже во времена Дракона фратрія заключала въ себѣ какъ знатныхъ, такъ и незнатныхъ членовъ, т.-е. уже до Солона во всякомъ случаѣ родовой строй обнималъ всѣ классы аѳинскаго населенія. Но противъ него Э. Мейеръ, съ которымъ соглашается и Шеферъ, предложилъ новое толкованіе термина *ἀριστίνδην:* онъ считаетъ его равносильнымъ *κατ' ἀρετὴν*, т.-е. по достоинству, и отказывается видѣть въ немъ указаніе на знатность происхожденія, а признаетъ лишь требованіе личной доблести (мы бы сказали: безпорочности). Но вѣдь, переводя *ἀριστίνδην αἱρείσθων* „пусть выбираютъ достойнѣйшихъ", необходимо было бы аналогичное выраженіе *πλουτίνδην αἱρείσθων* передавать черезъ „пусть выбираютъ самыхъ богатыхъ", между тѣмъ какъ *πλουτίνδην* значитъ „по цензу", такъ что при невысокомъ цензѣ и сравнительно бѣдные могли быть выбраны, напр. въ Солоновскій совѣтъ Четырехъ-Сотъ[2]); кромѣ того, несмотря на общность корня, *ἀριστίνδην* не происходитъ вовсе отъ слова *ἀρετὴ*, а отъ словъ: *ἄριστος, ἀριστῆες (ἀριστεία)*, которыя именно служатъ для обозначенія не какого-либо нравственнаго превосходства (точно такъ же, какъ *οἱ κακοὶ* вовсе не имѣетъ смысла „негодяевъ"), а лишь внѣшнихъ преимуществъ рожденія; наконецъ да будетъ намъ позволено спросить, какой смыслъ даетъ законъ, предписывающій выбирать только „наидостойнѣйшихъ"? намъ думается, что добавленіе это вполнѣ безсодержательно, такъ какъ это само собою разумѣется при выборахъ — еще никому не приходило, кажется, въ голову, чтобы законодатель могъ предписать выборы „менѣе достойныхъ", а если на дѣлѣ послѣднее иногда бываетъ, то едва ли кто-либо былъ такъ наивенъ, что думалъ этому воспрепятствовать простымъ запрещеніемъ! Къ этому присоединяется еще слѣдующее соображеніе: законъ Дракона объ убійствахъ былъ, конечно, данъ для всѣхъ гражданъ, не только

[1]) Gilbert, ibid. C. I. A. I, 61: *τούτους δ' οἱ πεντήκοντα καὶ εἷς ἀριστίνδην αἱρείσθων* (cfr. Dem. in Macart. (XLIII), 57, p. 1069).

[2]) E. Meier (Rh. Mus. XLI, p. 586) ссылается на Aristot. Politic. II, 11, p. 1273 a, 23: *οὐ γὰρ μόνον ἀριστίνδην ἀλλὰ καὶ πλουτίνδην οἴονται δεῖν αἱρεῖσθαι τοὺς ἄρχοντας.* По его мнѣнію, значитъ, карѳагеняне избирали сановниковъ „по богатству" *(κατὰ πλοῦτον)*, т.-е. чѣмъ богаче кто былъ, тѣмъ больше правъ онъ имѣлъ по закону (рѣчь здѣсь можетъ идти только о законѣ) быть поставленнымъ во главѣ государства — мудрый принципъ!

для эвпатридовъ, но и для демотовъ; слѣдовательно, если убитый принадлежалъ къ числу послѣднихъ и не имѣлъ ближайшихъ родственниковъ въ степеняхъ, опредѣленныхъ закономъ (а это должно было въ маленькихъ семьяхъ мелкаго люда случаться чаще, нежели въ широко-развѣтвленныхъ родахъ эвпатридовъ), то и для преслѣдованія его убійцы, конечно, и для совершенія необходимыхъ религіозныхъ обрядовъ, предназначенныхъ очистить страну отъ запятнанія, эфеты должны были избрать десять обвинителей изъ числа *его* фраторовъ! Такой выводъ мы необходимо должны сдѣлать изъ закона Дракона, если мы не предположимъ, что въ немъ нѣкогда былъ особенный параграфъ, касавшійся лицъ не знатнаго происхожденія и опущенный, естественно, или уже Солономъ, или во всякомъ случаѣ редакторами возобновленнаго въ концѣ V-го в. аѳинскаго кодекса: какъ мало, однако, вѣроятія имѣетъ за себя предположеніе, что именно въ законодательствѣ объ убійствѣ, имѣвшемъ чисто религіозную основу — мысль о необходимости очистить страну и охранить ее отъ эринній умершаго — жизнь эвпатрида цѣнилась иначе и его убіеніе преслѣдовалось по другимъ нормамъ, нежели установленныя для остальныхъ гражданъ!

Правда, нѣкоторые ученые утверждаютъ, что до Солона единственными гражданами Аѳинъ были именно эвпатриды, и если Плутархъ въ противоположность имъ, какъ и мы нѣсколько выше, говоритъ объ „остальныхъ гражданахъ“ во времена Тезея, то въ этомъ видятъ лишь „пролепсисъ“, перенесеніе гораздо болѣе позднихъ установленій въ древнѣйшую эпоху [1]). Такому воззрѣнію, по крайней мѣрѣ, нельзя отказать въ послѣдовательности — дѣйствительно человѣкъ, который стоитъ внѣ освященныхъ религіей дѣленій народныхъ, не имѣетъ права называться гражданиномъ. Это понималъ уже Гомеръ, когда восклицалъ: „внѣ фратріи, *внѣ закона (θέμιστες)*, внѣ домашняго очага стоитъ, кто любитъ гражданскія междоусобицы“ [2]) — значитъ человѣкъ, лишенный фратріи, теряетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и право на защиту закона и свое семейное положеніе, т.-е. перестаетъ быть гражданиномъ! Такъ какъ мы упомянули о Гомерѣ, то вспомнимъ и о другомъ его мѣстѣ,

[1]) Plut. v. Thes. 25. Philippi (op. l., p. 280, not. 97) замѣчаетъ: „Der Ausdruck *πολῖται* passt streng genommen auf diese nicht, er ist anticipirt“.

[2]) Hom. Il. *I*, 63: *ἀφρήτωρ, ἀθέμιστος, ἀνέστιός ἐστιν ἐκεῖνος*
ὃς πολέμου ἔραται ἐπιδημίου ὀκρυόεντος.

гдѣ упоминаются фратріи въ ахейскомъ войскѣ[1]): изъ него явствуетъ, что въ этихъ дѣленіяхъ участвовали всѣ безъ исключенія воины, *δήμου ἄνδρες* наравнѣ со знатными, точно такъ же, какъ всѣ они созывались въ народное собраніе при всѣхъ важныхъ дѣлахъ. Пусть это участіе демоса въ государственныхъ дѣлахъ будетъ весьма незначительно, пусть смѣлый ораторъ (вѣрнѣе сказать, нахальный крикунъ) въ родѣ Θерсита подвергается насмѣшкамъ и побоямъ: во всякомъ случаѣ народное собраніе существуетъ, въ которомъ демотамъ даже не возбраняется высказывать свое мнѣніе (какъ показываетъ примѣръ экклезіи на Итакѣ), хотя обыкновенно слово принадлежитъ знатнымъ; во всѣхъ важныхъ случаяхъ, напр. при вражескомъ нашествіи, объявленіи войны и т. д. ни царь, ни знать не рѣшаются обойтись безъ народа, и ясно выраженная его воля имѣетъ такой вѣсъ, которымъ пренебречь не легко[2]).

Подобное же положеніе народа мы находимъ приблизительно и въ историческое время въ Спартѣ, наилучше сохранившей преданіе старины, — только покоренный классъ лишенъ какъ названія гражданина, такъ и участія въ народномъ собраніи[3]); можно ли предположить, чтобы въ Аттикѣ, гдѣ не было настоящаго завое-

---

1) Il. *B*, 362—63.

2) Относительно народныхъ собраній, описываемыхъ въ гомеровскомъ эпосѣ, срвн. Schömann, Gr. Alt. I, p. 26—29, который наилучше охарактеризовалъ положеніе демоса, не вдаваясь въ противоположныя крайности новѣйшихъ ученыхъ, которые или считаютъ народъ вполнѣ безправнымъ или приписываютъ ему слишкомъ много вліянія: V. Thumser (-Hermann) St.-Alt. I, p. 67; Gladstone, Homer. Stud., p. 327; Fanta, Staat in der Ilias und Odyssee, p. 89.

3) Классическое свидѣтельство мы имѣемъ у Аристотеля, гдѣ онъ о карѳагенскихъ учрежденіяхъ по сравненію съ спартанскими и критскими говоритъ (Politic. II, 11, p. 1273 a, 9): *ἃ δ' ἂν εἰσφέρωσιν οὐ διακοῦσαι μόνον ἀποδιδόασι τῷ δήμῳ τὰ δόξαντα τοῖς ἄρχουσιν, ἀλλὰ κύριοι κρίνειν εἰσὶ καὶ τῷ βουλομένῳ τοῖς εἰσφερομένοις ἀντειπεῖν ἔξεστιν, ὅπερ ἐν ταῖς ἑτέραις πολιτείαις οὐκ ἔστιν.* Cfr. Plut. v. Lyc. 6. Въ исключительныхъ случаяхъ могли, кажется, выступать и ораторы изъ народа (Busolt, Laked. und ihre Bundesgen. I, p. 30; Gr. Gesch. I, p. 126, not. 1 съ ссылкой на Thuc. I, 79 и Xen. Hell. VI, 4, 2), конечно, лица пользовавшіяся бо́льшимъ авторитетомъ: обычай, думаю, а не законъ воспрещалъ немотивированныя словопренія. И въ Спартѣ дѣла рѣшались не голосованіемъ, а крикомъ (Thuc. I, 87: *κρίνουσι γὰρ βοῇ καὶ οὐ ψήφῳ*); также и ахейцы у Гомера (срвн. напр. Il. *B*, 333; *I*, 50: *Ὣς ἔφαθ', οἱ δ' ἄρα πάντες ἐπίαχον υἷες Ἀχαιῶν, μῦθον ἀγασσάμενοι Διομήδεος ἱπποδάμοιο.*

ванія, приведшаго къ порабощенію туземнаго населенія, громадное число жителей находилось на правахъ какихъ-то иностранцевъ на своей собственной родинѣ и такое ихъ положеніе продолжалось нѣсколько вѣковъ до законодательства Солона! Относительно послѣдняго у насъ имѣются довольно подробныя и обстоятельныя свѣдѣнія, сообщаемыя какъ Аристотелемъ въ Политикѣ, особенно же въ аѳинской Политіи, такъ Плутархомъ въ его біографіи Солона (гдѣ онъ, очевидно, помимо Аристотеля пользовался и другими хорошими источниками, содержавшими выписки изъ подлинныхъ его законовъ)[1]), и тѣмъ не менѣе о такой важной реформѣ, какою было бы преобразованіе народныхъ дѣленій и особенно принятіе въ нихъ демотовъ, мы не находимъ ни малѣйшаго намека,— кто желаетъ изучать исторію аѳинскихъ учрежденій, а не *сочинять* ее, не имѣетъ права приписывать законодательству Солона такихъ мѣръ, о коихъ ничего не знаетъ вся древность.

Тѣ ученые, которые исключаютъ изъ фратрій демотовъ, признаютъ ли они или нѣтъ права гражданства за ними, не даютъ себѣ яснаго представленія о томъ положеніи, въ которое они ихъ ставятъ: на родовомъ строѣ основываются, особенно въ древнюю пору, всѣ права человѣка, не только политическія, но и частныя; родовыя единицы, какъ мы постарались выше показать, были первоначально единственными владѣльцами земли, такъ что исключенные изъ нихъ геоморами никакъ ни быть, ни зваться не могли; онѣ же были исключительными хранителями и носителями религіозныхъ традицій и священныхъ обрядовъ — кто былъ поставленъ внѣ ихъ, тотъ не имѣлъ ни культа и заступничества боговъ при жизни, ни послѣ смерти — мѣста погребенія и необходимыхъ жертвенныхъ приношеній, какъ это и выражаетъ Гомеръ въ вышеприведенныхъ словахъ; однимъ словомъ, такія лица не имѣли ни-

[1]) Aristot. Politic. II, 12, p. 1273 b, 27 (эту главу со времени Göttling'a многіе критики считаютъ интерполированной въ большей или меньшей степени: я присоединяюсь къ мнѣнію Зуземиля, что только конецъ ея, отъ p. 1274 a, 22, принадлежитъ чужой рукѣ). Aristot. Ath. Pol. capp. 5—12. Plut. v. Solonis. Главнымъ источникомъ послѣдняго, какъ и Діогена Лаертскаго (I, 2) былъ Герминъ въ своихъ *βίοι*, но для главъ 19—24 онъ пользовался какимъ-нибудь трактатомъ о Солоновскихъ законахъ, вѣроятно Дидима Халкентера *περὶ τῶν ἀξόνων τῶν Σόλωνος*: cfr. Begemann, Quaestiones Soloneae I, 1875. (Ben. Niese, Zur Geschichte Solons und seiner Zeit въ Hist. Unters. f. A. Schäfer, 1882, p. 4, было мнѣ недоступно).

какого участія *οὔτε ἱερῶν οὔτε ὁσίων*, говоря античными терминами. Поэтому мы должны принять какъ фактъ несомнѣнный, что отъ временъ сѣдой старины всѣ граждане аѳинскіе, къ какому бы сословію они ни принадлежали, входили въ составъ филъ, фратрій и родовъ.

Если намъ возразятъ, что у лицъ незнатнаго происхожденія не можетъ быть „рода“, то спрашивается, не вносимъ ли мы своихъ понятій въ античный міръ: кто можетъ имѣть семью законную, можетъ и основать родъ, слѣдовательно только человѣкъ несвободный лишенъ какъ того, такъ и другаго; что такое понятіе было не чуждо аѳинянамъ, показываетъ самый терминъ *εὐγενέστατοι*, служившій для обозначенія эвпатридовъ, какъ лицъ принадлежавшихъ къ „знатнѣйшимъ родамъ“, очевидно, въ противоположность людямъ — демотамъ, коихъ родъ былъ незнатенъ; извѣстно также, что забота о продолженіи своего рода и вмѣстѣ съ тѣмъ культа предковъ не ограничивалась кругомъ однихъ эвпатридовъ, а именно на культѣ героизированныхъ мертвыхъ въ значительной мѣрѣ основывался родъ[1]). Мы не станемъ, однако, напирать на эти аргументы, такъ какъ прямыхъ доказательствъ мы представить тому не можемъ: нѣкоторые доводы въ пользу этого (настоящаго) нашего убѣжденія будутъ указаны нами при разсмотрѣніи переживаній родоваго строя въ историческое время — теперь привести ихъ было бы излишне, такъ какъ намъ бы возразили противники, что мы въ древнюю эпоху вносимъ институты позднѣйшаго періода развитія.

Но отчего нельзя предположить, что по аналогіи съ эвпатридами, образовавшими широко-развѣтвленные роды, демоты группи-

---

[1]) Въ этомъ отношеніи справедливы замѣчанія Шёманна (Comm. in Isaeum, p. 209), который только ошибался, считая *γένη* эвпатридовъ искусственно созданными: „Ex his igitur familiis, quae nulla gente continerentur, multas tamen naturali inter se cognatione coniunctas et a communi quodam progenitore oriundas eosdem necessario *θεοὺς πατρῴους*, eadem *ἱερὰ πατρῷα* coluisse oportet. Quid ergo? haec plurium familiarum sodalitia quonam nomine appellata esse statuimus. Dubitari profecto non potest, quin orgeones fuerint ..... Apparet autem his sodalitiis permagnam fuisse cum gentibus, quae proprie dicuntur, similitudinem. Nam sicuti gentes illae veteres et iisdem quaeque maioribus se ortas putabant et sacrorum a patribus acceptorum communionem habebant, ita haec quoque orgeonum sodalitia et a maioribus iisdem exorta et sacrorum communium vinculo coniuncta erant“.

ровались въ болѣе мелкія единицы, равныя нѣсколько разросшейся семьѣ, или, другими словами, что изъ массы народа съ теченіемъ времени въ силу различныхъ причинъ, главнымъ образомъ бо́льшаго религіознаго авторитета, выдѣлились нѣкоторыя семьи, которыя именно въ силу своего бо́льшаго значенія и болѣе свято хранили преданіе о своемъ общемъ происхожденіи и образовали классъ эвпатридовъ, между тѣмъ какъ остальныя, не сдерживаемыя такимъ могучимъ стимуломъ, въ борьбѣ съ жизнью теряли легче между собою родовую связь и легче распадались на болѣе мелкія единицы, соединенныя также общимъ культомъ, но не столь строгія въ требованіи кровнаго родства? — однимъ словомъ, что мѣшаетъ намъ распаденіе фратріи на гомогалактовъ и оргеоновъ или на *γένη* и *θίασοι* приписать самымъ древнимъ временамъ, предшествовавшимъ даже образованію аѳинскаго государства? Конечно не законъ, приводимый изъ Филохора, такъ какъ онъ переданъ намъ безъ имени законодателя! Правда, могутъ возразить, что первые писанные законы аѳинянамъ далъ Драконъ, а слѣдовательно и формулировка только-что упомянутаго никоимъ образомъ не можетъ быть древнѣе его; но вѣдь, Драконъ не изъ своей головы придумалъ всѣ данные имъ законы, въ большинствѣ случаевъ онъ ограничивался кодификаціей положеній обычнаго права: не онъ, конечно, создалъ законодательство о преслѣдованіи убійцы, тѣсно связанное, какъ мы видѣли, съ родовымъ строемъ и восходившее въ постепенномъ своемъ развитіи до стариннаго обычая кровавой мести, — не иначе онъ, конечно, поступилъ съ положеніями, касавшимися самого родоваго строя, и одно изъ таковыхъ и сохранилъ намъ, по всей вѣроятности, Филохоръ.

Противники могутъ насъ обвинить, что мы выставляемъ ни на чемъ не основанныя фантазіи въ качествѣ научныхъ теорій: мы бы имѣли право сослаться на ихъ собственный примѣръ, такъ какъ и они сами не привели въ пользу своихъ мнѣній ничего, кромѣ общихъ разсужденій; но мы находимся въ лучшемъ положеніи, мы можемъ сослаться на самый видный авторитетъ въ вопросахъ государственныхъ учрежденій — на Аристотеля. Уже въ давно извѣстныхъ цитатахъ изъ его аѳинской Политіи, сохраненныхъ разными лексикографами и схоліастами, говорилось по отношенію къ народнымъ дѣленіямъ, что каждая фила распадалась на три фратріи, триттіи и сословія — *ἔθνη:* подъ послѣднимъ терминомъ,

очевидно, нельзя ничего другаго понять, кромѣ извѣстныхъ трехъ аѳинскихъ сословій — эвпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ, какъ и толкуетъ его совершенно справедливо наилучшій изъ компиляторовъ — Поллуксъ[1]). Страннымъ могло только казаться, что это сословное дѣленіе ставится въ параллель родовому — на фратріи, какъ будто каждое *ἔθνος* само по себѣ соотвѣтствовало отдѣльной фратріи; но это затрудненіе устранено сюда относящимся отрывкомъ изъ Патмійскаго лексикона къ Демосѳену, гдѣ въ формѣ, очевидно ближе подходящей къ подлиннымъ словамъ Аристотеля, говорится слѣдующее: „издревле, прежде чѣмъ Клисѳенъ пропзвелъ свою реформу относительно филъ, народъ аѳинскій былъ раздѣленъ на [эвпатридовъ], земледѣльцевъ *(γεωργοί)* и ремесленниковъ *(δημιουργοί)*, и изъ нихъ составлялись четыре филы, а изъ филъ каждая распадалась на три части, которыя называли фратріями и триттіями и т. д.“[2]). Къ сожалѣнію въ самомъ текстѣ выпало слово „эвпатриды“; оно, правда, дополняется безъ всякаго труда и сомнѣнія, но нѣкоторые ученые съ понятной цѣлью оспариваютъ мѣсто, гдѣ его должно вставить: если предположить пропускъ не предъ словомъ *γεωργοί*, а послѣ слова *δημιουργοί*, то получается смыслъ, какъ будто Аристотель слова: „изъ нихъ составлялись четыре филы“ относилъ лишь къ эвпатридамъ[3]). Но это лукавое толкованіе вполнѣ несостоятельно: лучше, чѣмъ выше-

---

[1]) Poll. VIII, 111: *ὅτε μέντοι τέτταρες ἦσαν αἱ φυλαί, εἰς τρία μέρη ἑκάστη διῄρητο, καὶ τὸ μέρος τοῦτο ἐκαλεῖτο τριττὺς καὶ ἔθνος καὶ φρατρία ..... τρία δ' ἦν τὰ ἔθνη πάλαι, εὐπατρίδαι γεωμόροι δημιουργοί.* Срвн. программу W. Wachsmuth'a, De tribuum quattuor atticarum triplici partitione disputatio (Kiel 1825), которая посвящена, именно, вопросу объ этомъ троякомъ дѣленіи филъ.

[2]) Lex. Dem. patm. s. v. *γεννῆται: πάλαι τὸ τῶν Ἀθηναίων πλῆθος, πρὶν ἢ Κλεισθένη διοικήσασθαι τὰ περὶ τὰς φυλάς, διῃρεῖτο εἰς [εὐπατρίδας καὶ] γεωργοὺς καὶ δημιουργούς. καὶ φυλαὶ τούτων ἦσαν δ', τῶν δὲ φυλῶν ἑκάστη μοίρας εἶχε γ', ἃς φρατρίας καὶ τριττύας ἐκάλουν.*

[3]) Такъ поступаетъ C. Schäfer, Att. Phr., p. 26. H. Sauppe поступаетъ еще проще, говоря (De phr. I, p. 5): Multum illis quae ex Aristotelis republica Atheniensium derivata esse videntur (sic), tribuendum non est, nam miris erroribus et additamentis (?) ea quae Aristotelis eruditione et acumine digna haberi possunt, turbata et corrupta esse, si paullo accuratius inquisiveris, facile dispicitur. Конечно, при добромъ желаніи найти „недостойнымъ генія Аристотеля“ все, что не можетъ быть втиснуто въ Прокрустово ложе излюбленной теоріи!

приведенными цитатами грамматиковъ, признающихъ всѣ три ἔθνη входящими въ составъ филъ (ихъ всегда, когда это оказывается удобнымъ, можно обвинить въ порчѣ, искаженіи, безсмысленной выпискѣ словъ автора), опровергается это „дополненіе“ тѣмъ обстоятельствомъ, что названныя три сословія всегда приводятся въ традиціонномъ порядкѣ, соотвѣтствовавшемъ ихъ общественному положенію, — пусть укажутъ хоть одно мѣсто автора, гдѣ бы эвпатриды были названы послѣдними!

Итакъ Аристотель приписывалъ учрежденіе трехъ сословій самому древнѣйшему времени и признавалъ за ихъ членами издревле равное право на включеніе въ родовыя филы и ихъ подраздѣленія: конечно, и Аристотель могъ ошибаться въ своихъ воззрѣніяхъ на столь глубокую старину, но пока намъ не приведутъ болѣе вѣскаго авторитета, мы рѣшительно отказываемся вѣрить различнымъ искусственнымъ построеніямъ новѣйшихъ ученыхъ, которыя взаимнымъ противорѣчіемъ убѣждаютъ насъ въ своей несостоятельности и вмѣстѣ съ тѣмъ вызываютъ критику съ точки зрѣнія простой логики. Слѣдовательно намъ является фактомъ неоспоримымъ, что родовой строй въ Аттикѣ охватывалъ собою съ древнѣйшей поры всѣ слои населенія, и что даже возникновеніе сословнаго дѣленія на эвпатридовъ, геоморовъ и деміурговъ есть продуктъ позднѣйшаго развитія, но все еще незапамятной старины.

Въ предыдущемъ изложеніи мы постарались на основаніи немногихъ свѣдѣній, сохраненныхъ намъ древними писателями, и соображеній общаго характера установить по возможности правильный взглядъ на родовыя дѣленія аѳинскаго народа, филы, фратріи и роды: одного важнаго пункта мы за отсутствіемъ какихъ-либо извѣстій не касались вовсе — ихъ доли въ государственномъ управленіи. Что вся администрація была основана на этихъ дѣленіяхъ, въ этомъ согласны въ общемъ всѣ ученые и не можетъ быть никакого сомнѣнія даже въ виду тѣхъ немногихъ и неясныхъ указаній, которыя дошли до насъ большею частью въ видѣ переживаній. Если и послѣ реформы Клисѳена въ рукахъ фратрій и отчасти родовъ (какъ мы увидимъ въ подробности ниже) оставался контроль надъ принятіемъ въ число гражданъ подрастающихъ поколѣній, то очевидно, что во времена полнаго господства

родоваго строя онъ принадлежалъ имъ еще въ болѣе неограниченной формѣ, безъ возможности какой-либо апелляціи къ другимъ органамъ государственной власти. Что то внутреннемъ управленіи своемъ эти единицы пользовались вообще обширною самостоятельностью, явствуетъ изъ той коммунальной независимости, которою пользовались ихъ прямые преемники — демы въ эпоху гораздо большей централизаціи государства. Не подлежитъ также сомнѣнію, что и въ важнѣйшихъ административныхъ задачахъ, касавшихся непосредственно всей общины, организаціи войска, распредѣленіи общественныхъ работъ и податей, исполненіи обязанностей по отношенію къ богамъ — защитникамъ государства (напр. при обще-народныхъ празднествахъ), тѣ же дѣленія служили и посредниками между государствомъ и отдѣльнымъ лицомъ и органами равномѣрнаго по возможности обложенія, точно такъ же, какъ и при замѣщеніи небольшаго числа обще-государственныхъ должностей они же должны были браться въ разсчетъ одинаковымъ образомъ.

Отъ послѣдней ихъ функціи мы имѣемъ отголосокъ въ Солоновскомъ законѣ объ амнистіи, гдѣ упоминается „судъ царей“ въ Пританеѣ[1]: очевидно, здѣсь должно разумѣть царей филъ — филобазилеевъ[2]). Правда, нѣкоторые ученые отрицаютъ это и видятъ въ данныхъ царяхъ архонтовъ, поспвшихъ этотъ титулъ[3]),

---

[1]) Plut. v. Sol. 19: *Ἀτίμων ὅσοι ἄτιμοι ἦσαν, πρὶν ἢ Σόλωνα ἄρξαι, ἐπιτίμους εἶναι πλὴν ὅσοι ἐξ Ἀρείου πάγου ἢ ὅσοι ἐκ τῶν ἐφετῶν ἢ ἐκ πρυτανείου καταδικασθέντες ὑπὸ τῶν βασιλέων ἐπὶ φόνῳ ἢ σφαγαῖσιν ἢ ἐπὶ τυραννίδι ἔφευγον ὅτε ὁ θεσμὸς ἐφάνη ὅδε.*

[2]) Такъ судилъ уже K. O. Müller (Aeschyl. Eumeniden, p. 157, not. 13; Dorier, II, p. 133, not. 2) и его мнѣніе приняли: R. Schöll (въ Hermes, VI, p. 21 — впослѣдствіи онъ отъ него отказался), Zelle (Verfassungsgesch., p. 31), N. Wecklein (Der Areopag, die Epheten und die Naukraren въ Sitz.-Ber. d. Münch. Akad. 1873, p. 38), H. Sauppe (Symb. ad emend. oratt. att. 1873, p. 7), C. Wachsmuth (Stadt Athen, I, p. 469).

[3]) L. Lange, Die Epheten und der Areopag vor Solon. 1874, p. 40; Philippi, Das Amnestiegesetz des Solon und die Prytanen der Naukraren въ Rh. Mus. XXIX, p. 8. Der Areopag. 1874, p. 233; къ нимъ присоединились Lipsius въ Burs. Jahresb. II, p. 1350 (онъ только ошибается, считая и Wecklein'a сторонникомъ своихъ воззрѣній), R. Schöll въ Jen. Lit.-Zeit. 1874, № 47, Gilbert, Gr. St.-Alt. I, p. 115, not. 2 и Busolt, Gr. Gesch. I, p. 408, not. 1. Отдѣльное положеніе занялъ E. Curtius (Über den Übergang des Königthums in die Republik bei den Athenern въ Mon.-Ber. d. Berl. Akad. 1873, p. 284—93), который

но въ сущности и такое толкованіе приводитъ къ тому же выводу, такъ какъ еще у Гомера и у Гезіода мы читаемъ, что царь творитъ судъ не самолично, а въ присутствіи и при содѣйствіи другихъ базилеевъ: трудно предположить, чтобы могущественная аристократія предоставила своему выборному сановнику большую власть, и кто же имѣлъ большее право быть постоянными совѣтниками важнѣйшаго магистрата (какимъ первоначально, по свидѣтельству Аристотеля, былъ этотъ архонтъ) и засѣдать у священнаго очага общины, какъ не главы, не „цари“ отдѣльныхъ племенъ? Кромѣ того, опредѣленное упоминаніе „царей“ въ Пританеѣ не можетъ быть иначе истолковано, такъ какъ архонтъ-царь участвовалъ и въ другихъ судахъ, называемыхъ въ томъ же законѣ[1]): мы знаемъ, что еще въ историческое время, филобазилеи съ царемъ во главѣ творили судъ именно въ этомъ мѣстѣ, хотя судъ этотъ и обратился въ чисто религіозную, обрядовую формальность[2]).

полагаетъ, что послѣ смерти Кодра власть перешла ко всему семейству Медонтидовъ (на подобіе коринѳскихъ Бакхіадовъ) и только впослѣдствіи эти *βασιλεῖς*, бывшіе представителями одной филы, уступили мѣсто филобазилеямъ: послѣдніе являются такимъ образомъ „als Nachfolger der alten Landeskönige und als Vorgänger des Archon Basileus“ (p. 288). Фактическихъ данныхъ для подобной гипотезы не существуетъ.

[1]) Противники говорятъ обратно: „*καταδικασθέντες ὑπὸ τῶν βασιλέων*“ должно относиться ко всѣмъ тремъ судилищамъ, а такъ какъ къ суду на Ареопагѣ и къ эфетамъ филобазилеи никакого причастія не имѣли, то можно въ данномъ случаѣ разумѣть лишь архонтовъ этого имени; множественное число обозначаетъ всю серію бывшихъ въ должности въ отдѣльные годы царей. Но противъ этого должно возразить: во-первыхъ, это понятіе было бы выражено „*ὑπὸ τοῦ βασιλέως τοῦ ἀεὶ βασιλεύοντος* или во всякомъ случаѣ *ὑπὸ βασιλέων* безъ члена; во-вторыхъ, при такомъ толкованіи вся эта прибавка была бы праздная — кто же могъ ихъ *καταδικάζειν* кромѣ *βασιλέων*. Наконецъ „*δικάζειν*“ не можетъ значить „предсѣдательствовать въ судѣ“ (что обозначалось чрезъ „*διαγνῶναι*“), а среди эфетовъ „цари“ никогда не судили. Не обращено вниманія на то, что *ἐξ ἐφετῶν* (а также *ἐξ Ἀρείου πάγου*) само по себѣ означаетъ судей, *ἐκ πρυτανείου* же — только мѣсто, гдѣ кто былъ осужденъ, а потому послѣдній терминъ и нуждался въ добавленіи *ὑπὸ τῶν βασιλέων*.

[2]) Новѣйшіе изслѣдователи указывали на противорѣчіе въ двухъ мѣстахъ Полукса. *Ὁ βασιλεὺς .... δικάζει δὲ καὶ τὰς τῶν ἀψύχων δίκας* (VIII, 90). *Τὸ ἐπὶ πρυτανείῳ· δικάζει δὲ περὶ τῶν ἀποκτεινάντων κἂν ὦσιν ἀφανεῖς· καὶ περὶ τῶν ἀψύχων τῶν ἐμπεσόντων καὶ ἀποκτεινάντων· προειστήκεσαν δὲ τούτου τοῦ δικαστηρίου φυλοβασιλεῖς, οὓς ἔδει τὸ ἐμπεσὸν ἄψυχον ὑπερ-*

Гораздо интереснѣе и важнѣе было бы опредѣлить, въ какой мѣрѣ и въ какихъ условіяхъ родовыя единицы участвовали въ назначеніи главнаго государственнаго совѣта, который теперь, по свидѣтельству Аристотеля въ аѳинской Политіи, должно безъ всякаго сомнѣнія видѣть въ совѣтѣ Ареопага (*ἡ βουλὴ ἡ ἐξ Ἀρείου πάγου*), бывшемъ вмѣстѣ съ тѣмъ и святѣйшимъ и древнѣйшимъ судилищемъ государства[1]). Такое соединеніе судебной и административной власти не должно насъ нисколько удивлять — оно является общимъ закономъ античнаго міра и въ не столь древнія времена[2]): этотъ общеизвѣстный, издревле укоренившійся правовой взглядъ долженъ былъ навесть и дѣйствительно навелъ нѣкоторыхъ ученыхъ уже раньше на мысль, что именно въ судилищѣ Ареопага должно видѣть тотъ государственный совѣтъ, который необходимо было предположить въ Аѳинахъ, какъ и всюду, окружавшимъ царя[3]). Но насчетъ его первоначальнаго состава и Аристотель, по крайней мѣрѣ въ сохранившейся части своего трактата, не даетъ никакого указанія, если вообще онъ обладалъ въ этомъ отношеніи достовѣрными свѣдѣніями. Иные ученые (напр. Гюль-

---

ορίσαι (VIII, 120). Но изъ того же Поллукса (VIII, 111): *οἱ φυλοβασιλεῖς μάλιστα τῶν ἱερῶν ἐπεμελοῦντο, συνεδρεύοντες ἐν τῷ βασιλείῳ τῷ παρὰ τὸ βουκολεῖον*) можно было бы заключить, что царь и филобазилеи засѣдали вмѣстѣ, и только по обычаю лексикографовъ связное свидѣтельство разорвано на клочки. Это подтверждается теперь словами Аристотеля (Ath. Pol. 57 s. fin.): *ὅταν δὲ μὴ εἰδῇ τὸν ποιήσαντα (κἂν ὦσιν ἀφανεῖς:* Poll. VIII, 120), *τῷ δράσαντι λαγχάνει — — — δικάζει δ' ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ φυλοβασιλεῖς. καὶ τὰς τῶν ἀψύχων* (Poll. VIII, 90 et 120) *καὶ τῶν ἄλλων ζῴων — — —*

[1]) Aristot. Ath. Pol. 3, 6: *ἡ δὲ τῶν Ἀρεοπαγιτῶν βουλὴ τὴν μὲν τάξιν εἶχε τοῦ διατηρεῖν τοὺς νόμους, διῴκει δὲ τὰ πλεῖστα καὶ τὰ μέγιστα τῶν ἐν τῇ πόλει.* Этимъ свидѣтельствомъ Аристотеля упраздняются и всѣ гаданія ученыхъ насчетъ времени учрежденія, круга дѣятельности и т. д. Ареопага.

[2]) Въ историческія времена въ Аѳинахъ каждый сановникъ въ своей административной сферѣ завѣдывалъ и судопроизводствомъ.

[3]) Такого воззрѣнія держался уже Hüllmann, Staatsrecht des Alterthums. 1820, p. 177. Его защищалъ энергично Schömann, De Areopago et ephetis 1833 (оба сочиненія мнѣ были недоступны); Antiqq., p. 172; Gr. Alt. I, p. 345; также Meier-Schömann-Lipsius, Att. Pr., p. 14—16; Grote, Hist. of Greece, III, p. 73. K. O. Müller, Dorier, II, p. 134 отождествлялъ эфетовъ и притановъ навкраровъ, какъ судебно-административный совѣтъ. Подобнымъ же образомъ рѣшали этотъ вопросъ и L. Lange, Die Epheten und der Areopag. 1874, A. Philippi, Der Areopag und die Epheten. 1874, p. 240 и G. Busolt, Gr. Gesch. I, p. 418, Gr. Alt., p. 110 (51 эфетъ и 9 архонтовъ вмѣстѣ составляютъ совѣтъ).

маннъ, Гаммарстрандъ) воображали себѣ этотъ древнѣйшій совѣтъ состоявшимъ изъ 12 фратріарховъ (включая въ ихъ число и 4 филобазилеевъ, которые, по ихъ мнѣнію, совмѣщали въ себѣ и обязанности главы собственной фратріи)[1]), другіе же (напр. Филиппи) высказывали предположеніе, что онъ былъ образованъ изъ 360 членовъ, представителей или главъ отдѣльныхъ родовъ (по выше разобранной схемѣ)[2]). Общая черта этихъ теорій, которыя съ нѣкоторыми видоизмѣненіями принимаются большинствомъ ученыхъ, является въ единственно справедливой мысли связать этотъ совѣтъ и его членовъ съ родовымъ строемъ народа, но въ частности мы не можемъ одобрить этихъ построеній не столько по тому, что они исходятъ отъ числовой схемы, коей ложность намъ кажется несомнѣнной, какъ въ виду отсутствія какихъ-либо положительныхъ данныхъ. За фактъ весьма вѣроятный должно признать, по аналогіи съ позднѣйшими узаконеніями, пожизненность членовъ этого совѣта; за несомнѣнный — ихъ принадлежность къ сословію эвпатридовъ.

Но далѣе мы сейчасъ принуждены теряться въ догадкахъ: были ли члены до самаго времени Солона представителями народныхъ дѣленій и какихъ? вѣроятность говоритъ въ пользу фратрій (которыхъ было гораздо больше, чѣмъ двѣнадцать), такъ какъ въ нихъ были перемѣшаны высшій и низшій классы и всегда могъ быть найденъ представитель изъ эвпатридовъ, между тѣмъ какъ въ числѣ родовъ, по нашему мнѣнію, были такіе, которые состояли изъ демотовъ и потому не могли послать члена въ аристократическую коллегію. Были ли ареопагиты выбираемы и кѣмъ? всенароднымъ ли собраніемъ (что намъ кажется маловѣроятнымъ) или отдѣльными дѣленіями, коихъ представителями они служили? или же внутри послѣднихъ должность члена совѣта была также наслѣдственна, какъ извѣстныя жреческія обязанности? Какъ ни заманчиво рѣшить всѣ эти вопросы, мы считаемъ болѣе благоразумнымъ

---

[1]) Hüllmann, Urgeschichte des Staates, p. 47 (мнѣ незнакомо), Hammarstrand, Attikas Verf., p. 816.

[2]) Philippi, Areopag, p. 206. Число 300 членовъ принимали, основываясь на составѣ суда по случаю избіенія килонцевъ (Plut. v. Sol. 12) и совѣта, учрежденнаго Исагоромъ (Herod. V, 72): Hermann, St.-Alt. § 102, Lange, Epheten und Areopag, p. 27; Schömann, Die Epheten und der Areopag въ N. Jahrbb. f. Phil. 1875, p. 154; Duncker, Gesch. d. Alt. V, p. 473.

отъ этого отказаться; мы боимся, что и безъ того догадкамъ отведено слишкомъ много мѣста и въ тѣхъ краткихъ указаніяхъ, которые мы сдѣлали относительно административно-политической роли этихъ родовыхъ дѣленій; но о ней мы были принуждены сказать нѣсколько словъ, прежде чѣмъ перейти къ вопросу о паденіи родоваго строя и о мотивахъ, его вызвавшихъ.

Вопроса этого мы въ общихъ чертахъ уже касались при данной нами раньше характеристикѣ родоваго строя: мы видѣли, что главной причиной его паденія было именно неудобство и несоотвѣтствіе его единицъ цѣлямъ и задачамъ государственнаго управленія, возникшее вслѣдствіе измѣненныхъ условій землевладѣнія[1]).

Въ древнѣйшую пору и въ Аттикѣ послѣднее было общинное: каждый родъ имѣлъ свое общее поле, какъ доказывается между прочимъ множествомъ мѣстныхъ названій позднѣйшихъ демовъ, заимствованныхъ отъ именъ родовыхъ[2]); весьма вѣроятно, что первоначально и фратрія, если и не въ томъ смыслѣ, какъ отдѣльный родъ, владѣла общинной землей. Еще въ историческое время нѣкоторыя, по крайней мѣрѣ, фратріи кромѣ святилища своего бога или героя-покровителя съ прилегающимъ участкомъ (*τέμενος*), которое неизбѣжно было у каждой и составляло ея религіозный центръ, обладали общественнымъ полемъ, сдаваемымъ въ аренду[3]): изъ этого можно сдѣлать выводъ, что первоначально онѣ занимали сплошную территорію, изъ коей часть была выдѣлена въ пользу центральнаго святилища и для общаго пользованія фраторовъ, а остальная разбита на участки, предоставленные родамъ, — такимъ образомъ можно съ большою увѣренностью сказать, что и роды и фратріи въ Аттикѣ были не только дѣленіями гражданъ, но и страны. О филахъ этого нельзя утверждать и даже, какъ мы видѣли, для нихъ болѣе вѣроятія имѣетъ извѣстная черезполосица; послѣдняя нисколько не должна была мѣшать единству ихъ управленія, тѣмъ болѣе, что по всей вѣроятности и ихъ религіозный и административный центръ находился въ самомъ городѣ, какъ можно заключить изъ того, что Титъ Копоній Максимъ былъ въ то же самое время и архонтомъ государства и

1) Срвн. стран. 90 слѣд.

2) На это указывалъ уже Meier, De gentil. att., p. 35.

3) Подробный контрактъ фратріи Діалейцевъ насчетъ поля въ демѣ Мирринунтѣ дошелъ до насъ: C. I. A. II, 600.

жрецомъ Зевса Гелеонта, коего святилище слѣдовательно было, безъ сомнѣнія, въ Аѳинахъ[1]). Дѣленіе территоріи каждой филы на нѣсколько участковъ представляло не больше неудобства, нежели подобное же устройство Клисѳеновскихъ филъ, или, чтобы привесть примѣръ намъ современный, дробленіе тюрингенскихъ герцогствъ, — взглядъ на карту послѣднихъ можетъ намъ, кажется, дать наилучшее представленіе о филовомъ дѣленіи Аттики.

Совсѣмъ инаго характера затрудненія встрѣтило управленіе аѳинскаго государства вслѣдствіе другихъ обстоятельствъ, находившихся въ зависимости отъ измѣнившихся условій землевладѣнія. Съ теченіемъ времени въ послѣднемъ совершилось два знаменательныхъ переворота, по всей вѣроятности не особенно далеко отстоявшихъ другъ отъ друга по времени, быть можетъ, даже почти совпавшихъ: переходъ отъ общиннаго владѣнія всего рода къ частному — отдѣльныхъ лицъ и отмѣна неотчуждаемости надѣловъ (тѣсно связанной съ родовымъ строемъ и несомнѣнно существовавшей и въ Аттикѣ, какъ въ большинствѣ эллинскихъ государствъ) въ пользу свободной купли-продажи. Иные ученые признаютъ оба эти факта или по крайней мѣрѣ послѣдній слѣдствіемъ Солоновскаго законодательства, связывая его по аналогіи съ постановленіемъ, разрѣшившимъ свободное завѣщаніе имущества при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ въ ущербъ интересамъ рода[2]). Правда, послѣднее законоположеніе не могло быть раньше установлено, нежели было дано право на свободное отчужденіе земли, но оно могло быть издано гораздо позже, и что такъ дѣйствительно было на дѣлѣ, на то мы имѣемъ нѣкоторыя указанія. Если бы до времени Солона поземельная собственность была неотчуждаема, то мы бы нашли ее или въ обладаніи родовъ, или же въ рукахъ цѣлой массы мелкихъ собственниковъ; между тѣмъ она вся сосредоточивалась въ рукахъ немногихъ семей, большею частью эвпатридовъ, какъ можно заключить изъ описанія народнаго бѣдствія въ началѣ VI в. и какъ подтверждаетъ прямое свидѣтельство Аристотеля, дважды повторяющаго, что земля находилась въ рукахъ малочисленнаго меньшинства населе-

[1]) C. I. A. III, 2 (изъ временъ Августа).

[2]) Haase, Athen. Stammverf., p. 80. Fustel de Coulanges, La cité antique, p. 313. Landwehr въ Philol. S.-B. V, p. 135, not. 49. Cauer, Parteien und Politiker in Megara und Athen. 1890, p. 77.

нія[1]). Далѣе извѣстно, что бѣднѣйшіе крестьяне дѣлали займы подъ залогъ своей земли, чему документомъ служили каменные столбы (каковыхъ цѣлая масса дошла до насъ какъ изъ Аттики, такъ и изъ другихъ частей Эллады, конечно, изъ болѣе поздняго времени)[2]): ихъ устраненіе ставитъ себѣ въ особую заслугу Солонъ, призывая въ свидѣтельницы мать-землю, освобожденную имъ отъ рабства[3]). Если признать, что до его времени существовалъ законъ, воспрещавшій отчужденіе земли въ другія руки, кто можетъ объяснить существованіе гипотекъ на нее? какое ручательство могли послѣднія давать кредитору, если онъ не имѣлъ права на то поле, подъ залогъ коего онъ ссужалъ деньги? Нѣкоторые ученые, правда, предполагаютъ, что займы совершались не подъ залогъ земли, а лишь жатвы съ нея, такъ какъ по многимъ свидѣтельствамъ наиболѣе задолжавшіе крестьяне принуждены были отдавать $^5/_6$ послѣдней своимъ кредиторамъ[4]): не говоря, что о подобныхъ договорахъ молчитъ древнее преданіе, которое замѣнять своими предположеніями мы не имѣемъ основанія, долговыя обязательства подъ залогъ жатвы, или, другими словами, продажа

[1]) Aristot. Ath. Pol. 2, 2 et 4, 5: *ἡ χώρα δι' ὀλίγων ἦν*. Относительно народнаго бѣдствія срвн. у него же глл. 2, 5 и 12.

[2]) Срвн. сопоставленіе подобныхъ гипотечныхъ надписей у Dareste-Haussoullier-Reinach, Recueil des inscriptions juridiques grecques. Fasc. 1, 1891, p. 107—42. Изслѣдованіе Szanto (Hypothek und Scheinkauf im griechischen Rechte въ Wiener Studien, 1887, p. 279) мнѣ осталось неизвѣстнымъ за отсутствіемъ этого важнаго журнала въ московской университетской библіотекѣ.

[3]) Sol. fr. 36 (Bergk, II, p. 55; теперь съ прибавленіемъ двухъ новыхъ строкъ: Aristot. Ath. Pol. 12, 4), v. 3:

συμμαρτυροίη ταῦτ' ἂν ἐν δίκῃ χρόνου
μήτηρ μεγίστη δαιμόνων Ὀλυμπίων
ἄριστα, Γῆ μέλαινα, τῆς ἐγώ ποτε
ὅρους ἀνεῖλον πολλαχῇ πεπηγότας,
πρόσθεν δὲ δουλεύουσα νῦν ἐλευθέρα.

[4]) Плутархъ говоритъ (v. Sol. 13) что гектеморы отдавали $^1/_6$ жатвы; Гесихій (s. v. *ἑκτημόριοι*) и Фотій (s. v. *πελάται*) напротивъ утверждаютъ, что они *ἕκτῳ μέρει τῶν καρπῶν εἰργάζοντο τὴν γῆν*. Уже давно самые видные ученые согласны, что послѣднее извѣстіе единственно возможное (cfr. Schömann, De Com. p. 362; Antiq., p. 199; Gr. Alt. I, p. 342; Böckh, Staatsh. I, p. 578 a; Busolt, Gr. Gesch. I, p. 522, not. 4; прежнее мнѣніе у Hermann-Bähr'a, St.-Alt. § 100, not. 16): теперь оно подтверждается свидѣтельствомъ Аристотеля (Ath. Pol. 2, 2: *ἑκτήμοροι· κατὰ ταύτην γὰρ τὴν μίσθωσιν εἰργάζοντο τῶν πλουσίων τοὺς ἀγρούς*).

послѣдней на корню не могла повести къ воздвиженію гипотечныхъ столбовъ. Итакъ, мы вправѣ сдѣлать заключеніе, что еще задолго до Солона и отчужденіе земельныхъ надѣловъ было разрѣшено закономъ и слѣдовательно, вѣроятно, еще раньше землевладѣніе изъ общиннаго превратилось въ частное.

Для самого населенія этотъ фактъ имѣлъ тѣ же самыя послѣдствія, какія въ Спартѣ оказалъ законъ эфора Эпитадея, разрѣшившій также продажу семейнаго надѣла: земля все болѣе собиралась въ рукахъ небольшаго числа знатныхъ и богатыхъ родовъ, а мелкіе собственники постепенно съѣдались своими болѣе крупными сосѣдями или попадали къ нимъ въ положеніе вѣчныхъ арендаторовъ — гектеморовъ. Но этотъ результатъ для насъ менѣе важенъ, нежели то вліяніе, которое тотъ же фактъ перехода поземельной собственности изъ однѣхъ въ другія руки оказалъ на внутреннее управленіе государства. Многіе члены различныхъ фратрій переселились на другія мѣста жительства, такъ что между территоріей и ея населеніемъ не существовало уже первоначальнаго соотвѣтствія; это обстоятельство въ связи съ неравномѣрнымъ разрастаніемъ фратрій, вслѣдствіе котораго однѣ чрезвычайно размножились, другія, наоборотъ, уменьшились въ личномъ составѣ, повело къ тому, что родовыя дѣленія народа оказались неудобными для различныхъ отраслей управленія, въ особенности для военныхъ и финансовыхъ нуждъ.

Затрудненія эти привели къ реформѣ, состоявшей въ учрежденіи триттій и навкрарій и представившей первый опытъ замѣны родоваго принципа территоріальнымъ. Къ сожалѣнію, должно сознаться, что подробности этой реформы намъ очень мало извѣстны: ни времени ея введенія, ни сферы ея дѣйствія мы въ точности не знаемъ. Древнѣйшій авторъ, который о ней упоминаетъ, Геродотъ говоритъ только, что во времена Килоновскаго мятежа вся власть въ государствѣ была сосредоточена въ рукахъ притановъ навкраровъ; но и это скудное извѣстіе отнимается у насъ Ѳукидидомъ, который съ яснымъ намекомъ на своего предшественника, утверждаетъ, что представителями государственной власти въ указанную эпоху были архонты [1]), — остается сомнительнымъ, отри-

[1]) Herodot. V, 71: *οἱ πρυτάνιες τῶν ναυκράρων, οἵπερ ἔνεμον τότε τὰς Ἀθήνας.* Thuc. I, 126: *τότε δὲ τὰ πολλὰ τῶν πολιτικῶν οἱ ἐννέα ἄρχοντες ἔπρασσον.* Schömann (Das Kylonische Attentat, die Naukraren und die Alkmeo-

цаетъ ли онъ вообще существованіе навкраровъ въ это время или только протестуетъ противъ преувеличенія Геродота, приписавшаго имъ чрезмѣрное значеніе[1]). Но кто такіе эти пританы навкраровъ? это — вопросъ, насчетъ котораго новѣйшіе ученые никакъ не могутъ прійти къ соглашенію, а потому необходимо сначала сопоставить тѣ скудныя свѣдѣнія, которыя дошли до насъ изъ древности относительно навкрарій и тѣсно съ ними связанныхъ триттій.

До послѣдняго времени лучшими нашими источниками относительно навкрарій были Поллуксъ, Гарпократіонъ и Фотій, которые сравниваютъ навкраріи съ Клисѳеновскими демами, при чемъ они ставятъ ихъ въ связь съ филами, говоря, что послѣднія были раздѣлены на три триттіи, а каждая изъ этихъ заключала въ себѣ по четыре навкраріи; Поллуксъ сверхъ того указываетъ на ихъ значеніе для финансоваго и военнаго управленія страны, а Фотій приписываетъ ихъ учрежденіе Солону, ссылаясь на авторитетъ Аристотеля, между тѣмъ какъ Схоліастъ Аристофана оставляетъ вопросъ о времени ихъ установленія подъ сомнѣніемъ[2]). Въ виду

---

niden въ N. Jahrbb. f. Phil. CXI, 1875, p. 461) отрицаетъ, чтобы Ѳукидидъ имѣлъ въ виду Геродота; ему вполнѣ убѣдительно возражалъ Lipsius (въ Burs. Jahresber. XV, p. 284.

[1]) Въ первомъ смыслѣ понималъ слова Ѳукидида H. Stein (въ комментаріи къ Геродоту) и G. Gilbert (Altatt. Komenverf. въ N. Jahrbb. f. Phil. S.-B. VII, p. 200; Die attische Naukrarienverf. въ Jahrbb. f. Phil. CXI. 1875, p. 9; Gr. St.-Alt. I, p. 134). За второе воззрѣніе стоитъ большинство новѣйшихъ ученыхъ: срвн. N. Wecklein, op. l., p. 32, Schömann (l. l. p. 454), Lipsius (l. l. p. 283), Busolt (Gr. Gesch. I, p. 502, not. 1). Zelle (Verf. Athens, p. 28) и Philippi (Gesch. des att. Bürgerr., p. 154, not. 13) видятъ ошибку со стороны Ѳукидида.

[2]) Harpocr. s. v. *ναυκραρικά: Ἀριστοτέλης δ' ἐν Ἀθηναίων πολιτείᾳ φησί· „κατέστησαν δὲ δημάρχους τὴν αὐτὴν ἔχοντας ἐπιμέλειαν τοῖς πρότερον ναυκράροις· δημίους (δήμους) ἀντὶ τῶν ναυκράρων (-ριῶν) ἐποίησαν* (Arist. Ath. Pol. 21, 5). Cfr. Schol. Aristoph. Nubes, 37. Poll. VIII, 108: *τὰς δ' εἰσφορὰς τὰς κατὰ δήμους διεχειροτόνουν οὗτοι (οἱ ναύκραροι) καὶ τὰ ἐξ αὐτῶν ἀναλώματα. ναυκραρία δ' ἑκάστη δύο ἱππέας παρεῖχε καὶ ναῦν μίαν, ἀφ' ἧς ἴσως ὠνόμαστο.* Phot. s. v. *ναυκραρία: τὸ πρότερον οὕτως ἐκάλουν, ναυκραρία καὶ ναύκραρος· ναυκραρία μὲν ὁποῖόν τι ἡ συμμορία καὶ ὁ δῆμος, ναύκραρος δὲ ὁποῖόν τι ὁ δήμαρχος, Σόλωνος οὕτως ὀνομάσαντος, ὡς καὶ Ἀριστοτέλης φησί. καὶ ἐν τοῖς νόμοις δὲ „ἐάν τις ναυκραρίας ἀμφισβητῇ“, καὶ „τοὺς ναυκράρους τοὺς κατὰ τὴν ναυκραρίαν“* (далѣе дословная цитата). Schol. Arist. Nubes, 37: *οἱ πρότερον ναύκραροι, εἴτε ὑπὸ Σόλωνος κατασταθέντες εἴτε καὶ πρότερον.*

этого и воззрѣнія новѣйшихъ ученыхъ расходятся, смотря по тому, довѣряютъ ли они больше свидѣтельству Геродота (Шёманнъ, Веклейнъ, Гаммарстрандъ, Липсіусъ, Дункеръ, Бузольтъ[1]), или мнимому извѣстію Аристотеля (въ особенности Гильбертъ).

Теперь мы имѣемъ передъ глазами подлинный текстъ Аристотеля въ аѳинской Политіи, который гласитъ: „Филъ было, какъ и и прежде, четыре и филобазилеевъ столько же; изъ каждой филы было образовано по три триттіи и по двѣнадцати навкрарій; надъ навкраріями были поставлены какъ начальство навкрары, коихъ завѣдованію были поручены доходы и расходы: посему и въ Солоновскихъ законахъ, уже вышедшихъ изъ употребленія, написано, чтобы навкрары собирали подати и покрывали расходы изъ своей кассы“[2]). Изъ этихъ словъ философа мы фактически ничего новаго не узнаемъ, но имѣемъ ту выгоду, что можемъ контролировать извѣстіе Фотія относительно Солоновскаго происхожденія навкрарій: Аристотель дѣйствительно описываетъ ихъ въ связи съ другими учрежденіями Солона, но рядомъ съ филами, перенятыми изъ прежняго государственнаго устройства и ни единымъ словомъ не указываетъ на то, чтобы онъ считалъ навкраріи возникшими позже, нежели тѣсно съ ними соединенныя и вмѣстѣ упомянутыя триттіи, а послѣднія, какъ мы уже знаемъ изъ другаго его отрывка, онъ возводилъ до самыхъ древнихъ временъ аѳинскаго государства. Правда, изъ его подробнаго повѣствованія о навкраріяхъ и ихъ функціяхъ можно заключить, что ихъ онъ въ данномъ мѣстѣ упоминаетъ впервые — и это обстоятельство въ связи съ нѣкоторыми законами Солона, называющими ихъ, по-

---

[1]) W. Wachsmuth, Hell. Alt. I, p. 367; Platner, Beiträge, p. 157; Schömann, Antiq., p. 172; Gr. Alt. I, 345; Meier, De gentil. att., p. 10; Hermann, St.-Alt. § 98, not. 3; Böckh, Staatsh. I, p. 323; Grote, Hist. of Greece, III, p. 52; Curtius, Gr. Gesch. I, p. 293; Duncker, Gesch. des Alt. V, p. 120; Wecklein, op. l., p. 35; Hammarstrand, op. l., p. 818; C. Wachsmuth, Stadt Athen. I, p. 473 etc.

[2]) Aristot. Ath. Pol. 8, 3: *φυλαὶ δ' ἦσαν δ' καθάπερ πρότερον καὶ φυλοβασιλεῖς τέτταρες. ἐκ δὲ τῆς φυλῆς ἑκάστης ἦσαν νενεμημέναι τριττύες μὲν τρεῖς, ναυκραρίαι δὲ δώδεκα καθ' ἑκάστην. ἦν δ' ἐπὶ τῶν ναυκραριῶν ἀρχὴ καθεστηκυῖα ναύκραροι, τεταγμένη πρός τε τὰς εἰσφορὰς καὶ τὰς δαπάνας τὰς γινομένας· διὸ καὶ ἐν τοῖς νόμοις τοῖς Σόλωνος οἷς οὐκέτι χρῶνται πολλάκις γέγραπται „τοὺς ναυκράρους εἰσπράττειν“ καὶ „ἀναλίσκειν ἐκ τοῦ ναυκραρικοῦ ἀργυρίου“.*

служило причиной, почему источникъ Фотія приписалъ и ихъ учрежденіе этому законодателю. Но какъ справедливо замѣчаетъ Кеньёнъ[1]), Аристотель въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онъ хочетъ извѣстному лицу приписать то или другое установленіе, выражается гораздо яснѣе, употребляя форму личнаго глагола (*ἐποίησε, νόμον ἔθηκε* и т. п.): если онъ упомянулъ навкраріи такъ поздно, то это по всей вѣроятности показываетъ только, что относительно времени ихъ учрежденія находился въ сомнѣніи и первое достовѣрное извѣстіе о ихъ существованіи, быть можетъ, отыскалъ лишь въ Солоновскихъ законахъ, имъ же приводимыхъ. Поэтому и мы должны быть по его примѣру осторожными и ограничиться лишь предположеніемъ, что навкраріи, быть можетъ, какъ и триттіи, къ коимъ мы сейчасъ перейдемъ, многими годами старше Солона.

Во всякомъ случаѣ мы никакъ не рѣшимся придать особенное значеніе Геродотовскому извѣстію о пританахъ навкраровъ, а тѣмъ менѣе — вмѣстѣ съ Гаммарстрандомъ и Веклейномъ видѣть въ послѣднихъ верховный совѣтъ аѳинскаго государства[2]). Помимо того, что мы уже на основаніи Аристотеля констатировали, что эта роль принадлежала совѣту Ареопага, и для другаго въ аѳинской конституціи нѣтъ мѣста, само свидѣтельство Геродота, уже давно въ трехъ словахъ опровергнутое Ѳукидидомъ, вызываетъ сильнѣйшія сомнѣнія: во-первыхъ, эти пританы (т.-е. предсѣдатели) навкраровъ не только нигдѣ больше намъ не встрѣчаются въ античномъ преданіи, но и не имѣютъ никакого raison d'être при малочисленности всей коллегіи; во-вторыхъ, и сами навкрары, какъ ихъ преемники — демархи, должны были дѣйствовать не совокупно, а въ отдѣльности, каждый въ подчиненной ему области[3]). Если авто-

---

[1]) Kenyon въ примѣчаніи къ данному мѣсту Аристотеля (p. 23).

[2]) Wecklein, op. l., p. 46: „Die Naukraren waren die Vertreter des attischen Volkes und bildeten in natürlicher Weise den Staatsrath neben dem König, später neben den Archonten. Die Prytanen waren ein Ausschuss des Rathes, wie später bei dem demokratischen Rathe die *φυλὴ πρυτανεύουσα*". Hammarstrand, Attikas Verf. zur Zeit der Könige, p. 817. Съ ними согласился и C. Wachsmuth, Stadt Athen, I, p. 480. Мнѣніе это опровергнуто Lange, Die Epheten, p. 55 и Philippi, Areopag, p. 244.

[3]) Въ послѣдующемъ изложеніи мы сходимся съ Bergk'омъ (въ рецензіи на Böckh'a, Staatsh. въ N. Jahrbb. f. Phil. 1852, p. 389), Wecklein'омъ (op. l. p. 33) и Lange (op. l., p. 55); но всѣ они остановились на полдорогѣ, не рѣшившись сдѣлать дальнѣйшаго вывода.

ритетъ Геродота въ вопросахъ государственнаго права особенно древнѣйшихъ временъ вообще нельзя ставить высоко (Гильбертъ справедливо напоминаетъ о „поставленномъ по жребію“ полемархѣ Каллимахѣ), то въ данномъ случаѣ мы его оцѣнимъ еще ниже, такъ какъ возникновеніе ошибки чрезвычайно ясно. Усмирителями Килоновскаго мятежа, по Ѳукидиду, были архонты съ Алкмеонидомъ Мегакломъ во главѣ, но это усмиреніе сопровождалось такими обстоятельствами, которыя вызывали въ его потомкахъ сильное желаніе затемнить свое участіе въ данномъ дѣлѣ и свалить отвѣтственность на чужія плечи: Геродотъ, по общераспространенному мнѣнію, много вращался въ обществѣ, окружавшемъ Алкмеонида Перикла и отъ лицъ этого круга почерпалъ многія свѣдѣнія относительно древнѣйшей исторіи Аѳинъ, — понятно, откуда онъ заимствовалъ своихъ „притановъ навкраровъ“, выдуманныхъ по образцу тѣхъ притановъ, которые въ V-мъ вѣкѣ управляли всѣми текущими дѣлами государства!

Итакъ, относительно навкрарій мы можемъ только установить тотъ фактъ, что онѣ были административно-территоріальными дѣленіями Аттики[1]), и вмѣстѣ съ тѣмъ высказать предположеніе, что ихъ учрежденіе восходитъ къ до-солоновскому времени: прежде чѣмъ дѣлать дальнѣйшія заключенія, мы должны разсмотрѣть находившіяся съ ними несомнѣнно въ тѣсной связи триттіи. Послѣднія упоминаются, какъ уже выше сказано, Аристотелемъ въ древнѣйшія времена и сопоставляются съ фратріями, коимъ они будто бы равнялись по числу. Этотъ совершенно непонятный параллелизмъ привелъ нѣкоторыхъ ученыхъ къ заключенію, что „триттія“ было названіемъ для участка земли, занимаемаго членами одной и той же фратріи, при чемъ эти надѣлы оставались всегда неизмѣнными со времени учрежденія, хотя бы составъ ихъ населенія и пополнялся постепенно лицами изъ другихъ фратрій[2]), — такимъ образомъ мы съ древнѣйшихъ временъ въ Аттикѣ рядомъ съ родовыми встрѣчали бы и территоріальныя дѣленія. Другіе отрицаютъ

---

[1]) Намъ только одна навкрарія извѣстна по имени — *Κωλιάς*, названная по мысу (Phot. s. v. *Κωλιάς*. Bekk. Anecd. I, p. 275).

[2]) K. H. Lachmann, Spartan. Staatsverf. 1836, p. 250. Подобнымъ же образомъ судятъ, кажется (ясно они не высказываются), Grote (Hist. of Greece, III, p. 52), Schömann (Verfass.-Gesch. nach Grote, p. 13), Philippi (Gesch. des att. Bürgerr., p. 241). Zelle (Aelt. Verfass. Athens, p. 7) видитъ въ *τριττύς* обы-

вовсе существованіе триттій и полагаютъ, что тутъ учрежденіе Клисѳена было перенесено въ болѣе раннюю эпоху съ подобающими измѣненіями сообразно меньшему числу филъ [1]). Мы можемъ съ увѣренностью утверждать неосновательность того и другаго воззрѣнія. Первое опровергается тѣмъ, что число двѣнадцати триттій вовсе не совпадало съ количествомъ фратрій, какъ мы постарались показать, уже издревле гораздо болѣе значительнымъ. Второе можно было бы обосновать тѣмъ, что триттіи не могли быть ни областными дѣленіями филъ, которыя къ территоріи не имѣли отношенія, ни родовыми, такъ какъ эта роль предвосхищена у нихъ фратріями, а слѣдовательно въ до-клисѳеновской организаціи имъ нѣтъ мѣста [2]); но тутъ мы находимъ ложный силлогизмъ: филы не были Territorialbezirke въ томъ смыслѣ, какъ этотъ терминъ понималъ напр. Шёманнъ или Филиппи, но все же и какъ извѣстная совокупность лицъ, связанная религіей и обычаемъ, каждая могла обладать извѣстными участками земли, которые дробились на части — триттіи, кои въ свою очередь служили основаніемъ для дѣленія филетовъ, т.-е. членовъ той же филы.

Затрудненіе мы встрѣчаемъ прежде всего въ толкованіи самаго имени: слово *τριττύς*, очевидно, происходитъ отъ корня *τερ*, лежащаго въ основѣ числительнаго *τρεῖς* — три, но не подлежитъ также сомнѣнію, что само оно означаетъ обыкновенно не третью часть чего-либо, какъ въ данномъ примѣненіи, а совокупность

денное названіе для фратріи, какъ третьей части филы, а не юридическій терминъ (этого не понялъ Филиппи). W. Wachsmuth (De trib. att. tripl. partit. 1825) вполнѣ основательно указалъ на различные принципы, лежавшіе въ основѣ троякаго дѣленія филъ на фратріи (родовой), триттіи (территоріальный) и ἔθνη (сословный).

[1]) Busolt, Gr. Gesch. I, p. 502, not. 2. Того же воззрѣнія держится, кажется, и Дункеръ, который умалчиваетъ о триттіяхъ при описаніи навкрарій (Gesch. des Alt. V, p. 475). Подобную мысль выражали уже Böckh (C. I. G. I, p. 140) и Meier (De gentil. att., p. 8).

[2]) Такъ говоритъ Busolt, l. l.: „Die Zahl 48 (для навкрарій) steht augenscheinlich zur Vierzahl der Phylen in Beziehung, aber es ist sehr zweifelhaft, ob die Naukrarien, wie späterhin die Trittyen Unterabtheilungen der Phylen waren, denn dann müssten die Stammphylen zugleich territoriale Bezirke gewesen sein, was nicht wahrscheinlich ist. Die Unterabtheilungen der Stammphylen waren die Phratrien, welche man auch mit den Unterabtheilungen der Kleisthenischen Phylen zusammengeworfen und fälschlich mit den Trittyen identifiziert hat. Man wird ohne Bedenken die Trittyen aus der Naukrarien-Eintheilung beseitigen dürfen“.

трехъ предметовъ, тріаду: напр. *τριττὺς βόαρχος* называлась жертва, состоявшая изъ трехъ животныхъ съ быкомъ во главѣ (лат. suovetaurilia)[1]). Но гораздо важнѣе другой вопросъ: были ли дѣйствительно триттіи до-клисѳеновскія территоріальными дѣленіями? Правда, тѣсное соединеніе, въ коемъ мы ихъ встрѣчаемъ съ навкраріями, свидѣтельствуетъ въ пользу однороднаго ихъ характера, а послѣднія были несомнѣнно, какъ показываетъ ихъ сравненіе съ демами, областными единицами; но это соединеніе основано лишь на свидѣтельствѣ Аристотеля[2]): ни онъ, ни по всей вѣроятности его источники не были живыми свидѣтелями института, давно отжившаго! они легко могли быть введены въ заблужденіе позднѣйшими Клисѳеновскими триттіями! Съ одной стороны насъ поражаетъ такая сложность дѣленій, мы не видимъ разумной цѣли для учрежденія триттій на ряду съ навкраріями, съ другой — представляется возможность истолковать ихъ какъ высшія единицы по отношенію къ фратріямъ: въ пользу послѣдняго взгляда какъ будто говоритъ свидѣтельство Аристотеля (если оно достовѣрно!) о глубокой древности этого учрежденія, по его мнѣнію, восходившаго своими началами до такой эпохи, когда вообще другихъ дѣленій народныхъ, кромѣ родовыхъ, не существовало[3]); а въ подтвержденіе Аристотелева воззрѣнія можно привесть фактъ, заслуживающій извѣстнаго вниманія — существованіе триттій внѣ Аттики.

Мы можемъ констатировать триттіи, правда, лишь на островѣ Делосѣ, гдѣ мы даже знаемъ имена двухъ изъ этихъ дѣленій — Окиниловъ и Ѳіестадовъ (а можетъ быть, и четырехъ, если признать за таковыя же Мопсихидовъ и Ѳеандридовъ)[4]), но при общности

[1]) Hesych. *τριχτύα, τριάδα· ἔνιοι θυσία κάπρου, κριοῦ, ταύρου.* Suidas. s. v. *τριττύς.* Schol. Aristoph. Plut. 819: *ἄλλη ἐντελὴς θυσία τριττὺς λεγομένη, ἡ ἐκ χοίρου καὶ κριοῦ καὶ τράγου.* Cfr. Böckh, C. I. G. I, p. 811; Hermann, Gottesdienstl. Alt. § 26, not. 2; Schömann, Gr. Alt, II, p. 233. Относительно происхожденія этого слова срвн. K. Brugmann, Grundr. der Vergl. Gramm. II, § 108, p. 308, который сопоставляетъ его съ *πεντηκοστύς* = совокупность пятидесяти объектовъ.

[2]) Arist. Ath. Pol. 8, 3.

[3]) Aristot. fr. 385 ed. Rose.

[4]) О триттіяхъ на островѣ Делосѣ срвн. V. de Schöffer, De Deli insulae rebus, p. 110, гдѣ приложенъ и списокъ извѣстныхъ намъ триттіарховъ. Тамъ же констатировано, что на Делосѣ: 1) триттіи существовали рядомъ съ фратріями, которыя упоминаются на одной надписи (*καὶ πρὸς φράτραν ἣν ἂν βούλωνται*

іоническихъ филъ и здѣсь и тамъ этого достаточно, чтобы возбудить вопросъ, были ли триттіи институтомъ, общимъ всему іонійскому племени издревле, или же онѣ перенесены на Делосъ изъ Аѳинъ, которыя съ конца VI-го в. оказывали большое вліяніе не только на внѣшнюю политику священнаго острова, но и на внутреннее его устройство. Послѣднее предположеніе, должно сознаться, представляетъ мало за себя вѣроятій: для аѳинянъ было важно измѣнять конституціи въ подчиненныхъ имъ городахъ въ благопріятномъ для себя направленіи, могло казаться выгоднымъ установлять тѣхъ же самыхъ сановниковъ, какіе существовали у нихъ же, чтобы усилить взаимное сближеніе, но какой интересъ могъ ихъ заставить вводить новыя народныя дѣленія, притомъ такія, которыя въ самихъ Аѳинахъ играли лишь весьма второстепенную роль и служили преимущественно цѣлямъ (военнымъ), не существовавшимъ для Делоса? Сверхъ того мы находимъ эти триттіи упомянутыми именно во времена независимости острова, когда всѣ учрежденія аѳинскія отмѣнялись и изгонялись — странно было бы, еслибъ именно онѣ избѣжали общей судьбы.

Съ другой стороны не менѣе сомнѣній вызываетъ и второе указанное нами рѣшеніе, что триттіи существовали и въ Аттикѣ и на Делосѣ въ качествѣ учрежденій обще-іоническихъ: нигдѣ въ другихъ государствахъ этого племени намъ не встрѣчается подобное народное дѣленіе, если не брать въ разсчетъ нѣкотораго намека, очень невѣрнаго, на его существованіе въ Кизикѣ[1]). Если мы даже

προσγράψασθαι: Homolle, Rapport sur une mission scient. p. 30, № 38); 2) триттіи были частями филъ, т.-е. 4 іоническихъ (упоминаются *τριττύαρχοι τῆς φυλῆς:* B. d. C. H. VI, p. 43, Dem. arch. inv. lin. 127). Это важно установить, такъ какъ по отношенію къ Аѳинамъ оба обстоятельства подвергаются сомнѣніямъ.

[1]) Въ C. I. G. 3657 читается *Ἀσκληπιάδης Διοδώρου Αἰγικορεὺς μέσης ἐπὶ Μενεσθέως εἶπεν;* къ этому Böckh примѣтилъ: „*Αἰγικορεὺς* refertur ad tribum Cyzicenam; tribus vero videntur ut Athenis in *τριττύας* divisae fuisse, ita ut *Αἰγικορεὺς μέσης* sit: Aegicorensis ex media trittye". Издавая другую кизическую надпись въ Monatsber. der Berl. Akad. 1874, p. 16, № IV, E. Curtius во 2-й строкѣ прочиталъ (также и Dittenberger въ S. I. G. № 279): *Ἔδοξεν τῷ δήμῳ, εἰσηγησαμένων τῶν ἀρχόντων πάντων, γραμματεὺς βουλῆς Αἴολος Αἰόλου Οἴνωψ· Μέσης ἐπὶ Μηνοφῶντος εἶπεν.* Считая *Μέσης* за имя оратора, онъ видѣлъ то же лицо въ предыдущей надписи и передъ *Ἀσκληπιάδης* возстановлялъ опущенное по его мнѣнію *γραμματεὺς τῆς βουλῆς.* Въ B. d. C. H. VI, p. 613 S. Reinach издалъ третью надпись въ лучшемъ снимкѣ, нежели имѣлъ E. Curtius (ibid. p. 16, № III) и въ строкѣ 2-ой прочелъ: *ἔδοξεν τ. β.*

извинимъ этотъ странный фактъ указаніемъ на то, что и другія дѣленія, фратріи и филы, упоминаются также весьма рѣдко, и что только въ немногихъ іоническихъ городахъ мы съ увѣренностью можемъ констатировать ихъ существованіе, основываясь на подлинныхъ документахъ, то явится не менѣе затруднительный вопросъ: за что мы должны принимать эти триттіи и какъ объяснить ихъ происхожденіе? Территоріальныя дѣленія едва ли могли существовать во времена единства іоническаго племени, а еще менѣе вѣроятно, чтобы именно они сохранились такъ упорно у различныхъ его вѣтвей во время ихъ странствованій, когда при отсутствіи постоянныхъ мѣстъ жительства и эти дѣленія буквально не имѣли почвы для себя — слѣдовательно, ихъ должно считать родовыми? Но и въ организаціи родоваго строя, какъ она нами охарактеризована выше, для нихъ собственно нѣтъ мѣста, такъ какъ всѣ другія дѣленія, роды, „братства“, племена соотвѣтствуютъ извѣстнымъ опредѣленнымъ понятіямъ, между тѣмъ какъ триттіи являются совершенно лишними; сверхъ того и по самому своему наименованію, какъ бы мы его ни толковали (третичное дѣленіе высшихъ единицъ или совокупность трехъ низшихъ), онѣ вносятъ принципъ искусственности въ родовой строй, коего отличительная черта, какъ мы видѣли, естественность его возникновенія помимо человѣческаго произвола. Изъ этой затруднительной дилеммы мы до открытія какихъ-либо новыхъ документовъ можемъ найти лишь слѣдующій исходъ: мы должны предположить, что триттіи, каковъ бы ни былъ ихъ характеръ (территоріальный или родовой), во всякомъ случаѣ гораздо болѣе поздняго происхожденія, нежели филы, копхъ онѣ были подраздѣленіями, и что онѣ дѣйствительно перенесены изъ Аттики на о. Делосъ[1]), но только не во времена

κ. τ. δ. Παυσανίας Εὐμένους Αἰγικορεὺς μέσης ἐπὶ Δημητρίου εἶπεν. Здѣсь нельзя уже было примѣнять тоже толкованіе (странно и было бы, еслибъ въ двухъ надписяхъ были опущены тѣ же слова), потому что изъ заголовка надписи мы узнаемъ, что Павсаній былъ главнымъ магистратомъ, эпонимомъ Кизика, гипархомъ; слѣдовательно должно возвратиться къ объясненію Бёка и соединяя *μέσης* съ *Αἰγικορεὺς, Οἴνωψ*, видѣть въ немъ имя подраздѣленія филы: очевидно, ихъ было по три и естественнѣе всего найти здѣсь указаніе на триттіи. Это и признали S. Reinach, Kersten, De Cyzico, p. 8 и Swoboda, Griech. Volksbeschl. p. 95.

[1]) Подобное же перенесеніе триттій можно предположить и для Кизика, гдѣ мы встрѣчаемъ и народное постановленіе съ формуляромъ (Praescript), буквально подражающимъ аѳинскому: Cfr. Swoboda, Griech. Volksbeschl. p. 42.

подчиненія послѣдняго, а въ эпоху значительно болѣе древнюю[1]), и не по принужденію властителей, а по собственной волѣ и соображеніямъ островитянъ — извѣстны тѣ тѣсныя отношенія, которыя издревле поддерживались между священнымъ островомъ Аполлона и прибрежными городами Сароническаго залива, а въ особенности съ марафонскою тетраполью[2]).

Этимъ еще не предрѣшается, какъ мы уже сказали, вопросъ относительно настоящаго характера этихъ дѣленій; но, взвѣсивши тщательно всѣ пункты, мы приходимъ къ убѣжденію, что больше вѣроятій говорятъ въ пользу территоріальнаго: мы уже выставили тѣ затрудненія, которыя встрѣчаются при попыткѣ включить триттіи въ систему родоваго строя; далѣе мы бы въ такомъ случаѣ имѣли противъ себя свидѣтельство Аристотеля, который называетъ ихъ какъ дѣлепія параллельныя, по разнородныя съ фратріями и какъ однородныя, но высшія по отношенію къ навкраріямъ; наконецъ, извѣстный вѣсъ должна имѣть аналогія съ Клисѳеновскими триттіями.

Какъ справедливо замѣчаетъ Гомперцъ, главная цѣнность вновь открытаго трактата Аристотеля заключается въ той изумительной ясности, съ какою доказанъ фактъ, до котораго не могло дойти все остроуміе современныхъ ученыхъ, несмотря на всѣ теоріи о развитіи аѳинскаго государственнаго устройства: это — та строгая послѣдовательность, съ какою вопреки разнымъ насильственнымъ переворотамъ развивалась безъ скачковъ, но и почти безъ реакцій аѳинская конституція съ VII-го по IV-ый вѣкъ, при чемъ каждый позднѣйшій законодатель не ломалъ построекъ своего предшественника, чтобы воздвигнуть совершенно новое зданіе, а только видоизмѣнялъ ихъ, исправлялъ и дополнялъ съ большою осторожностью, шагъ за шагомъ, до достиженія полной демократіи[3]). Поэтому если мы видимъ, что Клисѳеновскіе демы замѣнили вполнѣ

---

[1]) На это указываетъ и соединеніе триттій съ іоническими филами: въ Аѳинахъ съ конца VI-го в. триттіи были дѣленіями клисѳеновскихъ филъ (см. ниже).

[2]) Объ этихъ вопросахъ срвн. Töpffer, Att. Pythaisten und Deliasten въ Hermes, XXIII, p. 321 и мою диссертацію De Deli ins. rebus, cap. I.

[3]) Th. Gomperz въ Deutsche Rundschau, Mai 1891, p. 223: „Wir ersehen mit Überraschung, dass die Fortbildung der athenischen Verfassung einen weit höheren Grad von Continuität aufweist, dass sie weit mehr die Merkmale stetiger organischer Entwickelung besitzt, als wir es bisher zu ahnen vermochten“.

аналогичныя имъ навкраріи, а его триттіи стали на мѣсто прежнихъ, съ коими онѣ во всякомъ случаѣ имѣли, какъ общую черту, одинаковое отношеніе къ высшей единицѣ — филѣ (трое на одну), то мы въ полномъ правѣ провесть параллель дальше и сдѣлать заключеніе, что и до его законодательства триттія стояла въ качествѣ посредствующаго звена между филой и навкраріей, какъ она впослѣдствіи играла ту же роль между филой и демомъ, а слѣдовательно была дѣленіемъ территоріальнымъ, не родовымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ становится чрезвычайно вѣроятнымъ, что учрежденіе какъ триттій, такъ и навкрарій было единовременнымъ и восходитъ до значительной древности, такъ какъ Аристотель, очевидно, не знаетъ времени происхожденія этого устройства: можно думать до первой половины VII-го вѣка, т.-е. не раньше, но и немногимъ позже полнаго объединенія Аттики чрезъ присоединеніе элевсинской общины[1]).

Это была первая попытка освободиться отъ стѣснительныхъ для свободнаго развитія оковъ родоваго строя, замѣнить его религіозно-семейныя дѣленія другими, также (по всей вѣроятности) освященными религіей, но основанными на общности мѣста жительства безъ различія происхожденія. Почему же, можно спросить, если послѣдующая реформа Клисѳена дѣйствительно въ организаціи территоріальныхъ дѣленій такъ тѣсно примыкала къ предшествующей системѣ навкрарій, законодатель этотъ вообще считалъ нужнымъ замѣнить одну другою? Полный отвѣтъ дастъ намъ на этотъ вопросъ подробное разсмотрѣніе его нововведеній и ихъ результатовъ для государственной жизни Аѳинъ, теперь же мы ограничимся краткимъ указаніемъ на главную причину несостоятельности этой первой попытки къ замѣнѣ родовыхъ дѣленій территоріальными. Прежде всего было ошибкой соединять эти новыя дѣленія съ старыми филами: по недостатку достовѣрныхъ свѣдѣній было бы тщетно стараться себѣ уяснить всѣ проистекавшія отсюда несообразности; но уже a priori можно себѣ это представить, такъ что нѣкоторые ученые, какъ мы видѣли, отказывались вѣрить въ связь навкрарій съ филами и даже въ существованіе триттій. Во-вторыхъ, назначеніе названныхъ областныхъ

[1]) Тогда вслѣдствіе включенія жителей цѣлой области въ составъ филъ и фратрій должно было особенно сказаться неудобство этихъ дѣленій для цѣлей административныхъ.

дѣленій въ государствѣ было ограничено весьма второстепенною ролью — служить округами военными и податными[1]). О какомъ-либо муниципальномъ самоуправленіи ихъ мы ничего не знаемъ, а главнымъ основаніемъ для государственнаго управленія продолжали служить единицы родовыя: по филамъ, а не по триттіямъ назначался еще и Солоновскій Совѣтъ Четырехсотъ. Такая двойственность не могла приносить пользы государству, и она должна была рано или поздно уступить мѣсто торжеству одного принципа — территоріальнаго: честь полнаго его и рѣшительнаго примѣненія ко всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія принадлежитъ Алкмеониду Клисѳену.

Реформа Клисѳена различнымъ образомъ и изображалась и оцѣнивалась отдѣльными изслѣдователями: Геродотъ, какъ извѣстно, пояснялъ ее нежеланіемъ, чтобы „у аѳинянъ были тѣ же филы, какъ у іонянъ“, вслѣдствіе чего онъ-де и устроилъ вмѣсто четырехъ — десять съ другими названіями[2]). Но прежде чѣмъ вдаваться въ разсужденія о цѣляхъ и результатахъ Клисѳеновской реформы, подобаетъ въ краткихъ словахъ изложить ея сущность, и это нельзя лучше сдѣлать, какъ воспользовавшись повѣствованіемъ самаго достовѣрнаго нашего источника, замѣнившаго всѣ отрывочныя замѣтки позднѣйшихъ грамматиковъ, Аристотеля въ аѳинской Политіи.

„Клисѳенъ, говоритъ онъ, стоя во главѣ народа, въ четвертый годъ послѣ низложенія тирановъ при архонтѣ Исагорѣ (508 г.

1) Schöll (Hermes, VI, p. 20) ставитъ въ зависимость отъ навкраровъ колакретовъ, потому что послѣдніе производили уплату *ἐκ τῶν ναυκραρικῶν* (такъ должно исправить у Schol. Aristoph. Aves, 1511: *Ἀνδροτίων γράφει οὕτως· τοῖς δὲ ἰοῦσι Πυθῶδε θεωροῖς τοὺς κωλακρέτας διδόναι ἐκ τῶν ναυκληρικῶν ἐφόδιον ἀργύρια καὶ εἰς ἄλλο ὅτι ἂν δέῃ ἀναλῶσαι*): это все равно, что сказать, что министръ финансовъ находится въ зависимости отъ податнаго инспектора, такъ какъ производитъ уплату изъ податей. Мѣста лексикографовъ, свидѣтельствующія о дѣятельности навкраровъ, сопоставлены выше; гораздо сомнительнѣе указаніе у Bekk. Anecd. I, p. 283: *ναύκραροι οἱ τὰς ναῦς παρασκευάζοντες καὶ τριηραρχοῦντες καὶ τοῖς πολεμάρχοις ὑποτεταγμένοι.* Не вдаваясь въ опасныя конъектуры, можно лишь сказать, что навкраріи служили для цѣлей военнаго и финансоваго управленія.

2) Herodot. V, 66 et 72: *ὁ Κλεισθένης τετραφύλους ἐόντας Ἀθηναίους δεκαφύλους ἐποίησε, τῶν Ἴωνος παίδων ἀπαλλάξας τὰς ἐπωνυμίας ..... ἵνα μὴ σφίσι αἱ αὐταὶ ἔωσι φυλαὶ καὶ Ἴωσι.*

до Р. Х.), прежде всего раздѣлилъ всѣхъ гражданъ на десять филъ вмѣсто прежнихъ четырехъ, желая перемѣшать ихъ между собою, чтобы большее число принимало участіе въ государственномъ управленіи: отсюда и выраженіе „не разыскивать филъ“, направленное противъ тѣхъ, которые бы желали изслѣдовать происхожденіе [отдѣльныхъ гражданъ]. Причина же, почему онъ ихъ раздѣлилъ не на двѣнадцать филъ, была та, чтобы ему не пришлось дѣлить соотвѣтственно прежде существовавшимъ триттіямъ: при четырехъ филахъ было, вѣдь, двѣнадцать триттій, такъ что тогда бы не удалось перемѣшать толпу. Онъ раздѣлилъ и всю страну по демамъ на тридцать частей, десять въ области близъ города, десять же въ Параліи (приморской), десять также въ Месогеѣ, и назвавъ ихъ триттіями, распредѣлилъ по жребію по три на каждую филу, чтобы изъ послѣднихъ каждая имѣла по участку во всѣхъ трехъ областяхъ; и онъ сдѣлалъ демотами по отношенію другъ къ другу тѣхъ, кто жилъ въ каждомъ демѣ, чтобы они, еслибъ стали называть другъ друга по отчеству, не изобличили лицъ, вновь принятыхъ въ гражданство, а называли другъ друга по демамъ: вслѣдствіе этого аѳиняне между собою и именуютъ себя по демамъ. Онъ установилъ и демарховъ, унаслѣдовавшихъ кругъ дѣятельности прежнихъ навкраровъ: вѣдь, и демы онъ учредилъ вмѣсто навкрарій. Называлъ же онъ демы частью по именамъ мѣстъ, частью по ихъ основателямъ: не у всѣхъ мѣстъ были уже свои имена. Роды же и фратріи и [наслѣдственныя] жречества онъ предоставилъ каждому сохранить, какъ они ему были завѣщаны отъ предковъ. Для филъ онъ назначилъ эпонимами изъ числа ста избранныхъ архегетовъ тѣхъ десять, которыхъ назвала Пиѳія[1]).

---

[1]) Aristot. Ath. Pol. 21: *τότε δὲ τοῦ πλήθους προεστηκὼς (ὁ Κλεισθένης) ἔτει τετάρτῳ μετὰ τὴν τῶν τυράννων κατάλυσιν ἐπὶ Ἰσαγόρου ἄρχοντος — — πρῶτον μὲν οὖν συνέπειμε πάντας εἰς δέκα φυλὰς ἀντὶ τῶν τεττάρων, ἀναμῖξαι βουλόμενος, ὅπως μετάσχωσι πλείους τῆς πολιτείας· ὅθεν ἐλέχθη καὶ τὸ μὴ φυλοκρινεῖν πρὸς τοὺς ἐξετάζειν τὰ γένη βουλομένους. διὰ τοῦτο δὲ οὐκ εἰς δώδεκα φυλὰς συνέταξεν, ὅπως αὐτῷ μὴ συμβαίνῃ μερίζειν κατὰ τὰς προυπ ἀρχούσας τριττῦς· ἦσαν γὰρ ἐκ δ′ φυλῶν δώδεκα τριττύες, ὥστ′ οὐ συνέπιπτεν ἂν ἀναμίσγεσθαι τὸ πλῆθος. διένειμε δὲ καὶ τὴν χώραν κατὰ δήμους τριάκοντα μέρη, δέκα μὲν τῶν περὶ τὸ ἄστυ, δέκα δὲ τῆς παραλίας, δέκα δὲ τῆς μεσογείου, καὶ ταύτας ἐπονομάσας τριττῦς ἐκλήρωσεν τρεῖς εἰς τὴν φυλὴν ἑκάστην, ὅπως ἑκάστη μετέχῃ πάντων τῶν τόπων· καὶ δημότας ἐποίησεν ἀλλήλων τοὺς οἰκοῦντας ἐν ἑκάστῳ τῶν δήμων, ἵνα μὴ πατρόθεν προσαγορεύον-*

Итакъ Клисѳенъ учредилъ десять новыхъ областныхъ филъ, заключавшихъ въ себѣ по три триттіи, изъ коихъ каждая принадлежала одной изъ трехъ областей, на которыя по природѣ страны и занятіямъ жителей распадалась вся Аттика; въ свою очередь послѣдняя представлялась комплексомъ изъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ единицъ — демовъ. Относительно числа послѣднихъ Аристотель не даетъ никакихъ указаній, но по свидѣтельству Геродота ихъ было ровно сто, по десяти на каждую филу[1]). Аристотель утверждаетъ, что Клисѳенъ „образовалъ“ *(ἐποίησεν)* демы, но, можетъ быть, онъ вовсе не хотѣлъ употребить этого выраженія въ самомъ строгомъ его смыслѣ, а только сказать, что онъ, придавъ имъ политическое значеніе прежнихъ навкрарій, какъ будто основалъ ихъ съ точки зрѣнія государства, для коего они раньше не существовали: во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію (и никто, кажется, изъ новѣйшихъ ученыхъ не высказывалъ таковаго), что великій законодатель не по личной фантазіи создалъ произвольныя новыя единицы, а воспользовался уже существовавшими въ странѣ задолго до него городками, мѣстечками, поселками, чтобы положить ихъ въ основу своей искусственной организаціи и тѣмъ придать ей такую крѣпость, которая можетъ быть свойственна лишь естественно выросшимъ организмамъ и которая дѣйствительно дала его устройству возможность пережить всѣ бури и невзгоды послѣдующихъ вѣковъ до самой гибели античнаго міра. Поэтому-то многіе ученые и склонны заподозрить переданное Геродотомъ число ста демовъ, находя неправдоподобнымъ, чтобы въ какое бы то ни было время въ странѣ могло существовать населенныхъ мѣстъ такое ровное число, не болѣе и не менѣе, — иногда видятъ въ немъ лишь круглую цыфру[2]). Намъ придется о числѣ

τες ἐξελέγχωσιν τοὺς νεοπολίτας, ἀλλὰ τῶν δήμων ἀναγορεύωσιν· ὅθεν καὶ νῦν καλοῦσιν Ἀθηναῖοι σφᾶς αὐτοὺς τῶν δήμων. κατέστησε δὲ καὶ δημάρχους τὴν αὐτὴν ἔχοντας ἐπιμέλειαν τοῖς πρότερον ναυκράροις· καὶ γὰρ τοὺς δήμους ἀντὶ τῶν ναυκραριῶν ἐποίησεν. προσηγόρευσε δὲ τῶν δήμων τοὺς μὲν ἀπὸ τῶν τόπων, τοὺς δὲ ἀπὸ τῶν κτισάντων· οὐ γὰρ ἅπαντες ὑπῆρχον ἔτι τοῖς τόποις. τὰ δὲ γένη καὶ τὰς φρατρίας καὶ τὰς ἱερωσύνας εἴασεν ἔχειν ἑκάστους κατὰ τὰ πάτρια. ταῖς δὲ φυλαῖς ἐποίησεν ἐπωνύμους ἐκ τῶν προκριθέντων ἑκατὸν ἀρχηγετῶν οὓς ἀνεῖλεν ἡ Πυθία δέκα.

1) Herodot. V, 69: *δέκα δὲ καὶ τοὺς δήμους κατένεμε ἐς τὰς φυλάς.*

2) Уже Schweighäuser (къ мѣсту Геродота), W. Wachsmuth (Hell. Alt. I p. 544, not. 18), Dietrich (De Clisthene. 1840, p. 32) старались устранить

демовъ говорить въ другомъ мѣстѣ подробнѣе, но уже здѣсь, гдѣ мы имѣемъ цѣлью уяснить сущность законодательныхъ мѣръ Клисѳена, не лишнимъ будетъ указать на то, что, не будучи вовсе односторонними поклонниками Геродота и вообще не высоко ставя его авторитетъ въ вопросахъ государственнаго права, мы въ данномъ случаѣ не видимъ никакой причины заподозривать достовѣрность его извѣстія[1]): мы сказали, что Клисѳенъ воспользовался для своей организаціи уже раньше существовавшими поселеніями, но это вовсе не значитъ, чтобы вся его дѣятельность въ этомъ отношеніи ограничивалась лишь тѣмъ, что составивъ, такъ сказать, списокъ всѣхъ заселенныхъ мѣстечекъ Аттики, онъ всѣхъ ихъ безъ исключенія возвелъ на степень демовъ.

Если мы поближе присмотримся къ отдѣльнымъ демамъ, насколько позволяетъ намъ скудный запасъ свѣдѣній, то мы увидимъ, что въ числѣ ихъ были какъ крупные, такъ и очень малые[2]): къ первымъ принадлежали Ахарны, которые могли въ началѣ Пелопоннесской войны выставить до трехъ тысячъ гоплитовъ[3]), Элев-

---

свидѣтельство Геродота, соединяя *δέκα* съ *ἐς τὰς φυλάς*, противъ чего вполнѣ основательно протестовалъ K. Hermann, De iure et auctor. mag., p. 43, not. 26; St.-Alt. § 111, not. 12. Нѣсколько иначе толкуетъ тѣ же слова Grote, Hist. of Greece, IV, p. 59, not. 2: онъ соединяетъ *δέκα* съ *κατένεμε* и толкуетъ „на десять частей“ (= *δέκα μέρη*). Madvig (Adv. crit. I, p. 305) еще проще выбрасываетъ слова *δέκα δὲ* изъ текста Геродота.

1) Оно подтверждается, какъ указалъ H. Sauppe (De demis urb. Ath., p. 5), словами Героліана, *π. μονήρ. λέξ.* 17: *Ἀραφήν* (эпонимъ дема) *εἷς τῶν ἑκατὸν ἡρώων*.

2) Dem. in Eubul. (LVII), 57, p. 1316: *ἐνθυμεῖσθε τοίνυν κἀκεῖνο, ὅσοι τῶν μεγάλων δήμων ἐστέ*. Cfr. O. Müller, De demis atticis. 1880, p. 9 (De demorum magnitudine). B. Haussoullier, La vie municipale en Attique au IV s. 1884, p. 181. Для статистики относительной населенности демовъ мы имѣемъ три источника: 1) каталоги притановъ, 2) списки эфебовъ; 3) надгробныя надписи. Всѣ данныя, которыя можно извлечь изъ этого матеріала, нами сопоставлены въ приложеніи II (во второмъ томѣ).

3) Thuc. II, 19 et 20: *ἐς Ἀχαρνάς, χῶρον μέγιστον τῆς Ἀττικῆς τῶν δήμων καλουμένων ..... οἱ Ἀχαρνῆς μέγα μέρος ὄντες τῆς πόλεως* (*τρισχίλιοι γὰρ ὁπλῖται ἐγένοντο*). Müller-Strübing (Aristophanes und die hist. Kritik, p. 639) предложилъ исправить „три тысячи“ въ „триста“. Помимо того, что принципіально я противъ исправленія чиселъ въ текстѣ авторовъ (это не критика, а произволъ), въ данномъ случаѣ можно доказать, что число „триста“ не вѣрно: гоплитовъ въ Аѳинахъ въ это время было 29000 (Thuc. II, 13, 6), раздѣливъ это число на сто, мы получимъ 290 среднимъ числомъ на каждый

синъ съ массой знатныхъ родовъ, участвовавшихъ въ культѣ и мистеріяхъ Деметры, обѣ гавани аѳинскія: Фалеръ и Пирей, съ своимъ многочисленнымъ торговымъ и промышленнымъ населеніемъ, центръ аристократіи, сердце Аѳинъ — Кидаѳеней и т. д.; ко вторымъ можно отнести безъ всякаго сомнѣнія Галимунтъ (родину Ѳукидида), насчитывавшій въ началѣ IV-го в. около 80 демотовъ, Мирринунтъ, гдѣ присутствіе 30 членовъ считалось достаточнымъ для изданія обязательныхъ для всѣхъ демотовъ постановленій, Титакиды и Тригониды и многіе другіе[3]). Это обстоятельство какъ будто говоритъ въ пользу мнѣнія, что Клисѳенъ безъ всякаго разбора даровалъ каждому существовавшему поселку права самостоятельной общины, но существуютъ и непреложныя свидѣтельства, которыя этому выводу противорѣчатъ и доказываютъ, что иногда въ силу особыхъ соображеній законодатель и отступалъ отъ общаго правила: прежде всего Аристотель, хотя его текстъ въ данномъ мѣстѣ испорченъ и не вполнѣ ясенъ и по содержанію, высказываетъ какъ-будто мысль, что между демами были такіе, которые до Клисѳена не имѣли имени, т.-е. имъ впервые были созданы; въ примѣръ этого можно, кажется, привести нѣкоторые изъ городскихъ демовъ, какъ мы увидимъ ниже, представлявшихъ наиболѣе искусственную организацію; съ другой стороны иныя мѣстечки были оставлены „заштатными“, какъ это не подлежитъ сомнѣнію относительно немаловажнаго городка Браврона, прославленнаго культомъ Артемиды Бравронской, который не былъ включенъ въ число демовъ, заплативъ такимъ униженіемъ, по справедливой догадкѣ Wilamowitz'a[2]), за честь быть родиной тиранна Писистрата.

демъ — какое же *μέγα μέρος* составляютъ ахарняне? Число Ѳукидида можетъ быть вѣрно: въ IV в. ахарняне посылаютъ въ Совѣтъ 22 изъ 50 притановъ своей филы (C. I. A. II, 868), т.-е. составляли половину филетовъ или даже больше (малый демъ долженъ былъ относительно посылать больше представителей, нежели большой); распредѣливъ 30000 гоплитовъ между 10 филами, мы получимъ по 3000 на каждую, но могла Ойнеида ставить больше, напр. 4500, изъ коихъ около 3000 — ахарняне, дѣйствительно *μέγα μέρος τῆς πόλεως*.

[1]) Галимунтъ: Dem. in Eubul. (LVII), 9, p. 1301. Мирринунтъ: C. I. A. II, 578, l. 22. Титакиды и Тригониды: (Etym. M. 760, 31) *οἱ δὲ Τιτακίδαι καὶ Θυργωνίδαι φρατρίαι τινὲς καὶ γένη ἄδοξα· οὐχὶ δὲ δῆμοι, ὥς τινες οἴονται* (послѣднее, конечно, не вѣрно, но указываетъ на ничтожность этихъ демовъ).

[2]) Hermes, XII, p. 343.

Но такой образъ дѣйствій въ отдѣльныхъ случаяхъ не нарушаетъ общаго принципа естественности въ Клисѳеновской организаціи демовъ, тѣмъ болѣе, что законодатель могъ при этомъ воспользоваться тѣми болѣе тѣсными отношеніями, которыя помимо всякой посторонней воли издавна возникли между сосѣдними и близкими по мѣстоположенію поселками и весьма часто получали еще большую крѣпость и религіозное освященіе черезъ общность культа[1]). Такъ напр. и въ историческое время три дема въ долинѣ рѣки Кефиса, Пелеки, Кропиды и Эвпириды образовывали т.-наз. *τρικωμία*[2]); еще болѣе извѣстенъ союзъ четырехъ общинъ: Фалера, Пирея, Ксипеты и Тимойтадовъ, группировавшихся вокругъ святилища Геракла и носившихъ имя *τετράκωμοι;* уже раньше намъ приходилось упоминать объ обществѣ Эпакреевъ, къ которому принадлежали Семахиды, Плоѳея и неизвѣстный намъ еще третій демъ, а также о знаменитой мараѳонской тетраполи, обнимавшей Мараѳонъ, Ойною, Трикориѳъ и Пробалинѳъ и имѣвшей въ лицѣ своего архонта особаго сановника, по всей вѣроятности, съ чисто-религіозными функціями[3]). Отъ Клисѳена, конечно, зависѣло эти религіозныя группы въ ихъ цѣлости возвести на степень общинъ или сложить эти большею частью мелкіе поселки по два въ одинъ демъ, нисколько не нарушая чрезъ это естественно возникшихъ условій, но онъ предпочелъ дать нѣкоторымъ изъ нихъ положеніе самостоятельнаго дема и даже въ силу политическихъ соображеній разъединить ихъ, причисливъ къ различнымъ филамъ. Какъ осторожно онъ поступалъ и какъ тщательно старался не нарушать существующаго порядка вещей, доказывается еще однимъ поразительнымъ примѣромъ: до сихъ поръ не удалось еще при такомъ большомъ числѣ извѣстныхъ намъ демовъ хотя бы одинъ крупный съ увѣренностью локализовать въ Элевсинской равнинѣ[4]). Очевидно,

[1]) Сопоставленіе этихъ религіозныхъ союзовъ (своего рода амфиктіоній) дали G. Gilbert, Att. Komenverfass. въ N. Jahrbb. f. Phil. S.-B. VII, p. 211 и G. Busolt (Gr. Gesch. I, p. 380). Спеціальныя указанія насчетъ большинства изъ нихъ были даны нами выше: ихъ я считаю лишними повторять.

[2]) Steph. Byz. s. v. *Εὐπυρίδαι.* Cfr. A. Milchhöfer, Erläut. Text zu den Karten von Attika, II, p. 39.

[3]) Это доказывается тѣмъ, что въ упомянутой уже надписи (Lolling въ Mitt. III, p. 261 = Ditt. S. I. G. 304 = C. I. A. II, 1324) рядомъ съ архонтомъ перечисляются четыре *ἱεροποιοί,* по одному изъ каждаго дема.

[4]) Лишь *Θρία,* давшая свое имя *Θριάσιον πεδίον,* кажется, составляетъ ис-

этому священному городу съ его могущественными родами жрецовъ и пѣснопѣвцевъ, такъ долго отстаивавшему свою политическую независимость отъ Аѳинъ и не вполнѣ забывшему про нее и въ V-мъ вѣкѣ, удалось лучше еще, нежели его соперницѣ, сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ и убить коммунальную жизнь окружавшихъ его мелкихъ поселковъ, стянувъ все населеніе равнины внутри своихъ стѣнъ (какъ извѣстно, Элевсинъ былъ крѣпостью и самою сильною въ Аттикѣ): и энергичный Алкмеонидъ не могъ бы безъ переворота всѣхъ исторически возникшихъ условій и искусственныхъ новообразованій возстановить то, что было радикально и безвозвратно уничтожено, а такого шага онъ тщательно избѣгалъ.

Ему не достаточно было одного лишь факта существованія какого-нибудь отдѣльнаго поселка, чтобы возвести его въ демъ, — онъ съ заботливостью и любовью бралъ въ разсчетъ и полуисторическія легенды, и религіозныя традиціи, и культовые обряды, какъ они въ большомъ количествѣ и многообразныхъ формахъ росли и процвѣтали и ютились въ разныхъ уголкахъ аѳинской земли, составляя любимый предметъ изысканій для мѣстныхъ историковъ и аттидографовъ: у послѣднихъ ихъ читалъ еще Павсаній, не посчитавшій достаточно интереснымъ ихъ сообщать, такъ что мы принуждены довольствоваться лишь слабыми отголосками, сохранившимися въ случайныхъ замѣткахъ писателей, большею частью схоліастовъ и лексикографовъ — *ἡμεῖς δὲ κλέος οἷον ἀκούομεν οὐδέ τι ἴδμεν*. Такъ, Декелея гордилась своимъ царемъ Декеломъ, который рѣшился сопротивляться могучему Тезею и гостепріимно принималъ его недруговъ Діоскуровъ, за что и въ Пелопоннесскую войну спартанцы долго щадили эту область[1]); Рамнунтомъ владѣла Немезида, коей храмъ недавно тамъ открытъ, и здѣсь же по преданію жила ея дочь отъ Зевса, которую позднѣе сопоставили съ дочерью Леды[2]); Торикъ хвалился своимъ древнимъ царемъ Кефаломъ, смѣлымъ охотникомъ, храбрымъ воиномъ и блестящимъ красавцемъ, котораго любила и похитила златоперстая Эосъ[3]);

ключеніе, если не предположить наоборотъ, что въ Тріазійской равнинѣ былъ выдѣленъ демъ и по мѣстности *(ἀπὸ τόπων)* названъ Тріей.

[1]) Herodot. IX, 73.

[2]) Paus. I, 33, 2 sqq.

[3]) Hesiod. Theog. 986.

въ Прасіяхъ показывали гробницу Эрисихтона, мнимаго сына Кекропса и легендарнаго основателя Делосской амфиктіоніи и хранили свято преданіе о таинственныхъ дарахъ, посылаемыхъ ежегодно Аполлону благочестивымъ народомъ Гипербореевъ [1]); Икарія славилась древнѣйшимъ культомъ Діониса, коего святилище открыто недавно американской школой [2]); въ Потамѣ былъ похороненъ Іонъ, прародитель аѳинскаго народа [3]); Паллена слыла родиной и царствомъ гиганта Палланта съ его пятьюдесятью сыновьями и гордилась славой его упорной борьбы противъ пришельца Тезея [4]), какъ сосѣдняя Афидна — своею приверженностью къ послѣднему, который ее сдѣлалъ убѣжищемъ для своей матери и похищенной имъ Елены, захваченныхъ потомъ братьями послѣдней, какъ это было представлено уже на ларцѣ Кипсела [5]). Все это и многія другія подобныя обстоятельства взялъ въ разсчетъ Клисѳенъ при образованіи своихъ демовъ: онъ хотѣлъ создать не схематическое дѣленіе страны на участки въ родѣ выборныхъ округовъ западной Европы, а дѣйствительно исполненные жизненной силой и чувствомъ самостоятельности организмы.

Поэтому и мало вѣроятно, чтобы онъ дѣйствительно, какъ утверждаетъ Аристотель, самъ сочинилъ имена для отдѣльныхъ демовъ — по всей вѣроятности онъ только воспользовался уже задолго до него существовавшими и лишь узаконилъ ихъ навсегда. Какъ говоритъ Великій Этимологикъ, названія эти заимствованы или „отъ мѣстъ, ими занимаемыхъ, или отъ сосѣднихъ, частью отъ произрастающихъ въ нихъ растеній, частью отъ живущихъ въ нихъ въ наибольшемъ

---

[1]) Paus. I, 31, 2.

[2]) Cfr. American Journal of Archaeology, IV (1888), p. 421, V (1889), p. 9, 154, 304, 461. Чрезъ эти раскопки окончательно установлено мѣстоположеніе дема Икаріи на мѣстѣ *Διονύσο* къ сѣверу отъ Пентеликона у подошвы Dionysovúni, продолженія Aphorismò, къ юго-востоку отъ Стаматы и къ юго-западу отъ Vranà почти на равномъ разстояніи отъ обоихъ: только Leake (Demen, p. 114) искалъ его приблизительно въ этой мѣстности, между тѣмъ какъ Ross (Demen, p. 73), Bursian (Geogr. von Griech. I, p. 332, not. 1), Kastromenos (Demen, p. 86) помѣщали его въ сосѣдствѣ Элевсина. Срвн. карту въ Amer. Journ. V, p. 158 и болѣе подробную у Curtius-Kaupert'a, Karten von Attika, Sect. Pentelikon (A. Milchhöfer, Erl. Text, H. III, p. 55).

[3]) Paus. I, 31, 3.

[4]) Plut. v. Thes. 13.

[5]) Paus. V, 19, 3.

числѣ ремесленниковъ, наконецъ отъ населившихъ ихъ впервые мужчинъ или женщинъ“ [1]), что вполнѣ оправдывается при разсмотрѣніи дошедшихъ до насъ именъ: къ первой категоріи можно отнести всѣ названія древнихъ нѣкогда независимыхъ городовъ Аттики, позднѣе низведенныхъ на степень поселковъ, Элевсинъ, Торикъ, Суніонъ, Фалеръ и мног. друг., а также мѣстечки, дѣйствительно названныя по характеру занимаемой области, Фегею (отъ *φηγός* = дубъ), Мирринунтъ (отъ *μυρρίνη* = мирта), Галы и Галимунтъ (можетъ быть отъ *ἅλς* = соль, море) и т. д.; весьма многочисленны также демы, названные по знатнымъ родамъ, ихъ первоначально населявшимъ, Эоалиды *(Αἰθαλίδαι)*, Дедалиды, Эвпириды, Кропиды (авторъ Этимологика, кажется, считаетъ эти имена, по крайней мѣрѣ, отчасти заимствованными отъ рода занятій жителей, что конечно несправедливо, такъ какъ только въ имени *Κεραμῆς* мы находимъ подобное указаніе), Титакиды, Лакіады, Филаиды, Бутады, отъ коего въ отличіе знатный родъ, носившій это наименованіе, сталъ зваться Этеобутадами, т.-е. настоящими потомками Бута, брата царя Эрехтея [2]); нѣсколько отлична форма именъ тѣхъ демовъ, которые названы не по какому-нибудь роду, а прямо по миѳическому основателю, какъ Декелея отъ Декела, Арафенъ и Гекале по героямъ того же имени, — конечно, мы скажемъ, что въ такихъ случаяхъ очень часто наоборотъ личность и имя героя созданы фантазіей для существующаго уже поселенія, хотя въ иныхъ случаяхъ вопросъ о пріоритетѣ весьма трудно рѣшить, такъ напр. Декелъ, какъ мы видѣли, а также и Гекале тѣсно связаны съ легендой о Тезеѣ, нимфа Мелита — съ Геракломъ [3]).

[1]) Etymol. M. s. v. *Ἐλεεῖς: οἱ γὰρ δῆμοι τῶν Ἀθηναίων ἢ ἀπὸ τόπων, ἢ ἀπὸ τῶν παρακειμένων αὐτοῖς, ἢ ἀπὸ τῶν ἐν αὐτοῖς φυτῶν, ἢ ἀπὸ τῶν ἐν αὐτοῖς χειροτεχνῶν, ἢ ἀπὸ τῶν οἰκησάντων ἀνδρῶν ἢ γυναικῶν.*

[2]) Apollod. Bibl. III, 14, 8.

[3]) О Мелитѣ и ея связи съ Геракломъ: Schol. Aristoph. Ranae, 501. Подробное изслѣдованіе о генеалогіи этой героини и разборъ указанныхъ сколій далъ v. Wilamowitz, Kydathen, p. 146. G. Löschcke (Vermuth. zur griech. Kunstgesch., p. 9) находитъ „Геракла на лонѣ Мелиты“ въ фронтонѣ Парѳенона: я это вмѣстѣ съ v. Wilamowitz'емъ (Hermes, XXII, p. 126, not. 1) считаю заблужденіемъ („Dortchen Lakenreisser gehört auf Falstaffs Schoss, nicht umgekehrt, aber beide in die Komödie, nicht in das Gotteshaus“), но не могу согласиться съ послѣднимъ относительно толкованія сколій и особенно спорной фразы Аристофана *(οὐξ Μελίτης — μαστιγίας)*.

Если мы ближе присмотримся къ этимъ тремъ категоріямъ именъ, то не подлежитъ сомнѣнію, что поселенія перваго наименованія гораздо древнѣе, нежели реформа Клисѳена, и въ большинствѣ случаевъ восходятъ еще къ эпохѣ, предшествовавшей объединенію Аттики въ такъ-наз. синойкизмѣ Тезея; то же самое можно сказать и о многихъ мѣстечкахъ, по характеру названій относящихся къ третьему разряду. Относительно поселеній второй категоріи, т.-е. названныхъ по какому-нибудь знатному роду, вопросъ рѣшается еще болѣе несомнѣннымъ образомъ, такъ какъ можно прямо доказать, что какъ сами поселенія эти, такъ и ихъ наименованія возникли гораздо раньше конца VI-го вѣка: если мы въ числѣ этихъ демовъ находимъ напр. Филаидовъ, а самъ этотъ родъ, или по крайней мѣрѣ знаменитѣйшую его отрасль застаемъ въ другомъ поселеніи, Лакіадахъ, то очевидно, что не Клисѳенъ создалъ эти мѣстечки и назвалъ ихъ, иначе бы онъ по всей вѣроятности далъ бы Лакіадамъ наименованіе Филаидовъ, а не другому дему, гдѣ не было видныхъ представителей этого знаменитаго рода. Точно къ такому же заключенію приводитъ сопоставленіе дема Бутадовъ съ родомъ Этеобутадовъ, давшимъ ему его имя и продолжавшимъ жить въ его предѣлахъ; нельзя сомнѣваться по самой его формѣ, что имя Этеобутадовъ очень древне (слово ἐτεὸς [1]) въ классическомъ аттическомъ языкѣ не употреблялось), а оно могло лишь тогда возникнуть, какъ уже было выше сказано, когда для честолюбія этого рода представилась необходимость отличить своихъ членовъ отъ жителей уже образовавшагося поселка того же наименованія.

Еще меньше можно сомнѣваться, что Клисѳенъ не создалъ мѣстныхъ культовъ отдѣльныхъ демовъ, какъ толкуетъ Hug извѣстное мѣсто Аристотелевой Политики о превращеніи частныхъ культовъ въ общественные [2]), а лишь воспользовался уже существовавшими для усиленія и поднятія муниципальнаго духа, наиболѣе находившаго случай для своего проявленія на религіозныхъ празднествахъ дема, больше даже можетъ быть, нежели въ довольно пустыхъ и малолюдныхъ часто его народныхъ собраніяхъ. Создалъ онъ развѣ только культъ героя-эпонима для того или другаго имъ вновь образованнаго дема или для инаго и стараго, хотя и прежнія мѣстечки

[1]) Иногда ἐτεὸν у Аристофана.

[2]) Hug, Bezirke, Gemeinden und Bürgerr. in Attika, p. 17.

уже большею частью, вѣроятно, имѣли и чтили жертвоприношеніями своего эпонима[1]); но это поклоненіе вовсе не было, какъ часто ошибочно полагаютъ, главнымъ средоточіемъ и важнѣйшей религіозной связью демотовъ: хотя нѣкоторые эпонимы, бывшіе болѣе осязательными фигурами и жившіе въ народныхъ сказаніяхъ и пѣсняхъ, вѣроятно пользовались и большимъ почтеніемъ, напр. Икаръ въ Икаріи, Семахъ и его дочери въ Семахидахъ, но гораздо важнѣе и несравненно болѣе почитаемы были разные спеціальные культы боговъ и богинь, какъ напр. Артемиды Амаризійской и Афродиты Ураніи въ Атмонѣ, Гебы въ Эксонѣ, Немезиды въ Рамнунтѣ, Діониса въ Икаріи, Аѳины Гиппіи въ Ахарнахъ, Артемиды Коленіады въ Мирринунтѣ, Діониса, Геракла, Аполлона въ Марафонѣ, которые возникли, конечно, не по повелѣнію одного законодателя и соединяли окрестныхъ жителей задолго до дѣятельности Клисѳена, такъ какъ ихъ учрежденіе священная легенда приписывала древнимъ царямъ и героямъ[2]).

Таковъ характеръ Клисѳеновскихъ демовъ: не произвольно созданныя дѣленія, а самостоятельныя единицы съ извѣстнымъ прошлымъ, съ историческими воспоминаніями и съ солидарными интересами, что и дѣлало ихъ способными удовлетворить цѣлямъ законодателя, быть носителями возложенныхъ на нихъ политическихъ задачъ. О послѣднихъ мы будемъ говорить дальше, когда вообще станемъ разсматривать значеніе Клисѳеновскихъ дѣленій для государства: теперь было бы важнѣе и интереснѣе сравнить демы съ тѣми навкраріями, которыя они замѣнили, и выяснить ихъ взаимныя отношенія какъ по внѣшнимъ чертамъ (пространству, ими занимаемому; именамъ тѣхъ и другихъ дѣленій и т. д.), такъ и по внутреннему характеру; но объ этомъ и думать было бы

---

1) Объ эпонимахъ написалъ изслѣдованіе Полемонъ: Schol. Arist. Aves, 645. Тѣ имена этихъ героевъ, которыя дошли до насъ (числомъ 40) сопоставилъ H. Sauppe, De demis urbanis Athenarum (1846), p. 6 sqq. Онъ, впрочемъ, держался мнѣнія, что не каждый демъ имѣлъ своего эпонима: „videtur igitur speciem veritatis habere, eos demos, qui a Clisthene noviter instituti essent, cum iis oppidis vel pagis, quorum antea partem effecissent, communem herois eponymi cultum habuisse.

2) Относительно этихъ „сельскихъ“ культовъ срвн. сопоставленія у B. Haussoullier, Vie municip., p. 155 sqq. и у J. Martha, Sacerdoces athéniens, p. 145 (Appendice, гдѣ культы, впрочемъ, перечислены въ алфавитномъ порядкѣ безъ различенія деревенскихъ святилищъ отъ городскихъ).

напрасно за недостаткомъ матеріала для такого сопоставленія — можно только съ увѣренностью утверждать, что Клисѳеновскіе демы отличались гораздо большей и внутренней самостоятельностью и политическимъ значеніемъ, нежели ихъ предшественники.

Впрочемъ существуетъ извѣстіе, противорѣчащее свидѣтельству Аристотеля, что навкраріи не были уничтожены вполнѣ Клисѳеномъ, а лишь преобразованы и приспособлены къ его организаціи демовъ, благодаря чему онѣ были отодвинуты на задній планъ и постепенно изчезли со страницъ аѳинской исторіи: говорятъ, что онъ вмѣсто 48 навкрарій учредилъ ихъ пятьдесятъ съ тѣмъ, чтобы на каждую приходилось по два вновь устроенныхъ дема[1]). Не говоря уже о томъ, что авторитетъ Аристотеля заслуживаетъ больше довѣрія, нежели извѣстіе невѣдомаго аттидографа, послѣднее само по себѣ возбуждаетъ сильное сомнѣніе: не только отъ этихъ преобразованныхъ навкрарій не осталось ни малѣйшаго слѣда ни въ литературномъ ни въ эпиграфическомъ преданіи, но и весьма трудно указать тотъ кругъ дѣйствій и тѣ задачи, которые были имъ удѣлены въ аѳинскомъ государственномъ организмѣ. Съ одной стороны демы, будучи дѣйствительно наслѣдниками прежнихъ навкрарій и даже превосходя ихъ далеко въ отношеніи муниципальнаго самоуправленія и политической роли, должны были у нихъ отнять всякое значеніе; съ другой ихъ стѣсняли триттіи, которыя по справедливому замѣчанію, сдѣланному еще Гротомъ, никакъ нельзя съ ними примирить и поставить въ какое-либо сносное соотношеніе, такъ какъ одни составляютъ треть, другія — пятую часть филы[2]). Поэтому пока не будетъ найдено болѣе достовѣрныхъ свидѣтельствъ, мы поступимъ осторожнѣе, отвергнувъ существованіе навкрарій въ эпоху послѣ Клисѳена: во всякомъ случаѣ ошибка будетъ не велика, такъ какъ онѣ, очевидно, никакой роли не могли играть и сохранились лишь въ формѣ скоро вполнѣ изчезнувшихъ переживаній.

---

1) Phot. s v. *ναυκραρία: ὁ Κλεῖδημος ἐν τῇ τρίτῃ φησίν, ὅτι Κλεισθένους δέκα φυλὰς ποιήσαντος ἀντὶ τῶν τεσσάρων, συνέβη καὶ εἰς πεντήκοντα μέρη διαταγῆναι· αὐτοὺς δὲ ἐκάλουν ναυκραρίας.* Cfr. Schömann, Gr. Alt. I, p. 393.

2) Grote, Hist. of Gr. III, p. 68, not. 1: „I cannot but doubt its correctness. For the *τριττὺς* was certainly retained and was a working and available division, and it seems hardly probable that there should be two co-existing divisions, one representing the third part, the other the fifth part, of the same tribes".

Несравненно важнѣе соединеніе нѣсколькихъ демовъ въ одну триттію, т.-е. третью часть филы. Существованіе этихъ дѣленій въ классическія времена было уже давно извѣстно изъ нѣкоторыхъ, довольно рѣдкихъ, упоминаній у писателей IV-го вѣка, а также несомнѣнно было ихъ примѣненіе для цѣлей финансовой и военной администраціи[1]). Нѣсколько расширились наши свѣдѣнія благодаря эпиграфическимъ находкамъ послѣднихъ десятилѣтій, которыя не только дали намъ имена нѣсколькихъ изъ этихъ единицъ, но и пролили извѣстный свѣтъ какъ на ихъ отношенія къ демамъ, такъ и на ихъ политическую роль: въ филѣ Пандіонидѣ мы знаемъ триттіи пеанійцевъ, мирринузіевъ и по догадкѣ Кёлера кидаѳенейцевъ, въ Гиппоѳонтидѣ — элевзинцевъ и пирейцевъ, въ Ойнеидѣ — тріазіевъ и лакіадовъ, въ Акамантидѣ — керамеевъ и сверхъ того изъ неизвѣстной филы эпакреевъ, т.-е. всего 8—9 изъ тридцати[2]). Мы видимъ изъ этого перечисленія, что всѣ триттіи, за исключеніемъ послѣдней, коей имя впрочемъ не вполнѣ достовѣрно передано, названы по демамъ и слѣдовательно являлись соединеніями одного центральнаго дема съ нѣсколькими другими, по всей вѣроятности близъ лежащими[3]). Изъ самаго мѣста нахожденія камней, сохранившихъ намъ большинство этихъ именъ и являющихся въ видѣ межевыхъ столбовъ, въ Пиреѣ, близъ военной гавани Шеферъ заключилъ, что триттіи служили преимущественно для равномѣрнаго распредѣленія какъ кораблей, такъ и экипажей ихъ: каждая триттія должна была снарядить къ отплытію извѣстную часть флота, коей стоянка въ гавани для болѣе легкаго и скораго отправленія и была обозначена межевыми столбами[4]). Теперь эти свѣдѣнія неожиданнымъ образомъ пополняются и обогащаются Аристотелемъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ намъ впервые ясное представленіе объ организаціи Клисѳеновскихъ филъ[5]). Давно уже Шёманнъ и Гротъ высказали мысль, принятую

[1]) Aesch. in Ctes. 30, p. 425; [Dem.], de Symm. (XIV), 23, p. 184.

[2]) C. I. A. I, 500 (*Κεραμέων*), 502 (*Λακιαδῶν*), 517 (*Ἐλευσινίων, Πειραιέων*), 518 (имя стерто); IV, 2, 517 a (*Παιανιῶν, Μυρρινουσίων*), 517 b (*Ἐπακρέων, Θριασίων*). Cfr. Köhler въ Mitth. VII, p. 110: *Κ[υδαθηναιῶν*].

[3]) Cfr. Dittenberger въ Hermes XVI, p. 187.

[4]) A. Kirchhoff ad C. I. A. I, 517; C. Schäfer, Die attische Trittyeneintheilung въ Mitth. V, p. 85: онъ относилъ учрежденіе триттій къ срединѣ V-го в., и ему послѣдовалъ Busolt, Gr. Gesch. I, p. 614.

[5]) Уже Михаилъ Пселлъ говорилъ (*π. δικῶν*, p. 103 ed. Boiss.): *Κλεισθένης*

и всѣми новѣйшими изслѣдователями, что эти филы, хотя и были территоріальными дѣленіями страны, не могутъ быть признаны за сплошные округа, такъ какъ отдѣльные демы, принадлежащіе къ каждой изъ нихъ, часто должны быть локализованы въ разныхъ, слишкомъ отдаленныхъ другъ отъ друга частяхъ Аттики, чтобы можно было между ними установить какими угодно ухищреніями территоріальную связь[1]). При дальнѣйшихъ изысканіяхъ относительно мѣстоположенія древнихъ демовъ удалось даже констатировать уже извѣстныя ихъ группы, расположенныя въ различныхъ частяхъ страны, какъ на это указалъ особенно опредѣленно, подтверждая свое мнѣніе примѣрами, извѣстный топографъ Аттики Артуръ Мильхгёферъ.

„Слѣды территоріальной связи между такими демами, которые принадлежатъ одной филѣ“, говоритъ онъ въ новѣйшемъ своемъ отчетѣ[2]), „до сихъ поръ не подверглись систематическому изслѣдованію: вопросъ этотъ дѣйствительно можетъ быть рѣшенъ окончательно лишь по завершеніи спеціальныхъ изысканій насчетъ отдѣльныхъ демовъ; но и послѣднія могутъ наоборотъ найти извѣстную поддержку въ предварительныхъ общихъ выводахъ касательно возбужденнаго нами вопроса. Такъ напр. мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что почти всѣ демы филы Эантиды, за исключеніемъ Фалера, лежали вмѣстѣ въ Тетраполи и Діакріи. Точно такъ же тотъ же принципъ территоріальной связи былъ проведенъ для важнѣйшихъ демовъ филы Ойнеиды, расположенныхъ въ сѣверо-западныхъ частяхъ Аттики (Ахарны, Фила, Оя, Трія и нѣк. друг.), между тѣмъ какъ другая, меньшая группа лежала въ равнинѣ вдоль рѣки Кефиса. Вся область настоящей Месогеи и Паралія является раздѣленной исключительно между пятью фи-

---

γάρ τις εἰς τριάκοντα μοίρας τὴν Ἀττικὴν ἅπασαν διανείμας, ἐπειδὴ τὸ μὲν αὐτῆς ἐπιθαλαττίδιον ἦν, τὸ δὲ ἐπὶ τοῦ μέσου καθῆστο τῆς χώρας, τὸ δὲ παρὰ τὸ ἄστυ συνέστρωτο, δέκα μὲν μοίρας τῇ παραλίῳ συνιέτευχε, δέκα δὲ κατέστησεν ἐπὶ τὴν μεσόγειον, δέκα δὲ ἀστυνόμους ἐποίησε, καὶ τὸ τριτημόριον τριττὺς ὠνόμαστο. На это свидѣтельство обратилъ вниманіе лишь Hermann, St.-Alt. § 111, но и онъ находилъ, что „die Bezeichnung der Landestheile schief ist“.

[1]) Schömann, De phratr., p. 11—12; Antiq., p. 201. Grote, Hist. of Gr. IV, p. 60.

[2]) A. Milchhöfer, Über Standpunkt und Methode der attischen Demenforschung въ Sitz.-Ber. d. Berl. Akad. 1887, p. 41: cfr. p. 52.

лами (Эгеидой, Пандіонидой, Леонтидой, Акамантидой, Антіохидой) и при этомъ можно, исходя отъ положительно извѣстнаго, съ большою вѣроятностью высказать мнѣніе, что здѣсь демы одной филы лежали всегда вмѣстѣ. Внимательное наблюденіе учитъ даже, что они слѣдуютъ извѣстнымъ направленіямъ, предначертаннымъ самымъ характеромъ мѣстности. Подобнымъ образомъ демы тѣхъ филъ, которыя преобладаютъ въ аѳинской равнинѣ, Леонтиды и Кекропиды, кажется, слѣдуютъ другъ за другомъ соотвѣтственно направленію горъ и рѣки Кефиса съ сѣвера на югъ. Въ противоположность этимъ явленіямъ заслуживаютъ не малаго интереса и тѣ демы, которыхъ положеніе относительно остальныхъ, принадлежащихъ къ той же филѣ, является поразительно изолированнымъ: напр. Кефисія (Эрехтеиды), Икарія (Эгеиды), Пробалинѳъ (Пандіониды), Супій (Леонтиды), Азенія и Ойноя (Гиппоѳонтиды), Фалеръ (Аянтиды), Мелайны и Паллена (Антіохиды)[1]".

Мы представили въ выдержкахъ мнѣніе лучшаго, безъ сомнѣнія, знатока аттической топографіи, желая показать, какъ недалекъ онъ уже былъ отъ правильнаго рѣшенія даннаго вопроса, какъ его вполнѣ неожиданно нашли въ трактатѣ Аристотеля — фактъ чрезвычайно интересный въ виду того множества другихъ остроумныхъ комбинацій и научныхъ теорій, безпощадно разбитыхъ вышедшимъ изъ гроба свидѣтелемъ: дѣло въ томъ, что Мильхгёферъ основывалъ свои выводы не на апріорныхъ построеніяхъ ума человѣческаго, а большею частью на свидѣтельствахъ, которыя сохранила на своей поверхности и въ нѣдрахъ своихъ аттическая земля, на современныхъ названіяхъ античныхъ мѣстъ и на показаніяхъ эпиграфическихъ документовъ, особенно надгробныхъ камней. Тѣмъ не менѣе и въ данномъ вопросѣ вновь открытый трактатъ представляетъ и твердое основаніе и надежное указаніе для дальнѣйшихъ изслѣдованій. Такъ, положеніе Мильхгёфера, что вся Месогея и Паралія, за исключеніемъ отдѣльныхъ мѣстечекъ, напр. Азеніи, была распредѣлена исключительно между пятью филами, оказывается не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Отчасти эта ошибка объясняется и неправильнымъ взглядомъ на главныя территоріальныя дѣленія Аттики: Мильхгёферъ, очевидно, отличаетъ

1) Срвн. также его же замѣчанія въ Erläut. Text zu den Karten von Attika, I, p. 28; II, p. 39.

ихъ повидимому по крайней мѣрѣ четыре, равнину близъ города (которую большинство ученыхъ соглашаются называть Акте), собственную Месогею, Паралію и Діакрію, отъ которой онъ какъ будто отличаетъ обыкновенно къ ней причисляемую тетраполь, между тѣмъ какъ Аристотель признаетъ лишь три главныя части, Подгородную *(τὸ περὶ τὸ ἄστυ)* или Педіонъ, какъ ее чаще привыкли называть, Паралію и Месогею.

Является вопросъ, совпадала ли эта послѣдняя съ гораздо чаще упоминаемой Діакріей, давшей свое имя даже цѣлой политической партіи, или же была образована Клисѳеномъ отчасти изъ мѣстечекъ послѣдней, отчасти же изъ оторванныхъ у другихъ областей округовъ. Точно такъ же можно сомнѣваться, соотвѣтствовала ли совокупность подгородныхъ участковъ десяти филъ области, извѣстной подъ названіемъ Педіонъ, т.-е. равнинѣ, — не безъ цѣли же Аристотель употребилъ описательное выраженіе тамъ, гдѣ онъ ту же мысль могъ бы выразить однимъ словомъ! сверхъ того триттіи этой части территоріи аттической, между которыми долженъ былъ быть раздѣленъ и самый городъ, заключали бы слишкомъ большое число демовъ, если бы Педіонъ заключало въ себѣ и Тріазійскую равнину близъ Элевсина (какъ обыкновенно полагали), — безъ сомнѣнія, нѣкоторыя его части были отчислены къ Месогеѣ и къ Параліи, а оставшіяся дѣйствительно состояли лишь изъ города съ ближайшими окрестностями. Наконецъ и насчетъ Параліи, какъ ни кажется опредѣленнымъ ея названіе, вопросъ еще долженъ считаться открытымъ — обнимала ли она всю береговую полосу Аттики или только восточное и западное прибрежье южнаго полуострова: въ данномъ случаѣ можно, кажется, прійти къ окончательному выводу. Дѣло въ томъ, что къ филѣ Эантидѣ принадлежали съ одной стороны смежные демы, Марафонъ, Ойноя, Рамнунтъ, Псафида, расположенные вдоль берега моря у сѣверо-восточной окрайны Аттики, съ другой — Фалеръ, древняя гавань Аѳинъ у Саронскаго залива. Такъ какъ всякая триттія должна была заключать сплошную территорію, то было невозможно, чтобы та же триттія Параліи заключала въ себѣ и первую группу демовъ и Фалеръ, а слѣдовательно или фалерское прибрежье или Марафонская тетраполь не входили въ составъ области, понимаемой подъ именемъ Параліи; рѣшеніе между ними вопроса не можетъ быть вовсе сомнительнымъ, если обратить вниманіе на то, что

въ данной филѣ не находится ни одного крупнаго дема, который бы могъ быть локализованъ, „близъ города“, кромѣ именно Фалера. Этотъ выводъ подтверждается, если мы обратимъ вниманіе на триттіи Гиппоѳонтиды, изъ коихъ двѣ намъ извѣстны — элевсинцевъ и пирейцевъ: оба города лежали близъ моря, но входя въ составъ различныхъ триттій, не могли принадлежать къ одной и той же области — естественно, что Пирей, соединенный даже стѣнами съ Аѳинами, имѣетъ больше правъ быть причисленнымъ къ „пригородной“, точно такъ же, какъ и сосѣдній съ нимъ Фалеръ. Вопросъ можетъ быть только относительно Элевсина, долженъ ли онъ быть отнесенъ къ Параліи, какъ это было бы вѣроятнѣе, если бы не противорѣчило этому положеніе приморскаго дема Азеніи, расположеннаго на самой южной оконечности Аттики близъ мыса Сунія, противъ острова Патроклу-Хараксъ (нынѣ Charaka) [1]). Такимъ образомъ новое открытіе, проливая въ общемъ свѣтъ на устройство и территоріальное распредѣленіе триттій и филъ, въ частностяхъ возбуждаетъ много вопросовъ, на которые могутъ дать отвѣтъ лишь тщательныя топографическія изслѣдованія; спеціально для распредѣленія демовъ по триттіямъ большую услугу могутъ оказать, кажется, списки притановъ, діэтетовъ, эфебовъ, въ коихъ уже Мильхгёферъ замѣтилъ въ иныхъ случаяхъ порядокъ въ перечисленіи демовъ, соотвѣтствующій ихъ территоріальной связи.

[1]) Когда я писалъ текстъ, то мои изслѣдованія по распредѣленіи триттій по различнымъ частямъ Аттики еще не были приведены къ концу: результаты этой работы сообщены будутъ вообще въ Прилож. III, но относительно затронутаго здѣсь вопроса не лишнимъ будетъ замѣтить слѣдующее. Элевсинская триттія несомнѣнно принадлежала къ Параліи, такъ какъ не могла быть причислена ни къ пригородной (по сказанному въ текстѣ), ни къ Месогеѣ, такъ какъ въ послѣдней лежала Декелея (близъ нынѣшней *Τάτοι*), которая не могла никоимъ образомъ быть соединенной съ Элевсиномъ сплошной территоріей. Но какъ же быть съ Азеніей, которую ни съ Пиреемъ, ни съ Элевсиномъ, ни съ Декелеей соединить нельзя? Азенія несомнѣнно принадлежала къ Гиппоѳонтидской филѣ, но ея локализація вовсе не такъ вѣрна, какъ я полагалъ, введенный въ заблужденіе прежними изслѣдователями. Она основывается на свидѣтельствѣ лишь одного Страбона (IX, 1, 21, p. 398), но текстъ его въ данномъ мѣстѣ вообще испорченъ, и интересующее насъ имя читается „*Ἀξηνεῖς*“; между тѣмъ по другимъ соображеніямъ близъ Анафлиста долженъ былъ лежать демъ *Ἀτηνή:* вмѣсто того, чтобы съ двойною поправкою превращать *Ἀξηνεῖς* въ *Ἀζηνιεῖς,* не легче ли съ единичною — читать *Ἀτηνεῖς?* Тогда и для триттій Гиппоѳонтиды устранится всякое затрудненіе, и демъ Атена придетъ въ связь съ демами *Θοραί, Αἰγιλία, Ἀνάφλυστος, Βῆσα,* съ коими вмѣстѣ составилъ бы паралійскую триттію Антіохиды.

Переходя, наконецъ, къ повторенно уже упомянутымъ высшимъ единицамъ Клисѳеновской организаціи — филамъ, для полноты мы перечислимъ въ оффиціальномъ порядкѣ ихъ общеизвѣстныя имена: Эрехѳеида, Эгеида, Пандіонида, Леонтида, Акамантида, Ойнеида, Кекропида, Гиппоѳоонтида, Аантида, Антіохида[1]). Названія ихъ составлены по именамъ ихъ героевъ-эпонимовъ, изъ коихъ нѣкоторые очень извѣстныя въ миѳической исторіи личности, каковы четыре царя аѳинскихъ, Кекропсъ, Эрехтей, Пандіонъ и Эгей, сынъ царя Тезея Акамантъ и герой острова Саламина, уже издревле присвоенный аѳинянами, Аантъ; трое изъ остальныхъ эпонимовъ ничѣмъ не извѣстны, и о нихъ имѣются лишь скудныя генеалогіи: Ойней былъ незаконный сынъ Пандіона, Гиппоѳоонтъ — сынъ Посейдона и Алопы, Антіохъ — сынъ Геракла; наиболѣе популярной фигурой былъ еще Леосъ, благодаря самопожертвованію своихъ дочерей[2]), искупившихъ своею смертью спасеніе народа во время моровой язвы и почтенныхъ за это особымъ зданіемъ, которое по нимъ будто бы получило названіе Леокоріонъ (*Λεωκόριον*), если только оно само не вызвало все сказаніе, что гораздо вѣроятнѣе, при посредствѣ т.-наз. народной этимологіи[3]). До сихъ поръ могло казаться страннымъ, почему именно эти имена были выбраны Клисѳеномъ и предпочтены многимъ, гораздо болѣе славнымъ: особенно удивляло ученыхъ отсутствіе имени Тезея, патрона такъ сказать аѳинской демократіи, и объяснялось обыкновенно тѣмъ,

[1]) *Ἐρεχθηίς, Αἰγηίς, Πανδιονίς, Λεωντίς, Ἀκαμαντίς, Οἰνηίς, Κεκροπίς, Ἱπποθωντίς, Αἰαντίς, Ἀντιοχίς.* Относительно правописанія этихъ именъ срвн. K. Meisterhans, Grammatik der attischen Inschriften (Berlin 1888), §§ 11, 15.

[2]) Относительно героевъ-эпонимовъ филъ срвн. Paus. I, 5, 2; Ps.-Dem. Epitaph. (LX), p. 1397 (только Ойней здѣсь называется сыномъ Діониса).

[3]) Нагр. s. v. *Λεωκόρειον· Ἀθήνησιν ἐκαλεῖτο τὸ τέμενος τῶν Λεὼ θυγατέρων.* Дѣйствительно и въ надписяхъ герой Леонтиды называется *Λεώς* (по аттич. скл.: C. I. A. II, 864), но если бы это была первоначальная форма его имени, то отъ нея не могло бы быть произведено названіе филы *Λεωντίς*. *Λεωκόριον*, объясняетъ прекрасно E. Curtius (Stadtgesch. von Athen, p. 64, слѣдуя мысли, поданной уже K. O. Müller, De foro Athen. II, cap. 7), не обозначаетъ ничего другаго, кромѣ мѣста для очищенія народа (онъ сопоставилъ его съ словами *νεωκόρος, μυληκόρον*): вспомнимъ, что именно здѣсь Гиппархъ строилъ гражданъ въ Панаѳенейскую процессію, когда былъ убитъ заговорщиками (Thuc. I, 20; VI, 57) — значитъ мѣсто было довольно обширно и приспособлено для всенародныхъ собраній. Нѣсколько иначе судитъ C. Wachsmuth, Stadt Athen im Alt. II, p. 416, но и онъ не вѣритъ въ „святилище дочерей Леоса“.

что наименованіе по немъ одной филы дало бы ей слишкомъ большое преимущество предъ другими, вслѣдствіе чего его сынъ Акамантъ долженъ былъ заступить его мѣсто въ ряду аттическихъ эпонимовъ. Теперь это недоумѣніе разъясняется самымъ простымъ способомъ: Клисѳенъ выбралъ сто именъ героевъ, изъ коихъ Пиѳія назначила десять эпонимовъ, и при той осторожности, которую аѳиняне употребляли при вопрошеніи оракула, вѣроятно, не только въ болѣе позднія времена, мы не въ правѣ предполагать здѣсь какого-нибудь обмана или подлога — иначе въ число эпонимовъ не попали бы такія темныя личности. Вмѣстѣ съ тѣмъ такой способъ ихъ избранія поясняетъ и тотъ странный ихъ порядокъ, при которомъ Кекропсъ, самый древній и почти наиболѣе чтимый изъ царей аѳинскихъ, долженъ довольствоваться седьмымъ мѣстомъ по очереди: очередь эта была установлена и освящена авторитетомъ Дельфійскаго оракула и не допускала нарушеній человѣческаго произвола, пока жива была истинная религіозность и вѣра въ божественное міроправленіе.

О самой организаціи филъ все существенное нами уже выше изложено при разсмотрѣніи триттій, которыя по три, какъ мы видѣли, были соединены въ одну филу, такъ что каждая изъ послѣднихъ имѣла по участку во всѣхъ трехъ областяхъ Аттики: вопросъ можетъ быть только, въ какомъ изъ трехъ участковъ лежалъ необходимый политическій и религіозный центръ филы, т.-е. мѣсто собранія филетовъ для общихъ совѣщаній и выбора должностныхъ лицъ и святилище героя-покровителя или эпонима филы — то и другое должно быть, несомнѣнно, соединено вмѣстѣ, такъ какъ собирать филетовъ, разсѣянныхъ по всей Аттикѣ, для совѣщаній въ одномъ мѣстѣ, а для жертвоприношеній — въ другомъ было бы и неудобно и сопряжено съ двойною тратою времени. При этомъ замѣтимъ мимоходомъ, что по отношенію къ филамъ мы не знаемъ ни о какихъ общихъ культахъ, кромѣ поклоненія герою-эпониму (конечно, участіе отдѣльныхъ филъ чрезъ своихъ представителей въ обще-государственныхъ празднествахъ здѣсь въ разсчетъ не входитъ) въ противоположность демамъ, гдѣ напротивъ эпонимъ въ религіозномъ почитаніи отступаетъ назадъ передъ другими божествами. Эта разница снова указываетъ на различіе въ самомъ происхожденіи и характерѣ тѣхъ и другихъ дѣленій: демъ былъ продуктомъ естественныхъ и историческихъ условій и живымъ орга-

низмомъ, фила — созданіемъ личнаго произвола законодателя и искусственнымъ дѣленіемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ это обстоятельство только и дѣлаетъ возможнымъ нашъ вопросъ относительно религіознаго и политическаго центра филъ: въ демахъ Клисѳенъ (по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ) уже нашелъ извѣстныя святилища и засталъ сходки ихъ жителей и лишь придалъ имъ большее освященіе и политическое значеніе, въ филахъ онъ подобные центры долженъ былъ на-ново создать, а потому могъ свободно руководиться общими соображеніями и образовать ихъ по общему плану[1]). Тутъ возбужденный нами вопросъ тѣсно соприкасается съ другимъ, съ коимъ онъ по этому долженъ быть разсмотрѣнъ въ совокупности — объ отношеніи города Аѳинъ къ отдѣльнымъ Клисѳеновскимъ филамъ.

Мы въ другой связи имѣли случай указать на то, что Клисѳенъ въ своей организаціи не далъ городу никакого преимущества передъ страной (*χώρα*), и игнорируя вовсе его территоріальное единство, разбилъ и его на отдѣльные демы, ничѣмъ не отличавшіеся отъ сельскихъ. Фактъ этотъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, несмотря на цвѣтистыя фразы Исократа, по которому „городъ былъ раздѣленъ на комы, а страна на демы“[2]): извѣстно, что „кома“ и „демъ“ понятія вполнѣ синонимическія, или, вѣрнѣе сказать, демъ — чисто аттическій терминъ для понятія, у большинства остальныхъ эллиновъ обозначаемаго словомъ „кома“[3]), а слѣдовательно у Исократа мы имѣемъ ничто иное, какъ риторическую антитезу безъ реальнаго содержанія, какъ это нерѣдко бываетъ у этого словообильнаго, но мыслями бѣднаго ритора, и

---

[1]) Совершенно справедливо C. Wachsmuth (Stadt Athen, II, p. 242) замѣчаетъ, что нѣтъ основанія, чтобы *Κεκρόπιον* и *Ἐρεχθεῖον*, ютившіяся въ одномъ изъ многочисленныхъ придѣловъ храма Аѳины Поліады, считать за святилища соотвѣтствующихъ филъ.

[2]) Isocr. Areopag. (VII), 46, p. 149: *διελόμενοι τὴν μὲν πόλιν κατὰ κώμας, τὴν δὲ χώραν κατὰ δήμους*. Различныя мнѣнія, вызванныя этими словами Исократа, и разнообразныя толкованія, коимъ они подверглись (чтобы примирить ихъ съ извѣстными фактами) со стороны Корсини, К. О. Мюллера, А. Бёка, Шёманна, Германна и Гротефенда см. у Saupe, De demis urbanis, p. 11—12: перечислять ихъ было бы излишне, такъ какъ нынѣ никто изъ ученыхъ, кажется, не вѣритъ больше въ Исократовское различеніе.

[3]) Aristot. Poet. 3, p. 1448 a, 28: *οὗτοι (οἱ Πελοποννήσιοι) μὲν γὰρ κώμας τὰς περιοικίδας καλεῖν φασίν, Ἀθηναῖοι δὲ δήμους*.

основывать на такомъ пустозвонѣ словъ какіе-нибудь историческіе выводы, какъ это дѣлалъ Корсини, не согласно съ здравой критикой. Признавая несомнѣнный фактъ существованія „городскихъ“ демовъ, ученые пытались, естественно, опредѣлить и ихъ число, имена, расположеніе и т. д.: первый топографъ Аттики, полковникъ Мартинъ Ликъ (Leake), причислилъ къ городу демы Керамикъ, Мелиту, Коллитъ, Кидаѳеней, Скамбониды и Діомею; другіе изслѣдователи видоизмѣняли и число и имена этихъ демовъ съ разныхъ точекъ зрѣнія безъ того, чтобы кому-нибудь удалось окончательно рѣшить этотъ интересный вопросъ аѳинской топографіи [1]).

Насъ эти разнообразныя попытки затрогивали бы весьма мало, еслибъ много лѣтъ тому назадъ Германнъ Зауппе не выставилъ теоріи, гдѣ соединилъ данный вопросъ съ вышеуказаннымъ объ отношеніи города къ отдѣльнымъ филамъ [2]). Онъ именно защищалъ мысль, что весь городъ былъ раздѣленъ Клисѳеномъ на десять демовъ, причисленныхъ къ разнымъ филамъ, такъ что каждая изъ послѣднихъ была представлена однимъ „городскимъ“ демомъ, гдѣ лежалъ, конечно, и центръ религіозный и политическій всей филы. Доказательствъ положительныхъ, само собою разумѣется, Зауппе никакихъ представить не могъ, а попытался свою теорію вывести quasi-индуктивнымъ путемъ изъ существующихъ фактовъ, т.-е. изъ числа и изъ распредѣленія по филамъ дѣйствительно лежавшихъ въ районѣ города демовъ, коихъ онъ признавалъ слѣдующіе десять, взятые по одному изъ каждой филы (мы располагаемъ ихъ въ оффиціальномъ порядкѣ послѣднихъ): Агрилу нижнюю *(ὑπένερθεν)*, Коллитъ, Кидаѳеней, Скамбониды, Керамикъ, Бутады, Мелиту, Кейріады, Эретрію, Колонъ [3]). Противъ этого

1) M. Leake, Demen von Attika, p. 21—23 (онъ причисляетъ къ нимъ и Киносаргъ, но послѣдній никогда демомъ не былъ). A. Milchhöfer (Athen въ Baumeisters Denkmäler, p. 149 sqq.) причисляетъ къ собственно городскимъ демамъ Кидаѳеней, Мелиту, Керамикъ, Коллитъ, Колонъ и къ предмѣстьямъ Діомею, Агрилу, Анкилу, Койлу и Кейріады. H. Lolling (Hellen. Landesk. p. 305 sqq. называетъ демы Мелиту, Колонъ, Керамикъ, Коллитъ, Кидаѳеней, Скамбониды и предмѣстья Койлу, Кейріады, Діомею, Агрилу, Анкилу и Лакіады. C. Wachsmuth (Stadt Athen, II, p. 231 sqq.) признаетъ за городскіе демы несомнѣнно Кидаѳеней, Мелиту, Керамикъ, Коллитъ, Скамбониды и Діомею (относительно Колона онъ сомнѣвается), за пригородные — Лакіады, Кейріады, Агрилу, Анкилу и Койлу.

2) H. Sauppe, De demis urbanis Athenarum, 1846, p. 13.

3) Достовѣрной онъ считаетъ принадлежность къ городу 7 демовъ: Кидаѳенея,

можно прежде всего возразить, что принадлежность того или другаго дема къ числу городскихъ вовсе не настолько несомнѣнна, чтобы изъ нея можно было сдѣлать какіе-либо выводы, и Зауппе самъ вращается въ кругу: такъ какъ нѣкоторые несомнѣнно городскіе демы (Кидаѳеней, Мелита, Коллитъ) принадлежали, можетъ быть совершенно случайно, различнымъ филамъ, онъ заключилъ, что каждая изъ послѣднихъ должна была имѣть своего представителя въ городѣ и затѣмъ болѣе или менѣе искусно подобралъ соотвѣтствующія имена для своего каталога. Но по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ можно положительно доказать, что они лежали внѣ города: такъ Кейріады съ оврагомъ *βάραθρον*, куда низвергались осужденные за государственную измѣну преступники, а также и трупы казненныхъ, не могли лежать въ чертѣ города; насчетъ Керамика, коего часть дѣйствительно была включена въ городскую территорію стѣнами Ѳемистокла, весьма вѣроятно, что до того онъ причислялся къ сельскимъ демамъ; Агрила какъ верхняя, такъ и нижняя была расположена въ мѣстности Аграхъ, по ту сторону Илисса, гдѣ лежало и святилище *Μητρὸς ἐν Ἄγραις;* наконецъ дема Эретріи ни въ городѣ, ни вообще не существовало[1]). Слѣдовательно изъ десяти демовъ, причисленныхъ Зауппе къ городскимъ, по крайней мѣрѣ четыре лежали внѣ черты древняго до-Ѳемистокловскаго города, такъ что построенія этого ученаго по всей справедливости отвергнуты позднѣйшей критикой.

Это, однако, еще не доказываетъ, чтобы сама мысль его, a priori весьма заманчивая и правдоподобная (фила должна была имѣть

Мелиты, Коллита, Скамбонидовъ, Керамеевъ, Кейріадовъ, Колона. Отъ этого положенія онъ исходитъ и, заключивъ, что каждая фила была представлена между городскими демами, прибавляетъ къ нимъ три названныхъ: Нижнюю Агрилу и съ сильнымъ колебаніемъ Бутадовъ и Эретрію (p. 22—23).

[1]) Обыкновенно ссылаются на свидѣтельство Страбона (X, 1, 3, p. 446): *ἔνιοι δ' ὑπ' Ἀθηναίων ἀποικισθῆναί φασι τὴν Ἰστίαιαν ἀπὸ τοῦ δήμου τοῦ Ἰστιαιέων ὡς καὶ ἀπὸ τοῦ Ἐρετριέων Ἐρέτριαν.* (ibid. 1, 10, p. 447): *οἱ δ' ἀπὸ τῆς Ἀθήνησιν Ἐρετρίας ἡ νῦν ἐστιν ἀγορά.* Но совершенно справедливо уже Corsini (Fast. Att. 1, p. 215) и Grotefend (De demis, p. 39) сомнѣвались, первый въ томъ, чтобы Эретрія была городскимъ демомъ (онъ ссылался на то, что *Ἀθήνησιν* часто употребляется въ смыслѣ всей Аттики), а второй вообще въ существованіи этого дема, какъ политической общины: демъ (какъ и *κώμη*) могъ обозначать просто „посслокъ“, „деревню“, въ какомъ смыслѣ Павсаній примѣняетъ это названіе къ Браврону (I, 33, 1) — какъ послѣдній, такъ и Эретрія и названная вмѣстѣ съ нею Гистіея никогда демами въ политическомъ смыслѣ не были.

центръ, гдѣ же естественнѣе его предположить, какъ не близъ общаго центра всего государства?), была вполнѣ ложна, и она не опровергнута и въ повѣйшемъ изслѣдованіи Панагіотиса Кастроменоса. Послѣдній думалъ вполнѣ убить эту теорію возраженіемъ, что принявъ ее, мы по аналогіи должны бы были предположить, что при увеличеніи числа филъ до двѣнадцати было прибавлено и два новыхъ городскихъ дема[1]); но, во-первыхъ, ничѣмъ не доказано, чтобы мотивы, руководившіе Клисѳеномъ, были обязательны и для организаторовъ новыхъ филъ; во-вторыхъ, мы дѣйствительно знаемъ, что при учрежденіи Птолемаиды и Атталіды было устроено соотвѣтственно и два новыхъ дема, Береникиды и Аполлонія, точно такъ же, какъ Гадріанида имѣла демъ Антиноевъ. Правда, насчетъ ихъ мѣстоположенія ничего неизвѣстно, но ничто и не препятствуетъ считать ихъ городскими, а если бы такое предположеніе оказалось правильнымъ, то оно сильно говорило бы въ пользу теоріи Зауппе[2]). Поэтому неудивительно, что воззрѣніе Зауппе нашло себѣ послѣдователей и было принято какъ раньше Hanriot, такъ недавно Виламовитцемъ[3]), который еще дальше развилъ мысль своего коллеги и исправилъ его каталогъ городскихъ демовъ, предложивъ для послѣднихъ слѣдующую таблицу:

Агрила — Эрехѳеида.
Коллитъ — Эгеида.
Кидаѳеней — Пандіонида.
Скамбониды — Леонтида.
Керамикъ — Акамантида.
Бутады — Ойнеида.
Мелита — Кекропида.
Кейріады — Гиппоѳонтида.
Фалеръ — Эантида.
Колонъ — Антіохида.

1) P. Kastromenos, Demen von Attika. 1886, p. 3, not. 1. Слѣдующій далѣе примѣръ можетъ показать, съ какою небрежностью составлена эта диссертація.

2) Cfr. C. Wachsmuth, Stadt Athen, II, p. 239, not. 2: „Beiläufig heben Wilamowitz wie Lolling (Hell. Landesk., p. 306, not. 1) als entscheidend den Umstand hervor, dass bei Errichtung der Phylen Ptolemais, Attalis, Adrianis je ein neuer Demos geschaffen wurde; beweisen würde das doch erst dann etwas, wenn diese neugeschaffenen Demen als „städtische“ nachweisbar wären“. Онъ только забываетъ себя спросить, для какой цѣли необходимо было создать новые демы, какъ не для того, чтобы дать новой филѣ городской центръ.

3) Hanriot, Recherches sur la topographie des dèmes de l'Attique. 1853 (мнѣ

На первый взглядъ можетъ казаться, что въ сущности Виламовитцъ принялъ всецѣло мнѣніе Зауппе: только невозможный демъ Эантиды (Эретрія) замѣненъ Фалеромъ; но въ этомъ ничтожномъ измѣненіи кроется громадный прогрессъ — Фалеръ лежитъ внѣ городской черты, какъ и нѣкоторые другіе демы, о которыхъ мы только-что говорили. Виламовитцъ расширяетъ теорію Зауппе, включая въ составъ „городскихъ“ демовъ не только собственный городъ, но и предмѣстья и ближайшія окрестности. Скамбониды и Бутады онъ помѣщаетъ на почвѣ самаго города: первый на основаніи мѣстонахожденія камня съ декретомъ рода Скамбонидовъ близъ храма Тезея[1]), второй — въ виду тѣсной связи рода Этеобутадовъ съ культомъ Аѳины Поліады и Посейдона-Эрехтея, чтимыхъ на Акрополѣ; къ самому же городу онъ причисляетъ сверхъ того Кидаѳеней, Керамикъ, Колонъ и часть Коллита, между тѣмъ какъ другая, равно какъ Мелита составляли предмѣстье Аѳинъ, а Кейріады, Агрила и Фалеръ занимали ближайшія окрестности. Для его воззрѣнія особенно характерны его разсужденія относительно послѣднихъ трехъ демовъ, изъ коихъ не лишнимъ будетъ привести нѣкоторыя выдержки. „*Я включилъ*, говоритъ онъ, Кейріады по примѣру Зауппе, другой можетъ предложить Койлу, но настоящему же дѣло нужно понять такъ: Клисѳенъ, учреждавшій только сто демовъ, образовалъ къ западу отъ Мелиты большой демъ, служившій представителемъ Гиппоѳонтиды; но когда вскорѣ послѣ Клисѳена число демовъ было сильно увеличено (я полагаю на половину), то этотъ старый демъ разбили на „Кейріады“, „Койлу“, „*Пирей*“, но всѣхъ ихъ оставили въ той же филѣ ..... На востокѣ лежала деревня Агрила, и такъ какъ Пизистратиды именно востокъ украшали своими постройками, то городская жизнь тоже, казалось, принимала то же направленіе. Но укрѣпленія Ѳемистокла не могли включить Илисса; культы Агрилы (*μήτηρ, Μοῦσαι, Βορέας, Ἄρτεμις*) остались попрежнему сельскими, община, коей границы и безъ того простирались до самаго Гиметта, никогда не стала частью настоящаго городскаго поселенія — она распалась на верхнюю и нижнюю Агрилу. На югъ городъ сильно распространился

незнакомо). U. v. Wilamowitz, Die Demotika der attischen Metöken, I (въ Hermes, XXII, p. 107), p. 121. Cfr. Kydathen, p. 110, not. 22.

[1]) C. I. A. I, 2.

(въ до-Клисѳеновское время), что было весьма естественно, такъ какъ онъ былъ расположенъ первоначально на южномъ склонѣ горы акрополя и имѣлъ свою пристань въ Фалерѣ. Клисѳенъ долженъ былъ предполагать, что развитіе и дальше будетъ идти въ томъ же направленіи, и основалъ потому здѣсь двѣ общины, именовавъ болѣе дальнюю по гавани или, вѣрнѣе сказать, по мысу Фалеромъ, ближайшую, обнимавшую предмѣстье и вѣроятно также южную часть города, Коллитомъ[1])".

Такимъ образомъ Виламовитцъ простираетъ территорію, занятую „городскими" демами, до горы Гиметта съ одной стороны, до прибрежья Саронскаго залива — съ другой, только на сѣверо-востокѣ замѣчательно стѣсняя ихъ предѣлы[2]). Изслѣдованіе это наилучше показало, что въ самомъ строгомъ смыслѣ теорія Зауппе не можетъ быть признана, такъ какъ для нѣкоторыхъ филъ ни внутри Ѳемистокловыхъ стѣнъ, ни на протяженіи предполагаемаго Клисѳеновскаго города нельзя найти необходимаго представителя въ числѣ демовъ, а должно таковаго искать на далекомъ разстояніи отъ

---

[1]) Относительно Коллита v. Wilamowitz (l. l., p. 124, not. 2) замѣчаетъ: „Dass Köhlers und Wachsmuths Ansatz von Kollytos noch Widerspruch findet, liegt daran, dass man den Kolonos zu verkennen fortfährt. An einen Kollytos nördlich der Burg kann Melite nicht grenzen (разумѣется мѣсто Страбона I, 4, 7, p. 65: *μὴ ὄντων γὰρ ἀκριβῶν ὅρων καθάπερ Κολλυτοῦ καὶ Μελίτης*) — allerdings würde es das auch nicht, wenn der Kolonos dazu gehörte, da Kerameikos immer noch dazwischen liegt". Я всегда держался убѣжденія, что Коллитъ занималъ сѣверъ Аѳинъ, гдѣ Ваксмутъ помѣщаетъ, хотя и ошибочно, Кидаѳеней, а Виламовитцъ оставляетъ совершенную пустоту: кромѣ другихъ соображеній (Коллитъ въ императорское время былъ самымъ блестящимъ кварталомъ, когда вся городская жизнь сосредоточилась на С.-В.), весьма важной мнѣ кажется религіозная связь между этимъ демомъ и Діомеей — эпонимъ послѣдней Діомъ былъ сыномъ героя Коллита. Теперь этотъ выводъ находитъ себѣ подтвержденіе у Аристотеля. Діомея, Бата и т. д. на сѣверо-востокѣ и Колонъ (*Ἵππιος*) на сѣверо-западѣ были причислены къ филѣ Эгеидѣ: если помѣстить Коллитъ (той же филы) къ югу отъ Кидаѳенея, то и онъ самъ будетъ отдѣленъ отъ названныхъ демовъ и послѣдніе распадутся на двѣ группы; если же онъ лежалъ къ сѣверу отъ акрополя, то онъ служилъ для нихъ связующимъ звеномъ и объединялъ всѣ демы Эгеиды въ одну сплошную территорію — „пригородную" триттію.

[2]) На это указалъ уже C. Wachsmuth (Stadt Athen, II, p. 239), говоря, что Діомея напр. имѣла бы столько же права быть включенной въ черту города Клисѳеномъ, но Виламовитцъ устраняетъ этотъ демъ Эгеиды, такъ какъ послѣдняя фила уже имѣетъ своего „городскаго" представителя — Коллитъ.

города; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно дало указаніе, въ какомъ направленіи должно искать рѣшенія даннаго вопроса — еще одинъ шагъ по намѣченному пути, и остроумный изслѣдователь достигъ бы желанной цѣли. Теперь этотъ шагъ сдѣлать не представляетъ никакого затрудненія при руководствѣ Аристотеля!

Мы видимъ, что Клисѳенъ и того незначительнаго преимущества, какое предполагалъ Заупе и отчасти Виламовитцъ, не хотѣлъ дать „городскимъ“ демамъ; не дѣлая никакого различія между городомъ и его окрестностями, онъ ихъ вмѣстѣ раздѣлилъ на десять триттій съ извѣстнымъ числомъ демовъ, принадлежавшихъ различнымъ филамъ, при чемъ окрестности онъ разумѣлъ не въ тѣхъ узкихъ границахъ, которыя имъ поставилъ Виламовитцъ, а распространилъ до Коридалла съ одной стороны, до Гиметта и мыса Зостера — съ другой, и отъ прибрежья морскаго до склоновъ Брилетта вдоль обоихъ береговъ рѣки Кефиса (по приблизительному опредѣленію)[1]). Въ этихъ-то пригородныхъ триттіяхъ Клисѳенъ и установилъ религіозно-политическіе центры своихъ филъ, отлично понимая выгоду, даже необходимость ихъ близости къ центру всей государственной жизни, но не считая удобнымъ помѣстить ихъ всѣ внутри самаго города: дѣйствительно святилище Пандіона, центръ филы того же имени, лежало не только въ городѣ, но даже на акрополѣ[2]), такъ какъ къ этой филѣ принадлежалъ демъ и триттія кидаѳенейцевъ, которая по весьма правдоподобному предположенію У. Кёлера обнимала въ себѣ и аѳинскій акрополь[3]); напротивъ святилище Гиппоѳонта было расположено около Священной дороги въ Элевсинъ, близъ т.-наз. Рейтовъ (озеръ)[4]) соот-

[1]) Пригородныя триттіи занимали слѣдовательно аѳинскую часть равнины, какъ ее съ свойственнымъ ему изяществомъ характеризуетъ E. Curtius, Stadtgeschichte von Athen, p. 1 sqq. Кромѣ общеизвѣстныхъ сочиненій по географіи, особенно Бурсіана, можно еще указать на A. Milchhöfer'a, Erl. Text zu den Karten von Attika, H. II.

[2]) Это доказывается почти несомнѣннымъ дополненіемъ У. Кёлера въ декретѣ филы Пандіониды, найденномъ на акрополѣ (C. I. A. II, 559, lin. 12): *στῆσα[ι ἐν ἀκροπόλει] ἐν τῷ ἱερῷ τοῦ Π[ανδίονος]*. Тамъ же открыто еще четыре постановленія той же филы: C. I. A. II, 553, 554, 556, 558.

[3]) U. Köhler въ Hermes, VI, p. 110. Съ нимъ согласились v. Wilamowitz (Kydathen, p. 228), Lolling (Hell. Landesk., p. 308), C. Wachsmuth (Stadt Athen, II, p. 232).

[4]) Paus. I, 38, 4. C. Wachsmuth (Stadt Athen, II, p. 244) рѣшаетъ, что *Ἱπποθώντιον* лежало близъ самаго Элевсина, но этому противорѣчитъ текстъ

вѣтственно пригородной триттіи этой филы — пирейцевъ, которая занимала приблизительно пространство между Длинными стѣнами и названной дорогой, заключая демы Койлу, Кейріады, Пирей, Коридаллъ и Тимойтады. Хотя мы о святилищахъ другихъ филъ ничего не знаемъ, но и они несомнѣнно лежали въ этой части Аттики, какъ доказывается мѣстомъ нахожденія надписей, заключающихъ постановленія филъ или списки притановъ[1]). Слѣдовательно теперь излишнимъ является вопросъ, какіе городскіе демы служатъ представителями своихъ филъ — можно только искать, какая триттія, т.-е. группа демовъ, представляла извѣстное племя и служила ему средоточіемъ близъ всенароднаго центра — Аѳинъ: нѣкоторыя подобныя группы уже намѣчены Виламовицемъ, но окончательнаго рѣшенія пока еще съ увѣренностью дать нельзя, можно лишь указать сверхъ названныхъ на триттію лакіадовъ (филы Ойнеиды), извѣстную намъ изъ надписей и заключавшую, по всей вѣроятности, кромѣ дема того же имени (онъ былъ расположенъ близъ Академіи, къ сѣверу отъ Священной дороги, на лѣвомъ берегу Кефиса)[2]), еще Бутады, Котокиды и Эпикефисію, и предположить, что Фалеръ былъ центромъ пригородной триттіи филы Эантиды[3]).

Опредѣливъ такимъ образомъ приблизительно пространство, занимаемое пригородными триттіями десяти филъ, мы можемъ лучше судить о предположеніи проф. Гомперца, который приписываетъ имъ по четыре дема ($4 \times 10 = 40$), между тѣмъ какъ на долю каждой триттіи Месогеи и Паралія, по его мнѣнію, приходилось лишь по три ($3 \times 20 = 60$)[4]). Вопросъ этотъ, конечно, едва ли когда-нибудь можетъ быть рѣшенъ вполнѣ достовѣрно, даже если бы

Павсанія. Единственный декретъ филы Гиппоѳонтиды (C. I. A. II, 567b) найденъ близъ театра Діониса; но такъ какъ въ немъ предписывается изготовить двѣ копіи и поставить одну *ἐν τῷ Ἀσκληπιείῳ*, другую *ἐν τῷ Ἱπποθωντίῳ*, то не подлежитъ сомнѣнію, что до насъ дошла именно первая.

[1]) Внѣ Аѳинъ и ихъ ближайшихъ окрестностей до сихъ поръ по крайней мѣрѣ никакихъ декретовъ филъ не найдено.

[2]) Paus. I, 37, 2: *Λακίου τέμενός ἐστιν ἥρωος, καὶ δῆμος ὃν Λακιάδας ὀνομάζουσιν ἀπὸ τούτου.*

[3]) Все, что можно при нынѣшнемъ состояніи аттической топографіи, сказать болѣе или менѣе положительно относительно расположенія триттій, будетъ нами указано въ Прил. III.

[4]) Th. Gomperz въ Deutsche Rundschau, Mai 1891, p. 230, Not.

удалось опредѣлить безъ всякаго сомнѣнія мѣстоположеніе каждаго дема, или по крайней мѣрѣ его принадлежность къ одной изъ трехъ частей страны, такъ какъ число ихъ постепенно возрастало и невозможно установить первоначальный составъ ста Клисѳеновскихъ демовъ. Можно согласиться съ вѣнскимъ профессоромъ, что дѣйствительно демы близъ города были меньше по размѣрамъ въ виду большей густоты населенія, а потому расположены болѣе часто и болѣе многочисленны (хотя и тутъ нельзя утверждать, чтобы такое отношеніе установилось издревле); но за то пространство, ими занимаемое, по всѣмъ даннымъ значительно уступало каждой изъ остальныхъ двухъ частей, Месогеи и Параліи, такъ что одно взвѣшивалось другимъ. Вообще мы полагаемъ, что однообразія между филами въ этомъ отношеніи не было: Клисѳенъ и не могъ систематически провесть всюду равномѣрность, если дѣйствительно, какъ мы пытались выше доказать, онъ руководился естественными условіями страны и бралъ въ разсчетъ уже существующія поселенія.

Въ подтвержденіе нашего мнѣнія можно привесть нѣкоторые примѣры филъ, очевидно имѣвшихъ преобладаніе въ извѣстной мѣстности и весьма слабо представленныхъ въ другой. Въ аѳинской равнинѣ преобладали Эрехѳеида (представленная здѣсь тремя большими демами — Агрилой, Эвониміей, Кефисіей), Леонтида (съ цѣлымъ рядомъ мелкихъ демовъ, въ томъ числѣ т.-наз. *τρίκωμοι*), Гиппоѳонтида (съ триттіей пирейцевъ, о которой мы говорили раньше); въ Параліи занимали наибольшее пространство Пандіонида (обнимавшая значительную часть восточнаго прибрежья отъ Прасій до Пробалинѳа), Эантида (занимавшая остальную часть того же побережья), Антіохида (охватывавшая юго-западную часть Аттики съ демами Эгиліей, Анафлистомъ, Атеной, Бесой, Торами и т. д.), въ Месогеѣ лежали важнѣйшіе демы филъ Эгеиды (Гаргеттъ, Эрхія, Икарія), Акамантиды (Сфеттъ, Проспальта), Ойнеиды (Ахарны, Фила). Наоборотъ, весьма слабо представлены были, по крайней мѣрѣ по настоящимъ нашимъ свѣдѣніямъ, въ равнинѣ — Пандіонида (извѣстенъ только демъ Кидаѳеней), Эантида (Фалеръ), Антіохида (Колонъ *ἀγοραῖος?*), въ Параліи — Эгеида (Алы Арафенійскія, Арафенъ, Филаиды), Акамантида (Торикъ), Ойнеида (Трія), Кекропида (Эксона и Алы Эксонійскія), въ Месогеѣ — Эрехѳеида (достовѣрно неизвѣстно ни одного дема, кромѣ можетъ

быть Пергасы), Леонтида (Левконоя), Гиппоѳонтида (Декелея)[1]). Приведенные примѣры, какъ бы спльно ни были подвержены сомнѣніямъ отдѣльныя частности (локализація того или другаго дема), въ общемъ доказываютъ разнообразіе въ составѣ отдѣльныхъ филъ, коихъ центръ тяжести приходился то на одну, то на другую часть страны, а вовсе не былъ всегда установленъ въ пользу горожанъ (вспомнимъ о 22 пританахъ одного *дема* Ахарнъ сравнительно съ 10—12 членами совѣта, поставленными всей „городской“ триттіей!): снова подтверждается уже указанный нами характеръ Клисѳеновской организаціи, чуждый всякой искусственности и педантичнаго схематизма, которые въ нее вносятся лишь построеніями новѣйшихъ ученыхъ.

Въ предыдущемъ изложеніи мы постарались указать на важнѣйшія черты территоріальнаго дѣленія Аттики, какъ оно было установлено Клисѳеномъ, и на его отношенія къ тѣмъ частямъ, на которыя распадалась издревле страна: теперь намъ необходимо уяснить также его отношеніе какъ къ отдѣльнымъ гражданамъ, такъ и къ ихъ прежнимъ дѣленіямъ, т. е. родовымъ. Касательно лицъ Клисѳенъ опредѣлилъ закономъ, чтобы каждый гражданинъ былъ приписанъ къ тому дему, на чьей территоріи онъ жилъ въ моментъ его изданія; при этомъ брались въ разсчетъ не только тѣ граждане, которые были поземельными собственниками въ данной общинѣ, но вообще всѣ пользовавшіеся въ ея предѣлахъ осѣдлостью. Законъ этотъ не сохраненъ намъ никакимъ преданіемъ, но можетъ быть легко возстановленъ по тѣмъ историческимъ фактамъ, которые явились прямыми его послѣдствіями: если Филаидъ Мильтіадъ и его семейство были демотами не названнаго по ихъ роду дема филы Эгеиды, а дема Ойнеиды Лакіадовъ, если потомки элевсинскаго рода Эвмолпидовъ встрѣчаются въ Ахарнахъ (Ойнеиды), Гаргеттѣ (Эгеиды), Кидаѳенеѣ (Пандіонпды), Мараѳонѣ (Эантиды), Пиреѣ (Гиппоѳонтиды)[2]), то очевидно, что всѣ они

[1]) Документальныя подтвержденія для данныхъ указаній см. въ Прилож. I и III.

[2]) C. I. A. III, 1049: *Κλαύδιος ἱεροφάντης Ἀχαρνεύς*. 1282: *Ἱεροφάντης Γαργήττιος*. C. I. A. II, 1047: *Ἱεροφάντης Μενεκλείδου Κυδαθηναιεύς*. C. I. A. III, 10: *Κλαύδιος ἱεροφάντης Μαραθώνιος*. C. I. A. II, 1047: *Ἱεροφάντης Εὐστρόφου Πειραιεύς*. *Ἐφημ. Ἀρχ.* 1887, p. 111: *Μήδειος Μηδείου Πειραιεὺς ὁ ἐξηγητὴς ἐκ τοῦ γένους τοῦ Εὐμολπιδῶν* (изъ семейства упоминаемаго и у Ps.-Plut. v. X orat., p. 842: cfr. V. de Schöffer, De Deli ins. re-

должны были приписаться къ тому дему, въ предѣлахъ коего ихъ засталъ законъ Клисѳена. Если бы за основаніе причисленія къ тому или другому дему бралось земельное владѣніе извѣстнаго лица въ данной общинѣ, то значительная часть гражданъ прежнихъ, а также всѣ вновь принятые Клисѳеномъ, не будучи собственниками, остались бы внѣ народныхъ дѣленій, а другіе были бы приписаны къ нѣсколькимъ демамъ — очевидно, въ разсчетъ бралась не поземельная собственность, а мѣсто жительства. Многіе вопросы и такъ остаются еще темными: напр., если въ семьѣ кромѣ отца были и взрослые сыновья, жившіе самостоятельнымъ хозяйствомъ, приписывались ли они по мѣсту осѣдлости къ различнымъ демамъ или всѣ причислялись къ общинѣ своего отца, какъ главы семейства? рѣшить это мы не имѣемъ никакихъ данныхъ.

На будущее время было опредѣлено закономъ, чтобы сыновья наслѣдовали неизмѣнно демъ своего отца и болѣе отдаленныхъ предковъ, несмотря на всякія перемѣны относительно мѣста жительства: законъ этотъ соблюдался такъ строго, что всякій аѳинянинъ, даже поселившись навсегда внѣ предѣловъ Аттики, если онъ только не выбылъ изъ состава гражданъ (напр. всѣ т.-наз. клерухи)[1]), продолжалъ числиться въ томъ демѣ, къ которому впервые былъ приписанъ его предокъ по прямой линіи во времена Клисѳена или при позднѣйшемъ дарованіи правъ гражданства. Мало того, даже переходъ изъ одного дема въ другой былъ воспрещенъ, за исключеніемъ случаевъ усыновленія, когда пріемный сынъ вмѣстѣ съ остальными правами наслѣдства пріобрѣталъ и демъ своего усыновителя[2]); не было даже никакихъ другихъ легальныхъ формъ, въ коихъ могъ бы совершиться такой переходъ: можно смѣло утверждать, что за всѣ времена существованія аѳинскаго государства ни одинъ гражданинъ законнымъ образомъ не мѣнялъ своего дема, если не считать немногихъ случаевъ, когда демъ дробился на нѣсколько новыхъ.

---

bus, p. 227). Кромѣ послѣдней надписи, остальныя указанія заимствованы изъ списка гіерофантовъ у Töpffer'a, Att. Gen., p. 55 sqq.

1) Cfr. P. Foucart, Mémoire sur les colonies Athéniennes au V-me et IV-me s. Chap. III, p. 348 sqq.

2) Примѣровъ можно было бы найти не мало, потому достаточно указать одинъ: Менеклъ, усыновляя взрослаго сына Эпонима изъ Ахарнъ, его *εἰς τοὺς δημότας ἐγγράφει* (Isaei, de Menecl. her. (II), 14).

Въ этомъ отношеніи Клисѳеновскія дѣленія ничѣмъ не отличались отъ прежнихъ родовыхъ[1]): существенная разница между ними состояла въ томъ, что послѣднія вмѣщали въ себѣ всю семью гражданина, демы же принимали лишь настоящихъ гражданъ, исключая женщинъ и несовершеннолѣтнихъ. Насчетъ послѣднихъ сомнѣнія быть не можетъ, такъ какъ положительно извѣстно, что въ списки демотовъ принимались юноши лишь на 18-мъ году жизни (какъ подробнѣе будетъ изложено ниже) и съ того же момента они числились совершеннолѣтними, откуда и названіе *ληξιαρχικὸν γραμματεῖον* для списка гражданъ. Относительно же женщинъ мы имѣемъ какъ отрицательное доказательство въ полномъ молчаніи источниковъ объ ихъ внесеніи въ число демотовъ, такъ и положительное свидѣтельство въ надписяхъ, которыя, называя женщинъ, прибавляютъ всегда имя отца или мужа, и къ ихъ, а не къ ея имени присоединяютъ названіе дема[2]). Разница эта между родовыми и территоріальными дѣленіями весьма понятна и вытекаетъ изъ самой идеи того и другаго института. Первыя были религіозно-семейными учрежденіями, въ коихъ женщины и дѣти играли извѣстную роль на ряду, если и не наравнѣ съ мужчинами, какъ и въ отдѣльной семьѣ въ силу какъ естественныхъ условій, такъ и религіозныхъ воззрѣній — нельзя же было ихъ оставить внѣ культоваго сообщества, внѣ покровительства боговъ и героевъ! Вторыя же должны быть разсматриваемы какъ установленіе чисто политическаго характера, для котораго имѣли значеніе лишь лица, коихъ Аристотель бы назвалъ „совершенными“ гражданами, т.-е. могущія фактически воспользоваться своими правами гражданства и нести соотвѣтствующія обязанности; женщины и дѣти, какъ неправоспособныя, въ разсчетъ не входили, и если къ имени первыхъ

---

[1]) Срвн. по этому поводу замѣчанія и сравненія съ новѣйшими государствами у A. Hug'a (Bezirke, Gemeinden und Bürgerrecht in Attika, p. 34), который говоритъ: „Nur in Würtemberg und Oestreich ist auch von einer von den Vätern ererbten Heimatberechtigung die Rede“. Я не въ состояніи контролировать правильность этихъ словъ. Въ Римѣ вообще относительно принадлежности къ трибѣ держались того же правила, но возможно было и зачисленіе въ другую трибу по волѣ цензоровъ, хотя оно ограничивалось, кажется, переходомъ между городскими и сельскими трибами.

[2]) На иное законоположеніе въ г. Родосѣ, гдѣ женщины зачислялись въ демы и даже по выходѣ замужъ сохраняли унаслѣдованную родину, мы имѣли случай указать выше: срвн. стран. 110, прим.

прибавлялось названіе дема ихъ отцовъ, то это дѣлалось или просто изъ тщеславія или съ юридической точки зрѣнія для доказательства ихъ гражданскаго происхожденія и законности ихъ брака (объ этомъ см. ниже).

Мы постоянно говорили о принадлежности къ дему, не упоминая высшихъ дѣленій, триттіи и филы, потому что приписка къ первому сама собою влекла за собою и причисленіе ко второй и третьей единицѣ — кто былъ внесенъ въ списокъ дема Пирея, естественно, принадлежалъ къ триттіи того же имени и слѣдовательно къ филѣ Гиппоѳонтидѣ и былъ полноправнымъ гражданиномъ аѳинскаго государства: такимъ образомъ названіе дема (демотиконъ) являлось отличительной характеристикой гражданина и всегда въ оффиціальной рѣчи прибавлялось къ его имени, какъ это замѣчаетъ и Аристотель. Странно только толкованіе, которое онъ даетъ этому установленію, объясняя его желаніемъ, чтобы лица, вновь принятыя Клисѳеномъ въ число гражданъ, не изобличались въ иностранномъ происхожденіи, еслибъ ихъ стали звать по отчеству[1]). Во-первыхъ, эти новые граждане должны были въ громадномъ большинствѣ случаевъ быть эллинами (лицъ варварскаго происхожденія въ Аѳинахъ въ ту пору не могло жить особенно много), а слѣдовательно по отчеству они ничѣмъ бы и не отличались отъ старыхъ гражданъ; во-вторыхъ, въ оффиціальной титулатурѣ аѳинскаго гражданина имя отца стояло на ряду съ названіемъ дема, и одно не исключало другаго, — Периклъ, сынъ Ксантиппа изъ дема Холарга *(Περικλῆς Ξανθίππου Χολαργεύς)*. Дѣйствительно, въ документахъ V-го вѣка и даже начала IV-го эта полная номенклатура встрѣчается сравнительно гораздо рѣже, нежели во второй половинѣ IV-го вѣка: такъ, авторы народныхъ декретовъ стали зваться по отчеству постоянно лишь съ 353 года[2]), предсѣдатели собраній только къ концу вѣка; но это объясняется не какимъ-либо постановленіемъ закона, а простой привычкой, которая вела къ постепенному осложненію формулъ народныхъ декретовъ. Въ пятомъ

---

[1]) Aristot. Ath. Pol. 21, 4.

[2]) Во всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ надписяхъ до этого года называется ораторъ однимъ именемъ: также еще въ третью пританію архонтства Діотима (353 г.), но въ томъ же году въ другую пританію встрѣчается первый примѣръ полнаго наименованія: *Φιλωτάδης Φ[ιλωτάδου Παλλη]νεὺς εἶπεν*. Cfr. P. Foucart, Décrets athéniens du IV-me s. въ B. d. C. H. XII, p. 175.

вѣкѣ, во всякомъ случаѣ, названіе дема опускается почти также часто какъ имя отца, а полная титулатура аѳинскаго гражданина, какъ мы ее привыкли встрѣчать, читается въ оффиціальномъ документѣ впервые, правда, лишь въ 437 г. (по недостатку болѣе раннихъ документовъ)[1]), но въ надгробныхъ надписяхъ еще до разрушенія Аѳинъ персами, т.-е. въ ближайшіе годы послѣ Клисѳена[2]).

Такъ какъ мы коснулись именъ аѳинскихъ гражданъ, то не лишнимъ будетъ сказать о нихъ нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что этотъ вопросъ, кажется, еще никѣмъ не затронутъ. Мы сказали, что между аѳинянами и остальными эллинами въ именахъ собственныхъ лицъ не замѣтно существеннаго различія: это понятно, такъ какъ они не знали тѣхъ ограниченій, которыя свели число именъ въ Римѣ до какихъ-нибудь двухъ десятковъ, а потому названія, образовавшіяся въ одной мѣстности легко могли перейти къ другому племени и не звучали для него дико. Конечно, нельзя отрицать, что каждая почти община помимо діалектическихъ особенностей клала свой отпечатокъ на спеціально ей свойственныя имена, такъ какъ послѣднія весьма часто производились отъ названій и даже прозвищъ мѣстныхъ боговъ и героевъ: имена, сложныя съ корнемъ Кефисо- (Кефисодотъ, Кефисодоръ, Кефисофонъ и т. д.), могли возникнуть лишь на почвѣ Аттики, гдѣ текли двѣ рѣки этого наименованія, точно такъ же, какъ производныя отъ Птоіо-, Исмено- — только въ Беотіи, гдѣ чтился близъ Акрефіи Аполлонъ Птоіевъ[3]) и гдѣ около Ѳивъ билъ ключъ Исмена; имена, въ составъ коихъ входилъ корень дем- (Демосѳенъ, Демей, Демайнетъ, Аристодемъ, Никодемъ и друг.), были созданы, конечно, не въ городѣ, управляемомъ могучей аристократіей. Но и эти имена съ теченіемъ времени распространялись далеко за предѣлы своего первоначальнаго отечества; гораздо менѣе тѣ, которыя и на родинѣ были исключительнымъ достояніемъ немногихъ лицъ, отдѣльныхъ

[1]) Въ заголовкѣ отчета о sexagesima tributorum 18-ой коллегіи логистовъ: C. I. A. I, 243.

[2]) Не рѣдкіе примѣры можно найти во 2-ой и 3-ей тетради C. I. A. IV, содержащихъ результаты систематическихъ раскопокъ послѣдняго десятилѣтія.

[3]) Это святилище намъ хорошо извѣстно, благодаря раскопкамъ, произведеннымъ въ концѣ 80-ыхъ годовъ отъ имени французской школы M. Holleaux. Cfr. B. d. C. H. IX—XIV.

семей, напр. Агисъ, Бразидъ, Гилиппъ, Гетоймаридъ въ Спартѣ, Эпаминондъ, Пагондъ въ Θивахъ, Мильтіадъ, Кимонъ, Алкивіадъ въ Аѳинахъ, Харондъ, Залевкъ въ южной Италіи, хотя и относительно ихъ бываютъ исключенія: такой знатокъ аѳинской исторіи и древностей, какъ проф. Кёлеръ не хотѣлъ допустить существованія въ Аѳинахъ архонта Залевка, пока ему не былъ предложенъ мною точный снимокъ съ надписи, сохранившей намъ его имя (и найденной проф. Гомоллемъ на Делосѣ)[1]). Большею частью такія рѣдкія имена были достояніемъ извѣстныхъ, притомъ знатныхъ семействъ, любившихъ отличаться во всѣхъ отношеніяхъ отъ низшихъ слоевъ общества, и держались въ нихъ упорно благодаря общеизвѣстному обычаю называть внука по имени дѣда: *Ἱππονίκος Καλλίου καὶ Ἱππονίκου Κάλλιας*. При этомъ каждый изъ этихъ знатныхъ родовъ имѣлъ свои излюбленныя, иногда ему одному принадлежавшія имена: такъ въ родѣ Алкмеопидовъ преобладали имена Алкмеона и Мегакла, для него особенно характерныя, въ родѣ Филаидовъ — Мильтіада и Кимона, въ родѣ Эвпатридовъ исключительно ему свойственныя — Клейнія и Алкивіада, въ одной семьѣ рода Кериковъ — Андокида и Леогора, въ родѣ Этеобутадовъ — Ликофрона и Ликурга. И болѣе зажиточныя, видныя семьи старо-гражданскаго, хотя и незнатнаго происхожденія, какъ обыкновенно бываетъ, старались подражать эвпатридамъ и любили давать своимъ членамъ болѣе звучныя и болѣе длинныя имена, такъ что и выскочки, внезапно разбогатѣвшіе, пытались прикрыть свое темное прошлое перемѣной имени — изъ Симона дѣлался Симонидъ, изъ Тромета — Атрометъ[2]): характерны въ этомъ отношеніи разсужденія Аристофановскаго Стрепсіада по поводу наименованія сына, котораго онъ самъ хотѣлъ по дѣду назвать Фейдономъ, а его знатная жена настояла наименовать Фейдиппидомъ[3]). Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ же примѣръ указываетъ и на другую особенность въ греческой номенклатурѣ: въ семьѣ если не повторяли тѣхъ же именъ, то любили производныя отъ одного

---

[1]) Cfr. B. d. C. H. X, p. 33.

[2]) Lucian. Somn. s. Gall. c. 29: *παρὰ τὸν Σίμωνα, ὃς ἀντὶ δισυλλάβου τετρασύλλαβος ἤδη πλουτήσας εἶναι ἀξιοῖ.* Dem. de cor. (XVIII), 130, p. 270: *καὶ δύο συλλαβὰς προσθεὶς (Αἰσχίνης) τὸν μὲν πατέρα ἀντὶ Τρόμητος ἐποίησεν Ἀτρόμητον, τὴν δὲ μητέρα σεμνῶς πάνυ Γλαυκοθέαν ὠνόμασε.*

[3]) Cfr. Aristoph. Nub. 63 sqq.

корня. Такъ, мы уже говорили, что въ семьѣ Этеобутадовъ смѣнялись имена Ликофрона и Ликурга. Въ семьѣ оратора Демосѳена преобладали производныя отъ корня дем- (кромѣ его отца того же имени, дядя Демонъ, двоюродные братья Демомелъ и Демофонъ, племянникъ Демонъ)[1]), и точно такъ же мы встрѣчаемъ его же въ родословной другаго знаменитаго оратора Демада, сына Демея[2]): невольно является подозрѣніе, не были ли они оба, происходя изъ одного дема, между собою родственниками, тѣмъ болѣе, что изъ недавно найденной надписи мы узнаемъ о существованіи въ Пеаніи около середины IV-го вѣка еще одного семейства, въ которомъ были соединены имена и Демосѳена и Демея (еще и Демайнета), составляя такимъ образомъ какъ бы связующее звено между двумя прежде названными лицами[3]) — конечно, это только предположеніе, которое мы сами выставляемъ лишь со всею осторожностью, такъ какъ свидѣтельства древнихъ авторовъ вполнѣ молчатъ о подобномъ родствѣ.

Послѣ этого отступленія, вызваннаго страннымъ замѣчаніемъ Аристотеля по поводу гражданъ, вновь принятыхъ Клисѳеномъ, мы вернемся къ этому послѣднему и попытаемся, нельзя ли его объяснить другимъ путемъ: такъ какъ авторъ говоритъ, что названіе дема замѣнило отчество, а между тѣмъ по свидѣтельству оффиціальныхъ документовъ послѣднее употреблялось совмѣстно съ первымъ, то у насъ явилась мысль, не слѣдуетъ ли слово *πατρόθεν* понять въ болѣе широкомъ смыслѣ, т.-е. не по отчеству, а „по происхожденію“ — такъ какъ демъ-триттія-фила территоріальные замѣнили *γένος*-фратрію-филу родовыя, то было бы весьма естественно, если бы „демотиконъ“ вытѣснило какое-нибудь наименованіе родовое, т.-е. Кимонъ Мильтіада Лакіадъ замѣстило напр. прежнее Кимонъ Мильтіада Филаидъ[4]). Въ пользу

[1]) О семьѣ Демосѳена срвн. A. Schäfer, Demosthenes und s. Zeit, I, p. 301—2.

[2]) *Δημάδης Δημέου Παιανιεύς:* C. I. A. II, 124, 127, 174, 178, 193.

[3]) Надпись, найденная 26-го мая сего года и опубликованная Θ. Гомоллемъ (B. d. C. H. XV, p. 369), гласитъ: *Φυλαρχοῦντες ἐνίκων ἀνθιππασίᾳ Δημαίνετος Δημέου Παιανιεύς, Δημέας Δημαινέτου Παιανιεύς, Δημοσθένης Δημαινέτου Παιανιεύς (Βρύαξις ἐπόησεν).* Оба послѣдніе должны считаться сыновьями перваго. Время надписи опредѣляется именемъ художника Бріаксиса и орѳографіей (*ο* вм. *ου*): между 370 и 350 гг.

[4]) Только Fustel de Coulanges (La cité antique, p. 121, not. 1) способенъ видѣть въ имени „Лакіада“ названіе рода: „Le troisième nom était celui de la

такого мнѣнія говоритъ то обстоятельство, что вновь принятые въ число гражданъ, впослѣдствіи, какъ мы въ подробности увидимъ ниже, должны были приписаться къ извѣстной фратріи, но не къ роду: они слѣдовательно сами дѣлались родоначальниками или основывали свой „тіазъ“, отдѣльное культовое общество, а потому только ихъ дѣти или внуки могли носить quasi-родовое имя, они сами — нѣтъ. Но съ другой стороны мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ, которыя бы подтверждали наше предположеніе о подобномъ употребленіи родоваго имени: среди довольно значительнаго числа надгробныхъ надписей, восходящихъ ко временамъ до персидскихъ войнъ, изъ коихъ хотя нѣкоторая часть навѣрно относится къ до-Клисѳеновской эпохѣ, мы не находимъ ни одной, гдѣ бы названіе рода было прибавлено къ имени усопшаго, между тѣмъ какъ изъ тѣхъ же надписей мы можемъ заключить, что „демотиконъ“ сталъ входить въ употребленіе непосредственно послѣ Клисѳена. Поэтому мы не рѣшаемся настаивать на своемъ толкованіи и предпочитаемъ къ данному извѣстію Аристотеля поставить знакъ вопроса: можетъ быть, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ его личнымъ предположеніемъ, ни на какихъ положительныхъ данныхъ не основанномъ, а тогда оно не только для насъ не обязательно, но даже должно быть признано довольно неудачнымъ — бываютъ вѣдь случаи, когда bonus dormitat Homerus.

Гораздо важнѣе, чѣмъ этотъ мелочной вопросъ, для насъ задача — опредѣлить, какія отношенія установилъ Клисѳенъ между прежними родовыми и вновь введенными территоріальными дѣленіями. Мы уже раньше постарались доказать, что прежнія фратріи продолжали существовать и притомъ въ неизмѣнномъ видѣ, и послѣ Клисѳена, — свидѣтельство Аристотеля явилось въ подтвержденіе нашихъ выводовъ; точно такъ же и четыре іонійскихъ филы, о коихъ онъ не упоминаетъ, были оставлены въ старомъ видѣ, какъ доказываютъ филобазилеи и жрецъ Зевса Гелеонта, упоминаемые въ позднѣйшихъ надписяхъ[1]). Но отсутствіе опредѣленныхъ извѣстій о нихъ древнихъ авторовъ и необходимость довольствоваться косвенными указаніями надписей вызвали большія сомнѣнія между

gens tout entière. Exemples: *Μιλτιάδης Κιμῶνος* (sic) *Λακιάδης*, et à la génération suivante *Κίμων* (sic) *Μιλτιάδου Λακιάδης*“.

[1]) Объ этомъ вопросѣ см. въ концѣ главы.

учеными по вопросу объ ихъ отношеніяхъ къ новымъ дѣленіямъ и нѣкоторыя весьма странныя теоріи, коихъ нельзя обойти молчаніемъ.

Дѣло въ томъ, что изъ надписей явствуетъ, что члены одного и того же рода могли принадлежать различнымъ демамъ, какъ было указано выше. Фактъ этотъ уже a priori былъ бы вѣроятенъ: разъ въ основу дѣленія былъ положенъ территоріальный принципъ, то результатъ долженъ былъ быть таковъ, если только отдѣльные роды не сохранили своихъ первоначальныхъ мѣстъ жительства, или законодатель не постарался ихъ опредѣлить и возстановить теоретически: первое устранялось долголѣтнимъ историческимъ развитіемъ, послѣднее было бы слишкомъ затруднительнымъ, въ иныхъ случаяхъ невозможнымъ, и притомъ прямо противорѣчило цѣлямъ законодателя, желавшаго разорвать тѣсно сплоченный родовой строй и убить вліяніе знатныхъ родовъ на государственныя дѣла, „перетасовавши какъ можно больше гражданъ и разъединивъ прежнія сообщества“. И этотъ апріорный выводъ подтверждается, какъ мы видѣли, документальными данными: къ выше приведеннымъ примѣрамъ Филаидовъ и Эвмолпидовъ должно присоединить Бритидовъ и Кериковъ[1]). Особенно же важенъ перечень членовъ рода Аминандридовъ въ надписи, относящейся ко времени Августа, гдѣ ихъ имена (за исключеніемъ сановниковъ) расположены по порядку филъ и сопровождаются названіемъ демовъ, коихъ насчитывается и теперь еще не менѣе 26, а въ полной надписи было, по всей вѣроятности до 40[2]), — слѣдовательно,

---

[1]) Изъ семи членовъ рода Бритидовъ у Демосѳена (in Neaer. (LIX), 61, p. 1365) шестеро принадлежатъ къ различнымъ демамъ. Еще интереснѣе данныя насчетъ рода Кериковъ: мы встрѣчаемъ членовъ его въ демахъ, Ахарнахъ (C. I. A. II, 1413) Гагнунтѣ (C. I. A. III, 2), Гаргеттѣ (905), Гермѣ (10), Гибадахъ (ibid.), Кидаѳенеѣ (ораторъ Андокидъ: Ps.-Plut. vit. X orat., p. 834 c), Койлѣ (C. I. A. II, 597), Котокидахъ (C. I. A. III, 1278), Итеѣ (ibid.), Мараѳонѣ (C. I. A. III, 10), Мелитѣ (ibid.), Палленѣ (1043), Памботадахъ (1278), Стиріи (1194), Торикѣ (1031), Фалерѣ (904), Филахъ (1278), Эвониміи (695), Элеунтѣ (1278), т.-е. въ 18 демахъ, по крайней мѣрѣ; но ни одного не знаемъ изъ Элевсина!

[2]) Срвн. C. I. A. III, 1276 et 1277, гдѣ въ полности дошелъ до насъ перечень членовъ, принадлежавшихъ къ Эрехѳеидѣ, Акамантидѣ, Ойнеидѣ, Кекропидѣ и Атталидѣ, а также части Эгеиды, Леонтиды, Птолемаиды, Антіохиды: Диттенбергеръ (Hermes, XX, p. 5) и Тёпфферъ (Att. Gen., p 161) насчитываютъ только 25 демовъ, но они, очевидно, пропустили Пеанію (Панд.), представленную

если даже взять въ разсчетъ почти удвоившееся число демовъ, во всякомъ случаѣ уже во времена ихъ учрежденія этотъ родъ былъ разселенъ по двадцати приблизительно общинамъ.

Съ другой стороны этому выводу какъ-будто противорѣчатъ тѣ указанія, которыя намъ даютъ немногіе дошедшіе до насъ документы фратрій — собственно къ разсчетъ идутъ лишь два декрета фратрій Демотіонидовъ и Діалеевъ. Мы сами имѣли случай выше касаться извѣстной связи, которая чувствуется между этими родовыми дѣленіями и демами Декелеей и Мирринунтомъ: въ ихъ предѣлахъ лежитъ поземельная собственность этихъ фратрій, изъ ихъ демотовъ выбраны жрецъ одной и оба фратріарха другой (демъ Ойонъ Декелейскій, очевидно, принадлежитъ къ числу позже выдѣленныхъ и потому можетъ считаться заодно съ Декелеей)[1]). Изъ этихъ фактовъ мы сдѣлали выводъ, что значительная часть членовъ этихъ двухъ фратрій жила въ предѣлахъ данныхъ демовъ, когда они были устроены Клисѳеномъ, а первоначально опѣ, по всей вѣроятности, занимали сплошную область вокругъ своихъ религіозныхъ центровъ: дальше этихъ предположеній разумнымъ образомъ идти нельзя, но нѣкоторые ученые попытались въ своемъ увлеченіи построить на этихъ вновь открытыхъ документахъ цѣлыя теоріи о составѣ фратрій и ихъ отношеній къ демамъ.

Первый Бюрманнъ, сначала вполнѣ отрицавшій какое-либо отношеніе между фратріями и демами, пришелъ къ заключенію на основаніи декрета Діалеевъ, что фратріи были сплошными территоріальными участками (hingen auch örtlich zusammen!)[2]). Пользуясь тою же надписью, Шанто совершенно послѣдовательно сдѣлалъ дальнѣйшій выводъ, на который еще не рѣшился Бюрманнъ: онъ заключилъ, что не только фратріархи, но и всѣ фраторы были жителями дема Мирринунта, а такъ какъ фратрія находится въ связи съ родомъ, то фраторы были члены одного дема, при-

самимъ *ἄρχων τοῦ γένους*. Въ каждой филѣ представлено 3—4 дема, слѣдовательно на 12 филъ можно предположить ихъ 40.

[1]) Срвн. стран. 207—8, гдѣ указана и литература.

[2]) Bürmann, Drei Stud. etc. (въ N. Jahrbb. f. Phil. S.-B. IX, p. 610: „dass ein Zusammenhang der Phratrien mit der Demen- und Phylenordnung entweder überhaupt nicht oder doch wenigstens nicht in allen Fällen stattfand". Далѣе (p. 645) онъ поправляется: „dass die Phratrien 1) kleinere Gemeinschaften waren, als selbst die Demen, und dass sie nun ausserdem, 2) auch örtlich zusammenhingen".

надлежавшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и къ одному роду, или какъ онъ выражается, „совпаденіе рода и дема составляло фратрію“; такимъ образомъ, по его мнѣнію, одинъ родъ могъ заключать нѣсколько фратрій смотря по числу демовъ, въ коихъ застала его членовъ реформа Клисѳена, но съ другой стороны, и фратрія могла вмѣщать въ себѣ нѣсколько родовъ![1]). Гильбертъ совершенно справедливо нашелъ такое построеніе невозможнымъ, но тѣмъ не менѣе удержалъ и даже распространилъ теорію Бюрманна въ другомъ направленіи: фратрія для него является сплошной территоріей, лежащей внутри границъ одного дема, а слѣдовательно составляетъ подраздѣленіе послѣдняго[2]). И при этомъ Гильбертъ даже не замѣчаетъ, что онъ говоритъ то же самое, какъ и Шанто, только другими словами! Если фратрія — подраздѣленіе дема, то фраторы составляютъ извѣстную часть жителей послѣдняго, а такъ какъ члены одного рода живутъ въ различныхъ демахъ, то они должны принадлежать и различнымъ фратріямъ, т.-е. родъ — высшее дѣленіе по отношенію къ фратріи; но съ другой стороны, извѣстно вполнѣ достовѣрно, что не только одна фратрія вмѣщала нѣсколько родовъ, но и члены ея могли принадлежать разнымъ демамъ (Этеобутады изъ дема Бутадъ и Эсхинъ изъ Котокидъ), итакъ въ результатѣ — неимовѣрная путаница, которую прикрываютъ именемъ Клисѳена и его реформы, нарушившей стройность родоваго быта и „перетасовавшей всѣ классы гражданъ!“

Такъ какъ мы на основаніи логическихъ выводовъ и свидѣтельства Аристотеля пришли къ убѣжденію, что Клисѳенъ оставилъ

---

[1]) Szanto, Unters. über das att. Bürgerr., p. 45 sqq.: „Offenbar umfasste die Phratrie mehrere Gentes. Daneben gibt es aber sichere Beispiele, aus denen hervorgeht, dass die Gens der Phratrie übergeordnet war, d. h. mehrere Phratrien umschlossen hat“. Въ доказательство этого положенія онъ ссылается на родъ Кериковъ, коего члены жили въ разныхъ демахъ: „wissen wir nun, dass die Phratrien innerhalb der Demen lagen, also in gewissem Sinne ihre Unterabtheilungen waren“, — слѣдовательно родъ Кериковъ распадался на столько фратрій, сколькимъ демамъ принадлежали его члены — т.-е. на 18. Срвн. его же статью въ Rh. Mus. XL, p. 506 sqq.

[2]) Gilbert, Der Beschluss der Phratrie Demotionidai въ N. Jahrbb. f. Phil. 135 (1887), p. 23: „der Ansicht Szantos über die attischen Phratrien vermag ich nicht beizutreten (cfr. St.-Alt. I, p. 199, not. 3). Онъ же въ Gr. St.-Alt. I, p. 142: „Die Phratrien waren höchst wahrscheinlich kleinere Gemeinschaften, als die Demen und hingen wohl örtlich zusammen“.

фратріи нетронутыми, а во всякомъ случаѣ не считаемъ себя въ правѣ оскорблять память великаго законодателя, приписавъ ему такія чудовищныя построенія, то мы должны изслѣдовать выводы названныхъ ученыхъ и показать, въ чемъ заключается ошибка ихъ умозаключеній, при чемъ намъ прекрасно указалъ путь К. Шеферъ, коего аргументами мы прежде всего и воспользуемся[1]). По справедливому его замѣчанію, изъ названныхъ надписей можно сдѣлать лишь выводъ, что значительная часть фраторовъ принадлежала къ одному и тому же дему, но вовсе не слѣдуетъ, чтобы они всѣ были мирринунтцами или декелейцами: если онъ прибавляетъ, что тѣ изъ нихъ, которые причислялись къ данному дему, могли не жить въ его предѣлахъ, то это не подлежитъ никакому сомнѣнію, но не рѣшаетъ вопроса ни въ ту, ни въ другую сторону. Далѣе онъ вполнѣ основательно указываетъ на то, что владѣніе поземельной собственностью въ границахъ извѣстнаго дема не можетъ служить доказательствомъ болѣе тѣсной связи между послѣднимъ и данной фратріей: вѣдь, должно же было ея помѣстье, разъ она владѣла таковымъ, находиться на территоріи одной изъ тѣхъ общинъ, на которыя распадалась вся Аттика. Наконецъ онъ протестуетъ противъ выраженія, что фратріи „находились въ территоріальномъ единеніи“ (hingen auch örtlich zusammen), и совершенно справедливо, такъ какъ, во-первыхъ, онѣ представляются группами людей, относительно коихъ подобное выраженіе по меньшей мѣрѣ неумѣстно; во-вторыхъ, не подлежитъ сомнѣнію, что ихъ членамъ была предоставлена полная свобода въ пріобрѣтеніи и отчужденіи поземельной собственности: если фраторы могли селиться во всѣхъ частяхъ Аттики, то какая же можетъ быть рѣчь о территоріальномъ единствѣ самой фратріи?

До сихъ поръ мы слѣдовали аргументаціи Шефера, такъ какъ въ отдѣльности взятые его доводы безспорно основательны и дѣйствительно доказываютъ слабость теорій вышеназванныхъ ученыхъ; но и онъ, желая опровергнуть послѣднія, впалъ въ противоположную крайность и тѣмъ отчасти подорвалъ доказательность своихъ положеній. Дѣйствительно ни фактъ, что оба фратріарха Діалеевъ принадлежали къ числу членовъ дема Мирринунта, ни случайность, что ея поземельныя владѣнія находились въ предѣлахъ этой же

[1]) C. Schäfer, Altes und Neues über die att. Phratrien, p. 8 sqq.

общины, въ отдѣльности ничего не доказываютъ въ пользу извѣстнаго соотношенія между фратріей и демомъ; но если соединить ихъ вмѣстѣ, если взять въ разсчетъ, что подобныя же условія мы находимъ и въ другой фратріи Демотіонидовъ по отношенію къ дему Декелеи, то становится весьма сомнительнымъ, чтобы какое-либо краснорѣчіе могло насъ убѣдить, что мы имѣемъ дѣло съ цѣлымъ рядомъ случайностей, какъ это и было высказано нами раньше въ началѣ этой главы. Шеферъ самъ отнялъ у себя возможность воспользоваться самымъ вѣскимъ доводомъ противъ ложныхъ ученій Бюрманна и его послѣдователей, сошедшись съ ними въ воззрѣніяхъ на одинъ коренной вопросъ: подобно имъ онъ приписываетъ Клисѳену радикальное преобразованіе фратрій, а потому напрасно силится освободиться отъ выводовъ, почти необходимо отсюда вытекающихъ. Разъ Клисѳенъ при своей организаціи демовъ преобразовалъ и фратріи, естественная логика требуетъ между тѣми и другими дѣленіями народа извѣстнаго соотношенія — его ищутъ и извлекаютъ изъ двухъ указанныхъ документовъ, и никакія увѣренія въ случайности сообщаемыхъ въ нихъ фактовъ не могутъ вывести изъ затрудненія [1]): отрѣзывается единственный путь къ ихъ

[1]) Шеферъ, правда, *уклоняется отъ этого вывода, увѣряя*, что между фратріями и демами не существовало никакого соотношенія, другіе же изслѣдователи (*напр.* Шёлль) благоразумно обходятъ этотъ затруднительный вопросъ молчаніемъ; но первое требованіе разумной критики — додумывать всякую мысль до конца и давать себѣ отчетъ въ возможности ея реальнаго примѣненія. Допустимъ, что Клисѳенъ впервые организовалъ безродную массу гражданъ и открылъ для нея доступъ въ свои новыя фратріи — какимъ образомъ онъ могъ это выполнить? Предположимъ ли мы, что онъ соединилъ одну плебейскую семью изъ Элевсина, другую — съ мыса Сунія и т. д. въ одну фратрію съ родомъ эвпатридовъ, жившимъ въ Аѳинахъ, и далъ этому союзу религіозный центръ — въ Марафонѣ? Пусть себѣ только представятъ выполненіе подобной организаціи на дѣлѣ и ту колоссальную работу, которую она бы потребовала: сколько бы гражданъ не попали ни въ одну фратрію, сколько — въ двѣ, три и болѣе! Развѣ не прямое требованіе необходимости — присоединить всѣхъ демотовъ для образованія фратріи къ тому или тѣмъ знатнымъ родамъ, которые уже издревле имѣли и свое мѣсто жительства и свое святилище въ данномъ демѣ? въ такомъ случаѣ по составу членовъ или фратрія совпадала бы съ демомъ или демъ заключалъ бы нѣсколько фратрій. Но скажутъ: не самъ Клисѳенъ приписывалъ демотовъ къ фратріямъ, а предоставилъ это сдѣлать имъ самимъ, какъ подобное узаконеніе существовало и впослѣдствіи для вновь принятыхъ гражданъ (*καὶ προσγράψασθαι πρὸς φυλὴν καὶ δῆμον καὶ φρατρίαν, ἣν ἂν βούληται πλὴν ὅσων οἱ νόμοι ἀπαγορεύουσιν*). Развѣ въ этомъ случаѣ результатъ былъ бы не тотъ же самый?

уясненію, — постепенное развитіе въ силу историческихъ условій не существуетъ для тѣхъ, которые уничтожаютъ, пресѣкаютъ его единымъ актомъ законодательной власти.

Мы, отрицая вовсе всякое вмѣшательство послѣдней во внутреннее устройство фратрій, не затруднимся подыскать вполнѣ логическое толкованіе для указанныхъ фактовъ. Какъ выше было изложено, первоначально родичи несомнѣнно, а также по всей вѣроятности и члены той же фратріи (если не всѣ, то большинство ихъ), владѣли сплошными участками территоріи: здѣсь же послѣднія имѣли свой религіозный центръ, свое необходимое мѣсто собранія, здѣсь при совмѣстномъ жительствѣ ихъ членовъ возникали и общія поселенія, комы по опредѣленію Аристотеля или демы по аѳинской терминологіи; съ теченіемъ времени многіе фраторы переселялись въ другія части страны, а ихъ мѣсто занимали члены другихъ родовыхъ союзовъ, но неизмѣннымъ оставался религіозный центръ, неизмѣннымъ также и мѣсто собранія фратріи въ предѣлахъ того же самаго дема. Такой порядокъ вещей засталъ Клисѳенъ и не нарушилъ его, когда возвелъ по большей части, какъ мы указывали, уже ранѣе существовавшіе демы въ самостоятельныя политическія единицы. Такимъ образомъ жители каждой подобной общины распадались на членовъ той фратріи, которая именно въ ней искони имѣла свой религіозный центръ, и на посторонніе элементы, принадлежавшіе къ другимъ родовымъ дѣленіямъ: конечно, не исключены были случаи, когда то же поселеніе въ своихъ предѣлахъ заключало святилища и общественныя земли двухъ, даже трехъ фратрій, а съ другой стороны въ иныхъ особенно незначительныхъ демахъ могли жить отдѣльные роды, имѣвшіе всѣ свои центры внѣ ихъ черты. Установившійся такимъ образомъ и увѣковѣченный законодательствомъ Клисѳена условія не многимъ разнились отъ тѣхъ, въ которыя впослѣдствіи были поставлены члены его демовъ: въ каждой общинѣ кромѣ настоящихъ демотовъ обитало большее или меньшее число членовъ другихъ общинъ. Весьма естественно, что значительная часть фраторовъ, если не было какихъ-либо особенно неблагопріятныхъ причинъ,

развѣ много нашлось бы оригиналовъ (деликатно выражаясь), которые, живя въ Рамнунтѣ, приписались бы къ фратріи, коей святилище было бы въ Анафлистѣ, а не къ той, чей центръ лежалъ въ самомъ Рамнунтѣ или (за отсутствіемъ таковой) напр. въ сосѣднемъ Мараѳонѣ?

продолжали обитать въ прежнихъ мѣстахъ жительства, въ первоначальномъ поселеніи (т.-е. демѣ) близъ своего центра, напр. Діалеи въ Мирринунтѣ; во всякомъ случаѣ ихъ святилище и мѣсто собранія оставалось тамъ, а слѣдовательно они и посѣщались наиболѣе тѣми фраторами, которые оставались въ данномъ демѣ, и изъ послѣднихъ избирались по преимуществу и должностныя лица фратріи, коимъ удобнѣе было, живя близъ ея центра, блюсти ея интересы — такъ оба фратріарха Діалеевъ были родомъ изъ Мирринунта, а Демотіонидовъ изъ сосѣдняго Ойонъ. Намъ кажется, что естественность и правдоподобіе такого объясненія не только говоритъ въ пользу его, но и служитъ къ подтвержденію нашего воззрѣнія на всю реформу Клисѳена и доказываетъ вполнѣ неприкосновенность родовыхъ дѣленій: теорія, которая не только безъ всякой натяжки объясняетъ извѣстные историческіе факты, но прямо требуетъ ихъ какъ необходимо вытекающія послѣдствія, должна быть признана справедливой, даже помимо категорическаго свидѣтельства такого авторитетнаго писателя, какимъ представляется Аристотель.

Мы не напрасно повторенно и съ различныхъ точекъ зрѣнія освѣщали и подкрѣпляли несомнѣнный для насъ фактъ неприкосновенности родоваго строя: мы надѣемся, что отнынѣ фантасмагорія какого-то преобразованія фратрій и даже родовъ аттическихъ Клисѳеномъ исчезнетъ изъ трактатовъ и учебниковъ по аѳинскому государственному праву. Вся его законодательная дѣятельность по отношенію къ ихъ внутреннему быту ограничилась зачисленіемъ въ эти родовыя единицы нѣкоторыхъ постороннихъ элементовъ, метэковъ и вольноотпущенниковъ, но и послѣднихъ не въ такомъ громадномъ количествѣ, какъ обыкновенно стараются представить. И безъ этого его реформа является дѣломъ геніальнаго ума, тонко задуманнымъ и энергически проведеннымъ: зачѣмъ ему было преобразовывать родовой строй, когда онъ его въ конецъ сломилъ, отнявъ всякое политическое значеніе, кромѣ нѣкоторыхъ религіозныхъ функцій!

Самую краснорѣчивую хвалу воздалъ дѣлу великаго законодателя Гомперцъ, говоря, что „это созданіе цѣльнаго государства изъ полу-искусственныхъ единицъ, изъ союзовъ гражданъ, лишенныхъ сплошнаго территоріальнаго базиса, является одною изъ самыхъ удивительныхъ конценцій, которыя когда-либо зародились въ чело-

вѣческомъ умѣ, соединяя въ себѣ выгоды централизаціи съ преимуществами федерализма“[1]). Мы вполнѣ согласны съ словами извѣстнаго ученаго и не думаемъ ослабить ихъ силы, если укажемъ, что по выше нами изложенному Клисѳеновская реформа вовсе не представляется намъ столь непосредственно и цѣльно зародившейся въ умѣ одного человѣка, какъ Аѳина-Паллада явилась на свѣтъ изъ головы своего отца: его организаціи демовъ предшествовалъ институтъ навкрарій, и тутъ мы наилучше можемъ созерцать ту удивительную постепенность и послѣдовательность въ развитіи государственнаго устройства, которая является самой отличительной чертой и высшей славой аѳинской республики![2]) Навкраріи по общему свидѣтельству должны считаться прямыми предшественниками и прообразами Клисѳеновскихъ демовъ, двѣнадцать прежнихъ триттій — его тридцати, съ которыми онѣ раздѣляютъ и одинаковое числовое отношеніе къ высшимъ единицамъ — филамъ. Точно такъ же и отсутствіе сплошнаго территоріальнаго „базиса“ для этихъ высшихъ дѣленій, которое Гомперцъ выставляетъ какъ бы отличительной чертой Клисѳеновской организаціи, находитъ себѣ полную аналогію въ предшествовавшемъ устройствѣ: какъ мы раньше указали, филы не могли занимать непрерывныхъ частей аѳинской земли и слѣдовательно должны были быть комбинированы изъ разрозненныхъ участковъ различныхъ триттій и навкрарій — только для послѣднихъ несомнѣнно соотвѣтствіе извѣстному сплошному участку земли.

Такимъ образомъ общее и непосредственное впечатлѣніе, получаемое отъ той и другой организаціи, весьма сходно, но коренное различіе, помимо разныхъ частностей, состоитъ въ основной идеѣ. Между тѣмъ какъ въ первомъ сдѣлана попытка ввести территоріальный принципъ въ родовой строй, или, вѣрнѣе, возстановить первоначальное соотвѣтствіе между единицами послѣдняго и дѣленіями страны ради удобства государственной администраціи,

---

[1]) Th. Gomperz, Aristoteles und seine neuentdeckte Schrift von der Staatsverfassung der Athener (въ Deutsche Rundschau. Mai 1891, p. 219—36), p. 230.

[2]) Совершенно неосновательно, слѣдовательно, англійское самодовольство Mr. Kenyon'a, который противопоставляетъ „послѣдовательное“ развитіе конституціи своей родины со времени Magnae Chartae постояннымъ „переворотамъ“ аѳинской республики: такое маленькое „нарушеніе“ послѣдовательности какъ правленіе Rump-Parlament и казнь короля „störet grosse Geister nicht“.

Клисѳенъ вполнѣ отрѣшился отъ мысли такого компромисса, который былъ слишкомъ искусственъ и противорѣчилъ законамъ естественнаго развитія (постепенно должно было дойти до того, что навкраріи и триттіи одной филы были бы населены членами другихъ): онъ совершенно разъединилъ то, что нельзя было соединить, и оставивъ неприкосновеннымъ родовой строй, независимо отъ него и съ рѣшительной послѣдовательностью положилъ въ основу политическихъ дѣленій гражданъ исключительно территоріальный принципъ. Также и дробленіе филъ на разрозненные участки триттій, лежавшіе въ разныхъ областяхъ страны, хотя и оказывается свойственнымъ той и другой организаціи, носитъ совершенно различный характеръ: въ предыдущей оно являлось необходимымъ неудобствомъ, проистекавшимъ помимо воли законодателя изъ стремленія примирить двѣ ирраціональныя величины; въ строго обдуманномъ планѣ Клисѳена оно было сознательно введено въ виду высшихъ политическихъ соображеній. Ему ничто не мѣшало соединить по три смежныхъ триттіи въ одну филу и дать своимъ „территоріальнымъ“ филамъ дѣйствительно сплошную территорію; но онъ этого не сдѣлалъ, чтобы не дать слишкомъ большаго вліянія на государственныя дѣла мѣстнымъ интересамъ и т.-наз. регіональнымъ партіямъ[1]): онъ не хотѣлъ снова пробудить къ жизни и дать политическое освященіе тѣмъ контрастамъ и враждѣ, которые въ продолженіе VI-го вѣка и еще раньше, до Солона, находили себѣ выраженіе въ трехъ партіяхъ Педіэевъ, Діакріевъ и Параліевъ[2]). Напротивъ, онъ воспользовался опытомъ предшествовавшаго времени, чтобы окончательно устранить всякую возможность ихъ новаго возрожденія послѣ изгнанія тирановъ: онъ своимъ вновь образованнымъ филамъ не далъ территоріальнаго единства, и раздѣливъ ихъ по примѣру прежнихъ каждую на три триттіи, бралъ послѣднія изъ трехъ различныхъ частей страны, приблизительно (если не вполнѣ) соотвѣтствовавшихъ областямъ прежнихъ трехъ партій, такъ что члены послѣднихъ объединялись и примирялись внутри каждой филы, и ихъ распри не затрогивали больше интересовъ государства.

[1]) На это указалъ и Аристотель (Ath. Pol. 21, 3), говоря, что Клисѳенъ не хотѣлъ, чтобы его дѣленія совпадали съ прежними, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ не достигъ бы желаемаго результата: *ἀναμίσγεσθαι τὸ πλῆθος*.

[2]) Cfr. Aristot. Ath. Pol. 13, 4.

Вмѣстѣ съ тѣмъ такое удачное примѣненіе естественно возникшихъ условій прежней организаціи вывело его изъ большаго затрудненія, котораго необходимо было избѣгнуть при концентраціи политической жизни на площади Аѳинъ — перевѣса и преобладанія городскаго населенія, всегда изобилующаго пролетаріатомъ и другими неспокойными элементами, склонными къ радикальному направленію въ политикѣ и легко доступными вліянію всякаго демагога. Городскіе и пригородные демы, какъ мы видѣли, не играли никакой особой роли въ его организаціи, такъ какъ они не составляли особой политической группы, а распредѣлялись по различнымъ дѣленіямъ, триттіямъ и филамъ, и въ послѣднихъ соединялись съ другими единицами, состоявшими изъ иныхъ слоевъ народонаселенія съ иными и политическими воззрѣніями и тенденціями. Такимъ образомъ Клисѳенъ достигъ приблизительно тѣхъ же результатовъ, которыхъ добивались въ Римѣ устройствомъ четырехъ городскихъ трибъ, куда включались всѣ неимущіе и неспокойные элементы народа, весь пролетаріатъ, въ такомъ громадномъ количествѣ, что принадлежность къ нимъ стала считаться уменьшеніемъ правъ гражданства, а причисленіе къ нимъ — позоромъ [1]). Очевидно, подобное униженіе извѣстныхъ народныхъ дѣленій, въ теоріи вполнѣ равноправныхъ, должно быть признано крайней мѣрой, вынужденной необходимостью, даже нѣкотораго рода несправедливостью и нарушеніемъ государственнаго устройства, что непремѣнно должно было вызвать неудовольствіе широкихъ слоевъ населенія: организація Клисѳена несомнѣнно стоитъ гораздо выше по достоинству и искусству, съ коимъ законодатель съумѣлъ, не нарушая принципа обще-признаннаго равноправія всякаго гражданина, тѣмъ не менѣе устранить опасность сильнаго вліянія бѣднѣйшихъ классовъ. Если онъ далеко не вполнѣ достигъ этой цѣли, то причиной этому было отчасти дальнѣйшее историческое развитіе (стеченіе въ городѣ большой массы пролетаріевъ благодаря государственной благотворительности и введенію платы за участіе въ политической дѣятельности, равно какъ разореніе значительной части населенія, преимущественно сельскаго, въ тяжелые годы Пелопоннесской войны), а еще болѣе одинъ коренной недостатокъ въ устройствѣ демовъ.

---

[1]) Cfr. Mommsen, Röm. St.-R. III, p. 251, cfr. II, p. 402.

Недостатокъ этотъ является прямымъ наслѣдіемъ родоваго строя, который даже на такого рѣшительнаго реформатора, какъ Клисѳенъ, оказывалъ еще такое вліяніе, что онъ не могъ вполнѣ отрѣшиться отъ нѣкоторыхъ его принциповъ: мы, конечно, имѣемъ въ виду наслѣдственность въ причисленіи гражданъ къ извѣстному дему. Какъ прежде, происхожденіе опредѣляло принадлежность даннаго лица къ роду, фратріи, филѣ, такъ послѣ Клисѳена и несомнѣнно по его установленію изъ поколѣнія въ поколѣніе для всѣхъ гражданъ оставались неизмѣнными ихъ демъ, триттія, фила, какъ бы не мѣнялось ихъ мѣсто жительства и даже поземельная собственность: ничего подобнаго римскому цензу, слѣдившему и бравшему въ разсчетъ такія перемѣны, притомъ въ небольшіе промежутки времени, въ аѳинскомъ государственномъ устройствѣ не было предусмотрѣно. Какъ уже сказано, въ этомъ проявляется вліяніе родоваго строя, но быть можетъ, такое подражаніе его условіямъ даже сознательно проводилось законодателемъ: благодаря вѣковому, наслѣдственному союзу демотовъ, не нарушаемому никакимъ постороннимъ вмѣшательствомъ, они сближались гораздо тѣснѣе между собою, нежели римскіе tribules, и составляли какъ бы одну большую семью или фратрію[1]). При помощи фикціи, играющей у античныхъ народовъ такую громадную роль, какъ она вовсе непонятна для холодныхъ умовъ нашихъ, лишенныхъ пламенной фантазіи дѣтей юга, демоты и филеты могли дѣйствительно чувствовать себя родичами, вполнѣ сознавать себя потомками того героя-эпонима, чьи празднества соединяли ихъ въ общемъ веселіи. Если дѣйствительно подобная цѣль имѣлась въ виду Клисѳеномъ, а не явилась непредвидѣннымъ результатомъ его реформы, то ему должно воздать хвалу не только остраго ума, но и тонкаго чувства и отзывчивости на требованія народнаго духа, какъ его прекрасно характеризуетъ Гомперцъ въ повторенно уже приведенной статьѣ[2]). „Ein System concentrischer Kreise umschloss den Einzelnen und knüpfte ihn an das Staatsganze. Nur innerhalb dieser mit

[1]) На такія близкія отношенія между членами одного дема указываютъ многія мѣста какъ въ рѣчахъ ораторовъ, гдѣ въ числѣ свидѣтелей постоянно рядомъ съ *συγγενεῖς* являются *δημόται*, такъ и въ комедіяхъ Аристофана — такъ наприм. избитый сыномъ Стрепсіадъ взываетъ (Nub. 1322): *ὦ γείτονες καὶ ξυγγενεῖς καὶ δημόται.*

[2]) Th. Gomperz въ D. Rundschau, Mai 1891, p. 228.

besonderen Culten ausgestatteten, von besondern Schutzgöttern behüteten Genossenschaften war es dem Bürger warm und traulich zu Muthe. Dem Staate ohne jede oder nur durch eine gemüthlose Vermittlung (nach Art unserer politischen oder Wahlbezirke) verbunden zu sein — bei solch' einem Gedanken, wenn er anders dem Griechen und zumal dem Athener fassbar gewesen wäre, hätte es ihn durchfröstelt..... Die gemeinsam genossenen Festfreuden sowohl als der Gesammtbesitz von Heiligthümern, Grundstücken, Bibliotheken u. dgl. m. brachte Phylen- und Demengenossen einander nahe und strahlte jene wohlthuende, den Familiengefühlen verwandte Wärme aus, welche der Grieche auch im Bereich des öffentlichen Lebens nicht zu entbehren vermochte".

Но если мы и можемъ понять приблизительно мысли, руководившія законодателемъ, когда онъ сдѣлалъ демы и филы наслѣдственными дѣленіями гражданъ, и должны отдать справедливость устойчивости такой организаціи, которая одна, быть можетъ, была въ состояніи при подобныхъ условіяхъ замѣнить и вполнѣ вытѣснить родовой строй, то нельзя тѣмъ не менѣе заблуждаться и относительно весьма чувствительныхъ неудобствъ, прямо изъ нея вытекавшихъ. На одно мы уже выше указали — скопленіе въ городскихъ и пригородныхъ демахъ массы бѣднѣйшаго населенія изъ сельскихъ общинъ, которая продолжала числиться въ составѣ этихъ послѣднихъ и являлась ихъ представительницей при всякомъ голосованіи, гдѣ брались въ разсчетъ демъ или фила, а не отдѣльная личность. Другое не менѣе важное неудобство состояло въ явленіи, тѣсно связанномъ съ только что упомянутымъ, а именно въ переселеніи многихъ демотовъ изъ своей родной общины въ другія, иногда довольно отдаленныя, что и имѣло весьма вредныя послѣдствія для самоуправленія демовъ и даже для исполненія возложенныхъ на нихъ обще-государственныхъ функцій: значительная часть ихъ членовъ за отдаленностью своихъ мѣстъ жительства не принимали участія въ собраніяхъ демотовъ и въ рѣшеніи дѣлъ, какъ мы видимъ изъ примѣра дема Миррината, гдѣ представилась необходимость особымъ опредѣленіемъ постановить, чтобы по крайней мѣрѣ для важнѣйшихъ дѣлъ было обязательно участіе въ собраніи не менѣе 30 полноправныхъ членовъ[1]).

[1]) C. I. A. II, 578, lin. 22.

Это число нѣкоторые ученые (Шанто, Госсулье и друг.) старались истолковать какъ абсолютное большинство демотовъ, которое требовалось для рѣшенія извѣстныхъ дѣлъ[1]): какъ и у насъ въ подобныхъ случаяхъ необходимо присутствіе не менѣе половины, иногда двухъ третей и т. д. членовъ извѣстнаго собранія для того, чтобы ихъ постановленія имѣли законную силу и могли служить выраженіемъ общаго мнѣнія. Шанто даже полагаетъ (на что въ документѣ нѣтъ ни малѣйшаго указанія), что названные тридцать членовъ должны были быть согласны въ своемъ рѣшеніи, чтобы оно признавалось законнымъ, но съ этимъ нельзя никоимъ образомъ согласиться[2]): во-первыхъ, это значило бы въ большинствѣ случаевъ сдѣлать рѣшеніе невозможнымъ; во-вторыхъ, общій юридическій узусъ всѣхъ народовъ опредѣляетъ, что разъ для законности постановленій какого-либо собранія требуется присутствіе извѣстной минимальной части его членовъ, то внутри ея дѣла рѣшаются большинствомъ голосовъ и недостающая часть вполнѣ игнорируется, хотя бы въ сущности такимъ образомъ постановленіе являлось выраженіемъ взглядовъ абсолютнаго меньшинства. Это неудобство въ современныхъ законодательствахъ и стараются устранить, требуя присутствія не половины, а бо́льшей части ($^2/_3$, $^3/_4$ и т. д.) членовъ извѣстнаго собранія; но и нынѣ не всегда этотъ справедливый принципъ можетъ быть проведенъ, какъ напр. при выборахъ представителей отъ большихъ группъ населенія воздержаніе отъ подачи голоса хотя бы и громаднаго большинства избирателей не влечетъ за собою недѣйствительности выборовъ лица, назначеннаго даже большинствомъ одного лишь голоса изъ поданныхъ. Тѣмъ менѣе дозволительно переносить этотъ принципъ на античныя учрежденія, когда требовалось гораздо болѣе постоянное и интенсивное участіе гражданъ въ управленіи, и слѣдовательно и причинъ для неявки ихъ, произвольной или вынужденной, было болѣе. Самъ Шанто совершенно нечаянно былъ весьма близокъ къ истинѣ, когда въ параллель тридцати демотамъ изъ Мирринунта онъ привелъ аналогію 6000 гражданъ,

[1]) Szanto, Att. Bürgerr., p. 33. Haussoullier, Vie municip., p. 7. Busolt, Gr. Gesch. I, p. 612, not. 1. Gilbert, Gr. St.-Alt. I, p. 193, not. 2.

[2]) Кажется, съ нимъ соглашается и Busolt (l. l. et Gr. Alt., p. 146, not. 7), но онъ выражается неопредѣленно; противорѣчитъ Gilbert, не приводя никакихъ доказательствъ.

коихъ участіе требовалось въ иныхъ случаяхъ для рѣшеній общенароднаго собранія: какъ эти шесть тысячъ являются какою-нибудь десятой долей всѣхъ полноправныхъ гражданъ[1]), такъ и тѣ тридцать по всей вѣроятности далеко не составляли половины всѣхъ демотовъ Мирринунта. Въ доказательство нашего мнѣнія мы можемъ сослаться на несомнѣнный фактъ, что Мирринунтъ былъ центромъ цѣлой триттіи, а таковыми избирались, конечно, по возможности крупные демы, не мелкія мѣстечки съ 70—80 демотами въ родѣ Галимунта[2]).

Такимъ образомъ постановленіе этого дема, требовавшее при важнѣйшихъ дѣлахъ по крайней мѣрѣ присутствія тридцати своихъ членовъ, можетъ служить очевиднымъ доказательствомъ слабаго вообще участія гражданъ въ собраніяхъ муниципальныхъ (демовъ, триттій, филъ), вызваннаго отдаленностью значительной ихъ части отъ центра, къ коему они были приписаны. Другое косвенное указаніе на тотъ же фактъ мы находимъ въ рѣчи Демосѳена противъ Эвбулида, гдѣ ораторъ говоритъ, что въ собраніи демотовъ, гдѣ провѣрялись права гражданства каждаго изъ нихъ, происходила т.-наз. *διαψήφισις*, при первомъ наступленіи сумерекъ большая половина ихъ удалилась, чтобы во-время поспѣть домой[3]): если въ такомъ важномъ дѣлѣ, когда вопросъ шелъ объ ихъ собственномъ гражданскомъ существованіи, значительная часть демотовъ отнеслась такъ индифферентно къ своимъ обязанностямъ и даже интересамъ, то чего можно было ожидать при другихъ обстоятельствахъ? Подобное отношеніе немалой части демотовъ, вызванное помимо ихъ воли указаннымъ недостаткомъ въ организаціи демовъ, вело къ вреднымъ послѣдствіямъ какъ для самоуправленія послѣднихъ, такъ и для обще-государственной администраціи, въ коей они были предназначены по мысли законодателя играть важную

[1]) Въ этомъ числѣ я расхожусь съ большинствомъ новѣйшихъ изслѣдователей, особенно съ Белохомъ (Bevölkerung der griech.-röm. Welt): соображенія, на основаніи коихъ я пришелъ къ такому выводу, будутъ изложены въ Прилож. II (Народонаселеніе Аттики и сравнительная статистика демовъ). Дѣлить общую цифру гражданскаго населенія Аттики на число демовъ, какъ это дѣлаетъ Szanto (op. l., p. 34), во всякомъ случаѣ — праздное упражненіе въ ариѳметикѣ.

[2]) Этотъ выводъ подтверждается и надписями: между тѣмъ какъ Галимунтъ посылалъ въ Совѣтъ трехъ представителей (C. I. A. II, 864, lin. 9), Мирринунтъ избиралъ шестерыхъ (Foucart въ B. d. C. H. XIII, p. 348).

[3]) Dem. in Eubul. (LVII), 10, p. 1302.

роль. Естественно, внутри ихъ пріобрѣтали чрезмѣрное вліяніе нѣкоторые „заправилы“ (употребляя современное выраженіе), умѣвшіе создать себѣ извѣстную партію сторонниковъ: они вели всѣ дѣла въ виду личныхъ своихъ интересовъ и при индифферентности большинства демотовъ легко преодолѣвали всякую оппозицію, преслѣдуя тѣ немногія личности, которыя рѣшались противостать имъ или просто не желали безпрекословно повиноваться ихъ авторитету. До какихъ злоупотребленій могли доходить такія вліятельныя лица или политическіе кружки особенно въ болѣе мелкихъ демахъ, показываетъ съ печальной наглядностью Демосѳенъ въ только-что названной рѣчи и въ нѣкоторыхъ другихъ[1]), свидѣтельствуетъ также и Аристотель, говоря, что участіе демовъ въ выборахъ должностныхъ лицъ послѣ Клисѳена (вѣроятно при возстановленіи демократіи въ архонтство Эвклида) было ограничено въ виду часто повторявшихся случаевъ подкупа и другихъ незаконныхъ продѣлокъ[2]), подтверждаютъ и насмѣшки комиковъ, которые упрекаютъ не разъ демотовъ въ систематической торговлѣ правомъ гражданства, зависѣвшимъ отъ приписки къ извѣстному дему и т. п.[3])

Характеризуя общую идею Клисѳеновскихъ дѣленій по сравненію съ предшествовавшими, мы освѣтили въ подробности существенный недостатокъ геніально задуманной имъ организаціи демовъ и при этомъ уже, мимоходомъ, указали на важнѣйшую черту, отличавшую ее кореннымъ образомъ отъ института навкрарій. Въ послѣднемъ на низшія дѣленія были возложены лишь частныя функціи для облегченія финансовой и военной администраціи го-

---

[1]) Dem. in Eubul. (LVII), 58, p. 1316: *ἐν οὐδενὶ τοίνυν εὑρήσετε τῶν δήμων δεινότερα γεγενημένα τῶν παρ' ἡμῖν. οὗτοι γὰρ (οἱ συνεστῶτες περὶ Εὐβουλίδην) ἀδελφῶν ὁμομητρίων καὶ ὁμοπατρίων τῶν μέν εἰσιν ἀπεψηφισμένοι, τῶν δ' οὔ, καὶ πρεσβυτέρων ἀνθρώπων ἀπόρων, ὧν τοὺς υἱεῖς ἐγκαταλελοίπασιν.*

[2]) Aristot. Ath. Pol. 62, 1: *αἱ δ' ἐν Θησείῳ κληρούμεναι (ἀρχαὶ) διῃροῦντο εἰς τοὺς δήμους· ἐπειδὴ δ' ἐπώλουν οἱ δῆμοι, καὶ ταύτας ἐκ τῆς φυλῆς ὅλης κληροῦσι.* Такъ и Эсхинъ (in Ctes. 62, p. 451) упрекаетъ Демосѳена, что онъ сдѣлался членомъ Совѣта, *οὔτε λαχὼν οὔτ' ἐπιλαχών, ἀλλ' ἐκ παρασκευῆς πριάμενος.*

[3]) Harpocr. s. v. *Ποταμός: ἐκωμῳδοῦντο δὲ ὡς ῥᾳδίως δεχόμενοι τοὺς παρεγγράπτους, ὡς ἄλλοι τε δηλοῦσι καὶ Μένανδρος ἐν ταῖς Διδύμαις.* Страттисъ, поэтъ старой комедіи, тоже написалъ пьесу *Ποτάμιοι*, отъ коей осталось три отрывка (frr. 37—39 ed. Kock, I, p. 722).

сударства, при чемъ даже неизвѣстно, насколько самостоятельно было ихъ дѣйствіе и въ этихъ отрасляхъ, а носителями настоящей политической роли и значенія попрежнему оставались филы родовыя. Клисѳенъ же не только перенесъ послѣднія права и обязанности на дѣленія территоріальныя, значительно притомъ ихъ разширивъ, но вмѣсто высшихъ единицъ, на которыя распадались граждане, выдвинулъ впередъ самыя мелкія — демы и именно ихъ сдѣлалъ главными носителями государственной власти на ряду съ обще-народнымъ собраніемъ.

Подобная роль демовъ, которая далеко не по достоинству оцѣнена до сихъ поръ учеными, несмотря на многочисленныя частныя указанія оффиціальныхъ документовъ, и которая окончательно установлена и уяснена трактатомъ Аристотеля, будетъ въ надлежащей подробности разсмотрѣна и доказана нами ниже; теперь же мы предпошлемъ, ради полной оцѣнки дѣятельности Клисѳена, краткое замѣчаніе насчетъ той идеи, которая легла въ основу подобнаго перенесенія первенствующаго значенія отъ высшихъ единицъ на низшія. Замѣна родоваго принципа территоріальнымъ, о коей мы достаточно говорили выше, сама по себѣ этого преобразованія не требовала: если бы Клисѳенъ сохранилъ прежнюю организацію, то было бы весьма понятно, почему онъ первенство перенесъ отъ филъ (родовыхъ) на навкраріи; но при учрежденіи территоріальныхъ филъ въ этомъ не представлялось, повидимому, никакой необходимости. Прежде всего здѣсь, вѣроятно, дѣйствовало соображеніе, что филы, раздробленныя на отдѣльные поземельные участки и лишенныя территоріальной связи, представляли немалыя затрудненія даже для правильнаго самоуправленія, тѣмъ болѣе для выполненія государственныхъ функцій. Если даже въ такихъ мелкихъ единицахъ, какъ демы, сказывалась въ значительныхъ размѣрахъ невозможность постояннаго участія въ дѣлахъ всѣхъ демотовъ, и управленіе въ сущности, какъ мы только-что изложили, сосредоточивалось въ рукахъ небольшихъ группъ или политическихъ гетерій, то подобное же явленіе, только еще въ значительно усиленной степени, должно было бы сказаться въ филахъ, гдѣ тѣ двѣ триттіи, которыя лежали вдали отъ центра, почти были бы устранены отъ участія въ политической жизни и послѣдняя сдѣлалась бы почти исключительнымъ достояніемъ одной, именно пригородной. Это неудобство должно было про-

явиться тѣмъ рѣзче, что для членовъ филы разрозненность мѣстъ жительства существовала уже въ моментъ самой реформы, для членовъ дема она возникла лишь постепенно съ теченіемъ времени, когда изъ поколѣнія въ поколѣніе уже укрѣпилось сознаніе гражданскихъ обязанностей и укоренилась въ болѣе широкихъ слояхъ населенія привычка и любовь къ участію въ государственныхъ дѣлахъ, которыя еще не могли существовать, по крайней мѣрѣ, въ среднихъ и низшихъ классахъ народа въ эпоху Клисѳена, и которыя этотъ законодатель всѣми средствами старался пробудить и привить. Извѣстно, что въ древнѣйшія времена все управленіе государственное сосредоточивалось въ рукахъ эвпатридовъ, и хотя реформы Дракона и Солона дали низшимъ классамъ, обладавшимъ извѣстнымъ цензомъ, большее участіе въ политической жизни, — послѣдніе, не имѣя никакого навыка въ дѣлахъ и чувствуя лишь тягость этихъ новыхъ обязанностей, никакихъ выгодъ имъ не дававшихъ, охотно отъ нихъ уклонялись; это доказываетъ законъ Дракона, опредѣлявшій особые штрафы для членовъ совѣта за непосѣщеніе его засѣданій[1]). Тотъ же недостатокъ общественнаго духа въ низшихъ слояхъ народа сказывается въ ихъ склонности поддержать всякаго человѣка, пользовавшагося ихъ довѣріемъ, въ стремленіи къ единовластію, — изъ этой среды исходили предложенія, дѣлаемыя въ этомъ смыслѣ Солону и съ негодованіемъ имъ отвергнутыя[2]), въ ней же нашелъ самыхъ рѣшительныхъ сторонниковъ и Писистратъ, не отличавшійся щепетильностью своего родича[3]): простой народъ готовъ былъ подчиниться всякому тиранну, лишь бы онъ его защищалъ отъ тяжелаго преобладанія въ государствѣ эвпатридовъ и освободилъ отъ необходимости самому вести постоянно эту борьбу путемъ болѣе дѣятельнаго личнаго участія въ управленіи, связаннаго съ большой тратой времени и труда и большимъ ущербомъ для частнаго

[1]) Arist. Ath. Pol. 4, 3: *εἰ δέ τις τῶν βουλευτῶν, ὅταν ἕδρα βουλῆς ἢ ἐκκλησίας ᾖ, ἐκλείποι τὴν σύνοδον, ἀπέτινον ὁ μὲν πεντακοσιομέδιμνος τρεῖς δραχμάς, ὁ δὲ ἱππεὺς δύο, ὁ ζευγίτης δὲ μίαν.* Cfr. ibid. 8, 5: *ὁρῶν (Σόλων) τῶν πολιτῶν ἐνίους διὰ τὴν ῥαθυμίαν ἀγαπῶντας τὸ αὐτόματον, νόμον ἔθηκε πρὸς αὐτοὺς ἴδιον, ὃς ἂν στασιαζούσης τῆς πόλεως μὴ τιθῆται τὰ ὅπλα μηδὲ μηθ' ἑτέρων, ἄτιμον εἶναι καὶ τῆς πόλεως μὴ μετέχειν.*

[2]) Sol. fr. 32, 33 (Bergk) et ap. Arist. Ath. Pol. 12, 3: *οὐδέ μοι τυραννίδος ἀνδάνει βίᾳ τι ῥέζειν.*

[3]) Arist. Ath. Pol. 12 et 13.

хозяйства. Подобный опытъ по всей вѣроятности не пропалъ даромъ для Клисѳена, а желаніе предупредить повтореніе тѣхъ же явленій должно было навести его умъ на такую организацію, которая бы „соединяла выгоды централизаціи съ преимуществами федерализма“: изъявъ нѣкоторую часть, притомъ немаловажную, государственныхъ отправленій изъ рукъ обще-народнаго собранія или высшихъ дѣленій и передавъ ее низшимъ, самымъ тѣсно сплоченнымъ единицамъ, онъ могъ надѣяться, что вызоветъ болѣе интенсивное участіе въ этихъ дѣлахъ гражданъ, такъ какъ вообще коммунальный духъ легче развивается и въ простомъ народѣ, нежели политическое сознаніе. Когда напр. выборы членовъ Совѣта отъ филъ перешли къ демамъ[1]), то естественно, каждая группа демотовъ (а изъ совокупности всѣхъ такихъ группъ составлялось гражданство) принимала въ нихъ болѣе ревностное участіе, такъ какъ чувствительнѣе затрогивались личные интересы, возбуждались симпатіи и антипатіи: дѣло шло, вѣдь, не о малопзвѣстныхъ кандидатахъ, къ коимъ большинство могло относиться вполнѣ безразлично, а о членахъ той же общины, являвшихся для своихъ избирателей частью родственниками, частью знакомыми, то друзьями, то врагами! Этотъ частный примѣръ наилучше показываетъ, какъ важная роль, предоставленная демамъ въ управленіи, должна была развивать политическій духъ гражданъ, и едва ли подобное соображеніе могло ускользнуть отъ геніальнаго законодателя. Вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсныя границы дема, ограниченное число его членовъ и относительная легкость возложенныхъ на него функцій соотвѣтствовала узкому кругозору еще мало-опытныхъ гражданъ двухъ низшихъ сословій, какими мы должны ихъ считать въ концѣ VI-го вѣка: демъ именно удобнѣе всего могъ имъ служить школой, гдѣ они пріучались къ завѣдыванію общественными дѣлами и подготовлялись къ болѣе широкой дѣятельности въ обще-народномъ собраніи, въ Совѣтѣ, въ административныхъ должностяхъ, — такому своему назначенію онъ не измѣнялъ и въ послѣдующія времена, когда въ немъ именно воспитывались къ политической жизни все новыя и новыя поколѣнія гражданъ[2]). Наконецъ рѣшающимъ моментомъ въ пользу дема противъ филъ было то обстоятельство, что послѣднія являлись

[1]) Cfr. Arist. Ath. Pol. 8, 4 et 62, 1.

[2]) По этому поводу срвн. замѣчанія Haussoullier, Vie municip. p. 176.

искусственными созданіями законодателя, между тѣмъ какъ первые по вышеизложенному большею частью возникли издавна вполнѣ естественнымъ путемъ въ силу историческихъ условій и потому имѣли гораздо болѣе жизненной силы: нѣтъ сомнѣнія, что жители одного селенія, одной долины или горнаго склона задолго до Клисѳена собирались для поклоненія общимъ богамъ и героямъ, для принесенія имъ жертвъ, для совершенія празднествъ и игръ, собирались также для совмѣстнаго обсужденія общихъ дѣлъ и интересовъ своего околотка — и тутъ законодатель только воспользовался уже ранѣе существовавшими формами общественной жизни и ограничилъ свою дѣятельность лишь тѣмъ, что влилъ въ нихъ новое содержаніе и далъ имъ новую цѣль — служеніе на пользу всему аѳинскому государству и народу. Великая заслуга Клисѳеновской реформы, какъ мы уже нѣсколько разъ въ отдѣльныхъ пунктахъ указывали, состоитъ не въ томъ, чтобы она сломала совершенно все старое и во всѣхъ отношеніяхъ замѣнила его новыми построеніями, а въ томъ искусствѣ и геніальной проницательности, съ которою онъ съумѣлъ отгадать всѣ дѣйствительно способные на дальнѣйшее развитіе элементы народной жизни и государственнаго устройства и всѣ ихъ соединить съ легкимъ лишь измѣненіемъ и приспособленіемъ въ грандіозное зданіе аѳинской демократіи: это и обезпечило ей вѣковое существованіе далеко за предѣлы, поставленные греческой независимости.

Указавъ такимъ образомъ на тѣ причины и цѣли, которыми долженъ былъ руководиться законодатель, когда предназначилъ важнѣйшія функціи въ государственномъ организмѣ именно самымъ низшимъ единицамъ предпочтительно передъ высшими, мы теперь перейдемъ къ болѣе обстоятельному разсмотрѣнію тѣхъ правъ и обязанностей, кои были имъ возложены на каждый классъ его дѣленій (демы, триттіи, филы), преимущественно именно по отношенію ко всему государству, и тѣмъ самымъ докажемъ основную мысль, нами высказанную по поводу распредѣленія этихъ функцій.

Относительно самоуправленія отдѣльныхъ единицъ, его органовъ и механизма мы распространяться не станемъ: во-первыхъ, эти вопросы только косвенно затрогиваютъ нашу главную цѣль; во-вторыхъ, весь имѣющійся въ нашемъ распоряженіи не особенно

богатый матеріалъ самымъ тщательнымъ образомъ разработанъ съ одинаковою ученостью и талантомъ парижскимъ профессоромъ Госсулье въ его книгѣ: „Муниципальная жизнь въ Аттикѣ въ IV-мъ вѣкѣ“[1]). Изъ этой книги, которую можно упрекнуть развѣ только иногда въ избыткѣ фантазіи и слишкомъ легкомъ обобщеніи частныхъ фактовъ, и мы позаимствуемъ тѣ краткія свѣдѣнія, кои для большаго удобства считаемъ нужнымъ здѣсь сообщить.

Каждое изъ названныхъ дѣленій, демъ, триттія, фила, имѣло свое отдѣльное собраніе, которое въ отличіе отъ обще-народнаго называлось агорой (*ἀγορά*, а не *ἐκκλησία*)[2]); въ немъ принимали участіе по праву всѣ граждане, приписанные къ данному дѣленію, по достиженіи ими совершеннолѣтняго возраста, т.-е. 20-го года отъ роду, единовременно съ открытіемъ имъ доступа и въ экклезію[3]); подобныя собранія намъ засвидѣтельствованы лишь для демовъ и филъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что они существовали и для каждой триттіи, такъ какъ и здѣсь были необходимы хотя бы для выборовъ должностныхъ лицъ. Какъ часто происходили въ годъ эти собранія, неизвѣстно. Для демовъ, по крайней мѣрѣ, можно утвердительно сказать, что ихъ было установлено нѣсколько въ годъ: упоминаются не только *ἀρχαιρεσίαι*, т.-е. выборныя собранія[4]), но и *κυρία ἀγορά* или главное собраніе (какъ можно перевесть это выраженіе по аналогіи съ обще-государственными учрежденіями)[5]); слѣдовательно необходимо предположить существованіе и другихъ, предназначенныхъ для второстепенныхъ или экстренныхъ дѣлъ, которыя начальникъ дема могъ созывать по своему усмотрѣнію или по предписанію высшей вла-

---

1) Bernard Haussoullier, La vie municip. en Attique au IV-me siècle. 1884.

2) На эту разницу между терминами *ἀγορά* и *ἐκκλησία* указалъ уже Schömann, De Com., p. 27, ссылаясь на Эсхина (in Ctes. 27, p. 421): *ἔγραψε ψήφισμα Δημοσθένης, ἀγορὰν ποιῆσαι τῶν φυλῶν*. Bekker, Anecd. I, p. 327: *ἀγορά· συνέδριον φυλετῶν ἢ δημοτῶν, οἱονεὶ σύλλογος*. Böckh, въ C. I. G. I, p. 105. C. I. A. II, 564, lin. 22.

3) Приписывались къ дему юноши въ 18 лѣтъ, но два года должны были пробыть въ отрядѣ эфебовъ: *διεξελθόντων δὲ τῶν δυεῖν ἐτῶν ἤδη μετὰ τῶν ἄλλων εἰσίν* (Aristot. Ath. Pol. 42, 5).

4) *Ἀρχόντων ἀγορά:* Dem. in Leoch. (XLIV), 36, p. 1091; *ἀρχαιρεσίαι:* ibid. 39, p. 1092, Isaei de Apollod. her. (VII), 28 et Schömann, Comm. p. 369.

5) *Ἀγορὰ κυρία* (дема): C. I. A. II, 585; (филы): ibid. 555; *ἡ ἀγορὰ ἡ μετὰ Πάνδια:* ibid. 554 b.

сти. Въ триттіяхъ и филахъ собранія, естественно, происходили еще рѣже соотвѣтственно большей затруднительности для членовъ и меньшему числу дѣлъ, но о нихъ не дошло до насъ ни малѣйшихъ свѣдѣній. Важнѣйшимъ дѣломъ этихъ собраній были выборы должностныхъ лицъ разнаго рода, необходимыхъ для веденія дѣлъ данной общины: главными изъ нихъ были демархъ *(δήμαρχος)*, триттіархъ *(τριττύαρχος)* и начальники филъ *(ἐπιμεληταὶ τῆς φυλῆς)* — первыхъ было по одному на соотвѣтственное дѣленіе, послѣднихъ по нѣскольку на каждую филу [1]). Рядомъ съ ними стояли, какъ ихъ помощники до нѣкоторой степени, казначеи, которые въ различномъ числѣ засвидѣтельствованы намъ какъ для демовъ, такъ и для филъ, но вѣроятно назначались и для триттій [2]); кромѣ этихъ магистратовъ существовали, по крайней мѣрѣ въ демахъ, подъ названіемъ эвтиновъ и синегоровъ особенныя должностныя лица, коихъ обязанности ограничивались пріемомъ отчетовъ отъ сановниковъ, выходящихъ изъ должности [3]). Къ магистратамъ въ извѣстномъ смыслѣ могутъ быть причислены и жрецы, особенно многочисленные въ демахъ, но несомнѣнно существовавшіе и въ

---

[1]) О демархѣ срвн. Haussoullier, op. l. p. 57 sqq. О триттіархѣ срвн. Poll. VIII, 109: *ὁ τῆς τριττύος ἄρχων τριττύαρχος ἐκαλεῖτο. Οἱ τριττύαρχοι* упоминаются въ надписяхъ начала III-го в. (C. I. A. II, 297, 298, 300), когда они вмѣстѣ съ *ὁ ἐξεταστὴς* производятъ нѣкоторыя расплаты, но о числѣ ихъ положительнаго ничего неизвѣстно: по аналогіи учрежденій о. Делоса можно думать, что ихъ было по три на филу. *Ἐπιμεληταὶ τῆς φυλῆς* называются всегда во множественномъ числѣ, но безъ точнаго указанія ихъ числа: *τοὺς ἐπιμελητὰς τοὺς ἀεὶ καθισταμένους κατ' ἐνιαυτόν* (C. I. A. II, 564: Эрехѳеиды); *οἱ ἐπιμεληταὶ τῆς φυλῆς* (C. I. A. II, 553, 556, 558, 559: Пандіониды; 567 b: Гиппоѳонтиды). Трое эпимелетовъ Кекропиды дѣлаютъ приношеніе: C. I. A. II, 1209; если считать эпимелетами трехъ гражданъ, увѣнчанныхъ Пандіонидой (C. I. A. II, 558), то можетъ быть, дозволено будетъ считать это число нормальнымъ для всѣхъ филъ.

[2]) Казначеевъ въ каждомъ болѣе крупномъ демѣ было обыкновенно по нѣскольку (напр. C. I. A. II, 570 въ Плоѳеѣ, 573 въ Пиреѣ), но иногда и одинъ (напр. въ Элевсинѣ: C. I. A II, 574). Казначей филы упоминается: C. I. A. II, 565 (неизвѣстный) и 1209 (Кекропиды).

[3]) Законную процедуру при пріемѣ отчетовъ отъ магистратовъ излагаетъ надпись изъ Мирринунта (C. I. A. II, 578). Объ этомъ вопросѣ срвн. кромѣ Haussoullier, op. l. p. 80, Szanto, Unters. über d. Att. Bürgerr. p. 33 и особенно прекрасное изслѣдованіе R. Schöll'я, De Synegoris atticis (1876), p. 29. Объ отчетности въ филахъ мы знаемъ лишь, что эпимелеты были обязаны давать отчетъ къ концу года: Aesch. in Ctes. 30, p. 425; cfr. C. I. A. II, 567 b: *τοὺς ἐπιμελητὰς.....λογίσασθαι τῇ φυλῇ.*

триттіяхъ и филахъ[1]), такъ какъ они кромѣ совершенія жертвоприношеній и другихъ религіозныхъ обрядовъ принимали дѣятельное участіе въ управленіи, особенно финансовомъ, въ администраціи священныхъ земель и денегъ и въ попеченіи о благолѣпіи храмовъ и святилищъ.

Въ сущности этими отраслями почти и изчерпывалось самоуправленіе дема: правильное отправленіе установленнаго культа и совершеніе празднествъ со всѣмъ къ нимъ относящимся (т.-е. зрѣлищами, угощеніемъ демотовъ и т. д.) составляли главный предметъ заботы какъ демарха и остальныхъ магистратовъ, такъ и агоры демотовъ. Такъ какъ для этихъ цѣлей необходимы были немалыя издержки, то само собою разумѣется, особенно строго пеклись о хорошемъ финансовомъ управленіи[2]): общественныя земли отдавались въ аренду, а капиталы — на проценты, при чемъ собраніе устанавливало общія нормы, а магистраты (демархъ, казначеи, жрецы) заботились о строгомъ, но возможно болѣе выгодномъ ихъ выполненіи въ частностяхъ. Но такъ какъ всѣхъ этихъ средствъ было недостаточно для покрытія требуемыхъ расходовъ, то обращались къ частной щедрости болѣе богатыхъ жителей дема: то въ видѣ добровольныхъ экстренныхъ пожертвованій, то въ формѣ обязательныхъ очередныхъ литургій, они вносили довольно значительныя суммы опять-таки на тѣ же цѣли, возобновленіе или постройку храма, театральныя представленія, снаряженіе хоровъ, угощеніе демотовъ. За это послѣдніе награждали ихъ всѣми тѣми отличіями, которыя и государство опредѣляло для заслуженныхъ гражданъ, вѣнками, публичными похвалами, проедріей на зрѣли-

---

[1]) О различныхъ должностяхъ жрецовъ въ демахъ срвн. Haussoullier, op. l. p. 136. Относительно филъ ни о какихъ другихъ жрецахъ, кромѣ *ἱερεὺς τοῦ ἐπωνύμου*, не упоминается: въ классическую пору называется только въ Пандіонидѣ *ἱερεὺς τοῦ Πανδίονος Δήμων Δημομέλους Παιανιεύς* (C. I. A. II, 554 b), и другой, *Ἀντισθένης Ἀντιφάτους Κυθήρριος* (C. I. A. II, 1179). Въ III и II вв. до Р. Х. этотъ *ἱερεὺς τοῦ ἐπωνύμου* входилъ непремѣнно въ составъ притановъ своей филы, какъ можно заключить изъ надписей (C. I. A. II, 393 et 431), гдѣ онъ удостоивается похвалы вмѣстѣ съ другими ихъ сановниками: *ἐπαινέσαι δὲ καὶ τὸν γραμματέα .... καὶ τὸν ἱερέα τοῦ ἐπωνύμου.*

[2]) Нѣкоторыя замѣчанія относительно финансоваго управленія демовъ можно найти у O. Müller'a, De demis atticis, p. 58 и Szanto, Über d. att. Bürgerr. p. 37; подробную картину постарался представить Haussoullier, op. l., p. 62 et 164.

щахъ, освобожденіемъ отъ податей, и если жертвователь былъ членомъ другаго дема, то всѣми почетными правами демотовъ (напр. освобожденіемъ отъ платы за право жительства — *ἐγκτητικόν*), за исключеніемъ права участія въ ихъ собраніи[1]).

Точно такое же понятіе можно себѣ составить о самоуправленіи триттій и филъ, о кругѣ дѣлъ, входившихъ въ ихъ компетенцію и объ отношеніяхъ ихъ магистратовъ къ агорѣ членовъ даннаго народнаго дѣленія, хотя недостатокъ подлинныхъ документовъ не дозволяетъ намъ развить эту картину даже въ тѣхъ подробностяхъ, какія даетъ авторъ „муниципальной жизни въ демахъ“ — для триттій мы не имѣемъ ни одного свидѣтельства, ни надписей, ни авторовъ вовсе, для филъ весьма немногія и малосодержательныя. Можно только a priori предположить, что дѣятельность и тѣхъ и другихъ, особенно же филъ, въ отношеніи самоуправленія была гораздо слабѣе, вообще внутренняя жизнь менѣе интенсивна, чѣмъ въ отдѣльныхъ демахъ. И здѣсь, вѣдь, попеченіе о правильномъ совершеніи религіозныхъ обрядовъ и установленныхъ празднествъ больше еще, нежели въ демахъ, должно было составлять все ея содержаніе; но если еще въ иныхъ триттіяхъ могли существовать старинные культы, которые были по извѣстной уже намъ тенденціи оставлены неприкосновенными законодателемъ[2]), то во всякомъ случаѣ для филъ мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія предположить какія-нибудь другія культовыя учрежденія, кромѣ капличы, можетъ быть просто алтаря героя-

[1]) Подобныхъ хвалебныхъ декретовъ отъ имени различныхъ демовъ до насъ дошло такъ много, что приводить отдѣльные примѣры излишне; достаточно указать на постановленія Пирейцевъ въ честь Каллидаманта изъ Холлидъ (C. I. A. II, 589): *ἐπαινέσαι Καλλιδάμαντα καὶ στεφανῶσαι θαλλοῦ στεφάνῳ . . . . καὶ ὅταν θύωσι Πειραεῖς ἐν τοῖς κοινοῖς ἱεροῖς, νέμειν καὶ Καλλιδάμαντι μερίδα καθάπερ καὶ τοῖς ἄλλοις Πειραιεῦσιν καὶ συνεστιᾶσθαι Κ. μετὰ Πειραιέων ἐν ἅπασι τοῖς ἱεροῖς πλὴν εἴ που αὐτοῖς Πειραιεῦσιν νόμιμόν ἐστιν εἰσιέναι, ἄλλῳ δὲ μὴ· κατανεῖμαι δὲ αὐτὸν καὶ εἰς τριακάδα ἣν ἂν αὐτὸς βούληται, εἶναι δὲ αὐτῷ καὶ προεδρίαν ἐν τῷ θεάτρῳ . . . . καὶ εἰσαγέτω αὐτὸν ὁ δήμαρχος . . . . τελεῖν δὲ αὐτὸν τὰ αὐτὰ τέλη ἐν τῷ δήμῳ ἅπερ ἂν καὶ Πειραιεῖς, καὶ μὴ ἐκλέγειν παρ' αὐτοῦ τὸν δήμαρχον τὸ ἐγκτητικόν· ἀνειπεῖν δὲ ἐν τῷ θεάτρῳ τὸν κήρυκα τραγῳδῶν τῷ ἀγῶνι ὅτι στεφανοῦσι Πειραιεῖς Κ. . . . . ἀναγράψαι τόδε τὸ ψήφισμα* etc.

[2]) Напр. въ триттіи Пирейцевъ то древнее религіозное единство, которое съ незапамятныхъ временъ освящало союзъ т.-наз. *τετρακώμων*, изъ коихъ, впрочемъ, исключенъ былъ Фалеръ.

эпонима, возлѣ котораго не чаще, чѣмъ разъ въ мѣсяцъ совершались положенныя жертвоприношенія.

Соотвѣтственно этому финансовое управленіе въ нихъ не могло быть особенно сложно: расходы были самые незначительные, но за то и доходы едва ли были велики. Общественныхъ земель не должно было почти существовать, такъ какъ эти дѣленія были искусственно созданы законодателемъ, слѣдовательно собственности сами по себѣ имѣть не могли, а должны бы были таковою быть надѣлены при учрежденіи изъ государственныхъ имуществъ или пріобрѣсть ее впослѣдствіи путемъ купли: и то и другое могло совершиться лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ[1]). Капиталовъ свободныхъ также быть не могло сколько-нибудь значительныхъ, такъ какъ при отсутствіи поземельной собственности имъ не откуда было образоваться, кромѣ изъ правильныхъ взносовъ членовъ, а послѣдніе, вѣроятно, облагались лишь настолько, чтобы покрыть ежегодные расходы[2]), довольно незначительные, какъ мы уже упоминали. Культъ героя-эпонима не могъ требовать большихъ издержекъ[3]), празднествъ и зрѣлищъ, этой существенной статьи расхода для демовъ, почти не существовало (театровъ, какіе имѣли многіе демы не было ни въ одной триттіи, ни въ одной филѣ); слѣдовательно самой крупной цифрой въ бюджетѣ были расходы на чествованіе заслуженныхъ членовъ филы (о триттіяхъ мы ничего не знаемъ) золотыми вѣнками, памятными досками *(στήλαι)* и т. п., но и послѣдніе, хотя являлись почти постоянной статьей, не могутъ быть оцѣнены слишкомъ высоко, едва ли не ниже отпо-

[1]) Сохранился, однако, контрактъ неизвѣстной филы по сдачѣ въ аренду общественнаго поля (C. I. A. II, 565). Въ другомъ декретѣ (C. I. A. II, 564) упоминается о постановленіи филы Эрехѳеиды: *οἱ ἐπιμεληταὶ οἱ ἀεὶ καθιστάμενοι κατ' ἐνιαυτὸν βαδίζοντες ἐπὶ τὰ κτήματα δὶς τοῦ ἐνιαυτοῦ ἐπισκοπῶνται τά τε χωρία εἰ γεωργεῖται κατὰ τὰς συνθήκας, καὶ τοὺς ὅρους εἰ ἐφεστήκασιν κατὰ τὰ αὐτά.*

[2]) На это указываютъ заключительныя слова въ декретѣ Гиппоѳонтиды (C. I. A. II, 567 b): *τοὺς ἐπιμελητὰς ὁ τι δ' ἂν ἀνάλωμα γένηται λογισάσθαι τῇ φυλῇ*— значитъ, свободныхъ денегъ для уплаты не было и эпимелетамъ предоставлялось поставить расходы въ счетъ для позднѣйшаго пополненія.

[3]) У Демосѳена (in Timocr. (XXIV), 8, p. 702) упоминаются *χρήματα πολλὰ .... τῶν ἐπωνύμων;* схоліи къ этому мѣсту замѣчаютъ (Dindorf. Dem. IX, p. 737): *ἡ γὰρ πόλις ἐλάμβανε τὸ διπλοῦν* (Sauppe: *δίμοιρον*), *ἡ δὲ Ἀθηνᾶ τὸ δέκατον, οἱ δὲ ἐπώνυμοι τὸ πεντηκοστόν,* но авторитетъ ихъ не настолько великъ, чтобы можно было это принять на вѣру.

сительно, нежели въ какомъ-нибудь крупномъ и богатомъ демѣ, напр. въ Эксонѣ (*Αἰξώνη*), если мы вправѣ обобщить данныя изъ тѣхъ и другихъ дошедшихъ до насъ документовъ[1]). Главные расходы филетовъ принадлежали другой области — это были налоги и повинности обще-государственные, и мы такимъ образомъ дошли до вопроса, насъ спеціально интересующаго: какая роль въ государственномъ управленіи была предоставлена Клисѳеновскимъ дѣленіямъ, какія задачи на нихъ возложены?

Филы, чтобы начать съ этихъ высшихъ единицъ, имѣли прежде всего право быть представленными равномѣрно въ извѣстныхъ магистратскихъ коллегіяхъ и правительственныхъ органахъ, отъ чего со времени Клисѳена въ послѣднихъ преобладала десятичная система. Мы не станемъ перечислять всѣ эти коллегіи, иначе намъ бы пришлось привесть всѣхъ почти аѳинскихъ магистратовъ, а назовемъ лишь важнѣйшія и притомъ тѣ, для коихъ опредѣленное отношеніе къ филамъ доказывается или прямыми свидѣтельствами древнихъ авторовъ или достовѣрными выводами изъ эпиграфическихъ документовъ. Относительно архонтовъ мы теперь знаемъ изъ трактата Аристотеля, что каждая фила ставила по десяти кандидатовъ (сначала по выбору, а потомъ по жребію), изъ коихъ назначалось по жребію на должность по одному на каждую — девять архонтовъ и секретарь ѳесмоѳетовъ[2]): странно сказать, что подобное отношеніе къ филамъ было уже раньше предугадано Тельфи и Зауппе, изъ коихъ послѣдній ошибся лишь тѣмъ,

---

[1]) Всѣ почти извѣстные декреты филъ имѣютъ содержаніемъ награжденіе заслуженныхъ членовъ (C. I. A. II, 553—563, 554 b, 565—569, 567 b). Награда самая обыкновенная — похвала и воздвиженіе памятной *στήλης* (напр. 553); къ этому присоединяется освобожденіе отъ литургій: *δοῦναι αὐτῷ ἀτέλειαν τῶν ἐκ τῶν νόμων λητουργιῶν ἁπασῶν ἐφ' ὃ ἂν ζῇ* (554 b, cfr. 557); далѣе — вѣнокъ изъ зелени (*θαλλοῦ στέφανος*: 553, 557, 559, 563, 567 b) или изъ золота (562, 564, 567, 554 b, иногда въ 500 драхмъ: 555, 558); разъ къ этому присоединяется обѣщаніе взять подъ свое попеченіе *θυγατέρα ἐπίκληρον ὅπως ἂν μηδ' ὑφ' ἑνὸς ἀδικῆται* (564), въ другомъ случаѣ — выдача 50 драхмъ на жертвоприношеніе (558). — Въ Эксонѣ нерѣдко упоминается въ видѣ награды золотой вѣнокъ въ 100 драхмъ (C. I. A. II, 585; Mitth. IV, 194) и выдача 10 драхмъ на жертвоприношеніе (C. I. A. II, 579).

[2]) Aristot. Ath. Pol. 8, 1; 55, 1: *νῦν δὲ κληροῦσιν θεσμοθέτας μὲν ἐξ καὶ γραμματέα τούτοις, ἔτι δ' ἄρχοντα καὶ βασιλέα καὶ πολέμαρχον κατὰ μέρος ἐξ ἑκάστης φυλῆς.*

что десятой предоставилъ назначеніе гіеромнемона[1]). Другая коллегія важнѣйшихъ сановниковъ аѳинскаго государства — стратеги также первоначально избирались по одному на филу, какъ уже раньше предполагали многіе ученые и принимали также и мы, основываясь на свидѣтельствѣ Плутарха и Ксенофонта и на указаніяхъ надписей, между тѣмъ какъ противники ссылались на слова Поллукса, что стратеги назначались ἐξ Ἀθηναίων ἁπάντων[2]): теперь изъ Аристотеля мы узнали, что первый способъ былъ въ ходу въ V-мъ в., второй введенъ въ слѣдующемъ[3]), когда оскудѣніе народныхъ силъ вызвало необходимость освободиться отъ подобныхъ стѣсненій при выборѣ военачальниковъ — Поллуксъ только сократилъ слова Аристотеля. По филамъ также назначались и выборные военные сановники, таксіархи для пѣхоты и филархи для конницы; изъ филъ же выбирались по жребію и важнѣйшіе финансовые управители, казначеи богини Аѳины и другихъ боговъ по свидѣтельству надписей и Аристотеля, также и аподекты и полеты (по Аристотелю) и гелленотаміи (по надписямъ), равно какъ и государственные контролеры, т.-наз. эвтины[4]). Можно предположить съ большимъ правдоподобіемъ, что и остальныя коллегіи, состоявшія изъ десяти членовъ, выбирались по жребію также соотвѣтственно филамъ, такъ какъ даже при назначеніи пяти εἰσαγωγεῖς послѣднія брались въ разсчетъ такимъ образомъ, что по двѣ давали одного представителя[5]); Аристотель, кажется, также подтверждаетъ подобное установленіе, говоря, что „изъ властей

---

[1]) Télfy, Corpus iuris attici (1868), p. 471, ссылался на Schol. Aristoph. Plut. 277 et Vesp. 775 *(οἱ θεσμοθέται καὶ δέκατος ὁ γραμματεὺς κληροῦσι τοὺς δικαστὰς τοὺς τῆς αὐτῆς φυλῆς ἕκαστος)* и дѣлалъ выводъ: „igitur γραμματεύς, quem archontes sibi adlegebant, quasi decimus archon est considerandus". Sauppe, De creatione arch. att. (1864), p. 22: „Athenis singulos quotannis archontes ex singulis tribubus creatos esse". De amphictionia delphica et hieromnemone attico (1873), p. 12: „ex decima tribu, cuius in archontum sortitione partes nullae essent, hieromnemonem quotannis sortito electum esse". Cfr. Schömann, Gr. Alt. I, p. 435, 585.

[2]) Plut. v. Cim. 8; Xen. Memor. III, 4, 1. Cfr. Poll. VIII, 87.

[3]) Aristot. Ath. Pol. 61, 1: *χειροτονοῦσι στρατηγοὺς δέκα, πρότερον μὲν ἀφ' ἑκάστης φυλῆς ἕνα, νῦν δ' ἐξ ἁπάντων.*

[4]) Aristot. Ath. Pol. 61, 3, 5; 47, 1 (cfr. C.I. A. I, 32 A, l. 13); 47, 2; 48, 1, 4.

[5]) Aristot. Ath. Pol. 52, 2: *κληροῦσι δὲ καὶ εἰσαγωγέας ε' ἄνδρας, οἳ τὰς ἐμμήνους εἰσάγουσι δίκας, δυοῖν φυλαῖν ἕκαστος.*

тѣ, которыя назначались по жребію вмѣстѣ съ девятью архонтами (въ народномъ собраніи, какъ мы знаемъ изъ другихъ источниковъ), прежде избирались изъ всей филы, а остальныя, поставляемыя по жребію въ храмѣ Тезея, распредѣлялись по демамъ, но такъ какъ демы продавали эти мѣста, то и на нихъ стали назначать жеребьеваніемъ изъ цѣлой филы"; конечно, тутъ можетъ идти рѣчь только о большихъ корпораціяхъ въ родѣ тѣхъ, которыя Аристотель исключаетъ, прибавляя: „кромѣ членовъ совѣта (500) и стражей (въ арсеналахъ ихъ было 500 и 50 въ городѣ), ихъ и теперь предоставляютъ избирать демотамъ", а не о мелкихъ коллегіяхъ въ десять человѣкъ, коихъ нельзя даже „распредѣлить по демамъ" [1]).

Слѣдовательно мы можемъ принять за достовѣрное, что всѣ магистраты аѳинскаго государства (*ἀρχαὶ* или *ἄρχοντες* въ широкомъ смыслѣ этого слова) назначались соотвѣтственно филамъ (по одному большею частью на каждую), за исключеніемъ нѣкоторыхъ единичныхъ, гдѣ само число препятствовало такому установленію, напр. *ταμίας τῶν στρατιωτικῶν, ὁ ἐπὶ τῇ διοικήσει* или два гипарха, архонтъ для Саламина и извѣстныя экстраординарныя магистратуры. Даже въ Совѣтѣ, хотя его члены, какъ мы подробнѣе изложимъ ниже, выбирались по демамъ, было соблюдено соотвѣтствіе съ филами — на каждую приходилось по пятидесяти, которые по очереди стояли въ качествѣ притановъ во главѣ государства десятую часть года: это называлось пританіей филы, и наименованіе филетовъ, общее всѣмъ гражданамъ, принадлежавшимъ къ данному дѣленію, употреблялось *κατ' ἐξοχήν* для обозначенія членовъ подобной секціи Совѣта [2]). Всѣ названныя власти имѣютъ между собою ту общую черту, что онѣ назначались соотвѣтственно отдѣльнымъ филамъ, но безъ всякаго ея участія, насколько намъ по крайней мѣрѣ извѣстно. Исключеніе составляетъ лишь коллегія

---

[1]) Aristot. Ath. Pol. 62, 1: *αἱ δὲ κληρωταὶ ἀρχαὶ πρότερον μὲν ἦσαν αἱ μὲν μετ' ἐννέα ἀρχόντων ἐκ τῆς φυλῆς ὅλης κληρούμεναι, αἱ δ' ἐν Θησείῳ κληρούμεναι διῃροῦντο εἰς τοὺς δήμους· ἐπειδὴ δ' ἐπώλουν οἱ δῆμοι, καὶ ταύτας ἐκ τῆς φυλῆς ὅλης κληροῦσι πλὴν βουλευτῶν καὶ φρουρῶν· τούτους δ' εἰς τοὺς δημότας ἀποδιδόασι.* О *φρουροὶ* cfr. ibid. 24, 3.

[2]) Срвн. напр. C. I. A. II, 872: *ἐπόησαν τὴν δωρειὰν τοῖς φυλέταις*, гдѣ можно разумѣть лишь булевтовъ филы — пританами они, какъ видно изъ той же надписи, назывались только во время своей пританіи.

архонтовъ, гдѣ первоначально фила имѣла право предлагать своихъ кандидатовъ[1]) и можетъ быть стратеговъ, если имъ и относительно послѣднихъ было предоставлено то же право предварительнаго выбора кандидатовъ: окончательное назначеніе ихъ было, несомнѣнно, неотъемлемымъ правомъ обще-народнаго собранія, какъ свидѣтельствуетъ ясно Никомахидъ у Ксенофонта, получившій отказъ при искательствѣ этой должности и обвиняющій въ несправедливости всѣхъ аѳинянъ, а не однихъ своихъ филетовъ[2]).

Во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ, если филы и брались въ разсчетъ, то лишь въ виду извѣстнаго удобства, — это былъ скорѣе нѣкотораго рода почетъ, что каждой изъ нихъ дано было право ставить своихъ представителей въ равномъ числѣ для всѣхъ важнѣйшихъ правительственныхъ коллегій: гораздо непосредственнѣе участіе филъ въ управленіи обнаруживалось въ томъ, что онѣ сами назначали по своему собственному выбору изъ своихъ членовъ представителей для исправленія извѣстныхъ немаловажныхъ отраслей государственной администраціи, сопряженныхъ съ довольно значительными денежными расходами. Такъ, мы знаемъ, что для веденія всѣхъ общественныхъ работъ назначались спеціальныя коммиссіи, въ кои входило одинаковое число членовъ отъ каждой филы, насколько извѣстно, всегда по одному; ихъ общимъ именемъ называли *ἐπιστάται τῶν δημοσίων ἔργων*, иногда же они носили спеціальныя наименованія по роду порученныхъ имъ работъ: *τειχοποιοί*, *ταφροποιοί*, *τριηροποιοί*, къ коимъ можно прибавить и нѣсколько отличныхъ по занятіямъ, но по характеру весьма близкихъ *σιτῶναι* — коммиссію по покупкѣ хлѣба на казенный счетъ въ голодные годы[3]). Обыкновенно они оставались въ должности безъ опредѣленнаго срока до окончанія порученной ихъ надзору работы и составляя одну общую коллегію, тѣмъ не ме-

---

1) Aristot. Ath. Pol. 8, 1: *προύκρινεν δ' εἰς τοὺς ἐννέα ἄρχοντας ἑκάστη (φυλὴ) δέκα.*

2) Xen. Memor. III, 4, 1: *οὐ γάρ, ἔφη, τοιοῦτοί εἰσιν Ἀθηναῖοι, ὥστε ἐμὲ μὲν οὐχ εἵλοντο .... Ἀντισθένην δὲ εἵλοντο.*

3) Въ своемъ раздѣленіи властей на три вида Эсхинъ (in Ctes. 29, p. 424) причисляетъ эпистатовъ ко второй категоріи, прибавляя: *τοῦτο δὲ γίγνεται, ὅταν, ὥσπερ νῦν, ἐπιταχθῇ τι ταῖς φυλαῖς, ἢ τάφρους ἐξεργάζεσθαι ἢ τριήρεις ναυπηγεῖσθαι.* Относительно ихъ цѣльной монографіи, основанной на значительно обогащенномъ эпиграфическомъ матеріалѣ, не существуетъ: срвн. Böckh, Staatsh. I, p. 257 sq.

нѣе въ большинствѣ случаевъ вели дѣла порознь: каждый членъ наблюдалъ лишь за тою частью работы, какая была возложена на его филу, и распоряжался вполнѣ самостоятельно деньгами, опредѣленными для ея производства, съ обязательствомъ, конечно, по окончаніи дать полный отчетъ въ своемъ веденіи дѣлъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и всякій государственный сановникъ[1]). Расходы по производству работъ во многихъ случаяхъ возлагались прямо на отдѣльныя филы (каждая напр. на свой счетъ стропла опредѣленный участокъ стѣны), въ другихъ — казна изъ своихъ средствъ выдавала ежегодно или заразъ извѣстную сумму каждому эпимелету поровну; но само собою разумѣется, что соревнуя какъ ради себя, такъ и во имя своихъ филъ относительно быстроты и доброкачественности работы, они почти обязательно доплачивали не мало денегъ изъ частныхъ средствъ своихъ, о чемъ мы имѣемъ прямыя свидѣтельства[2]), хотя по всей вѣроятности не совсѣмъ рѣдки бывали и случаи *κλοπῆς δημοσίων χρημάτων*, а еще чаще обвиненія въ этомъ преступленіи. Наградой для ревностныхъ дѣятелей за труды и расходы ихъ, кромѣ удовлетвореннаго честолюбія, были почести, особенно золотые вѣнки, которые имъ присуждала благодарная фила, коей довѣріе они оправдали.

До нѣкоторой степени подобную роль, но сопряженную съ еще большими денежными тратами и соотвѣтственно большимъ почетомъ, играли тѣ филеты, на коихъ падалъ выборъ ихъ филы для отправленія такъ-наз. очередныхъ литургій *(ἐγκύκλιοι λητουργίαι)*. Здѣсь не мѣсто, конечно, вдаваться въ подробное изложеніе этого оригинальнаго почти, можно сказать, обще-эллинскаго института, который мы предполагаемъ извѣстнымъ[3]): достаточно будетъ указать, что нѣкоторыя литургіи возлагались по очереди на всѣхъ богатѣйшихъ гражданъ независимо отъ дѣленій народныхъ, къ коимъ они принадлежали, другія же распредѣлялись сообразно

---

[1]) Aesch. in Ctes. 31, p. 425: *ἡ δὲ Πανδιονὶς φυλὴ τειχοποιὸν ἀπέδειξε Δημοσθένην, ὃς ἐκ τῆς διοικήσεως εἰς ταῦτα ἔχει μικροῦ δεῖν δέκα τάλαντα.*

[2]) Такъ извѣстно, что Демосѳенъ въ качествѣ *τειχοποιοῦ* своей филы доплатилъ 100 минъ изъ собственныхъ средствъ (Aesch. in Ctes. 17, p. 405).

[3]) Рядомъ съ основнымъ трудомъ Böckh'a, Staatsh. der Athener (I, p. 533), замѣнившимъ прежнія работы (Wolf, Prolegg. in Dem. Leptineam), слѣдуетъ назвать прекрасное изслѣдованіе V. Thumser'a, De civium atheniensium muneribus. 1880, p. 52 sqq.

филамъ, такъ что они всѣ между собою вступали въ состязаніе, каждая чрезъ своего представителя[1]). Особенно очевидно это проявляется при состязаніяхъ лирическихъ хоровъ, составленныхъ изъ мужчинъ и изъ мальчиковъ (женскихъ хоровъ у аѳинянъ, какъ у всѣхъ іонянъ, по справедливому замѣчанію проф. Виламовитца, не было)[2]): всѣ десять филъ по мѣрѣ возможности принимали въ нихъ участіе, ставя каждая своего хорега, который составлялъ, содержалъ, обучалъ (при помощи учителя) и выводилъ свой хоръ на данномъ празднествѣ, но побѣдительницей считалась фила, а не хорегъ. Изъ надписей, впрочемъ, оказалось, что бывали случаи, когда по двѣ филы соединялись между собою, чтобы вмѣстѣ снаряжать хоръ и выбирать общаго хорега — тогда побѣдителями записывались въ оффиціальныхъ актахъ не обѣ филы, поставившія увѣнчанный хоръ, а наоборотъ хорегъ[3]). Явленіе это, не подлежащее никакому сомнѣнію, вызвало не мало недоумѣній между учеными: извѣстный греческій ученый проф. Куманудисъ, воспользовавшись двумя надписями, гдѣ оба раза соединены тѣ же самыя двѣ филы, но хореги принадлежатъ то одной, то другой, высказалъ предположеніе, что ежегодно по двѣ филы выставляли двухъ хореговъ, такъ что прежній институтъ почти не измѣнился[4]); его

---

[1]) Эти послѣднія и назывались собственно *ἐγκύκλιοι λῃτουργίαι*, какъ можно заключить изъ Демосѳена (Lept. (XX), 21, p. 463): *πόσοι δή ποτ' εἰσὶν οἱ κατ' ἐνιαυτὸν τὰς ἐγκυκλίους λῃτουργίας λῃτουργοῦντες· χορηγοὶ καὶ γυμνασίαρχοι καὶ ἑστιάτορες*. Cfr. Bekker, Anecd. I, p. 250, 22: *ἐγκύκλιοι λῃτουργίαι· αἱ κατ' ἐνιαυτὸν γινόμεναι, οἷον χορηγίαι, γυμνασιαρχίαι, καὶ ἱερῶν περίοδος*.

[2]) Cfr. v. Wilamowitz, Heracles. I, p. 347, not. 13: „V. von Schöffer (De Deli rebus, p. 139) hat mit sachlich verkehrter Deutung die *κοῦραι Δηλιάδες* mit den Chören der Knaben *(παῖδες)* identificirt, welche an den Apollonien in einem öffentlichen Agon auftraten. Das sind Chöre wie die attischen Knabenchöre an Panathenaeen u. s. w. Jungfrauenchöre in Agonen kennt ionische Sitte nicht.

[3]) Примѣровъ можно подыскать не мало: я ограничиваюсь четырьмя, заимствованными изъ C. I. A. II, P. 3, при чемъ опускаю ненужныя подробности. 1235: *Οἰνηὶς ἐνίκα. Θεόδωρος Μελησίου Ὀῆθεν ἐχορήγει. Ἱπποδάμας ἦρχε* (Ol. 101, 2 = 375/4). 1237: *Ἱερώνυμος Λάχητος Ἐκαλῆθεν χορηγῶν ἐνίκα Λεωντίδι, Αἰγηίδι παίδων. Τιμοκράτης ἦρχεν* (Ol. 104, 1 = 364/3). 1238: *Οἰνηὶς παίδων ἐνίκα. Ἀπολλόδωρος Πασίωνος Ἀχαρνεὺς ἐχορήγει. Ἀριστόδημος ἦρχε* (Ol. 107, 1 = 352/1). 1240: *Χάρης Θεοχάρους Ἀγγελῆθεν χορηγῶν ἐνίκα Πανδιονίδι Ἀκαμαντίδι παίδων. Λυκίσκος ἦρχεν* (Ol. 109, 1 = 344/3).

[4]) Сопоставивъ двѣ надписи хореговъ Эсія изъ Сфетта (Акамантиды: C. I. A. II, 1236) и Филомела изъ Пеаніи (Пандіониды: ibid. 1251), побѣдившихъ *Παν-*

опровергъ вполнѣ Диттенбергеръ, указавъ на упущенное имъ обстоятельство, что тѣ же самыя двѣ филы являются соединенными еще и въ третьей надписи, относящейся къ иному году; самъ онъ пришелъ поэтому къ выводу, что соединеніе по двѣ филы въ одну для выбора общаго хорега было постояннымъ, опредѣленнымъ по всей вѣроятности закономъ, но что таковой порядокъ впослѣдствіи былъ снова замѣненъ существовавшимъ ранѣе, т.-е. назначеніемъ хореговъ изъ каждой филы отдѣльно[1]). Хотя Диттенбергеръ и былъ близокъ къ истинѣ, но и его толкованіе оказалось невѣрнымъ: дѣйствительно, хореги ставились то на каждую филу по одному, то на двѣ, притомъ соединенныя между собою не на одинъ лишь годъ; но разницу между тѣмъ и другимъ порядкомъ не слѣдуетъ искать во времени, — а въ празднествахъ, для коихъ предназначались эти хоры, какъ мы узнаемъ изъ Аристотеля. Послѣдній именно говоритъ: „архонтъ ставитъ трехъ хореговъ для трагедій изъ всѣхъ аѳинянъ, — прежде онъ и для комедій ставилъ пять, теперь же ихъ назначаютъ филы, — затѣмъ онъ принимаетъ хореговъ, назначенныхъ филами на Діонисіи для хоровъ мужскихъ, дѣтскихъ и комическихъ и на Θаргеліи для мужскихъ и дѣтскихъ; для Діонисій они назначены по филамъ, для Θаргелій же на двѣ филы одинъ, котораго поставляетъ посмѣнно то одна, то другая“[2]).

διονίδι Ἀκαμαντίδι παίδων, и замѣтивъ, что только въ одной названъ архонтъ — Хіонъ (Ol. 103, 4 = 365/4), Kumanudis (*Ἀθήν.* I, p. 171) толкуетъ: „*αἱ φυλαὶ κατὰ δύο τότε ἡνωμέναι συνδιηγωνίζοντο μετὰ χορηγῶν δύο πρὸς ἄλλας, ἐπίσης καὶ αὐτὰς κατὰ δύο ἡνωμένας, ἡ δὲ νίκη ὅμως ἦτο μία, ἴσως καὶ τὸ βραβεῖον ἓν μόνον.*

[1]) Dittenberger въ S. I. G. 413, not. 2. Сверхъ того онъ ссылается на свидѣтельство Антифонта (VI, 11, p. 768): *ἐπειδὴ χορηγὸς κατεστάθην εἰς Θαργήλια καὶ ἔλαχον Παντακλέα διδάσκαλον καὶ Κεκροπίδα φυλὴν πρὸς τῇ ἐμαυτοῦ.*

[2]) Aristot. Ath. Pol. 56, 3: *ἔπειτα χωρηγοὺς τραγῳδοῖς καθίστησι τρεῖς ἐξ ἁπάντων Ἀθηναίων τοὺς πλουσιωτάτους· πρότερον δὲ καὶ κωμῳδοῖς καθίστη πέντε, νῦν δὲ τούτους αἱ φυλαὶ φέρουσιν. ἔπειτα παραλαβὼν τοὺς χορηγοὺς τοὺς ἐνηνεγμένους ὑπὸ τῶν φυλῶν εἰς Διονύσια ἀνδράσιν καὶ παισὶν καὶ κωμῳδοῖς καὶ εἰς Θαργήλια ἀνδράσιν καὶ παισίν (εἰσὶ δ' οἱ μὲν εἰς Διονύσια κατὰ φυλάς, εἰς Θαργήλια δὲ δυεῖν φυλαῖν εἷς· παρέχει δ' ἐν μέρει ἑκατέρα τῶν φυλῶν), τούτοις τὰς ἀντιδόσεις ποιεῖ.* Что для драматическихъ агоновъ хореги назначались не по филамъ, доказалъ уже проф. Никитинъ: Къ исторіи драматическихъ состязаній въ Аѳинахъ. 1882, стран. 9. Изъ парныхъ филъ мы знаемъ: Пандіониду и Акамантиду, Леонтиду и Эгеиду. Впослѣдствіи порядокъ ихъ соединенія измѣнился, такъ какъ мы находимъ вмѣстѣ Пандіониду и Эрехѳеиду (C. I. A. II, 1255).

Почему въ тѣхъ случаяхъ, когда двѣ филы сообща ставили хоръ, т.-е. на Θаргеліи, не онѣ, а хорегъ записывался побѣдителемъ, если это дѣйствительно было правиломъ, а не случайностью, — рѣшить невозможно: толкованіе Диттенбергера, будто греческому уму казалось неестественнымъ называть двухъ побѣдителей (т.-е. обѣ филы), такъ какъ побѣда или первенство предполагаетъ единичное число[1]), едва ли выдерживаетъ критику; но едва ли основательнѣе то предположеніе, которое мы за неимѣніемъ лучшаго осмѣлимся предложить, а именно, что побѣдителемъ записывался тотъ, кто несъ главную сумму издержекъ на снаряженіе хора, — фила или хорегъ. Само по себѣ это объясненіе не можетъ быть сочтено невозможнымъ; оно даже находитъ себѣ подтвержденіе въ томъ фактѣ, что впослѣдствіи, когда при общемъ обѣдненіи часто казна брала на себя издержки по постановкѣ хора, на первомъ мѣстѣ назывался — самъ народъ *(ὁ δῆμος ἐχορήγει)*[2]); но спрашивается, почему бы для Θаргелій существовало иное распредѣленіе издержекъ, чѣмъ для Діонисій? Самъ по себѣ невѣроятный этотъ фактъ становится еще менѣе правдоподобнымъ въ виду почти равной оцѣнки расходовъ по хорегіи, которую мы находимъ для тѣхъ и другихъ празднествъ (для Діонисій даже больше!)[3]).

Какую роль для музыкальныхъ состязаній играли хорегіи, такую же для гимнастическихъ, кажется, такъ-наз. гимназіархи: правда, прямо ихъ участіе засвидѣтельствовано лишь для подготовленія желавшихъ состязаться въ бѣгѣ съ факелами *(λαμπαδοδρομία)*, происходившемъ въ Панаѳенеи и въ празднества Промеѳея, Гефеста, Пана, можетъ быть на Ленеяхъ и Тезеяхъ; но само ихъ имя какъ-будто указываетъ на болѣе широкій кругъ обязанностей[4]),

---

[1]) Dittenberger въ S. I. G. 411, not. 2.

[2]) Первая по времени надпись такой формы (C. I. A. II, 1289): *ὁ δῆμος ἐχορήγει ἐπ' Ἀναξικράτους ἄρχοντος* (Ol. 118, 2 = 307/6). Cfr. U. Köhler въ Mitth. III, p. 236, который эту перемѣну приписываетъ дѣятельности Димитрія Фалерскаго.

[3]) Объ относительныхъ расходахъ, требуемыхъ различными хорегіями, срвн. Thumser, op. l., p. 86. — Состязанія хоровъ происходили и въ празднества Промеѳея и Гефеста (C. I. A. II, 553: *ἀναγράψαι δὲ καὶ εἴ τις ἄλλος νενίκηκεν ἀπ' Εὐκλείδου ἄρχοντος παισὶν ἢ ἀνδράσιν Διονύσια ἢ Θαργήλια ἢ Προμήθια ἢ Ἡφαίστια*), но о нихъ мы ничего не знаемъ, такъ что Böckh даже отрицалъ ихъ существованіе (C. I. G. I, p. 344; Staatsh. I, p. 553).

[4]) Bekker, Anecd. I, 228, 11: *γυμνασίαρχοι οἱ ἄρχοντες τῶν λαμπαδοδρο-*

и иначе литургія эта была бы слишкомъ легка сравнительно съ другими, такъ какъ издержки въ сущности ограничивались почти только даровой раздачей масла для готовившихся къ состязанію[1]). Во всякомъ случаѣ эту литургію должно отличать отъ магистратуры того же наименованія, на чьей обязанности лежало попеченіе объ общественныхъ гимназіяхъ; для литургіи каждая фила ежегодно ставила своего гимназіарха. Третій изъ видовъ литургіи, для конхъ каждая фила выбирала своего представителя, — была *ἑστίασις* или угощеніе своихъ филетовъ на собственный счетъ во время великихъ празднествъ Діонисій и Панаѳеней[2]): конечно, тутъ настоящаго состязанія не было, но все же отдѣльные гестіаторы соревновали между собою насчетъ щедрости и потому эта литургія была не изъ дешевыхъ.

Общая черта всѣхъ перечисленныхъ видовъ литургій состоитъ въ томъ, что онѣ служили не для удовлетворенія дѣйствительныхъ потребностей государства, а для удовольствія народа, для выгоды бѣднѣйшихъ гражданъ и для блеска и благолѣпія общественныхъ празднествъ, коими по справедливости гордились аѳиняне, какъ самыми роскошными въ Элладѣ: изъ соревнованія другъ передъ другомъ, изъ честолюбія столько же, сколько изъ настоящаго патріотизма и благочестія представители филъ тратили безумныя деньги, такъ что Аристотель въ Политикѣ справедливо

μίων εἰς τὴν ἑορτὴν τοῦ Προμηθέως καὶ τοῦ Ἡφαίστου καὶ τοῦ Πανός. C. I. A. II, 1229: *Ἀκαμαντὶς ἐνίκα λαμπάδι Παναθήναια τὰ μεγάλα ἐπ' Ἀρχίου ἄρχοντος* (Ol. 108, 3 = 346/5). *Ξενοκλῆς ἐγυμνασιάρχει.* Cfr. ibid. 1231, 1232. Böckh (Staatsh. I, p. 552) и Thumser (op. l., p. 89) ограничивали гимназіархію однимъ устройствомъ бѣга съ факелами. Schömann (Gr. Alt. I, p. 485) напротивъ считалъ (неправильно) лампадархію и гимназіархію отдѣльными литургіями. Рѣшающимъ мнѣ кажется мѣсто Изея (De Philoct. her. (VI), 60): *κεχορήγηκε δὲ τραγῳδοῖς, γεγυμνασιάρχηκε δὲ λαμπάδι.* Изъ него можно сдѣлать выводъ, что помимо *λαμπάς* существовали и другіе виды гимназіархіи.

[1]) Lys. XXI, 3: *ἐγυμνασιάρχουν εἰς Προμήθεια καὶ ἐνίκων ἀναλώσας δώδεκα μνᾶς.*

[2]) Срвн. вышеприведенное мѣсто изъ Демосѳена (c. Lept. (XX), 21, p. 463) и схоліи къ нему (Lex. Dem. patm. p. 147): *ἑστιάτορες οἱ τὰς φυλὰς ἐν τοῖς Διονυσίοις καὶ Παναθηναίοις τρέφοντες.* Thumser (op. l., p. 90) справедливо противъ Böckh'a (Staatsh. I, p. 554) и Schömann'a (Gr. Alt. I, p. 488) защищаетъ общегосударственный характеръ этой литургіи, но самъ впадаетъ въ ошибку, смѣшивая съ нею обязанность *ἐν τῷ δήμῳ ὑπὲρ τῆς γαμετῆς γυναικὸς καὶ θεσμοφόρια ἑστιᾶν τὰς γυναῖκας* (Isaei de Pyrrhi her. (III), 80).

порицаетъ безразсудство подобныхъ литургій[1]). Относительно тѣхъ законоположеній, которыя опредѣляли минимальный цензъ для лицъ, обязанныхъ брать на себя эту тяжелую повинность, и очередь, въ коей они смѣняли другъ друга, ничего неизвѣстно: хотя назначеніе исходило отъ отдѣльныхъ филъ, едва ли можно предположить обыкновенные выборы, такъ какъ спеціальный терминъ, употребляемый по отношенію къ нимъ какъ Демосѳеномъ, такъ и Аристотелемъ (*χορηγὸν, γυμνασίαρχον, ἑστιάτορα φέρειν*)[2]) какъ-будто указываетъ на особенность въ способѣ ихъ избранія.

Кромѣ приведенныхъ состязаній, были еще другія, болѣе важныя для государства, въ коихъ фила участвовала непосредственно. О нихъ мы находимъ указанія почти только въ надписяхъ, гдѣ въ спискахъ побѣдителей на нѣкоторыхъ празднествахъ упоминаются отдѣльныя филы, какъ отличившіяся въ состязаніяхъ *εὐανδρίας* и *εὐοπλίας*[3]): первый терминъ, который Кёлеръ весьма правдоподобно сопоставилъ съ выраженіемъ *εὐταξία*, употребляемымъ въ другомъ документѣ[4]), указываетъ на стройность и хорошую

[1]) Aristot. Pol. VIII (V), 8, p. 1309 a, 14: *δεῖ δ' ἐν μὲν ταῖς δημοκρατίαις τῶν εὐπόρων φείδεσθαι, μὴ μόνον τῷ τὰς κτήσεις μὴ ποιεῖν ἀναδάστους, ἀλλὰ μηδὲ τοὺς καρπούς, ὃ ἐν ἐνίαις τῶν πολιτειῶν λανθάνει γινόμενον, βέλτιον δὲ καὶ βουλομένους κωλύειν λητουργεῖν τὰς δαπανηρὰς μὲν μὴ χρησίμους δὲ λητουργίας, οἷον χορηγίας καὶ λαμπαδαρχίας καὶ ὅσαι ἄλλαι τοιαῦται.*

[2]) Dem. in Boeot. de nom. (XXXIX), 7, p. 996. Arist. Ath. Pol. 56, 3.

[3]) C.I.A.II, 444(cfr. 445—48): *Ἐπὶ Ἀριστολάου ἄρχοντος οἵδε ἐνίκων τὸν ἀγῶνα τῶν Θησείων· τῶν ἐπιλέκτων εὐανδρίᾳ· φυλὴ ἐνίκα Ἀτταλὶς ταξιαρχοῦντος τ. δ. τῇ εὐοπλίᾳ· φυλὴ ἐνίκα Κεκροπὶς ταξιαρχοῦντος τ. δ. τῶν ἐν τοῖς ἔθνεσιν εὐανδρίᾳ τάγμα ἐνίκα τὸ Ὁμίλου. τῇ εὐοπλίᾳ· τάγμα ἐνίκα τὸ Δημέου. τῶν ἱππέων εὐανδρίᾳ· φυλὴ ἐνίκα Αἰγηὶς φυλαρχοῦντος τ. δ. τῇ εὐοπλίᾳ· φυλὴ ἐνίκα Αἰγηὶς φυλαρχοῦντος τ. δ.* (конечно, того же самаго, что страннымъ образомъ ускользнуло отъ вниманія Кёлера). Въ числѣ побѣдителей называются: 1) избранные изъ пѣхоты; 2) отряды изъ метэковъ, названные по имени начальниковъ — конечно, тоже гоплиты; 3) отряды конницы. Объ этой литургіи срвн. Böckh'a, Staatsh. I, p. 537 g (гдѣ указаны мѣста изъ авторовъ), H. Sauppe, De inscriptione Panathenaica, 1858 и особенно V. Thumser'a, op. l., p. 97.

[4]) C. I. A. II, 172: *Οἵδε ἐλητούργησαν εὐταξίας· Ἐρεχθηίδος* (два имени), *Αἰγηίδος* (два имени) и т. д: U. Köhler выражается крайне осторожно: „*εὐταξίαν* autem sicut *εὐανδρίαν* liturgiam fuisse ex hoc titulo primum discitur". Изъ двойнаго числа литурговъ для каждой филы Sauppe (op. l., p. 8) вывелъ заключеніе, что состязались различные возрасты (онъ указываетъ на т.-наз. *θαλλοφόροι*), но это мнѣніе, вообще встрѣтившее мало одобренія (cfr. Schömann, Gr. Alt. II, p. 448), окончательно опровергнуто Thumser'омъ (op. l., p. 98).

дисциплину выставленнаго отряда (нельзя же предположить, чтобы въ разсчетъ бралось число красивыхъ или видныхъ мужчинъ!), второй обозначаетъ хорошее вооруженіе, мы бы сказали — обмундировку тѣхъ же самыхъ полковъ. Дѣйствительно, насчетъ военнаго характера этихъ состязаній, которыхъ можно сравнить съ нашими смотрами, не можетъ быть сомнѣнія, если обратить вниманіе на то, что при каждомъ побѣдившемъ отрядѣ приводится имя филарха или таксіарха, т.-е. ихъ военныхъ начальниковъ; такъ какъ въ надписяхъ называются послѣдовательно отряды филарховъ, затѣмъ — таксіарховъ, то изъ этого можно заключить, что въ состязаніе вступали отдѣльно полки конницы и пѣхоты между собою. Какъ велики были отряды, представлявшіе въ этомъ случаѣ свою филу, мы не знаемъ, но по аналогіи конницы, бывшей постояннымъ войскомъ, можно думать, что и полки пѣхоты должны были въ такой день ставить довольно значительное число *ἐπιλέκτων* изъ всѣхъ сорока двухъ наборовъ[1]) гоплитовъ отъ 18-ти до 60-тилѣтняго возраста; если это предположеніе основательно, то и насчетъ празднества, для коего впервые было установлено это состязаніе нельзя сомнѣваться — это были великія Панаѳенеи, когда все аѳинское гражданство проходило передъ лицомъ своей богини-покровительницы въ торжественной процессіи, въ полномъ блескѣ оружія[2]): приготовленія къ этому шествію мы видимъ увѣковѣченными Фидіемъ на фризѣ Парѳенона[3]).

Какъ во время мира филеты выступали отдѣльными отрядами, соперничавшими между собою относительно стройности и хорошаго вооруженія, такъ и на войну каждая фила выставляла особый полкъ конницы и пѣхоты, которые и въ бою строились отдѣльно: таковъ былъ порядокъ уже во время битвы при Мараѳонѣ, когда фила Эантида имѣла честь занимать почетное мѣсто на правомъ крылѣ[4]) — слѣдовательно эту организацію войска должно безъ

---

[1]) Cfr. Arist. Ath. Pol. 53, 4.

[2]) Cfr. Thucyd. VI, 56, 2: *περιέμενον δὲ (οἱ περὶ Ἁρμόδιον) Παναθήναια τὰ μεγάλα, ἐν ᾗ μόνον ἡμέρᾳ οὐχ ὕποπτον ἐγίγνετο ἐν ὅπλοις τῶν πολιτῶν τοὺς τὴν πομπὴν πέμψαντας ἀθρόους γενέσθαι.* Arist. Ath. Pol. 60, 3: *τοῖς Παναθηναίοις ἐστὶ ἆθλα ... τοῖς τὴν εὐανδρίαν (νικῶσιν) ἀσπίδες.*

[3]) Впослѣдствіи эти состязанія устраивались и на празднествахъ въ честь Тезея, о коихъ только и дошли до насъ документальныя данныя.

[4]) Plut. Quaest. Conv. I, 10, 3, p. 628 *E*.

всякаго сомнѣнія приписать Клисѳену. И когда по возвращеніи изъ похода граждане, павшіе за отечество, удостоивались почетнаго погребенія въ Керамикѣ, то пепелъ ихъ хоронился въ десяти гробахъ по числу филъ [1]), и на надгробной доскѣ, воздвигаемой имъ на память потомству, ихъ имена перечислялись по филамъ, часто даже каждая фила получала свою отдѣльную доску [2]).

Если мы относительно роли, какую играли въ государственномъ управленіи филы, находимъ довольно много указаній какъ у авторовъ, такъ и въ эпиграфическихъ документахъ, то нельзя того же сказать о триттіяхъ: въ литературѣ онѣ упоминаются лишь у Демосѳена въ рѣчи о симморіяхъ, гдѣ авторъ, развивая свой планъ новой организаціи флота, совѣтуетъ доки въ военной гавани раздѣлить на 30 частей, чтобы на каждую триттію приходилось по 10 кораблей, для коихъ она должна будетъ поставить экипажъ [3]). Къ этому единственному свидѣтельству за послѣднее время присоединилось нѣсколько надписей на камняхъ, служившихъ пограничными столбами между отдѣльными триттіями; такъ какъ послѣднія были областными дѣленіями, то смыслъ ихъ легко бы опредѣлялся, если бы они не были найдены всѣ частью въ городѣ, близъ предполагаемаго мѣста древняго Пникса, частью въ Пиреѣ, близъ гавани. Вслѣдствіе этого К. Шеферъ, которому указалъ путь уже Кирхгофъ [4]), и предположилъ, что въ послѣдней эти столбы служили для разграниченія стоянокъ отдѣльныхъ эскадръ флота, наполняемыхъ матросами соотвѣтственной триттіи сообразно только-что упомянутому проекту Демосѳена, а на Пниксѣ они указывали мѣста, опредѣленныя въ народномъ собраніи разъ навсегда для гражданъ, причисленныхъ къ тому же дѣленію. Что касается послѣдняго предположенія, то одно мѣсто нахожденія камней не можетъ служить ему достаточнымъ подтвержденіемъ, такъ какъ, во-первыхъ, не рѣдки случаи, когда гораздо болѣе тяжеловѣсныя плиты открываются не на первоначальномъ своемъ мѣстѣ; во-вторыхъ, свѣдѣнія объ открытіи этихъ памятниковъ на Пниксѣ осно-

---

[1]) Срвн. извѣстное описаніе у Ѳукидида (II, 34).

[2]) Такова памятная доска павшихъ изъ Эрехѳеиды, вывезенная изъ Греціи уже маркизомъ Nointel: C. I. A. I, 433 = S. I. G. 3.

[3]) Dem. de symm. (XIV), 23, p. 184.

[4]) A. Kirchhoff, ad C. I. A. I, 517. C. Schäfer, Die attische Trittyeneintheilung въ Mitth. V, p. 85.

вываются лишь на весьма сомнительномъ авторитетѣ Питтакиса. Но тѣмъ не менѣе и это свидѣтельство имѣетъ извѣстную цѣну, если мы найдемъ еще другія указанія, подкрѣпляющія предположенія Шефера: дѣйствительно, мы имѣемъ нѣкоторыя данныя, что дѣленія эти играли извѣстную роль въ собраніяхъ Совѣта и народа.

Названный ученый уже въ той же статьѣ привелъ извѣстіе, сообщаемое Поллуксомъ и въ нѣсколько искаженной формѣ другими лексикографами, что въ народныхъ собраніяхъ контроль надъ участниками оныхъ (дабы устранить лицъ, не имѣющихъ права присутствовать) производился шестью лексіархами при содѣйствіи тридцати выборныхъ [1]): этихъ послѣднихъ онъ сопоставилъ съ триттіархами и изъ равнаго числа вывелъ заключеніе о тождествѣ двухъ коллегій. Это предположеніе было опровергнуто Кёлеромъ [2]), который въ надписяхъ указалъ особую коммиссію, называемую *συλλογεῖς τοῦ δήμου* (собиратели народа) [3]), и путемъ остроумной комбинаціи узналъ въ ней именно ту, которую упоминаетъ Поллуксъ. Посредствующимъ звеномъ для его заключенія послужилъ декретъ притановъ филы Эгеиды, которые хвалятъ трехъ своихъ сотоварищей за ту старательность и справедливость, съ коей они заботились о „собраніи народа и о раздачѣ символовъ“, т.-е. значковъ для полученія платы *(μισθὸς ἐκκλησιαστικός)* [4]): такъ какъ этой раздачѣ долженъ былъ предшествовать контроль правоспособности получателя, то по дѣятельности они сходились, очевидно, съ коллегіей „тридцати“, отъ коихъ не разнились и по числу

---

1) Poll. VIII, 104: *Ληξίαρχοι ἐξ καθίσταντο τῶν πολιτῶν ἐγγεγραμμένων ἐν λευκώματι, καὶ τριάκοντα ἀνδρῶν αὐτοῖς προσαιρεθέντων τοὺς μὴ ἐκκλησιάζοντας ἐζημίουν καὶ τοὺς ἐκκλησιάζοντας ἐξήταζον.*

2) U. Köhler, Aus den att. Inschriften въ Mitth. VII, p. 102 sqq.

3) Коллегія подъ именемъ *συλλογεῖς τοῦ δήμου* встрѣчается лишь въ надписяхъ IV-го в.: C. I. A. II, 607, 741, 1174. Böckh (Staatsh. II, p. 115) видѣлъ въ ней священнослужителей, собиравшихъ народъ для жертвоприношеній; участіе ея въ собраніи экклезіи отрицалъ какъ онъ, такъ и Schömann (Com. p. 317, not. 31).

4) B. d. C. H. V, p. 361 = C. I. A. II, 872, B (Ol. 109, 4 = 341/40): *ἐπαινέσαι, ἐπειδὴ καλῶς καὶ δικαίως ἐπεμελήθησαν τῆς συλλογῆς τοῦ δήμου καὶ τῆς διαδόσεως τῶν συμβόλων καὶ ἐποίησαν τὴν δωρεὰν τοῖς φυλέταις· Διόδωρον Φιλοκλέους Γαργήττιον, Τιμόκριτον Τιμοκράτου Ἰκαριέα, Θαρρίαν Θαρριάδου Ἐρχιέα.*

(3 на каждую филу даетъ въ суммѣ 30), между какъ другая сторона ихъ обязанностей — собираніе народа — давало имъ полное право называться *συλλογεῖς τοῦ δήμου* — выводъ относительно тождества этихъ трехъ порознь приводимыхъ коллегій не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ виду этого Кёлеръ вполнѣ справедливо отрицаетъ возможность, чтобы эти „тридцать“ совпадали съ триттіархами, но это не исключаетъ еще извѣстнаго отношенія къ триттіямъ. Онъ самъ издалъ тутъ же надпись (уже выше упомянутую), которая содержитъ списокъ, къ сожалѣнію неполный, притановъ филы Пандіониды; въ немъ имена были расположены, очевидно, въ три столбца и въ заголовкѣ каждаго стояло названіе той триттіи, къ коей принадлежали поименованные ниже пританы; слѣдовательно послѣдніе распадались на три группы по триттіямъ[1]). Это было бы неудивительно, такъ какъ ихъ назначеніе и составъ находились, какъ ниже будетъ показано, въ зависимости отъ демовъ, т.-е. низшихъ подраздѣленій, но фактъ, что они считали нужнымъ соблюсти подобную группировку и на оффиціальномъ документѣ, наводитъ невольно на мысль, что она не была дѣломъ личнаго произвола, а законной мѣрой, имѣвшей извѣстное практическое примѣненіе. Это предположеніе наше поддерживается еще и тѣмъ чисто внѣшнимъ обстоятельствомъ, что всѣ до сихъ поръ найденные списки притановъ распадаются на три столбца, ни больше, ни меньше: въ этомъ должно видѣть, несомнѣнно, вліяніе третичнаго дѣленія притановъ. При такихъ условіяхъ нельзя отрицать вѣроятія, что три притана, назначаемые для собиранія народа, избирались товарищами соотвѣтственно триттіямъ, и тогда становится правдоподобнымъ и предположеніе Шефера, что въ народномъ собраніи на Пниксѣ каждая триттія занимала особое мѣсто. Обходя эти группы, лексіархи производили контроль при содѣйствіи соотвѣтствующаго притана, знавшаго лично большинство членовъ своего собственнаго дѣленія: демы были слишкомъ невелики и черезчуръ многочисленны, чтобы служить для распредѣленія народа въ собраніи, филы напротивъ вмѣ-

1) C. I. A. II, 871 (Ol. 108, 1 = 348/7). Срвн. списокъ притановъ той же филы Пандіониды изъ 360—50 гг. (B. d. C. H. XIII, p. 346): по несомнѣнному дополненію P. Foucart'a въ каждомъ столбцѣ на первомъ мѣстѣ стояло имя того дема, который давалъ имя одной триттіи: *Παιανιεῖς, Μυῤῥινούσιοι, Κυδαθηναιεῖς.*

щали въ себѣ массу людей и были лишены настоящаго единства, не были *εὐσύνοπτοι* по выраженію Аристотеля, такъ что дѣйствительно, если только граждане въ аѳинской экклезіи были разбиты на группы, триттія являлась для этой цѣли самымъ удобнымъ дѣленіемъ.

Точно такую же роль ей приписалъ Шеферъ и въ военной организаціи, и совершенно основательно: упомянутые столбы, найденные близъ гавани, вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ Демосѳена служатъ достаточнымъ доказательствомъ, по крайней мѣрѣ, для флотскихъ экипажей. Можетъ быть, кто-нибудь скажетъ, что подобное распредѣленіе, предложенное ораторомъ въ связи съ цѣлымъ планомъ реорганизаціи симморій, было введено лишь имъ самимъ, когда онъ провелъ дѣйствительно свою реформу; но достаточно вникнуть въ тонъ его рѣчи, чтобы убѣдиться, что онъ вообще не предлагаетъ новыхъ какихъ-нибудь мѣръ, а только болѣе строгое и точное выполненіе уже существующаго порядка; поэтому послѣдній установленъ, несомнѣнно, въ болѣе раннія времена. Шеферъ относитъ его къ срединѣ V-го вѣка вмѣстѣ съ учрежденіемъ триттій: мы знаемъ, что онѣ были образованы уже Клисѳеномъ, а потому и организацію военную съ большимъ правдоподобіемъ можемъ приписать ему же, тѣмъ болѣе, что до него снаряженіе кораблей было возложено на навкраріи — отъ нихъ оно перешло какъ обязательная повинность на замѣнившіе ихъ демы и триттіи. Дѣйствительно, мы знаемъ, что наборъ матросовъ *(ναῦται)* и флотскихъ солдатъ *(ἐπιβάται)* производился по демамъ [1]); но въ виду неравномѣрности этихъ дѣленій, отражавшейся и въ численности поставляемыхъ ими отрядовъ, послѣдніе разумнымъ образомъ соединялись по нѣскольку въ сводные отряды соотвѣтственно триттіямъ, приблизительно равнымъ между собою, и эти въ свою очередь безъ разбора демовъ распредѣлялись на извѣстное число экипажей *(πληρώματα)*. Относительно набора сухопутнаго войска мы не имѣемъ даже и подобныхъ указаній, но по аналогіи можемъ предположить вполнѣ одинаковый порядокъ. Мы знаемъ, что члены одного дема сражались рядомъ [2]), и что въ дни особой опасности болѣе состоя-

[1]) Dem. c. Polycl. (L), 6 et 7, p. 1208: *τοὺς βουλευτὰς καὶ τοὺς δημάρχους καταλόγους ποιεῖσθαι τῶν δημοτῶν καὶ ἀποφέρειν ναύτας ..... οὐκ ἦλθον οἱ ναῦται καταλεγέντες ὑπὸ τῶν δημοτῶν.*

[2]) Isaei de Menecl. her. (II), 42: *καὶ τὰς στρατείας, ὅσαι ἐγένοντο ἐν τῷ χρόνῳ τούτῳ, ἐστράτευμαι ἐν τῇ φυλῇ τῇ ἐκείνου καὶ ἐν τῷ δήμῳ.*

тельные граждане, не могшіе сами служить, снаряжали на свой счетъ одного или нѣсколько изъ своихъ демотовъ [1]), слѣдовательно демъ служилъ и въ этомъ случаѣ округомъ для набора; поставленные воины должны были, естественно, собираться и формироваться въ большіе отряды, въ родѣ батальоновъ, въ своей же триттіи, такъ какъ фила естественнаго центра не имѣла; затѣмъ по три такихъ отряда соединялись въ одинъ полкъ соотвѣтственно филѣ. Въ этомъ мы видимъ извѣстное отличіе отъ организаціи флотскихъ экипажей, но оно вполнѣ естественно и не нарушаетъ общей аналогіи: во флотѣ даже отрядъ триттіи долженъ былъ распредѣлиться на нѣсколько экипажей, слѣдовательно соединять таковые по филамъ не было никакого основанія, между тѣмъ какъ въ сухопутномъ войскѣ наоборотъ эти батальоны триттій казались слишкомъ малы, чтобы составлять самостоятельные отряды; тѣмъ не менѣе, такъ какъ полки филъ требовали извѣстной организаціи, и бывали случаи, когда ихъ части дѣйствовали отдѣльно, то весьма вѣроятно, что такими дѣленіями являлись именно отряды триттій и что начальниками этихъ послѣднихъ были упоминаемые безъ болѣе подробнаго опредѣленія лохаги [2]).

Такимъ образомъ мы видимъ, что роль триттій въ государственномъ управленіи касалась преимущественно военной организаціи, но и здѣсь она, какъ совокупность нѣсколькихъ демовъ, служила почти только посредницей между послѣдними и филой или всѣмъ государствомъ. Выше, разбирая функціи крупнѣйшихъ дѣленій гражданъ, намъ уже не разъ приходилось упоминать и самое малое — демъ, теперь же мы перейдемъ къ спеціальному разсмотрѣнію его обще-государственнаго значенія. Тутъ намъ не придется перечислять разныхъ литургій, предназначенныхъ лишь для внѣшняго блеска и удовлетворявшихъ страсти къ удовольствіямъ, какъ относительно филъ: демы ставили дѣйствительно, какъ мы видѣли, своихъ хореговъ, но это они дѣлали для своихъ собственныхъ празднествъ [3]) — это было ихъ внутреннимъ дѣломъ; ставили они

---

[1]) Lys. in Phil. (XXXI), 15: *ἀπὸ τῶν ὑπαρχόντων ἐπαγγειλάμενος....ὁπλίσαι τινὰς τῶν ἑαυτοῦ δημοτῶν, ὥσπερ καὶ ἄλλοι πολλοὶ τῶν πολιτῶν αὐτοὶ οὐ δυνάμενοι λῃτουργεῖν τοῖς σώμασιν.* p. Mant. (XVI), 14. Cfr. Haussoullier, op. l., p. 120.

[2]) Isaei de Astyph. her. (IX), 14. Isocr. de antid. (XV), 116.

[3]) Cfr. Haussoullier, op. l., p. 164.

также, какъ кажется, изъ своей среды гестіаторовъ при Θесмофоріяхъ, которые за женъ своихъ должны были угощать участвовавшихъ въ этомъ празднествѣ Деметры женщинъ дема[1]). Но всѣ подобныя обязанности являются ничтожными по сравненію съ другими гораздо болѣе важными функціями.

Мы только-что видѣли, что демъ являлся основнымъ округомъ для набора сухопутнаго и морскаго войска, — высшія дѣленія, триттіи и филы, служили только для правильной организаціи этого матеріала; можно было бы распредѣлить его иначе, и въ военномъ устройствѣ въ сущности ничего бы не измѣнилось, но если бы былъ упраздненъ демъ, доставлявшій этотъ матеріалъ соотвѣтственно числу своихъ членовъ, то вся организація пришла бы въ разстройство. Точно такъ же демъ игралъ важную роль въ финансовомъ управленіи, такъ какъ онъ служилъ основаніемъ для кадастра всей страны. Поэтому и при сборѣ прямыхъ налоговъ, т.-наз. *εἰσφορά*, къ которой прибѣгали только въ случаѣ нужды при оскудѣніи казны, на собраніи дема лежитъ обязанность указать государственнымъ магистратамъ на тѣхъ изъ демотовъ и лицъ посторонніихъ, обладающихъ поземельной собственностью въ предѣлахъ дема, кои по богатству своему могли бы быть внесены въ число 300 гражданъ, обязанныхъ къ тяжелой повинности т.-наз. *προεισφορά*, т.-е. предварительнаго взноса всего налога[2]). Въ этомъ не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія свидѣтельство Аполлодора, что въ 362 году въ виду критическихъ обстоятельствъ, въ коихъ находилось государство, экклезія аѳинская постановила, чтобы для ускоренія всей процедуры, вмѣсто демотовъ (т.-е. ихъ собранія), данный списокъ составили отдѣльные демархи вмѣстѣ съ членами Совѣта, происходившими изъ соотвѣтственнаго дема[3]), — изъ словъ оратора ясно, что такая мѣра имѣла характеръ временный, экстренный, но и въ ней была сохранена привилегія демовъ, какъ самостоятельныхъ общинъ, имѣвшихъ право голоса при обложеніи налогами своихъ членовъ и служившихъ такимъ образомъ подат-

[1]) Срвн. стр. 378, прим. 2.

[2]) Вообще объ *εἰσφορὰ* и *προεισφορὰ* срвн. Böckh, Staatsh. I, p. 599 sqq.; Thumser, De civ. ath. mun., p. 16, 55.

[3]) Dem. c. Polycl. (L), 8, p. 1208: *δόξαν γὰρ ὑμῖν ὑπὲρ τῶν δημοτῶν τοὺς βουλευτὰς ἀπενεγκεῖν τοὺς προεισοίσοντας τῶν τε δημοτῶν καὶ τῶν ἐγκεκτημένων, προσαπηνέχθη μου τοῦνομα εἰ τριττοῖς δήμοις.*

ными округами. И эта ихъ функція не была создана законодательствомъ IV-го вѣка или времени возрожденія демократіи въ архонтство Эвклида: она принадлежала имъ уже со средины V-го вѣка, когда состоялось народное постановленіе о подати на хлѣбъ или „первомъ колосѣ“ *(ἀπαρχή)*, собираемомъ въ пользу элевсинскихъ богинь. Въ этомъ декретѣ опредѣляется по докладу законодательной коммиссіи *(τάδε ξυγγραφεῖς ξυνέγραψαν)*, чтобы съ каждыхъ ста мѣръ (медимновъ) ржи не менѣе одного гектея ($^1/_6\,^0/_0$), а съ того же количества пшеницы не менѣе полугектея ($^1/_{12}\,^0/_0$) приносилось въ даръ богинямъ: сборъ этой повинности поручается демархамъ, которые сами и должны были доставить въ Элевсинъ подать своего дема[1]). Тотъ же порядокъ продолжалъ существовать по крайней мѣрѣ до двадцатыхъ годовъ IV-го вѣка, какъ мы узнали изъ недавно открытой надписи, содержащей счеты элевсинскихъ „священнослужителей“ *(ἱεροποιοί)*, притомъ изъ голодныхъ годовъ[2]); удержался ли онъ до временъ ритора Аристида (II-го в. п. Р. Х.), упоминающаго еще въ звучныхъ фразахъ о первенцахъ жатвы, приносимыхъ богинямъ[3]), рѣшить мы не можемъ, но при консерватизмѣ аѳинянъ въ религіозныхъ обрядахъ это весьма вѣроятно. Для насъ важенъ особенно фактъ, что около средины V-го в. демъ игралъ роль податнаго округа, а потому съ большою увѣренностью можно возвесть это учрежденіе и еще на полстолѣтіе выше, т.-е. приписать его законодательной дѣятельности Клисѳена: тогда демъ явится вполнѣ какъ въ военной, такъ и въ финансовой организаціи прямымъ преемникомъ прежнихъ навкрарій, какъ это утверждаетъ Аристотель. Въ связи съ ролью дема въ финансовомъ управленіи страны стоитъ единичное извѣстіе, сохраненное намъ лишь довольно позднимъ источникомъ, но являющееся въ такой формѣ, что въ подлинности его едва ли можетъ быть сомнѣніе: „если кто не желаетъ заплатить долгъ, въ коемъ онъ признанъ повиннымъ (нужно дополнить по смыслу: передъ казною), то ему удвоивается долгъ, и соотвѣтствующій демархъ съ членами Совѣта взыскиваетъ съ него и описываетъ его имущество и беретъ

[1]) C. I. A. IV, 2, 27 b = Ditt. S. I. G. 13, l. 8: *ἐκλέγειν δὲ τοὺς δημάρχους κατὰ τοὺς δήμους καὶ παραδιδόναι τοῖς ἱεροποιοῖς Ἐλευσινόθεν Ἐλευσινάδε.*

[2]) *Ἐφ. Ἀρχ.* 1883, p. 109 (p. 123, *β'*. l. 50) = B. d. C. H. VIII, p. 194 (Ol. 112, 4 = 329/8) съ комментаріемъ P. Foucart'a.

[3]) Aristid. Eleus., p. 417 Dind. Cfr. Isocr. Paneg. (IV), 31, p. 46-e.

съ него залоги“ [1]), — очевидно, что тутъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ изъ параграфовъ закона о государственныхъ должникахъ, чѣмъ объясняются и нѣкоторыя нами дополненныя недомолвки, такъ какъ параграфъ этотъ вырванъ изъ связи; подъ членами Совѣта должно, по аналогіи съ другими подобными случаями, о коихъ была рѣчь выше, понимать тѣхъ, которые какъ и демархъ принадлежали къ одному дему съ осужденнымъ должникомъ [2]).

Если по только-что изложенному демъ служилъ основаніемъ для распредѣленія разныхъ повинностей, касавшихся какъ самаго лица гражданина *(σώματα)*, такъ и его имущества *(χρήματα)*, то съ другой стороны, онъ игралъ ту же роль, когда дѣло шло о раздачѣ извѣстныхъ emolumenta: по демамъ производился раздѣлъ мяса на народныхъ угощеніяхъ во время Панаѳеней и нѣкоторыхъ другихъ празднествъ *(κρεανομία)* [3]), по демамъ же раздавались и деньги, отпускаемыя казною гражданамъ на праздничныя увеселенія преимущественно на зрѣлища *(θεωρικόν)* [4]), при чемъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ посредникомъ между государствомъ и отдѣльнымъ гражданиномъ являлся демархъ, который собиралъ и считалъ присутствующихъ на празднествѣ демотовъ, наблюдалъ за ихъ порядкомъ въ процессіи и вручалъ потомъ каждому приходящуюся на него часть денегъ и жертвеннаго мяса.

Въ одномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, какъ мы знаемъ, демы играли важную роль и въ законодательной сферѣ: когда послѣ переворота Четырехсотъ и слѣдовавшаго затѣмъ возстановленія демократіи по предложенію Тизамена было рѣшено произвести пересмотръ и кодификацію существующихъ законовъ, пришедшихъ

[1]) Bekker, Anecd. I, p. 199, 4: *ἀπογράφειν· τοῦ μὴ βουλομένου ἐκτίνειν τὸ ὄφλημα ὃ ὀφείλει διπλοῦται τὸ ὄφλημα καὶ ὁ δήμαρχος σὺν τοῖς βουλευταῖς τοῦτον εἰσπράττει καὶ ἀπογράφεται αὐτοῦ τὴν οὐσίαν καὶ ἐνεχυριάζει.* Böckh, кажется, относился съ нѣкоторымъ недовѣріемъ къ этому свидѣтельству, но оно подтверждается ролью, которую играли демархи при конфискаціи имущества государственныхъ измѣнниковъ, Архептолема и Антифонта (Ps.-Plut. vit. X orat. I, 28, p. 834 A).

[2]) На эту связь демарха съ булевтами своего дема обратилъ вниманіе уже Haussoullier, op. l., p. 131, not. 1.

[3]) C. I. A. II, 163 (videtur decretum ad administrationem Lycurgi spectare: U. Köhler), lin. 24: *νεμόντων τὰ κρέα τῷ δήμῳ τῷ Ἀθηναίων ἐν [Κεραμεικῷ] καθάπερ ἐν ταῖς ἄλλαις κρεανομίαις· ἀπονέμειν δὲ τὰς μερίδας εἰς τὸν δῆμον ἕκαστον κατὰ ἄνδρα νέμοντας ὁπόσους ἂν παρέχῃ ὁ δῆμος ἕκαστος.*

[4]) Dem. in Leoch. (XLIV), 37, p. 1091. Cfr. Luc. Timon, 49.

въ безпорядокъ за тяжелыя и бурныя времена Пелопоннесской войны, то обязанность составить необходимую для выполненія этой задачи коммиссію изъ 500 номоѳетовъ была возложена на демы[1]): — демоты должны были избрать своихъ представителей. Была ли это мѣра экстренная или же всегда номоѳеты избирались отъ отдѣльныхъ демовъ, мы рѣшить не можемъ, такъ какъ вообще вопросъ о составѣ этихъ коммиссій весьма теменъ: извѣстно, что онѣ были въ дѣйствіи всякій разъ, когда требовалась отмѣна стараго закона и введеніе новаго, и ихъ привыкли считать составленными чрезъ соединеніе нѣсколькихъ обыкновенныхъ дикастерій. Не отрицая возможности такого толкованія, мы позволимъ себѣ задать вопросъ: не стояли ли эти послѣднія въ нѣкоемъ соотношеніи съ демами? по теоріи Френкеля, полагающаго, что всякій гражданинъ по достиженіи 30-лѣтняго возраста могъ внести свое имя въ списокъ дикастовъ[2]), такое предположеніе было бы невозможно, но трактатъ Аристотеля доказалъ, что въ Аѳинахъ дѣйствительно было ихъ числомъ 6000[3]) и тѣмъ уничтожилъ то основаніе, на коемъ построено воздушное зданіе этого ученія. Мы, впрочемъ, не рѣшаемся высказать опредѣленнаго мнѣнія по заданному вопросу, а ограничиваемся указаніемъ на то, что утвердительное рѣшеніе не можетъ считаться невѣроятнымъ при той роли, которую демъ вообще игралъ въ аѳинской конституціи[4]), и въ частности — при составленіи другой, важнѣйшей государственной коллегіи, Совѣта Пятисотъ *(ἡ βουλὴ οἱ πεντακόσιοι)*.

Между тѣмъ какъ до послѣдняго времени всѣ изслѣдователи полагали, что въ основѣ его организаціи лежала фила, выставлявшая будто-бы кандидатовъ, изъ коихъ по жребію избиралось 50 членовъ *(βουλευταί)* и столько же „замѣстителей“ *(ἐπιλαχόντες)*,

---

[1]) Andoc. de myst. 84: *οἱ νομοθέται οἱ πεντακόσιοι, οὓς οἱ δημόται εἵλοντο.* Преходящей мѣрой считалъ такое избраніе Perrot, Essai sur le droit publ. d'Athènes (1869), p. 164.

[2]) M. Fränkel, Die att. Geschworenengerichte (1877), p. 20.

[3]) Aristot. Ath. Pol. 24, 3: *δικασταὶ μὲν γὰρ ἦσαν ἑξακισχίλιοι.*

[4]) Аристотель, правда, говоритъ, что въ его время дикасты избирались по филамъ (Ath. Pol. 63, 1); но нѣсколько раньше онъ упоминалъ о томъ, что выборы нѣкоторыхъ коллегій за продажностью демотовъ перешли къ филамъ, „за исключеніемъ Совѣта и стражей“; какія же это коллегіи прежде назначались демотами? Конечно не малочисленныя въ родѣ стратеговъ или казначеевъ богини — естественнѣе всего вспомнить о 6000 дикастовъ.

знаменитый эпиграфикъ Кёлеръ со свойственною ему проницательностью впервые указалъ на важныя по этому вопросу данныя, которыя можно извлечь изъ ряда документовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Prytanenurkunden. Подъ нимъ разумѣются списки притановъ или вѣрнѣе сказать членовъ Совѣта, принадлежащихъ къ одной филѣ, начертанные большею частью на базисѣ какого-нибудь принесеннаго ими богамъ дара,— приношеніе это дѣлалось ими въ благодарность за хорошее веденіе дѣлъ, удостоенное похвалъ со стороны народной экклезіи. Кёлеръ, уже раньше занимавшійся этими документами, коихъ было извѣстно нѣсколько, но довольно поврежденныхъ экземпляровъ, и распознавшій въ нихъ три обособленныя группы[1]), въ послѣдніе годы по случаю открытія новаго полнаго экземпляра снова подвергъ ихъ тщательному изслѣдованію съ другой точки зрѣнія[2]). Для двухъ такихъ списковъ филъ Леонтиды и Ойнеиды онъ показалъ, что въ нихъ поименованы всѣ демы, имъ соотвѣтствовавшіе; въ третьемъ (филы Антіохиды) нѣсколько общинъ оказались не помянутыми, но только такія, которыя въ надписяхъ появляются не раньше императорскаго римскаго времени (а изъ авторовъ только у Гесихія); въ четвертомъ наконецъ (филы Эгеиды) недостаетъ дѣйствительно нѣсколькихъ важныхъ демовъ, но во-первыхъ, самъ списокъ неполонъ, содержа лишь 45 именъ вмѣсто 50, а во-вторыхъ, онъ относится ко времени существованія Антигониды и Деметріады, когда по крайней мѣрѣ одинъ изъ недостающихъ демовъ *(Γαργηττός)* былъ перенесенъ въ первую изъ двухъ новыхъ филъ, и то же самое можетъ быть принято и для остальныхъ[3]). Изъ этихъ данныхъ знаменитый эпиграфикъ заключилъ, что въ Совѣтѣ были представлены всѣ демы каждой филы, за исключеніемъ весьма немногихъ, „гнилыхъ“ мѣстечекъ. „Die Zahl der öffentlichen Urkunden“, говоритъ онъ, „aus der älteren Zeit des Staates ist heutzutage so gross, dass es nicht dem Zufall zugeschrieben werden kann, wenn eine Gruppe von Demen in denselben nie vorkommt, wenn kein Tyrmeide oder Melainenser je als Rathsherr oder Schreiber, kein Pentelier oder Titakide als Schatzmeister oder Richter genannt wird. Auch im attischen Freistaat hat es ganze

[1]) Въ Hermes, V, p. 331.

[2]) U. Köhler, Attische Prytanenurkunden въ Mitth. IV, p. 97 sqq.

[3]) C. I. A. II, 864, 868, 869 et 329.

Communen, einen nicht unerheblichen Bruchtheil der Bürgerschaft gegeben, der den öffentlichen Angelegenheiten fern stand. Mit der sich hieraus ergebenden Einschränkung wird der Satz Gültigkeit haben, dass in der älteren Zeit im Rathe nicht blos die Phylen sondern thatsächlich auch die Demen vertreten waren“[1]).

Послѣднее положеніе несомнѣнно справедливо, какъ мы увидимъ ниже, но нельзя того же сказать о первомъ — о существованіи въ Аттикѣ цѣлаго ряда общинъ, которыя будто-бы не принимали никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ: если извѣстныя мѣстечки никогда въ классическую эпоху аѳинской республики не встрѣчаются въ надписяхъ, то это, дѣйствительно, нельзя приписать простой случайности, но вѣрнѣе будетъ предположить, что они и не были вовсе включены въ число демовъ или же приняты лишь позднѣе при созданіи бо́льшаго количества филъ, когда они и появляются въ эпиграфическихъ документахъ. Правда, противъ этого ссылаются на свидѣтельства писателей въ родѣ Гесихія и Стефана Византійскаго; но ихъ авторитета нельзя ставить слишкомъ высоко, такъ какъ тамъ, гдѣ мы можемъ ихъ контролировать сравненіемъ съ оффиціальными актами, они уличаются часто въ погрѣшностяхъ, — вѣдь называетъ же даже Павсаній мѣстечко Бравронъ демомъ, хотя оно никогда таковымъ не было, — а сверхъ того въ большинствѣ случаевъ эти поздніе писатели не указываютъ времени, къ которому должно отнести ихъ замѣтки. Мелайны напр. называются демомъ филы Антіохиды у Гесихія и дѣйствительно засвидѣтельствованы намъ какъ таковой надписью, относящеюся по всей вѣроятности къ началу III-го вѣка до Р. Х., но раньше никогда не встрѣчаются, — очевидно это мѣстечко на границахъ Беотіи было возведено на степень самостоятельнаго дема лишь въ концѣ IV-го вѣка при образованіи двухъ новыхъ филъ въ 307 г.[2]) Положеніе проф. Кёлера могло еще имѣть нѣкоторое правдоподобіе, пока держались мнѣнія, что представительство демовъ въ Совѣтѣ было факультативное (thatsächlich) и

---

[1]) Cfr. l. l. p. 105.

[2]) C. I. A. II, 788, A, lin. 9: *Μελαινέ[ων]*. Объ этихъ надписяхъ (ихъ пять, содержащихъ т.-наз. rationes centesimarum) U. Köhler замѣчаетъ: „tituli, quos hoc loco tractamus, ad alteram partem saeculi quarti et tempora subsequentia pertinere videntur. Кромѣ того демъ *Μελαιναί* изрѣдка упоминается въ

слѣдовательно иная община, не выставивъ ни одного кандидата, могла и уклониться отъ участія въ данной коллегіи; но послѣ того какъ доказано, что представительство это совершалось не de facto, а de jure по закону, нѣтъ сомнѣнія, что всѣ демы безъ исключенія не только могли, но и обязаны были ставить хотя бы одного члена въ Совѣтъ Пятисотъ.

Это сдѣлалось весьма вѣроятнымъ уже послѣ изслѣдованія французскаго ученаго Оветъ-Бено, который на основаніи вновь найденнаго каталога притановъ филы Эгеиды изъ 341/40 г. развилъ дальше положеніе Кёлера[1]): сопоставивъ указанный документъ съ другимъ подобнымъ же, относящимся приблизительно къ тому же времени, онъ показалъ, что съ небольшими колебаніями одинаковые демы представлены въ обоихъ равнымъ числомъ членовъ. Въ подтвержденіе онъ привелъ еще вышеупомянутый каталогъ 45 притановъ той же Эгеиды изъ эпохи 12 филъ, когда число представителей отъ каждаго дема должно было увеличиться вслѣдствіе перенесенія нѣкоторыхъ общинъ въ новыя филы — дѣйствительно, это и было сдѣлано для большихъ демовъ и притомъ пропорціонально прежнему количеству представителей, между тѣмъ какъ меньшіе были оставлены при прежнемъ числѣ или низведены даже до одного члена. Изъ этихъ сопоставленій французскій ученый сдѣлалъ вполнѣ правильный выводъ, что не только всякій демъ обязательно былъ представленъ въ Совѣтѣ, но и было нормировано закономъ число членовъ его, которыхъ приходилось ставить каждой общинѣ, само собою разумѣется, соотвѣтственно своей величинѣ и числу своихъ демотовъ[2]). Мы наоборотъ теперь по этимъ каталогамъ можемъ себѣ составить понятіе объ относительномъ значеніи демовъ, какъ справедливо замѣтилъ Госсулье: отъ одного члена Совѣта, приходящагося на долю цѣлаго ряда демовъ, число представителей возрастаетъ до 10 для Анафлиста, Алопекъ

надписяхъ императорскаго времени, когда онъ былъ причисленъ къ Птолемаидѣ (C. I. A. III, 1147, дополненъ въ 1849). Подробнѣе объ этихъ вопросахъ въ Прил. I („Распредѣленіе демовъ по филамъ“).

[1]) Am. Hauvette-Besnault, Dédicace athénienne въ B. d. C. H. V, p. 361; теперь надпись въ C. I. A. II, 872. Два другихъ списка притановъ той же филы: C. I. A. II, 870 (сред. IV-го в.); 329 (III-го в.).

[2]) Новый почти полный списокъ притановъ Пандіониды изъ средины IV-го в. изданъ P. Foucart'омъ (въ B. d. C. H. XIII, p. 346), который подтвердилъ выводы, сдѣланные Кёлеромъ и Оветтъ-Бено.

и для Эрхіи (для послѣдней въ эпоху 12 филъ, прежде только 6) и до 22 для крупнѣйшей общины Ахарнъ (*μέγα μέρος τῆς πόλεως*, по выраженію Θукидида). Заключеніе, къ которому Оветъ-Бено пришелъ путемъ аналитическимъ, теперь вполнѣ подтверждается свидѣтельствомъ Аристотеля, который говоритъ, что назначеніе членовъ Совѣта и прежде происходило по демамъ и въ его время оставлено за ними, когда другіе выборы вслѣдствіе частыхъ случаевъ подкупа переданы были филамъ[1]). Какъ собственно происходило это назначеніе и гдѣ (т.-е. въ Аѳинахъ, какъ центрѣ всего государства, или въ каждомъ отдѣльномъ демѣ) — не вполнѣ ясно; но изъ словъ Аристотеля, что демы торговали должностными мѣстами, можно сдѣлать выводъ, что послѣднія, а слѣдовательно и мѣста въ Совѣтѣ замѣщались не только соотвѣтственно общинамъ (какъ это должно предполагать относительно выборовъ по филамъ), но и при прямомъ ихъ участіи въ назначеніи. Наиболѣе вѣроятнымъ по аналогіи съ архонтами представляется намъ предположеніе, что демоты выставляли нѣсколько избранныхъ кандидатовъ, между которыми затѣмъ рѣшалъ жребій, — естественно въ демахъ, посылавшихъ одного лишь члена въ Совѣтъ, легко возможны были всякаго рода злоупотребленія.

Учрежденіе это чрезвычайно интересно съ исторической точки зрѣнія — это первый примѣръ правильно организованнаго представительства, какъ оно повсюду развито въ новѣйшихъ государствахъ, но весьма рѣдко встрѣчается въ античномъ мірѣ. Если гдѣ-нибудь чувствовалась необходимость въ представительствѣ, то преобладала та элементарная форма, что каждая община, большая или малая, ставила одинаковое число членовъ въ общее собраніе, обыкновенно по одному; несправедливость такого порядка уравновѣшивалась лишь отчасти тою естественною разницею въ авторитетѣ и вѣсѣ отдѣльныхъ голосовъ, которую устанавливало относительное значеніе общинъ, пославшихъ своихъ представителей: въ организаціи аѳинскаго Совѣта, которую мы безошибочно припишемъ глубокому политическому уму Клисѳена, мы находимъ первое отступленіе отъ обычной нормы въ пользу болѣе разумной системы, — оно и осталось почти единственнымъ.

Этого одного учрежденія было бы достаточно, чтобы доказать преобладающую роль, которую игралъ демъ въ управленіи госу-

[1]) Arist. Ath. Pol. 62, 1.

дарства аѳинскаго, — ни для триттій, ни даже для филъ ничего подобнаго нельзя привесть. Выборы нѣсколькихъ, хотя и важныхъ, коллегій магистратовъ по филамъ, т.-е. въ соотвѣтствіи съ ними, но безъ ихъ непосредственнаго участія, не могутъ никоимъ образомъ даже быть поставлены въ параллель съ правомъ, дарованнымъ демамъ по собственному усмотрѣнію посылать своихъ представителей въ высшее правительственное собраніе, а быть можетъ также и въ высшія судебныя палаты *(δικαστήρια)*, если справедливо соображеніе, высказанное нами выше по этому поводу. Но какъ ни велики были преимущества, вытекавшія для общинъ изъ этого права, — они отступаютъ далеко передъ тѣмъ значеніемъ, которое придавало имъ другое несомнѣнно также Клисѳеновское узаконеніе: демы являлись стражами и блюстителями права гражданства для всѣхъ членовъ аѳинской республики. Подробному разсмотрѣнію этого вопроса посвящена слѣдующая глава: здѣсь, давая очеркъ обще-государственной роли дема, мы укажемъ лишь на то, что не только всякій аѳинскій гражданинъ обязанъ былъ на 18-мъ году жизни внести свое имя въ списки того дема, къ которому онъ принадлежалъ по своему происхожденію, но эти списки *(ληξιαρχικὰ γραμματεῖα)* служили оффиціальнымъ документомъ его права гражданства, — ни о какой записи въ высшія народныя дѣленія мы ничего не знаемъ. Принадлежность къ извѣстному дему была равносильна гражданству. Поэтому когда въ нѣкоторыхъ случаяхъ обще-народное собраніе рѣшало очистить государство отъ лицъ, неправильно проникшихъ въ число гражданъ, то оно не само бралось за это дѣло и не филамъ его поручало, а отдѣльнымъ демамъ (такъ-наз. *διαψήφισις*). Руководившая при этомъ мысль была та же самая, которую выражаетъ и Аристотель, говоря, что въ ограниченную общину труднѣе могутъ проникнуть чуждые элементы, нежели въ болѣе обширную, гдѣ граждане другъ друга мало знаютъ: демоты, конечно, лучше знали и происхожденіе и семейное положеніе каждаго изъ своихъ членовъ, нежели это было возможно для филетовъ, приписанныхъ къ различнымъ участкамъ Аттики. Но за то среди болѣе ограниченнаго числа лицъ, какъ мы уже выше указывали, ссылаясь на Демосѳена, и при составленіи гражданскихъ списковъ чаще бывали случаи разныхъ злоупотребленій[1]).

[1]) О всѣхъ этихъ вопросахъ срвн. нашу главу III и Haussoullier, op. l., p. 11—54.

Мы постарались, насколько позволяли имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи документы, подробно разсмотрѣть обще-государственное значеніе народныхъ дѣленій, установленныхъ Клисѳеномъ, принимая за достовѣрный фактъ, что ему должна быть приписана, за исключеніемъ развѣ немногихъ мелочей, вся эта организація въ ея цѣломъ. Мы видѣли, что единственное измѣненіе, которое намъ удалось констатировать въ ней въ классическую эпоху независимости аѳинскаго государства, былъ переходъ отъ демовъ къ филамъ выборовъ нѣкоторыхъ намъ неизвѣстныхъ правительственныхъ коллегій. Хотя аѳинскія учрежденія позднѣйшаго времени намъ мало извѣстны, но можно думать, что различные перевороты и реформы почти не коснулись Клисѳеновской организаціи демовъ въ ея идеѣ и дѣйствіи, но во внѣшнихъ условіяхъ ея произошли довольно значительныя перемѣны.

Принявъ за достовѣрное Геродотовское извѣстіе о первоначальномъ числѣ 100 демовъ[2]), мы уже выше упомянули, что Страбонъ насчитывалъ ихъ уже 174[3]), такъ что первоначальное число почти

---

[1]) Нѣкоторые видные ученые, отвергая свидѣтельство Геродота, какъ выше упомянуто, переносятъ на времена Клисѳена число 174 демовъ, упоминаемое Страбономъ; къ нимъ принадлежатъ Гротъ (Hist. of Gr. IV, p. 59), Германнъ (St.-Alt. § 111), В. Вакcмутъ, Hellen. Alterthumsk. I, p. 544, H. Sauppe (De demis urb. Athenarum, p. 9), предложилъ оригинальную комбинацію, которая не нашла сочувствія: Клисѳенъ засталъ 100 поселковъ въ Аттикѣ (по Геродоту), но разбилъ ихъ на 174 дема (по Страбону). Онъ же указалъ на мѣсто Геродіана, подтверждающее свидѣтельство Геродота (Herodian. *π. μονήρ. λέξ.* 17, 8): *Ἀραφὴν εἷς τῶν ἑκατὸν ἡρώων.* Далѣе подобное же мѣсто, исправивъ его, указалъ v. Wilamowitz (Kydathen, p. 146, not. 65) въ Schol. Eurip. Hipp. 455: *Κέφαλος εἷς ἐστι τῶν ἑκατόν, Δηιονέως* (вм. *τῶν ἐξ Ἐνδυμίωνος*) *ἔγγονος.* Болѣе сомнительно предложенное Meineke (Philolog. XIII, p. 551) и принятое C. Wachsmuth'омъ (Stadt Athen. II, p. 248, not. 1) исправленіе у Гесихія: *Πολύξενος εἷς τῶν [ϱ'] ἡρώων,* такъ какъ мы не знаемъ дема, коего онъ могъ бы считаться эпонимомъ. Число „ста“ теперь принято большинствомъ ученыхъ для Клисѳеновскихъ демовъ: срвн. Schömann, De Com. p. XV, Antiqq. p. 179, Gr. Alt. I, p. 355; L. Ross, Demen von Attika, p. 3. E. Curtius, Gr. Gesch. I, p. 374; M. Duncker, Gesch. d. Alt. VI, p. 587; G. Busolt, Gr. Gesch. I, p. 610; v. Wilamowitz, Kydathen, p. 146. C. Wachsmuth, Stadt Athen. I, p. 347.

[2]) Strabo, IX, 1, 16, p. 396: *Ἐλευσῖνά τε εἰπὼν (Ἡγησίας) ἕνα τῶν ἑκατὸν ἑβδομήκοντα δήμων, πρὸς δὲ καὶ τεττάρων, ὥς φασιν, οὐδένα τῶν ἄλλων ὠνόμακεν.* Приписывать это свидѣтельство именно Полемону, какъ дѣлаетъ большинство ученыхъ, неопредѣленное *ὥς φασιν* не даетъ намъ никакого права.

удвоилось. Мы сами, на основаніи дошедшихъ до насъ документовъ, можемъ констатировать приблизительно такое же число, и потому весьма вѣроятно, что позднѣе оно оставалось неизмѣнно, за рѣдкими исключеніями (напр. образованіе дема *Ἀντινοεῖς* въ честь любимца императора Адріана, если при этомъ не была просто переименована уже раньше существовавшая община). Насчетъ законодательныхъ формальностей при созданіи новыхъ демовъ намъ ничего неизвѣстно, но нельзя сомнѣваться, что для этого акта требовалось согласіе народнаго собранія. Мотивы для такой мѣры, конечно, могли быть самые разнообразные, но если мы не ошибаемся, главнымъ стимуломъ при этомъ былъ сильно развитой эллинскій партикуляризмъ: самая маленькая община стремилась къ самостоятельности, по крайней мѣрѣ къ муниципальной автономіи. Конечно, иногда образованіе новаго дема могло дѣйствительно удовлетворять настоятельнымъ потребностямъ, но случаи подобные вѣроятно были довольно рѣдки: по крайней мѣрѣ изъ тѣхъ общинъ, для коихъ болѣе позднее возникновеніе можетъ быть принято съ большою степенью вѣроятія, ни одна не отличалась ни особеннымъ значеніемъ, ни многолюдствомъ, какъ можно заключить изъ небольшаго числа поставляемыхъ ими притановъ и эфебовъ, и вообще рѣдкаго упоминанія въ надписяхъ. Къ числу такихъ позднѣе Клисѳена выдѣленныхъ демовъ можно отнести безъ сомнѣнія оба Ойона, Декелейскій и Керамейскій, получившіе свои прозвища отъ сосѣднихъ крупныхъ демовъ, въ составъ коихъ они вѣроятно сначала входили, хотя впослѣдствіи были отнесены къ другимъ филамъ, а также всѣ тѣ двойныя общины одного наименованія, различавшіяся чрезъ прибавленіе эпитетовъ „верхній“ *(καθύπερθεν)* и „нижній“ *(ὑπένερθεν)*: сюда принадлежатъ напр. обѣ Агрилы, Лампгры, Пергасы въ Эрехѳеидѣ, обѣ Анкилы въ Эгеидѣ, обѣ Пеаніи въ Пандіонидѣ. Весьма интересна также судьба дема *Ποταμός*, который былъ раздѣленъ на три части: двѣ изъ нихъ, Верхній и Нижній Потамъ, были давно извѣстны, но рядомъ съ ними въ каталогѣ притановъ Леонтиды встрѣчается еще третій демъ того же имени; проф. Кёлеръ, сначала предполагавшій недосмотръ рѣзчика, убѣдился въ подлинномъ его существованіи благодаря вновь найденному обломку подобнаго же списка, гдѣ вполнѣ отчетливо читается и полное названіе этой общины — *Ποταμὸς Λειραδιώτης*; прозвище дано ей несомнѣнно по сосѣднему дему

Δειράδες, коего часть, можетъ быть, по предположенію названнаго ученаго, была къ ней присоединена[1]).

При этомъ случаѣ проф. Кёлеръ развиваетъ и свое мнѣніе относительно увеличенія числа демовъ. Онъ вспоминаетъ, что противъ наиболѣе распространеннаго воззрѣнія о постепенномъ его возрастаніи отъ 100 Клисѳеновскихъ до 174, упоминаемыхъ Страбономъ, протестовалъ уже Зуппе по примѣру К. Германна и Грота, ссылаясь на неравномѣрность этихъ общинъ; это возраженіе по его мнѣнію можетъ быть нынѣ обосновано гораздо точнѣе, нежели въ то время, когда писалъ названный ученый. „Если по выше доказанному, — говоритъ онъ[2]), — три общины Потаміевъ, вмѣстѣ взятыя, были представлены въ Совѣтѣ пятью членами или Верхняя и Нижняя Анкила только двумя, между тѣмъ какъ другія ставили до двадцати трехъ членовъ Совѣта, то могъ ли чрезмѣрный ростъ населенія (Uebervölkerung) быть причиной, почему тѣ демы были раздроблены на двѣ, на три части? И какъ хотятъ объяснить тотъ фактъ, что Верхняя Пеанія была представлена въ Совѣтѣ одиннадцатью, Нижняя — однимъ голосомъ? Можно ли разумнымъ образомъ предположить, чтобы при дробленіи дема по названной причинѣ дѣленіе было произведено такимъ неравномѣрнымъ образомъ. Если бы приведенные случаи были единственные, то можно было бы допустить, что внутри самихъ общинъ произошли сецессіи, которыя затѣмъ были признаны народнымъ собраніемъ. Но такимъ образомъ могли бы возникнуть отдѣльные демы, а никакъ не въ такомъ количествѣ, чтобы ихъ число увеличилось на три четверти. Многочисленность вновь созданныхъ общинъ сама по себѣ должна бы была навести на мысль, что онѣ возникли не постепенно вслѣдствіе случайныхъ причинъ, а что списки демовъ отдѣльныхъ филъ изъ административныхъ соображеній были преобразованы единичнымъ законодательнымъ актомъ суверенаго народа. Bis hierher glaube ich meiner Sache sicher zu sein; was folgt gebe ich als Hypothese“. И далѣе онъ выставляетъ слѣдующую комбинацію: между тѣмъ какъ Клисѳенъ для набора флотскихъ экипажей сохранилъ прежнія навкраріи, при увеличеніи флота по закону Ѳемистокла (въ 483 г.) послѣднія оказались несоотвѣтствующими

---

[1]) U. Köhler, Potamos въ Mitth. X, p. 105; cfr. Mitth. IV, p. 102.

[2]) Въ Mitth. X, p. 108 sqq.

новымъ требованіямъ и были замѣнены триттіями, содержавшими по нѣсколько большихъ и малыхъ демовъ[1]), — при этой реорганизаціи и произошло умноженіе ихъ числа до 174.

При всемъ почтеніи къ нашему многоуважаемому учителю мы должны сказать, что его разсужденія не выдерживаютъ критики. Помимо того, что его мнѣніе о времени учрежденія триттій опровергается свидѣтельствомъ Аристотеля, который приписываетъ ихъ установленіе самому Клисѳену, не можетъ подлежать сомнѣнію, что тѣ несообразности въ организаціи демовъ, кои вызываютъ острую критику знаменитаго ученаго, непонятны именно въ томъ случаѣ, если мы примемъ единичный актъ государственной власти, какія бы административныя цѣли мы бы ей ни приписали. Станемъ напр. на точку зрѣнія проф. Кёлера и предположимъ, что умноженіе числа демовъ произошло въ виду реформы флота — какія соображенія могли побудить аѳинскій народъ создавать цѣлый рядъ демовъ (въ родѣ Нижняго Потама и Нижней Пеаніи или обѣихъ Анкилъ) съ однимъ представителемъ въ Совѣтѣ и оставить нетронутыми Ахарны съ 22? для удобства распредѣленія отдѣльныхъ флотскихъ экипажей? но при пропорціи 100 (число судовъ, проектированныхъ Ѳемистокломъ) : 500 (число членовъ Совѣта) одинъ экипажъ приходится приблизительно на демъ, посылающій 5 представителей въ Совѣтъ, какую же выгоду представляли мелкіе демы съ 1—2 голосами? Вообще всякая разумная администрація должна стремиться къ возможно большей равномѣрности административныхъ округовъ: такъ и въ Аѳинахъ набранные по демамъ воины для флота соединялись въ батальоны по триттіямъ, для сухопутнаго войска въ полки по филамъ, потому что демы по своей разнокалиберности были неудобны для формированія отдѣльныхъ отрядовъ. Если же мы въ организаціи демовъ видимъ обратное движеніе, то тутъ нельзя предположить единичнаго законодательнаго акта, а возможно признать лишь постепенное дѣйствіе естественныхъ условій, которыя по нашему мнѣнію брались въ разсчетъ уже Клисѳеномъ и вполнѣ достаточны для объясненія всѣхъ аномалій, указанныхъ Кёлеромъ. Для городскихъ поселеній (въ нашемъ

[1]) Срвн. теперь Aristot. Ath. Pol. 22, 7: *ἔτει δὲ τρίτῳ μετὰ ταῦτα Νικομήδους ἄρχοντος* (Ol. 74, 2 = 483/2) ..... *Θεμιστοκλῆς* ..... *δανεῖσαι κελεύων τοῖς πλουσιωτάτοις Ἀθηναίων ἑκατὸν ἑκάστῳ τάλαντον* .... *λαβὼν δ' ἐπὶ τούτοις ἐναυπηγήσατο τριήρεις ἑκατόν, ἑκάστου ναυπηγουμένου τῶν ἑκατὸν μίαν.*

смыслѣ слова) въ родѣ Пирея, Элевсина, Торика — дробленіе на нѣсколько демовъ было нежелательно и не соотвѣтствовало естественнымъ условіямъ; то же самое можно сказать и относительно Ахарнъ съ его населеніемъ винодѣльцевъ и угольщиковъ, которое по всей вѣроятности жило до того разсѣянно по долямъ и холмамъ, что образованіе нѣсколькихъ болѣе многолюдныхъ центровъ было невозможно, и вмѣстѣ съ тѣмъ было одушевлено такимъ упрямымъ самосознаніемъ, что искусственное дѣленіе на отдѣльныя общины представлялось неудобнымъ и должно было вызвать сильнѣйшее сопротивленіе[1]); наоборотъ въ Пеаніи, лежавшей въ равнинѣ, легко могло рядомъ съ главнымъ центромъ дема образоваться болѣе мелкое поселеніе, которое въ виду коммунальнаго соперничества естественно стремилось къ полному обособленію, такъ какъ иначе ему не представлялось напр. никакой возможности проводить въ Совѣтъ своихъ кандидатовъ, т.-е. своихъ демотовъ.

Такимъ образомъ доводы, представленные проф. Кёлеромъ въ пользу своей теоріи, гораздо больше говорятъ въ пользу обратной: мы вполнѣ убѣждены, что возрастаніе числа демовъ шло постепенно и было результатомъ естественныхъ причинъ, которыя мы, конечно, тѣмъ менѣе можемъ всюду опредѣлить, что даже не въ состояніи рѣшить вопроса — какіе демы принадлежали къ числу ста Клисѳеновскихъ, какіе возникли позднѣе. Фактъ несомнѣнный, что съ конца III-го вѣка новыхъ демовъ почти не создавалось, за исключеніемъ немногихъ, учрежденныхъ по особымъ соображеніямъ, каковы *Βερενικίδαι*, *Ἀπολλωνιεῖς*, *Ἀντιοεῖς*, не можетъ служить въ подтвержденіе Кёлеровской гипотезы: онъ долженъ быть признанъ лишь доказательствомъ общаго упадка Аѳинъ и въ частности муниципальной жизни въ демахъ, какъ это выражается ясно и въ другомъ характеристическомъ примѣрѣ. При созданіи новой филы Адріанпды число членовъ Совѣта не было уве-

---

1) Это чувство самосознанія и упорная солидарность всѣхъ членовъ дема Ахарнъ характеризована отчетливо Аристофаномъ въ комедіи, названной по нимъ, и еще лучше тѣмъ вниманіемъ, которое по словамъ Ѳукидида (II, 20) царь Архидамъ обратилъ на настроеніе Ахарнянъ, называвшихъ себя *μέγα μέρος τῆς πόλεως*. Срвн. восклицаніе одного комика: *ὦ Δρυαχαρνεῦ* и эпитеты Аристофана (Acharn. 179): *Ἀχαρνικοί, στιπτοὶ γέροντες, πρίνινοι*
ἀτεράμονες, Μαραθωνομάχαι, σφενδάμινοι.

личено на 50 новыхъ, какъ это дѣлалось прежде въ подобныхъ случаяхъ, а низведено до 500, такъ какъ несмотря на всѣ усилія этого императора поднять благосостояніе аѳинской республики, очевидно, демы не обладали больше такою жизненною силою, чтобы замѣщать ежегодно даже прежнее число мѣстъ въ Совѣтѣ: какъ они нѣкогда постепенно возникали и добивались самостоятельнаго участія въ политической жизни, такъ они теперь постепенно умирали медленною смертью и уклонялись отъ своей доли государственныхъ обязанностей.

Гораздо точнѣе, нежели относительно демовъ, мы знаемъ измѣненія, которымъ подверглись съ теченіемъ времени филы. О триттіяхъ, за неимѣніемъ прямыхъ свидѣтельствъ, можно съ большимъ вѣроятіемъ предположить, что составляя трети филъ и не обладая важнымъ самостоятельнымъ значеніемъ, онѣ вполнѣ правильно сообразовались съ этими измѣненіями, постигавшими ихъ высшія дѣленія: умножаясь или уменьшаясь по обстоятельствамъ въ числѣ и мѣняясь относительно состава включенныхъ въ нихъ демовъ, онѣ продолжали оставаться третями филъ, — по крайней мѣрѣ ихъ триттіархи упоминаются вмѣстѣ съ *ἐξεταστῆς* при уплатѣ извѣстныхъ суммъ еще въ началѣ III-го вѣка, т.-е. несомнѣнно продолжали существовать и послѣ прибавленія двухъ новыхъ филъ [1]).

Какъ извѣстно, десять Клисѳеновскихъ филъ оставались безъ измѣненія въ продолженіе ровно двухъ вѣковъ (508—307 г.). Послѣ освобожденія Аѳинъ отъ власти Димитрія Фалерскаго, поставленнаго Кассандромъ въ эпимелеты города, и занятія ихъ Димитріемъ Поліоркетомъ, народъ аѳинскій, изощряясь по наущенію продажныхъ ораторовъ (Стратокла и Дромоклида) въ раболѣпіи передъ новыми властителями, между прочими почестями постановилъ образовать двѣ новыя филы и по имени своего освободителя и его отца, возведенныхъ въ *θεοὶ Σωτῆρες* и героевъ-эпонимовъ, назвать ихъ Антигонидой и Деметріадой [2]). Соотвѣтственно увеличенному

[1]) C. I. A. II, 297, 298, 300.

[2]) Diodor. XX, 45—46; Plut. v. Dem. 10: *ταῖς δὲ φυλαῖς δύο προσέθεσαν, Δημητριάδα καὶ Ἀντιγονίδα· καὶ τὴν βουλὴν τῶν πεντακοσίων πρότερον ἑξακοσίων ἐποίησαν* (по предложенію Стратокла, какъ сообщаетъ Діодоръ). Въ качествѣ эпонимовъ своихъ филъ они были названы *θεοὶ Σωτῆρες* и ихъ жрецъ, по свидѣтельству Плутарха, будто-бы замѣнилъ архонта: послѣднее сообщеніе

числу филъ и количество членовъ Совѣта возросло до 600; можно предположить, что и другія коллегіи магистратовъ отъ десятерич-наго перешли къ двѣнадцатерпчному составу, но относительно этого не сохранилось никакихъ свидѣтельствъ. Относительно мѣста, которое заняли въ оффиціальномъ порядкѣ новыя филы, ученые долго не могли согласиться: исходя изъ убѣжденія, что образо-ванныя впослѣдствіи филы Птолемаида и Атталида были просто переименованы изъ двухъ названныхъ, многіе приписывали послѣд-нимъ тѣ мѣста, которыя несомнѣнно принадлежали первымъ — пятое и двѣнадцатое (такъ уже Корсини). Бёкъ изъ порядка пере-численія проедровъ заключилъ, что Антигонида должна была за-нимать первое мѣсто, и по аналогіи приписалъ Деметріадѣ второе; противъ него, правда, Россъ сослался на вновь открытый спи-сокъ демовъ, гдѣ по его мнѣнію, въ промежуткѣ между Леонтидой и Акамантидой должны были быть перечислены демы Антигониды на пятомъ мѣстѣ (списокъ дошелъ въ очень испорченномъ видѣ) [1]);

вполнѣ опровергъ A. Kirchhoff (Ist in Athen je nach Priestern der Soteren datirt worden? въ Herm. II, p. 161). Cfr. Droysen, Hellen. II, p. 119. Относительно времени учрежденія двухъ новыхъ филъ мы знаемъ, что оно произошло при архонтѣ Анаксикратѣ (Ol. 118, 2 = 307/6): въ слѣдующемъ уже году архонта Кореба упоминается фила Деметріада (C. I. A. II, 246); а при Анаксикратѣ еще пятая пританія падала на 6-ой мѣсяцъ (C. I. A. II, 238), что указываетъ на су-ществованіе лишь 10 филъ. Поэтому ученые полагали, что новое устройство во-шло въ дѣйствіе лишь при архонтѣ Коребѣ. Мы держимся убѣжденія, что оно было введено уже во второй половинѣ года Анаксикрата (т.-е. въ началѣ 306 г.) такъ какъ въ одной хорегической надписи изъ этого года (B. d. C. H. II, p. 396= C. I. A. II, 1290) имя одной филы преднамѣренно было выскоблено, что могло произойти лишь съ Антигонидой или Деметріадой. Это воззрѣніе подтверждается нѣкоторыми аномаліями датировки въ декретѣ, изданномъ H. Lolling'омъ въ *Δελτ. Ἀρχ.* 1888, p. 113, гдѣ упоминается вставочный мѣсяцъ, хотя годъ Анаксикрата былъ простымъ, и притомъ не *Ποσειδεών*, а *Γαμηλιὼν ὕστερος*: я не колеблюсь принять, что именно въ концѣ Посидеона или началѣ Гамеліона были учреждены новыя филы, и дабы умѣстить 7 пританій въ $^1/_2$ года, былъ прибавленъ лишній мѣсяцъ. — Вышеуказанная аномалія обратила на себя вниманіе и А. Н. Щукарева (Аѳинскіе архонты, 1890, стр. 12), но не могла быть имъ объяснена въ виду его антипатіи къ календарнымъ счисленіямъ, какъ вообще его разсуж-денія объ архонтатахъ двухъ Анаксикратовъ (307/6 и 279/8) принадлежатъ къ не-многимъ слабымъ частямъ его основательнаго изслѣдованія (срвн. мою рецензію въ Berl. Phil. Wochenschr. 1891, № 5).

[1]) Böckh, ad C. I. G. I, 111 (= C. I. A. II, 336), p. 153; также L. Grotefend, De demis (мнѣ было недоступно), p. 12; Schömann, Antiqq. 359, not. 16. —

но уже Мейеръ доказалъ справедливость предположенія Бёка по надписи, гдѣ въ перечисленіи филъ Антигонида и Деметріада занимаютъ дѣйствительно первыя мѣста[1]), между тѣмъ какъ приведенный Россомъ списокъ демовъ Гротефендъ, а затѣмъ Диттенбергеръ отнесли на основаніи неоспоримыхъ соображеній ко времени существованія Птолемаиды (занимавшей пятое пустое мѣсто), но раньше образованія Атталиды[2]).

Диттенбергеръ же при этомъ доказалъ несомнѣнно, что вполнѣ неосновательно мнѣніе, будто Антигонида и Деметріада были впослѣдствіи прямо переименованы въ Птолемаиду и Атталиду[3]): послѣднія были совершенно наново образованы изъ другихъ демовъ, нежели тѣ, которые нѣкогда вошли въ составъ первой пары филъ. Эти общины напротивъ были возвращены прежнимъ своимъ филамъ, — такъ напр. Лампитры, демъ Эрехѳеиды, включенный затѣмъ въ Антигониду, впослѣдствіи является опять принадлежащимъ первоначальной филѣ. Причину этого явленія названный ученый ищетъ въ ненависти аѳинянъ къ дому Антигона, царившему въ Македоніи и бывшему самымъ опаснымъ врагомъ ихъ свободы въ теченіе всего III-го вѣка. „Der Hass der Athener gegen die makedonischen Antigoniden, говоритъ онъ, wollte aus der neuen Ehrenbezeugung für die Könige von Aegypten und Pergamon alles beseitigen, was an die früher dem Antigonos und Demetrios erwiesenen Ehren erinnerte. Gerade so wie für die Zusammensetzung der neuen Phylen ist dieser Gesichtspunkt auch für die Stellung derselben massgebend gewesen[4]).

Однако выводы Диттенбергера справедливы лишь для Птолемаиды, между тѣмъ какъ для Атталиды Шпангенбергъ доказалъ,

---

Corsini, Fasti Att. I, p. 127, 177; Ross, Demen von Attika (1846), p. 2 съ ссылкой на списокъ демовъ въ C. I. A. II, 991.

[1]) M. H. E. Meyer, Comm. epigr. I (1852) p. 19 et II (1854), p. 62 на основаніи декрета въ честь *σιτωνῶν*, коихъ имена расположены въ порядкѣ (названныхъ) филъ: cfr. C. I. A. II, 335.

[2]) L. Grotefend въ Zeitschr. f. Alterthumswiss. 1857, p. 19. W. Dittenberger въ Hermes, IX, p. 399.

[3]) W. Dittenberger, Untersuch. über die nach Kleisthenes neu errichteten att. Phylen въ Hermes, IX, p. 385; уже раньше высказалъ подобное воззрѣніе L. Grotefend, Über das Verhältniss der Antigonis und Demetrias zu der Ptolemais und Attalis въ Zeitschr. f. Alterthumswiss. 1857, p. 17 sqq.

[4]) Dittenberger, op. l., p. 398.

что въ нее были приняты нѣкоторые демы, принадлежавшіе нѣкогда къ Антигонидѣ или Деметріадѣ: такъ, Гагнунтъ изъ Акамантиды и одна изъ двухъ Агрилъ изъ Эрехѳеиды, къ коимъ мы теперь безъ всякаго сомнѣнія можемъ еще присоединить Атену, перенесенную изъ Антіохиды сначала въ Деметріаду, а затѣмъ въ Атталиду [1]). Эту разницу въ руководящемъ принципѣ онъ пытается объяснить соображеніемъ, что при образованіи Птолемаиды вслѣдъ за отмѣной двухъ другихъ филъ позаботились, дѣйствительно, не перенести въ нее ни одного дема изъ уничтоженныхъ филъ, но создавая 60 лѣтъ позже Атталиду, уже не помнили или не обращали вниманія на то, какія общины когда-то принадлежали Деметріадѣ или Антигонидѣ [2]): мы увидимъ далѣе, что выводъ самъ по себѣ несомнѣнно правильный и составляетъ шагъ впередъ сравнительно съ заключеніями Диттенбергера, но объяснять его должно изъ гораздо менѣе сантиментальныхъ побужденій, нежели предполагали оба названные ученые. Теперь укажемъ еще на замѣчательный фактъ, что при образованіи новыхъ филъ, не только Антигониды и Деметріады, но и позднѣйшихъ, почти всѣ демы, распадавшіеся на нѣсколько частей и прежде принадлежавшіе къ одной филѣ, были распредѣлены по разнымъ: такъ, Ламптры встрѣчаются и въ Эрехѳеидѣ и въ Антигонидѣ, Пеанія — въ послѣдней же и въ Пандіонидѣ, Агрила — въ Эрехѳеидѣ, Эгеидѣ и Атталидѣ, Анкила — въ двухъ послѣднихъ; даже Итея, которая первоначально безъ раздѣленій была причислена къ Антіохидѣ, впослѣдствіи принадлежала пополамъ этой послѣдней и Акамантидѣ, — въ послѣднюю, очевидно, была перенесена та часть, которая входила въ составъ Антигониды [3]).

---

1) О Гагнунтѣ: Steph. Byz. s. v. *Ἀγνοῦς· δῆμος ἐν τῇ Ἀττικῇ τῆς Δημητριάδος φυλῆς· τινὲς δὲ τῆς Ἀκαμαντίδος ἢ ὡς Φρύνιχος τῆς Ἀτταλίδος* (Dittenberger выражаетъ сомнѣнія относительно вѣрности указанія: p. 410). Объ Агрилѣ: срвн. надпись изъ архонтата Геліодора въ *Ἀθην.* VI, p. 271, № 4, съ C. I. A. II, 467, 469, 470. Объ Атенѣ: срвн. ниже.

2) E. Spangenberg, De Athen. publicis institutis aetate Macedonum commutatis (1884), p. 34: „Nam illud quidem maxime probabile est, Athenienses, cum Antigonide et Demetriade annis fere 264/3 sublatis Ptolemaidem tribum instituerent, consuluisse ne pagi ex illis duabus in hanc novam tribum transferrentur. Sed cum plus quam sexaginta annis post Attalis tribus prioribus adderetur, vix quisquam meminerat, quinam pagi Demetriadis aut Antigonidis fuissent.

3) Ламптры: C. I. A. II, 328 et 324, 335. Пеанія: въ спискѣ эфебовъ изъ

Мы уже указали на то, что обѣ филы, созданныя въ честь Димитрія Поліоркета и его отца, были впослѣдствіи отмѣнены въ виду непріязненныхъ отношеній аѳинянъ къ ихъ потомкамъ и что на ихъ мѣсто были образованы двѣ другія, названныя по имени одного изъ Птолемеевъ — какъ обыкновенно принимаютъ, Филадельфа (285—47) — и Аттала I Пергамскаго[1]). Но въ виду того, что несомнѣнно Атталида была учреждена значительно позднѣе Птолемаиды, не возможно было предположить, чтобы одна пара непосредственно стала на мѣсто другой, поэтому ни насчетъ времени отмѣны первыхъ двухъ филъ, ни относительно переходнаго состоянія отъ одного порядка къ другому ученые до сихъ поръ никакъ не могли прійти къ соглашенію между различными выставленными теоріями.

Противъ мнѣнія Корсини, предполагавшаго, по свидѣтельству Поллукса, что новыя двѣ филы являлись прямыми преемницами отмѣненныхъ Антигониды и Деметріады[2]), возсталъ уже Бёкъ въ первомъ томѣ Корпуса: онъ объявилъ невозможнымъ, чтобы послѣднія пережили остальныя почести, нѣкогда дарованныя аѳинскимъ народомъ этимъ царямъ и отмѣненныя послѣ паденія Димитрія (въ 287 г.)[3]). Ни онъ, однако, ни большинство другихъ ученыхъ, весьма единодушно принявшихъ его мнѣніе, не высказывались насчетъ того, какой же порядокъ они предполагали существовавшимъ въ Аѳинахъ послѣ устраненія названныхъ филъ, хотя

305/4 г. (въ Mitth. IV, p. 324), fr. d, l. 3 et fr. k, l. 8. Агрила: C. I. A. II, 469, l. 92, 467, l. 124, 470, l. 102. Анкила: C. I. A. II, 470, l. 101 et 469, l. 109. *Εἰτέα* въ Антіохидѣ: C. I. A. II, 869; въ Антигонидѣ: ibid. 316; въ Антіохидѣ и Акамантидѣ: cfr. C. I. A. II, 465, l. 86, 467, l. 136 et 470, l. 92, 481, l. 83. Spangenberg, op. l., p. 35.

[1]) Paus. I, 5, 5: *οἵδε μέν εἰσιν Ἀθηναίοις ἐπώνυμοι τῶν ἀρχαίων· ὕστερον δὲ καὶ ἀπὸ τῶνδε φυλὰς ἔχουσιν, Ἀττάλου τοῦ Μυσοῦ καὶ Πτολεμαίου τοῦ Αἰγυπτίου κ. τ. λ.* ibid. 8, 6: *ὁ μὲν Φιλάδελφός ἐστιν οὗ καὶ πρότερον μνήμην ἐν τοῖς ἐπωνύμοις ἐποιησάμην.*

[2]) Poll. VIII, 10: *προσετέθησαν δὲ αὐταῖς δύο, Ἀντιγονὶς καὶ Δημητριάς, ἃς ὕστερον μετωνόμασαν Ἀτταλίδα καὶ Πτολεμαΐδα.* Cfr. Corsini, Fasti Att. I, p. 177.

[3]) Böckh ad C. I. G. I, 111, p. 901 (Add.): „Demetriadem et Antigonidem, abolitis pridem ceteris Demetrii et Antigoni honoribus, alteram usque ad institutam Ptolemaidem (Ol. 125, 3—133, 2 = 278—47), alteram usque ad Attalidem receptam (Ol. 145, 1 = 200) superfuisse non est probabile. Порицаемаго Бёкомъ мнѣнія держался Schömann, Antiqq., p. 360, not. 4.

вообще придерживались мнѣнія, что число двѣнадцати, разъ установленное для этихъ народныхъ дѣленій, больше не было никогда уменьшено. Противъ этого воззрѣнія возвысилъ свой голосъ именитый знатокъ греческихъ древностей К. Германнъ, который изъ молчанія авторовъ вывелъ заключеніе, что и послѣ изгнанія Димитрія изъ Македоніи филы, названныя въ честь его и отца, не были отмѣнены: онъ предположилъ, что онѣ продолжали существовать еще нѣкоторое время до учрежденія Птолемаиды приблизительно въ 60-хъ гг. III-го в., а послѣ этого и до конца столѣтія въ Аѳинахъ было лишь одиннадцать филъ[1]); въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ ссылался на одну надпись, въ коей послѣдній день года совпадалъ съ 34-мъ днемъ пританія, что будто-бы возможно было лишь при существованіи одиннадцати филъ въ високосномъ году ($10 \times 35 + 1 \times 34 = 384$ днямъ)[2]). Предположеніе Германна, дѣйствительно довольно слабо обоснованное, не нашло въ его время почти никакого сочувствія между болѣе видными учеными: М. Мейеръ отвергъ его, Вестерманнъ отнесся къ нему съ сомнѣніемъ[3]), большинство обходило его полнымъ молчаніемъ, и лишь одинъ Гротефендъ выступилъ на защиту противъ нашедшаго больше сочувствія ученія Теодора Бергка. Послѣдній именно изъ списка побѣдителей, въ коемъ между прочимъ назывался гражданинъ... *υκλείδου Ἐρεχθηίδος φυλῆς ΝΕΩΤΕΡ*[4]), сдѣлалъ выводъ, что въ періодъ между учрежденіемъ Птолемаиды, названной двумя строками выше, и Атталиды существовала фила *Ἐρεχθηὶς νεωτέρα* (Эрехѳеида младшая), очевидно замѣнившая одну изъ двухъ установленныхъ въ 306 г.; по аналогіи онъ пришелъ къ заключенію, что и другая, прежде чѣмъ быть переименованной въ Птолемаиду, получила новое названіе по одной изъ старыхъ — онъ предложилъ за отсутствіемъ какихъ-либо указаній для нея имя

---

1) K. F. Hermann въ Zeitschr. f. Alterthumswiss. 1845, p. 595; cfr. St.-Alt. § 175, not. 10.

2) Постановленіе въ честь Каллократида въ C. I. A. II, 190, l. 7: *Σκιροφοριῶνος ἑνῇ καὶ νέᾳ, τετάρτῃ καὶ τριακοστῇ τῆς πρυτανείας.* Такъ какъ въ немъ отсутствуетъ прибавленіе: *καὶ συμπρόεδροι,* то оно старше Ol. 115, 2=319/8 г., т.-е. принадлежитъ времени 10 филъ.

3) M. H. E. Meier въ Praef. zu Ross, Demen von Attica, p. VIII; A. Westermann въ Pauly's R. E. V, p. 1596, s. v. *Φυλαί.*

4) C. I. A. II, 966, lin. 44; cfr. Böckh, Kl. Schr. VI, p. 435.

Αἰγηὶς νεωτέρα, т.-е. второй въ старомъ порядкѣ филъ, какъ Эрехѳеида младшая была названа по первой[1]).

Это воззрѣніе Бергка, развитое имъ въ нѣсколькихъ статьяхъ, было принято большинствомъ ученыхъ, между прочимъ и такими корифеями, какъ Бёкъ и Шёманнъ[2]). Первый возсталъ противъ него Гротефендъ[3]), но его возраженія вполнѣ игнорировались наукой, равно какъ и протестъ Германна. Не удалось поколебать разъ составившагося убѣжденія и Вильгельму Диттенбергеру. Послѣдній первоначально присоединился по крайней мѣрѣ отчасти къ мнѣнію Бергка, признавъ существованіе открытой имъ Эрехѳеиды младшей и отвергая только вторую Эгеиду на томъ основаніи, что предшествовавшія имъ филы Антигонида и Деметріада не были вовсе уничтожены послѣ паденія или послѣ смерти Димитрія: изъ нѣкоторыхъ надписей, относящихся къ архонтствамъ Эвтія (вѣр. 284/34) и Поліэвкта (277/6), гдѣ выскоблены имена филъ, очевидно названныхъ по Антигонидамъ, онъ заключилъ, что онѣ существовали значительно дольше и были отмѣнены не раньше „новой вспышки ненависти противъ дома Антигона во время т.-наз. Хремонидеевой войны (ок. 266 г.)“, т.-е. единовременно почти съ датой, принимаемой обыкновенно для учрежденія Птолеманды — „so ist es wohl nicht unwahrscheinlich, dass es niemals eine *Αἰγηὶς νεωτέρα* gegeben habe, sondern dass zu gleicher Zeit die Antigonis zur *Ἐρεχθηὶς νεωτέρα* (die allein urkundlich bezeugt ist) umgenannt und statt der aufgelösten Demetrias die Ptolemais neu gebildet wurde“[4]). Впослѣдствіи, однако, названный ученый отказался отъ своего воззрѣнія и примкнулъ къ мнѣнію Германна, что обѣ филы во время упомянутой войны были вполнѣ уничтожены и вслѣдъ затѣмъ наново образована Птолеманда, такъ что общее число дѣленій народныхъ до конца III в. оставалось одиннадцать[5]): онъ встрѣтилъ не больше сочувствія

[1]) Bergk въ Zeitschr. f. Alterthumswiss. 1847, p. 1098 et 1853, p. 273.

[2]) Böckh, Kl. Schr. VI, p. 440 съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ, — рѣшительно въ Epigr.-Chron. Stud. p. 57; Schömann, Gr. Alt. I, p. 571.

[3]) L. Grotefend въ Zeitschr. f. Alterthumswiss. 1857, p. 21 принялъ воззрѣніе K. Hermann'a объ 11 филахъ, между тѣмъ какъ въ своей диссертаціи (De demis, p. 13) онъ держался мнѣнія, что Деметріада продолжала существовать до замѣны Атталидой.

[4]) Dittenberger, Attische Archonten въ Hermes, II, p. 288.

[5]) Dittenberger, Die nach Kl. neu errichtet. att. Phylen въ Hermes, IX, p. 415, not.

между учеными съ своей теоріей, въ чью пользу, впрочемъ, не привелъ ни одного доказательства, нежели его предшественники, — даже такой знатокъ, какъ проф. Кёлеръ высказался рѣшительно противъ него и въ пользу новой Эрехѳеиды [1]).

Вслѣдъ затѣмъ теорію Бергка постарался дальше развить и съ небольшимъ измѣненіемъ доказать документально Г. Гильбертъ на основаніи формуляра одного народнаго постановленія изъ архонтства Геліодора (время его неизвѣстно)[2]), или, точнѣе сказать, списка проедровъ, предсѣдательствовавшихъ въ экклезіи, съ ихъ демами. Извѣстно, что для всякаго народнаго собранія изъ каждой филы назначался по жребію одинъ проедръ, за исключеніемъ находившейся у дѣлъ (пританирующей), и изъ общаго числа ихъ назначался предсѣдатель *(ἐπιστάτης τῶν προέδρων)*, который до 319 г. одинъ назывался въ народныхъ постановленіяхъ — позднѣе подъ заголовкомъ *καὶ συμπρόεδροι* стали перечисляться и всѣ его товарищи по отчеству и по демамъ въ оффиціальномъ порядкѣ филъ. Въ только-что упомянутомъ формулярѣ называются кромѣ эпистата десять проедровъ, слѣдовательно филъ, такъ какъ должно еще присчитать пританирующую, было тогда двѣнадцать, а не одиннадцать, какъ ошибочно полагалъ первый издатель Куманудисъ, въ чемъ согласился съ нимъ и К. Курціусъ [3]). Для насъ важны лишь демы, изъ коихъ были родомъ проедры, и ихъ отношеніе къ филамъ, которое можно по Гильберту представить въ слѣдующей таблицѣ:

Агрила *(Ἀγρυλή)* — Эрехѳеида.
Торы *(Θοραί)* — Антіохида.
Анагирунтъ *(Ἀναγυροῦς)* — Эрехѳеида.
Кидантиды *(Κυδαντίδαι)* — Эгеида (послѣ Птолемаида).
[Пританирующая фила — Пандіонида].
Фреарріи *(Φρεάρριοι)* — Леонтида.
Проспальта *(Πρόσπαλτα)* — Акамантида (послѣ Птолемаида).

Оя *(Ὀη)* — Ойнеида.

---

1) U. Köhler ad C. I. A. II, 371.
2) G. Gilbert, Zur Geschichte der Zwölfzahl der att. Phylen въ Philolog. XXXIX, p. 373. Надпись издалъ Kumanudis въ *Ἀθήν.* VI, p. 271, № 4.
3) Kumanudis, op. l., C. Curtius въ Burs. Jahr.-Ber. XV. p. 29.

Сипалеттъ (*Συπάληττος*) — Кекропида.
Копръ (*Κόπρος*) — Гиппоѳонтида.
Трикориѳъ (*Τρικόρυθος*) — Эантида.
Паллена (*Παλλήνη*) — Антіохида.

Гильбертъ аргументируетъ слѣдующимъ образомъ. Надпись не можетъ относиться къ эпохѣ, когда была учреждена Птолемаида, потому что тогда бы демы Кидантиды и Проспальта принадлежали къ ней, а слѣдовательно одна фила была представлена двумя проедрами, что невозможно по аѳинскому праву; съ другой стороны немыслимо также, чтобы въ это время еще существовали Антигонида и Деметріада, такъ какъ по мѣстамъ, ими занимаемымъ въ оффиціальномъ порядкѣ филъ (первому и второму), имъ въ данномъ спискѣ должны бы были соотвѣтствовать или демы Агрила и Торы или Торы и Анагирунтъ (имя эпистата, происходившаго изъ Агрилы во всякомъ случаѣ ставилось впереди, какое бы мѣсто ни занимала его фила), но ни та ни другая пара демовъ не могла соотвѣтствовать названнымъ двумъ филамъ; если мы и не знаемъ, къ какой относился въ это время демъ Торы, то насчетъ и Агрилы и Анагирунта не подлежитъ сомнѣнію и засвидѣтельствовано оффиціальными документами, что оба продолжали числиться въ Эрехѳеидѣ. Изъ этого Гильбертъ выводитъ, что данный списокъ долженъ быть отнесенъ къ промежуточному времени между отмѣной Антигониды и Деметріады и образованіемъ Птолемаиды; вмѣстѣ съ тѣмъ двойное упоминаніе въ немъ демовъ какъ Эрехѳеиды, такъ и Антіохиды указываетъ на то, что „рядомъ съ *Ἐρεχθηὶς νεωτέρα*, уже раньше засвидѣтельствованной“ существовала въ эту эпоху и „вторая Антіохида, для коей оффиціальнымъ названіемъ можно признать *Ἀντιοχὶς νεωτέρα*“. Обѣ новыя филы были поставлены на мѣстѣ тѣхъ, которыхъ онѣ замѣнили, т.-е. въ началѣ всего ряда, но взаимное положеніе ихъ опредѣлить нельзя, такъ какъ по вышесказанному эпистатъ назывался внѣ порядка филъ, а въ данномъ случаѣ онъ принадлежалъ къ Эрехѳеидѣ младшей. Какъ выше сказано, теорія Гильберта была принята большинствомъ ученыхъ и сдѣлалась достояніемъ наиболѣе распространенныхъ учебниковъ, не только его собственнаго, но и Бузольта [1]).

[1]) G. Gilbert, Gr. St.-Alt. I, p. 190. G. Busolt, Gr. Alt. въ Iw. Müller's Handb. der class. Alterthumswiss. IV, 1, p. 132.

Не подлежитъ сомнѣнію, однако, что и толкованіе Гильберта и все это ученіе о „младшихъ“ филахъ зиждется на весьма слабыхъ основаніяхъ. Уже Шпангенбергъ по нашему мнѣнію вполнѣ справедливо опровергъ замѣчанія Гильберта относительно вышеприведеннаго списка проедровъ, приписавъ демы Агрилу и Торы филамъ Антигонидѣ и Деметріадѣ [1]): упоминаніе Агриллы въ числѣ демовъ Эрехѳеиды въ архонтство Филопея [2]) не противорѣчитъ этому, такъ какъ мы знаемъ, что этотъ демъ былъ двойной, а въ подобныхъ случаяхъ часто при образованіи новыхъ филъ оба относились къ различнымъ — фактъ этотъ констатированъ для Ламптръ (изъ той же филы) для времени Антигониды, та же участь впослѣдствіи постигла несомнѣнно и Агрилу, распредѣленную даже между тремя филами (Эрехѳеидой, Эгеидой и Атталидой). Вообще же вся теорія страдала большимъ неправдоподобіемъ. Пока еще могли думать, что всѣ измѣненія ограничивались простымъ переименованіемъ филъ, то въ этомъ можно было видѣть извѣстное дѣйствіе инерціи, но послѣ того, какъ Диттенбергеръ доказалъ очевидно, что Антигонида и Деметріада были вполнѣ уничтожены, и причисленные къ нимъ демы возвращены прежнимъ филамъ, является вопросъ, почему аѳиняне не вернулись къ прежнему числу десяти филъ, освященному всѣмъ ихъ славнымъ прошлымъ, а предпочли предпринять двойную работу распущенія и новообразованія двухъ филъ, лишь бы удержать число двѣнадцати, напоминавшее имъ объ игѣ македонскомъ? Обыкновенно отвѣчаютъ, что аѳинскій народъ, разъ извѣдавъ удобство двѣнадцатеричной системы, сказывавшееся особенно въ соотвѣтствіи пританій и мѣсяцевъ, не желали больше отъ него отказываться: если это число было такъ удобно, почему же они не ввели его раньше или у нихъ на это ума не хватило? и представляло ли это число дѣйствительно такія удобства? очевидно, аѳиняне мало его цѣнили, такъ какъ не только въ високосные годы по необходимости пританіи у нихъ расходились съ мѣсяцами, но и въ обыкновенные, когда установить послѣднее было бы вовсе не трудно, они его нисколько не добивались, какъ показываетъ частая разница въ числахъ мѣсяца и пританіи. Затѣмъ крайне страннымъ долженъ былъ бы казаться фактъ, что, учреждая двѣ новыя филы, аѳиняне для этого раздробили двѣ

1) E. Spangenberg, De Ath. inst. act. Maced. commut. p. 34—35.

2) C. I. A. II, 338, l. 29.

старыя (такъ нужно понять ученіе Гильберта), или по крайней мѣрѣ дали вновь образованнымъ имена двухъ старыхъ: не говоря уже о томъ, что это доказывало бы большое оскудѣніе творческой фантазіи у народа, если бы изъ массы легендарныхъ героевъ не съумѣли подыскать даже двухъ подходящихъ эпонимовъ, но такое установленіе повлекло бы за собою большія неудобства и несообразности именно въ той области, гдѣ они наименѣе древними допускались, въ религіозной! Неужто можно предположить, чтобы у одного и того же алтаря приносили свои жертвы двѣ филы? или мы допустимъ, что на площади аѳинской статуи двухъ эпонимовъ возвышались каждая въ двухъ экземплярахъ и т. д.? Наконецъ, то основаніе, на которомъ построена вся эта теорія, не выдерживаетъ критики: уже Гротефендъ указывалъ на то, что въ упомянутой выше строкѣ изъ списка побѣдителей.... *υκλείδου Ἐρεχθηίδος ΝΕΩΤΕΡ* послѣднее слово естественнѣе дополнить *νεώτερ(ος)* и отнести не къ филѣ, а къ человѣку, который этимъ добавленіемъ отличается отъ другаго гомонима, какъ младшій отъ старшаго (*πρεσβύτερος*) — примѣръ, нерѣдкій въ надписяхъ. Возраженіе Гротефенда или обходилось молчаніемъ или опровергалось тѣмъ, что будто-бы указанное слово слишкомъ далеко отстоитъ отъ имени человѣка и потому къ нему не можетъ относиться[1]). Но странно, что подобнымъ же образомъ продолжалъ смотрѣть напр. Бузольтъ на данную надпись и послѣ того, какъ одинъ изъ самыхъ выдающихся эпиграфиковъ Ульрихъ Кёлеръ, нѣкогда тоже вѣрившій, какъ мы видѣли, въ существованіе Эрехѳеиды младшей, въ новѣйшемъ изданіи дополнилъ надпись такъ же, какъ и Гротефендъ, руководясь соображеніями, которыя онъ позволилъ намъ прочесть между строками[2]). Во-первыхъ, онъ съ большимъ правдоподобіемъ дополнилъ указанную строку въ *[Μικίων Εὐρ]υκλείδου Ἐρ. φ. νεώτερ(ος)*, вставивъ имена, встрѣчающіяся въ это время часто въ одномъ изъ знатнѣйшихъ аѳинскихъ семействъ (родомъ изъ дема Кефисіи), руководившемъ около конца III-го в. политикой своего отечества, — въ томъ же спискѣ нѣсколько выше (стр. 39) встрѣчается имя Эвриклида с. Микіона, и нѣсколько ниже (стр. 35) другаго Микіона с. Эвриклида, *отъ коего интересующее насъ лицо и отличалось прибавленіемъ эпитета „младшій“*. Во-вторыхъ, по нѣкото-

1) Grotefend, l. l., p. 21; противъ него Gilbert, l. l., p. 375, not.
2) C. I. A. II, 966, l. 44.

рымъ указаніямъ надписи относительно современныхъ лицъ (напр. Поликрата изъ Аргоса)[1]) и политическихъ событій (напр. принадлежности какъ Аргоса, такъ и Мессеніи къ Ахейскому союзу) издатель аттическаго Корпуса безошибочно заключилъ, что она относится ко времени около 191-го г., а слѣдовательно позднѣе учрежденія филы Атталиды, когда ни о какой „младшей“ Эрехθеидѣ и рѣчи быть не могло. Вмѣстѣ съ этимъ единственнымъ основаніемъ рушится и все искусственное зданіе теоріи Бергка-Гильберта. Окончательно она была опровергнута Белохомъ въ его остроумномъ изслѣдованіи насчетъ времени учрежденія Птолемаиды[2]).

Между тѣмъ какъ до него всѣ ученые слѣдовали свидѣтельству Павсанія, говорящаго, что она была образована въ честь втораго царя изъ дома Лагидовъ — Птолемея Филадельфа, слѣдовательно раньше 247 г., Белохъ указалъ на то, что вмѣстѣ съ филой долженъ былъ быть учрежденъ и демъ Береникиды, какъ Ἀπολλωνιεῖς былъ установленъ единовременно съ филой Атталидой[3]), а демъ этотъ могъ быть названъ только по Береникѣ, женѣ Птолемея III Эвергета, какъ Аполлоніи по женѣ Аттала Аполлонидѣ, и это подтверждается и Стефаномъ Византійскимъ[4]); если бы фила была дѣйствительно учреждена въ честь Филадельфа, то и соотвѣтственный демъ былъ бы названъ по его женѣ Арсиноѣ; такъ какъ ему было дано имя жены Эвергета, то и этотъ послѣдній, а не его отецъ, былъ признанъ героемъ-эпонимомъ новой филы. Далѣе послѣдняя не могла быть учреждена во времена господства македонскихъ Антигонидовъ надъ Аѳинами въ виду ихъ постоянной вражды съ египетскими царями, слѣдовательно ея образованіе должно относиться къ тому періоду, когда благодаря стараніямъ Арата городъ освободился отъ гарнизона македонскаго и сдѣлался снова самостоятельнымъ, т.-е. послѣ 229-го года и раньше 221-го,

---

1) Поликратъ изъ Аргоса около 220 г. переселился въ Египетъ и игралъ тамъ видную политическую роль: Polyb. V, 64; XV, 29 et pass.; cfr. Bergk въ Zeitschr. f. Alterthumswiss. 1855, p. 154.

2) Jul. Beloch, Die Errichtung der Phyle Ptolemais въ N. Jahrbb. f. Phil. 129 (1884), p. 481 sq.

3) Dittenberger въ Hermes, IX, p. 413.

4) Steph. Byz. s. v. *Βερενικίδαι· δῆμος τῆς Πτολεμαΐδος φυλῆς...ἀπὸ δὲ Βερενίκης τῆς Μάγα θυγατρός, γυναικὸς δὲ Πτολεμαίου, ὠνομάσθησαν Βερενικίδαι οἱ δημόται.*

года смерти Эвергета. Вмѣстѣ съ тѣмъ Белохъ доказывалъ, что и Антигонида и Деметріада не были вовсе уничтожены во время Хремонидеевой войны, а продолжали существовать до учрежденія Птолемаиды, т.-е. до 20-хъ гг. III-го в., когда послѣдняя замѣнила Деметріаду, между тѣмъ какъ Антигонида была сохранена ради поддержанія хорошихъ отношеній и съ македонскими Антигонидами, спеціально съ Антигономъ III Досономъ, носившимъ имя основателя династіи: вообще въ эту эпоху аѳиняне старались угождать всѣмъ и всякому, по выраженію Полибія, сильно порицавшаго политику „нейтралитета“ ихъ вождей (выше нами упомянутыхъ) Эвриклида и Микіона[1]). Въ доказательство своего мнѣнія Белохъ ссылается на множество эпиграфическихъ документовъ и особенно именъ архонтовъ, которые скопляются въ періодъ одного 25-лѣтія (290—65 г.), если держаться убѣжденія, что названныя двѣ филы были уничтожены во время Хремонидеевой войны: особенно характерна въ этомъ отношеніи одна надпись изъ архонтства Діомедонта[2]), относимая къ этой эпохѣ въ виду упоминанія этихъ филъ, хотя называемый въ ней военный казначей *(ταμίας τῶν στρατιωτικῶν)* Эвриклидъ, сынъ Микіона изъ Кефисіи, очевидно, тождественъ съ извѣстнымъ государственнымъ человѣкомъ того же имени, дѣйствовавшимъ въ концѣ III-го в. Но главное доказательство, дѣйствительно неопровержимое, въ пользу своего воззрѣнія названный ученый нашелъ въ большомъ каталогѣ архонтовъ, обнимавшемъ по крайней мѣрѣ 13 лѣтъ и отнесенномъ уже проф. Кёлеромъ къ эпохѣ отъ учрежденія Птолемаиды (въ 12-мъ и 13-мъ упоминается демъ Береникиды) до установленія Аттала[3]).

Этотъ каталогъ, содержащій подъ каждымъ годомъ имена всѣхъ 9-ти архонтовъ съ прибавленіемъ ихъ дема, уже раньше подвергся точному изученію со стороны Заупе и послужилъ исходнымъ пунктомъ для его теоріи о назначеніи архонтовъ по одному изъ

---

[1]) Polyb. V, 106: *Ἀθηναῖοι δὲ τῶν ἐκ Μακεδονίας φόβων ἀπελέλυντο καὶ τὴν ἐλευθερίαν ἔχειν ἐδόκουν ἤδη βεβαίως, χρώμενοι δὲ προστάταις Εὐρυκλείδᾳ καὶ Μικίωνι τῶν μὲν ἄλλων Ἑλληνικῶν πράξεων οὐδ' ὁποίας μετεῖχον, ... εἰς πάντας τοὺς βασιλεῖς ἐξεκέχυντο, καὶ μάλιστα τούτων εἰς Πτολεμαῖον, καὶ πᾶν γένος ὑπέμενον ψηφισμάτων καὶ κηρυγμάτων, βραχύν τινα λόγον ποιούμενοι τοῦ καθήκοντος διὰ τὴν τῶν προεστώτων ἀκρισίαν.*

[2]) C. I. A. II, 334.

[3]) C. I. A. II, 859.

каждой филы[1]), о чемъ мы говорили уже выше, упомпная, что она нашла себѣ блестящее подтвержденіе въ трактатѣ Аристотеля. Но Белохъ первый обратилъ вниманіе на то, что за исключеніемъ первыхъ трехъ архонтовъ, поставленныхъ во главѣ всякаго года, остальные шесть, такъ-наз. θесмотеты, расположены постоянно въ оффиціальномъ порядкѣ своихъ филъ, — на этомъ и основываетъ онъ свои выводы, которые бы были еще цѣннѣе и опредѣленнѣе, если бы онъ отнесся съ должнымъ вниманіемъ къ вышеуказанной теоріи Заупне и не принималъ за возможное двойное представительство той же филы въ коллегіи архонтовъ. Не желая обременять наше изложеніе полной перепиской всѣхъ именъ, мы по примѣру Белоха приведемъ лишь названія демовъ, изъ коихъ происходили архонты, съ указаніемъ филы, къ коей они причислялись первоначально (этого нѣтъ у Белоха), и той, къ которой они должны были принадлежать въ данную эпоху при соблюденіи оффиціальнаго порядка, указаннаго для θесмотетовъ номерами филъ; вмѣстѣ съ тѣмъ ради краткости мы ограничимся лишь тѣми годами, изъ коихъ можно извлечь болѣе важныя указанія.

1-ый годъ: архонтъ (имя не сохранилось).
Арх. изъ Діомеи (Эгеида) — Антигонида (или Деметріада).
Царь изъ Ахарнъ..... Ойнеида.
Полем. изъ Проспальты.... Акамантида.
θесмотеты:

1) изъ Колона..... Эгеида (IV).
2) — Пеаніи..... Пандіонида (V).
3) — Левконои..... Леонтида (VI).
4) — Ахердунта..... Гиппоθонтида (X).
5) — Рамнунта..... Эантида (XI).
6) — Алопеки..... Антіохида (XII).

2-ой годъ: архонтъ Леохаръ.
3-ій годъ: архонтъ θеофилъ.
4-ый годъ: архонтъ Эргохаръ.
5-ый годъ: архонтъ Никетъ.
6-ой годъ: архонтъ Антифилъ.
7-ой годъ: имя архонта пропало.

---

[1]) Sauppe, De creatione archontum att. p. 5 sq.

8-ой годъ: архонтъ Менекратъ.
Арх. изъ Оп ..... Ойнеида.
Царь изъ Сипалетта..... Кекропида.
Пол. изъ Атены (Антіохида) — Деметріада.
Θесмотеты:
1) изъ Эθалидъ (Леонтида) Антигонида (I).
2) — Анакеи ..... Гиппоθоонтида (XI).
3) — Филандъ..... Эгеида (IV).
4) — Кетта ..... Леонтида (VI).
5) — Эгилія (Антіохида) — Птолемаида (VII).
6) — Трикорнеа ..... Эантида (XII),
9-ый годъ: архонтъ...онъ.
10-ый годъ: имя архонта пропало.
11-ый годъ: имя архонта пропало.
Арх. изъ Эрхіи..... Эгеида.
Царь изъ Кефалы ..... Акамантида.
Пол. изъ Пеонидъ ..... Леонтида.
Θесмотеты:
1) изъ Атены (Антіохида) — Деметріада (II).
2) — Сибридъ..... Эрехθеида (III).
3) — Ангелы..... Пандіонида (V).
4) — Афиднъ (Эантида) — Птолемаида (VII).
5) — Пиеа..... Кекропида (X).
6) — Фалера..... Эантида (XII).
12-ый годъ: архонтъ Діоклъ.
Арх. изъ Кидаθенея (Пандіонида) — Антигонида.
Царь и полемархъ изъ демовъ, конхъ имена не сохранились.
Θесмотеты:
1) изъ Мирринутты..... Эгеида (III).
2) — Береникидовъ..... Птолемаида (VII).
3) — Торика..... Акамантида (VIII).
4) — Лакіадовъ..... Ойнеида (IX).
5) — Сипалетта..... Кекропида (X).
6) — Паллены..... Антіохида (XIII).
13-ый годъ: архонтъ Эвфилетъ.
Арх. изъ Пробалинеа..... Пандіонида.
Царь изъ Амаксанты..... Гиппоθоонтида.
Пол. изъ Ахарнъ..... Ойнеида.

Θесмотеты:

1) изъ Кидаθенея (Пандіонида) — Антигонида (I).
2) — Лампгръ ..... Эрехθеида (III).
3) — Береникидовъ..... Птолемаида (VII).
4) — Эксоны ..... Кекропида (X).
5) — Фалера ..... Эантида (XII).
6) — Паллены ..... Антіохида (XIII).

Этихъ выдержекъ будетъ достаточно, чтобы доказать справедливость воззрѣнія Белоха о расположеніи именъ θесмотетовъ согласно съ оффиціальнымъ порядкомъ филъ: два отступленія, на которыя онъ самъ указываетъ, должны считаться, очевидно, ошибками писца. Вмѣстѣ съ тѣмъ изъ списковъ двухъ послѣднихъ лѣтъ явствуетъ, что не только Птолемаида уже была учреждена, но и одна изъ прежнихъ филъ продолжала существовать. Въ 13-мъ году первый θесмотетъ происходилъ изъ дема Кидаθенея: если бы онъ былъ возвращенъ своей прежней филѣ Пандіонидѣ, то послѣдняя была бы дважды представлена въ коллегіи архонтовъ, что противорѣчило бы теоріи Зауппе и свидѣтельству Аристотеля, и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ бы нарушенъ правильный порядокъ филъ, такъ какъ Пандіонида не могла стоять передъ Эрехθеидой; слѣдовательно должно заключить, что этотъ архонтъ служилъ представителемъ Антигониды, которая дѣйствительно, какъ мы знаемъ, занимала первое мѣсто въ ряду филъ и заключала въ себѣ названный демъ. Этотъ выводъ подтверждается и списками архонтовъ за 8-ой и 11-ый годы, въ коихъ демы Эгилія и Афидна стоятъ не на томъ мѣстѣ, которое они должны были занимать, если бы принадлежали еще своимъ прежнимъ филамъ (Антіохидѣ и Эантидѣ), а въ порядкѣ, подходящемъ для Птолемаиды, къ коей они причислялись со времени ея учрежденія, — слѣдовательно она уже существовала. Между тѣмъ въ 11-мъ году θесмотету Эрехθеиды предшествуетъ еще одинъ изъ дема Атены, очевидно причисленнаго или къ Антигонидѣ или къ Деметріадѣ, такъ какъ его прежняя фила (Антіохида) была бы послѣдней; въ 8-мъ году мы встрѣчаемъ не только полемарха изъ того же дема, но и на первомъ мѣстѣ θесмотета изъ Эθалидовъ, нѣкогда принадлежавшаго къ Леонтидѣ (уже представленной въ этомъ году), потомъ къ Антигонидѣ. Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Птолемаида

существовала совмѣстно съ Антигонидой по крайней мѣрѣ съ 8-го года нашего списка, съ архонтства Менекрата. Между тѣмъ въ первые шесть лѣтъ (Белохъ говоритъ пять) мы не находимъ ни малѣйшаго слѣда Птолемаиды, за то можемъ констатировать существованіе какъ Антигониды, такъ и Деметріады, упоминаемыхъ то вмѣстѣ, то порознь: въ первомъ году самъ архонтъ изъ Діомеи (Ант. или Дем.), во второмъ первый θесмотетъ изъ Кидаθенея (Ант.), въ третьемъ онъ же — изъ Котокидъ (Дем.), въ четвертомъ первый изъ Лампитръ (Ант.), второй — изъ Торъ (Дем.), въ пятомъ полемархъ изъ Лампитръ (Антигониды или Эрехθеиды), первый θесмотетъ изъ Торъ (Дем.), въ шестомъ царь изъ Гиппотомадъ (Дем.), первый θесмотетъ изъ Гаргетта (Ант.). Таковы данныя, на основаніи которыхъ Белохъ приходитъ къ результату, что „съ годомъ архонтства Менекрата Деметріада изчезаетъ и въ ея права вступаетъ Птолемаида, между тѣмъ какъ Антигонида продолжаетъ существовать“; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сомнѣвается, чтобы когда-либо въ Аѳинахъ было одиннадцать филъ: „если дѣйствительно такой порядокъ когда-либо существовалъ (ср. каталогъ демовъ въ C. I. A. II, 991), то онъ могъ держаться лишь очень короткое время непосредственно передъ учрежденіемъ Атталиды“ [1]).

Противъ разсужденій Белоха можно сдѣлать лишь два возраженія: во-первыхъ является вопросъ — почему аѳиняне, замѣнивъ Деметріаду Птолемаидой, не ограничились простымъ переименованіемъ? Той причины, которую прежде для этого въ объясненіе приводилъ Диттенбергеръ — ненависти противъ Антигонидовъ — вѣдь, очевидно не существовало, такъ какъ аѳиняне даже удержали одну изъ филъ, названныхъ въ ихъ честь! Во-вторыхъ, затрудненія представляетъ списокъ архонтовъ 8-го года, гдѣ полемархъ происходитъ изъ дема Атены, а первый θесмотетъ изъ Эθеалидовъ: послѣдній демъ, какъ мы выше сказали, долженъ былъ принадлежать къ Антигонидѣ [2]), но и Атена была причислена къ одной изъ двухъ „македонскихъ“ филъ, какъ показываетъ списокъ 11-го года; но въ такомъ случаѣ намъ представляется дилемма — или въ коллегіи архонтовъ могло засѣдать два представителя отъ одной филы, что и принималъ Белохъ противъ Зауппе, или мы должны признать, что въ эти оба года еще продолжала существовать

[1]) Op. l., p. 487.

[2]) Cfr. C. I. A. II, 316, 336.

Деметріада вмѣстѣ съ Антигонидой и *рядомъ съ Птолемаидой*, несомнѣнно и въ томъ и въ другомъ году посылавшей по вышесказанному своихъ представителей въ коллегію архонтовъ.

Неожиданное, но вполнѣ ясное рѣшеніе этого вопроса принесла надпись, найденная въ Элевсинѣ въ 1887 г. и опубликованная греческимъ ученымъ Филіемъ[1]). Въ ней говорится, что „при архонтѣ Діоклѣ, въ пританію филы Гиппоѳонтиды по порядку *тринадцатую*“, состоялось постановленіе въ честь эпимелетовъ мистерій за разныя ихъ заслуги и между прочимъ за то, что „они угощали на свой счетъ весь Совѣтъ *Шестисотъ пятидесяти (ἡ βουλὴ οἱ ἑξακόσιοι πεντήκοντα)*“. Послѣднее чрезвычайно важно, потому что доказываетъ, что данное народное постановленіе не можетъ относиться ко временамъ императора Адріана, когда въ Аѳинахъ было также тринадцать филъ, но Совѣтъ состоялъ изъ пятисотъ членовъ или по крайней мѣрѣ назывался Совѣтомъ Пятисотъ *(ἡ βουλὴ τῶν Φ)*, какъ въ V-мъ и IV-мъ вв.; къ тому же заключенію приводитъ и характеръ письма, и весь способъ выраженія мыслей разсматриваемой надписи, которые сближаютъ ее съ эпиграфическими памятниками Македонскаго періода. Она должна относиться, очевидно, къ III-му вѣку, ко времени отъ прибавленія двухъ новыхъ филъ къ числу десяти Клисѳеновскихъ и до учрежденія Атталиды, послѣ чего по общему свидѣтельству авторовъ и надписей число 12 филъ оставалось неизмѣннымъ вплоть до правленія Адріана: такъ какъ по вышесказанному не подлежитъ сомнѣнію, что и послѣ установленія Птолемаиды продолжала существовать Антигонида, и мы даже нашли указанія, что то же самое можно утверждать и относительно Деметріады, то комбинируя эти заключенія съ данными элевсинской надписи, мы безъ всякаго колебанія сдѣлаемъ выводъ, что не только обѣ филы, образованныя въ честь Антигона и его сына, оставались неизмѣнными почти до конца III-го в. (когда онѣ были уничтожены, мы увидимъ ниже), но къ нимъ еще была присоединена тринадцатая — Птолемаида. Соотвѣтственно этому число членовъ Совѣта увеличено еще на 50, такъ что оно возросло до 650 — по 50 на каждое изъ народныхъ дѣленій.

[1]) *Δ. Φιλιος, Ἐπιγραφαὶ ἐξ Ἐλευσῖνος* въ *Ἐφ. Ἀρχ.* 1887, p. 175, № 36: *Ἐπὶ Διοκλέους ἄρχοντος ἐπὶ τῆς Ἱπποθωντίδος τρίτης καὶ δεκάτης πρυτανείας ..... οἱ ἐπιμεληταὶ τῶν μυστηρίων ..... ἐκρεανόμησαν δὲ καὶ τῇ βουλῇ τοῖς ἑξακοσίοις καὶ πεντήκοντα.*

Теперь намъ вполнѣ ясенъ странный доселѣ фактъ, что изъ демовъ, входившихъ въ составъ Антигониды и Деметріады, не удалось до сихъ поръ найти ни одного въ Птолемаидѣ, между тѣмъ какъ въ Атталидѣ можно было констатировать хоть одинъ — два, общіе ей съ прежними филами: когда образовывалась первая, то эти послѣднія оставались неприкосновенными и отдали ей, можетъ быть, только по одному дему наравнѣ съ другими филами (за скудостью матеріала намъ не удалось еще ихъ опредѣлить); когда же учреждалась Атталида, то обѣ „македонскія“ филы были уже распущены, и ихъ демы возвращены своимъ прежнимъ дѣленіямъ,— весьма естественно было именно ихъ снова взять для образованія новой филы, такъ какъ они за цѣлое столѣтіе отдѣльнаго существованія уже потеряли связь со своими прежними филетами. Вмѣстѣ съ тѣмъ это присоединеніе Птолемаиды къ двѣнадцати существующимъ филамъ объясняетъ намъ и то мѣсто, которое она заняла въ ихъ ряду. До сихъ поръ по мнѣнію всѣхъ ученыхъ ей было удѣлено пятое (или первоначально шестое), что вызывало сильное недоумѣніе съ ихъ стороны и напр. Росса[1]) побудило требовать и для Антигониды того же мѣста; теперь же мы получаемъ слѣдующій оффиціальный порядокъ филъ: I. Антигонида. II. Деметріада. III. Эрехѳеида. IV. Эгеида. V. Пандіонида. VI. Леонтида. VII. *Птолемаида.* VIII. Акамантида. IX. Ойнеида. X. Кекропида. XI. Гиппоѳоонтида. XII. Эантида. XIII. Антіохида. — Птолемаида первоначально занимала середину всего ряда и только послѣ отмѣны двухъ первыхъ филъ заняла пятое мѣсто. Эта таблица филъ служитъ прекрасной иллюстраціей къ выше приведеннымъ словамъ Полибія относительно нейтральной политики аѳинянъ, „преклонявшихся съ подобострастіемъ передъ всѣми царями, особенно Птолемеями“: они не отмѣнили божескихъ почестей, оказываемыхъ родоначальникамъ македонскихъ царей, и филъ, основанныхъ въ честь ихъ, но опредѣлили тѣ же самыя почести и ихъ злѣйшимъ врагамъ, египетскимъ Птолемеямъ; они не рѣшились сдвинуть „македонскихъ“ филъ съ ихъ почетнаго мѣста во главѣ списка, но не хотѣли оскорбить и другой стороны, опредѣливъ

[1]) Ross, Demen von Attika, p. 2: „Es wäre auch ein schlechtes Compliment für Ptolemäos Philadelphos und Attalos gewesen, wenn die Athenäer die nach ihnen umgenannten Stämme von dem vermeinten früheren Ehrenplatze an der Spitze der übrigen entfernt und anderswo untergeschoben hätten“.

менѣе видное для „египетской“ филы, а потому подыскали ей мѣсто въ центрѣ всѣхъ другихъ, т.-е. не менѣе почетное, какъ показываетъ примѣръ Адріана, коему было предоставлено то же самое. Конечно, при этомъ брался въ разсчетъ не столько порядокъ въ спискѣ самыхъ филъ, сколько расположеніе статуй героевъ-эпонимовъ на аѳинской площади, которое мы должны считать вполнѣ аналогичнымъ[1]), — лучшее доказательство представляетъ присоединеніе филы Атталиды въ самомъ концѣ: послѣднее мѣсто въ спискѣ не могло считаться особенно почетнымъ, но постановка статуи на крайнемъ флангѣ, конечно, давала ей болѣе бросающееся въ глаза мѣсто.

Проливая такимъ образомъ яркій свѣтъ на интересное учрежденіе второй половины III-го в., надпись наша еще далеко не рѣшаетъ всѣхъ возникающихъ вопросовъ, особенно хронологическаго характера: когда была присоединена и въ честь кого Птолемаида къ числу двѣнадцати ранѣе существовавшихъ филъ? когда были отмѣнены обѣ „македонскія“ филы? должны ли мы принимать извѣстный промежутокъ времени между уничтоженіемъ послѣднихъ и введеніемъ новой — Атталиды, т.-е. признать, что нѣкоторое по крайней мѣрѣ время въ Аѳинахъ существовало лишь одиннадцать филъ? Дать опредѣленный отвѣтъ на всѣ эти вопросы довольно трудно, и окончательно ихъ рѣшить можно будетъ лишь по нахожденіи новыхъ документовъ: примѣръ нашей надписи показалъ, на какой зыбкой почвѣ основываются всѣ наши научныя построенія, — одинъ лишь проф. Кёлеръ, кажется, предполагалъ такое рѣшеніе вопроса, но и ему оно представлялось настолько сомнительнымъ, что онъ не публиковалъ и даже не намекалъ на него въ печати.

Что касается времени учрежденія Птолемаиды, то наиболѣе правдоподобія имѣетъ за себя вышеприведенное воззрѣніе Белоха,

---

[1]) Павсаній (I, 5, 5) называетъ, кромѣ эпонимовъ 10 Клисѳеновскихъ филъ, еще Птолемея, Аттала и Адріана; по весьма правдоподобному предположенію Кёлера (въ Herm. V, p. 340) передъ статуей каждаго эпонима воздвигнутъ былъ алтарь и совершались положенныя жертвоприношенія: cfr. C. Wachsmuth, Stadt Athen, I, p. 509, II, p. 432. Въ постановленіи одной филы (C. I. A. II, 569) опредѣляется памятную доску *στῆσαι παρὰ τὸν ἐπώνυμον*, но слѣдуетъ ли разумѣть статую, стоявшую на агорѣ или воздвигнутую въ его святилищѣ, трудно рѣшить — первое, однако, кажется мнѣ болѣе вѣроятнымъ, ибо иначе была бы употреблена обыкновенная формула: *στῆσαι ἐν τῷ ἱερῷ*.

что эта фила была установлена въ честь не Птолемея II Филадельфа (285—247), а его сына Эвергета (247—21): кромѣ свидѣтельства Стефана Византійскаго объ учрежденіи дема Береникидовъ, на которое онъ ссылается, теперь можно указать въ пользу его мнѣнія еще на тотъ фактъ, что очень долго (почти полстолѣтія, если мы припишемъ образованіе новой филы послѣднимъ годамъ правленія Филадельфа) не могла продолжаться эпоха тринадцати филъ въ Аѳинахъ, а иначе она бы оставила по себѣ больше слѣдовъ въ надписяхъ. Итакъ наиболѣе вѣроятнымъ намъ кажется, что Птолемаида была учреждена, послѣ того какъ Аѳины благодаря Арату освободились отъ македонскаго господства, и не желая примкнуть къ ахейскому союзу, искали себѣ поддержки и покровительства у его противника Птолемея Эвергета въ послѣдніе годы его царствованія между 229 и 222 г.

Этотъ выводъ подтверждается до нѣкоторой степени и данными нашихъ эпиграфическихъ документовъ. Въ надписи, сохранившей намъ память о тринадцати филахъ, Совѣтъ съ большою торжественностью называется Совѣтомъ Шестисотъ-пятидесяти, что вовсе не въ обычаяхъ аѳинской канцеляріи: конечно, тутъ могла дѣйствовать и чистая случайность, но невольно на читателя эта обстоятельность производитъ впечатлѣніе, будто эта численность членовъ Совѣта (а вмѣстѣ съ тѣмъ и филъ) для самихъ аѳинянъ казалась еще нововведеніемъ во то время, т.-е. въ архонтство Діокла. Послѣдній едва ли можетъ быть отдѣленъ отъ архонта того же имени, упоминаемаго въ постановленіи въ честь стратега Демайнета[1]), и отъ Діокла изъ дема Кидаѳенея, называемаго въ вышеприведенномъ каталогѣ архонтовъ подъ 12-мъ годомъ: если всѣ эти три личности, въ чемъ мы нисколько не сомнѣваемся, между собою тождественны[2]), то безъ всякаго колебанія этого архонта Діокла Кидаѳенейца должно отнести къ послѣдней четверти III-го вѣка. Во всякомъ случаѣ въ его архонтство уже существовала фила Птолемаида, какъ видно изъ каталога, гдѣ подъ его годомъ называется ѳесмотетъ изъ дема Береникидовъ; но изъ той же над-

[1]) Philios въ *Ἐφημ. Ἀρχ.* 1887, p. 1 (затѣмъ въ трансскрипціи перепечатана А. Щукаревымъ въ B. d. C. H. XII, p. 70—71).

[2]) Противъ отождествленія двухъ послѣднихъ возражалъ D. Philios l. l., p. 10, но взялъ свои возраженія назадъ при изданіи новѣйшей надписи: ibid. p. 181, not. 3.

писи можно заключить, что она была учреждена за нѣсколько лѣтъ раньше, по крайней мѣрѣ не позже архонтства Менекрата, предшествовавшаго Діоклу на четыре — пять лѣтъ. Раньше этого архонта мы не находимъ, какъ выше было сказано, ни малѣйшаго слѣда новой филы въ продолженіе первыхъ пяти годовъ каталога, быть можетъ шести (конецъ шестаго и почти весь седьмой годъ пропали); это, конечно, могло зависѣть отъ случая при девяти архонтахъ на тринадцать филъ, но если мы обратимъ вниманіе на то, что отъ 8-го до 14-го года, за исключеніемъ одного, гдѣ отъ списка сохранилось лишь два послѣднихъ имени (въ 10-мъ), постоянно въ коллегіи архонтовъ встрѣчается одинъ членъ изъ филы Птолемаиды и вообще нѣтъ въ теченіе первыхъ шести лѣтъ ни одной филы, которая бы не послала своего представителя въ коллегію отъ 3—5 разъ, то становится весьма вѣроятнымъ, что дѣйствительно Птолемаиды въ это время еще не существовало. Окончательно же этотъ выводъ утверждается положеніемъ, занимаемымъ въ ряду филъ демомъ Фліей (первоначально принадлежавшимъ къ Кекропидѣ, затѣмъ къ Птолемаидѣ): въ пятомъ году мы его находимъ послѣ Ойнеиды, т.-е. на девятомъ мѣстѣ, а не на седьмомъ, а въ третьемъ году мы его встрѣчаемъ на ряду съ Афидной, также впослѣдствіи перешедшей изъ Эантиды въ Птолемаиду, такъ что послѣдняя была бы представлена въ коллегіи двумя членами, что невозможно; наконецъ въ теченіе шести первыхъ лѣтъ 4 раза Кекропида представлена именно этимъ демомъ Фліей и только разъ Атмономъ въ шестомъ году, а начиная съ восьмаго — другими демами, — очевидно между пятымъ и осьмымъ годомъ она потеряла свой крупнѣйшій и важнѣйшій демъ, отдавъ его вновь образованной Птолемаидѣ. На послѣднемъ обстоятельствѣ мы не безъ цѣли остановились, такъ какъ намъ кажется, что изъ него можно сдѣлать правдоподобный выводъ относительно времени учрежденія послѣдней: если въ шестомъ году Кекропида представлена въ коллегіи архонтовъ не Фліей, какъ раньше четыре года подъ рядъ, а Атмономъ, то является весьма вѣроятнымъ, что первый именно въ этомъ году отошелъ отъ нея къ новой филѣ; этому не противорѣчитъ то обстоятельство, что первый архонтъ Антифилъ родомъ изъ Афидны, т.-е. изъ дема, также причисленнаго къ Птолемаидѣ, — было весьма прилично въ первый годъ ея существованія именно ей предоставить честь дать государству перваго

сановника. Вмѣстѣ съ тѣмъ тогда бы наилегче объяснились тѣ ошибки и отступленія отъ оффиціальнаго порядка филъ, которыя замѣчаются въ этомъ 6-мъ и въ 8-мъ году (седьмой почти уничтожился) — составитель каталога еще не привыкъ къ новому распредѣленію демовъ и сбивался въ ихъ расположеніи.

Мы не настаиваемъ на своемъ предположеніи, но считаемъ несомнѣннымъ, что учрежденіе новой филы должно быть отнесено къ промежутку времени между архонтствами Антифила и Менекрата: къ сожалѣнію именно въ этомъ мѣстѣ таблица сломана и отдѣльные фрагменты не вполнѣ приставляются другъ къ другу, такъ что между ними могутъ быть потеряны и списки за нѣсколько лѣтъ, но правдоподобнѣе будетъ принять, что погибъ лишь конецъ одного и начало другаго года, такъ какъ иначе таблица пріобрѣла бы слишкомъ большіе размѣры (каждый годъ, вѣдь, занималъ по десяти строкъ), а въ нихъ не было никакой нужды въ виду того, что второй столбецъ остался на половину пустымъ. Но это еще мало намъ помогаетъ, такъ какъ мы не можемъ опредѣлить времени архонтства ни Антифила, ни Менекрата: А. Щукаревъ, правда, попытался это сдѣлать[1]) и датировалъ перваго на одинъ изъ четырехъ годовъ, 221, 220, 217 или 216; но мы не можемъ согласиться съ его выводами. Ошибоченъ, по нашему мнѣнію, основной принципъ, изъ котораго онъ исходитъ при опредѣленіи хронологіи архонтовъ конца III в.: онъ именно полагаетъ, что въ надписи въ честь стратега Демайнета (служащей ему исходнымъ пунктомъ) и другихъ подобныхъ (напр. въ честь стратега Федра)[2]) всѣ должности, занятыя даннымъ лицомъ, перечисляются въ строго хронологическомъ порядкѣ[3]). Мы готовы признать такой порядокъ для каждой отдѣльной группы должностей, посольствъ, стратегій, агоноѳесій и т. д., но не для всѣхъ вмѣстѣ, иначе получился бы странный выводъ, что въ Аѳинахъ государственные люди въ из-

[1]) A. Schtschoukareff. Archontes athéniens du III-me s. въ B. d. C. H. XII, p. 69 sq.: срвн. таблицу на стр. 81.

[2]) C. I. A. II, 331. По поводу ея срвн. А. Н. Щукаревъ, Аѳинскіе архонты, стр. 71 сл.

[3]) B. d. C. H. XII, p. 71: „Il est évident que les faits sont énumérés ici dans l'ordre chronologique, c'est-à-dire que Démainétos premièrement avait rempli les liturgies de tout genre; puis qu'il avait été plusieurs fois envoyé comme ambassadeur près du roi Philippe et des Étoliens, enfin nommé stratège pour le district éleusinien sous les archontats de Chaeréphon, Dioclès et Aeschron".

вѣстный періодъ жизни занимались посольствами, затѣмъ переходили къ должности стратеговъ, наконецъ заканчивали свою политическую карьеру обязанностями агоноѳета, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности эти функціи мѣнялись между собою и скорѣе въ послы назначались болѣе пожилые и испытанные люди, нежели въ стратеги и особенно въ агоноѳеты. Что наше воззрѣніе на основной принципъ А. Н. Щукарева справедливо, лучше всего доказывается на хронологіи занимающихъ насъ архонтовъ: изъ его разсужденій вытекаетъ, что Антифилъ не могъ быть архонтомъ раньше 221, а Менекратъ — раньше 219 г., а мы видѣли, что въ промежутокъ времени между этими двумя архонтами должна была быть основана фила Птолемаида въ честь Эвергета, умершаго въ 221 г. — очевидная несообразность! Принимая вмѣстѣ съ маг. Щукаревымъ, что посольства Демайнета къ этолянамъ и царю Филиппу V падаютъ на годы союзнической войны, законченной на конференціи въ Навпактѣ (217 г.), но признавая ихъ и дарованный ему за это народомъ почетный вѣнокъ почти современными изданію даннаго декрета въ честь его, мы считаемъ необходимымъ приблизить, какъ можно болѣе, годъ архонта Эсхрона ко времени окончанія названной войны, т.-е. приравнять его (въ виду праздновавшихся въ немъ великихъ Элевсиній) къ годамъ 217 или 214: тогда архонтство Діокла Кидаѳенейца падетъ на четыре года раньше, т.-е. на 221 или 218 г., Менекрата еще на пять лѣтъ раньше, на 226—23 г., а Антифилъ окажется архонтомъ 228—225 г.[1]), слѣдовательно учрежденіе новой филы Птолемаиды должно быть отнесено къ гг. 228—23 — скорѣе къ началу этого періода, нежели къ концу, потому что естественнѣе было для аѳинянъ тотчасъ же послѣ освобожденія отъ македонянъ искать покровительства египетскаго царя, и послѣдній съ своей стороны въ послѣдніе годы своей жизни старался держаться вдали отъ греческихъ междоусобицъ, какъ это не на пользу свою испыталъ спартанскій царь Клеоменъ III, его союзникъ[2]).

---

[1]) Въ отождествленіи архонта Хайрефона съ тѣмъ, коего имя стоитъ подъ девятымъ годомъ вышеприведеннаго списка въ фрагментированномъ видѣ .....ων Ἁλωπεκῆθεν я слѣдую А. Н. Щукареву, принимая вмѣстѣ съ нимъ послѣ этого года изчезновеніе цѣлой коллегіи архонтовъ (такъ что всѣ слѣдующія отодвинутся дальше на одинъ годъ).

[2]) Cfr. Droysen. Hellen. III, 2 p. 144.

Гораздо точнѣе можно опредѣлить время, когда были отмѣнены двѣ филы, названныя въ честь Антигона и Димитрія: по словамъ Ливія, страшное опустошеніе, которому дважды подверглась Аттика со стороны царя македонскаго Филиппа V въ теченіе 200-го г., вызвало такое ожесточеніе въ аѳинскомъ народѣ, что тотчасъ по прибытіи римскаго флота, освободившаго его отъ страха, было рѣшено, чтобы „всѣ статуи и изображенія, воздвигнутыя Филиппу, и надписи на нихъ, а равно и изображенія его предковъ въ мужскомъ и женскомъ поколѣніи были удалены и уничтожены, празднества, жертвоприношенія, жрецы, установленные въ честь его и его предковъ, были упразднены; мѣста, гдѣ что-либо было поставлено или написано въ честь ихъ, были закляты и чтобы на нихъ никогда впослѣдствіи нельзя было ставить и посвящать ничего, что требуетъ чистаго мѣста и т. д.“[1]). Съ какою послѣдовательностью и безумнымъ ожесточеніемъ провели аѳиняне это постановленіе, до какихъ крайностей дошла эта detestatio memoriae Филиппа и всѣхъ его предковъ, лучше всякихъ повѣствованій доказываютъ намъ аттическія надписи III-го в., гдѣ не только выскоблены имена Антигонидовъ и филъ, имъ посвященныхъ, но уничтожены цѣлыя строки, къ нимъ относившіяся и вѣроятно упоминавшія ихъ съ похвалами или почетными отзывами: само собою разумѣется, что противъ этого взрыва ненависти не могли устоять и обѣ македонскія филы, когда „все племя и имя македонянъ предавалось проклятію“ — онѣ были уничтожены и ихъ демы возвращены прежнимъ филамъ, статуи героевъ-эпонимовъ, *θεῶν Σωτήρων* Антигона и Димитрія низвергнуты, ихъ алтари разрушены и закляты тѣ мѣста, гдѣ они стояли, въ лѣто 200 г.[2]).

[1]) Liv. XXXI, 44: rogationem extemplo tulerunt, plebesque scivit, ut Philippi statuae imagines omnes, nominaque eorum, item maiorum eius virile ac muliebre secus omnium tollerentur delerenturque; diesque festi, sacra, sacerdotes, quae ipsius maiorumve eius honoris causa instituta essent, omnia profanarentur: loca quoque, in quibus positum aliquid inscriptumve honoris eius causa fuisset, detestabilia esse, neque in iis quicquam postea poni dedicarique placere eorum, quae in loco puro poni dedicarique fas esset, sacerdotes publicos, quotienscunque pro populo Atheniensi sociisque, et exercitibus et classibus eorum precarentur, totiens detestari atque execrari Philippum, liberos eius regnumque, terrestres navalesque copias, Macedonum genus omne nomenque ..... Atheniensis quidem litteris verbisque, quibus solis valent, bellum adversus Philippum gerebant.

[2]) Страннымъ можетъ показаться, что Аѳиняне оставили нетронутыми тѣ статуи Антигона и Димитрія, которыя были имъ воздвигнуты въ Дельфахъ рядомъ

Но является вопросъ, была ли новая фила Атталида учреждена единовременно съ ихъ отмѣной, или же раньше или позже, другими словами, былъ ли промежутокъ времени, когда число филъ уменьшилось до 11 или же возросло до 14? Если судить по разсказу Ливія, то образованіе Атталиды произошло въ зиму съ 201-го на 200-й г. при самомъ открытіи войны противъ Филиппа, т.-е. раньше уничтоженія тѣхъ двухъ филъ на полгода. Но слова латинскаго писателя, хотя и представляютъ большое сходство съ соотвѣтствующимъ отрывкомъ Полибія, такъ что послѣдній въ данномъ мѣстѣ долженъ несомнѣнно считаться его источникомъ, съ другой стороны содержатъ такую очевидную ошибку (Атталида будто бы присоединена къ *десяти* прежнимъ филамъ), что вызываютъ въ насъ сильное недовѣріе къ точности автора, фрагментъ же Полибія такъ отрывоченъ, что не позволяетъ судить о хронологическомъ порядкѣ событій съ достовѣрностью[1]). Можно предполагать, что мѣсто, занимаемое новой филой въ концѣ всѣхъ остальныхъ указываетъ на то, что болѣе почетныя мѣста, какъ

съ другими эпонимами филъ: тамъ ихъ видѣлъ во II-омъ в. по Р. Х. еще періэгетъ Павсаній. Онъ говоритъ именно (X, 10, 2): *Ἀντίγονον δὲ καὶ τὸν παῖδα Δημήτριον καὶ Πτολεμαῖον τὸν Αἰγύπτιον χρόνῳ ὕστερον ἀπέστειλαν ἐς Δελφούς, τὸν μὲν Αἰγύπτιον καὶ εὐνοίᾳ τινὶ εἰς αὐτόν, τοὺς δὲ Μακεδόνας τῷ ἐς αὐτοὺς δέει.* Загадка разрѣшается, если мы обратимъ вниманіе на то, что Павсаній изъ позднѣйшихъ эпонимовъ не видѣлъ ни царя Аттала, ни императора Адріана: такъ какъ одинаково невозможно предположить, чтобы Аѳиняне сохранили статуи ненавистныхъ Македонянъ и не воздвигли таковыя же своимъ благодѣтелямъ, то мы придемъ къ выводу, что „добросовѣстный“ періэгетъ просто списалъ все мѣсто изъ источника, составленнаго въ то время, когда въ Аѳинахъ существовали вышеназванныя 13 филъ, т.-е. въ послѣднюю четверть III-го в. до Р. Х. И такой источникъ мы знаемъ: въ спискѣ проксеновъ города Дельфъ изъ начала II-го в. (Wescher-Foucart, Inscr. recueill. à Delphes, № 18 = Ditt. S. I. G. 198, l. 260) называется *Πολέμων Μιλησίου Ἰλιεύς*, извѣстный періэгетъ, который, очевидно, получилъ это почетное названіе за сочиненіе свое: *περὶ τῶν ἐν Δελφοῖς θησαυρῶν* (Plut. quaestt. conv. V, 2, p. 675) — написавъ его около конца III-го вѣка, онъ называлъ трехъ упомянутыхъ эпонимовъ.

1) Liv. XXXI, 15: honores regi primum Attalo immodici habiti, tum primum mentio inlata de tribu, quam Attalida appellarent, ad decem veteres tribus addenda. Polyb. XVI, 25, 8: *τὸ δὲ τελευταῖον ἐψηφίσαντο τιμὰς τηλικαύτας ἡλίκας οὐδενὶ ταχέως τῶν πρότερον εἰς αὐτοὺς εὐεργετῶν γεγονότων· πρὸς γὰρ τοῖς ἄλλοις καὶ φυλὴν ἐπώνυμον ἐποίησαν Ἀττάλῳ, καὶ κατένειμαν αὐτὸν εἰς τοὺς ἐπωνύμους τῶν ἀρχηγετῶν.* Cfr. Hertzberg, Gesch. Griech. unter röm. Herrsch. I, p. 59 sq. Mommsen, Röm. Gesch. I, p. 700 sq.

въ серединѣ, такъ и въ началѣ были еще заняты; но противъ этого должно возразить, что и послѣ отмѣны Антигониды и Деметріады новая фила не могла бы замѣнить ихъ, такъ какъ мѣсто, гдѣ стояли ихъ эпонимы на площади, по свидѣтельству Ливія, было предано проклятію и сдѣлано негоднымъ для дальнѣйшаго употребленія, — пришлось бы передвинуть весь рядъ эпонимовъ, что съ религіозной точки зрѣнія было крайне предосудительно. Точно такъ же число демовъ, причисленныхъ къ Атталидѣ — 13, за исключеніемъ Ἀπολλωνιεῖς, вновь созданнаго въ честь супруги Аттала, царицы Аполлониды, наводитъ на мысль, что изъ каждой изъ прежнихъ филъ было заимствовано по одному дему для образованія новой (какъ это доказано для Адріаниды)[1]), а слѣдовательно и филъ въ то время было тринадцать. Но помимо того, что при созданіи Птолемаиды этого принципа мы еще не встрѣчаемъ, самыя имена демовъ, вошедшихъ въ составъ Атталиды, противорѣчатъ этому: чтобы ограничиться однимъ примѣромъ, если мы признаемъ, что демъ Атена, несомнѣнно принадлежавшій Деметріадѣ, былъ изъ нея переведенъ въ новую филу, то не найдется въ ней ни одного, который былъ бы заимствованъ изъ Антіохиды и т. д.

Такимъ образомъ составъ демовъ Атталиды скорѣе говоритъ въ пользу того, что она была устроена послѣ уничтоженія двухъ прежнихъ филъ, такъ какъ противорѣчитъ всѣмъ аналогіямъ, чтобы какая-нибудь фила вовсе не участвовала при образованіи новой. Но окончательное рѣшеніе даннаго вопроса даетъ намъ списокъ демовъ по филамъ, изданный и комментированный уже Россомъ, который его неправильно относилъ ко времени учрежденія Антигониды и Деметріады[2]), — мы докажемъ, что онъ долженъ быть отнесенъ къ веснѣ 200 г. послѣ ихъ уничтоженія. Уже Гротефендъ, за нимъ Диттенбергеръ и наконецъ Кёлеръ признали въ началѣ 3-го столбца цѣлый рядъ демовъ, причисленныхъ къ Птолемаидѣ, слѣдовательно онъ долженъ принадлежать ко времени ея существованія[3]). Но въ немъ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ Антигониды и Деметріады, — первый столбецъ надъ Эрехѳеидой не

[1]) Cfr. Dittenberger въ Hermes, IX, p. 392 sq.

[2]) C. I. A. II, 991. Ross, Demen von Attika, p. 1 sq.

[3]) Grotefend въ Zeitschr. f. Alterthumswiss. 1857, p. 18; Dittenberger, op. l., p. 409; Köhler въ комментаріи къ надписи.

могъ ничего заключать, какъ показываетъ цѣльный край камня и сравненіе съ остальными столбцами, точно такъ же и влѣво не было мѣста для лишняго столбца. Правда, Филіосъ предположилъ, что слѣва былъ придѣланъ еще камень, содержавшій демы названныхъ двухъ филъ[1]); но спрашивается, какіе онъ могъ содержать, когда мы ихъ всѣ находимъ возвращенными къ ихъ прежнимъ филамъ: обѣ Агрилы (Ант.) и обѣ Ламптры (Ант.) въ Эрехѳеидѣ, обѣ Анкилы (Ант.), Гаргеттъ (Ант.) и Діомею (Дем. или Ант.) въ Эгеидѣ и т. д. Очевидно, обѣ филы были въ это время уже уничтожены, но такъ же несомнѣнно, что Атталида еще не была образована, такъ какъ мы и демы, позднѣе вошедшіе въ ея составъ, находимъ еще занесенными въ прежнія ихъ филы: Агрилу въ Эрехѳеидѣ, Анкилу въ Эгеидѣ, Пробалинѳъ въ Пандіонидѣ, Холаргъ въ Акамантидѣ. Итакъ мы не ошибемся, принявъ данный списокъ демовъ за оффиціальный документъ, выставленный для пользованія публики немедленно по отмѣнѣ Антигониды и Деметріады: прошло болѣе столѣтія со времени ихъ учрежденія, и только путемъ тщательнаго изученія актовъ можно было узнать, къ какой филѣ прежде принадлежали ихъ демы и въ ту пору должны были быть возвращены; во всякомъ случаѣ громадная масса народа этого знать не могла и ей необходимъ былъ подобный документъ, такъ какъ вопросъ о принадлежности того или другаго дема имѣлъ для нея непосредственную важность. Вмѣстѣ съ тѣмъ намъ удалось установить несомнѣнно фактъ, что между отмѣной Антигониды и Деметріады и учрежденіемъ Атталиды протекло нѣкоторое, вѣроятно непродолжительное время, когда въ Аѳинахъ было всего одиннадцать филъ — 10 старинныхъ и Птолемаида, занявшая теперь пятое мѣсто между ними; съ прибавленіемъ къ нимъ Атталиды въ началѣ II-го в. ихъ число снова возросло до двѣнадцати и оставалось неизмѣннымъ, какъ и численность членовъ Совѣта Шестисотъ до временъ императора Элія Адріана, до 130 г.

Извѣстенъ филэллинизмъ этого императора, осыпавшаго благодѣяніями и украсившаго разными дорогими постройками многіе города Эллады, но въ особенности Аѳины, гдѣ цѣлая часть называлась „городомъ Адріана“ близъ оконченнаго имъ храма Зевса Олимпійскаго[2]); не удивительно, что въ своей благодарности аѳин-

[1]) D. Philios въ Ἐφ. Ἀρχ. 1887, p. 184, not. 3.

[2]) На воротахъ Адріана еще понынѣ читаются надписи (C. I. A. III, 401—2):

скій народъ учредилъ новую филу, въ честь его названную по его имени Адріанидой и занявшую почетное среднее мѣсто среди другихъ — седьмое въ оффиціальномъ порядкѣ. Тщательныя изысканія проф. Диттенбергера показали, что новая фила была образована по нѣсколько иному принципу, нежели предшествующія: и въ составъ этихъ входили демы, заимствованные изъ всѣхъ безъ исключенія дотолѣ существовавшихъ филъ, но они брались изъ послѣднихъ не въ одинаковомъ количествѣ, то одинъ, то два, то еще больше; при учрежденіи же Адріаниды каждая изъ двѣнадцати аѳинскихъ филъ уступила ей равномѣрно по одному дему и сверхъ того былъ созданъ для нея спеціально новый демъ (какъ нѣкогда для Птолемаиды — Береникиды, для Атталиды — Аполлоніи), который по извѣстному любимцу императора биѳинцу Антиною получилъ названіе *Ἀντινοεῖς*[1]). Время, когда была образована эта новая фила въ точности не извѣстно: съ большимъ правдоподобіемъ относятъ этотъ актъ льстиваго подобострастія ко времени пребыванія самого императора въ Аѳинахъ; но такъ какъ онъ много путешествовалъ по всѣмъ восточнымъ краямъ римскаго государства, нѣсколько разъ бывалъ и въ Аѳинахъ, то можно колебаться между 125/6 и 129 г.[2]).

Нѣкоторое какъ-будто указаніе на этотъ счетъ даетъ намъ численность членовъ Совѣта, которая въ эту же эпоху была низведена на 500, какъ полагаютъ, въ угоду антикварнымъ наклонностямъ императора (что замѣчается и въ характерѣ письма на надписяхъ средины II-го в.). Большинство ученыхъ это измѣненіе въ численности Совѣта ставятъ въ связь съ введеніемъ новой филы, указывая на то, что и прежде каждая перемѣна въ числѣ послѣднихъ вела и къ соотвѣтственной реформѣ Совѣта[3]). Если это пред-

Αἶδ' εἶσ' Ἀθῆναι Θησέως ἡ πρὶν πόλις и *Αἶδ' εἶσ' Ἀδριάνου καὶ οὐχὶ Θησέως πόλις*. О дѣятельности Адріана относительно украшенія Аѳинъ срвн. C. Wachsmuth, Stadt Athen, I, p. 686 sq.; E. Curtius, Stadtgesch. von Athen, p. 265—71.

[1]) Dittenberger, Die neu errichteten att. Phylen. I. Hadrianis въ Hermes, IX, p. 386—98.

[2]) Хронологія путешествій Адріана и время его пребыванія въ Аѳинахъ очень спорны: различныя воззрѣнія ученыхъ сопоставилъ G. I. Hertzberg, Geschichte Griech. u. röm. Herrsch. II, p. 301, not. 2. Я принялъ даты, выведенныя въ новѣйшемъ спеціальномъ изслѣдованіи I. Dürr'a, Die Reisen des Kaisers Hadrian. 1881.

[3]) Dittenberger, Über eine att. Inschrift въ Hermes, I, p. 417 sq., который относитъ объ реформы къ 132 г. Hertzberg, op. l., II, p. 344.

положеніе было бы справедливо, то образованіе Адріаниды должно было бы отнести къ 126 г.: въ надписяхъ статуй, воздвигнутыхъ императору во время его пребыванія въ Аѳинахъ отъ сентября 125-го до лѣта слѣдующаго года, еще называется Совѣтъ Шестисотъ[1]), а въ надписи въ честь Эмилія Іюнка, поставленной не позже лѣта 127 г. (въ ней не упоминается его консульство въ послѣдніе мѣсяцы этого года)[2]), уже говорится о Совѣтѣ Пятисотъ; слѣдовательно онъ былъ возстановленъ между началомъ 126-го и серединой 127-го г., по всей вѣроятности именно въ первой половинѣ 126-го, еще во время присутствія императора. Но насколько опредѣленно можно установить время преобразованія Совѣта, настолько шатка комбинація, соединяющая съ нимъ учрежденіе новой филы: аналогія прежнихъ случаевъ подобныхъ же преобразованій является при этомъ вполнѣ бездоказательной, такъ какъ прежде всегда цѣль была та, чтобы постоянно удерживать для каждой филы число 50 представителей въ Совѣтѣ, но съ уменьшеніемъ общаго числа его членовъ до 500 — увеличеніе числа филъ до тринадцати не имѣетъ никакой внутренней связи, а слѣдовательно нѣтъ причины предполагать и связь внѣшнюю. Весьма основательно Неубауеръ указалъ еще на другое обстоятельство, очевидно противорѣчащее мнѣнію о подобномъ единовременномъ преобразованіи и Совѣта и филъ: число 500, дѣленное на 13, дало бы отъ 38 — 39 членовъ Совѣта для каждой филы ($38\times7+39\times6=500$), а между тѣмъ въ спискахъ притановъ этого времени мы находимъ постоянно то 41, то 42 члена на каждую филу. Уже Бёкъ замѣтилъ это затрудненіе и старался его устранить, принимая, что къ настоящему числу притановъ (38 или 39) присчитывались еще трое — эпистатъ, эпонимъ и секретарь, такъ что въ отдѣльныхъ пританіяхъ получалось 41 и 42 члена, а весь Совѣтъ состоялъ изъ 539[3]). Неубауеръ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что такое объясненіе несостоятельно, такъ какъ эпистатъ, эпонимъ и секретарь назначались изъ притановъ данной

[1]) C. I. A. III, 466—69.

[2]) C. I. A. III, 622. Cfr. Fr. Neubauer, Atheniensium reipublicae quaenam Romanorum temporibus fuerit condicio (1882), p. 27.

[3]) Böckh ad C. I. G. I, 190, p. 323: hac aetate, ut debeat, ordinarios prytanes fuisse duodequadraginta vel undequadraginta, sed praeter hos tres esse additos, epistaten, eponymum, scribam, ita ut in singulis prytaniis essent unus et

филы и ничѣмъ не отличались отъ остальныхъ. Самъ онъ предложилъ слѣдующее рѣшеніе: когда составъ Совѣта былъ уменьшенъ съ 600 на 500, существовало только 12 филъ, слѣдовательно на каждую приходилось вполнѣ правильно отъ 41—42 членовъ ($8\times42+4\times41=500$); новая фила Адріанида была учреждена лишь во время втораго пребыванія императора въ Аѳинахъ въ 130 г.; тогда число членовъ Совѣта изъ каждой филы не было измѣнено, а только прибавлено для новой филы 40—42 лишнихъ членовъ, такъ что весь Совѣтъ состоялъ приблизительно изъ 540 человѣкъ (6 по 41+7 по 42), но продолжалъ круглымъ счетомъ называться Совѣтомъ Пятисотъ въ угоду старой традиціи.

Первую часть разсужденія Неубауера мы признаемъ вполнѣ правдоподобной и вмѣстѣ съ нимъ принимаемъ, что Совѣтъ Пятисотъ былъ введенъ раньше (въ 126 г.), нежели была учреждена Адріанида (въ 129 г.). Но съ остальными его выводами мы согласиться не можемъ: во-первыхъ, трудно предположить, чтобы собраніе изъ 540 членовъ могло зваться Совѣтомъ Пятисотъ, когда даже суды изъ 501 члена такъ и назывались *(εἰς ἕνα καὶ πεντακοσίους)*, а не обозначались круглымъ счетомъ — въ III в. д. Р. Х. мы видѣли Совѣтъ Шестисотъ-пятидесяти, почему во II-мъ в. п. Р. Х. не могло быть Совѣта Пятисотъ-сорока? во-вторыхъ, когда добивались для всего состава Совѣта круглаго числа (500), тогда понятно, что пританіямъ давали неравное число членовъ, но когда общее число получалось во всякомъ случаѣ не круглое (539 по Бёку, 540 по Неубауеру), то не видно никакой разумной причины, почему бы аѳинскій народъ не уравнялъ между собою отдѣльныя пританіи — напр. число 520 членовъ на весь Совѣтъ, по 40 на каждую филу было бы болѣе естественнымъ и ближе подходило къ цифрѣ 500. Этотъ вопросъ еще нуждается въ новомъ пересмотрѣ всѣхъ документовъ; но мы такого изслѣдованія здѣсь не намѣрены представлять, такъ какъ для насъ число членовъ Совѣта было важно лишь поскольку оно могло служить для опредѣленія времени, когда была учреждена новая фила Адріанида. Также мало насъ занимаетъ и Совѣтъ изъ 750 членовъ, встрѣчающійся около

---

quadraginta vel duo et quadraginta prytanes, et senatus esset virorum quingentorum undequadraginta“. Это число 539 одобрили и L. Ahrens, De Athenarum statu politico et literario inde ab Achaici foederis interitu (1829), p. 30 и G. Hertzberg, op. l. II, p. 344.

середины III-го в., и Совѣтъ изъ 300, упоминаемый въ надписяхъ второй половины IV-го в.[1]), такъ какъ нѣтъ никакихъ данныхъ предполагать, чтобы эти перемѣны въ численности членовъ находились въ зависимости отъ какихъ-либо измѣненій въ составѣ и числѣ филъ. Итакъ результаты нашего изслѣдованія мы можемъ представить въ слѣдующей хронологической таблицѣ:

10 Клисѳеновскихъ филъ: 508—306 г.
12 филъ съ Антигонидой и Деметріадой: 306—227 г.
13 филъ съ Птолемаидой на 7-мъ мѣстѣ: 226—201 г.
11 филъ съ Птолемаидой (на 5-мъ мѣстѣ): около 200 г.
12 филъ съ Птолемаидой и Атталидой: отъ 200 до Р. Х.—129 послѣ Р. Х.
13 филъ съ Адріанидой: послѣ 129 г. п. Р. Х.

До какихъ поръ продолжалъ существовать институтъ филъ и демовъ въ Аѳинахъ, опредѣлить съ точностью невозможно. Послѣдній разъ филы упоминаются (мы беремъ въ разсчетъ, конечно, лишь памятники, которые можно приблизительно датировать) въ годъ, когда агоноѳетомъ Панаѳеней былъ извѣстный писатель П. Еренній Дексиппъ, архонтомъ Л. Флавій Филостратъ въ 35 Панаѳенаиду, т.-е. въ 262 г.[2]); демъ Мелита называется въ надписи, гдѣ упоминается также Совѣтъ Трехсотъ, который мы находимъ еще въ другомъ памятникѣ второй половины IV-го в.[3]). Такимъ образомъ учрежденіе Клисѳена просуществовало болѣе 8 столѣтій и можетъ быть констатировано до середины IV-го в. — дальше мы не находимъ никакихъ уже его слѣдовъ. Мы не думаемъ, чтобы оно когда-либо было формально отмѣнено: оно умерло постепенно, незамѣтно, подъ гнетомъ Діоклеціано-Константиновской монархіи, подавлявшей повсюду своимъ бюрократическимъ режимомъ послѣд-

[1]) *Ἡ βουλὴ τῶν ΨΝ* въ C. I. A. III, 716, которая по изслѣдованіямъ Dittenberger'a (въ Comment. in hon. Mommsen. p. 246) о панаѳенейской эрѣ не можетъ быть составлена позже 267 г. *Ἡ βουλὴ τῶν τριακοσίων:* C. I. A. III, 635 et 719.

[2]) Панаѳенейская эра считалась отъ года агоноѳесіи Герода Аттика, которую должно отнести къ 114/5 или 118/9 или 122/3 г. по Р. Х.: 35-ая Панаѳенаида (C. I. A. III, 1202) должна была падать на 254/5 или 258/9 или 262/3 г., наиболѣе вѣроятно, что на послѣдній (cfr. Dittenberger, op. l., p. 242 sq.).

[3]) C. I. A. III, 719: *τὸν δ. Μελιτέα.* Cfr. ibid. 635 въ честь Феста Руфа, который былъ проконсуломъ Африки въ 366 г. по Р. Х.

нія слабыя проявленія античной муниципальной жизни, нѣкогда бившей такою свѣжею, сильною струею.

Мы прослѣдили такимъ образомъ исторію Клисѳеновскихъ территоріальныхъ дѣленій аѳинскаго народа отъ времени ихъ учрежденія до послѣднихъ ихъ слѣдовъ въ оффиціальныхъ документахъ IV-го вѣка по Р. Х. Намъ остается теперь еще сдѣлать то же самое еще для другихъ дѣленій народныхъ — родовыхъ, хотя здѣсь о настоящей исторіи не можетъ быть рѣчи, такъ какъ естественно возникшій и религіей освященный строй этотъ, послѣ того какъ у него была отнята его политическая роль, развитія дальнѣйшаго не имѣлъ и по самому своему характеру имѣть не могъ. Но тѣмъ не менѣе тѣ краткія и отрывочныя извѣстія, которыя дошли относительно его изъ временъ классическихъ, представляютъ для насъ интересъ не только въ виду того, что они подтверждаютъ неизмѣнное существованіе его единицъ въ продолженіе многихъ вѣковъ, но главнымъ образомъ по тому, что являются единственными вполнѣ достовѣрными свидѣтельствами относительно ихъ внутренняго устройства, по коимъ мы принуждены составлять себѣ понятіе и о бытѣ болѣе ранней эпохи, времени преобладанія этого строя въ жизни частной и общественной: поэтому мы раньше, представляя общую характеристику родовыхъ дѣленій и ихъ роли въ государственномъ управленіи, относительно внутренняго устройства каждаго изъ нихъ дѣлали лишь случайныя, разрозненныя указанія, чтобы избѣжать опасности внести въ изображеніе древнѣйшихъ временъ иныя черты, являвшіяся, быть можетъ, особенностями болѣе поздней эпохи.

Самыя низшія дѣленія — роды (*γένη*) и ихъ члены (*γεννῆται*) упоминаются такъ часто и постоянно у классическихъ авторовъ и на надписяхъ, что приводить отдѣльныя свидѣтельства для ихъ неизмѣннаго существованія до позднѣйшихъ временъ римской имперіи не представляется необходимости. Внутреннее ихъ устройство и управленіе извѣстно намъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ [1]). Во главѣ каждаго рода стоялъ начальникъ-архонтъ (*ἄρχων τοῦ γένους*), чаще всего упоминаемый въ документахъ, какъ лицо, облеченное всею исполнительною властью въ дѣлахъ, подлежав-

[1]) Къ описанію внутренняго устройства родовъ срвн. Dittenberger'a, Die eleusin. Kerykeп въ Hermes, XX, p. 7 sq. и Töpffer'a, Att. Gen. p. 21—23.

шихъ вѣдѣнію того общества, коего онъ былъ представителемъ во внутреннихъ и внѣшнихъ сношеніяхъ; иногда въ позднѣйшія времена онъ, кажется, назывался и генеархомъ *(γενεάρχης)*[1]). Въ древности, можно думать, это званіе переходило по старшинству между членами рода, но въ нашихъ памятникахъ отъ этого обычая не сохранилось ни малѣйшаго слѣда; архонтъ назначался изъ числа всѣхъ геннетовъ лишь на извѣстный срокъ, по всей вѣроятности на одинъ годъ, подобно другимъ сановникамъ государства и частныхъ обществъ[2]). Относительно способа назначенія мы точными свѣдѣніями не располагаемъ: между тѣмъ какъ Диттепбергеръ на основаніи одной надписи считаетъ болѣе вѣроятнымъ настоящее избраніе, Тёпфферъ въ другомъ документѣ находитъ прямое указаніе на назначеніе по жребію[3]) — мы въ виду нашего воззрѣнія на религіозный характеръ послѣдняго болѣе склонны признать такой способъ избранія, хотя не считаемъ невозможнымъ, чтобы каждый родъ, пользуясь внутренней автономіей, руководился своими особыми обычаями и правилами. Рядомъ съ архонтомъ стоялъ какъ его помощникъ въ завѣдываніи денежными дѣлами казначей рода *(ταμίας τοῦ γένους)*, а для совершенія религіозныхъ обрядовъ, особенно культа родоначальника назначался жрецъ *(ἱερεύς)*[4]): послѣдній игралъ важную роль, такъ какъ и значеніе рода было по преимуществу религіозное. Отъ прежнихъ привилегій рода почти

---

1) *Ἄρχων τοῦ γένους* упоминается: Эвмолпидовъ (C. I. A. II, 605; III, 5, 731; *Ἐφ. Ἀρχ.* 1883, p. 82), Кериковъ (C. I. A. II, 605; III, 680, 702, 1279; *Ἐφ. Ἀρχ.* 1883, p. 82), Вакхіадовъ (C. I. A. II, 1325), Аминандридовъ (C. I. A. III, 1276), Саламиніевъ (*Ἀθήν.* VI, p. 274). *Γενεάρχης (καὶ ἀρχιερεύς)*: C. I. A. III, 1278.

2) Это вывелъ Dittenberger, основываясь на томъ, что въ двухъ надписяхъ (C. I. A. III, 680, 702) терминъ *ἄρξας τοῦ Κηρύκων γένους* примѣняется къ лицамъ, находящимся еще въ живыхъ.

3) Dittenberger, l. l., p. 7, not. 5: „Auf Wahl deutet doch wohl die Wendung in dem Decret der Keryken und Eumolpiden (*Ἐφ. Ἀρχ.* 1883, p. 82) *τοὺς ἄρχοντας τοὺς ἀεὶ καθιστημένους ἐξ ἑκατέρου τοῦ γένους*“. Töpffer, l. l. ссылается на постановленіе рода Саламиніевъ (*Ἀθήν.* VI, p. 274): *τὸν ἀεὶ λαγχάνοντα ἄρχοντα τοῦ γένους.*

4) Упоминается *ταμίας τοῦ γένους* у Эвмолпидовъ (C. I. A. III, 5) и Аминандридовъ (III, 1276). У послѣднихъ встрѣчается намъ *ἱερεὺς Κέκροπος* (ibid.). Тёпфферъ едва-ли правъ, видя въ немъ не хранителя частнаго культа рода (какъ Диттенбергеръ), а носителя государственнаго культа, посвященнаго древнему царю въ упоминаемомъ на акрополѣ *Κεκρόπιον*: его единственный аргументъ тотъ, что родовой культъ долженъ былъ имѣть предметомъ эпонима Ами-

ничего не осталось: право и обязанность кровавой мести, нѣкогда принадлежавшее всѣмъ родичамъ, было обращено, какъ мы видѣли, въ право выступать обвинителемъ противъ убійцы и искать съ него удовлетворенія при помощи государственной власти, и съ одной стороны было ограничено ближайшими родственниками, съ другой — распространено какъ на родственниковъ по женской линіи (причисленныхъ къ другимъ родамъ), такъ и на всѣхъ фраторовъ; общинное землевладѣніе рода было замѣнено частною собственностью семейства еще ранѣе Солона, и этотъ законодатель нанесъ привилегіямъ родичей послѣдній ударъ, разрѣшивъ свободу завѣщанія при отсутствіи прямыхъ наслѣдниковъ. Почти единственное право, оставленное за родами, было самоуправленіе, но они его дѣлили со всякимъ случайно и по соглашенію образовавшимся обществомъ; подобно послѣднимъ родъ могъ обладать поземельною собственностью и имѣть общую казну, пополняемую взносами членовъ, но первая въ большинствѣ случаевъ ограничивалась святилищемъ героя-эпонима[1]) и общимъ мѣстомъ погребенія, вторая также не бывала обильна, такъ какъ покрывала лишь издержки по совершенію культа и награжденію заслуженныхъ лицъ: эти двѣ главнѣйшія статьи бюджета составляли и важнѣйшій предметъ совѣщанія для собраній родичей[2]). Во всемъ этомъ нѣтъ ничего характернаго для родоваго союза — то же дословно можно было бы

нандра; но извѣстно, что Керики напр. рядомъ съ своимъ „человѣческимъ“ предкомъ Керикомъ, чтили и „божественнаго“ — Гермеса, почему же нельзя предположить того же самаго и относительно Аминандридовъ? Во всякомъ случаѣ для Кериковъ намъ засвидѣтельствованъ *ἀρχιερεύς* (C. I. A. III, 1278): само названіе указываетъ на то, что въ этомъ широко разросшемся родѣ существовало нѣсколько *ἱερεῖς*.

[1]) Кажется, мѣстомъ собранія родичей для совершенія предписанныхъ религіозныхъ обрядовъ служили т.-наз. *οἶκοι*: по крайней мѣрѣ, въ постановленіи Демотіонидовъ упоминается *ἱερεὺς τοῦ Δεκελειῶν οἴκου* (C. I. A. II, 841 b, l. 41—42). Правда, здѣсь можно слово *οἶκος* истолковать въ смыслѣ *γένους*, въ какомъ оно, несомнѣнно, употребляется въ той же надписи; но въ другой (*Ἐφημ. Ἀρχ.* 1883, p. 109—10, l. 24) *οἶκος Κηρύκων* должно быть понимаемо какъ зданіе. Въ пользу нашего мнѣнія говоритъ аналогія хіосскихъ Клитидовъ, которые для совершенія своихъ *ἱερά* пользовались общимъ *οἶκος* (B. d. C. H. III, p. 47, l. 20 sq.).

[2]) Исключеніе составляли рѣшенія родовъ Эвмолпидовъ и Кериковъ, которыя, по скольку они касались совершенія элевсинскихъ таинствъ, имѣли обще-государственное значеніе. Къ особымъ привилегіямъ этихъ родовъ, которые вообще

сказать и о всякомъ частномъ обществѣ; но одно важное право было исконно предоставлено имъ, которое не только отличало роды эвпатридовъ отъ семей *(οἶκοι)* и союзовъ *(θίασοι)* низшихъ классовъ, но въ главной мѣрѣ, помимо самомнѣнія ихъ членовъ, служило къ поддержанію единства внутри каждаго рода и въ продолженіе столькихъ столѣтій препятствовало ихъ распаденію и разложенію: это было исключительное право отдѣльныхъ родовъ на наслѣдственное замѣщеніе извѣстныхъ жреческихъ должностей *(ἱερωσύναι)*. Мы знаемъ, что нѣкоторые сановники, имѣвшіе обязанности чисто религіозныя (напр. т.-наз. *ἱεροποιοί*, *θεωροί* и т. д.), назначались по выбору или по жребію изъ числа всѣхъ гражданъ *(ἐξ Ἀθηναίων ἁπάντων)*, мы можемъ и относительно нѣкоторыхъ жрецовъ (напр. *ἱερεὺς τοῦ Ἀσκληπιοῦ*) утверждать съ увѣренностью, что и ихъ способъ назначенія былъ не иной; но если мы ближе присмотримся къ этимъ категоріямъ должностей, то увидимъ, что онѣ или имѣли дѣло лишь съ внѣшностью культа или же касались божествъ, позднѣе принятыхъ государственною религіею. Всѣ же функціи жреческія и религіозные обряды, которые имѣли какое-либо отношеніе къ древнимъ культамъ искони почитаемыхъ аѳинскою общиною боговъ и героевъ *(θεοὶ πατρῷοι)*, всѣ такія должности, можно съ увѣренностью сказать, лежали на обязанности знатныхъ родовъ, изъ коихъ каждый замѣщалъ лишь опредѣленныя ему обычаемъ и закономъ мѣста и отнюдь не смѣлъ изъявлять притязаніе на другія[1]): всѣ подобные споры между родами относительно принадлежащихъ каждому жреческихъ обязанностей рѣшалъ своимъ судомъ архонтъ-царь *(διαδικασίαι)*[2]).

Уже Мейеръ постарался собрать всѣ сохранившіяся въ преданіи

пользовались исключительнымъ положеніемъ въ государствѣ (объ этомъ см. выше), кажется, должно отнести и право дарованныя ими извѣстнымъ лицамъ почести возвѣщать публично въ элевсинскомъ театрѣ: срвн. Ἐφ. Ἀρχ. 1883, p. 83, № 10.

1) Срвн. обвиненіе, выставляемое ораторомъ Андокидомъ противъ дадуха Каллія (De myst. 116): *ὦ Καλλία, πάντων ἀνθρώπων ἀνοσιώτατε, πρῶτον μὲν ἐξηγῇ Κηρύκων ὤν, οὐχ ὅσιον ὄν σοι ἐξηγεῖσθαι* — это было обязанностью Эвмолпидовъ.

2) Arist. Ath. Pol. 57, 2: *διαδικάζει δὲ (ὁ βασιλεὺς) καὶ τοῖς γένεσι καὶ τοῖς ἱερεῦσι τὰς ἀμφισβητήσεις τὰς ὑπὲρ τῶν γερῶν*. Особенно прославленъ былъ процессъ изъ-за жречества между Кроконидами и Койранидами, для коего написаны рѣчи, часто цитируемыя у грамматиковъ, двумя знаменитыми ораторами, Ликургомъ и Динархомъ.

имена аѳинскихъ знатныхъ родовъ, но принялъ въ свой списокъ и нѣкоторыя плохо засвидѣтельствованныя имена, напр. всѣхъ демовъ съ патронимическими названіями, благодаря чему и довелъ общее число родовъ до 79[1]). Но теперь всѣ предшествующія работы въ этой области далеко превзошелъ и сдѣлалъ почти безполезными Іоаннъ Тёпфферъ въ своемъ блестящемъ и ученомъ трудѣ Attische Genealogie, гдѣ собралъ изъ авторовъ и надписей все, что можно только знать относительно отдѣльныхъ аттическихъ родовъ — ихъ миѳы и легендарная генеалогія, ихъ частные культы и обще-государственныя, преимущественно жреческія обязанности, а также свѣдѣнія о нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ исторіи членахъ отдѣльныхъ семей, все это съ замѣчательнымъ стараніемъ и обширной ученостью сопоставлено подъ этимъ скромнымъ названіемъ. Оставляя въ сторонѣ всѣ миѳическія и легендарныя подробности, которыя для насъ не имѣютъ значенія и не могутъ быть вкратцѣ изложены, мы изъ этого сочиненія извлечемъ всѣ несомнѣнно засвидѣтельствованныя имена родовъ и всѣ указанія на тѣ жреческія функціи *(ἱερωσύναι)*, которыя имъ были удѣлены государственною религіею[2]).

Изъ элевсинскихъ родовъ самыми видными были *Эвмолпиды (Εὐμολπίδαι)* и Керики *(Κήρυκες)*. Они не только ставили изъ своей среды высшихъ священнослужителей для мистерій, первые — гіерофанта, гіерофантиду и экзегетовъ *(ἐξηγηταὶ ἐξ Εὐμολπιδῶν)*, вторые — дадуха, глашатая и *τὸν ἐπὶ βωμῷ* и жрецовъ и жрицъ, такъ-наз. *παναγεῖς*, а вмѣстѣ двухъ эпимелетовъ мистерій и т.-наз. *σπονδοφόρους*, возвѣщавшихъ предъ наступленіемъ послѣднихъ священный миръ во всѣхъ городахъ Эллады, — не только имѣли вмѣстѣ съ архонтомъ-царемъ высшее наблюденіе за правильнымъ совершеніемъ таинствъ[3]) и обладали общимъ всѣмъ родичамъ пра-

[1]) M. H. E. Meier, De gentil. att. Оттуда этотъ списокъ позаимствовалъ Куторга, Колѣна и сословія аттич. стр. 88—89.

[2]) Основываясь на данныхъ, указанныхъ въ названномъ трудѣ I. Töpffer'a, Attische Genealogie (Berl. 1889), мы не считаемъ нужнымъ переписывать изъ него всѣ цитаты и ограничимся лишь въ двухъ-трехъ случаяхъ краткими примѣчаніями.

[3]) И при отдѣленіи Элевсина отъ Аѳинъ по соглашенію, состоявшемуся послѣ паденія 30 тирановъ, было постановлено (Arist. Ath. Pol. 39, 2): *τὸ δ' ἱερὸν εἶναι κοινὸν ἀμφοτέρων, ἐπιμελεῖσθαι δὲ Κήρυκας καὶ Εὐμολπίδας κατὰ τὰ πάτρια.*

вомъ посвященія въ нихъ, но и несли важныя политическія функціи и соотвѣтственно этому пользовались и особенными преимуществами: Эвмолпиды въ иныхъ процессахъ составляли особенное судилище, произносившее приговоръ по ихъ собственнымъ неписаннымъ законамъ *(ἄγραφα νόμιμα)*, Керики изъ своей среды ставили разныхъ глашатаевъ высшаго разряда для всего государства (напр. *κήρυκα τῆς βουλῆς καὶ τοῦ δήμου* и *κήρυκα τῆς ἐξ Ἀρείου πάγου βουλῆς)*, за то ихъ жрецы постоянно кормились на счетъ государства въ пританеѣ въ числѣ такъ-наз. *ἀείσιτοι*[1]). Къ числу элевсинскихъ родовъ относятся еще Филлиды, изъ коихъ избиралась главная жрица Деметры и Коры, Койраниды и Крокониды, которые кромѣ литургическаго участія въ мистеріяхъ при посвященіи новыхъ мистовъ (на что указываетъ ихъ имя), имѣли извѣстное, еще не вполнѣ выясненное отношеніе къ культу Діониса, къ празднествамъ Θеойній и Апатурій и къ поклоненію покровительницѣ государственнаго очага, Гестіи[2]); наконецъ Тёпфферъ упоминаетъ еще Эвданемовъ, какъ элевсинскій родъ. Изъ городскихъ родовъ самымъ знатнымъ были Этеобутады, которые ставили жреца Посейдона-Эрехтея и жрицу Аѳины Поліады, далѣе Бузиги, изъ коихъ происходили жрецы Зевса на Палладіи и Зевса Телея *(Τέλειος)*, Праксіергиды, вѣдавшіе мистическое празднество Плинтерій (омовенія старинной статуи Аѳины), Θаулониды, обладавшіе жречествомъ Зевса *Πολιέως*, Амфиандриды (очень развѣтвленный родъ), вѣдавшіе культъ Кекропса, Гесихиды, умилостивлявшіе страшныхъ богинь Эвменидъ, Эвнеиды, назначавшіе изъ своей среды жреца Діониса Мельпомена и заботившіеся вообще о музыкальной сторонѣ аѳинскихъ празднествъ (почему они у Гесихія называются *γένος μουσικόν)*, Эвпатриды (спеціально такъ называемый родъ, изъ котораго происходилъ Алкивіадъ, сынъ Клейнія), хранившіе особенные очистительные обряды и толковавшіе ихъ чрезъ своихъ экзегетовъ *(ἐξηγηταὶ ἐξ Εὐπατριδῶν)*, Метіониды,

[1]) Объ этомъ срвн. выше: стр. 265, прим. 2. Относительно политическихъ функцій, по крайней мѣрѣ, въ римское время возложенныхъ на Кериковъ, срвн. Dittenberger, Die eleus. Kerykеn въ Hermes, XX, p. 35—40.

[2]) Роду Кроконидовъ Тёпфферъ по догадкѣ приписываетъ обязанность ставить *παῖδα ἀφ' ἑστίας μυηθέντα*, игравшаго важную роль въ мистеріяхъ (op. l., p. 108, — это предположеніе ошибочно, такъ какъ онъ (или она) принадлежалъ, по крайней мѣрѣ, иногда къ роду Кериковъ: срвн. *Ἐφ. Ἀρχ.* 1883, p. 19, № 2, 144, № 17; 1885, p. 147, № 25.

имѣвшіе особенное отношеніе къ Гефесту и его празднеству *Χαλκεῖα*, Бакхіады, игравшіе видную роль, какъ кажется, при процессіи въ честь бога Вакха. Гораздо менѣе опредѣленны тѣ указанія, которыя имѣются по Тёпфферу относительно участія въ аѳинскихъ государственныхъ культахъ знатныхъ родовъ, жившихъ первоначально въ разныхъ сельскихъ демахъ внѣ города; изъ этихъ достовѣрно извѣстны слѣдующіе: Алкмеониды, Андроклиды, Антагориды, Бритиды, Гефиреи, Декелеи, Діогениды, Зевксантиды, Іониды, Кефалиды, Кефисіеи, Кипниды, Коліеи (*Κωλιεῖς*), Коллиды, Кониды, Лаксады, Ликомиды, Медонтиды, Памфилы, Пеониды, Пойменіиды, Саламиніи, Семахиды, Спевсандриды, Тимодемиды, Тиргониды, Титакиды, Филаиды, Филлиды, Фиталиды, Фойники, Фрасиды, Фреорихи, Халкиды, Харіды, Химариды и нѣкоторые сомнительные (Эгеротомы, Парэки, Пирретіады, Ойкаты).

Мы уже имѣли случай указывать на то, что государственные культы, препорученные вѣдѣнію отдѣльныхъ родовъ, не должно никоимъ образомъ смѣшивать съ ихъ частными (sacra gentilicia); точно такъ же священнослужителей, поставляемыхъ изъ ихъ среды для выполненія первыхъ, необходимо отличать какъ отъ архонтовъ родовыхъ, такъ и отъ жрецовъ ихъ домашняго богослуженія. Послѣдніе, безъ всякаго сомнѣнія, назначались изъ всѣхъ членовъ рода и мѣнялись ежегодно, между тѣмъ какъ должности общегосударственныхъ священнослужителей, составлявшія привилегію извѣстныхъ родовъ, переходили по наслѣдству и были пожизненны: послѣднее можно, по крайней мѣрѣ, констатировать для всѣхъ жрецовъ и жрицъ, относительно которыхъ мы имѣемъ нѣсколько болѣе подробныя свѣдѣнія, напр. для гіерофанта, для дадуха, для гіерокерика, для жрицы Аѳины Поліады и т. д. Что касается способа замѣщенія всѣхъ этихъ мѣстъ, то Диттенбергеръ для дадуха пытался доказать, что его функціи переходили внутри одной семьи рода Кериковъ наслѣдственно по поколѣніямъ, какъ это очевидно для жреца Посидона въ Галикарнассѣ (тотъ же принципъ, какъ у насъ въ удѣльно-вѣчевой періодъ и у турокъ-османовъ — преимущество дяди передъ племянникомъ); но Тёпфферъ справедливо замѣтилъ, что извѣстные намъ примѣры не противорѣчатъ переходу должности по абсолютному старшинству[1]). Еще менѣе опре-

[1]) Dittenberger, op. l., p. 23 sq.: cfr. C. I. G. 2655 = Ditt. S. I. G. 372. Töpffer, op. l., p. 89.

дѣленнаго можно сказать относительно другихъ жреческихъ функцій, напр. гіерофанта (изъ Эвмолпидовъ) или жрицы Аѳины Поліады (изъ Этеобутадовъ), кромѣ того, что онѣ переходили по всѣмъ даннымъ не между членами всего рода, а лишь опредѣленныхъ семей. Вообще же вѣроятно, что и относительно этого каждый родъ руководился своими особыми узаконеніями, вѣрно лишь то, что всѣ эти *ἱερωσύναι* замѣщались по наслѣдству, а не по выборамъ, какъ доказываютъ примѣры спора между родичами насчетъ права ихъ занятія, рѣшавшіеся въ правильномъ процессѣ *(διαδικασία)* у архонта-царя[1]). Спеціальныхъ родовыхъ культовъ мы касаться не будемъ, потому что они для государства представляли не больше интереса, какъ богослуженіе всякаго другаго частнаго общества, напр. Діонисіастовъ въ Пиреѣ или тирійскихъ и египетскихъ купцовъ: упомянуть мы должны только, что всѣмъ вообще родамъ общее было (но совершалось по всей вѣроятности каждымъ отдѣльно) поклоненіе Аполлону Отцовскому и Зевсу Покровителю дома, почему ихъ члены всѣ и именовали себя *Ἀπόλλωνος Πατρῴου καὶ Διὸς Ἑρκείου γεννῆται*[2]).

Выше мы уже указывали на то, что „родовитость“ *(εὐγένεια)* была отличительнымъ признакомъ высшаго класса Эвпатридовъ, т.-е. потомковъ славныхъ отцовъ, вслѣдствіе чего большинство ученыхъ имъ однимъ приписываютъ исключительную принадлежность къ родамъ и право составлять таковые, между тѣмъ какъ низшія сословія въ видѣ извѣстнаго суррогата должны довольствоваться правомъ образовывать свободные религіозные союзы *(θίασοι)*, связанные культомъ, не переданнымъ отъ предковъ, а по соглашенію установленнымъ, почему и назывались не геннетами, а только оргеонами *(ὀργεῶνες)*[3]). Мы рѣшительно отказались признать юридическое основаніе такого различія, хотя и допускаемъ возможность, что въ низшихъ слояхъ населенія, занятыхъ заботами повседневной жизни, память объ общности происхожденія и культъ героя-предка были менѣе устойчивы, чѣмъ въ знат-

---

1) Arist. Ath. Pol. 57, 2: *γραφαὶ δὲ λαγχάνονται πρὸς αὐτὸν (τὸν βασιλέα)... κἂν τις ἱερωσύνης ἀμφισβητῇ πρός τινα.*

2) Dem. in Eubul. (LVII), 67, p. 1319.

3) Литература по этому вопросу приведена нами уже выше, можно лишь еще разъ указать на новѣйшее изслѣдованіе R. Schöll'я, Die Kleisthenischen Phratrien въ Sitz.-Ber. d. Münch. Ak. 1889, B. II, p. 1 sqq.

ныхъ родахъ съ ихъ славнымъ прошлымъ, что въ простомъ народѣ гораздо легче роды распадались на отдѣльныя семьи, а послѣднія теряли между собою связь и обособлялись: для нихъ не существовало могучаго соединительнаго момента, сплочивавшаго членовъ знатныхъ родовъ — священной традиціи, преимущественнаго права на занятіе важнѣйшихъ жреческихъ должностей, привилегіи быть носителями и хранителями государственной религіи, съ коей тѣснѣйшимъ образомъ было связано благо и процвѣтаніе всей республики. Вѣрно въ вышеприведенномъ мнѣніи лишь то, что рядомъ съ родами аѳинскіе граждане составляли и довольно мелкіе *θίασοι*, хотя нельзя забывать, что они засвидѣтельствованы намъ лишь однимъ документомъ[1]); но не подлежитъ сомнѣнію, что и послѣдніе не были свободными союзами, произвольно образованными на подобіе частныхъ культовыхъ обществъ, а основывались на родственныхъ отношеніяхъ своихъ членовъ. Это доказывается какъ малочисленностью послѣднихъ (иной тіазъ не могъ поставить и трехъ взрослыхъ свидѣтелей), которая приближаетъ такой союзъ къ семейному и существенно отличаетъ его отъ указанныхъ обществъ, такъ и наслѣдственною принадлежностью каждаго члена фратріи Демотіонидовъ къ опредѣленному тіазу, что не совмѣстимо съ предполагаемою свободою ихъ образованія. Слѣдовательно эти религіозно-семейные союзы гражданъ никоимъ образомъ нельзя сопоставлять или даже отождествлять съ частными культовыми обществами, принимавшими свободно въ свою среду всякаго желающаго, хотя бы онъ и не былъ гражданиномъ (иногда даже несвободныхъ): если послѣднія также назывались *θίασοι* и ихъ члены *θιασῶται* или иногда *ὀργεῶνες*, то это показываетъ только, что они заимствовали свое имя, какъ и свое внутреннее устройство отъ родовыхъ тіазовъ, а не наоборотъ. Поэтому-то и

[1]) Cfr. *Ἐφ. Ἀρχ.* 1882, p. 1. Я держусь мнѣнія, что въ сущности *θίασος* только другое имя для *γένος*, установленное эвпатридами во времена ихъ преобладанія въ государствѣ, когда они послѣднее названіе хотѣли допустить лишь для своихъ родовъ; впослѣдствіи и демоты стали себѣ приписывать *γένος* и говорить о своихъ *γεννῆται* (какъ въ Римѣ послѣ уравненія сословій явились gentes plebeiae) — такъ поступаетъ Евкситей (въ своей рѣчи противъ Эвбулида), котораго я никакъ не могу вмѣстѣ съ большинствомъ ученыхъ признать за эвпатрида: если бы онъ былъ таковымъ, то онъ не преминулъ бы на это указать и не сталъ бы вообще говорить о *Ἀπόλλωνος Πατρῴου* etc. *γεννῆται*, а прямо назвалъ бы свой родъ его собственнымъ именемъ.

свѣдѣнія, имѣющіяся относительно этихъ вольныхъ обществъ, могутъ только съ осторожностью быть переносимы на ихъ прототипы изъ родоваго строя, и мы ихъ особому разсмотрѣнію подвергать не станемъ.

Роды и семьи или тіазы объединялись, какъ мы видѣли, въ высшія единицы, фратріи. Мы выше уже доказали, что опѣ ни Солономъ, ни Клисѳеномъ не были нисколько измѣнены въ своемъ внутреннемъ устройствѣ и численности. Каждая фратрія имѣла своего начальника въ лицѣ фратріарха; иногда ихъ бывало по нѣскольку, — такъ, у Діалейцевъ ихъ было двое[1]). Рядомъ съ главою фратріи стоялъ ея жрецъ, по всей вѣроятности также назначаемый на одинъ годъ: каждая фратрія имѣла свои особенные культы и религіозные обряды, но вмѣстѣ съ тѣмъ всякая чтила Зевса Фратрія и Аѳину Фратрію (*Ζεὺς Φράτριος* и *Ἀθηνᾶ Φρατρία*) и праздновала отдѣльно общій всѣмъ праздникъ Апатурій, посвященный Аѳинѣ и Діонису. На фратріи была возложена Клисѳеномъ или, вѣрнѣе сказать, сохранена за ними важная государственная обязанность пріема въ число гражданъ подрастающихъ поколѣній по мѣрѣ достиженія ими совершеннолѣтняго возраста, — онѣ должны были провѣрять законность ихъ происхожденія и вносить ихъ имена въ свои списки (*φρατεριχὰ γραμματεῖα*)[2]). Кромѣ этой политической функціи, роль фратрій ограничивалась чисто религіозными обязанностями: культомъ своихъ боговъ-покровителей и совершеніемъ опредѣленныхъ жертвъ и празднествъ. Для покрытія пропстекавшихъ главнымъ образомъ отсюда издержекъ служила общая касса, пополнявшаяся взносами членовъ, можетъ быть, доходами съ капиталовъ, отдаваемыхъ въ ростъ, и главнымъ образомъ арендной платой за поземельную собственность[3]): послѣдней въ большей или меньшей мѣрѣ владѣла всякая фратрія, — во всякамъ случаѣ она обладала особымъ участкомъ для своего святилища (*τέμενος*), близъ коего, вѣроятно, находилось въ большинствѣ случаевъ и мѣсто собранія фраторовъ (*φράτριον*)[4]).

1) C. I. A. II, 600, l. 5 sq.

2) О подробностяхъ этого важнаго акта намъ придется обстоятельно говорить въ гл. III.

3) До насъ дошелъ въ цѣлости арендный контрактъ фратріи Діалейцевъ насчетъ принадлежавшаго ей поля въ Мирринунтѣ: C. I. A. II, 600.

4) C. I. A. II, 599: *ἀναγράψαι δὲ τόδε τὸ ψήφισμα τὸν φρατρίαρχον εἰς στήλην λιθίνην καὶ στῆσαι ἔμπροσθεν τοῦ φρατρίου.*

Фратріи упоминаются нерѣдко у ораторовъ классическаго времени, но никогда не приводятся ихъ спеціальныя названія: обыкновенно произносящій рѣчь говоритъ лишь о *своихъ* фраторахъ. Поэтому нужно весьма осторожно относиться и къ тѣмъ именамъ фратрій, которыя приводятся позднѣйшими лексикографами: такъ какъ послѣдніе черпали свои познанія (иногда черезъ десятыя руки) частью изъ спеціальныхъ монографій *(ὑπομνήματα)*, частью изъ общихъ комментаріевъ къ классическимъ авторамъ, восходившихъ по главному своему содержанію еще къ александрійскому періоду, а ученые этой эпохи въ свою очередь не находили въ своихъ текстахъ никакихъ названій фратрій, то и всѣ указанія на этотъ счетъ позднѣйшихъ писателей являются весьма проблематическими и большею частью носятъ и на себѣ отпечатокъ недостовѣрности[1]). Единственными нашими источниками слѣдовательно должны быть признаны въ данномъ случаѣ надписи, которыя и сохранили намъ имена нѣсколькихъ фратрій: уже давно была извѣстна фратрія Ахніадовъ[2]), которая до послѣдняго времени оставалась единственною, но теперь мы знаемъ еще Демотіонидовъ, Діалеевъ, Закіадовъ, Θерриконидовъ и въ самое послѣднее время — Эласидовъ[3]). Д-ръ Тёпфферъ увеличиваетъ число этихъ именъ, принимая за фратріи Милтіеевъ и Икадеевъ, изъ коихъ первые встрѣчаются въ спискѣ обществъ, продавшихъ свои земли, а вторые кромѣ того упоминаются въ постановленіи, ими самими изданномъ, и въ надписи пограничнаго столба[4]); но мы не нахо-

[1]) Etym. M. s. v. *Τιτακίδαι· οἱ δὲ Τιτακίδαι καὶ Θυργωνίδαι φρατρίαι τινὲς καὶ γένη ἄδοξα· οὐχὶ δὲ δῆμοι, ὥς τινες οἴονται.* Послѣднее утвержденіе не вѣрно, на какомъ же основаніи считать первое болѣе надежнымъ, какъ это дѣлаетъ Sauppe, De phratriis att. I, p. 10.

[2]) C. I. G. 463 (= C. I. A. II, 1653): *ἱερὸν Ἀπόλλωνος Ἑβδομείου φρατρίας Ἀχναδῶν*. Mitth. XII, p. 287: *ὅρος φρατρίας Ἀχναδῶν*.

[3]) *Ἐφ. Ἀρχ.* 1888, p. 1; C. I. A. II, 600; C. I. A. II, 1062: *ὅρος ἱεροῦ Τριτοπατρέων Ζακναδῶν*. Mitth. II, p. 186: *ἱερὸν Ἀπόλλωνος [Πατρ]ῴου φρατρίας Θερ̣ρ̣ικ[ωνιδ]ῶν* (дополненіе Диттенбергера: S. I. G. 303, not. 2); Bürmann (N. Jahrbb. f. Phil. S.-B. IX, p. 646) предложилъ читать *Θερ̣ρ̣ικιαδῶν* и это чтеніе принялъ Köhler: C. I. A. II, 1652. Classical Review. Boston 1889, p. 188: *ὅρος τεμένους Ἀπόλλωνος Πατρῴου Ἐλασιδῶν*. Этой надписью опровергаются и возраженія, сдѣланныя противъ дополненій Köhler'a въ памятникѣ Θерриконидовъ.

[4]) I. Töpffer, Att. Gen., p. 110, not. 1: „Man vergleiche die Namen der *Μιλτιεῖς* (C. I. A. II, 784) und *Εἰκαδεῖς* (C. I. A. II, 609, 784), in denen ich gleichfalls nichts anderes als Phratrien sehen kann". Икадеи упоминаются еще: C. I. A. II, 1098.

димъ ни малѣйшаго указанія на то, чтобы это были фратріи, — относительно Икадеевъ мы смѣло можемъ утверждать, что это было или частное религіозное общество или родовой союзъ.

Вотъ и все, что можно положительнаго сказать относительно фратрій: въ болѣе позднія времена онѣ не упоминаются ни у авторовъ, ни въ надписяхъ, но въ виду того, что ихъ высшія единицы — филы встрѣчаются еще въ правленіе Августа, мы и о нихъ можемъ съ увѣренностью утверждать, что онѣ существовали, по крайней мѣрѣ, еще въ началѣ римскаго императорскаго времени. О четырехъ древне-іонійскихъ филахъ мы послѣ реформъ Клисѳена не имѣемъ почти никакихъ свѣдѣній, такъ что нѣкоторые ученые считали ихъ вполнѣ отмѣненными [1]): теперь по эпиграфическимъ даннымъ мнѣніе это опровергнуто, какъ это можно было a priori предполагать въ виду того, что вообще древніе не любили уничтожать институтовъ религіозно освященныхъ и связанныхъ съ какимъ-нибудь культомъ. Но сама скудость и случайность и этихъ извѣстій о филахъ указываетъ на ту ничтожную роль, какую онѣ играли даже въ религіозномъ бытѣ аѳинской общины. Мы узнаемъ только, что онѣ попрежнему сохранили своихъ отдѣльныхъ начальниковъ, носившихъ еще гордое названіе филобазилеевъ, которое теперь звучало почти насмѣшкой; по одному извѣстію послѣдніе оказывали содѣйствіе архонту-царю, когда онъ въ пританеѣ творилъ чисто религіозный судъ надъ неодушевленными предметами, причинившими смерть живому существу (*τὰς τῶν ἀψύχων δίκας*) [2]). Кромѣ того мы недавно узнали, что филобазилеи имѣли свою особенную кассу [3]), служившую по преимуществу, конечно, для совершенія жертвъ и религіозныхъ обрядовъ, изъ коихъ важнѣйшіе были посвящены богу-покровителю филы; для культа послѣдняго былъ назначенъ особый жрецъ — еще во времена Августа упоминается жрецъ Зевса Гелеонта, эпонима филы Гелеонтовъ [4]).

[1]) Platner, Beitr. z. Kenntn. des att. Rechts, p. 68 ff. Hermann, St.-Alt. § 111, not. 1. Противъ этого мнѣнія возражали уже Niebuhr, Röm. Gesch. II, p. 347, Meier, De gentil. att., p. 7, Haase, Athen. Stammv. p. 117 и друг.

[2]) Arist. Ath. Pol. 57, 4: *ὅταν δὲ μὴ εἰδῇ τὸν ποιήσαντα, τῷ δράσαντι λαγχάνει — — δικάζει δ' ὁ βασιλεὺς καὶ οἱ φυλοβασιλεῖς· καὶ τὰς τῶν ἀψύχων καὶ τῶν ἄλλων ζῴων — —* Cfr. Poll. VIII, 90, 111, 120.

[3]) Am. Hauvette-Besnault въ B. d. C. H. III, p. 70: *ἐκ τῶν φυλοβασιλικῶν φυλοβασιλ.....* cfr. ibid. V, p. 63.

[4]) Meier въ Praef. zu Ross, Demen von Attika, p. VII; теперь въ C. I. A. III, 2: *ἱερεὺς Διὸς Γελέοντος Τίτος Κοπώνιος Μάξιμος.*

Такимъ образомъ мы видимъ, что государственныя обязанности, возложенныя на родовыя дѣленія, не исключая и храненія гражданскихъ списковъ фратріями (какъ мы подробнѣе уяснимъ дальше), ограничивались чисто-религіозными функціями, среди которыхъ самую видную составляли наслѣдственныя должности жрецовъ, притомъ главныхъ и коренныхъ боговъ *(θεοὶ πατρῷοι)* общины, сохраненныя за отдѣльными родами: поэтому послѣдніе изъ всѣхъ родовыхъ единицъ сохранили наиболѣе жизненной силы и еще разъ въ римскую императорскую эпоху, преимущественно въ вѣкъ Антониновъ выступаютъ на арену политической жизни и играютъ на ней видную роль, между тѣмъ какъ фратріи и филы уже съ этого времени вполнѣ изчезаютъ съ горизонта исторіи, хотя онѣ, конечно, въ тиши продолжали влачить жалкое существованіе, пока юное христіанство не положило и имъ конецъ, какъ и другимъ религіознымъ учрежденіямъ антично-языческаго міра. Времена Константиновской монархіи могутъ считаться крайнимъ предѣломъ существованія для семейно-религіозныхъ, какъ и для территоріально-политическихъ дѣленій аѳинскаго гражданства.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
2	20 сверху	согласится	согласиться
4	20 »	вящщей	вящшей
7	16 »	Аристогелю	Аристотелю
12	4 »	четырехсотъ	Четырехсотъ
14	8 »	упоминяется	упоминается
18	4 »	пріемникомъ	преемникомъ
20	10 »	привиллегій	привилегій
22	5 »	сущносн	сущности
35	6 снизу	выраженіе	выраженія
38	3 сверху	такаго	такого
		(и еще нѣсколько разъ въ семи первыхъ листахъ)	
38	3 снизу	ἐστίαι	ἑστίαι
40	7 сверху	расширенія	разширенія
42	27 »	расширеніи	разширеніи
64	11 снизу	конъектуру	коньектуру
71	19 »	латинское	латинское
75	9 сверху	изъ 28 именъ извѣстныхъ намъ симморій и 29 πύργοι одиннадцать названій	изъ 29 именъ извѣстныхъ намъ симморій и 28 πύργοι тринадцать названій
76	5 »	конъектурѣ	коньектурѣ
79	1 снизу	[3]	[1]
80	15 сверху	дорическее	дорическое
81	18 »	авторитетъ	авторитетъ
91	10 снизу	[4]	[1]
95	5 сверху	жизни	жизни
106	9 »	Гиппоѳоонтидской	Гиппоѳонтидской
108	22 снизу	Ἀθαναίας	Ἀθαναίας
108	2 »	родоссцами	родосцами
121	26 »	обшинъ	общинъ
122	24 сверху	имени	имени
131	7 »	τύκη	τύχη
132	5 »	рѣченію	реченію
132	21 »	(это сдѣлано нами въ другомъ мѣстѣ)	и пр. 2 *вычеркнуть*
136	1 »	архонство	архонтство
138	17 »	пріемству	преемству
144	7 »	не достойными	недостойными
145	12 »	избѣгаегъ	избѣгаетъ
153	9 »	времени	времени
154	1 »	великимъ	великимъ
157	16 »	собранія	собраній
159	25 снизу	часги	части
163	11 сверху	расшатанное	разшатанное
163	25 »	[1]	[2]
171	1 »	природы	природы
178	11 снизу	[5]	[3]

Стран.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Должно читать:*
190	12 снизу	ἐν	ἐκ
195	2 сверху	лишь	лишь
195	15 снизу	τῳ	τῷ
198	5 сверху	расширенномъ	разширенномъ
202	19 »	исчезла	изчезла
203	10 »	Гесіоду	Гезіоду
217	27 »	басилеевъ	базилеевъ
217	3 и 8 сн.	филобасилеевъ	филобазилеевъ
218	4 сверху	басилеи	базилеи
229	8 »	расчетъ	разсчетъ
237	22 »	если бъ	еслибъ
238	16 снизу	ἐγένουτο	ἐγένοντο
240	12 сверху	отсгаивавшимъ	отстаивавшимъ
248	11 »	филобасилеевъ	филобазилеевъ
250	23 »	басилеевъ	базилеевъ
254	18 »	басилеями	базилеями
273	20 »	то мы увидимъ	то увидимъ
283	18 »	филобасилеи	филобазилеи
283	23 »	филобасилеевъ	филобазилеевъ
294	14 снизу	τῃ	τῇ
301	6 сверху	какъ и	какъ
307	12 снизу	Здѣс	Здѣсь
314	9 сверху	3)	1)
322	6 »	расширились	разширились
324	19 »	вполнѣ	вполнѣ
327	12 снизу	Ἀθήνῃσιν	Ἀθήνησιν
332	12 сверху	Гадріанида	Адріанида
352	23 »	исчезнетъ	изчезнетъ
369	8 снизу	λογισάσθαι	λογίσασθαι
377	24 сверху	λαμπαδοδρομία	λαμπαδηδρομία
383	1 »	между какъ	между тѣмъ какъ
424	12 »	и чтобы	и рѣшено, чтобы

10.C.44.29a

2.H.294.8°

1Рь
29

ист.-
филол
18
1891